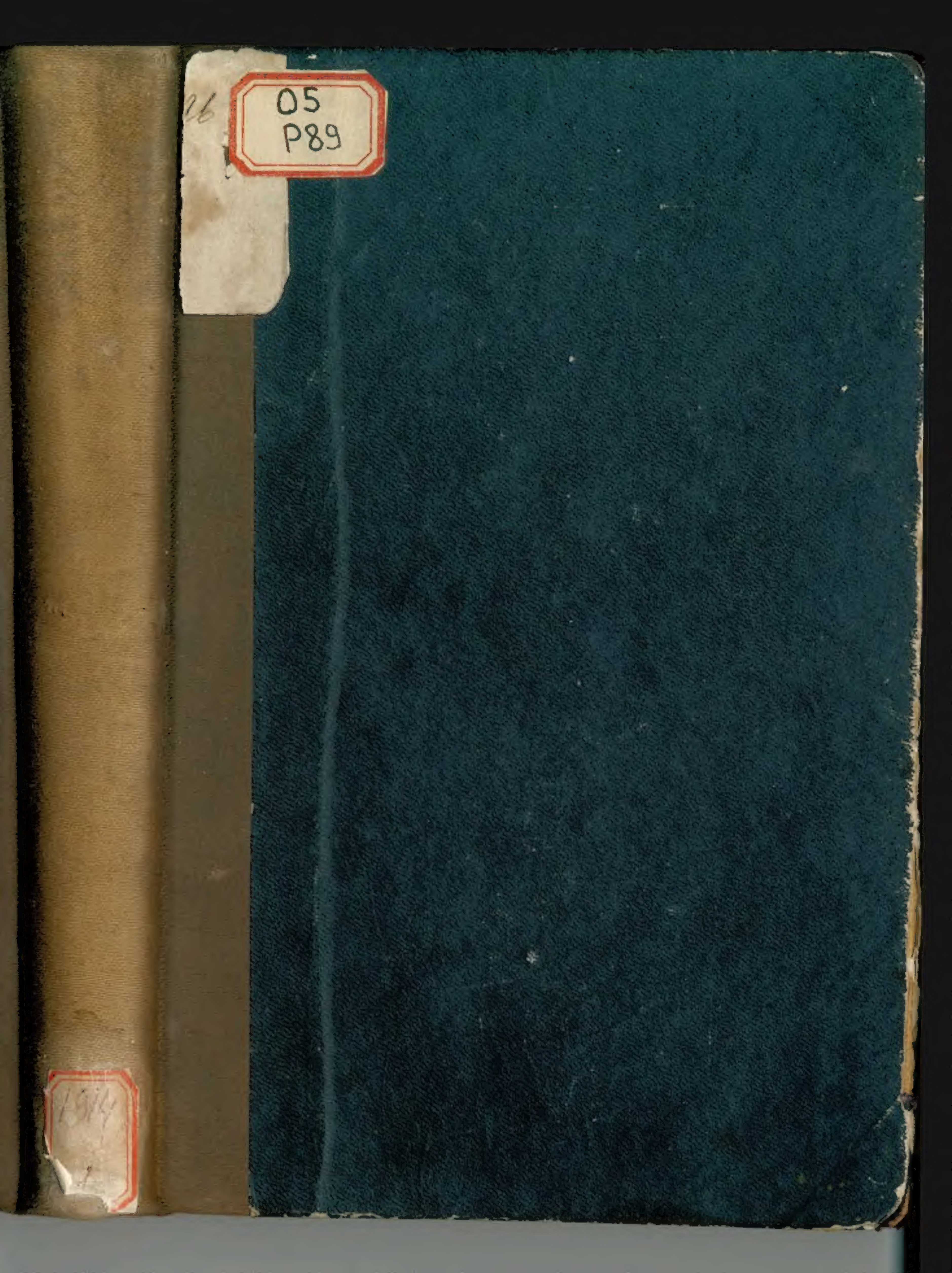

05
P89

родаевскій В., Браудо Е., Брюсовъ В. Я., Букшпанъ Я. М., Буланже П. А., Булаковъ С. Н., Бутягина А., Быковъ А. Н., Быстренинъ В. П., Вернадскій В. И., Вернадскій Г. В., Верховскій Ю., Викторовъ-Топоровъ Вл., Вильямсъ Г., Волжскій, Вѣтринскій Ч., Галонинъ М., Гарднеръ В., Гаршинъ Е. М., Геллеръ I., Гершензонъ М. О., Гешинъ Е. В., Гефдингъ В. Ф., Гиль Ренэ, Гиппіусъ З. Н., Гликсманъ Г., Грифцовъ Б. А., Губеръ П. К., Гуревичъ Л. Я., Давыдовъ Н. В., Дебогорій-Мокріевичъ Вл., Дегенъ Н., Делевскій Ю., Демчинскій Б., Дерманъ А., Долининъ А., Ивановъ Вячеславъ, Изгоевъ А. С., Закржевскій А. К., Зноско-Боровскій Е. А., Зѣлинскій Ѳ. Ф., Жирмунскій В. М., Ефименко Т., Егоровъ Д. Н., Каржанскій Н., Кауфманъ А. А., Кизеветтеръ А. А., Киселевъ Н. Н., Книжникъ И. С., Колтоновская Е. А., Кондратьевъ А., Корниловъ А. А., Корфъ С. А., баронъ, Котляревскій С. А., Крайній Антонъ, Кузминъ М. А., Кузнецовъ К., Кулишеръ I., де Ла-Бартъ Ф., Левинъ И. И., Левинъ И. О., Лещъ А., Луговой А., Лукашевичъ I., † Львова Н., Лѣтникъ А. Л., Лютеръ Артуръ, Маклаковъ В. А., Маръ Анна, † Миллеръ Всев., Могилянскій М. М., Моравская М., Морозовъ Н. А., Муралевичъ В. С., Недоброво Н. В., Никольскій Н. К., Нордовъ Н., Оболенскій В. А., кн., Обуховъ А. М., Одинцовъ М. В., Ольденбургъ С., Первухинъ М. К., Пиксановъ Н. К., Погодинъ А. Л., Покровскій П., Рапопортъ С., Ремизовъ А. М., Ростиславовъ А. А., Рудникова Н., Рунова О. П., Рыбниковъ Н., Рыкачевъ А. М., Рыссъ П., Рѣпницынъ П., Савинъ А. Н., Садовской Б., Свѣчинъ А. А., Слезкинъ Ю., Смитъ Р., Соколовъ В., Сологубъ Федоръ, Соловьева П., Степпунъ Ф., Струве П. Б., Сухотинъ П., Сѣрова В. С., Тверской П., Толмачева М. Л., Толмачевъ И., Тотоміанцъ В. Ѳ., Тыркова А. В., Трубецкой Евгеній Н., кн., Уваровъ М., Ферсманъ А., Фирсовъ (Рускинъ) Н. Н., Форшъ О., Франкъ С. Л., Френкель-Полтавцева Л. К., Чапыгинъ А., Чугаевъ Л. А., Чудовскій В., Шамбинаго С., Шапиръ Н., Шацкій Б., Шварцъ М., Шмидтъ В., Штильманъ Г. Н., Шумскій К., Щепетевъ А., Эйгесъ К. Р., Эйхенбаумъ Б., Эліасбергъ А., Эрбергъ К., Эфрусси П., Яроцкій А. И., Яснопольскій Л. Н., Яковлевичъ Я. и др.

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи . . .	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу . . .	17 „	12 „ 25 „	8 „ 50 „	4 „ 25 „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1 р. 25 к.**

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **С.-Петербургѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Нюстадская, д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петербургъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Стихотворенія С. Д. Дрожжина (1866—1888 гг.). Новое 3-е, исправленное и дополненное изд. Большой томъ въ 533 стр. съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ для наградъ и подарковъ—2 р.

Пѣсни стараго пахаря 1906-1912. Его же. Съ новымъ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ А. А. Коринфскаго. Ц. 1 р.

Демонъ. М. Лермонтова. Поэма. Иллюстриров. изданіе съ рисунками Врубеля, Васнецова, Полѣнова, Пастернака и Сѣрова. Ц. 50 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е, дополненное и пересмотрѣнное, изданіе ред. журн. „Русская Мысль". 410 стр. Ц. 2 р., въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ тисненіемъ—2 р. 50 к. Въ книгѣ собраны лучшія стихотворенія 94-хъ поэтовъ.

Вечернія пѣсни. Стихотворенія Г. Е. Нечаева. Ц. 1 р.

Разсказы Вл. Словцова. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки студенческой жизни. Вл. Курбскаго. (Изъ дневника бывшаго студента.) Ц. 1 р.

Очерки и разсказы. Н. Давыдова. Ц. 1 р.

Изъ царства праздности. С. Попова. (Барчуки.—Улька.—На первомъ курсѣ.—Студентъ 9-го семестра.—Весенняя гроза.—Бабы.) Ц. 1 р.

Очерки и разсказы. И. А. Данилина. (Шутка. Въ мастерской. Передъ праздникомъ. Зуда. Мечтатели. Выборы. Искра любви. Изъ записокъ чернорабочаго.) Ц. 1 р.

Въ мастерской. Его же. **Преступники.** П. Б. Хотымскаго. (Бытовые очерки.) Ц. 40 к.

Лялька. Вас. Ив. Немировича-Данченко. Ц. 60 к.

Драма за сценой. Его же. Ц. 1 р.

Угасающая Башкирія. Н. А. Крашенинникова. Разсказы изъ жизни Башкиріи. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.

Дѣти. Его же. Романъ въ 2 частяхъ. Ц. 1 р.

Мечты о жизни. Его же. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.

Барышни. Его же. Простая исторія жизни, романъ въ 4-хъ частяхъ. Изданіе „Московскаго книгоиздательства". Ц. 1 р. 25 к.

Изъ жизни духа. Ив. Новикова. Романъ. Ц. 1 р.

Разсказы изъ далекаго прошлаго. П. П. Суворова. Ц. 1 р.

Записки о прошломъ. Его же. Ц. 1 р.

Біографія А. И. Кошелева. Н. Колюпанова. 2 тома. Ц. 7 р.

Записки Дм. Ник. Свербеева (1799—1826 гг.). 2 тома. Ц. 4 р.

Въ дебряхъ Крыма. С. А. Качіони. Повѣсти и разсказы. Содержаніе. Отъ издателя.—Судъ моря.—Куртдедэ.—Паспортъ съ особой примѣтой.—На заоблачныхъ пастбищахъ.—Свадебный подарокъ.—Подруга звѣздъ. Большой изящно изданный томъ въ 609 стр. Ц. 2 р.

Наполеонъ I въ Россіи. 1812 г. В. В. Верещагина, художника. Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Его же. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

„Литераторъ". Его же. Повѣсть. Ц. 1 р.

Дѣтство и отрочество. Его же. Т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. Его же. Ц. 1 р.

На Сѣверной Двинѣ по деревяннымъ церквамъ. Его же. Ц. 1 р.

Листки изъ записной книжки. Его же. Ц. 1 р.

Въ Севастополѣ. Его же. Разсказъ. Ц. 40 к.

Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Его же. Шінты въ Карабахѣ. — Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи. — Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. Разсказы, съ рисунками автора. Ц. 60 к.

Пять пьесъ. С. Мамонтова. (Смерть Пушкина.—Въ сельцѣ Отрадномъ.—Цѣною крови.—Охота.) Ц. 1 р.

По бѣлу свѣту. Его же. (Африка.—Война.—Холера.—Турція и др.) Со многими рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) П. Д. Боборыкина. Ц. 1 р.

Очерки современной Италіи. М. Осоргина. Ц. 1 р. 50 к.

Италія. С. Меча. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Та третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко-музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ-побѣдитель. Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. М. Лаврова съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Изд. 3-е, удешевленное. Ц. 1 р.

Покрывало. Драма Ж. Роденбаха. Переводъ Эллиса. Ц. 50 к.

Цвѣты зла. Ш. Бодлэра. Перев. Эллиса. Со вступительн. статьей Т. Готье и предисловіемъ В. Брюсова. Ц. 2 р. 50 к.

Послѣдніе римляне. Т. Эске Хоинскаго. Истор. романъ изъ временъ Θеодосія Великаго. Перев. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Божественная комедія. Аллигіери Данте. Перев. съ итальянскаго размѣромъ подлинника (терцинами) П. Голованова. Съ рисун. Густава Доре, портр. Данте, многочисленными объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Данте проф. Θ. И. Буслаева, Карлейля и др. Текстъ перевода „Ада" и первыхъ девяти пѣсенъ „Чистилища" просмотрѣнъ проф. Θ. И. Буслаевымъ. Ч. I.—„Адъ". Изд. 2-е. Ц. 2 р. Ч. II.—„Чистилище". Ц. 1 р. 50 к. Ч. III.—„Рай". Ц. 1 р. 50 к. Всѣ три части въ одномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ—Ц. 6 р.

Иллюстрированное собраніе сочиненій Ф. Шиллера съ рисунк. нѣмецк. художниковъ и комментаріями по Шерру, Карьеру и др. Перев. Н. Голованова и др. Два большихъ тома. Цѣна за два тома въ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 8 р.

Трагедія о королѣ Ричардѣ II-мъ. Шекспира. Съ параллельными англійск. и русск. текстами. Переводъ Модеста Чайковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Катерина Сіенская. Модеста Чайковскаго. Мистерія въ 8 дѣйствіяхъ. Съ фототипическимъ изображеніемъ св. Катерины Сіенской. Ц. 1 р.

Легенды и повѣсти о святой Елисаветѣ Венгерской, ландграфинѣ Тюрингенской. Л. Бѣльскаго. Въ стихахъ. Съ 47 иллюстраціями. Иллюстраціи въ краскахъ работы Брукмана въ Мюнхенѣ. Ц. 2 р. 10 к., въ коленкоров. перепл. съ золот. тисненіемъ. 2 р. 85 к.

Донателло. Н. Горбова. (Очерки изъ исторіи искусства XV в.) Художественное изданіе, со 139 снимками его произведеній на отдѣльныхъ листахъ. Ц. 5 р.

Вѣкъ возрожденія. Историческія сцены графа Гобино. Перев. съ франц. Н. Горбова. Ц. 2 р. 25 к.

Предвидѣнія о воздѣйствіи прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль. Г. Уэльса. Ц. 1 р. 50 к.

Не выдержалъ. И. Полякова. (Повѣсть изъ быта фельдшеровъ.) Ц. 1 р. 15 к.

Книгоиздательство „Зеленая палочка". Вып. I. **Моя исповѣдь. „Обреченные".** (Историческій этюдъ.) **Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.** Ив. Наживина. Ц. 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к. Вып. II. **Философія Веданты.** Проф. М. Мюллера. Перев. съ англійск. И. Ф. Наживина. Ц. 40 к. Вып. III. **Красные маки.** Ив. Наживина. (Дневникъ мой за два года.) Ц. 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к. Вып. IV. **Шри Рамакришна Парамагамза, его жизнь и ученіе.** Проф. Макса Мюллера. Перев. съ англійск. И. Ф. Наживина. Ц. 50 к. Вып. V. **Бѣлые голуби принцессы Риты.** Ив. Наживина. (Религіозный театръ.) Ц. 1 р. Вып. VI. **Ессеи.** Анны Зусманъ. Религіозное теченіе въ Палестинѣ во времена Іисуса Христа. Ц. 15 к. Вып. VII. **Бэгаиты.** М. Булановскаго. Съ портретомъ Аббаса-Эффенди. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. I. Вальтера, проф. геологіи и палеонтологіи въ университ. въ Галле. Общедоступное введеніе и наставленіе къ производству наблюденій. Съ 102 рис. и 123 задачами. Переводъ А. К. Носкова. Изд. 2-е, подъ ред. А. А. Чернова и проф. Д. Н. Анучина. Ц. 70 к.

Основныя понятія современнаго естествознанія. Ф. Ауэрбаха. Перев. съ нѣмецк. А. Н. Дьякова. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Розанова. Книг-во „Фаросъ". Ц. 80 к.

Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества. Г. Винклера, проф. Берлинскаго университета. Перев. съ нѣмецк. А. Н. Певзнера, подъ ред. Н. М. Никольскаго. Книг-во „Фаросъ". Ц. 80 к.

Культура доисторическаго прошлаго. М. Гернеса, проф. Вѣнскаго университ. Ч. I. Каменный вѣкъ. Съ 42 рисунками въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. Книг-во „Фаросъ". Ц. 70 к.

Культура древняго востока въ картинахъ. Г. Гунгера и Г. Ламера. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. М. С. Сергѣева. Книг-во „Фаросъ". Ц. 1 р. 50 к.

„Природа", ежемѣсячный журналъ за 1912 и 1913 гг. Ц. полнаго года (12 книгъ) 5 р., отдѣльныя книжки по 50 к.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И СКЛАДЪ „ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ"

Н. А. ПОЛЯКОВА.

Спб., Вознесенскій, № 107, зданіе Н.-Александровскаго рынка А.

Удешевленно предлагаетъ слѣдующія книги:

Боборыкинъ. 12 т.—2 р. 50 к., въ перепл. 5 р.
Гамсунъ, Кнутъ. 18 т.—2 р. 50 к., въ пер. 4 р. 50 к.
Гаршинъ. 4 т.—1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 75 к.
Гауптманъ. 10 т.—1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 75 к.
Гейне. 16 т.—1 р., въ пер. 3 р. 50 к.
Гоголь. 12 т.—2 р. 50 к., въ пер. 4 р. 50 к
Гончаровъ. 12 т.—6 р. 50 к., въ пер. 9 р.
Горбуновъ. 4 т.—75 к., въ пер. 1 р. 75 к.
Грибоѣдовъ. 1 т.—50 к., въ пер. 75 к.
Григоровичъ. 12 т.—6 р., въ пер. 8 р. 50 к.
Данилевскій. 24 т.—3 р., въ пер. 6 р.
Достоевскій. 24 т.—15 р., въ пер. 19 р.
Екатерина. 1 т.—50 к., въ пер. 75 к
Жуковскій. 12 т.—1 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.
Ибсенъ. 18 т.—2 р. 50 к., въ пер. 4 р. 50 к.
Козловъ. 1 т.—50 к., въ пер. 75 к.
Кольцовъ. 1 т.—50 к., въ пер. 75 к.
Купринъ. 21 т.—3 р., въ пер. 5 р.
Лермонтовъ. 1 т., съ рис.—90 к., въ пер. 1 р. 40 к.
Ломоносовъ. 1 т.—50 к., въ пер. 75 к.
Лѣсковъ. 36 т.—3 р., въ пер. 6 р. 50 к.
Мей, Л. 8 т.—1 р., въ пер. 2 р.
М.-Печерскій. 22 т.—4 р., въ пер. 7 р.
Михайловъ-Шеллеръ. 50 т.—3 р., въ пер. 8 р.
Писемскій. 38 т.—4 р., въ пер. 7 р. 25 к.
Полежаевъ. 1 т.—50 к., въ пер. 75 к.
Помяловскій. 5 т.—1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
Салтыковъ-Щедринъ. 46 т.—5 р., въ пер. 9 р.
Станюковичъ. 40 т.—4 р., въ перепл. 9 р.
Толстой, А. 12 т.—3 р. 50 к., въ пер. 12 р.
Тургеневъ, И. С. 12 т.—9 р., въ пер. 12 р.
Уайльдъ. 8 т.—1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 50 к.
Успенскій. 28 т.—3 р., въ пер 5 р. 50 к.
Фетъ. 6 т.—1 р. 25 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Фонвизинъ. 1 т.—50 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Чеховъ. 12 т., 16 т. 903 г.—6 р., въ пер. 9 р., 12 т. 911 г.—3 р., въ пер. 4 р. 50 к. Оба года вмѣстѣ—8 р., въ пер. 12 р. 50 к.
Сенкевичъ. 7 т.—6 р. 25 к.
Баратынскій. 2 т.—75 к., въ пер. 1 р. 25 к.
Ганъ. 6 т.—1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
Гнѣдичъ. 10 т.—1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Грановскій. 6 т.—1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Давыдовъ, Д. 3 т.—1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
Державинъ. 4 т.—1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Вольтеръ. 11 кн.—1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
Дмитріевъ. 2 т.—60 к. въ пер. 1 р.
Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, 12 т., въ пер. 6 р.
Соловьевъ, Вс. (Романистъ). 10 т.—7 р.
Буссенаръ, Л. 40 т.—5 р.
Диккенсъ, Ч. 46 т.—7 р.
Дюма (Отецъ). Первые 40 т.—5 р. Вторые 44 т.—5 р. Оба года вмѣстѣ—9 р.
Жаколіо. 18 т.—3 р.
Каразинъ. 20 т., въ пер.—8 р.
Конанъ-Дойль. 20 т.—3 р. 50 к.
Куперъ. 36 т.—5 р.
Майнъ-Ридъ. 40 т. (съ альбомомъ)—7 р., въ пер. 11 р.
Маркъ, Твенъ. 28 т.—5 р., въ пер. 8 р.
Марріетъ, капитанъ. 24 т.—3 р 50 к., въ пер. 6 р.
Немировичъ-Данченко. 30 т.—7 р. 50 к.
Брикнеръ. Исторія Петра Великаго. 12 вып.—1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Вселенная и человѣчество. Кремеръ. 5 т. роскошное изд. въ пер., ц. 55 р., за 20 р.
Гельвальдъ. „Земля и ея народы". Въ перепл. 4 т.—8 р.
Реклю. „Человѣкъ и земля". 6 кн. въ пер.—2 р
Вальтеръ. „Земля до появленія человѣка". 5 кн. за 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
Рюминъ. „Чудеса техники". 6 кн.—1 р. 25 к.
Фламмаріонъ. „Атмосфера". 5 кн. 1 р.
Его же. „Популярная астрономія". 7 кн. 1 р. 25 к.
Пушкинъ. 1 т. съ рис. 1 р. 30 к., въ пер. 2 р.
Гоголь. 1 т. съ рис. 1 р 30 к., въ пер. 2 р.
Никитинъ. 1 т. безъ рис. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.
Некрасовъ. 2 т. безъ рис. 4 р. 50 к., въ пер. 6 р.
Надсонъ. 1 т. безъ рис. 1 р. 80 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Апухтинъ. 1 т. безъ рис. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р. 30 к.
Жукъ. „Мать и дитя". 2 р. 70 к., въ пер. 3 р. 35 к.
Малаховецъ, Елена. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ.—3 р. 60 к., въ пер. 4 р. 30 к.
Блохъ. Половая жизнь нашего времени. Вмѣсто 2 р. 50 к.—за 1 р. 25 к.
Форель. Половой вопросъ. 2 т. Вмѣсто 2 р. 50 к.—за 90 к.
Вейнингеръ. Полъ и характеръ. 1 т. Вмѣсто 2 р.—за 85 к.
Боккачіо. Декамеронъ. Съ рис. 1 р. 80 к., въ пер. 2 р. 40 к.
Бѣлинскій. 4 т.—2 р. 70 к.
Мопасанъ. Полное собраніе соч. 15 т. за 3 р.
Брэмъ. Жизнь животныхъ. 3 т. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", въ пер. 24 р.—за 14 р.
Ранке. Человѣкъ. 2 т.—ц. 14 р., за 6 р. въ пер.
Кернеръ. Жизнь растеній. 2 т., ц. 15 р.—за 7 р. 50 к.
Мейеръ. Міозданіе. 1 т., ц. 8 р. 50 к.—за 4 р. 50 к.
Большая энциклопедія Подъ ред. Южакова, изд. т-ва „Просвѣщеніе". 22 т. Вмѣсто 132 р.—за 45 р. въ роскошн. пер
Браунсъ. Царство минераловъ, ц. 30 р. 50 к., въ пер. 20 р. Изд. П. Девріена.
Ламперть. Атласъ бабочекъ и гусеницъ. Роскошн. изд. А. Девріена, съ многочисл. рис., ц. 16 р.—за 13 р.
Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. 3 т. въ роскошн. перепл.—14 р.
Полевой. Исторія русской словесности. 3 т. въ роск. пер.—13 р.
Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1812 года. Роскошн. изд. подъ ред. Божерянова: въ папкѣ, ц. 18 р.—за 10 р.

Всѣ вышеуказанныя книги высылаемъ налож. платежомъ немедленно по полученіи заказа, казеннымъ учрежденіямъ безъ наложен. платежа. Пересылка за счетъ заказчика, упаковка за счетъ магазина. Цѣна безъ пересылки.

Высылаю книги по всѣмъ рекламамъ и объявленіямъ по ихъ цѣнамъ и дешевле. Добросовѣстное исполненіе заказовъ быстрое и аккуратное. Интересы заказчиковъ строго соблюдаются, пополненіе и составленіе библіотекъ всякаго рода.

Вновь вышедшій каталогъ книгъ № XI болѣе 10,000 названій высылается безплатно по первому требованію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

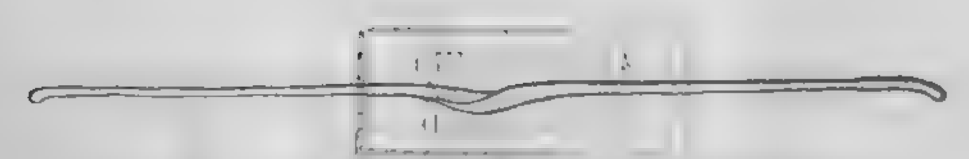
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

КНИГА I

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ отъ 10½ — 12 ч. и по пятницамъ отъ 1½—4½ ч.

Секретарь—по средамъ отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора

* * *

Болотистымъ, пустыннымъ лугомъ
Летимъ. Одни.
Вонъ, точно карты, полукругомъ
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картамъ ночи,
Гдѣ твой маякъ...
Еще смѣлѣй намъ хлынетъ въ очи
Неотвратимый мракъ.

Онъ моремъ ночи замкнутъ—дальный
Просторъ луговъ!
И запахъ горькій и печальный
Тумановъ и духовъ,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгій видъ,
И эхо надъ пустыней звонкой
Отъ цоканья копытъ—

Все говоритъ о безпредѣльномъ,
Все хочетъ намъ помочь,
Какъ этотъ міръ, летѣть безцѣльно
Въ сіяющую ночь!

Александръ Блокъ.

„НАКЛОННАЯ ЕЛЕНА“.

(Первая глава романа „Инженеръ Матіецъ“. [1])

I.

Молодой горный инженеръ Матіецъ, завѣдующій шахтой „Наклонная Елена“, рѣшилъ застрѣлиться въ воскресенье, 6 мая, въ 11 часовъ вечера, и рано утромъ въ субботу, подымаясь привычно по гудку, онъ старался какъ можно тверже прочертить въ сознаніи послѣдовательность того, что нужно сегодня сдѣлать... Прежде всего, непремѣнно обойти шахту,—это для того, чтобы въ послѣдній разъ оглядѣть спокойно то, что горячо проклято и отъ чего, наконецъ, уходишь совсѣмъ.

Этого можно было не дѣлать вчера, но сегодня необходимо нужно. Обходъ кончить полагалъ онъ раньше, чѣмъ всегда, нарядъ рабочихъ на завтрашній день поручить штейгеру Автоному Ивановичу, затѣмъ, съ вечернимъ поѣздомъ поѣхать въ Ростовъ, чтобы въ воскресенье утромъ отослать почтой восемьсотъ рублей, сбереженные отъ годового жалованья, матери въ Петербургъ.

Почему именно деньги эти нужно было отправить тамъ, въ Ростовѣ, а не здѣсь, въ поселкѣ Голопѣевкѣ, верстахъ въ двухъ отъ рудника,—это было не совсѣмъ ясно для него самого; просто, здѣсь были знающіе его почтовые чиновники, деньги же отправлялись не кому-нибудь постороннему, а матери, и не хотѣлось, чтобы объ этомъ подумали дурно и случайно или намѣренно прочитали текстъ перевода, хотя онъ ничего о себѣ не писалъ: думалъ послать отдѣльное письмо и матери, и сестрѣ Олѣ, бестужевкѣ.

---

1) Эта первая глава романа „Инженеръ Матіецъ“ представляетъ законченное цѣлое. Дальнѣйшія главы того же романа обѣщаны авторомъ *Русской Мысли*.

Ред

Изъ сна онъ выбился уже недѣли двѣ, и во время этихъ кошмарныхъ жуткихъ ночей, когда безостановочно все ходилось по комнатамъ, онъ все уже рѣшилъ, подвелъ итоги всему, и теперь похожъ былъ на отъѣзжающаго, уложившаго въ чемоданы рѣшительно все до послѣдняго куска мыла.

Домашнія мысли въ дорогу не годятся,—и появились въ немъ уже *тѣ*, другія мысли; начинало уже охватывать кольцо потусторонности, когда все кругомъ, всѣ еще вчерашніе интересы и тревоги вызывали только снисходительную улыбку мудрыхъ или сошедшихъ съ ума.

Можетъ быть, всякій человѣкъ рождается съ возможностью стать когда-нибудь самоубійцей, какъ на всякой ногѣ можно набить мозоль,—дайте только тѣсную обувь,—и кто знаетъ, осуждать ли, или привѣтствовать эту возможность.

Извѣстно, что люди умираютъ, какъ живутъ. Люди горячіе, полнокровные иногда за день до смерти не знаютъ еще, что убьютъ себя: зрѣютъ и рѣшаются сразу, какъ горячій купальщикъ,—еле скинулъ рубаху, ужъ бросился въ воду бычкомъ. Люди холодные долго сидятъ на берегу Леты, мочатъ голову и грудь, поглаживаютъ бедра, пробуютъ воду ногой; зато это именно они отталкиваютъ спасательные круги, не хотятъ принимать противоядій и срываютъ повязки со свѣжихъ ранъ.

Матіецъ не былъ ни холоденъ, ни горячъ,—онъ былъ только очень молодъ и одинокъ,—просто, не успѣла еще обмозолиться душа. Это былъ худощавый блондинъ лѣтъ двадцати четырехъ, съ высокой головой и нѣсколько близко къ носу посаженными, нѣсколько близорукими глазами, отчего у всего лица былъ немного наивный, прислушивающійся видъ. О немъ говорили, что ему повезло получить шахту прямо со школьной скамьи, но въ „Наклонной Еленѣ“ послѣднее лѣто онъ работалъ студентомъ-практикантомъ и зналъ ее, а тутъ случилось, что завѣдующій этой шахтой перевелся на Кавказъ, на марганецъ, и главный инженеръ Безотчетовъ взялъ Матійца на свою отвѣтственность: онъ ему нравился, какъ серьезный работникъ; онъ приходилъ на работу въ 6 утра вмѣстѣ съ шахтерами и уходилъ на дневную поверхность только къ обѣду, а тамъ машинное отдѣленіе, сортировочная, мастерскія,—хозяйство большое, сложное, и вездѣ нуженъ свой глазъ.

Было двѣ „Елены“ этой же бельгійской компаніи: „Вертикальная“, какъ болѣе старая, была оборудована лучше, а въ „Наклонной“, существующей всего пятый годъ, вводить новшества считали пока лишнимъ. Двухаршинный пластъ угля шелъ въ ней

съ перерывами: доходилъ до каменнаго перевала и задавалъ инженерамъ задачу, продолжается ли онъ за переваломъ? Бурили перевалъ, взрывали динамитомъ, находили за нимъ угольный хвостъ, который разбухалъ потомъ до двухъ аршинъ снова, и опять рылись въ немъ шахтеры: крѣпили своды сосновыми балками, прокладывали рельсы, отводили воду въ канавки (шахта была сильно мокрая), и къ прежней запутанной сѣти штрековъ прибавлялся новый съ боковыми печами. За недолгіе годы пробуравили этихъ штрековъ и квершлаговъ на тысячи саженъ. Иногда штреки соединялись совсѣмъ низенькими узенькими дырами, по которымъ можно было пробираться только „вплавь“, ползкомъ. Это было и трудно, и какъ-то мерзко, обидно для человѣка.

По узкимъ штрекамъ гулко мчались лошади и бензиновозы съ вагонами, потомъ по бремсбергамъ вагоны подымались наверхъ, и здѣсь чумазый мальчишка на черной доскѣ мѣломъ озабоченно велъ имъ счетъ. Если уголь попадался съ породой, то въ сортировочной, на движущихся сѣткахъ, цѣлый полкъ столь же чумазыхъ дѣвчонокъ-глейщицъ,—которыхъ шахтеры безулыбочно называли барышнями,—ловко отбиралъ глей, а чистый уголь по деревяннымъ эстокадамъ проворно катился и опрокидывался въ угольныя ямы. Имъ отчасти питались сосѣди—химическій и металлургическій заводы, но, конечно, несравненно большая часть его отправлялась по подъѣздной вѣткѣ на станцію.

Среди ветхозавѣтныхъ полей степныхъ дюжина дюжихъ горластыхъ трубъ, сложныя формы надшахтныхъ зданій, заводы, красное, очень тревожное днемъ пламя коксовыхъ печей, и все это въ густомъ зловѣщемъ по окраскѣ дыму—было такъ неожиданно для того, кто видѣлъ это впервые.

На заводы съ рудника уголь и коксъ безостановочно плыли въ вагончикахъ по воздушной электрической дорогѣ прямо надъ посѣвами пшеницы, и никакого соотвѣтствія не было между этой пшеницей, первобытнымъ образомъ посѣянной руками здѣшнихъ хохловъ, и вагончиками вверху; и человѣкъ съ игривой фантазіей могъ бы, подъѣзжая къ Голопѣевкѣ, вообразить, что здѣсь поставленъ хитроумнѣйшій капканъ для уловленія земного нутра, а нутро земное ужъ здорово защемлено, и отъ боли, а главное, отъ конфуза, звѣремъ реветъ черезъ высоченныя трубы.

На заводахъ и въ шахтахъ кругомъ было тысячъ семь рабочихъ, и это они годъ за годомъ заселяли поселокъ Голопѣевку. Сначала долго ходили осматривать и всячески измѣрять отдающійся въ аренду участокъ, потомъ рѣшительно устанавливали угловые столбы дома, натягивали крышу, нанимали бабъ смазы-

вать кое изъ чего сбитыя стѣны глиной съ навозомъ, а мѣсяца черезъ два справляли ужъ новоселье и звонко переругивались съ сосѣдями изъ-за цыплятъ, поросенка, котенка, собаки, помоевъ, ребятъ, бабьихъ сплетенъ. Такъ вырастали улицы, очень широкія, степныя, и на главной десятка два предпріимчивыхъ армянъ устроили бакалейные магазины, фруктовыя лавки, винные погреба; на одномъ углу появилась прекрасная вывѣска: „Бараночное и крендельное заведеніе Восходъ Ивана Пискунова“, на другомъ—„Готовое платье Перешивайлова“, потомъ акушерка Бабкина, сапожникъ Кислый, портной Желтобрюхъ, а кто не очень дорожилъ своимъ здоровьемъ, могъ достать здѣсь даже колбасы „собственной заготовки Мокроусова изъ Козлова“. Въ одномъ углу поселка, ближе къ заводамъ и кладбищу, разбитъ былъ чахлый общественный садъ съ деревяннымъ собраніемъ и открытой сценой, на которой подвизались иногда весьма захудалые людишки актерскаго званія, или шансонетки, или борцы, или труппа ученыхъ слоновъ, или какой-то „заѣзжій шутъ Капуциновъ“ оповѣщалъ о своемъ прибытіи сюда красной огромной афишей: „Прохожій, если даже ты съ дамой, остановись передъ сею рекламой!..“ Какой-то Кебабчіевъ устроилъ въ Голопѣевкѣ Hôtel Hermitage, и о томъ, что при этомъ отелѣ имѣется „роскошная ванная комната“, оповѣстилъ всѣ станціи въ окружности верстъ на двѣсти: до того хотѣлъ обрадовать какъ можно больше народу. А ванная, дѣйствительно, весьма не мѣшала въ Голопѣевкѣ, такъ какъ вѣчно дулъ вѣтеръ надъ степью и лѣтомъ вздымалъ тучи черной пыли по дорогамъ, а въ самомъ поселкѣ стояла густая гарь и копоть изъ трубъ. Рѣки здѣсь не было, а прудъ, устроенный въ балочкѣ заводами, ими же и загрязнялся до того, что даже привычные шахтеры, приходившіе сюда иногда погулять и постирать на свободѣ портянки, и тѣ долго крутили носами, выбирая мѣстечко посвѣжѣй.

Инженеры завели при лѣтнемъ саду свои комнаты, въ которыхъ скучно играли въ преферансъ и на билліардѣ. Большей частью все это былъ холостой народъ, а по духовнымъ качествамъ—дѣловой, оборотистый, скупой, малоразвитой и грубоватый. Когда ѣздили куда-нибудь по желѣзной дорогѣ, привозили съ собой иногда пачку пестрыхъ юмористическихъ журнальчиковъ,—этого и хватало на мѣсяцы; газетъ почти не читали, и крупныя новости, волновавшія города, узнавали иногда долго спустя, когда ужъ новостями ихъ никакъ нельзя было назвать; имѣли обвѣтренныя лица, чумазыя руки, ходили въ высокихъ сапогахъ, и манерами, и голосомъ, и привычкой очень долго,

очень крѣпко и очень продолжительно ругаться напоминали армейцевъ.

Молодость,—переходное, мечтательное, мягкое, странное время жизни,—у Матійца затянулась нѣсколько дольше, чѣмъ полагается инженеру, и отъ этого трудно было ему: она была здѣсь совсѣмъ не къ лицу, въ „Наклонной Еленѣ“.

Когда раньше пріѣзжалъ сюда на практику Матіецъ, онъ смотрѣлъ на это, какъ на необходимую студенческую работу, но жить здѣсь годы—это какъ-то не представлялось ему ясно. Власть надъ пятьюстами шахтеровъ,—это бремя такъ легко какъ будто несъ его предшественникъ, но для него, деликатнаго отъ природы, оказалось оно черезчуръ труднымъ. Онъ старался придать своему лицу какъ можно болѣе внушительный видъ: насупливалъ брови, нарочно запустилъ клочковатую бородку, говорилъ горломъ, чтобы выходило гуще, часто повторялъ: „Понялъ? Слышишь?... Ну, вотъ...“, и десятникамъ, пожилымъ, почтеннымъ людямъ, говорилъ „ты“. Иногда покрикивалъ на возражавшихъ: „Молчать! Ни слова!“ но при этомъ голосъ у него звучалъ рѣзко, непріятно, по-бабьи, и за этотъ голосъ, должно быть, какъ школьники мѣткіе на прозвища шахтеры прозвали его „свекрухой“, а за вѣчное ныряніе по шахтѣ—бурундукомъ (землеройкой).

Лѣтомъ съ ними было труднѣе, чѣмъ зимой; лѣтомъ уходили домой на поля казанскіе татары, нижегородцы, тамбовцы, пензенцы и здѣшніе хохлы, а оставались или приходили шатуны, всегубернскіе вольные бродяги, которые работали только до первой получки, потомъ уходили. Между шатунами попадались потомственные дворяне, сыновья генераловъ, былъ одинъ графъ, и еще одинъ, извѣстный подъ именемъ „Итальянскаго короля“: дѣйствительно, сказочно былъ похожъ на Виктора Эмануила, хорошо говорилъ на трехъ языкахъ, а кто онъ былъ раньше, чѣмъ получилъ подложный паспортъ на имя безграмотнаго крестьянина Севастьянова, трудно было узнать. Въ праздники послѣ получки шахтеры представляли пьяную буйную орду, съ вѣчными драками, увѣчьями, даже убійствами, и на здѣшнемъ кладбищѣ маляру Дряпачеву часто приходилось вырисовывать такія надписи: „Подъ симъ крестомъ покоетсR прахъ Семена Бѣлошапкена. Убитъ невинно рукой злодѣR 29 іюнR“ („я“ онъ писалъ какъ R).

Или такъ: „Незабвенный мученикъ, миръ твоему праху! Здѣсь покоется прахъ Павла Коренькова, скончавшагося на 23-мъ году своей жизни отъ злого сердца, злого умесла и безчеловѣчныхъ предателей. И вы прочтите, послѣдователи Іюды, да украсится

ваша совѣсть печатью Каина за пролитую кровь мою и горе матери моей“...

Иногда же, кто не могъ дать за столь трогательную надпись Дряпачеву, а поручалъ это кладбищенскому сторожу изъ солдатъ, Ѳомѣ Куклѣ, надписи на крестахъ получались короче, даже совсѣмъ краткія, такъ:

Нп
гу
Тюринъ Максимъ
А
У

Кто способенъ былъ вдуматься въ это, узнавалъ о покойномъ, что онъ былъ Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда.

Казармы для шахтеровъ были набиты биткомъ—по три, по четыре семьи въ одной комнатѣ, кое-какъ разгороженной ситцевыми занавѣсками, и три-четыре тупыя беременныя бабы поѣдомъ ѣли тамъ другъ друга, а безсчетные клопы по ночамъ ѣли безъ разбору всѣхъ. Спали на нарахъ. Такъ какъ казармы имѣли видъ деревянныхъ балагановъ, причемъ доски въ стѣнахъ пригнаны были кое-какъ, то зимою сквозь щели дуло. Заразныя болѣзни не выводились, и въ здѣшней рудничной больничкѣ было только два отдѣленія: для хирургическихъ и заразныхъ.

Платили рабочимъ ордерами, которые здѣшнія мелочныя лавчонки, торгующія всякой дрянью, больше же всего водкой, принимали за полцѣны.

Въ первое время Матіецъ писалъ матери:

...„Въ сущности это ужасно! Несчастнѣе этихъ людей я не могу себѣ представить. Они живутъ какъ-то, но просто въ силу человѣческой живучести... И я, какъ инженеръ, принужденъ ихъ давить, не считаться съ ними, какъ съ людьми, выжимать изъ нихъ соки... И если лично не дѣлаю этого,—все равно это дѣлаютъ помимо меня... Привыкнуть къ этому можно ли?...“

Онъ такъ и не привыкъ къ этому за годъ службы въ „Наклонной Еленѣ“, хотя не безъ удовольствія слушалъ иногда командирскій зыкъ своего штейгера, Автонома Иваныча, который былъ изъ казаковъ съ Дону, имѣлъ веселые яркіе разбойничьи глаза, черные смоляные густые волосы и усы кольцомъ, бурое лицо съ отеками, бравую походку, и зачѣмъ-то носилъ на рукахъ татуировку изъ якорей, змѣй, топоровъ, молотковъ, сердецъ, пронизанныхъ стрѣлами, и прочей чуши, „чтобы не подмѣнили“.

II.

Сложный узелъ причинъ, толкающихъ человѣка въ нездѣшнее,—какъ развязать другому? И если бы Матіецъ вздумалъ разсказать о томъ, изъ-за чего у него вышелъ разладъ съ жизнью, Автоному Иванычу, напримѣръ,—бравый штейгеръ просто счелъ бы его дуракомъ. Но вотъ что случилось послѣдовательно съ Матійцемъ съ января по май.

Въ январѣ былъ весьма непріятный разговоръ по службѣ съ главнымъ инженеромъ Безотчетовымъ,—разговоръ неизбѣжный, по существу дѣла. При прежнемъ завѣдующемъ „Наклонной Еленой“ пудъ угля обходился въ послѣднее время въ 5,3 копейки; при немъ же, хотя онъ и больше работалъ, поднялся до 6,4. Объ этомъ и раньше говорили, но, наконецъ, въ отвѣтъ на безпокойный запросъ дирекціи, Безотчетовъ пригласилъ Матійца поговорить рѣшительно.

Безотчетовъ былъ сухощекій, катарральнаго вида, вдоволь наглотавшійся угольной пыли, раздражительный, облѣзлый человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, не изъ особенно удачливыхъ въ жизни и теперь всячески сколачивающій капиталецъ, чтобы, наконецъ, отдохнуть. И когда заходилъ по дѣлу иногда къ нему Матіецъ, это былъ радушный хозяинъ, хотя и съ вѣчнымъ раздражающимъ кашлемъ, и съ откровенной зѣвотой, и съ долгимъ сидѣніемъ у камина, и съ газетной политикой; когда же онъ самъ навѣщалъ „Наклонную Елену“, онъ былъ наигранно строгъ, дѣлалъ частыя замѣчанія, тягуче начиная ихъ словами: „Послушайте,—никогда нельзя“... или: „Поймите же,—всегда нужно“... Озабоченно совалъ всюду сухое лицо и привычно ругалъ рабочихъ. Но такимъ еще не видѣлъ его Матіецъ: передъ нимъ сидѣлъ онъ, наклонивъ острую голову, постукивая не въ тактъ тощими пальцами по столу, поднявъ косякомъ брови, слова не цѣдилъ, какъ обыкновенно,—былъ коротокъ и точенъ,—и, главное, сдѣлалъ изъ своихъ, и безъ того маленькихъ, глазъ какія-то двѣ ярко-бѣлыя, уничтожающія точки.

— Отчего же,—говорилъ онъ,—на „Вертикальной“, вотъ... Кефелй, и кутила,—это всѣмъ извѣстно,—и мотъ откровенный, и бабникъ явный, когда все это успѣваетъ,—неизвѣстно, но у него 4,8, а у васъ 6,4,—это разница!... Тамъ, конечно, есть обстоятельства, и вамъ извѣстныя, и нами они учтены, но-о... при тѣхъ же обстоятельствахъ у васъ было бы отъ силы 5,6, а у него 4,8... Вотъ онъ получилъ премію, а вы нѣтъ. Онъ премію, а я за васъ нагоняй!

— Да, это нехорошо,—согласился Матіецъ.

— Хорошаго мало-съ... У васъ есть хорошее качество: вы—добросовѣстный, однако... въ конечномъ счетѣ это для компаніи вѣдь безразлично... вы понимаете?... разъ это даетъ такой результатъ.

Посмотрѣлъ на него долго и непріязненно и добавилъ:

— Наконецъ, вы вѣдь подводите и меня, а? Такъ какъ это благодаря мнѣ вы получили шахту, а теперь вами же мнѣ глаза колютъ... Пріятно?

Это было ужъ грубо.

— Тогда я оставлю шахту другому, болѣе способному,—покраснѣвъ, сказалъ Матіецъ все, что и могъ сказать.

— Особенной необходимости въ этомъ пока нѣтъ... Удвойте энергію.

— Куда же еще?... Я работаю семнадцать часовъ въ сутки, отупѣлъ, ничего не читаю... Въ десять вечера сваливаюсь, какъ камень, въ пять на ногахъ...

— Подберите хорошихъ десятниковъ... Сдайте артельщикамъ хотя бы всю работу, ужъ они не дадутъ маху... Требуйте строже.

Потомъ онъ началъ говорить объ экономіи: на крѣпленіи, на платѣ рабочимъ, на рельсахъ, на мазутѣ, на костыляхъ и еще на многомъ, даже на овсѣ лошадямъ, совѣтовалъ за кѣмъ-то прослѣдить, кого-то подтянуть, на кого-то не полагаться,—то, что слышалъ Матіецъ ужъ много разъ.

— Ибо что такое инженеръ въ шахтѣ? Прежде всего, коммерческій человѣкъ. И все ваше назначеніе только въ томъ, чтобы уголь въ добычѣ обходился какъ можно дешевле, а какими мѣрами вы этого добьетесь, это ужъ дѣло ваше, и компаніи не касается. Вотъ и все... Поняли?... что вамъ и нужно помнить.

Къ концу этой непріятной бесѣды Безотчетовъ подобрѣлъ, оставилъ его обѣдать; жена его, Марья Павловна, молодящаяся дама, которая, видимо, благоволила къ Матійцу, была теперь больше, чѣмъ всегда, по-женски внимательна и далека отъ всего противнаго, дѣлового; четыре канарейки безпечно заливались, двѣ моськи сыто урчали, заглядывая снизу въ его глаза, и даже Безотчетовъ, разсолодѣвъ отъ горячаго, прощаясь съ нимъ, рѣшилъ добродушно: „Ничего, Александръ Петровичъ, только нажмите педаль. И... не срамитесь“. Но непріятный осадокъ отъ этого разговора,—своя непригодность,—плотно засѣлъ уже въ душѣ и много занялъ тамъ мѣста.

Въ февралѣ цѣна пуда спустилась было до 5,9, но въ мартѣ опять поднялась до 6,3, и опять забезпокоился Безотчетовъ.

Въ апрѣлѣ въ первой половинѣ пришлась Пасха, когда дней 7—8 не работали въ шахтахъ,—шли ремонты, которыми вѣдали подрядчики,—и можно было нѣсколько отдохнуть отъ ненавистнаго рудника. Караимъ Кефели направился въ Крымъ навѣстить свои виноградники, Матіецъ же поѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, жила теперь у отца Лиля, курсистка, которую онъ скромно издалека любилъ.

Встрѣтились случайно въ Москвѣ года два назадъ на совсѣмъ плохой картинной выставкѣ, гдѣ оказалось ихъ только двое въ совершенно пустыхъ залахъ. Поразило, что она, какъ королева: высокая, съ корзиной пепельныхъ волосъ, съ лицомъ тонкимъ, бѣлымъ, сѣвернымъ, зябко ушедшимъ въ мѣховое боа, нарядно одѣтая, даже странно было, зачѣмъ она здѣсь? Точно сказка. И еще больше поразило, что она обратилась къ нему первая, когда они близко стояли: „Ну, а вы... нашли хоть одинъ сносный номеръ?“ Голосъ грудной и досадливая складка на лбу. Взволнованный, удивленно-радостный, онъ повелъ ее смотрѣть отмѣченный имъ свѣжій этюдъ. Поговорили немного о живописи, которую любилъ Матіецъ, и она простилась, плавно кивнула головой, и плавно ушла, а когда ушла, сразу же стало нечего смотрѣть въ этихъ скучныхъ залахъ, и, выйдя слѣдомъ за нею, онъ видѣлъ и слышалъ, какъ шла она вдоль длиннаго ряда извозчиковъ, высокая, легкая и бросала имъ на ходу: „Пречистенка,—двугривенный... Пречистенка,— двугривенный... Пречистенка,— двугривенный“... Замѣтилъ удивленно, что только пятый задергалъ было вожжами, и только седьмой, бородатый, рыжій, въ серебрѣ инея повернулся и отстегнулъ полость.

И такъ пусто стало, когда она умчалась, и такъ просторно, какъ будто не Москва была кругомъ, а чистое поле, и такъ досадно, такъ неслыханно жалко стало, что вотъ уѣхала навсегда, а онъ даже не спросилъ, не сумѣлъ спросить, кто она, гдѣ живетъ. И все Рождество было тоскливо.

Но къ веснѣ они нечаянно встрѣтились въ Петербургѣ, въ театрѣ, и потомъ стали встрѣчаться намѣренно. Ничего не было сказано такого, что по особенному волнуетъ: были, какъ товарищи, говорили о студенческомъ. Онъ понималъ, конечно, что не онъ же одинъ открылъ ее, и все боялся оказаться смѣшнымъ.

Когда уѣхалъ онъ въ Голопѣевку, писалъ ей, стараясь, чтобы письма выходили занимательныя, не навязчивыя, не глупыя, и въ отвѣтъ получалъ надушенные листки, исписанные энергичнымъ по-мужски почеркомъ. Въ этихъ письмахъ, по исконному обычаю всѣхъ русскихъ дѣвушекъ, категорически рѣшались все-

возможные вопросы, въ каждомъ письмѣ новый, и, казалось бы, ей все равно, кому писать, лишь бы рѣшить тотъ или иной вопросъ на листкѣ непремѣнно надушенной почтовой бумаги, но Матійца всякое письмо ея наталкивало на множество мыслей и волновало долго.

Вмѣсто подписи ставила она почему-то одну букву „Э",—такъ ей нравилось съ буквы „Э" начинать свое имя Елизавета,—и непремѣнно запечатывала большіе узкіе конверты фамильной печатью по сѣрому сургучу.

Неизмѣнность привычекъ и мужской крупный почеркъ тоже нравились Матійцу. Но у нея и лицо было красиво-спокойное въ линіяхъ: оно боялось улыбокъ; дѣйствительно, улыбки дѣлали его обыденнѣе, мельче.

И это спокойствіе единственно дорогого лица, здѣсь, среди вѣчныхъ гудковъ, свистковъ и рева трубъ надъ землею, грохота бензиновозовъ и лошадей съ вагонами въ землѣ, стало казаться понятнымъ, больше того—необходимымъ даже. Она точно тихій монастырь въ себѣ носила съ очень нѣжными, очень тонкими, очень хрупкими стѣнами, сводами, куполами, и его даже улыбкой тревожить было нельзя. Отсюда это такъ ясно видно было, такъ нужно было именно это представить, потому что жила въ душѣ настоятельная потребность въ нѣжной тишинѣ, и куда же еще было стремиться отъ вѣчной рудничной грязи, отъ ѣдкой рабочей ругани, отъ тысячи ненужныхъ душѣ заботъ, какъ не въ тихую чистоту?

Въ послѣднемъ письмѣ, передъ Пасхой, Лиля сообщала, что Пасху проведетъ въ Воронежѣ, у родныхъ, и случайно или намѣренно дала свой адресъ тамъ: Старомосковская, свой домъ. Матіецъ понялъ это такъ: намѣренно, и поѣхалъ въ Воронежъ.

Была хорошая весна: звучная, полноводная, пушисто-зеленая, бодрая, парная, выпирающая изо всѣхъ швовъ земли и неба... или это только казалось такъ. Когда входили въ вагонъ на станціяхъ разные степные люди, всѣ они были ужъ до тепла загорѣлы, голосисты, ясноглазы, и даже отъ ихъ высокихъ калошъ, заляпанныхъ по уши грязью, вѣяло дѣловымъ строительствомъ земнымъ, непреклонностью, рѣшимостью въ борьбѣ и всевозможными лихими „чортъ возьми", и шапки у всѣхъ были неистово набекрень. Тогда и въ немъ самомъ легко и просто рѣшалось, въ какой изъ восьми комнатъ его домика на рудникѣ должно стоять Лилино піанино.

Домъ на Старомосковской онъ нашелъ: деревянный, когда-то крашеный въ лиловое, теперь сѣрый, широкій по фасаду, съ рѣз-

ными окнами. Дворникъ или кучеръ поднялся навстрѣчу отъ воротъ, важный, старый, совсѣмъ какъ апостолъ Петръ.

— Экая фигура!... Тебя не Петромъ ли зовутъ?—улыбаясь, спросилъ Матіецъ.

— Нѣтъ... Терентій...

Подтянулъ плисовые шаровары, одернулъ красную рубаху. А о барышнѣ сказалъ: „Доложу пойду"... Пока же провелъ его на антресоли.

За широкимъ дворомъ замѣтилъ Матіецъ стародворянское: липовый садъ, площадку для лаунъ-тенниса, нѣгую борзую надъ припавшимъ къ землѣ хитрѣйшимъ сѣрымъ котомъ, и подтыканная баба, расположившись на скамейкѣ подъ пихтой, сурово чистила суконкой канделябры, а на нее сверху сыпалась старая хвоя.

Матіецъ догадался, почему привелъ его Терентій на антресоли: страстная пятница, уборка, въ комнатахъ кавардакъ, должно быть, и ждалъ онъ Лилю съ такимъ волненіемъ, что даже руки похолодѣли.

Онъ представлялъ уже столько разъ это свиданіе раньше: выходитъ навстрѣчу Лиля съ корзиной волосъ своихъ и яснымъ взглядомъ и вскрикиваетъ: „Вы? Вотъ какъ! Какими судьбами?..." Но она вошла гладко причесанная, съ заплетенными косами, отчего голова показалась неестественно маленькой, платье на ней было простое, домашнее, перехваченное кожанымъ поясомъ, и первое, что она сказала, было:

— Фу, какой у васъ гнусный галстукъ!

При этомъ она даже плечами пожала и покраснѣла оскорбленно, и гримаса почти физической боли показалась на лицѣ, и глаза стали злые.

Матіецъ растерянно прикрылъ галстукъ рукою, сразу почувствовавъ, что онъ, дѣйствительно, гнусенъ, хотя былъ это обыкновенный сѣренькій галстукъ бантикомъ.

Потомъ какъ-то совсѣмъ не могъ наладиться разговоръ: ясно было, что явился Матіецъ не во̀-время. Тонкіе пальцы Лили были въ розовой краскѣ; сидѣла она, какъ на иголкахъ, отвѣчала невпопадъ; часто подходила къ окну,—перебирала цвѣты въ банкахъ, или къ роялю,—перелистывала ненужно ноты. Не скрывая, ждала нетерпѣливо, когда же онъ уйдетъ, наконецъ.

Уходя, онъ спросилъ, можно ли ему прійти на Пасху.

— Ну, конечно, приходите!... На второй день... или, лучше, на третій!...

И такъ радостно прощалась съ нимъ, что онъ рѣшилъ было

тутъ же ѣхать къ матери и сестрѣ въ Петербургъ. Но то, что лелѣялось въ долгіе зимніе мѣсяцы, не могло такъ сразу разлетѣться весной, и Матіецъ три дня сидѣлъ въ номерѣ гостиницы, по непривычкѣ къ такому огромному количеству свободнаго времени совершенно измучился, исходилъ вдоль и поперекъ городъ, избѣгая только вокзала, чтобы не бѣжать внезапно и малодушно, а когда на третій день собрался итти (въ новомъ уже галстукѣ,—бѣломъ), такъ долго волновался, что не спросилъ точно: когда именно прійти? во сколько часовъ?

И, какъ и въ первый разъ, такъ и теперь, принаряженный и съ намасленной сѣрой головой Терентій (теперь потерявшій всякое сходство съ Петромъ и вообще съ кѣмъ-либо изъ святыхъ), сильно выпившій и съ завороченно-красными вѣками, какъ у большихъ старыхъ договъ, покачнувшись, сказалъ ему: „Христосъ вокресе!“ и, предупрежденный, должно быть, Лилей, провелъ его опять на антресоли. Но, проходя по двору, Матіецъ не могъ не замѣтить ея въ саду, гдѣ было многолюдно, весело, играли въ лаунъ-теннисъ подъ липами и среди бѣлыхъ платьевъ и черныхъ сюртуковъ очень ярко (день былъ солнечный) блестѣлъ круглый эполетъ на кирасирскомъ мундирѣ.

Матіецъ зналъ, что у Лили здѣсь отецъ, мать, братья, и только теперь понялъ, что она даже не хочетъ и знакомить ихъ съ нимъ, что для нея онъ просто „одинъ знакомый студентъ“, не больше, чѣмъ бы самъ онъ ее ни считалъ.

Она вбѣжала къ нему, праздничная, возбужденная игрой, и не успѣла еще поздороваться, какъ ужъ засмѣялась:

— А знаете, вы совсѣмъ одичали въ своемъ рудникѣ!... И бородка эта... извините меня,—она у васъ очень смѣшная... очень... ха-ха-ха... очень!

Потомъ она спросила его, надолго ли онъ пріѣхалъ въ Воронежъ и зачѣмъ,—что здѣсь дѣлаетъ? Совершенно растерявшись, онъ пробормоталъ о какихъ-то дѣлахъ по отправкѣ угля, добавилъ зачѣмъ-то, что инженеръ долженъ быть человѣкомъ коммерческимъ, и поспѣшилъ проститься.

Въ тотъ же день онъ, конечно, уѣхалъ, и не въ Петербургъ, куда было и поздно, и незачѣмъ, а въ Голопѣевку, въ свой домикъ, изъ восьми комнатъ котораго ни въ одной нельзя было никогда ужъ поставить Лилино піанино,—въ свой домикъ, гдѣ хозяйничала престарѣлая шахтерская вдовица Домнушка, которая иногда запивала, и тогда прислуживала ея племянница, дѣвчонка-глейщица, а сама она каталась на полу въ кухнѣ и плакала, тихо и горько.

Въ любви нераздѣленной есть зародышъ ненависти къ самому себѣ; въ одиночествѣ изъ него вырастаетъ отвращеніе къ себѣ, иногда нестерпимое. Такъ было съ Матіѣцемъ.

Наконецъ, вскорѣ послѣ Пасхи въ „Наклонной Еленѣ“ случилось первое за его время несчастье: въ неосмотрѣнной какъ слѣдуетъ печи засыпало отвалившимся углемъ и породой двухъ шахтеровъ: Ивана Очкура и Семена Сироткина.

Быть можетъ, не такъ бы тяжело было это, если бы Матіецъ не зналъ ихъ раньше: среди нѣсколькихъ сотъ человѣкъ это было бы вполнѣ возможно; но Очкуръ и Сироткинъ хорошо были извѣстны ему,—смирные, степенные, семейные,—и даже заглушенные голоса ихъ, каждаго въ отдѣльности, узнавалъ Матіецъ, когда въ первое время послѣ обвала изъ забоя кричали они,—бородатые, пожилые оба, а какъ маленькіе:

— Голубчики, э-эй! Братцы... э-эй! Христа ради!

Несчастье замѣтили сразу, и Матіецъ и Автономъ Иванычъ примчались во-время на вагонѣ бензиновозки, и нѣсколько человѣкъ шахтеровъ сбѣжались съ кирками, а откапывать ихъ все-таки было нельзя: потрескивало и сыпалось дальше, ближе къ штреку, и еще могло бы кого-нибудь засыпать, увеличить несчастье.

— Сейчасъ, сейчасъ! Копаемъ! Спасемъ, потерпите!—кричали имъ, но это была только ложь отъ безсилія: часто и безтолково стучали въ стѣны печи подальше отъ обвала, гдѣ безопаснѣе, чтобы только слышали святые рабочіе стуки Сироткинъ и Очкуръ и умирали съ надеждой.

— Попробуемъ! Давайте попробуемъ! — тоскливо убѣждалъ Автонома Иваныча Матіецъ, хватаясь за него руками.

— Что вы, Господь съ вами!—отзывался Автономъ Иванычъ.— Мало вамъ двоихъ?

А погребеннымъ заживо кричалъ:

— Эй, потерпи, братцы!... Чуть-чуть осталось!... Сейчасъ!

И этимъ, около:

— А ну наддай!... Эхъ, постарайся!... Дюжѣй!

Стучали въ безопасныя стѣны съ новой силой, а ужъ слышно стало, что тамъ загрохотало глухо послѣднее, что надъ ними висѣло, и обвалилось сплошь, и ужъ не крики оттуда, а только стоны, по которымъ нельзя ужъ было различить, гдѣ Сироткинъ, гдѣ Очкуръ.

Матіецъ жутко представилъ, какъ трещатъ и ломаются ихъ ребра и какъ оба ужъ поняли, что имъ не спастись, что это пришла ихъ смерть и стоитъ, и святые рабочіе стуки ихъ не

вырвутъ... Вотъ они застонали тише... вотъ еще тише... вотъ ужъ чуть слышно, какъ вздохъ... А потомъ тѣ, что стучали здѣсь, остановились, и одинъ спросилъ тихо:

— Стало быть, кончились... господинъ штейгеръ?

Автономъ Иванычъ медленно снялъ фуражку, перекрестился, сказалъ твердо: царство небесное! и тыльной частью руки старательно вытеръ потъ со лба, а десятнику Гуменюку приказалъ:

— Плотниковъ... Лѣсу... Живо!

Тутъ же закрѣпили печь, гдѣ было можно, и стали откапывать; тянулось это часовъ восемь, и во все это время Матіецъ не выходилъ изъ шахты, и все коробило, что и отсюда, какъ изъ другихъ печей, чтобы не пропадала работа, подъѣзжая шумно, заберутъ коногоны уголь и отвезутъ на плиту, къ сдачѣ, какъ будто это былъ такой же безотвѣтный, рядовой, ежедневный уголь, и какъ будто его тоже можно мѣрять и считать вагонами и пудами...

Откопанныя, наконецъ, раздавленныя тѣла ихъ освѣтилъ было лампочкой Матіецъ, но отъ острой жути не могъ смотрѣть, а потомъ, когда вывезли ихъ наверхъ, и двѣ новыхъ шахтерскихъ вдовы,—одна скуластая, черноглазая, съ грубыми руками, другая желтая, съ птичьимъ лицомъ, беременная, прибѣжавъ, запыхавшись, изъ казармы, упали обѣ на страшныя тѣла ничкомъ,—не только Матіецъ, даже урядникъ, похожій на станціоннаго жандарма по спокойствію, и тотъ не могъ вынести ихъ надрывного воя.

Это было подъ широкимъ навѣсомъ, гдѣ хранился отъ дождя цементъ въ безчисленныхъ бочонкахъ, и около было вязко и бѣло наслѣжено; но когда урядникъ рѣшилъ, что бабы поплакали довольно и что бабьи вопли—занятіе домашнее, а на рудникѣ имъ совсѣмъ не мѣсто, и началъ отрывать отъ трупа беременную Сироткину,—другая грубыми подсученными руками вдругъ выдернула у него изъ ноженъ шашку, быстро уткнула эфесомъ въ землю и, изступленная, уперлась въ нее животомъ. Такъ, бываетъ, во время сильной зубной боли рѣжутъ и колютъ десну, чтобы новой болью заглушить прежнюю. Шашка оказалась очень тупа, и толпа около помѣшала бабѣ,—остріе прошло вскользь по мягкому животу, но рана всетаки была широка и кровава. И отчетливо, рѣзко осталось въ памяти, какъ сидѣла баба на землѣ, зажимая рану обрызганной голой до локтя рукой, дрожала, глухо визжа, и блуждала по всѣмъ мокрыми темными глазами; какъ урядникъ, испуганный, держа шашку въ рукахъ, повторялъ тупо: „Вотъ дура! Зачѣмъ она это?“ и у него, Матійца, искалъ сочув-

ствія озадаченнымъ взглядомъ; какъ Сиротина,—хоть бы обернулась,—самозабвенно причитала, все лежа ничкомъ; какъ кочегаръ изъ машиннаго отдѣленія, весь черный, только глаза красные, развертывалъ свой грязнѣйшій платокъ, должно быть, для перевязки, а сзади мямлилъ кто-то косноязычно: „Какъ же, посуди, осталась сама-пята... Вотъ эта, зарѣзавшая"... И дождь хлесталъ.

Ее отправили въ больницу; покойниковъ схоронили; сиротамъ отдалъ свое мѣсячное жалованье Матіецъ. Потомъ началось слѣдствіе, и ужъ Кефели заранѣе поздравилъ Матійца съ мѣсяцемъ тюрьмы за небрежность; но онъ осудилъ себя раньше суда.

Куда-то пропали дни, и потянулись почти сплошныя ночи. Въ эти ночи онъ долго не могъ заснуть: онъ зажигалъ свѣчу (лампу зажигать представлялось излишне длиннымъ), ходилъ по комнатамъ, не уставая, часами, и не думалъ даже, а только видѣлъ, слушалъ, ощущалъ всего себя, потому что раздвоился какъ-то; слушалъ себя, но какъ будто и не себя, а своего врага, который ненавидитъ безпощадно, врага, но въ то же время и единственнаго друга, который не лжетъ ни въ единомъ словѣ самому тебѣ о тебѣ самомъ, поэтому не слушать его нельзя. И иногда подолгу глядѣлъ онъ на себя въ зеркало, какъ на чужого, пристально всматриваясь въ глаза, теперь впалые и больные, въ завитки негустыхъ, мягкихъ волосъ, въ дѣтскія почти еще губы,—и появилась привычка вслухъ говорить тому, кого онъ видѣлъ: „Ну, что, Саша? Плохи твои дѣла... Дрянь ты"... Но это было минутное; вслѣдъ за этимъ являлась вдругъ странная гордость отъ сознанія, что мѣра всѣхъ вещей въ мірѣ всетаки онъ самъ и что это не жизнью вытѣсняется онъ, а жизнь до самыхъ глубинъ своихъ осуждена имъ.

Эта жизнь вся до конца представлялась ясной, при всей запутанности своей—очень простой, нелѣпой по своей сущности, и казалось, что нѣтъ такого вопроса въ ней, котораго нельзя было бы рѣшить сразу, однимъ нажимомъ мысли, потому что разрѣшающее все въ жизни было ужъ окончательно найдено: смерть.

III.

За послѣдніе дни потерялась куда-то молодая четкость движеній. Матіецъ долго одѣвался, подпявшись, а когда одѣлся, то вспомнилъ, что одѣлся не для шахты. Раздѣлся опять, напялилъ грязную грубую синюю рубаху, высокіе тяжелые, смазанные дег-

темъ, шахтерскіе сапоги. Когда самоваръ внесла дѣвчонка-глейщица, долго пилъ чай, все забывая, какъ это дѣлалось обыкновенно, и когда вышелъ, наконецъ, наружу, шелъ уже девятый часъ. Сѣялся такой же, какъ вчера, дождикъ мелкій; лужи отъ угля кругомъ были, какъ чернила.

Въ конторѣ, куда зашелъ онъ за лампочкой, ждалъ его недавно уволенный за пьянство камеронщикъ: пришелъ проситься снова на водокачку. Теперь онъ былъ трезвъ, только синь, сморщенъ и жалокъ; стоялъ и трясся, и еле можно было разобрать, что бубнилъ онъ что-то о женѣ и дѣтяхъ, и глаза у него были умоляющіе и сильно воспаленные, какъ у всѣхъ на рудникѣ... А Матійцу было ужъ все равно.

— Ну, иди себѣ,—сказалъ ему спокойно.

Камеронщикъ понялъ это такъ, какъ хотѣлось ему понять всей душой: „Иди къ своимъ помпамъ, выкачивай воду, какъ раньше выкачивалъ: ничего съ тобой не случилось“.

— Покорнѣйше благодарю! — даже чуть покраснѣлъ отъ счастья.—Мнѣ къ господину штейгерю явиться пойти?

Матіецъ, занятый своимъ, только отмахнулся отъ него рукой и добавилъ: „Иди!“,—даже не поглядѣлъ на него, но камеронщикъ еще разъ поклонился низко и пошелъ, радостно стуча по каменнымъ плитамъ принятыми сапогами.

А кладовщикъ, сухой старикашка, подавая лампочку Матійцу, посмотрѣлъ на него независимо, потому что онъ единственный на шахтѣ ни въ чемъ отъ него не зависѣлъ: хранилъ инвентарь бельгійской компаніи и только главной конторѣ и былъ подчиненъ.

Принимая лампочку, Матіецъ подумалъ:

„Онъ и не догадывается, что завтра въ полночь меня ужъ не будетъ на свѣтѣ“.

И такъ однообразно думалось при взглядѣ на всѣхъ, кто попадался на дворѣ шахты. А тутъ еще котлы сбивали, и желѣзо страшно лязгало, паровозъ на скупо блестящихъ рельсахъ пыхтѣлъ отчаянно, вездѣ мокрыя груды угля,—итогъ каторжной работы въ землѣ, дымъ и гарь кругомъ, вверху—остовы трубъ и каперъ „зданія“ на „Вертикальной Еленѣ“, какъ висѣлицы... Очень хотѣлось сейчасъ же закрыть и глаза, и уши, сѣсть плотно въ тишину и темь. Въ головѣ шумѣло и сверлило отъ безсонницы, и какъ-то явно болѣло сердце, не толчками, а сплошь.

Автономъ Иванычъ встрѣтился у самаго спуска въ шахту въ своей засаленной драпой тужуркѣ съ кантами и грязной фуражкѣ. Поздоровался издали и крикнулъ:

— А я пойду на литербу́!

Въ „Наклонной Еленѣ“ былъ уклонъ, когда-то раньше обозначенный: „Литера Б“. Шахтеры звали его „литербо́ю“, и вотъ почему-то теперь, съ недѣлю ужъ, это было любимое у Автонома Иваныча: литерба́, литербѣ́, литербо́й. Глядя на его веселое лицо съ отеками, Матіецъ прошепталъ брезгливо:

— Какой дуракъ!

Когда входилъ въ шахту по грязному скользкому узкому спуску, крыса шмыгнула изъ-подъ ногъ; здѣсь, въ шахтѣ, ихъ было много: питались объѣдками, плодились въ конюшнѣ. Прежде у Матійца были счастливые дни и несчастные, какъ у всякаго, кто каждый день рискуетъ жизнью. Онъ не любилъ, когда попадались подъ ноги крысы, но теперь что же могло случиться? Прежде всю жизнь щемило что-то: что-то могло прійти откуда-то непрошенное, прійти и случиться; а теперь что же еще могло прійти?

Вспомнилось, читалъ въ газетѣ, какъ одинъ самоубійца отравился только затѣмъ, чтобы узнать, есть ли загробная жизнь.

„Этотъ экспериментаторъ былъ студентъ, кажется, естествовѣдъ“, подумалъ Матіецъ и улыбнулся, но тутъ же ясно припомнилъ, что это былъ просто какой-то штабсъ-капитанъ въ отставкѣ.

По скользкому спуску, перекрытому деревянными перекладинами, ноги ступали нетвердо. У надоѣвшихъ стѣнъ изъ угля былъ ощутительно живой, самодовольно-глупый какой-то, жирный блескъ. Привычно искалъ глазъ гнилыхъ подпорокъ и балокъ крѣпленія, а разсудокъ былъ уже насмѣшливъ и далекъ: чортъ съ ними. „Нехорошо, что человѣка хоронятъ“,—такъ думалось, потому что душной угольной землею пахло и сыростью; но думалось это спокойно. Раскачивалъ лампочку и соображалъ, во сколько часовъ будетъ въ Ростовѣ, если поѣдетъ сегодня вечернимъ поѣздомъ, которымъ не приходилось ѣздить.

Въ первомъ штрекѣ человѣка четыре съ артельщикомъ закрывали кабель, недавно проложенный,—это были первые, встрѣченные имъ въ шахтѣ.

— Ну, что,—какъ?—ненужно спросилъ было Матіецъ артельщика. Артельщикъ, расторопный молодой малый, началъ бойко объяснять, какъ, по его мнѣнію, проще было бы забетонить кабель; иногда эти чумазые люди придумывали дѣльные пріемы. Матіецъ пытался было вслушаться, но ничего не слыхалъ; думалъ о своемъ: о сестрѣ Олѣ, о матери, которой тяжело будетъ узнать о его смерти, но что дѣлать... въ чемъ-то и она была виновата. И

когда бойко двигавшій руками артельщикъ кончилъ и ждалъ, согласится онъ или нѣтъ,—Матіецъ ничего не сказалъ: улыбнулся блуждающей улыбкой и зашлепалъ дальше по грязному штреку.

На скамеечкѣ около плиты, съ которой трое ребятъ подавали вагоны вверхъ на бремсбергъ, мирно спалъ десятникъ Косыревъ: это было нехорошо, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ и тянулъ трубочку сторожъ динамитнаго склада,—это было еще хуже. Матіецъ разбудилъ десятника.

— Ты что это? Не выспался дома?—Вспомнилъ, что самъ не спалъ ночью.—Ты какъ смѣешь спать?

— Ногу зашибъ,—болитъ очень.

— Выдумывай больше,—ногу!... А ты что куришь?

— Я не курилъ, господинъ инженеръ,—я только чубукъ продувалъ.

— Пожаръ надѣлать?... И чего ты здѣсь торчишь? Твое здѣсь мѣсто?

Сторожъ поползъ въ боковую печь къ своему складу, вздѣвая на ходу картузъ.

— Сколько дóбычи?—привычно спросилъ у откатчиковъ.

— Пятьдесятъ вагоновъ,—сказалъ одинъ, а другой поправилъ:—Пятьдесятъ четыре.

— Мало.

— Къ вечеру свое набьютъ—пятьсотъ вагоновъ,—обнадежилъ Косыревъ.

— А въ номерѣ десятомъ видѣлъ, какъ рельсы кладутъ?—вспомнилъ Матіецъ.

— Видалъ,—саженъ пять проклали.

— По ватерпасу?

— Нѣтъ, безъ вертипаса... Я ему говорилъ,—Ракушкину,—а онъ въ одно слово: „У меня глазъ—вертипасъ“. Ну, я ему попросилъ: „Иди, когда такъ, къ чортовой мамѣ, когда много объ себѣ понимаешь“.

— Да-а... Пусть какъ хочетъ кладетъ,—усмѣхнулся Матіецъ.

Прошелъ въ конюшню къ Дорогому на лошадей посмотрѣть. Это было единственное мѣсто въ шахтѣ, гдѣ чуялось что-то похожее на барское имѣніе, представлялся тѣнистый садъ около, прудъ, бѣлыя облака на синемъ небѣ,—такъ какъ стояли или лежали въ стойлахъ лошади и мирно жевали сѣно, а конюхъ Иванъ, по прозвищу Дорогой, крѣпчайшій, бородатый, широкій старикъ, въ кумачевой рубахѣ и рыжей жилеткѣ, какъ будто вотъ сейчасъ возьметъ заберетъ въ повода цѣлый табунокъ и

поведетъ купать на прудъ, поодаль отъ бабьихъ мостковъ, подъ ивы, на бѣлый песочекъ, гдѣ кулики свистятъ и плачутъ чибисы...

Отъ двухъ электрическихъ лампочекъ было тутъ почти свѣтло.

— Добраго здоровья, дорогой,—поклонился Иванъ Матійцу.

— Ну, что... Какъ у тебя тутъ?—улыбнулся длинно, но не насмѣшливо Матіецъ: онъ уважалъ Дорогого; Дорогой былъ какъ домовой въ своей конюшнѣ, только что не заплеталъ по ночамъ гривы, да вѣдь и незачѣмъ было, если лошади были не выѣздныя.

Но онъ былъ прискорбенъ теперь:

— Вотъ, посмотрите, дорогіе, что анаѳемы сдѣлали: Лоскутному бокъ примяли... бензиновозкой... А?!.. Ну, Бога хваля, дорогой, ребра, кажись, цѣлыя,—не жалится, и глазъ ясный... Ну, какіе же анаѳемы, дорогой,—не могли лошадь остеречь, поставить въ затишьи. Самая умная лошадь, дорогіе,—и такой ей испугъ сдѣлать! Бога хваля, ничего,—щупалъ я скрозь. Полома рёбровъ нѣту, только примяли... Новую, Зорьку, имъ отпустилъ взамѣну. Не одобряютъ Зорьку, дорогой: нравная очень, дорогіе: въ хорошей жизни жила.

Матіецъ пощупалъ мокрый бокъ пестраго Лоскутнаго: дѣйствительно, была вдавлина небольшая.

— А у кого Зорька?... Какой коногонъ?

— Божокъ, дорогіе... у Божка въ обученіи... Какъ бы не испортилъ ее, дорогой,—а?... Такъ глядѣться, ничего лошадка,—ну, нравная... Вотъ Магнитъ—это такъ, это наша. Охъ, и лошадь добрая, дорогой!

Матіецъ провелъ рукой по крупу тоже новенькаго огромнаго вороного Магнита и хотѣлъ ужъ уйти, а Дорогому хотѣлось еще показать:

— Посмотрите, Карапъ какъ у насъ справился,—не узнать! Сами, дорогіе, видѣли,—какъ къ намъ спустили,—совсѣмъ былъ нестоющій, дохлый,—въ этимъ мѣстѣ рукой обхватить, а те-перь дорогіе,—худоватъ еще, конечно, ну-у не такъ!... А Морякъ у меня на овсѣ... Посмотрите, дорогіе, какъ лошадь загоняли,—въ ночной смѣнѣ была. Нельзя такъ до тоски лошадь доводить... воспретите имъ, дорогой.

И, нацѣдивъ ведерко воды изъ-подъ крана, осторожно намочилъ лежащему рыжему Моряку острое темя.

Вспомнилъ Матіецъ, что больше ужъ не увидитъ конюшни.

— Ну, прощай, Дорогой,—искренно сказалъ онъ,—прощай.

— Счастливо, дорогой!... Дай Богъ путя, дорогой!...

Обласканный этимъ „прощай", Дорогой снялъ картузъ и шлепнулъ его на густые еще лохмы только тогда, когда вышелъ изъ воротъ Матіецъ.

Рядомъ было депо бензиновозовъ, но туда не хотѣлось заходить: машины, какъ машины, и притомъ квелыя, ломкія и опасныя: ужъ два раза горѣло депо отъ шахтерскихъ цыгарокъ. Хорошо, что нѣтъ въ шахтѣ гремучаго газа: легче дышать.

Потянулся дальше тихій штрекъ. Только изъ одного забоя сбоку виденъ былъ огонекъ, крохотный, какъ восковая свѣчечка, и глухіе ватные удары кирки объ угольный пластъ. Кто-то полулежитъ тамъ голый до пояса, и на черной спинѣ полосы отъ ѣдкаго пота, а на зубахъ хрустъ.

Думалось въ тишинѣ Матійцу о томъ, что читалъ недавно, какъ извѣстный ученый рѣшилъ, что пессимизмъ молодежи началомъ своимъ имѣетъ какихъ-то бактерій, заводящихся въ тонкихъ кишкахъ... „Хорошо, пусть такъ... Ну, а если рѣшитъ другой ученый, что Христосъ—это тоже отъ бактерій... въ толстыхъ кишкахъ, напримѣръ? Христа не было, а бактеріи были?... Развѣ легче отъ этого будетъ кому-нибудь?... Какая чушь!"

Встрѣтилась партія человѣкъ въ пять,—шли съ работы наверхъ. Привычно поднялъ къ нимъ лампочку.

— Чьи?

— Горшкова.

— Откуда?

— Съ четвертаго номера.

И разошлись.

Пропустилъ мимо грохочущій бензиновозъ съ десятью вагонами, спѣшившій къ плитѣ. Освѣтилъ уголь, машиниста. Промахнули гремя и скрылись за поворотомъ.

Двѣнадцатилѣтній мальчишка Ѳедька, дверовой, который только и дѣлалъ цѣлый день, что отворялъ и затворялъ двери посерединѣ штрека,—чуть только слышалъ справа или слѣва гулъ вагоновъ,—распахнулъ и передъ нимъ двери настежь.

— Ну, что... скучно небось?—кинулъ ему на ходу Матіецъ.

— А то не скучно? (Ѳедька былъ внукъ Ивана Дорогого.)

— Терпи, терпи... учись: тебѣ еще долго терпѣть—и улыбнулся про себя, отходя. А за дверью недалеко былъ боковой пролазъ на ту самую „литеру Б", куда пошелъ Автономъ Иванычъ, а еще чуть дальше—та печь, въ которой обваломъ засыпало двоихъ: Ивана Очкура и Семена Сироткина. Печь эту закрестили и задѣлали дощатой рѣшеткой, и мимо рѣшетки этой вотъ ужъ недѣли три старался не ходить Матіецъ,—а теперь по-

дошелъ къ ней вплотную и долго смотрѣлъ и вслушивался: теперь это можно было.

Очень четко думалось: „Штабсъ-капитанъ сомнѣвался въ загробной жизни, я же въ нее не вѣрю совсѣмъ,—но... жаль, что нигдѣ около „Наклонной“ никакихъ цвѣтовъ... Если бы они попались мнѣ на глаза, я принесъ бы ихъ вамъ сюда и бросилъ бы за рѣшетку... чтобы вы знали“.

И хотя могила ихъ была на томъ же кладбищѣ, всетаки и здѣсь, гдѣ умерли, тоже какъ будто лежали они, а на могилѣ близкихъ всегда такъ хочется подумать и вспомнить о нихъ. Тутъ было до удушливости тихо, только изрѣдка какъ будто вода журчала въ сточной канавкѣ. Тутъ хорошо было забывчиво представлять нездѣшнее: чувствовалась какая-то острая грань, отдѣляющая *это*,—что отъ цѣлой жизни земной осаждалось въ тихомъ темномъ коридорѣ на глубинѣ ста съ лишнимъ саженъ, и *то:* уже наплывало *то*, и не особенно замѣтенъ былъ переходъ между ними: такъ,—маленькій горбикъ.

Исподволь какая-то жуткая торжественность вошла въ душу, и долго стоялъ такъ Матіецъ, точно слушая заупокойную обѣдню по себѣ самомъ, издалека звучащую, и было хорошо ее слушать.

Онъ хотѣлъ потомъ свернуть влѣво, но тутъ вдали, въ глубинѣ штрека, слышны вдругъ стали лошадиные взвизги, рычаніе, хлопаніе и крѣпкая брань. Подумалось было: несчастіе, но тутъ же догадался онъ, что несчастія нѣтъ, а идетъ спокойная работа: просто, забурился груженый вагонъ, и кто-то изъ коногоновъ бьется съ нимъ и лошадью. Остановившись, приглядѣвшись, скорѣе понялъ, чѣмъ увидѣлъ Матіецъ, что это—Божокъ и недавно купленная молодая лошадь—Зорька, о которой говорилъ Дорогой.

Божокъ былъ какъ бы природный шахтеръ: большого роста, но сильно сутулый, въ размѣръ высоты штрека, какой-то пещерный, съ длинными узловатыми руками и урѣзаннымъ черепомъ. Лѣтъ ему было подъ тридцать. На дневной поверхости былъ онъ очень неповоротливъ, неуклюжъ; и въ шеѣ, сильно вытянутой впередъ, и въ ногахъ, сильно согнутыхъ въ колѣняхъ, очень древнее что-то всегда видѣлось въ немъ Матіецу. Точно изъ-подъ тяжести какой-то каменной бабы съ кургана, улучивъ минуту, выползъ когда-то ночью (непремѣнно ночью), приползъ полями сюда, въ „Наклонную Елену“, и упрямо сталъ жить опять больше въ землѣ, впрочемъ, чѣмъ надъ землею. Сила у него была страшная, и его боялись задѣвать шахтеры, особенно, когда былъ онъ пьянъ. Словъ въ языкѣ его было очень немного. Гля

дѣлъ онъ на всѣхъ одинаково, исподлобья. Могъ жевать и, кажется, глотать стаканы и рюмки; гнулъ пальцами пятаки...

Лампочкой, привѣшенной къ передку вагона, освѣщены они были невѣрно,—онъ и Зорька, такъ что и разобрать было трудно, что это такое: будто сцѣпились кентавры.

— Я т-тебя зад-душу!... Я т-тебя съѣмъ!... Съѣмъ!—рычалъ Божокъ,—это, наконецъ, ясно разслышалъ Матіецъ, подходя.

Божокъ и въ самомъ дѣлѣ обхватилъ Зорькину шею, трясъ Зорькиной головой, а Зорька, тоже рыча, все ухитрялась пустить въ дѣло оскаленные зубы, и валилъ отъ нея такой паръ, что точно въ туманѣ были они оба съ Божкомъ.

Въ „Наклонной Еленѣ“ работало всего восемнадцать лошадей. Когда случалось имъ заболѣть, ихъ выдавали наверхъ ветеринару. Были очень опытныя, умныя, послушныя, работавшія точно и сознательно, какъ человѣкъ, а попадались и такія, конечно, изъ новенькихъ, что хоть убей на мѣстѣ. И ихъ били иногда звѣрски, а когда совсѣмъ ничего нельзя было сдѣлать, въ дѣло вмѣшивался Божокъ. Тогда въ темныхъ штрекахъ начиналось состязаніе: Божокъ подымалъ забурившійся вагонъ и билъ лошадь кнутомъ изъ проволоки. Лошадь упрямо дергалась и шаговъ черезъ пять опрокидывала вагонъ. Божокъ подымалъ его и билъ лошадь вагонной цѣпью. Лошадь лягалась, визжала, слабѣла, дрожала, парила, но черезъ десять-двадцать шаговъ опять сбрасывала вагонъ. Въ вагонѣ съ углемъ пудовъ пятьдесятъ. Коногонъ одинъ въ пустомъ, черномъ, длиннѣйшемъ грязномъ штрекѣ,—помочь некому, но работа не ждетъ. Мальчишки (а коногоны больше мальчишки лѣтъ семнадцати) обыкновенно надрываются на подъемѣ забурившихся вагоновъ, и лѣтъ въ двадцать никуда ужъ почти не годны. Но Божокъ недаромъ же былъ силенъ, какъ звѣрь, и жестокъ. Онъ задѣвалъ крючьями за пахъ лошади и разрывалъ шкуру, или вбивалъ гвоздь въ ея ноздри, или крутилъ рѣпицу хвоста такъ, что лошадь, уставъ лягаться садилась на задъ, какъ собака, и только мотала головой, визжа и оскаливъ зубы.

Отъ лошадиныхъ зубовъ погибъ уже здѣсь въ „Наклонной Еленѣ“ одинъ коногонъ: это было года за три до Матійца. Такая же, какъ Зорька, строптивая лошадь изловчилась ухватить мальчишку Васюка за поясъ, схватила и понеслась съ нимъ по штреку. Забилась въ дальній уголъ, и тутъ, остервенѣвъ, должно быть, мгновенно взбѣсившись, вцѣпилась въ горло зубами. Слышали изъ ближняго забоя,—вскрикнулъ кто-то разъ, два, но

больше не вскрикивалъ, а потомъ долго ждали вагончиковъ съ углемъ и не дождались, и когда пошелъ Автономъ Иванычъ, чтобы дать Васюку нагоняй, онъ наткнулся на обезумѣвшую окровавленную лошадь, разрывавшую тѣло Васюка въ мельчайшіе клочья.

— Съ бородкой была, вороная!—говорилъ потомъ Матійцу Автономъ Иванычъ, блестя донскими глазами.—И вотъ мой совѣтъ вамъ: никогда, ни подъ какимъ видомъ не покупайте лошадей съ бородкой, особенно вороныхъ: аномалія, атавизмъ! Весьма вредныя, стервы!... Я тогда вашему предмѣстнику говорилъ,—засмѣялся и ручкой помахалъ, а небось, какъ увидалъ, что она съ Васюкомъ сдѣлала,—ей Богу, вѣрите ли, на глазахъ слезы... Съ бородкой эту стерву я, конечно, тутъ же убилъ кайломъ въ лѣвый глазъ... У насъ на Дону такъ: въ чемъ, въ чемъ, а въ лошадяхъ понимаютъ.

Надъ собранными въ гробу кусочками тѣла Васюка тупой формалистъ Ѳома Кукла, неспѣша и размашисто, какъ позволилъ длинный крестъ написалъ:

Кр
Та
Василій Филатовъ
Гу
Ма
У
Житія 17 лѣтъ
Иса
во
се
Бы
ст
ро
ва .

Больше ничего не прибавилъ, какъ будто погибъ человѣкъ не такой ужасной смертью, а мирно былъ взятъ ангелами прямо съ цвѣтущихъ полей Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, Исадской волости.

И вотъ теперь что-то похожее: Зорька и Божокъ, только не Зорька Божка, а Божокъ хочетъ съѣсть Зорьку. И съѣстъ, пожалуй: у него зубы, какъ у медвѣдя. Какъ заладилъ, такъ и рычитъ все:—Я тебя зад-душу! Я тебя съѣмъ! Съѣмъ!...

Подойдя, Матіецъ съ минуту стоялъ и глядѣлъ. Улыбнулся было, но смѣшно не было. Спросилъ только:

— Ты что, Божокъ?

Освѣтилъ своей лампочкой его, лошадь, вагонъ. И Зорька была вся въ поту, грязи и крови, и Божокъ былъ весь въ углѣ, поту, грязи и крови, а забурившійся, можетъ быть, въ сороковой разъ, вагонъ пьяно торчалъ бокомъ надъ рельсами.

Въ конюшнѣ Зорька была статная, красивая лошадка, буланая, съ тонкой умной мордой, и теперь ее стало жалко.

— Ты что?... Ты ее не ѣшь... Давай помогу.

И, отставивъ лампочку, Матіецъ взялся было за вагонъ, но Божокъ не подвинулся къ нему; онъ сказалъ, отдуваясь, мрачно:

— Мнѣ кажется, я ее убью.

— Ты что, усталъ съ ней?

— Ее осталось только убить.

Матіецъ попробовалъ было поднять вагонъ, но тутъ же увидѣлъ, что не можетъ: нужно было знать сноровку коногоновъ, подымавшихъ какъ-то „на лимонадку",—спиной.

— Ну-ка, берись, Божокъ.

Но Божокъ стоялъ, какъ пещерный медвѣдь, исподлобья глядя въ пышащую морду лошади, носившей боками. Лица его ясно не было видно,—такъ, тѣни однѣ,—непріятныя тѣни.

— Берись, говорю!

Но Божокъ качнулъ головою:

— Я ужъ сто разовъ за него брался... „Берись"!

— Ты что это?

— „Что"! Ничего, „что"... Вотъ и становь самъ.

— Ты что это, а, болванъ?—повысилъ голосъ Матіецъ.—Ты видишь, съ кѣмъ говоришь?

— Ее осталось только убить.

— Станови вагонъ, я говорю! Не разсуждать!

— Завизжалъ... Становь самъ... У тебя силы-то, какъ у вола!...

И вотъ теперь, едва ли не въ первый разъ въ жизни, Матіецу захотѣлось изо всей силы наотмашь ударить человѣка,—Божка. Это былъ всего одинъ моментъ, но такой острый: непремѣнно ударить и разбить ему зубы въ кровь. А потомъ вдругъ вспомнилъ Матіецъ, что̀ будетъ завтра, въ 11 часовъ вечера; мгновенно вспомнилъ, и мгновенно отбросились отъ него Божокъ, Зорька, вагонъ и штрекъ. Еще не разжалъ стиснутыхъ зубовъ, а ужъ началъ улыбаться, какъ улыбаются мудрые и лишенные ума.

— Сегодня въ конторѣ расчетъ получишь,—съ усиліемъ сказалъ онъ.—Уходи наверхъ,—слышишь?!

И пошелъ отъ Божка, чтобы найти кого-нибудь, кто бы взялъ Зорьку и отвезъ вагоны.

— Ишь... „расчетъ“!... Цуцикъ паршивый!...—рыкнулъ ему вслѣдъ Божокъ, а Матіецъ изумленно остановился было, но передумалъ: „Не нужно ужъ мнѣ... Вѣдь, не нужно... Иду, распоряжаюсь... къ чорту! Зачѣмъ это? Не нужно!... Чѣмъ можетъ оскорбить меня это животное?—ничѣмъ, вѣдь, ничѣмъ!... Теперь ничѣмъ!“... И тутъ же: „Отчего же такъ хочется выбить ему зубы медвѣжьи?“... Опять хотѣлось до боли, и рука туго сжималась, дрожа крупно въ локтѣ.

И чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ Божка, тѣмъ меньше могъ себя сдерживать. Не хотѣлъ, но повторялось все время въ мозгу: „Цуцикъ паршивый... цуцикъ паршивый...“ И тутъ же: „Это меня? Меня?... Какъ онъ смѣлъ, подлецъ!?“

Чуть только померещился вдали кто-то, Матіецъ уже крикнулъ ему:

— Эй, ты! Кто тамъ? Поди сюда!

Подошелъ артельщикъ Кравчукъ, шлепая по лужамъ.

Чуть узнавъ его, крикнулъ Матіецъ:

— Убери Божка отсюда вонъ, къ чорту!

— Божка? Это—коногона?

— Вонъ его отсюда, къ чорту! Понялъ?

— Понялъ.

Но у Кравчука было свое: онъ и самъ искалъ Матійца, чтобы сказать ему:

— Александръ Петровичъ,—я вамъ хотѣлъ изложить,—невозможно по десять рублей... Сосчитайте хоть сами; что же мнѣ своихъ докладать?... За-ра-ботаешь отъ жилетки рукава!...

— Послѣ, послѣ!... Въ конторѣ скажешь. Гони его въ шею! Возьми лошадь!... Совсѣмъ вонъ, къ расчету!

А въ это время изъ бокового пролаза вынырнулъ Автономъ Иванычъ. Какъ всегда, веселый какою-то пьяной рудничной веселостью, подошелъ и сказалъ:

— Литерба-литербѣ!... Здравствуйте еще разъ... Кого къ расчету, Александръ Петровичъ?

Матіецъ почувствовалъ, что онъ ему нестерпимо противенъ.

— Вотъ что... Автономъ Иванычъ... Вы сегодня же его долой... Божка.—Онъ остановился, чтобы объяснить, почему долой, и добавилъ:—Я съ вечернимъ въ Ростовъ, а вы тутъ ужъ сами... и нарядъ на завтра, и, главное, это чудовище вонъ!

— Въ Ро-сто-овъ!—невинно протянулъ Автономъ Иванычъ.— Раз-влечь-ся?—О Божкѣ будто и не слыхалъ.

И, едва сдерживая себя, прикусивъ губы, Матіецъ продолжалъ о Божкѣ:

— Избилъ эту новую лошадь, Зорьку, до полусмерти... тоже коногонъ... И еще въ пререканія со мной, чудовище этакое!

Отъ ярко представленнаго оскорбленія дышалъ онъ тяжело и смотрѣлъ на Автонома Иваныча злобно, а въ правомъ локтѣ все дрожало крупной дрожью, почти дергало, и сердце нехорошо билось.

Автономъ Иванычъ качнулъ головой.

— Ишь, скотина! Онъ не пьянъ ли?... Выкинемъ вонъ, когда такъ...—Подумалъ и добавилъ:—А если простите его, можетъ и лучше будетъ: вѣдь онъ—дуракъ. Просто, мы его оштрафуемъ хорошенько. А работникъ, не говорите,—коно-гонъ! И ужъ сколько лѣтъ онъ у насъ... Мой вамъ совѣтъ, если хотите меня послушаться.

— На чорта мнѣ ваши совѣты?! Вонъ его, и больше ничего, слышите? Совѣты!... И пожалуйста безъ совѣтовъ! Оселъ!... Вы—оселъ!

— Позвольте... вы... какъ это?...

— Вы слышали? Ну, вотъ... И все.

Матіецъ какъ будто теперь только понялъ, какъ давно и какъ сильно раздражалъ его этотъ черноволосый человѣкъ. Онъ ждалъ, не скажетъ ли тотъ еще чего, чтобы окончательно прорваться, и весь дрожалъ, но Автономъ Иванычъ, зачѣмъ-то освѣтивъ его, вдругъ повернулся и пошелъ своей бодрой походкой къ тому штреку, въ которомъ остался Божокъ. Подъ качающейся лампочкой отчетливы были треугольныя грязныя брызги изъ-подъ его сапогъ. Матіецъ нѣкоторое время стоялъ, слѣдя за перебоями сердца и этими брызгами, потомъ повернулъ къ выходу,—дальше итти не могъ.

С. Сергѣевъ-Ценскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Три стихотворенія.

1.

Ручей.

Ручей, играющій въ долинѣ,
Ты къ намъ бѣжишь издалека;
Ты родился на той вершинѣ,
Гдѣ льды въ покоѣ спятъ вѣка.

И надъ тобой орлы кричали,
Когда ты, непримѣтно малъ,
Сбѣгалъ, журча, къ зеленой дали
По гранямъ обнаженныхъ скалъ.

Природа въ утреннемъ туманѣ
Была невинна и тиха,
Когда внималъ ты на полянѣ
Безпечнымъ пѣснямъ пастуха.

И, огибая замокъ древній,
Подъ сѣнью ивовыхъ вѣтвей,
Ты слышалъ, какъ звучатъ въ деревнѣ
Живые оклики дѣтей.

Теперь, катясь волной кристальной
Средь тучныхъ, плодоносныхъ нивъ,
Ты поишь людъ многострадальный,
О горныхъ высяхъ позабывъ;

И ниже, повертѣвъ колеса
Шумливой мельницы, опять
Спокойной рѣчкой вдоль откоса
Пойдешь пристанища искать.

А вечеромъ на берегъ темный
Двѣ тѣни юныя придутъ,
Чтобъ близъ тебя найти укромный
Для непритворныхъ клятвъ пріютъ.

И въ мигъ, когда онѣ съ улыбкой
Склонятся къ легкой дрожи струй,—
Ты отразишь, картиной зыбкой,
Ихъ первый, чистый поцѣлуй.

2.

Прогулка.

Какъ вдругъ нежданно стали гулки
Шаги среди большихъ стволовъ!
И въ первый разъ, во всей прогулкѣ,
Смолкъ смѣхъ и говоръ голосовъ.
И вы, Алина, съ робкой дрожью,
Ко мнѣ прижались въ полумглѣ,
И—какъ, не знаю,—но къ подножью
Сосны мы сѣли на землѣ.
Вашъ дѣтскій страхъ, вашъ страхъ наивный
Я успокаивалъ, шутя...
А вечеръ, пламенный и дивный,
Гасъ, иглы сосенъ золотя.
Не потому-ль, когда догнали
Друзей мы у лѣсной рѣки,
Заката отблескомъ сверкали
У васъ два пятнышка щеки?

3.

Друзья.

Вышелъ Лѣшій, сѣлъ на пень,
Чуетъ запахъ деревень,
Палку новую кремнемъ обтесываетъ,
Порой бороду почесываетъ,
Сидитъ, морщится,
Уши у него топорщатся,
Видитъ: узенькой тропой
Идетъ въ гости Домовой.

„Здравствуй, дѣдъ! давно не бывалъ!
А я старъ сталъ, жить усталъ:
Нѣтъ бывалаго простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, вездѣ мужикъ.
Инда я гулять отвыкъ!"

Домовой присѣлъ межъ кочекъ,
Будто съежился въ комочекъ.
Говоритъ: „Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики въ меня не вѣрятъ,
То-есть какъ бы вовсе хѣрятъ.
Не даютъ мнѣ молока,
Замыкаютъ въ два замка
На конюшнѣ лошадей.
Впору помирать,—ей-ей!"

Лѣшій бороду почесываетъ,
Палку сумрачно обтесываетъ,
Кремень щелкъ да щелкъ.
Домовой примолкъ.
Пень обтянутъ повиликой,
Пахнетъ свѣжей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышенъ сиплый крикъ съ рѣки.
Вопрошаетъ Домовой:
„То не дѣдъ ли Водяной?"

Валерій Брюсовъ.

СТРАСТНАЯ ДРУЖБА.

Романъ Г. Уэллса.

H. G. Wells. The Passionate Friends.

I.

Мистеръ Страттонъ своему сыну.

Я хочу разсказать свою жизнь, хочу сдѣлать это теперь, когда достигъ зрѣлаго возраста, пережилъ свою личную драму и мое отношеніе къ жизненнымъ фактамъ уже вполнѣ опредѣлилось. Мнѣ кажется, что, описывая и пересматривая мою жизнь, я выясню многое, что для меня самого оставалось неяснымъ, и пополню пробѣлы и кажущіяся противорѣчія, существующіе въ моихъ воспоминаніяхъ. Я хочу написать свою исторію, пока еще не изгладились изъ моей памяти всѣ подробности, пока умъ мой ясенъ и силы не ослабѣли. И больше всего я хочу разсказать это тебѣ, мой единственный сынъ, тому взрослому человѣку, которымъ ты скоро сдѣлаешься!

Настанетъ день, когда ты захочешь знать, какъ была прожита мною жизнь, и, можетъ быть, тогда уже я не буду въ состояніи отвѣчать на твои разспросы. Я стану такъ же мало чувствителенъ къ этому, какъ бываютъ многіе люди въ старости. Вотъ почему я хочу оставить эту книгу для тебя. Во всякомъ случаѣ у меня есть такое намѣреніе теперь, когда я пишу ее. Потомъ я обдумаю это рѣшеніе...

Мысль написать эту книгу явилась у меня тогда, когда я стоялъ у постели моего умершаго отца, твоего дѣда. Я такъ страстно желалъ въ ту минуту имѣть отъ него такую же книгу, какую я пишу теперь!...

Было время, когда мой отецъ былъ для меня самымъ величайшимъ другомъ. Но все же онъ никогда не разсказывалъ мнѣ

про себя или про свою молодость. Во всѣхъ случаяхъ моей жизни, во всѣхъ моихъ затрудненіяхъ и осложненіяхъ онъ всегда оказывалъ мнѣ поддержку и сочувствіе, и я привыкъ видѣть въ немъ друга и совѣтника. Но, къ сожалѣнію, это продолжалось не до конца его жизни. Я родился, когда онъ уже находился въ зрѣломъ возрастѣ, и вотъ завѣса старости и старческихъ недуговъ встала между нами. Онъ заболѣлъ, понадобилась операція, но когда онъ выздоровѣлъ, то былъ уже не тотъ!...

Видѣть непонятную перемѣну, произведенную болѣзнью и органическимъ разрушеніемъ въ мыслительныхъ способностяхъ и духовной жизни тѣхъ, кто намъ дорогъ и близокъ,—это самое тяжелое и мучительное изъ всего, что омрачаетъ нашу жизнь!...

Спустя нѣкоторое время я примѣнился къ новому положенію вещей. Я пересталъ видѣть въ отцѣ друга, которому я раскрывалъ свою душу и отъ котораго ждалъ помощи и совѣта. Но не только я, а мы всѣ перестали такъ относиться къ нему, мы старались только угождать ему, развлекать его и устранять отъ него все непріятное. Перемѣна, въ немъ происшедшая, была очень велика. Онъ, всегда такой живой, остроумный, сталъ удивительно апатиченъ. Его характеръ также рѣзко измѣнился, и я съ тоскою замѣчалъ, какъ распадался его прежній духовный обликъ, такой привлекательный и яркій!

Отчужденіе, которое естественно произошло между нами въ эти послѣдніе годы его жизни, сразу исчезло, какъ только я взглянулъ на его мертвое лицо, такое прекрасное въ своемъ величавомъ спокойствіи. Цѣлый рой воспоминаній, трогательныхъ и нѣжныхъ, нахлынулъ на меня. Я не чувствовалъ ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти, а только горькое сожалѣніе, что все такъ случается въ жизни и что она такова! Отчего взрослый сынъ не можетъ имѣть другомъ своего отца? Отчего онъ ищетъ другихъ пріятелей?... И, странное дѣло, именно въ ту минуту, когда я увидѣлъ своего отца мертвымъ, я почувствовалъ такое тѣсное общеніе съ нимъ, какого еще никогда не испытывалъ при его жизни! Мнѣ даже казалось, что онъ понимаетъ мои мысли...

Какъ много пробѣловъ было въ нашихъ разговорахъ! Мы никогда не говорили съ нимъ о любви, никогда не говорили о религіи...

Было много вещей, которыя ни одинъ двадцативосьмилѣтній мужчина не сталъ бы скрывать отъ своего сверстника, а онъ скрывалъ отъ меня, своего сына. Я оставался нѣсколько дней въ его домѣ послѣ его смерти, пересматривалъ его бумаги и перебиралъ всѣ тѣ интимныя, личныя вещи, которыя годами накопляются въ

жизни каждаго человѣческаго существа. Тутъ были пожелтѣвшія письма и газетныя вырѣзки, какіе-то обрывки лентъ и разныя странныя реликвіи, слегка пріоткрывавшія передо мной завѣсу его жизни. Я узналъ многое, чего даже не подозрѣвалъ. Но мнѣ показалось, что я насильственно проникаю въ чью-то тайну, и поэтому я сжегъ не прочитанными многія бумаги, въ томъ числѣ любовныя письма и разныя другія трогательныя вещи.

Но моя память о немъ не измѣнилась отъ того, что я заглянулъ въ его жизнь. Напротивъ, многое ярко освѣтилось мнѣ, и онъ мнѣ сталъ еще ближе и дороже, чѣмъ былъ!...

Въ столовой висятъ портреты трехъ поколѣній Страттоновъ. Какой огромный запасъ мыслей и всякихъ жизненныхъ переживаній скрываютъ они! Но для насъ это—навсегда закрытая книга. И я думалъ о томъ, какъ много мы переживаемъ, каждый изъ насъ, и какъ мало мы передаемъ своему потомству! Все, что я имѣлъ въ рукахъ, были только намеки, указанія, правда—трогательныя и неожиданныя, но все же случайныя и отрывочныя. Зачѣмъ эти люди, уходя навсегда, оставили столько недосказаннаго изъ своей собственной жизни, столько потеряннаго и забытаго? Кто знаетъ, быть можетъ переживанія моего дѣда дали бы мнѣ тотъ жизненный опытъ, для достиженія котораго мнѣ пришлось потратить столько лѣтъ своей жизни! Развѣ не должны, наконецъ, отдѣльныя поколѣнія сойтись и помогать другъ другу? И я увѣренъ, что недалеко то время, когда народится новая, домашняя литература, и отцы и матери, кромѣ своей роли руководителей, воспитателей и покровителей дѣтей, исполнятъ и другую роль, оставляя имъ откровенный разсказъ о своей жизни и мысляхъ и открывая имъ это, какъ равный равному, безъ авторитетнаго тона и недомолвокъ, чтобы послѣ своей смерти явиться своимъ дѣтямъ, какъ ихъ современники и друзья.

Многіе изъ насъ испытываютъ такое желаніе высказаться, но по многимъ причинамъ не осуществляютъ его. Я же чувствую непреодолимую потребность написать эту книгу. Прошло уже полтора года съ тѣхъ поръ, какъ я пережилъ тяжелую трагедію и потерялъ друга, который былъ мнѣ дороже жизни. Этимъ другомъ была женщина. И я не могу забыть о ней! Но обстоятельства такъ сложились, что я ни съ кѣмъ не могу свободно говорить о ней. Я не могу говорить о ней съ твоей матерью, мой сынъ. Это можетъ быть странно, если принять во вниманіе, какъ мы любимъ и довѣряемъ другъ другу. Ты, впрочемъ, поймешь это, прочтя мою исторію. Въ теченіе восьми долгихъ лѣтъ, пока

кризисъ не завершился ея трагической смертью, я ни разу не видался съ нею. Но, даже помимо того потрясенія и горя, которое причинила мнѣ ея смерть, она еще заставила меня глубоко почувствовать мое одиночество.

А между тѣмъ, въ этомъ послѣднемъ ея актѣ было какое-то мрачное величіе, которое овладѣло моимъ воображеніемъ и заложило отпечатокъ на всѣ мои мысли, на каждый вопросъ, занимающій меня... И я не могу отдѣлаться отъ этого, пока все это скрывается въ тайникахъ моей души.

Быть можетъ даже, написавъ эту книгу, я и не оставлю ея тебѣ, мой сынъ. Я не знаю, какъ поступлю тогда. Но всетаки я долженъ написать ее...

II.

Школьные годы.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда меня отдали въ школу Гарбюри, гдѣ уже воспитывалось столько поколѣній моихъ предковъ. До тѣхъ поръ я учился дома. Сначала у меня была гувернантка, потомъ моимъ учителемъ сдѣлался мистеръ Сиддонсъ, помощникъ моего отца, который былъ викаріемъ. Мои отроческіе годы и юность протекали между красными кирпичными стѣнами Гарбюри (впослѣдствіи Кристчёрча) и питались его традиціями, за исключеніемъ лѣта, которое мы проводили въ сельской глуши.

Я никогда не былъ городскимъ жителемъ, пока не женился и не поселился въ нашемъ теперешнемъ домѣ въ Голландъ-Паркѣ. Я пріѣзжалъ въ Лондонъ совершенно такъ же, какъ люди выходятъ на арену, и еще теперь лондонская жизнь временами очень тяготитъ меня. Но вѣдь только такіе большіе города составляютъ центры человѣческой жизни и тамъ сосредоточивается моя работа!

Мой отецъ сдѣлался викаріемъ въ Бёрнморѣ, когда мнѣ было девять лѣтъ, и оставилъ эту должность только тогда, когда мнѣ уже было около тридцати лѣтъ, поэтому самыя яркія воспоминанія моего дѣтства и юности связаны съ жизнью въ помѣстительномъ и уютномъ домѣ приходскаго священника въ Бёрнморѣ и съ великолѣпнымъ, обширнымъ бёрнморскимъ паркомъ.

Въ послѣдній разъ я увидѣлъ Бёрнморъ, когда мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ. Моя исторія объяснитъ, почему это было и отчего такъ кристально ясны мои воспоминанія о Бёрнморѣ.

Тысячи яркихъ картинъ встаютъ въ моей памяти при одномъ упоминаніи этого имени, и всѣ онѣ одинаково дороги мнѣ.

Какъ живо помню я мои прогулки по лѣсу въ сопровожденіи Филиппа и Гюя Христіана и ихъ сестры, которую я уже тогда любилъ всѣмъ своимъ сердцемъ...

Но и другія лица часто примѣшиваются къ моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ: старый дворецкій, лэди Ледислоу, высокая и граціозная, въ свѣтло-сѣромъ или голубомъ платьѣ изъ мягкой, шелковистой матеріи... Я вижу себя гуляющимъ по парку и разсѣянно слушающимъ наставленія „стараго" Сиддонса. Но старымъ онъ могъ казаться только мнѣ тогда. Онъ былъ старше меня лѣтъ на двѣнадцать, не больше. Я недавно встрѣтился съ нимъ въ Гей Маркетѣ, и меня даже поразила его необыкновенная моложавость. Пожалуй, теперь онъ кажется моложе меня. Но тогда, въ Бёрнморѣ, онъ былъ на много выше меня ростомъ, и я смотрѣлъ на него, какъ на стараго наставника.

Вспоминаю свои разговоры съ нимъ. Я пріѣхалъ на вакацію изъ Гарбюри, и между нами возникъ споръ. Онъ говорилъ о вѣрѣ и порицалъ диссидентовъ. Я не помню хорошенько, что я возражалъ ему, но, кажется, я, съ запальчивостью юности, высказалъ мнѣніе, что мысль должна быть свободна и вѣрованія не подлежатъ никакому контролю. Какъ быть съ сомнѣніями, если они возникаютъ?...

— Этого не будетъ, если вы сдѣлаете надъ собой усиліе,—отвѣчалъ Сиддонсъ.—У меня тоже была борьба... Но надо твердо сказать себѣ: церковь насъ учитъ этому! Надо сказать это и воздержаться отъ порицаній.

— А если этого не можешь сдѣлать?—настаивалъ я.

— Можно, если хочешь этого!—возразилъ онъ почти съ энтузіазмомъ.—Я все это пережилъ. Но я отогналъ отъ себя сомнѣнія. Я не сталъ слушать. Я чувствовалъ, что это ни къ чему не ведетъ!

Но упрямый, непокорный духъ во мнѣ не могъ успокоиться.

— Хорошо. Но какъ быть съ истиной, съ безстрашнымъ, непобѣдимымъ стремленіемъ къ истинѣ?...—приставалъ я къ нему.

Однако весь мой юношескій задоръ всегда разбивался о холодную безстрастность Сиддонса. Онъ разъ навсегда покончилъ съ этими вопросами и не хотѣлъ возвращаться къ нимъ. Въ назиданіе онъ разсказалъ мнѣ исторію самонадѣяннаго школьника, который отправился къ своему главному наставнику и объявилъ ему, что онъ атеистъ. Тотъ не сталъ даже вступать съ нимъ ни въ какія разсужденія, а попросту высѣкъ его.

— Впослѣдствіи онъ самъ признавался, что это было именно то, что было ему нужно, самое лучшее изъ всего, что только могло быть и что принесло ему пользу!—прибавлялъ Сиддонсъ слейподобродушнымъ тономъ.

Его разсказы заставляли вскипать мою кровь, и я уже заранѣе пылалъ ненавистью ко всѣмъ „главнымъ наставникамъ“ школы. И въ то же время я смутно чувствовалъ, что въ его словахъ заключается грубая, неприкрашенная правда, иллюстрирующая человѣческія отношенія.

Но отецъ мой никогда не разговаривалъ со мной о религіи. Онъ предоставлялъ это Сиддонсу или другимъ. Только впослѣдствіи я узналъ, что послѣ довольно упорнаго и добросовѣстнаго сопротивленія онъ сдалъ свою позицію и капитулировалъ передъ дарвинизмомъ, подобно многимъ другимъ священникамъ, находившимся въ его положеніи. Онъ пришелъ всетаки къ извѣстному компромиссу и на этомъ успокоился.

Мистеръ Сиддонсъ былъ первый, внушившій мнѣ понятіе о жизни, какъ о карьерѣ. Въ своихъ разговорахъ со мной онъ постоянно возвращался къ этому. Онъ говорилъ о причинахъ успѣха въ жизни и о неудачахъ, о государственныхъ дѣятеляхъ и администраторахъ, пэрахъ и вестминстерскомъ аббатствѣ...

— Нельсонъ былъ тоже сыномъ священника, какъ и вы,— сказалъ онъ мнѣ однажды.

Онъ перечислялъ разныя обстоятельства, которыя приводятъ къ жизненнымъ неудачамъ или же способствуютъ успѣху и дѣлаютъ людей знаменитыми. Самымъ рѣшительнымъ тономъ онъ заявлялъ, что умствованія не ведутъ ни къ чему. Надо поставить себѣ цѣль и неуклонно итти къ ней. Надо помнить,—наставлялъ онъ меня,—что учрежденія важнѣе взглядовъ.

— Что же вы намѣрены сдѣлать со своей жизнью, Стивъ?— спрашивалъ онъ меня.—Гдѣ вы намѣрены служить? Надо избрать себѣ жизненную карьеру, какую-нибудь форму службы, безъ этого счастье невозможно!...

Всѣ тѣ наставленія и поученія, которыя я выслушивалъ отъ Сиддонса, съ еще большею силой внѣдрялись въ меня и закрѣплялись въ школѣ. Я учился хорошо и считался вполнѣ корректнымъ юношей. Я написалъ двѣ статьи въ школьный журналъ, участвовалъ въ преніяхъ по литературѣ и политикѣ и велъ весьма продолжительные разговоры съ моими старшими современниками о политикѣ, литературѣ и соціальной жизни, но свои сокровенныя мысли я все же пряталъ отъ всѣхъ рѣшительно. Порою мнѣ кажется, что я даже скрывалъ ихъ отъ самого себя,—

такъ дѣйствительна была система воспитанія, установленная въ Гарбюри и подкрѣпляемая Сидлонсомъ.

Помню, что передъ выходомъ изъ школы я тоже мечталъ о карьерѣ, о какой-нибудь широкой, блестящей и полезной дѣятельности въ мірѣ. Тогда былъ сезонъ имперіализма. Но это былъ живописный имперіализмъ, который находилъ выраженіе въ раннихъ произведеніяхъ Киплинга, и мы всѣ тогда были восторженными приверженцами имперіалистской идеи. Намъ, въ Гарбюри, не трудно было вѣрить въ наше расовое, національное и классовое превосходство. Вѣдь мы были англо-саксонцы, избранный народъ и руководители міра въ соціальной организаціи, въ наукѣ и экономическихъ методахъ. Въ Индіи и на востокѣ, въ особенности, мы были апостолами справедливости для всѣхъ и распространителями благъ цивилизаціи среди другихъ расъ, противящихся этому. Конечно, наши успѣхи вызывали сильнѣйшую зависть и соперничество другихъ континентальныхъ націй, въ особенности Франціи, Россіи и Германіи. Къ счастью, вниманіе Франціи было отвлечено сѣверной Африкой, Россіи—восточной Азіей, и только Германія оставалась самой сильной соперницей Англіи въ ея стремленіи къ господству надъ міромъ.

Такъ думали всѣ мы въ Гарбюри въ концѣ девяностыхъ годовъ. Мы ничего почти не знали объ ожесточенной борьбѣ изъ-за тарифной реформы, о грязной коммерческой и финансовой сторонѣ нашихъ отношеній къ населенію обширныхъ, эксплуатируемыхъ нами, территорій. Мы ничего не знали о соціальныхъ условіяхъ въ нашей странѣ и были абсолютно невѣжественны въ экономикѣ. Мы только знали одно и твердо вѣрили, что англичанинъ—это лучшій изъ людей, что англійская литература, наука и философія недосягаемы въ своемъ сіяніи для другихъ народовъ, что наши солдаты—лучшіе изъ солдатъ, а наши моряки—лучшіе изъ моряковъ!...

Само собою разумѣется, что имперіалистская идея должна была увлечь меня, и я рѣшилъ, что буду служить имперіи. Но какъ—я этого самъ не зналъ. Въ честолюбивые моменты я невольно думалъ о политикѣ, и политическая арена казалась мнѣ лучшей ареной для службы имперіи.

Случай, безъ сомнѣнія, играетъ важную роль въ жизни каждаго изъ насъ, преимущественно въ молодые годы. Какое важное, первостепенное значеніе получаетъ порой случайная встрѣча и въ особенности встрѣча съ существомъ другого пола! Быть можетъ, гдѣ-нибудь далеко, въ другой части свѣта или въ странѣ, въ школѣ или дѣтской, въ трущобахъ или во дворцѣ живутъ маленькія

существа, которыя впослѣдствіи внѣдрятся въ вашу жизнь съ истинно чудовищной, непреодолимой силой и совершенно измѣнятъ ея теченіе, возвысятъ или унизятъ, поднимутъ на небеса или погрузятъ на дно болота. Въ этихъ невѣдомыхъ вамъ существахъ заключается ваша судьба. Они станутъ вамъ необыкновенно близки, и вы будете любить ихъ, ненавидѣть, служить имъ, бороться съ ними, и въ этой смѣнѣ чувствъ будутъ расходоваться ваши жизненныя силы и будетъ заключаться ваша жизнь.

Я не помню хорошенько, когда я сталъ испытывать на себѣ вліяніе другого пола и влеченіе къ нему. Мнѣ кажется, что вначалѣ это было лишь простое любопытство, и впечатлѣнія были мимолетнаго свойства, потому что они почти не оставили слѣдовъ въ моей памяти. У меня сохранилось лишь смутное воспоминаніе о томъ, что вслѣдъ за внезапнымъ усиленіемъ интереса именно къ этой сторонѣ жизни, я всегда ощущалъ потомъ странные приступы стыда и желаніе куда-нибудь скрыться. Быть можетъ, тутъ вліяла исключительная обстановка, въ которой протекали мои юные годы, совершенно свободная отъ какихъ бы то ни было опошливающихъ вліяній въ этомъ направленіи. Въ библіотекѣ моего отца совсѣмъ не было такихъ романовъ, которые могли бы вліять на мое воображеніе въ извѣстномъ направленіи. Конечно, я думалъ о любви и даже, какъ мнѣ казалось, былъ влюбленъ раза два, когда былъ еще совсѣмъ мальчуганомъ. Но я никогда не разговаривалъ про любовь съ моими сверстниками, какъ это обыкновенно дѣлается, и чувство, испытанное мной, было молчаливымъ благоговѣніемъ и смутнымъ, неопредѣленнымъ желаніемъ самоуничиженія. Помню, что я такъ именно поклонялся лэди Ледислоу въ своей ранней юности. Потомъ мнѣ очень понравилась какая-то молоденькая дѣвушка, съ которой я познакомился во время одного путешествія, не помню какого. Я и теперь живо помню ея румяное личико и задорную улыбку...

Помню и еще одно свое раннее увлеченіе. Это была молоденькая продавщица въ табачной лавочкѣ. Повинуясь непреодолимому влеченію, я шелъ въ эту лавочку, покупалъ папироски и иногда робко заговаривалъ съ продавщицей о погодѣ. Но мысленно я всегда велъ съ нею самый оживленный и горячій разговоръ и мечталъ о встрѣчѣ съ ней. Я думаю, что если-бъ я сдѣлалъ надъ собою усиліе, то могъ бы извлечь изъ своей памяти еще нѣсколько такихъ фактовъ. Воспоминаніе о нихъ почти совершенно изгладилось у меня и не оставило слѣдовъ въ моей жизни. Участь моя рѣшилась лишь въ тотъ моментъ, когда лэди

Мэри Христіанъ, улыбающаяся и залитая лучами солнечнаго свѣта, подошла ко мнѣ въ павильонѣ Бёрнмора. Ея сіяющій образъ заслонилъ передо мной всѣ другія воспоминанія и опредѣлилъ мою судьбу.

III.

Мои планы и лэди Мэри Христіанъ.

Мы, всѣ пятеро, были товарищами дѣтства. Лордъ Мекстонъ, который потомъ былъ убитъ въ Паардебергѣ, въ то время какъ я былъ въ Ледисмитѣ, былъ старше меня всего на одинъ годъ. Филиппъ, нынѣшній графъ Ледислоу, былъ моложе меня на полтора года. Мэри же была моей сверстницей, а младшій, Гюй, нами всѣми считался ребенкомъ, хотя въ скоромъ времени переросъ всѣхъ насъ. Въ играхъ Мэри и я всегда подчиняли себѣ другихъ, потому что я былъ начитаннѣе и обладалъ гораздо большимъ запасомъ свѣдѣній объ индѣйцахъ и военномъ искусствѣ, нежели мои товарищи, къ тому же и воображеніе было гораздо сильнѣе развито у меня, чѣмъ у старшаго, Мекстона, поэтому и первенство въ игрѣ всегда принадлежало мнѣ.

Когда семья Христіанъ пріѣзжала въ Бёрнморъ,—гдѣ они обыкновенно проводили три-четыре мѣсяца ежегодно,—то я почти не разставался съ ними. Но странно, у меня сохранилось очень мало воспоминаній о Мэри, какъ о ребенкѣ. То, что потомъ случилось, совершенно заслонило отъ меня этотъ ранній періодъ нашей дружбы. Я знаю, что мы и въ дѣтствѣ были очень привязаны другъ къ другу, но помню, какъ она однажды, разсердившись на меня за что-то, внезапно пришла въ такую ярость, что стала меня бить по лицу и царапать, и братья съ трудомъ оттащили ее отъ меня. Затѣмъ помню то, какъ я впервые обратилъ вниманіе на блескъ ея голубыхъ очей. Она была необыкновенно проворна, ловка, и когда мы гонялись другъ за другомъ, то поймать ее было очень трудно,—она всегда ускользала изъ нашихъ рукъ, точно угорь.

Я не видѣлъ ея и никого изъ ея семьи, за исключеніемъ Филиппа, почти около двухъ лѣтъ, послѣ того какъ мы вмѣстѣ провели послѣднее лѣто въ Бёрнморѣ. Кажется, они уѣзжали въ Канаду, вмѣстѣ съ лордомъ Ледислоу, но затѣмъ что-то произошло между лордомъ и его женой, и она вернулась въ Бёрнморъ, съ Мэри и Гюемъ, чтобы опять провести тамъ лѣто.

Это какъ разъ совпало для меня съ переходнымъ временемъ. Я кончилъ школу въ Гарбюри и уѣхалъ въ Оксфордъ. Въ Бёрн-

моръ я пріѣхалъ на лѣто вмѣстѣ съ Филиппомъ, который, такъ же какъ и я, вышелъ изъ Гарбюри. Я былъ тогда длиннымъ, худощавымъ, семнадцатилѣтнимъ юношей и казался даже моложе Филиппа, потому что у меня еще не было усовъ. Но я старался казаться солиднымъ и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, какъ взрослый мужчина. Домой я пріѣхалъ настроенный очень торжественно, послѣ проводовъ, устроенныхъ намъ въ школѣ, и съ чрезвычайно серьезнымъ видомъ разговаривалъ съ отцомъ объ Оксфордѣ и о своихъ планахъ.

На другой день, послѣ обѣда, я отправился въ Бёрнморъ-Гоузъ, но, не найдя никого дома, прошелъ въ садъ, къ индѣйскому павильону, выстроенному по желанію лэди Ледислоу подъ большими старыми, развѣсистыми деревьями съ восточной стороны дома. Тамъ я нашелъ хозяйку дома въ обществѣ ея кузины Елены Христіанъ и еще трехъ молодыхъ людей.

Лэди Ледислоу очень привѣтливо поздоровалась со мной.

— Дѣти играютъ въ теннисъ,—сказала она мнѣ, указывая рукой въ сторону площадки, и я тотчасъ же увидалъ тамъ Гюя, который выросъ такъ, что его трудно было узнать.

Рядомъ съ нимъ стояла прелестная молоденькая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и большой мягкой шляпѣ, прикрывавшей ея глаза. Блики солнечныхъ лучей, пробивавшихся сквозь густую листву каштановыхъ деревьевъ, сверкали блестящими подвижными пятнами на ея тоненькой, стройной фигурѣ, то появляясь, то исчезая при всякомъ ея движеніи и точно перегоняясь другъ съ другомъ.

— Стивъ пріѣхалъ!—закричала она, увидѣвъ меня, и замахала мнѣ ракеткой.

Я совсѣмъ не помню, что я ей сказалъ и что она говорила мнѣ, но могъ бы и теперь описать въ мельчайшихъ подробностяхъ ея наружность и то впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Я былъ настолько потрясенъ внутренно, что мнѣ понадобилось не мало усилій, чтобы вернуть самообладаніе и побороть волненіе, овладѣвшее мной. Я старался вспомнить свое выдающееся положеніе въ школѣ и то, что я нахожусь на порогѣ Оксфорда, иначе мнѣ трудно было бы побѣдить свое смущеніе и молчаливость.

Конечно, я былъ пораженъ тѣмъ удивительнымъ превращеніемъ, которое произошло въ ней. Въ моей памяти сохранился образъ дѣвочки съ длинными и тонкими ногами, такъ некрасиво выглядывавшими изъ-подъ короткой юбки. Мы были съ ней въ дружбѣ въ дѣтствѣ, но я хорошо помнилъ ея задорный нравъ и

царапины. А теперь я видѣлъ передъ собой граціозную молодую женщину, изящно одѣтую и столь увѣренную въ себѣ!

Сколько мнѣ помнится, я съ нею почти не разговаривалъ за столомъ и только съ необычайно корректной вѣжливостью, но полнымъ равнодушіемъ принималъ отъ нея то, что она передавала мнѣ во время завтрака, угощая меня какъ хозяйка. Зато я былъ особенно внимателенъ къ старшимъ и вступалъ въ оживленный разговоръ съ лэди Ледислоу и ея гостемъ, какимъ-то джентльменомъ небольшого роста, въ коричневомъ костюмѣ.

Впослѣдствіи Мэри созналась мнѣ, какъ она ждала нашей встрѣчи и какъ ее огорчало мое невниманіе.

Потомъ мы опять сошлись съ нею въ павильонѣ. Ледъ былъ, наконецъ, сломанъ, и мы бесѣдовали уже какъ добрые старые товарищи. Мы гуляли въ саду между клумбами, пестрѣющими массой цвѣтовъ, и долго стояли, облокотившись на балюстраду, передъ гротомъ съ искусственными сталагмитами и нелѣпой статуей амура посрединѣ, откуда билъ небольшой фонтанъ. Я замѣчалъ, что она съ любопытствомъ разглядывала меня, въ то время какъ мы разговаривали съ ней о цвѣтахъ, о канадской зимѣ и потомъ внезапно, безъ всякаго перехода, стали вспоминать старые годы и наши дѣтскія забавы и игры. Моя неловкость и смущеніе исчезли совершенно. Я разговаривалъ съ нею легко и свободно, испытывая во всемъ своемъ существѣ странный трепетъ, вызываемый ея присутствіемъ. Ея красота была для меня неожиданнымъ открытіемъ, настолько поразившимъ меня, что я больше смотрѣлъ на нее, нежели слушалъ то, что она говорила, и просто наслаждался звуками ея голоса и любовался движеніями ея прелестныхъ розовыхъ губъ во время разговора съ нею. Не все ли равно, что она говорила!..

Мы отдались воспоминаніямъ дѣтства.

— Помните, какъ я рассердилась, когда вы сломали мою палку?—вдругъ сказала она.

Мы оба разсмѣялись, и это окончательно сблизило насъ.

— Теперь бы я не могла такъ ударить васъ, Стефенъ!—прибавила она, и въ глазахъ ея искрилось лукавство.—Мнѣ кажется, я даже поцарапала васъ тогда?

— Нѣтъ, о нѣтъ! Вы никогда не царапались, никогда!—возразилъ я съ горячностью.

Но она настаивала.

— Мы уже выросли, вотъ что съ нами случилось!—вскричала она.—Мы не можемъ и не будемъ больше никогда такъ драться,

какъ бывало прежде, когда мы пускали въ ходъ руки и ноги. Это никогда больше не повторится, никогда, до самой смерти!...

— Къ лучшему или къ худшему!—воскликнулъ я, ощущая въ себѣ необычайный приливъ юношескаго задора.—О, какъ хорошо я помню этотъ яркій, солнечный день! Какъ сохранились въ моей памяти всѣ мельчайшія подробности ея разговора, ея движеній! Когда мы дошли до конца площадки тенниса, откуда начинались широкія ступени (она шла впереди меня), вдругъ повернувшись ко мнѣ, Мэри сдѣлала повелительный жестъ рукой и остановила меня на верхней ступени.

— Подождите,—сказала она и смѣрила меня взглядомъ съ головы до ногъ.—Да, на цѣлую ступень!—опредѣлила она.—Вы гораздо выше меня, Стефенъ, и теперь будете смотрѣть на меня сверху внизъ всю нашу остальную жизнь!

— Я всегда буду становиться ступенью или двумя ниже васъ,—отвѣтилъ я, смѣясь.

— Нѣтъ, станьте рядомъ со мной, Стефенъ. Дѣвушка должна быть ниже мужчины, а вѣдь вы—взрослый мужчина, хотя... А вотъ и Гюй съ шарами!

Она побѣжала навстрѣчу братьямъ, и потомъ мы сыграли партію въ теннисъ, она съ Филиппомъ противъ меня и Гюя. Она играла великолѣпно, а я часто дѣлалъ промахи, засматриваясь на нее...

Итакъ, на порогѣ моего вступленія въ жизнь я увидѣлъ Мэри, и все мое существо наполнилось ею. Я полюбилъ ее одновременно любовью мальчика и взрослаго человѣка. Мои мысли всегда вращались около нея; я или проводилъ время съ нею, или думалъ о ней, припоминалъ ея слова, жесты, ея смѣхъ или строилъ планы своихъ будущихъ встрѣчъ съ нею. Но я еще не зналъ тогда безсонныхъ ночей и засыпалъ спокойнымъ, безмятежнымъ сномъ юности, хотя и грезилъ о Мэри и просыпался съ мыслями о ней.

Мы проводили вмѣстѣ цѣлые дни, бродили по парку и разговаривали или молчали, но не сводили глазъ другъ съ друга. Дома, ложась въ постель, я припоминалъ каждое ея слово, интонацію ея голоса и мысленно произносилъ цѣлыя рѣчи, думая о томъ, что̀ я хотѣлъ бы сказать ей. Но въ ея присутствіи у меня нехватало на это смѣлости, и я, большею частью, молчалъ, упиваясь звуками ея голоса. Въ это лѣто мы оба были свободны отъ занятій, и никто не препятствовалъ намъ быть вмѣстѣ. Лэди Недислоу была слишкомъ поглощена своими личными огорченіями и заботами, чтобы обращать на насъ вниманіе. Она часто отлу-

чалась на нѣсколько дней, предоставляя насъ снисходительной гувернанткѣ, которой и въ голову не приходило вмѣшиваться въ дѣла Мэри. Притомъ же она привыкла видѣть меня постоянно, вмѣстѣ съ остальными дѣтьми въ Бёрнморѣ, а мы были въ ея глазахъ только дѣти!... Впрочемъ, можетъ быть, она не видѣла бы ничего дурного въ томъ, чтобъ мы немного влюбились другъ въ друга. Само собою разумѣется, что съ ея точки зрѣнія это могло быть лишь временное, переходное чувство, вполнѣ естественное въ наши годы.

Однажды, гуляя по парку, мы остановились у китайскаго мостика, въ тѣни большихъ деревьевъ. День былъ солнечный, жаркій, но густая листва вѣяла на насъ прохладой. Мы были одни, и оба молчали. Я чувствовалъ приливъ какой-то необычайной отваги и неизъяснимый трепетъ, охватившій все мое существо. И вдругъ наши глаза встрѣтились. Она стояла неподвижно, и во взорѣ ея появилась непривычная робость. Но она не отодвинулась даже тогда, когда я положилъ ей на плечи свои руки, и продолжала пристально и молча смотрѣть на меня.

Когда я теперь, спустя столько лѣтъ, вспоминаю эту минуту, то снова ощущаю странное, необъяснимое смятеніе, охватившее меня тогда. Все было такъ ярко и красочно тогда, такъ полно жизни, точно ясное небо въ моментъ разсвѣта.

Она сдѣлала чуть-чуть замѣтное движеніе ко мнѣ, и, повинуясь непреодолимому влеченію, не говоря ни слова, мы поцѣловались.

Мнѣ бы хотѣлось приложить къ этимъ воспоминаніямъ портретъ Мэри, какою она была въ то время. Всѣ ея портреты, которые у меня были, я сжегъ тогда, когда искренно вѣрилъ, что мы навсегда разстаемся, и у меня не сохранилось отъ нея ничего. Только ея образъ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Но я не знаю, сумѣю ли я словами передать то очарованіе, которое исходило отъ нея. Что она была красива,—это можно видѣть даже по ея портретамъ въ старыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, хотя, какъ это всегда бываетъ въ такихъ портретахъ, они все же искажаютъ ея наружность. Но какъ передать блескъ ея глазъ, прелестный, слегка красноватый оттѣнокъ ея пышныхъ волосъ, напоминающихъ теплое сіяніе австралійскаго золота?

Когда я пишу эти строки, я вижу ее передъ собой, безмолвную и улыбающуюся мнѣ своими потемнѣвшими глазами. Это видѣніе никогда не исчезнетъ изъ моей памяти.

Мы росли вмѣстѣ. Образъ девятнадцатилѣтней дѣвушки сливается въ моихъ воспоминаніяхъ съ образомъ двадцатипятилѣтней женщины.

Никакого неравенства не существовало между нами, но во многомъ она была лучше меня, и я сознавалъ ея превосходство. Я никогда не ухаживалъ за ней въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, никогда не имѣлъ видъ влюбленнаго въ нее. Мы любили другъ друга, не произнося никогда этого слова, какъ любятъ очень юныя существа. Мы были друзья, но наша дружба была освѣщена страстью.

Мнѣ кажется, это лучшій родъ любви. Я бы желалъ, мой сынъ, чтобы въ будущемъ ты полюбилъ женщину, которая была бы не моложе и не слабѣе тебя. Она должна быть тебѣ равной, не быть ни игрушкой для тебя, ни существомъ, которому ты поклоняешься. Первое унижаетъ женщину, второе—мужчину. Въ твои отношенія съ любимой женщиной долженъ включаться братскій элементъ. Та, которую ты полюбишь, не должна быть ни богиней, ни плѣнницей.

Но я желаю, чтобъ любовь принесла тебѣ больше счастья, чѣмъ она принесла мнѣ!..

Мери обладала болѣе живымъ умомъ, быстрѣе схватывала, нежели я, и была образованнѣе меня. Воспитаніе, полученное мной, было ограничено неподвижными рамками школьнаго и университетскаго преподаванія. Мэри бѣгло говорила по-французски и по-нѣмецки, я же зналъ только математику и классическіе языки, на изученіе которыхъ потратилъ годы моей юности. Эти знанія не могли принести мнѣ большой пользы въ жизни, и при ихъ помощи я ничего не могъ достигнуть. Они даже не способствовали моему общему развитію, и свои мысли я черпалъ изъ газетъ и журналовъ. Мэри же, наоборотъ, не только много читала, но слышала много хорошихъ разговоровъ, прислушивалась къ рѣчамъ умныхъ и выдающихся людей, много размышляла и не только составляла собственное мнѣніе о многомъ, но внушала его своимъ братьямъ, на которыхъ имѣла вліяніе. Ея мать позволяла ей читать все, что ей нравится, частью потому, что находила такую систему болѣе цѣлесообразной, а частью оттого, что такой либерализмъ въ воспитаніи доставлялъ ей меньше хлопотъ.

Мы съ Мэри вели самые серьезные разговоры другъ съ другомъ. Я не помню, чтобъ мы когда-нибудь разговаривали о любви, хотя мы были очень влюблены тогда. Мы цѣловались, оставаясь одни, и иногда,—что казалось намъ большою смѣлостью,—мы прогуливались, держась за руки. А однажды я простеръ свою дерзость до того, что перенесъ ее на рукахъ черезъ болотистый лугъ и крѣпко прижималъ ее къ своей груди. Для насъ это было важ-

нымъ событіемъ. Но мы все же были застѣнчивы и точно стыдились другъ друга, стыдились нѣжныхъ словъ, которыя просились у насъ на уста, стыдились ласкъ! Множество прекрасныхъ смѣлыхъ вещей, которыя я мечталъ сказать ей, такъ и остались невысказанными. Я не помню даже, чтобъ мы тогда давали какія-нибудь ласковыя клички другъ другу. Но мы шутили, изощряли свое остроуміе, стараясь понравиться другъ другу, и говорили, говорили обо всемъ, что насъ занимало тогда, повѣряя другъ другу свои мысли, свои сомнѣнія.

Между прочимъ, мы разговаривали о религіи. Она была первая, заставившая меня коснуться этого предмета послѣ стольких лѣтъ молчанія, которое я самъ наложилъ на себя. Я хорошо помню ея слегка раскраснѣвшееся личико, которое она приблизила ко мнѣ, говоря:

— Но, Стефенъ, если въ дѣйствительности тутъ нѣтъ правды, то зачѣмъ же они намъ это говорятъ постоянно? Что правда? Для чего мы существуемъ? Для чего это все?...

Я испытывалъ большое смущеніе и неловкость, касаясь этихъ запрещенныхъ темъ, и поэтому въ замѣшательствѣ отвѣчалъ:

— Я полагаю, что во всемъ этомъ заключается своего рода истина...—и, вспомнивъ Сиддонса, прибавилъ:—Безчисленное множество людей, гораздо умнѣе насъ...

— Да,—прервала она,—но для насъ это не имѣетъ значенія. Безчисленное множество людей умнѣе насъ говорили одно, а другое безчисленное множество людей, тоже умнѣе насъ, утверждали какъ разъ противоположное. Но мы-то должны же понять сами для себя!... А мы вѣдь не понимаемъ, Стефенъ!...

Она поставила такъ вопросъ, что я долженъ былъ выбирать между вѣрой и отрицаніемъ. Но я увернулся, отвѣчая ей вопросомъ на вопросъ:

— Развѣ вы не чувствуете, что есть Богъ?—спросилъ я.

Она колебалась нѣсколько мгновеній и потомъ тихо проговорила:

— Я чувствую, что есть что-то... что-то очень прекрасное. Это все, что я знаю, Стефенъ.

Послѣднія слова она сказала совсѣмъ шопотомъ.

Потомъ мы вели безконечные разговоры о томъ, что я намѣренъ дѣлать въ жизни. О себѣ, о своихъ планахъ она избѣгала говорить и очень ловко уклонялась, когда я касался этой темы. Но моя жизненная карьера занимала ее, и мы обсуждали съ ней всевозможные виды дѣятельности. Сначала я высказалъ скромное желаніе, внушенное мнѣ школьнымъ воспитаніемъ, избрать ка-

кой-нибудь полезный и почтенный родъ службы въ своемъ отечествѣ. Но ея язвительное замѣчаніе повергло въ прахъ всѣ мои планы.

На мое заявленіе, что я хотѣлъ бы заниматься какой-нибудь полезной общественной работой, она спросила съ удареніемъ:

— И это все, что вы желаете?

Я лежалъ на травѣ и ковырялъ землю своимъ перочиннымъ ножомъ. Выдернувъ корешокъ, я сказалъ, не глядя на Мэри:

— Да, это было все... пока я не встрѣтился съ вами!

— А теперь?

— Теперь я желаю только васъ.

— Меня не стоитъ желать! Я хочу, чтобъ вы желали весь міръ. И почему бы вамъ не желать этого?

Когда я заговорилъ о важности служенія имперіи, она воскликнула:

— Да, но эта служба должна быть великой! Не стоитъ заниматься мелочами и дѣлать маленькія дѣла для другихъ, которые вообще ничего не дѣлаютъ. Я хочу, чтобъ вы побѣдили людей и вели бы ихъ за собой... Ахъ, Стефенъ, временами, когда я смотрю на васъ, я почти желаю быть мужчиной... чтобы сдѣлать все то, что вы будете дѣлать!...

— Для васъ, для васъ!...—вскричалъ я и протянулъ къ ней руки, но она не обратила вниманія на мой жестъ. Она сидѣла, скорчившись, на травѣ, и глаза ея были устремлены вдаль, гдѣ зеленѣли обширныя пространства парка.

— Вотъ для чего существуютъ женщины,—проговорила Мэри задумчиво,—чтобы указывать мужчинамъ, какъ можетъ быть великолѣпна жизнь, чтобы не давать имъ погрязнуть въ мелочахъ и заставлять ихъ сбрасывать съ себя робкое подчиненіе условіямъ жизни, чтобы побуждать ихъ устремляться вверхъ...

Вдругъ Мэри повернулась ко мнѣ и торжественно произнесла:

— Стефенъ, обѣщайте и поклянитесь мнѣ, что, чѣмъ бы вы ни сдѣлались въ будущемъ, вы никогда не будете заниматься мелочами, никогда не станете безцвѣтнымъ, сѣренькимъ, почтеннымъ джентльменомъ, скромнымъ, тяжеловѣснымъ и немного ожирѣвшимъ, никогда не будете такимъ... такимъ, какъ всѣ! Поклянитесь мнѣ.

— Клянусь!—отвѣтилъ я.

— Мною?

— Да, вами. Но у васъ нѣтъ Евангелія, которое я могъ бы поцѣловать, такъ дайте же мнѣ вашу руку!...

И вотъ, мы не разставались все лѣто. Я приходилъ въ Бёрн-

моръ-Гоузъ почти каждый день, и старшіе думали, что мы, дѣти, проводимъ время вмѣстѣ, играя въ теннисъ или во что-нибудь другое. Но на самомъ дѣлѣ мы всѣ расходились въ разныя стороны, и, по молчаливому соглашенію, Гюй и Филиппъ уходили каждый съ одной изъ сестеръ Фауней, а мнѣ была предоставлена Мэри.

Разумѣется, я былъ очень доволенъ и строилъ разныя предположенія по поводу той свободы, которой мы пользовались, но теперь я объясняю себѣ это тѣмъ, что въ глазахъ лэди Ледислоу мы все еще были дѣтьми, и вообще идея брачнаго союза между нами представлялась ей столь же невѣроятной, какъ если-бъ мы были братомъ и сестрой. Въ матримоніальномъ отношеніи я никуда не годился, не имѣя ни средствъ, ни положенія. Все, что я могъ бы заработать въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ, нехватило бы даже на платья для Мэри. Но само собою разумѣется, что въ то блаженное время я еще не думалъ о такихъ вещахъ. Я былъ счастливъ и наслаждался жизнью и любовью, не думая о будущемъ. Когда, наконецъ, пришло время ѣхать въ Оксфордъ, то мы очень нѣжно простились съ Мэри, обнимаясь и цѣлуясь и давая другъ другу разныя обѣщанія. Я и не подозрѣвалъ тогда, что больше никогда въ жизни мы не будемъ встрѣчаться съ нею такъ свободно и радостно и безъ всякихъ стѣсненій, какъ въ это послѣднее лѣто! Оно, дѣйствительно, было послѣднимъ радужнымъ временемъ въ нашей жизни. Съ этого момента начались для насъ всевозможныя затрудненія и стѣсненія. Тѣнь тайны вкралась въ наши отношенія. Мы должны были скрывать нашу переписку.

Я уѣхалъ въ Оксфордъ, какъ уѣзжаютъ въ изгнаніе, а Мэри переѣхала въ Лондонъ. Я долженъ былъ отправлять свои письма такъ, чтобы ихъ доставляли утромъ, раньше чѣмъ встанетъ лэди Ледислоу. Впрочемъ, за нашей перепиской никто не слѣдилъ, и мы напрасно такъ остерегались. Но Мэри всетаки боялась. Потомъ она дала мнѣ другія инструкціи. Я долженъ былъ адресовать свои письма къ ней на имя одной изъ сестеръ Фауней, находившейся всецѣло подъ ея вліяніемъ и даже не спрашивавшей Мэри, для какой цѣли нуженъ ея адресъ.

Мэри писала мнѣ безъ всякаго стѣсненія, точно разговаривала со мной, какъ въ былое время. Всѣ ея письма я уничтожилъ послѣ наступившаго кризиса, но нѣкоторыя изъ моихъ писемъ она сохраняла въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ концѣ-концовъ они вернулись ко мнѣ и теперь хранятся у меня. Я перечиталъ ихъ снова и, кромѣ незрѣлости сужденій да недостаточной обду-

манности нѣкоторыхъ выраженій, я не нашелъ въ нихъ ничего, чего бы могъ теперь стыдиться. Въ нихъ отражается мое тогдашнее исканіе такой карьеры, которая удовлетворяла бы мое стремленіе къ возвышенной и полезной дѣятельности. Тогда это было моею главною заботой. Моя склонность къ широкому имперіализму также выражается въ моихъ письмахъ, но въ то же время можно уже замѣтить первые легкіе признаки критическаго отношенія къ имперіалистскому движенію. Въ одномъ письмѣ я даже старался объяснить Мэри, что имперіализмъ вовсе не долженъ быть проникнутъ воинственнымъ духомъ. Напротивъ, онъ долженъ способствовать водворенію мира и порядка вездѣ, гдѣ развѣвается британскій флагъ. Я всячески старался доказать это Мэри, говоря о своемъ желаніи посвятить себя служенію имперіи. Въ другомъ мѣстѣ письма я снисходительно отзывался о соціализмѣ, но порицалъ „узость взглядовъ соціалистовъ". Между прочимъ, я сообщалъ также объ успѣхѣ моихъ первыхъ рѣчей въ студенческомъ клубѣ, и хотя я нѣсколько иронически отзывался объ этомъ, но тѣмъ не менѣе было ясно, что я очень гордился этимъ успѣхомъ.

Мэри отвѣчала мнѣ въ такомъ же возвышенномъ тонѣ, только письма ея были лучше написаны и сверкали блестками остроумія, тогда какъ у меня былъ нѣсколько тяжеловѣсный слогъ. О любви мы почти не говорили въ своихъ письмахъ. Только въ одномъ изъ нихъ я написалъ внизу, послѣ своей подписи: „Я люблю васъ, люблю!..“ Но она была болѣе сдержанна и не произносила этого слова. Она писала мнѣ: „Милый Стивинеджъ, (она придумала такъ называть меня), какъ бы я желала, чтобъ вы были здѣсь, со мной!... Милый, милый Стивинеджъ!...“ Это были единственные ласкательные эпитеты, которые она расточала мнѣ, и я сотни разъ перечитывалъ эти дорогія строки.

Разлука наша затянулась. Одинъ разъ мы случайно встрѣтились въ Лондонѣ, въ декабрѣ, у общихъ знакомыхъ, въ пріемный день. Я почувствовалъ робость и смущеніе при видѣ Мэри. Она была одѣта въ изящный зимній костюмъ и поэтому казалась мнѣ чужой и далекой, точно въ ней произошла какая-то перемѣна. А весной я получилъ печальное извѣстіе, что все слѣдующее лѣто семья Ледислоу проведетъ въ Шотландіи.

Конечно, я сдѣлалъ все, что было въ моихъ юношескихъ силахъ, чтобы попасть въ Шотландію. Но мнѣ такъ и не удалось видѣться съ нею, и мы не встрѣчались цѣлый годъ. Разумѣется, и съ нею, и со мною произошли въ это время большія перемѣны, и до нѣкоторой степени мы забывали другъ друга. Дѣйствитель-

но, проходили недѣли, и мы даже не вспоминали другъ о другѣ, но затѣмъ вдругъ мы начинали ощущать тоску. Помню коротенькую записку, которую я получилъ отъ нея. „О, Стивинеджъ!— писала она.—Быть можетъ, мы увидимся на Пасху!...“ Но и Пасха принесла мнѣ горькое разочарованіе. Ставни Бёрнморъ-Гоуза оставались закрытыми! Домъ былъ пустъ и только трое старыхъ слугъ оставались въ немъ. Мэри и ея семья уѣхали на Канарскіе острова, согласно странному капризу лэди Ледислоу, а лордъ Ледислоу проводилъ лѣто въ Италіи.

Какимъ пустыннымъ казался мнѣ огромный паркъ, не оживляемый больше присутствіемъ моей юной подруги! Я грустно бродилъ одинокій по аллеямъ и по нашимъ излюбленнымъ мѣстамъ, вспоминая то чудное, свѣтлое лѣто, которому не суждено было повториться въ моей жизни. И красота парка казалась мнѣ такой безцѣльной и безполезной въ эти минуты тоски и одиночества!

Мэри писала мнѣ въ Оксфордъ очень неаккуратно. Иногда проходили недѣли безъ единаго письма отъ нея, затѣмъ вдругъ она начинала писать очень часто. Отъ времени до времени я получалъ отъ нея письмо, проникнутое любовью, и эти рѣдкія письма сіяли, точно звѣзды передъ моими глазами. Большею же частью ея письма были написаны въ дружески ироническомъ тонѣ. Должно быть, и тонъ моихъ писемъ тоже измѣнялся. Мы привыкали жить въ разлукѣ. Наступали недѣли полнаго молчанія.

И, однако, когда я раздумываю о своей жизни, то мнѣ становится ясно, что Мэри всегда руководила ею. Я только съ нею говорилъ о своей работѣ, о своихъ цѣляхъ, только ей повѣрялъ свои честолюбивыя мечты!

Наконецъ, яркій лучъ надежды и радости освѣтилъ мою жизнь. Я получилъ отъ нея записку, въ которой она сообщала, что это лѣто проведетъ въ Бёрнморѣ.

Помню, какъ я читалъ и перечитывалъ эти строки, стараясь найти въ нихъ хоть какой-нибудь намекъ, что наша прежняя близость остается неизмѣнной. Но я ничего такого не находилъ въ письмѣ. Мы должны были скоро встрѣтиться. Но какова будетъ наша встрѣча? Какъ она взглянетъ на меня? Что она подумаетъ обо мнѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, все было уже не такъ, какъ прежде. Наша первая встрѣча въ этотъ новый періодъ нашей жизни принесла мнѣ сильнѣйшее разочарованіе. Молодая, элегантно одѣтая аристократка, которую я увидѣлъ на террасѣ, среди блестящаго об-

щества, казалось, не имѣла ничего общаго съ той, чей образъ я лелѣялъ въ своей душѣ, чьи уста готовы были цѣловать меня и шептать мнѣ ласковыя слова подъ сѣнью столѣтнихъ вязовъ бѣриморскаго парка! Я былъ пораженъ перемѣной и понялъ, что я лелѣялъ только мечту. Мэри съ такою самоувѣренностью держала себя въ обществѣ и, слегка кивнувъ мнѣ головой въ отвѣтъ на мой поклонъ, продолжала прерванный разговоръ съ высокимъ, сутуловатымъ господиномъ, который былъ не кто иной, какъ нашъ первый министръ Ившэмъ. Онъ заѣхалъ въ Бѣриморъ по пути въ Ранлей и остался завтракать. Мэри весело смѣялась, разговаривая съ нимъ совершенно легко и свободно, какъ смѣялась нѣкогда, когда бывала со мной. Почти три года я не слыхалъ ея серебристаго смѣха, и мнѣ опять казалось, что никакая музыка на свѣтѣ не можетъ сравниться съ нимъ.

— Но, мистеръ Ившэмъ,—услышалъ я ея голосъ,—въ настоящее время мы уже не вѣримъ такимъ вещамъ!

— Вамъ придется еще многому повѣрить, очень многому,— возразилъ Ившэмъ съ сіяющей улыбкой.—Способность вѣрить развивается путемъ упражненія. Я увѣренъ, что Джустинъ поддержитъ меня. Не такъ ли я говорю?...

Онъ обратился къ стоящему нѣсколько поодаль господину среднихъ лѣтъ, небольшого роста, но съ большой головой и смуглымъ лицомъ, выразительные глаза котораго были съ нескрываемымъ восхищеніемъ устремлены на смѣющееся личико Мэри. Онъ небрежно отвѣтилъ что-то Ившэму, не спуская глазъ съ Мэри, но я его отвѣта не могъ разслышать.

Такъ это былъ Джустинъ, невѣроятно богатый и могущественный человѣкъ, который могъ по желанію создавать и разрушать цѣлыя богатства въ одинъ день.

Мэри весело разсмѣялась въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе Джустина и опять заговорила съ Ившэмомъ. Но вскорѣ послѣ этого я увидѣлъ, что она отдѣлилась отъ остальной группы гостей и направляется въ мою сторону. Я стоялъ и о чемъ-то говорилъ съ Филиппомъ въ ту минуту, когда она подошла къ намъ. Года два назадъ мы всѣ были дѣтьми, да и теперь еще мы съ Филиппомъ были только юношами, подающими надежды, ничего больше, тогда какъ Мэри, казалось, достигла уже полнаго расцвѣта и сіяла лучезарной красотой, какъ прелестный весенній цвѣтокъ.

— Вотъ и Стефенъ,—сказала она, улыбаясь и глядя мнѣ въ глаза.—Ну, посмотримъ теперь! Послѣ завтрака мы пойдемъ на

ступени. Надѣюсь, вы не будете смотрѣть на меня сверху внизъ? Я вѣдь думала, что выросту за это время!

— Я остался такого же роста,—отвѣтилъ я.

— И все же вы остаетесь выше меня,—возразила она.

Джустинъ тотчасъ же послѣдовалъ за нею и подошелъ къ намъ. Онъ фамильярно протянулъ руку Филиппу, проговоривъ: „Ну что, мой юный другъ, какъ поживаете?“ Его тонъ и слова сразу указали намъ наше мѣсто. Филиппъ представилъ меня, и Джустинъ, разсѣянно взглянувъ, кивнулъ мнѣ головой и тотчасъ же обратился къ Мэри:

— Лэди Мэри, я хотѣлъ еще сказать вамъ...

Я поймалъ взглядъ Мэри, изъ котораго могъ заключить, что ей хотѣлось еще многое сказать мнѣ, но ни у нея, ни у меня нехватило ни смѣлости, ни умѣнія отдѣлаться отъ Джустина, ходившаго за нею по пятамъ.

— Я хотѣлъ сказать вамъ,—продолжалъ Джустинъ,—что я отыскалъ маленькую японку, которая сумѣла исполнить ваше желаніе...

— Какое желаніе, мистеръ Джустинъ?—спросила недоумѣвающая Мэри.

— Какъ? Вы уже забыли?... О, не говорите этого!—вскричалъ Джустинъ.—Вѣдь вы же хотѣли имѣть точную копію японскаго домика?... Ну вотъ, я и велѣлъ сдѣлать его... по указаніямъ японки, тамъ, около группы карликовыхъ кленовыхъ деревьевъ...

— Итакъ, вы снова въ Бёрнморѣ, мистеръ Страттонъ!—вдругъ послышался голосъ лэди Ледислоу, обратившейся ко мнѣ, и я такъ и не узналъ, какъ отнеслась Мэри къ такому быстрому исполненію ея преходящей и уже забытой фантазіи.

Лэди Ледислоу ласково привѣтствовала меня и пожимала мнѣ руку, но я видѣлъ, что она смотритъ въ сторону перваго министра и ждетъ, чтобы онъ подошелъ къ ней.

Раздались звуки гонга, и мы группами направились въ столовую, гдѣ былъ сервированъ лёнчъ. Мэри шла подъ руку съ Джустиномъ, какая-то высокая, толстая дама завладѣла Гюемъ, а Ившэмъ, конечно, шелъ съ хозяйкой дома, лэди Ледислоу. За ними слѣдовало еще нѣсколько паръ, и самыми послѣдними были Филиппъ и я. Мы шли молча, чувствуя свою приниженность. Вѣдь даже Гюй опередилъ насъ! Я былъ подавленъ сдѣланнымъ мною открытіемъ. Какъ измѣнилось многое за эти годы! Въ то время какъ я, сидя надъ лекціями и книгами, насыщалъ свою голову теоретическими науками и классическими языками и размышлялъ объ имперіи и о томъ, какъ бы я могъ

служить ей, Мэри жила въ свѣтѣ и пріобрѣтала свѣтскій опытъ, познавая жизнь. И постепенно между нами расширялась пропасть.

Лёнчъ былъ сервированъ въ большой парадной столовой. Мы разсѣлись какъ попало за столомъ, но тѣ, которые пришли раньше, сгруппировались около лэди Ледислоу, Ившэма, Джустина и Мэри. Я, разумѣется, выбралъ такое мѣсто, откуда могъ все-таки видѣть деликатный профиль Мэри, возлѣ которой усѣлся Джустинъ, демонстративно подчеркивавшій свое вниманіе къ ней. Моей сосѣдкой была лэди Випингъ, вдова знаменитаго сэра Джошуа, который былъ судьей по дѣламъ о разводѣ и славился своею суровостью, потому что не вѣрилъ въ благодѣтельность развода. Я думаю, что онъ своими разсказами вліялъ и на свою супругу, развивая у нея страсть къ свидѣтельскимъ показаніямъ и черезчуръ большое любопытство. Она непремѣнно хотѣла знать все про всѣхъ и каждаго и поэтому забросала меня вопросами, на которые я не всегда могъ отвѣтить удовлетворительно.

— Такъ это знаменитый мистеръ Джустинъ?—шепнула мнѣ лэди Випингъ, приставляя къ глазамъ лорнетъ.

Я въ это время смотрѣлъ на Мэри, къ которой Ившэмъ, нагнувшись черезъ столъ, обратился съ какимъ-то замѣчаніемъ.

— Не помню, какъ это называется: брахицефалическій или долицефалическій? — продолжала шептать мнѣ въ ухо лэди Випингъ.

Я понялъ, что она говоритъ о головѣ Джустина и, обернувшись къ ней, сконфуженный своимъ невниманіемъ, поспѣшилъ отвѣтить:

— О, конечно, брахицефалическій.

— Говорятъ, что онъ ненавистникъ женщинъ, но что-то не похоже на это!—язвительно замѣтила лэди Випингъ.

— Кто?—разсѣянно спросилъ я, напрягая слухъ, чтобы услышать отвѣтъ Мэри Ившэму.—Ахъ, да... Джустинъ!...

— Вотъ этотъ самый великій финансовый каннибалъ! Что если она превратитъ его въ филантропа? Странныя вещи бываютъ на свѣтѣ! Посмотрите на него. Вѣдь у него и вправду нѣжное выраженіе лица, когда онъ глядитъ на нее!

Я ненавидѣлъ себя за то, что не могъ удержаться, и взглянулъ въ ту сторону. Джустинъ что-то говорилъ Мэри вполголоса, что-то такое, что заставило ее вдругъ быстро взглянуть на меня и густо покраснѣть, прежде чѣмъ отвѣтить ему, а между тѣмъ неумолимая лэди Випингъ, не отнимая лорнетки, продолжала свои наблюденія. Я же готовъ былъ провалиться сквозь

землю, сознавая всю свою безпомощность и унизительность своего положенія.

— Развѣ она не очаровательна?—говорила лэди Випингъ.

Къ счастію, ея вниманіе было отвлечено лакеемъ, который разносилъ кушанья.

— Это баранина?—спросила она.—Я сказала сначала, что не люблю баранины, но потомъ вспомнила, что, наоборотъ, я ее люблю, въ особенности, если къ ней подается шпинатъ. Я совсѣмъ забыла о шпинатѣ... Да, пожалуйста, скажите ему.

Я позвалъ лакея и велѣлъ подать ей блюдо съ бараниной.

— Не правда ли, она очаровательна... точно картинка изъ дрезденской галлереи, мистеръ Страттонъ? А кто эта смуглая лэди съ маленькими усиками, которая сидитъ рядомъ съ Гюемъ?

Я не могъ удовлетворить ея любопытства, поэтому она обратилась къ своему сосѣду съ другой стороны:

— Сэръ Годфрей, кто эта смуглая лэди? Нѣтъ, я говорю не о Мэри Фиттонъ! Та, другая... Ахъ, это миссисъ Роперстонъ, вотъ что!...

Она снова поднесла лорнетку къ глазамъ и, оглядѣвъ миссисъ Роперстонъ, занялась бараниной, которую ей принесъ лакей.

— Побольше шпината,—сказала она ему и на нѣкоторое время оставила меня въ покоѣ.

Но затѣмъ я опять услышалъ ея ужасный шопотъ, обращенный ко мнѣ:

— Посмотрите, мистеръ Ившэмъ опять смѣется!—заговорила она.—Это уже во второй разъ. Онъ, повидимому, очень доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ очень рѣдко смѣется! А она похожа на прелестную пастушку, не правда ли, мистеръ Страттонъ? Только мистеръ Джустинъ не годится для роли пастушка... Голова его напоминаетъ кувшинъ, но... золотой! Не будь Гюй ея братомъ, они бы составили прекрасную пару. Жаль. Этотъ мальчикъ удивительно красивъ... А скажите, вы не знаете, сколько лѣтъ миссисъ Роперстонъ? Вы не знаете?... Я спрошу сэра Годфрея... Вы изъ принципа никогда не строите никакихъ догадокъ? Превосходно. У васъ у всѣхъ такіе возвышенные принципы!... Мистеръ Страттонъ, скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, кто этотъ хилый маленькій человѣчекъ, который сидитъ возлѣ лэди Ледислоу?...

Я слушалъ эту несносную болтовню, раздававшуюся въ моихъ ушахъ, точно жужжаніе мухи, и въ то же время испытывалъ неловкое чувство, потому что моему разгоряченному воображенію казалось, что глаза молчаливыхъ и наблюдательныхъ слугъ

въ столовой устремлены на меня и что они замѣчаютъ, какъ часто я взглядываю на ихъ молоденькую хозяйку. На самомъ же дѣлѣ, конечно, ничего подобнаго не было, и они только наблюдали за порядкомъ, блюдами и стаканами, которые должны были наполнять. Но я не могъ ничего ѣсть. Неловкое ощущеніе не проходило, и мнѣ представлялось, что всѣ замѣчаютъ мое состояніе и даже сэръ Годфрей иронически поглядываетъ на меня.

Глухое негодованіе противъ Мэри закипало въ моей душѣ. Она отреклась отъ меня, оттолкнула меня! Если бы этого не было, то она должна была бы какъ-нибудь дать мнѣ почувствовать, что она помнитъ меня. Ея словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ лёнчемъ, я не придавалъ значенія. Я чувствовалъ только одно,—что она не должна была обращать такъ много вниманія на Джустина, не должна была отвѣчать ему. Очевидно, ей нравилось ухаживаніе этихъ мужчинъ, ихъ поклоненіе и лесть!

Обуреваемый этими чувствами, я вдругъ впервые замѣтилъ роскошную сервировку стола, за которымъ сидѣлъ, обиліе дорогихъ яствъ, цѣнный хрусталь, сверкавшій въ солнечныхъ лучахъ, и великолѣпную столовую. Я такъ часто бывалъ въ Бёрниморъ-Гоузѣ, но роскошь его обстановки до сихъ поръ никогда не бросалась мнѣ въ глаза.

Въ этотъ моментъ я чувствовалъ себя, какъ бѣднякъ, попавшій въ домъ къ богатому родственнику. Въ самомъ дѣлѣ, я готовъ былъ симпатизировать анархистамъ! То время, которое мы съ Мэри проводили въ паркѣ, прошло безвозвратно.

Лэди Винингъ, очевидно, пришедшая въ отчаяніе отъ моей неразговорчивости, занялась сэромъ Годфреемъ. Но и онъ оказался столь же мало сообщительнымъ, поэтому она опять обратилась ко мнѣ.

— Посмотрите-ка на него въ профиль,—сказала она, вынуждая меня опять взглянуть въ сторону Мэри.

Очевидно, Джустинъ продолжалъ ее интересовать.

— У него тупое лицо,—замѣтилъ я.

— У него властное лицо,—возразила она.—Я бы не рѣшилась возставать противъ него... Что это? Персики? Отлично. Передайте мнѣ, пожалуйста, сливки...

Я ждалъ съ нетерпѣніемъ конца лёнча. Придетъ ли Мэри къ ступенямъ лѣстницы, чтобы помѣряться ростомъ, какъ бывало прежде? Но она или въ самомъ дѣлѣ забыла о своемъ намѣреніи, или же сочла благоразумнѣе позабыть объ этомъ.

Я простился съ лэди Ледислоу тотчасъ же послѣ отъѣзда Ившима, когда остальные гости разсѣялись по группамъ. Но

итти домой я не могъ съ той ужасной тяжестью, которая была у меня на душѣ, поэтому повернулъ въ самый отдаленный и пустынный уголъ парка, по направленію къ лѣсу. Тамъ я легъ на траву и долго такъ лежалъ неподвижно. Я былъ подавленъ и потрясенъ сдѣланнымъ мною открытіемъ и той атмосферой роскоши и лести, которая окружала теперь Мэри, и впервые я почувствовалъ необходимость принять окончательное рѣшеніе относительно своей будущей карьеры. Я строилъ планы и подготовлялъ свое первое пораженіе въ жизни. Но я еще не сознавалъ этого и, ударяя кулакомъ по землѣ, говорилъ громко: „Я хочу ея, хочу! И я добьюсь ея! Мнѣ все равно, если придется отдать всю свою жизнь!..“

Потомъ я успокоился и, присѣвъ на траву, принялся обдумывать свое положеніе.

IV.

Бракъ лэди Мэри Христіанъ.

Въ теченіе трехъ или четырехъ дней я не имѣлъ случая перемолвиться съ Мэри даже ни однимъ словомъ. Нельзя было такъ, какъ прежде, когда мы еще были „дѣтьми“, приходить въ Бёрнморъ, безъ дальнихъ церемоній. Я долженъ былъ соблюдать въ отношеніи своихъ визитовъ извѣстныя свѣтскія правила. Между тѣмъ, я не могъ ни работать, ни отдыхать и бродилъ около Бёрнморъ-Гоуза, въ надеждѣ хотя бы мелькомъ увидать Мэри и выжидая благопріятнаго момента, чтобы явиться къ ней въ домъ.

Когда же я, наконецъ, рѣшился прійти въ Бёрнморъ-Гоузъ, то Джустина уже тамъ не было и на меня пахнуло добрымъ старымъ временемъ. Лэди Ледислоу очень привѣтливо встрѣтила меня и въ ея обращеніи не было и слѣда свѣтской сдержанности, поразившей меня въ ней во время параднаго завтрака, на которомъ я присутствовалъ въ день моего перваго визита.

— Ну, а какъ дѣла въ Кэмбриджѣ?—спросила она меня ласковымъ голосомъ, когда я вошелъ въ салонъ.

„Не все ли равно, Оксфордъ или Кэмбриджъ!“—подумалъ я въ эту минуту.

— Вы найдете ихъ въ саду, за теннисомъ,—сказала лэди Ледислоу, точно угадавъ мои мысли и указывая рукой въ садъ.

Дѣйствительно, я нашелъ „ихъ“ тамъ, вчетверомъ, и вынужденъ былъ ждать, пока Мэри и ея братья кончатъ игру.

— Мэри,—шепнулъ я ей, улучивъ свободную минутку,—не-

ужели мы больше никогда не будемъ разговаривать другъ съ другомъ?

— Все теперь измѣнилось,—отвѣчала она.

— Я умираю отъ желанія говорить съ вами такъ... какъ мы привыкли разговаривать прежде!

— И я... Стивинеджъ!... Но... вы видите сами!...

— Когда я приду въ слѣдующій разъ, то принесу вамъ свое письмо. Такъ много накопилось мыслей...

— Нѣтъ! Лучше вотъ что. Можете вы встать очень рано утромъ? Очень рано, въ пять или въ шесть часовъ? Никто здѣсь не подымается въ такой ранній часъ.

— Я готовъ дежурить всю ночь!

— Готово!—крикнулъ Мекстонъ.

Онъ игралъ противъ насъ двоихъ и нагнулся, чтобы завязать башмакъ, а я воспользовался этимъ моментомъ, чтобы переговорить съ Мэри.

Все слагалось такъ, чтобы не допускать между нами никакой близости. Но тѣмъ не менѣе мы все же улучили минутку, когда шли къ дому, гдѣ насъ ожидалъ чай. Филиппъ въ это время развязывалъ сѣтку, и Мэри, бросивъ украдкой взглядъ въ сторону Мекстона и Гюя и опредѣливъ разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ нихъ, шепнула мнѣ:

— Они всѣ уѣзжаютъ послѣ вторника. Итакъ, раньше шести часовъ.

— Въ четвергъ?

— Да.

— Но представьте себѣ всетаки, что мнѣ нельзя будетъ прійти?...

— Положимся на судьбу!

— Если мнѣ нельзя будетъ прійти въ это утро, то я приду въ другой разъ,—быстро проговорила она, замѣтивъ, что Гюй и Мекстонъ, шедшіе впереди, остановились и поджидаютъ насъ.

— Вы знаете, гдѣ находится старый ледникъ?—спросила она.

— Возлѣ огородовъ?

— Да. Въ самомъ дальнемъ углу. Только не проходите по дорогѣ, а прямо черезъ межу. Спрячьтесь въ кустахъ, пока не увидите, что я иду... Я въ этомъ году очень мало играла въ теннисъ... не болѣе шести разъ!—прибавила она громко.

Послѣдняя фраза предназначалась для ея братьевъ, которые подходили къ намъ.

— Вздоръ!—вскричалъ Гюй съ рѣзкостью, вообще свойственной братьямъ.—Ты играла по крайней мѣрѣ двадцать разъ!...

Мои мысли уносятся въ прошлое, къ Мэри и нашимъ тайнымъ свиданіямъ. Я помню мельчайшія подробности, и передъ моими глазами встаетъ картина ранняго утра, росистаго луга, усѣяннаго цвѣтами и освѣщеннаго яркими лучами утренняго солнца. Капельки росы сверкаютъ точно алмазы на листьяхъ растеній. Мы оставляемъ темно-зеленые слѣды, ступая по мокрой травѣ, и къ моимъ отсырѣвшимъ ботинкамъ пристаютъ лепестки и травинки. И теперь, вспоминая эти встрѣчи украдкой, я какъ будто ощущаю пріятную свѣжесть утренняго вѣтерка. Все кажется другимъ въ эти ранніе часы начинающагося дня и получаетъ другую оцѣнку. Длинныя тѣни тянутся по лугу, и высокія деревья выдѣляются рѣзче на фонѣ лазурныхъ небесъ. Я пристально смотрю въ даль, еще окутанную сѣроватымъ туманомъ, и вдругъ вижу Мэри. Она идетъ легкими шагами, точно окутанная сіяніемъ, радостная, веселая...

— О Стивинеджъ! — восклицаетъ она. — Какое счастье снова увидѣться съ вами!

Мы беремъ другъ друга за руки и нѣсколько минутъ стоимъ такъ, въ смущеніи, потомъ робко цѣлуемся.

— Пойдемъ!—говоритъ она.—У насъ есть часъ времени, и мы можемъ поговорить. Вѣдь еще нѣтъ шести часовъ... Вонъ тамъ лежитъ упавшее дерево. Мы сядемъ на него и положимъ ноги на вѣтви, чтобы не ощущать сырости... Ахъ, какъ хорошо освободиться отъ всего... отъ всего... и быть опять вмѣстѣ! Смотрите, вонъ тамъ стоитъ жеребенокъ и наблюдаетъ за нами...

— Вы рады быть со мной?—спросилъ я, ощущая уколъ подозрительной ревности.

— Я всегда бываю рада быть съ вами, — отвѣчала Мэри просто.—Отчего нельзя вставать такъ, на зарѣ, Стивинеджъ, каждый день въ теченіе своей жизни?...

Мы пошли по травѣ къ упавшему дереву. Помню, какъ заблестѣлъ въ солнечныхъ лучахъ тонкій золотой обручъ, охватывавшій кисть ея руки, когда она приподнимала свою юбку... Я помогъ ей взобраться на болѣе удобную и высокую вѣтку, такъ чтобы ея ноги могли свѣшиваться внизъ...

Всѣ эти подробности такъ ярко встаютъ въ моей памяти, какъ будто все это было только вчера. Что же касается нашего разговора, то я не могу возстановить его въ своей памяти съ такою же ясностью. Кажется, я добился отъ нея признанія, что она любитъ меня, и настаивалъ на томъ, чтобы она подождала меня три года, пока я не докажу всѣмъ, что выйти замужъ за меня можно, и что это не будетъ съ ея стороны безумнымъ поступкомъ.

— Я всѣ ночи продумалъ объ этомъ, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда,—сказалъ я.—Какъ-нибудь, да я добьюсь своего. Я напрягу всѣ свои силы, чтобы добиться! Вѣрьте въ меня!...

Я стоялъ у вѣтви, на которой она сидѣла, и она смотрѣла на меня сверху внизъ.

— Милый, милый, Стефенъ! — сказала она, наклоняясь ко мнѣ.—Мой дорогой мальчикъ! Никогда въ жизни мнѣ не хотѣлось такъ расцѣловать васъ, какъ въ эту минуту! Милый, дорогой... идите ко мнѣ, ближе...

Она перебирала своими тонкими пальчиками мои волосы и шептала, прижимаясь ко мнѣ:

— Мой рыцарь! Мой прекрасный, молодой рыцарь!...

Я, задыхаясь, нашептывалъ ей слова любви и вдругъ прижался къ ея свѣжимъ, какъ утренняя роса, губкамъ...

— Скажите же мнѣ, что вы намѣрены сдѣлать, чтобы завоевать для меня міръ?—спрашивала она.

Не помню, что я отвѣчалъ ей, но несомнѣнно, что я преисполненъ былъ въ ту минуту самыхъ горделивыхъ мечтаній и грозилъ побѣдить вселенную и повергнуть къ ея стопамъ. Ея рука лежала на моемъ плечѣ, и она внимательно слушала меня...

Но я знаю, что даже въ это первое утро нашей встрѣчи она ушла отъ меня съ такимъ чувствомъ, какъ будто возвращалась изъ прекраснаго міра сказокъ въ міръ реальныхъ фактовъ окружающей ея дѣйствительности. И всѣ мои мечты о властвованіи надъ міромъ постепенно разсѣивались, какъ разсѣивается утренній туманъ отъ солнечныхъ лучей, пока я стоялъ въ рощѣ, слѣдя за удаляющимся тонкимъ силуэтомъ Мэри и готовый скрыться за деревьями при первой же тревогѣ.

Наши слѣдующія три или четыре свиданія не такъ ясно сохранились въ моей памяти. Впрочемъ, мы встрѣчались не каждое утро, такъ какъ она боялась, что ея ежедневное раннее вставаніе можетъ показаться подозрительнымъ. Вѣдь раньше она не имѣла такой привычки!

Но одинъ разговоръ съ нею запечатлѣлся въ моей душѣ. Мы встрѣтились съ нею у искусственныхъ развалинъ, устроенныхъ въ отдаленномъ углу зарослей кустарника и дающихъ полную иллюзію настоящихъ развалинъ. Это было нѣчто вродѣ коринѳскаго портика, съ уцѣлѣвшими тремя колоннами, между которыми можно было видѣть холмистую мѣстность, простирающуюся до самаго горизонта.

Мы усѣлись на одну изъ валявшихся колоннъ. Утро, какъ мнѣ помнится, было пасмурное. Впрочемъ, можетъ быть, было

еще очень рано. Все было окутано туманомъ, и всѣ предметы, кусты и деревья, и домъ, казались такими странными и чуждыми въ этомъ сумеречномъ свѣтѣ.

Между нами произошла размолвка. Для меня стало ясно, что Мэри не думаетъ выходить за меня замужъ, что она боится связывать себя какимъ-нибудь обѣщаніемъ въ будущемъ, и все то великое и героическое, что я мечталъ совершить вмѣстѣ съ ней, было совершенно ей чуждо.

— Но Мэри, — говорилъ я, заглядывая въ ея поблѣднѣвшее личико,—развѣ вы не любите меня? Развѣ я вамъ не нуженъ?

— Вы знаете, что я люблю васъ, Стивинеджъ, вы это знаете!—отвѣчала она.

— Но когда любятъ другъ друга, то вѣдь не желаютъ разставаться, а хотятъ быть всегда вмѣстѣ, хотятъ принадлежать другъ другу...

Она взглянула на меня съ какимъ-то напряженнымъ выраженіемъ и послѣ минутнаго молчанія проговорила съ удареніемъ:

— Стивинеджъ, я хочу принадлежать только себѣ!

— Разумѣется, — подтвердилъ я тономъ, не допускающимъ возраженій, и ждалъ, что она скажетъ дальше.

— Зачѣмъ это надо непремѣнно связывать себя съ другимъ существомъ? — воскликнула она. — Зачѣмъ надо принадлежать кому-нибудь? Отчего это непремѣнно должно быть?...

Я ужъ не помню, что я возражалъ ей на это. Помню только, что я проговорилъ:

— Когда любишь...

Но тонкій скептицизмъ ея ума былъ мнѣ недоступенъ. Я привыкъ думать, что взаимное порабощеніе, добровольное или насильственное подчиненіе другъ другу, составляетъ непремѣнное условіе жизни какъ для женщины, такъ и для мужчины. Другихъ взаимныхъ отношеній, казалось мнѣ, существовать не можетъ между мужчиной и женщиной.

— Если вы любите меня... если вы любите меня, то я ничего другого не желаю въ жизни, какъ любить васъ, служить вамъ, заботиться о васъ и сдѣлать васъ счастливой!—повторялъ я.

Она, сидя на возвышеніи, смотрѣла на меня и точно взвѣшивала мои слова:

— Я люблю встрѣчаться съ вами, — проговорила она съ разстановкой. — Мнѣ нравятся эти наши свиданія. Я люблю, когда вы уходите, потому что это означаетъ, что вы придете опять. Я люблю... люблю это устремленіе къ вамъ... Но тамъ, наверху, есть комната въ домѣ... Это „моя“ комната, мое собственное мѣсто!

Никто не можетъ слѣдовать за мной туда! И вотъ, я хочу, Стивинеджъ, жить такъ, какъ я живу теперь. Я не хочу сдѣлаться ничьею собственностью, не хочу стать обыкновенной и привычной для кого бы то ни было, о нѣтъ... даже для васъ!...

— Но если вы любите?...—вскричалъ я.

— Для васъ еще менѣе, чѣмъ для кого бы то ни было другого,—прервала она.—Развѣ вы не понимаете этого? Я хочу оставаться для васъ всегда такой же непривычной, Стивинеджъ, хочу, чтобъ ваше сердце всегда билось сильнѣе при видѣ меня. И хочу также, чтобъ и мое сердце всегда также усиленно билось, когда я подхожу къ вамъ. Да, всегда, всегда я хочу испытывать такое же чувство... какъ въ тѣ утренніе часы, когда отправляюсь на свиданіе съ вами. Это было такъ прекрасно... такъ прекрасно!...

— Да, прекрасно,—безпомощно отвѣчалъ я, очутившись лицомъ къ лицу съ такой проблемой, о которой я раньше не думалъ.—Но... но вѣдь такъ люди не живутъ!

— Но я такъ хочу жить!—объявила Мэри.

— Въ жизни все складывается иначе,—пробовалъ я возразить ей.

— А я хочу, чтобъ было такъ! И отчего такъ не можетъ быть? Отчего моя жизнь не можетъ такъ сложиться, какъ я хочу?...

Послѣ этого разговора я придумывалъ всевозможныя схемы, которыя должны были бы сразу доставить мнѣ власть и богатство, и тутъ я въ первый разъ узналъ свою истинную экономическую цѣнность. Отецъ заговорилъ со мной о моихъ будущихъ планахъ и нашелъ, что я слишкомъ требователенъ и въ то же время ничего опредѣленнаго въ виду не имѣю. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ полонъ самыхъ широкихъ намѣреній въ политическомъ отношеніи, но въ то же время не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана, который сдѣлалъ бы возможнымъ осуществленіе моихъ честолюбивыхъ мечтаній. Впрочемъ, я думалъ о томъ, что для бѣднаго человѣка въ Англіи единственный путь къ достиженію успѣха на политическомъ поприщѣ,—это адвокатура. Но я не могъ примириться съ мыслью, что все же цѣлые годы ожиданія и практическихъ занятій должны будутъ предшествовать моему политическому дебюту. Я же мечталъ о быстромъ достиженіи, и отсрочка была мнѣ непріятна.

Моему отцу не нравилась юридическая профессія, и даже то, что я смотрѣлъ на адвокатуру лишь какъ на переходъ къ политической дѣятельности, всетаки не могло примирить его съ моими планами.

— Ты не годишься для этого, Стефенъ,—сказалъ мнѣ отецъ.—

У тебя не такой темпераментъ. Тутъ надо умѣть протискиваться впередъ и ничѣмъ не стѣсняться. Я не думаю, чтобы ты имѣлъ успѣхъ на этомъ поприщѣ, а если бы даже это случилось, вопреки моимъ ожиданіямъ, то я не знаю, сталъ ли бы я радоваться этому! Ты долженъ будешь сдѣлаться крикливымъ, а вѣдь никто изъ Страттоновъ не былъ крикливъ! Тебѣ придется проявлять язвительность и лукавство, а между тѣмъ еще не бывало язвительнаго и лукаваго Страттона. Чтобы имѣть успѣхъ, тебѣ надо будетъ пользоваться каждымъ случаемъ, изъ всего извлекать свою выгоду и извращать факты для достиженія своей цѣли. Въ сущности, ты будешь получать деньги именно за такое извращеніе дѣйствительности... Слушай, Стефенъ, мнѣ говорили, что ты можешь получить званіе адъюнкта въ Оксфордѣ. Почему тебѣ не остановиться на этомъ и не подождать еще годикъ-другой съ выборомъ карьеры? Тебѣ хватитъ на то, чтобы просуществовать это время... Попробуй немного заняться литературой.

— Адвокатская профессія является лишь средствомъ достиженія,—несмѣло возразилъ я.

— Если ты будешь имѣть успѣхъ?

— Конечно. Но надо же попробовать счастья на разныхъ жизненныхъ поприщахъ.

— А дальше что?

— Созидательная государственная дѣятельность...—робко началъ я.

— Нѣтъ, такимъ путемъ она не достигается!—сказалъ отецъ, наливая себѣ второй стаканчикъ портвейна.—Созидательная государственная дѣятельность! (Эти слова онъ произнесъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады.) О, нѣтъ! Разъ ты сдѣлаешься адвокатомъ, то уже навсегда имъ и останешься. Ты будешь только партійнымъ политикомъ, ничего больше!... Это... вульгарные люди... Если ты будешь имѣть успѣхъ среди нихъ, то значитъ...

Онъ не договорилъ своей мысли, но я отлично понялъ его. Тѣмъ не менѣе, хотя онъ порицалъ мое рѣшеніе, но все же не противился ему, и уже въ началѣ лѣта мы съ нимъ рѣшили, что я причислюсь къ адвокатскому сословію.

Но вдругъ мнѣ снова захотѣлось взять назадъ это рѣшеніе. Я буквально приводилъ въ изумленіе отца своими разговорами о строителяхъ имперіи, о величіи Сесиль Родса, лорда Страткона и др. Почему бы и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, не поѣхать путешествовать на годъ и поискать случая? Въ Оксфордѣ я познакомился съ сыномъ нѣкоего Прамлея, богатаго промышленника, имѣющаго дѣла въ Борнео и Мексикѣ. Я написалъ моему това-

рищу, вспомнивъ нашъ случайный полуночный разговоръ въ квартирѣ нашего общаго пріятеля. Онъ отвѣтилъ мнѣ, предложивъ пойти къ его отцу и поговорить съ нимъ. Я послѣдовалъ его совѣту и, отказавшись отъ свиданія съ Мэри, отправился къ этому великому дѣльцу и изыскателю новыхъ возможностей. Между нами произошелъ разговоръ, и самый унизительный и самый поучительный для меня.

Старый Прамлей былъ маленькій, блѣдный человѣкъ, съ нѣсколько насмѣшливымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ и медленной рѣчью, въ которой слышался легкій сѣверный акцентъ. Онъ говорилъ со мной, какъ съ восьмилѣтнимъ мальчикомъ, желающимъ знать, какимъ образомъ онъ можетъ сразу сдѣлаться главнокомандующимъ. Очевидно, его сынъ слишкомъ много расточалъ мнѣ похвалъ, на основаніи той репутаціи, которую я имѣлъ въ студенческомъ союзѣ, и поэтому Прамлей, какъ я замѣтилъ, очень доброжелательно отнесся ко мнѣ. Онъ охотно далъ бы мнѣ какое-нибудь дѣло, если бы... если бы я обнаружилъ хотя бы малѣйшія полезныя знанія и умѣнье! Но—увы!—онъ безжалостно показалъ мнѣ, что у меня ничего нѣтъ въ запасѣ...

— Вы хотѣли бы получить возможность поскорѣе разбогатѣть?—сказалъ онъ.—Да, это не дурная идея. Но очень многіе, какъ вамъ извѣстно, также хотѣли этого, еще раньше васъ. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, какъ этого достигнуть... Вы не хотите богатства ради богатства, говорите вы? Ну, конечно! Оно вамъ нужно только ради извѣстныхъ цѣлей? И это вполнѣ понятно... Само собою разумѣется, что вы не хотите нажить состояніе какими-нибудь неправильными путями? Посмотримъ же, какіе у васъ есть шансы, что вы умѣете?...

Онъ подвергъ мои практическія познанія самому тщательному испытанію, и его допросъ напомнилъ мнѣ медицинское изслѣдованіе для опредѣленія годности къ военной службѣ. Онъ разспрашивалъ меня, имѣю ли я понятіе о растительныхъ маслахъ, гуттаперчѣ, о сахарѣ и разнаго рода веществахъ, изучалъ ли я минералогію или геологію, понимаю ли я что-нибудь въ промышленныхъ процессахъ и технической химіи, въ рѣдкихъ минералахъ, въ проблемахъ труда, въ вопросѣ объ иноземныхъ рабочихъ, въ экономикѣ желѣзнодорожнаго управленія и т. д., и т. д. Наконецъ, онъ спросилъ меня, знаю ли я какой-нибудь иностранный языкъ—итальянскій, испанскій или русскій. Но мои наставники въ Оксфордѣ отвлекали мой умъ отъ всѣхъ этихъ вещей. Я изучалъ классиковъ, а всѣ эти практическія науки предоставлялъ изучать нѣмцамъ и евреямъ лондонскаго Истъ-Энда да

молодымъ людямъ, посѣщающимъ школы Шеффильда и Бирмингема. Мнѣ и въ голову не приходило замѣчать эти пробѣлы своего образованія, и теперь я самъ былъ пораженъ собственнымъ невѣжествомъ...

— Вы видите сами,—замѣтилъ старый Прамлей,—что у васъ нехватаетъ знаній. Въ этомъ и заключается главная трудность. Отсутствіе необходимыхъ знаній вамъ будетъ мѣшать вначалѣ, хотя я не сомнѣваюсь, что вы скоро справитесь съ этими затрудненіями. Но только... это помѣшаетъ вамъ быстро достигнуть того, чего вы хотите, и сразу приступить къ широкой и полезной дѣятельности...

Между прочимъ, въ этомъ же разговорѣ выяснилось мое полное незнаніе биржевыхъ дѣлъ.

Помню, какъ я обѣдалъ одинъ въ этотъ вечеръ въ университетскомъ клубѣ, куда я недавно вступилъ членомъ. Настроеніе духа у меня было самое подавленное, и я не могъ заснуть всю ночь. Лежа на постели въ одной изъ комнатъ клуба, я все думалъ о своемъ разговорѣ съ Прамлеемъ и мысленно высказывалъ ему разныя, въ высшей степени остроумныя и глубокія мысли, которыя, къ сожалѣнію, не приходили мнѣ въ голову во время моего свиданія съ нимъ. Я совершенно растерялся и не нашелся, что отвѣтить Прамлею, когда онъ съ такою безпощадною откровенностью указалъ мнѣ на мою полную непригодность къ какой бы то ни было практической дѣятельности. Но въ тиши ночной я многое обдумалъ, и, вѣроятно, Прамлей получилъ бы обо мнѣ другое мнѣніе, если бъ снова заговорилъ со мной.

Я остался въ Лондонѣ еще нѣсколько дней. Мнѣ не хотѣлось возвращаться въ Бѣрнморъ безъ всякихъ результатовъ. Я долженъ былъ, во что бы то ни стало, найти способъ проникнуть въ тотъ міръ, который окружаетъ Мэри и воздвигаетъ между нами преграду! Я долженъ былъ уничтожить эту преграду. Тысячи плановъ тѣснились въ моей головѣ, но я чувствовалъ самъ, что на практикѣ ни одинъ изъ нихъ не годился. Мнѣ даже странно вспоминать теперь мое тогдашнее душевное состояніе. Я мѣнялъ одно рѣшеніе на другое и даже подумывалъ о томъ, чтобы поступить въ одну торговую фирму на комиссіонныхъ условіяхъ. Я написалъ своему отцу объ этомъ и ждалъ его отвѣта, когда вдругъ получилъ телеграмму отъ Мэри: „Мы неожиданно уѣзжаемъ въ Шотландію. Приходите, чтобы увидѣться со мной...“

Я немедленно поѣхалъ домой и объяснилъ отцу свое неожиданное возвращеніе тѣмъ, что мнѣ надо переговорить съ нимъ

о дѣлахъ. На столѣ въ передней, гдѣ встрѣтилъ меня отецъ, я нашелъ записочку отъ Мэри.

— Мнѣ казалось лучше переговорить съ вами лично,—сказалъ я отцу, ласково посмотрѣвшему на меня, но меня разбирало нетерпѣніе поскорѣе узнать, что заключается въ запискѣ, поэтому я коротко отвѣчалъ на его разспросы.

Записка Мэри была написана второпяхъ, карандашомъ. Я долженъ былъ ждать ее въ эту ночь, послѣ одиннадцати часовъ, возлѣ розовыхъ кустовъ, позади павильона. Конечно, еще задолго до одиннадцати часовъ я уже сидѣлъ тамъ на скамьѣ, въ глубокой тѣни, и пристально смотрѣлъ на дорожку, освѣщенную луной, и на темные лавровые кусты, отчасти скрывающіе домъ. Въ лунномъ свѣтѣ статуи итальянскаго цвѣтника казались призрачными, странно бѣлѣя на фонѣ окружающей темной зелени кустовъ. Гдѣ-то возлѣ меня маленькій свѣтлячокъ зажегъ свой фонарикъ.

Я ждалъ почти часъ среди глубокой ночной тишины, изрѣдка нарушаемой лишь легкимъ шорохомъ въ кустахъ да паденіемъ сухой вѣтки.

Наконецъ, показалась Мэри. Накинувъ черный бархатный плащъ на свой бѣлый вечерній туалетъ, нарядная, въ ожерельѣ изъ сверкающихъ камней, охватывающемъ ея прелестную шейку, она, точно блестящее видѣніе, выпорхнула изъ темноты и, быстро скользя, залитая луннымъ сіяніемъ, приближалась ко мнѣ.

— Дорогой мой... любимый!—шептала она, слегка задыхаясь и чуть-чуть отстраняясь отъ меня послѣ нашего перваго страстнаго объятія.—Какъ я пришла сюда?... Очень просто. Я уже дважды уходила этой дорогой, когда была дѣвочкой. Я обогнула оранжерею и пошла вдоль стѣны прачечной... Ты отсюда не можешь видѣть этой дорожки... Это вовсе не трудно! Тамъ есть дерево, по которому легко можно влѣзть... И вотъ теперь я пришла этой дорогой къ тебѣ... къ тебѣ!...

Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить, а она, опять прижимаясь ко мнѣ, шептала:

— Люби меня, люби, мой Стефенъ, дорогой!... Люби меня такъ, какъ будто намъ ужъ больше никогда не суждено свидѣться! Находишь ли ты меня красивой, мой любимый?... Нравлюсь ли я тебѣ, освѣщенная луной?... Можетъ быть, это послѣдняя ночь нашей жизни... Можетъ быть, мы больше никогда, никогда не будемъ такъ счастливы!...

Она замолчала на мгновеніе, потомъ снова заговорила:

— Посмотри, какая красота! Все кругомъ кажется призрач-

нымъ, нереальнымъ... Мы находимся точно въ сказочномъ мірѣ. Всѣ заснули, и этотъ міръ принадлежитъ намъ. Посмотри на домъ. Тамъ не видно свѣта нигдѣ. Онъ закрылъ свои глаза и не смотритъ на насъ... Только одно маленькое окошко открыто—мое окошко, Стефенъ! Но отсюда его не видно. Оно скрыто тѣнью ползучихъ растеній... Смотри, вонъ тамъ цвѣтетъ ночная фіалка. Чувствуешь ея ароматъ? Онъ насыщаетъ воздухъ кругомъ... Ахъ, упала звѣзда... безшумно скатилась по небесной синевѣ и исчезла! Смотри же, Стефенъ!...

Она прижималась ко мнѣ своимъ милымъ личикомъ, освѣщеннымъ мягкимъ луннымъ сіяніемъ, и ея голосъ звучалъ въ моихъ ушахъ, какъ самая чудесная музыка.

Дѣйствительно, это была самая прекрасная ночь въ моей жизни, свѣтлая, ароматная, полная восторговъ и безумной отваги. Исчезъ старый міръ со всѣми его перегородками и ограниченіями, и въ эти краткія блаженныя мгновенія мы какъ будто освободились отъ проклятія, тяготѣющаго надъ человѣчествомъ. Никто насъ не видѣлъ и ничто дурное не коснулось насъ. Мы долго сидѣли, обнявшись, на скамьѣ, поросшей тимьяномъ. Ея щека касалась моей щеки, и я ощущалъ трепетаніе ея рѣсницъ. Мы говорили мало и только шопотомъ, но наши сердца громко и усиленно бились. Мы были торжественно настроены и невинны, какъ спящія дѣти. Наши поцѣлуи были точно сотканы изъ луннаго сіянія, и въ эти минуты великаго счастья мнѣ было все равно, что̀ будетъ потомъ!...

Было почти три часа, когда я, наконецъ, вернулся въ садъ моего отца. Никто не замѣтилъ моего отсутствія, и весь домъ уже спалъ, но я не могъ войти, потому что захлопнулъ дверь и позабылъ ключъ. Пришлось ждать разсвѣта. Я сѣлъ на скамью и, облокотившись на каменный столъ, положилъ голову на руки и заснулъ. Меня разбудилъ шумъ отодвигаемыхъ засововъ и открываемыхъ дверей, и я сталъ поджидать момента, когда можно будетъ незамѣтно проскользнуть въ домъ и по темной лѣстницѣ пробраться въ свою комнату.

Мэри уѣхала въ Шотландію. Что-то заставило ее уклониться отъ объясненій со мной, и объ ея помолвкѣ съ Джустиномъ я впервые узналъ изъ *Times*'а. Должно быть, тамъ, въ Шотландіи, новыя идеи, новыя перспективы завладѣли ею. Сіяніе нашей страсти померкло.

Вѣроятно, эта помолвка имѣлась въ виду уже раньше. Можетъ быть, она хотѣла разсказать мнѣ объ этомъ въ ту ночь, когда она меня вызвала въ Бёрнморъ. Чѣмъ больше я думаю объ

этомъ, тѣмъ больше проникаюсь увѣренностью, что именно такъ это и было. Но когда я впервые прочелъ объ этомъ въ Лондонѣ, то на меня это произвело впечатлѣніе величайшей измѣны. За нѣсколько дней до появленія этого извѣщенія въ газетахъ она написала мнѣ длинное письмо, отвѣчая на какую-то, высказанную мною мысль, но ничего не писала мнѣ ни о себѣ, ни о своихъ родныхъ. Между тѣмъ, Джустинъ уже тогда долженъ былъ просить ея руки, и, конечно, она была занята мыслью объ этомъ. Но въ письмѣ ко мнѣ она не обмолвилась ни однимъ словомъ!

Я испыталъ сильное разочарованіе, гнѣвъ и отчаяніе, когда узналъ объ этомъ. Помню, что я писалъ ей письма, полныя негодованія и протеста, но тотчасъ уничтожалъ ихъ. Въ концѣ-концовъ я всетаки написалъ ей, но теперь не помню содержанія этого письма. Помню только, что отправилъ его Мэри съ соблюденіемъ нашихъ обычныхъ предосторожностей. Однако уже это одно должно было бы убѣдить меня, что наши отношенія невозможны.

Въ отвѣтъ я получилъ записку, нацарапанную карандашомъ: „Нѣтъ, вы не понимаете! Писать я не могу. Я должна говорить съ вами!“

Мы опять имѣли тайное свиданіе. Прибѣгнувъ къ помощи своей подруги, Мэри устроила такъ, что могла отлучиться на полдня. Мы провели утро въ ботаническомъ саду, гдѣ находились въ относительномъ одиночествѣ. Мы много спорили съ нею, затѣмъ мы позавтракали въ маленькомъ ресторанчикѣ на открытомъ воздухѣ, ѣли баранину, запивая ее имбирнымъ пивомъ, и проговорили почти до четырехъ часовъ. Мы были еще такъ молоды оба, что, кромѣ вполнѣ реальныхъ и сильныхъ эмоцій, которыя мы испытывали въ присутствіи другъ друга, насъ занимала также и романтичность нашихъ отношеній.

Какъ живо я помню этотъ заброшенный уголъ сада, въ которомъ я больше не бывалъ никогда потомъ, эти узкія садовыя дорожки, проложенныя вдоль искусственныхъ каналовъ, вода которыхъ была покрыта упавшими осенними листьями. Мы ходили по этимъ дорожкамъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, переходили черезъ сельскіе мостики, мимо какого-то кирпичнаго, разрушеннаго зданія, напоминающаго старинный замокъ, поросшій мхомъ. Мы отыскали укромное мѣстечко и долго сидѣли, вперивъ взоръ на зеленую лужайку вдали и на широкую дорожку, усыпанную гравіемъ, которая вела къ оранжереямъ.

Вначалѣ я, вѣроятно, наговорилъ ей много горькихъ и обидныхъ словъ. Я былъ такъ полонъ собой, своимъ оскорблен-

нымъ чувствамъ, что могъ только протестовать и возмущаться, поэтому настроеніе и чувства Мэри совершенно отъ меня ускользали. Только впослѣдствіи я понялъ, что она вовсе не такъ ужъ легко и добровольно рѣшилась на то, что должно было разлучить насъ, и что она испытывала колебанія и сожалѣнія. И она высказывалась достаточно откровенно и съ явной искренностью чувствъ,—только въ ту минуту я ничего не въ состояніи былъ ни понять, ни оцѣнить. Теперь, однако, вспоминая всѣ обстоятельства, я ясно вижу, что эта помолвка была подстроена лэди Ледислоу, сумѣвшей подчинить себѣ взляды своей дочери, внушить ей свои идеи и свое пониманіе жизни, которое и поглощало теперь всѣ ея помыслы.

— Милый, милый Стефенъ,—нѣсколько разъ повторяла Мэри,—я люблю васъ, люблю искренно, сознательно и вполнѣ свободно, безъ чьего-либо вліянія на меня. Развѣ я не говорила вамъ этого? Развѣ я не доказывала вамъ это вполнѣ ясно?

— Но вы все же выходите замужъ за Джустина?

— Стефенъ, милый, развѣ же я могу выйти замужъ за васъ? Подумайте сами, развѣ это возможно?

— Почему же нѣтъ? Почему не попытать счастья со мной? Рѣшайтесь же!

Мэри сидѣла на кирпичномъ парапетѣ, а я стоялъ внизу, у ея ногъ. Она не сразу отвѣтила мнѣ и, смотря на меня, какъ будто взвѣшивала всѣ возможности.

— Почему нѣтъ?—повторилъ я горячо.—Даже теперь это было бы возможно. Почему вы не могли бы бѣжать со мной и соединить наши жизни вмѣстѣ? Будемъ поступать такъ, какъ поступали влюбленные испоконъ вѣковъ! Уѣдемъ куда-нибудь вмѣстѣ...

— Но куда же, Стефенъ?—мягко спросила она.

— Куда-нибудь!

— Нѣтъ, вы должны мнѣ сказать опредѣленно куда! Гдѣ находится это мѣсто? Гдѣ мы будемъ жить и какъ? Скажите мнѣ все, такъ чтобы мнѣ было ясно, Стефенъ.

Она говорила со мной такимъ тономъ, какимъ старшіе говорятъ съ дѣтьми.

— Вы жестоки, Мэри,—сказалъ я.—Вѣдь не могу же я сейчасъ... въ эту минуту... все устроить!

— Милый мой, представьте себѣ, что мы поселимся гдѣ-нибудь на грязной и узкой улицѣ, вродѣ тѣхъ мрачныхъ переулковъ, черезъ которые я проходила, когда шла сюда? Представьте себѣ, что намъ придется жить въ какомъ-нибудь ужасномъ мѣстѣ?... А

у васъ, Стефенъ, нѣтъ денегъ! Мы оба будемъ чувствовать себя несчастными и удрученными. Въ такихъ мѣстахъ вѣдь люди хвораютъ! Если-бъ я любила васъ, Стефенъ,—т.-е. если-бъ мы могли жить вмѣстѣ, то я хотѣла бы, чтобъ это было гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ярко свѣтитъ солнце. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ насъ окружала красивая, величественная природа, горы, лѣса...

— Развѣ это невозможно?

— Невозможно... потому что теперь я уже знаю, что такихъ мѣстъ для насъ не существуетъ въ этомъ мірѣ! Да, Стефенъ, это только мечты...

— Въ теченіе трехъ лѣтъ я лелѣялъ эти мечты,—проговорилъ я тихо и потомъ вдругъ, точно уязвленный собственными словами, съ жаромъ воскликнулъ:—Это трусость, Мэри! Зачѣмъ мы должны подчиняться этому старому міру? Зачѣмъ мы должны отказываться отъ того, что намъ было одинаково дорого, обоимъ! Помните, вы сказали мнѣ однажды, что вы радуетесь, когда услышите утромъ мой голосъ, зовущій васъ!... Мэри, дорогая, уйдемъ вмѣстѣ, теперь же... а потомъ... пусть будетъ, что будетъ...

— Если бъ у меня была власть,—сказала Мэри.—Но вы видите, я безсильна!...

И чѣмъ больше мы говорили, чѣмъ больше я убѣждалъ ее, тѣмъ сильнѣе я чувствовалъ всю безнадежность своего положенія.

— По крайней мѣрѣ, подождите, не выходите замужъ теперь же!—убѣждалъ я.—Дайте мнѣ надежду! Подождите три года, только три короткихъ года, Мэри! Я буду работать и добьюсь чего-нибудь!...

Но она яснѣе меня понимала, что ей нужно!

— Милый Стефенъ,—пояснила она,—если бъ я теперь же ушла съ вами и вышла бы за васъ замужъ, то въ самое короткое время я перестала бы быть вашей возлюбленной, а сдѣлалась бы вашей „скво",—вы знаете, что такъ называются жены у индѣйцевъ?—я должна была бы дѣлить съ вами ваши непріятности и приготовлять для васъ кофе. Я заставляла бы васъ терпѣть разочарованія на каждомъ шагу и во множествѣ случаевъ не могла бы угодить вамъ. Подумайте сами, гожусь ли я какъ хозяйка? А можно ли думать о любви, когда знаешь, что кофе приготовленъ не такъ, какъ слѣдуетъ, а обѣдъ вызываетъ несвареніе желудка у возлюбленнаго?... Нѣтъ, нѣтъ... я не согласна, не хочу быть вашей „скво"! Мое чувство къ вамъ совсѣмъ не такое. Я не желаю быть ни вашей служанкой, ни вашей собственностью!...

— Но вѣдь вы будете „скво“ Джустина, если... если выйдете за него замужъ, Мэри!—воскликнулъ я.

— Это совсѣмъ другое, Стивнеджъ. Между нимъ и мною будетъ цѣлое пространство, безконечное множество слугъ, требованія свѣтскихъ приличій и собственнаго достоинства... Насъ будетъ раздѣлять многое, Стефенъ!...

— Но вы... онъ!...—проговорилъ я, запинаясь.—Онъ вѣдь будетъ любить васъ, Мэри!...

— Вы ничего не понимаете, Стефенъ!

— Онъ будетъ любить васъ, Мэри! Развѣ вы не понимаете? Вѣдь вы же будете его женой! Вѣдь... мы съ вами никогда не говорили объ этомъ... но вы будете имѣть отъ него дѣтей!...

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчала она.

— Но...

— Нѣтъ, этого не будетъ,—прервала она.—Онъ обѣщалъ мнѣ, Стефенъ. Я буду принадлежать только себѣ.

— Но... вѣдь онъ женится на васъ?

— Да... потому что онъ... Онъ восхищается мной. Онъ не можетъ жить безъ меня. Ему нравится мое общество и нравится показываться въ обществѣ со мной. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ я раздѣлила съ нимъ его богатство, придала бы блескъ его дому...

— Вы хотите сказать...—началъ я и запнулся.

Наши глаза встрѣтились.

— Стефенъ,—сказала она тихо,—я клянусь.

— Но... но онъ надѣется, можетъ быть?

— Это мнѣ все равно. Онъ обѣщалъ. Онъ долженъ сдержать обѣщаніе! О, я буду свободна, свободна!... Когда я только подумаю объ этомъ!... Стефенъ, онъ совсѣмъ не такой, какъ вы. Онъ не такой пылкій, не такой жадный, какъ вы, не такой требовательный!

— Но это разлучаетъ насъ!

— Нѣтъ. Только невозможное останется невозможнымъ.

— И всетаки мы будемъ разлучены!

— Нисколько, Стивнеджъ. Мы будемъ видѣться, будемъ разговаривать другъ съ другомъ, будемъ всегда, всегда другъ для друга тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ!

— Я потеряю васъ!

— А я сохраню васъ!

— Но я-то, я!... Думаете ли вы, что я удовольствуюсь этимъ?

— Я заставлю васъ быть довольнымъ. О Стефенъ, дорогой мой! Неужели любовь не можетъ существовать безъ этого... безъ

этихъ объятій, прижиманій, безъ посягательствъ на свободу другого лица?

— Все равно, вы исчезнете навсегда изъ моего кругозора!

— Если-бъ я думала это, Стефенъ, то не вышла бы за него замужъ!...

Но я настаивалъ на томъ, что мы должны будемъ разстаться и разстаться навсегда! Я былъ болѣе благоразумнымъ изъ насъ двоихъ и понималъ, что если я буду продолжать видѣться съ Мэри, то буду все сильнѣе и горячѣе любить ее и желать ее, пока она не станетъ моею вполнѣ.

Я не могу, впрочемъ, въ точности воспроизвести весь нашъ разговоръ. Мы оба были молоды и неопытны, мы оба только начали жить и вполнѣ находились во власти обстоятельствъ, очень бсложныхъ и лишенныхъ логической связи. Смутныя чувства боролись въ нашей душѣ, и мы не находили для нихъ выхода. Мнѣ казалось не только вполнѣ разумнымъ, но и необходимымъ, чтобы она, полюбивъ меня, предоставила бы свою жизнь моему юному и неопытному руководству, раздѣлила бы со мной мою жизненную борьбу и тѣ дѣйствительныя лишенія, которыя выпадутъ на ея долю. Я находилъ вполнѣ естественнымъ, что она должна будетъ посвятить мнѣ свою жизнь, стараться сдѣлать меня счастливымъ, рожать мнѣ дѣтей, вдохновлять меня,—словомъ, быть моей „скво"— женой, помощницей и моею собственностью во всѣ минуты своей жизни! И я былъ удивленъ до глубины души, что она нисколько не раздѣляла въ этомъ отношеніи моихъ, столь понятныхъ и простыхъ, взглядовъ и намѣреній. Вѣдь я тоже готовъ былъ принести ей жертвы, отдать ей всю свою жизнь, подчинить всѣ свои честолюбивые планы и мечты стараніямъ создать и поддержать свой домашній очагъ. Если-бъ только я могъ получить ее, если-бъ только она могла быть моей, то я готовъ былъ бы всю свою жизнь трудиться для этого! И мнѣ казалось страннымъ упрямствомъ съ ея стороны, что она не хочетъ понять меня и всѣ мои обѣты обращаетъ противъ меня же!

— Стивинеджъ, милый, поймите же, что я этого не хочу!— говорила она.—Я хочу, чтобъ вы служили имперіи, чтобъ вы совершили великія дѣла, все то, о чемъ мы съ вами говорили и писали другъ другу. Развѣ вы не понимаете, что такъ будетъ лучше и для васъ, и для меня, и для нашей страны, для которой вы будете трудиться. Я не хочу, чтобы вы превратились въ ужаснаго, узкаго и мелкаго спеціалиста, заботящагося только о томъ, чтобы прокормить и удержать меня при себѣ.

— Въ такомъ случаѣ... ждите меня!—вскричалъ я въ изступленіи.

— Но... но вѣдь и я хочу жить! Я не хочу ждать! Я хочу имѣть большой домъ, занимать выдающееся положеніе въ свѣтѣ, пользоваться удобствами, просторомъ и главное свободой! Я хочу хорошо одѣваться, блистать въ обществѣ и всегда оставаться сіяющей и прекрасной въ вашихъ глазахъ. Я не могу такъ жить, какъ теперь, въ постоянной зависимости отъ своей матери, быть вынужденной всюду слѣдовать за нею и свѣтиться ея свѣтомъ. Зачѣмъ изъ-за васъ, Стефенъ, я должна обречь себя на горькую участь весталки? Вамъ нельзя будетъ жениться на мнѣ еще много, много лѣтъ, если только вы не забросите свою работу, не откажетесь отъ своей цѣли, отъ всего того, что имѣетъ цѣну въ жизни, лишь бы только взять меня!

— Но мнѣ ничего не нужно, кромѣ васъ, Мэри, ничего!—воскликнулъ я внѣ себя, ударяя кулакомъ по садовому деревянному столику, выкрашенному въ зеленую краску.—Я ничего на свѣтѣ не хочу, кромѣ васъ и того, что имѣетъ хоть какое-либо отношеніе къ вамъ.

— Я всегда была съ вами настолько, насколько я вообще могу быть съ кѣмъ-нибудь,—сказала Мэри.—И я всегда буду съ вами, всегда! Буду писать вамъ, говорить съ вами, слѣдить за вами! Отчего вы такой жадный, Стефенъ, и такой... невеликодушный? Если бъ даже теперь я пошла съ вами и вышла за васъ замужъ, то это бы васъ погубило. Вы превратились бы въ содержателя своей жены, въ одного изъ тѣхъ мало интересныхъ и вѣчно озабоченныхъ мужчинъ, которыхъ существуетъ не мало на свѣтѣ. Они всегда ходятъ слѣдомъ и не спускаютъ глазъ съ женщины, которую пріобрѣли цѣною денегъ, собственнаго достоинства и... многаго другого! Нехорошо, когда мужчина живетъ только для женщины и ея дѣтей! Это умаляетъ его, дѣлаетъ его рабомъ и... и... это непристойно, Стефенъ! Я бы возненавидѣла васъ, если-бъ вы стали такимъ!...

Мы разстались съ нею у моста черезъ каналъ, гдѣ была стоянка извозчиковъ. Я въ послѣдній разъ обратился къ ней, взывалъ къ ея чувствамъ, когда мы шли по мосту, до того занятые собственными ощущеніями и происходившей между нами борьбой, что совершенно перестали остерегаться.

— Мэри, милая, согласись... пока не поздно!—умолялъ я.

Она покачала головой, ничего не говоря и плотно сжавъ свои побѣлѣвшія губы.

— Послѣ всего того, что было между нами, послѣ нашихъ

поцѣлуевъ... тогда ночью, при лунномъ свѣтѣ!...—говорилъ я со страстной мольбой.

— Это не великодушно, не великодушно съ вашей стороны!— съ упрекомъ сказала Мэри.

— Но, Мэри... вѣдь, значитъ, мы разстаемся теперь? Вѣдь это же разлука!

Она молчала.

— Ну такъ поговоримъ же, по крайней мѣрѣ... въ послѣдній разъ!—молилъ я.

— Потомъ,—сказала она, наконецъ.—Потомъ я буду говорить съ вами!... Стефенъ, не увеличивайте тяжести моего и безъ того труднаго положенія!

— Если бъ я могъ, то сдѣлалъ бы его совершенно невозможнымъ для васъ. Это... это отвратительно!...

Она не отвѣчала. Нѣсколько мгновеній мы молча стояли у перилъ, потомъ я позвалъ кэбъ. Подсаживая ее, я призвалъ на помощь все свое самообладаніе и такъ спокойно попрощался съ ней, какъ будто мы разставались только на одинъ день. Я сказалъ кучеру адресъ ея подруги и затѣмъ остановился у дверцы кэба. На мгновеніе наши глаза встрѣтились, и мы молча въ послѣдній разъ посмотрѣли другъ на друга...

— Готово, сэръ?—спросилъ дожидавшійся кучеръ.

— Ступайте!—отвѣчалъ я, приподнимая шляпу.

Блѣдное личико Мэри еще разъ обернулось въ мою сторону...

Я смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся кэбу, пока онъ не исчезъ за поворотомъ дороги. Тогда я вернулся назадъ, въ паркъ, и пошелъ по аллеѣ къ другому выходу. Міръ казался мнѣ такимъ огромнымъ, пустыннымъ и лишеннымъ смысла...

Но я всетаки не могъ примириться со своей участью. Я сдѣлалъ еще нѣсколько слабыхъ попытокъ остановить или хоть задержать ходъ событій. Я написалъ Мэри нѣсколько рѣзкихъ писемъ, наполненныхъ упреками, какъ будто она одна несла на себѣ отвѣтственность за свою и мою жизнь. Я обвинялъ ее въ томъ, что она лишила меня энергіи, обманула меня, испортила мою жизнь. Я намекалъ на ея безсердечіе, корыстолюбіе и безстыдство. Мое тогдашнее невыносимое душевное состояніе вполнѣ объясняетъ эти несправедливыя и злобныя выходки противъ Мэри, которую я такъ страстно любилъ. Мэри поняла это, поняла мое изступленіе и не только простила, но постаралась забыть эти письма.

Я пробовалъ дважды видѣться съ нею, но это только привело къ лишнему униженію для меня. Я былъ взбѣшенъ и въ то же

время жалокъ, несмотря на то, что оскорблялъ Мэри. Но всѣ мои мысли и чувства пришли въ полное разстройство, и надежда, поддерживавшая мои планы на будущее, рухнула. Я былъ человѣкомъ, потерпѣвшимъ крушеніе и не знающимъ, къ какому берегу прибьетъ его волна.

Я любилъ Мэри, но моя любовь къ ней была обыкновенною любовью молодого мужчины къ молодой женщинѣ, состоящею изъ требованія и неудержимаго стремленія къ обладанію. Чѣмъ больше счастливыхъ минутъ доставляло мнѣ ея присутствіе, ея обращеніе со мной, тѣмъ сильнѣе разгоралось во мнѣ желаніе обладать ею. Сначала я только восхищался ею, она была для меня яркимъ свѣточемъ, но какъ только я почувствовалъ увѣренность, что и она также отвѣчаетъ мнѣ взаимностью, то я уже ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только объ обладаніи ею. Я хотѣлъ, чтобы она принадлежала мнѣ, и готовъ былъ гнаться за нею со страстью молодого дикаря, который хочетъ во что бы то ни стало овладѣть своимъ врагомъ, живымъ или мертвымъ. Она была нужна мнѣ, но о ней самой, о ея счастьѣ я не думалъ, какъ думаемъ мы о счастьѣ дорогихъ намъ существъ, ради которыхъ готовы пожертвовать жизнью. Мною руководила яростная, слѣпая ревность. Она должна быть моей! повторялъ я на всѣ лады, и только послѣ того, когда это свершится, я готовъ былъ на всякія для нея жертвы...

Такова именно любовь мужчины къ женщинѣ. Я думаю, что и женщина такъ же исключительно и съ такою же неистовою страстью можетъ любить мужчину. Для человѣчества было бы великимъ счастьемъ, если бъ эта ревнивая, алчная страсть, которую называютъ любовью, смѣнилась бы болѣе великодушной страстью. Ревность мужчинъ и женщинъ лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ соціальныхъ отношеній и того внутренняго напряженія, которое характеризуетъ нашу современную жизнь, развившуюся изъ болѣе широкой и болѣе простой древней жизни. Вотъ почему мы такъ жестоко конкурируемъ другъ съ другомъ, отказываемся отъ ассоціацій, отъ великодушной совмѣстной работы. По этой же причинѣ мы не облегчаемъ жестокой и тяжелой борьбы за существованіе, мы стѣсняемъ и подчиняемъ себѣ женщинъ, которыя, конечно, поступали бы точно такъ же съ мужчинами, если бъ были сильнѣе ихъ. И все это потому, что каждый хочетъ вполнѣ владѣть женщиной, какъ своею собственностью, и ревниво оберегаетъ ее отъ посягательствъ другихъ.

Я слишкомъ хорошо зналъ свою собственную мужскую натуру и поэтому не вѣрилъ Джустину и его обѣщанію. Онъ могъ го-

ворить и обѣщать Мэри, что угодно, но я зналъ, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не получитъ всего. Я видѣлъ его только одинъ разъ, но хорошо запомнилъ угрюмое, рѣшительное выраженіе его лица, его сутуловатую спину и узкія плечи...

Я сказалъ Мэри: если онъ будетъ жестокъ къ ней или нарушитъ свое обѣщаніе, то я... я убью его!

Мое отчаяніе не только не ослабѣвало, но становилось все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ приближался день свадьбы Мэри. Этотъ день былъ полонъ мучительнаго и страстнаго безпокойства для меня. Я нигдѣ не находилъ покоя, терзаемый мыслями, что Джустинъ получилъ тѣ права, въ которыхъ мнѣ было отказано...

Я не хочу вспоминать все то, что приходило мнѣ въ голову тогда. Тупое отчаяніе и апатія смѣнялись у меня припадками бѣшенства, и я проклиналъ все и вся на свѣтѣ. Я бродилъ изъ угла въ уголъ со сжатыми кулаками, не зная, что мнѣ дѣлать и за что приняться. Работать я не могъ и весь день шатался по улицамъ Лондона безъ всякой цѣли. Случайно я очутился вблизи какой-то церкви и замѣтилъ нѣсколько каретъ съ гербами и бѣлыми бантами, возлѣ которыхъ стояла въ ожиданіи небольшая толпа...

Проклятіе! Это было еще одно бракосочетаніе!... О, какое дьявольское учрежденіе бракъ!...

Что мнѣ дѣлать теперь съ моей жизнью? Что будетъ съ нею? думалъ я, не находя отвѣта на эти вопросы и испытывая мучительное чувство безысходной тоски. Цѣлыми часами я ходилъ по Лондону, до того поглощенный своими мыслями, что совсѣмъ не замѣчалъ, куда я иду и что находится передо мной. Иногда, словно пробуждаясь отъ сна, я вдругъ замѣчалъ передъ собой деревья парка или мачты судовъ на Темзѣ и останавливался, изумляясь, какъ я забрелъ туда. Въ одномъ мѣстѣ парка, вблизи колоссальнаго столба, оклееннаго объявленіями, я набрелъ на толпу, стоявшую у поворота аллеи. Въ первую минуту у меня мелькнула смутная мысль, что произошло несчастье и кто-нибудь нуждается въ помощи, но скоро увидѣлъ, что толпа окружала маленькаго человѣка, продающаго средство отъ мозолей...

Пробродивъ нѣсколько часовъ, я внезапно почувствовалъ слабость, потому что ничего не ѣлъ съ самаго утра. Тогда я зашелъ въ первый попавшійся кабачокъ и потребовалъ себѣ сыру, хлѣба и бутылку пива. Сидя въ аляповато убранномъ салонѣ кабачка, полъ котораго былъ усыпанъ пескомъ, я испыталъ вдругъ чудо-

винное желаніе напиться до безчувствія и съ большимъ трудомъ преодолѣлъ его.

Затѣмъ я долго сидѣлъ неподвижно на желѣзной скамьѣ въ какомъ-то садикѣ передъ клумбой цвѣтовъ, освѣщенныхъ мягкимъ желтоватымъ свѣтомъ сентябрьскаго солнца. Рядомъ со мной сидѣла нянька, наблюдая за группой рѣзвящихся дѣтей. День уже склонялся къ вечеру, и я мысленно повторялъ, глядя на косые лучи солнца: „Свершилось!... Все уже кончено!...“

Въ сумерки громадность Лондона особенно поразила меня, и это ощущеніе даже нѣсколько отвлекло мои мысли отъ моего личнаго горя. Помню безконечные ряды стройныхъ зданій, широкія улицы, трамваи, освѣщенные магазины... Я двигался машинально, точно въ сомнамбулическомъ снѣ, и зашелъ въ ту ночь далеко, очень далеко. Какая-то молоденькая дѣвушка пристала ко мнѣ. Помню ея худое, изможденное личико и свой странный разговоръ съ ней...

— Если вы полюбите человѣка и онъ окажется бѣднякомъ, то вы вѣдь не покинете его,—сказалъ я ей,—вы останетесь съ нимъ и будете ждать и не пойдете замужъ за другого, болѣе богатаго человѣка?...

Мы нѣсколько времени шли, разговаривая, а потомъ усѣлись на берегу канала въ Реджентъ-паркѣ. Мнѣ кажется, у меня мелькала мысль спасти эту несчастную дѣвушку, но почему-то мы прекратили разговоръ на эту тему. У меня осталось такое впечатлѣніе, точно и въ самомъ дѣлѣ я подумалъ тогда о томъ, что могъ бы жениться на ней ради ея спасенія. Помню, что она поцѣловала меня, и я высыпалъ ей на руки всѣ деньги, бывшія при мнѣ. Не знаю, какъ это случилось, но только эта встрѣча доставила мнѣ значительное облегченіе и успокоила мою взволнованную душу. Я ушелъ, должно быть, очень изумивъ эту дѣвушку своимъ страннымъ поведеніемъ.

Въ эту ночь я совсѣмъ не ложился спать и утромъ не пошелъ въ контору. Вообще я больше не показывался въ этой конторѣ и вмѣсто этого прямо поѣхалъ къ отцу и сказалъ ему, что хочу отправиться въ южную Африку. Я смутно помнилъ, что далъ обѣщаніе Мэри не уѣзжать изъ Англіи, но въ то же время я чувствовалъ, что не въ состояніи буду встрѣтиться съ нею.

Мой отецъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ еще стояли остатки завтрака, и на лицѣ его выразилось изумленіе, когда онъ увидѣлъ меня.

— Я хочу уѣхать подальше!—воскликнулъ я въ отвѣтъ на

его протестъ и къ своему величайшему удивленію и стыду разразился слезами.

— Мой дорогой мальчикъ,—спросилъ онъ, испуганный и пораженный моими слезами,—ты не надѣлалъ ли какихъ-нибудь... глупостей?

— Нѣтъ... о нѣтъ!—отвѣчалъ я, вытирая слезы.—Я ничего не сдѣлалъ, но... но я хочу уѣхать!

— Хорошо, пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь!—сказалъ онъ и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на меня, своего единственнаго сына, какимъ-то глубокимъ, загадочнымъ взглядомъ.

Затѣмъ онъ всталъ и налилъ въ стаканъ содовой воды съ виски. Держа сифонъ въ рукахъ, онъ говорилъ:

— Я слышалъ, что война продлится недолго... Повидимому, она была неизбѣжна, во всякомъ случаѣ теперь она неизбѣжна... Выпей и закуси бисквитомъ, — прибавилъ онъ, подавая мнѣ стаканъ.

Онъ подошелъ къ камину, набилъ трубку и, повернувшись ко мнѣ спиной, проговорилъ:

— Да, да... ты, я думаю, заинтересуешься этой войной... Я надѣюсь, да... Я надѣюсь, что ты тамъ не соскучишься...

Перевела Э. Пименова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДУША ВЪ МАСКѢ.

Повѣсть.

Que c'est un dur métier que d'être belle femme...
Ch. Beaudelaire.

— Какого цвѣта домино пойдетъ мнѣ?

— Я думаю, цвѣтъ долженъ быть самъ по себѣ красивъ, а нтти... Вѣдь лицо и волосы закрыты.

— Но развѣ цвѣтъ можно подбирать только къ лицу? А къ стану, къ росту, къ движеніямъ, а къ душѣ, наконецъ! Или у меня нѣтъ души?

— Я былъ бы слѣпой! Вѣдь на меня ваши глаза смотрятъ!

— А если выколоть глаза, то у меня души не останется?

— Какъ вы взыскательны... вѣдь это поверхностно скользнувшія слова.

— Нѣтъ, совсѣмъ не поверхностно. Я затѣмъ и въ маскарадъ ѣду.

— Я не улавливаю... Но случайно можно тронуть душу очень глубоко. Разскажите мнѣ!

— Разсказать? Вы знаете, что такое красота?

— На этотъ вопросъ еще ни одинъ мыслитель не могъ отвѣтить, не опростоволосившись.

— Красота, это—самая высокая, самая беззвучная стѣна между людьми.

— Это я слышу въ первый разъ.

— Въ первый разъ? Я, какъ себя помню, только и слышу, какіе у меня глаза—вотъ и вы ихъ помянули,—какое у меня лицо, волосы, руки, шея, вся я. И что бы я ни дѣлала, смѣюсь ли, страдаю ли,—я чую, какъ мною любуются, а о душѣ и не вспомнятъ. И кажется мнѣ—вы поймете—каждое такое слово, каждый такой взглядъ ударомъ молотка по гвоздю, какъ будто новую желѣзную чешуйку набили на тотъ гробъ, въ который издавна зако-

лачиваютъ мою душу. Разъ, помните, съ вами же мы говорили о томъ, что такое „я“. И мнѣ глубоко по сердцу пришлось, что „я“—это гдѣ-то въ душѣ, въ сознаніи, а совсѣмъ не въ тѣлѣ; что если отрѣзать у человѣка обѣ руки, то его „я“ не измѣнится, а отрѣзанныя руки явно будутъ „не я“. Значитъ, „не я“ онѣ были и раньше. Значитъ, и весь тѣлесный человѣкъ—„не я“. Ну, прочувствуйте... взяли бы истуканъ, поставили рядомъ съ вами и говорили: „вотъ Константинъ Андреевичъ Хлудовъ“, и обращались къ нему вмѣсто васъ, а вы стояли бы сбоку, невидимый и ненужный. Да вы бы, внѣ себя, расколотили этого истукана! А я свой хочу закутать—только!

— Что же вы замолчали?

— Но это такія скорби, о которыхъ можно занятно распространиться и стяжать себѣ славу самобытной. Гораздо худшее есть—говорить не хочется...

— Что?

— Ну, я двумя словами намекну. Многіе ли смотрятъ на красоту женщины, какъ на красоту природы? Потому я и открытыхъ платьевъ такъ не люблю надѣвать.

— Какъ въ голову не приходило!...

— А сколько сложныхъ неисчерпаемыхъ людей, какіе яркіе цвѣта, какія глубокія тѣни въ человѣческихъ душахъ, а я ни къ кому не могу подойти ближе... Ничьей любви, ничьей дружбѣ не вѣрю, какъ богатыя невѣсты своимъ искателямъ... Мнительна я!

— Да... А скажите, Ольга Александровна, какое же облегченіе вы надѣетесь получить въ маскарадѣ?

— Вотъ что я задумала. У меня вѣдь и душа есть, и умъ, и много-много мыслей—цѣлый міръ. Вотъ вы улыбаетесь, что я на этомъ такъ настаиваю, а настаивать приходится, потому что я—красавица. „Красавица—дура“. Вы теперь должны понять, откуда это изреченіе. Впрочемъ, сегодня, я знаю, вы вѣрите, что у меня есть мысли. И вотъ, никого не влечетъ заглянуть во весь этотъ душевный міръ, даже умныхъ людей. Помните строки Бодлэра:

> Que m'importe que tu sois sage?
> Sois belle! et sois triste!

Еще бы не быть печальной!...

— Что же вы? Говорите!...

— А теперь, разъ пошло на то, чтобы показывать мою начитанность въ поэтахъ, вотъ стихи Тютчева:

> На самого себя покинутъ онъ,
> Упраздненъ умъ и мысль осиротѣла;

Въ душѣ своей, какъ въ безднѣ погруженъ,
И нѣтъ извнѣ опоры, ни предѣла.

Вотъ такъ и я. Я утверждала, что у меня есть мысли, думы... А что, если кромѣ вотъ этой истины моей души, что я сейчасъ раскрываю, которая далась не уму, а чувству, мысли мои ничего не стоятъ? Какъ провѣрить? Мнѣ къ міру доступа нѣтъ. Я и хочу проникнуть въ него тайкомъ, хочу испытать, могу ли я привлечь человѣка просто собою, а не этимъ внѣшнимъ. Вотъ я и поѣду подъ Новый Годъ въ маскарадъ въ Дворянское. Недавно у знакомыхъ я встрѣтилась съ однимъ господиномъ... Онъ меня, по счастію, не замѣтилъ, потому что я сѣла въ тѣнь. Мелькомъ я услыхала нѣсколько его словъ. Сильнымъ чѣмъ-то и прозрачнымъ вѣяло отъ нихъ. Меня было потянуло заговорить съ нимъ, я двинулась, но опустила голову: вспомнила о печати проклятія и предпочла не вводить его въ искушеніе. Вѣдь такъ иногда легко подмѣнить человѣка! И я подумала, какъ бы поговорить съ нимъ, а потомъ это желаніе сплелось съ другимъ, болѣе общимъ; тогда то я и рѣшила поѣхать въ маскарадъ и все обдумала. Надо послать ему такое письмо, чтобы онъ понялъ, что свиданіе важное, но чтобы подкладки не разглядѣлъ, потому что, если разглядитъ,— все равно что безъ маски.

— Я не знаю, выйдетъ ли изъ этого толкъ. Онъ приметъ за обычное завлеканіе. Боже, какія рѣшительныя письма приходится получать передъ маскарадами.

— Пусть приметъ. Отъ моего разговора, какъ я начну, будетъ зависѣть все. Вѣдь если я открою душу, онъ же пойметъ, что одну душу увидѣть лучше, чѣмъ тысячу лицъ!

— Если ему придетъ въ голову, что подъ этимъ угломъ надо взглянуть... О чемъ вы собираетесь говорить съ нимъ?

— О душѣ же!

— А языкъ, нужный для такого разговора, вы развѣ придумали?

— Какъ, придумала языкъ? Я васъ не понимаю.

— Видите ли: внѣ словъ не выразить мысли. А языкъ—многовѣковое созданіе всего человѣчества... Только недавно избранники духа принялись выдумывать языкъ себѣ на потребу, но и достается же имъ за это! Все творится по образу и подобію создателя, а „все человѣчество“ — очень нравственно — и слова служатъ не тому, чтобы правильно раскрыть живой души, но чтобы попроще распредѣлить наши поступки на дозволенные и недозволенные. Когда я говорю: „этотъ человѣкъ добръ“, развѣ

я о душѣ говорю? Нѣтъ, я хвалю поступки. И такъ всегда. Одинъ мой поступокъ назовутъ добрымъ, другой злымъ, и всѣмъ ясно, что они изъ разныхъ отдѣленій души. А можетъ быть, у обоихъ одна душевная причина, но кому до нея дѣло? Нѣтъ дѣла, тогда, конечно, нѣтъ и названія, а нѣтъ названія, не можетъ быть ни мысли, ни рѣчи. Нѣтъ, о душѣ бесѣдовать—погодимъ лѣтъ двѣсти!

— Какія безотрадныя вещи вы всегда говорите!

— Нѣтъ, я только подаю вамъ совѣты; вѣдь и меня увлекаетъ вашъ замыселъ: лицо—личина... Не всѣ это знаютъ: и вотъ она утаена подъ маской уже несомнѣнной—и стерта преграда тѣла; и прямо за маской душа... Знаете! Такъ и подпишите письмо: „Душа въ маскѣ".

— Боже, да! Спасибо, вы—милый сообщникъ. Благодарю васъ. Это названіе такъ идетъ мнѣ... не только тогда, а всегда...

Ольга Александровна проскользнула за старымъ генераломъ, выходившимъ изъ столовой, и, подхвативъ его подъ руку, попросила:

— Дядя Павелъ, пройдемъ ко мнѣ. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

— Слушаю-съ!

Войдя въ Ольгину комнату и откинувъ на столъ бѣлую съ краснымъ околышемъ фуражку, дядя глубоко сѣлъ въ кресло, движеніемъ плеча оправилъ серебряные аксельбанты на черномъ однобортномъ съ низкимъ воротникомъ мундирѣ, провелъ лѣвой рукой по сѣдымъ бакамъ и, посвѣчивая изъ-подъ насупленныхъ бровей умными глазами, спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Я хочу въ маскарадъ ѣхать.

— Подъ Новый Годъ въ Дворянское? И мы будемъ. Поѣзжай.

— Вы думаете, тамъ прилично будетъ?

— Ахъ, приличный маскарадъ — ненужная нелѣпость. Какое тутъ приличіе, когда молодыя женщины съ молодыми мужчинами парами ходятъ и, пользуясь якобы взаимной неизвѣстностью, дразнятъ другъ друга. Въ молодости этого не замѣтишь, самъ тѣмъ же дышишь, а въ старости видно. Но ѣхать можно... никто слова не скажетъ... Ты же знаешь, какой маскарадъ—всѣ будутъ. Только условіе: передъ отъѣздомъ ты должна показаться намъ, а то—знаю я васъ, эту молодежь нынѣшнюю—какъ бы ты не пустилась интриговать насъ, стариковъ...

Онъ разсмѣялся; потомъ спросилъ:

— А съ кѣмъ ты, моя красавица, поѣдешь?

— Съ Хлудовымъ.

— Вотъ такъ-такъ! Кто же это дѣлаетъ? А я думалъ, ты именно его интриговать будешь.

— Нѣтъ, совсѣмъ другой. У меня особый планъ: я хочу провѣрить, занимательная ли я собесѣдница. А то теперь не знаешь, слушаютъ тебя или только глядятъ.

— Экое все кокетство! Ну, да это твое дѣло. Ты какъ же, другому-то хочешь письмо писать?

— Вотъ. Не совсѣмъ только знаю, какъ это дѣлается. Помогите мнѣ, дядя!

— Изволь. Я сумѣю. Мнѣ такія письма писать не впервой! И все дѣло въ этомъ? Зачѣмъ же ты меня отзывала? Могла же и при отцѣ попросить... Или ты скрываешь отъ него?

— Какъ можно, дядя! Но развѣ вы не замѣчали, что если нужно о чемъ-нибудь переговорить, это дѣлается съ глазу на глазъ. Даже если двумъ людямъ совершенно одно и то же хочешь высказать, надо говорить порознь и разно. Нѣтъ одинаковыхъ людей: для одного надо сказать такъ, для другого иначе; а говорить такъ, чтобы сразу понимало два человѣка, я не умѣю. Такъ вы напишете, дядя? Только у меня подпись уже придумана: къ ней вамъ приноровиться придется.

— Какая же подпись?

— Душа въ маскѣ.

— Боже, экой романтизмъ въ тебѣ сидитъ! Это все твои поклонники! Всякій изъ нихъ такъ надрывается чѣмъ-нибудь передъ тобой показаться, что ты и впрямь во все это повѣрила. Что же, я и въ романтическомъ родѣ могу—я вѣдь, когда мнѣ тринадцать лѣтъ было, Жуковскаго живымъ видѣлъ!

— Правда, дядя? Какъ завидно!

— Да, ты мнѣ завидовать должна, а больше всего дѣду своему. Развѣ тѣ теперь маскарады, какъ въ его времена. Бывало на маскарады да на балы много такого ума тратилось, что и цѣны ему нѣтъ. Вотъ бы тебѣ Баратынскаго интриговать. Стихи тебѣ посвятилъ бы. Посмотри на себя—ты стòишь. А его описаніе маскарада знаешь? Такъ, что ли:

Толпа гуляющихъ гостей...
И половина ихъ большая,
Нарядъ привычный соблюдая,
Тѣмъ выдаетъ еще живѣй
Бродящихъ рыцарей, шамановъ,
И арлекиновъ, и брахмановъ,

Діанъ, Весталокъ, Флоръ и Фей,
Народовъ всѣхъ вѣковъ и націй.
Ихъ мучитъ бѣсъ мистификацій;
Но не выходитъ хитрыхъ фразъ:
„Я знаю васъ, я знаю васъ!"
Ни у кого для продолженья
Недостаетъ воображенья.

Ты не смотри, что онъ какъ будто смѣется—это надъ толпой, что всегда одна... Но зато у него герой есть въ запасѣ:

Елецкой изъ ряду выходитъ...

вотъ Елецкаго такого теперь не сыскать.

— Какая у васъ память!

— Ты удивляешься, что я наизусть читаю? Я многое еще помню. Въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ мы стихами зачитывались, а старшаго товарища, Лермонтова, всего наизусть знали. Пошляками мы сдѣлались уже въ генеральскихъ чинахъ. А теперешнее поколѣніе дѣлается ими еще въ корпусахъ...

И дядя Павелъ, помогая себѣ руками, поднялся съ кресла и собрался прощаться.

— Да, постой, какъ ты будешь одѣта? Я хочу подобрать аллегорій.

— Я сама не рѣшила. Мнѣ бы хотѣлось обшить домино кружевами... а цвѣтъ чтобы былъ холодноватый, какъ утреннее осеннее небо у горизонта...

— Ну, это выйдетъ какая-то маркиза Помпадуръ, выходящая изъ морской пѣны. А я думалъ, ты что-нибудь романтическое хочешь, вродѣ нетопыря... Ну все равно, будь по-твоему.

Вечеромъ дядинъ камердинеръ Евграфъ, сановитый старикъ, принесъ Ольгѣ Александровнѣ много чайныхъ розъ и письмо. Вверху листа, какъ эпиграфъ, стояло:

Евграфъ Барышнѣ.

Охапка блѣдныхъ розъ и жуткое письмо—
Вамъ подношеніе отъ старенькаго дяди.
Хоть романтизмъ ему какъ на глазу бѣльмо,
Онъ юношамъ и въ немъ не уступилъ ни пяди.

Затѣмъ слѣдовало:

Имя рекъ!

Въ силахъ ли вы вырваться изъ оковъ пространства и времени: забыть, напримѣръ, что черезъ 10 дней 31 декабря, что

на Большой Итальянской Дворянское Собраніе и что для того, чтобы два человѣка заговорили, нуженъ третій, который бы назвалъ громко, подъ рядъ, ихъ имена, чаще всего имъ взаимно извѣстныя, но во всякомъ случаѣ, если вдуматься, никакого отношенія къ сущности людей не имѣющія.

Если вы въ силахъ, вы сдѣлаете то, на что я зову васъ; если нѣтъ, вы не сдѣлаете. Но жалѣть я не буду: я только пойму, что ошиблась: не тому послала свой призывъ.

Холодное, свѣтлое, сине-зеленое море съ силою бьетъ въ берега, и бѣлыми кружевами ложится пѣна. Вотъ знакъ: по нему вы найдете и меня; по нему судите и о предстоящей борьбѣ. Я буду въ маскѣ, не только лицо у меня въ маскѣ, но и душа. И вотъ я зову на борьбу. Попробуйте заглянуть подъ маску—въ душу. Попытайтесь добраться до дна зимняго моря и разглядѣть, какія тайны лежатъ на днѣ.

Душа въ маскѣ.

„Совсѣмъ не то", подумала Ольга, читая ловкіе обиняки стариковскаго остроумія: „великолѣпно, но какъ разъ наоборотъ".

Вызвавъ Хлудова, она совѣщалась съ нимъ и рѣшила дядинаго письма не посылать. Зато цвѣтъ домино былъ, наконецъ, отысканъ по указанному дядею пути: Ольга, конечно, не захотѣла наряжаться нетопыремъ, но, подумавъ, увидѣла, что сѣрый цвѣтъ—цвѣтъ земного праха—будетъ какъ нельзя болѣе подходить къ ея мыслямъ о внѣшнемъ; кромѣ того, Хлудовъ надоумилъ ее, что кружева косвенно влекли бы въ тотъ самый міръ женскаго очарованія, который слѣдовало оставить за порогомъ. Еще подумавъ, Ольга рѣшила и на руки надѣть сѣрыя перчатки—„буду, если не летучей, то полевой мышью".

Письмо надобно было написать самой, ясно и просто.

Уже поздно ночью Ольга начисто переписала и отправила такое письмо:

„Многоуважаемый
Петръ Кирилловичъ!

„Въ силахъ ли вы отнестись серьезно къ моей затѣѣ? Она въ томъ, чтобы обратить маскарадъ изъ пошлаго шутовства въ важное дѣло души. Я знаю васъ очень мало и то только одну, вѣроятно, лучшую сторону: я знаю, что вы способны къ серьезнымъ мыслямъ. Остального я не хочу знать и только то, что знаю, хотѣла бы увидѣть и въ маскарадѣ. Не утомляйте себя, стараясь догадаться, но въ моей жизни есть обстоятельства, дѣлающія меня одинокой; ими я вынуждена искать разговора съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Мнѣ надо высказаться, почти исповѣдаться,

а значитъ, и остаться неизвѣстной. Поэтому я выбрала маскарадъ. Такое письмо, съ выдуманной подписью, съ зовомъ въ обычное мѣсто мистификацій, не должно внушать довѣрія. Но всетаки, увѣряю васъ, здѣсь нѣтъ ни мистификаціи, ни интриги. Поэтому начнемъ разговоръ только въ томъ случаѣ, если вы вѣрите мнѣ. Если да, то будьте подъ Новый Годъ въ Дворянскомъ Собраніи съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Я тогда сама подойду къ вамъ.

Душа въ маскѣ".

Ольга Александровна вышла въ столовую, одѣтая въ сѣрое домино, въ сѣрой маскѣ и въ сѣрыхъ перчаткахъ.

— Ольга, что же твои кружева и мое письмо?

Ольга Александровна отвѣтила звонкимъ, радостнымъ голосомъ:

— Я, дядя, письмо послала, но меня очень искусило нарядиться нетопыремъ. А потомъ я сообразила, что это совсѣмъ не плохо выйдетъ. Онъ станетъ разыскивать маркизу Помпадуръ, выходящую изъ морской пѣны, а я, какъ сѣрая вѣдьма, буду дразнить его.

— Однако тебя учить нечему. Дорогу молодости!

И дядя почтительно склонился, дѣлая два шага назадъ.

— Боже, дядя, да вы сами еще такой молодой въ вашемъ красномъ супервестѣ и въ такой позѣ. Жаль, жаль, что нельзя интриговать васъ! Чаю, пожалуйста.

Она сняла маску и сѣла пить чай.

Вскорѣ отецъ и дядя уѣхали, а немного переждавъ, и Ольга съ Хлудовымъ. Когда карета тронулась, Ольга засмѣялась:

— Я увѣрена, что удастся. Знаете, когда дядя спросилъ о письмѣ, я покраснѣла, смутилась, но, вспомнивъ, что подъ маской не видно, я такую свободу почувствовала и такъ легко солгала!

— О, свобода и ложь всегда рядомъ! Я вамъ разскажу мою сказку о томъ, какъ человѣкъ пересталъ быть звѣремъ. Одни полагаютъ, что это случилось въ ту минуту, когда онъ выпрямился и свободно пошелъ на однѣхъ заднихъ ногахъ... Тогда я спрошу, отчего же Пушкинъ родился не среди кенгуру, и не надъ тушканчиками былъ Царемъ Петръ Великій? Другіе утверждаютъ, что это случилось тогда, когда человѣкъ впервые заговорилъ. Но уже достаточно изслѣдовано, что у всѣхъ животныхъ есть рѣчь. А членораздѣльность рѣчи?—Когда я служилъ въ Константинополѣ, мнѣ казалось, что крики иволги гораздо члено-

раздѣльнѣе турецкаго языка, клянусь Богомъ! Нѣтъ, эра, когда звѣрь сталъ человѣкомъ, это когда онъ впервые солгалъ. Ложь, это свобода мысли. Звѣрь кричитъ и не лжетъ: впечатлѣніе — соотвѣтствующій крикъ. И потому звѣриному слову надо вѣрить больше, чѣмъ человѣческому. Посмотрите: стая птицъ... одна издастъ тревожный крикъ—и всѣ, не провѣряя, срываются. А если бы мы срывались на всѣ тревожные крики, хоть о будущемъ Россіи, право, мебель подешевѣла бы за отсутствіемъ потребности въ ней! Солгать въ первый разъ значило совершить страшную работу: разорвать мысль и стихійную жизнь, значило создать свободную мысль... И мы пользуемся подвигомъ этого перваго великаго освободителя—отца лжи, но, въ ослѣпленіи, смѣшиваемъ его съ Діаволомъ. Вѣчная свобода—ото лжи; и теперь она покупается только ложью!

— Боже, какія страшныя вещи вы всегда говорите!

— О, всякая истина страшна! Ложь не только свобода, но и счастье. При случаѣ я разскажу вамъ это подробнѣе. Нынче я въ прекрасномъ настроеніи духа!

— И я. Я, главное, увѣрена, что удастся.

Залы Дворянскаго Собранія привычно сіяли, но толпа была странна: она—едва-едва только развязнѣе, чѣмъ на балу—была неузнаваема; маскированные люди казались большими заводными куклами и сливались въ яркую рябь. Въ этой пестротѣ Ольга не различала отдѣльныхъ людей; ея глаза больно зажмурились; только съ усиліемъ поднявъ брови, она смогла разможить вѣки и оглядѣлась. Хлудовъ, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, равнодушно смотрѣлъ впередъ.

Ольга, не умѣя быть одной, стала искать пристанища: близко отъ себя она узнала одного изъ своихъ настойчивыхъ поклонниковъ, барона Шлиппена, красиваго, всегда очаровательно милаго, сильнаго, гордаго и суроваго въ душѣ, но изысканно скромнаго въ обращеніи.

— Я тебя знаю,—неловко проговорила она, и вдругъ ей, въ конецъ смѣшавъ ея духъ, предстали читанные дядей колкіе стихи Боратынскаго.

Небрежно повернувшись къ ней,—такимъ невиданный,—блеснувъ на нее смѣющимися глазами, баронъ самодовольно бросилъ сквозь бѣлые зубы: „Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго", и со смѣшкомъ прошелъ дальше, и сейчасъ же, зайдя сзади и ни слова не говоря, онъ крѣпко взялъ за руку, повыше локтя, какое-то красное домино. Женщина, спрятанная въ немъ, вздрог-

нула, оглянулась и, оглянувшись, засмѣялась тихимъ женскимъ смѣхомъ. Ольга, растерянно, такъ и остановилась посреди залы, и, точно подъ ногами поколебался полъ, ее потянуло къ колоннамъ: такъ въ качку берегъ манитъ пустившагося въ море. Едва Ольга повернулась, какъ Хлудовъ устремился къ ней, и, рука объ руку, молча, они пошли по заламъ. Скоро въ углу большого зала Ольга замѣтила отца и дядю и другихъ, военныхъ и статскихъ, все важныхъ, все знакомыхъ. Съ ними сидѣли и маски; этихъ масокъ Ольга узнала всѣхъ издали и сразу, и ей стало смѣшно и легко. Овладѣвъ собою, Ольга принялась осматриваться: совсѣмъ непривычно, что знакомые люди не подходятъ, не кланяются, но лишь мимоходомъ взглядываютъ на ея сѣрое одѣяніе. „Погляди-ка, сѣрое домино! Какая походка!“ слышится чей-то возгласъ. Странно и то, что все вообще говорятъ такъ, точно подъ масками и домино нѣтъ людей, которые могутъ услышать и запомнить. Впечатлѣніе незнакомое, коробящее.

Наконецъ, возвратясь въ большой залъ, Ольга нашла его—Петра Кирилловича Стрѣшнева. Высокій, худощавый, съ простенькимъ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, онъ, внимательно разсматривая толпу, пробирался между масками, отдѣлываясь отъ нихъ со всевозможнымъ тщаніемъ.

— Вотъ онъ,—шепнула Ольга.

Хлудовъ отошелъ.

Ольга Александровна выждала, пока Стрѣшневъ подвинется въ ея сторону, и, подойдя къ нему сбоку, окликнула его по имени. Онъ быстро повернулся.

— Петръ Кирилловичъ, это я писала вамъ о вашемъ бѣломъ цвѣткѣ.

Вотъ Стрѣшневъ пристально смотритъ въ узкія, некрасивыя щели сѣрой маски, на необъятно широкое домино, но лицо его, сквозь любезную улыбку, недоумѣваетъ. Ольга рада.

— Разъ вы такъ начали, какъ же мнѣ звать васъ?

— Душа въ маскѣ.

— Нѣтъ, выдумайте себѣ какое-нибудь имя. Эта маскарадная кличка будетъ постоянно перебивать намъ разговоръ.

— Марія Кирилловна.

— Какъ вы упорно скрываетесь: имя такое общее, а отчество мое... Чтобы никакой нити не дать! Но тѣмъ лучше, я буду думать, что вы мнѣ сестра. Вы, Марія Кирилловна, загадку мнѣ задали. Я долго размышлялъ надъ письмомъ, пока не увидѣлъ двухъ крайностей: это или искренно, или очень хитрая западня... Я сюда собирался, но ваше письмо поколебало меня. По-

томъ рѣшилъ стряхнуть сомнѣнія и, разъ есть какая-нибудь вѣроятность искренности, пойти на искренній зовъ. Если же письмо интрига, какъ вы смѣетесь въ душѣ самодовольно!

— Нѣтъ, я не интригую,—совсѣмъ просто отвѣтила Ольга.—Если бы вы видѣли меня минуту назадъ, когда я безсмысленно стояла посреди залы, опустивъ руки, вы бы поняли. Я насилу справилась.

— Но почему же вы именно ко мнѣ обратились?

— Я въ письмѣ объяснила, что вы мнѣ нужны, но если васъ можетъ занять чужая душа, просто безъ всякой предвзятости, тогда мы другъ другу отплатимъ... (Ольга торопилась выйти изъ предисловія). Я въ первый разъ въ маскарадѣ... Самой быть подъ маской—хорошее чувство, но видѣть столько закрытыхъ лицъ—это страшно. Я всегда считала, что нѣтъ двухъ людей, сколько-нибудь похожихъ, а теперь, глядя на одинаковыя и ничего не выражающія, даже когда онѣ говорятъ, маски, мнѣ вдругъ почудилось, что и души безличны и одинаковы. Какъ вы думаете?

Стрѣшневъ заговорилъ, видимо преодолѣвая развлекавшія его мысли.

— Я не знаю... По-моему, если охватить всю природу человѣка, окажется, что девяносто девять сотыхъ ея повторяются во всѣхъ неизмѣнно, а лишь одна сотая разнообразна. Но одинаковыя девяносто девять частей, именно какъ таковыя, никому не нужны, и все вниманіе человѣка устремлено на эту одну сотую его существа, въ которой между людьми можетъ быть разница. Создается миражъ, что люди очень непохожи между собою. И поверхностная мысль на этомъ успокаивается... Нѣтъ, только тотъ что-нибудь пойметъ въ жизни, кто будетъ знать, что всѣ одинаковы и вникнетъ въ эту область общаго, изъ которой все важное вытекаетъ. А мнимое красивое разнообразіе людей—это игра, которою съ увлеченіемъ тѣшится современное общество.

— А мнѣ наоборотъ кажется: если что насъ и дѣлаетъ одинаковыми овцами, такъ это общество: оно лютый врагъ нашихъ душъ. Вы никогда не замѣчали, оставаясь надолго совсѣмъ одинъ, что крылья вашей души расширяются, что ни одно дурное чувство не шевелится въ васъ, и вы сами—святой. Стоитъ очутиться вдвоемъ, и—всемогущества нѣтъ: крылья уже не подъ синимъ небомъ, а подъ желѣзнымъ сводомъ, и—

Напрасно духъ о сводъ желѣзный
Стучится крыльями, скользя...
Онъ вѣчно здѣсь, надъ той же бездной;
Упасть въ сосѣднюю—нельзя! [1])

[1]) Прекрасная строфа эта принадлежитъ Брюсову. Н. Н.

Одинъ — святость; двое — ограниченность; а трое... Боже, три святыхъ—это уже пошлая толпа. И, пожалуй, истиннымъ высшимъ образованіемъ было бы заключеніе человѣка на одинъ годъ въ башню, близко къ облакамъ, чтобы у него было время заняться своею душою и обратить ее въ кристаллъ, въ которомъ бы разъ навсегда отразилось небо и котораго уже не могли бы размыть мутныя, тяжелыя волны общежитія.

Говоря, Ольга наблюдала лицо Стрѣшнева. Его взглядъ внимательно насторожился.

— Вы, видно, недавно завершили именно то высшее образованіе, котораго желаете всѣмъ. Такъ чуждо намъ, овцамъ, уготованнымъ къ коллективизму, все сказанное вами. А ну, какъ вы и современныхъ альманаховъ не читаете?

— О, послѣдніе альманахи, это: „Бытоописаніе каннибаловъ, составленное ими самими“.

— Я это хочу запомнить!—воскликнулъ Стрѣшневъ и вдругъ, блеснувъ улыбкою, вопросилъ:—Но, разъ вы такъ любите одиночество, зачѣмъ вы пришли сюда разговаривать со мною?

Ольга услыхала вызовъ, глаза ея загорѣлись, она почувствовала, какъ онъ это и сквозь маску замѣтилъ, и произнесла:

— Я хочу посмотрѣться въ зеркало: мнѣ хочется видѣть лучи моего кристалла!

Съ этой минуты не осталось и слѣда отъ принужденности начала разговора. Приподнятые, собесѣдники сразу измѣнили самыя обращенія.

— Ты, душа въ маскѣ, очень самонадѣянна, какъ всѣ затворники, и потому навѣрно будешь довольна. Ты блескъ пламени сіяющаго за стекломъ, конечно, примешь за свое отраженіе въ зеркалѣ.

— А ты, разъ ужъ сравнилъ себя съ фонаремъ, смотри, не слишкомъ ли тутъ много свѣта, чтобы ты былъ виденъ?

— Сѣрыя бабочки всегда летятъ къ самому яркому свѣточу, а ты, сѣрая бабочка, около меня!

Вдругъ Ольгѣ, вмѣсто отвѣта, неудержимо захотѣлось сорвать маску, но, конечно, не тронула ея.

— Ну вотъ, если ты яркій, если ты, правда, свѣтлый,—и голосъ Ольги зазвучалъ силою и глубиною чарующею,—ты долженъ понять, чего стоитъ жизнь, гдѣ душа никогда не раскрывается. Я не забываю о послѣднемъ, непреходимомъ предѣлѣ, а говорю о другихъ, близкихъ, переходимыхъ.

— Маска, но, проживая въ башнѣ, ты конечно не успѣла наблюсти, какъ однообразно и безцвѣтно то, что всѣми говорится о душѣ.

— О, ты успѣлъ замѣтить только это? Но пусть чужой души никогда не увидишь, но, стремясь къ ней, какъ свою видишь! Этого ты не замѣтилъ? Пусть языкъ души бѣденъ, а пошлость красочна и богата словами! Такъ пусть низменныя души и любуются переливами гніющей лужи! Да, языкъ экстаза блѣденъ, возвышенныя мечты знаютъ только цвѣта высокаго неба, а потому-то нарциссы и лиліи—цвѣты рыцарей и святыхъ, потому орхидеи и хризантемы—услада мѣщанства. Ты что выбираешь: орхидею или лилію?

— Я понимаю угрозу твоего вопроса и выбираю лилію, но лилія умѣстна въ рукахъ мадоннъБотичелли...

По неувѣренному звуку голоса Ольгѣ показалось, что Стрѣшневъ принимаетъ ее за умнаго урода, покрывшагося маскою, чтобы непріятное впечатлѣніе отъ лица не мѣшало блистать разговорамъ; и опять ликующее искушеніе выступить изъ покрововъ охватило ее, но она притворнымъ голосомъ отвѣтила:

— Я тебѣ не несу ни орхидей, ни лилій; для меня цвѣты всего прекраснѣе на корняхъ. А правда, я не стала бы растить орхидей, но мнѣ было бы отрадно жить высоко на скалѣ, поливать лиліи и кормить голубей. Ты хотѣлъ бы видѣть на высокой скалѣ бѣлый мирный замокъ? И надъ нимъ и вокругъ скалы бѣлыхъ голубей, точно жемчужины въ синей эмали, блистающихъ въ сіяніи дня. И люди съ бѣлыми голубиными душами селятся по склонамъ скалы и дальше по равнинѣ, и замокъ въ срединѣ бѣлаго царства. Тамъ одинъ законъ—искренность: чтобы всякая мысль воспринималась лицомъ къ лицу. И эхо въ этомъ мірѣ отсутствуетъ,—эхо, которое тысячу разъ повторяетъ слова, но повторяетъ ихъ безконечно искаженными.

— Скажи, откуда эта твоя мечта? Ради чего безжизненный эстетизмъ такъ вкоренился...

— Ты пойми, отъ чего хочется уйти. Тогда ты многое поймешь. У тебя не бывало среди людской толпы ощущенія затерянности, вплоть до страха? Смотришь, люди: слабые, уродливые, больные, усталые, недовольные, а если пройдетъ сильный, крѣпкій, то съ лицомъ тупымъ и злымъ, со сплюснутымъ лбомъ или огромнымъ ртомъ. Или какъ будто красивые, но тогда непремѣнно такіе наглые, показывающіеся... И жалко, и презрѣнно, и страшно. Кажется, что все человѣчество выродится, вымретъ скоро, и понимаешь, что путь, по которому катится и хочетъ катиться вся эта глыба,—не къ спасенію. И вѣрится, что инымъ путемъ, путемъ, на который я намекнула, надо спасать отъ болѣзни, отъ тупости, злобы, грязи и уродства.

— Но ты, значитъ, очень высоко расцѣниваешь вліяніе красоты на жизнь?

Вопросъ, какъ Харибда. И Ольгѣ захотѣлось броситься въ сторону отъ него, но онъ былъ поставленъ настолько просто, лицо Стрѣшнева было настолько внимательно, что должно было отвѣтить.

— Мои мысли объ этомъ очень сложны. Я могу только сказать, что вліяніе огромно: оно можетъ быть и добромъ, но бываетъ и зломъ.

Стрѣшневъ спросилъ еще проще, даже наивно:

— Что же ты считаешь зломъ красоты?

— Она привлекаетъ и тѣхъ, кто ея недостоинъ.

— Смутно сказано. Но вѣрно ли я истолковываю: красота—зло для другихъ, чьи пути она затмеваетъ? То-есть, что она создаетъ неравенство?

Въ глазахъ Стрѣшнева замерцало.

— Зломъ я считаю только то неравенство,—былъ отвѣтъ,—которое получается отъ упаданія нѣкоторыхъ внизъ, но не то, которое возникаетъ отъ чьего-либо взлета. Поэтому въ неравенствѣ зло не красота, а уродство. Я думаю совсѣмъ другое, чего, такъ, ты не сможешь понять, но чего разсказывать тебѣ я не стану.

— Такъ, значитъ, что красота губитъ отдавшихся ей?

Ольга вдругъ разсмѣялась.

— Какъ это тебѣ все кажется, что красота непремѣнно кого-нибудь обижаетъ!

Лицо Стрѣшнева дрогнуло и въ мигъ засіяло.

— Ну, маска, не знаю, умна ли ты, но что ты красива, это я знаю!

Ольга отпрянула и согнулась.

— Неправда... Но, коли такъ, говорить не о чемъ...

И она быстро метнулась отъ него, стремясь зарыться въ толпу. Онъ за ней. Ольга поняла, что спасеніе—быть съ кѣмъ-нибудь, но незнакомыхъ она боялась. Увидѣвъ веселаго и милаго краснощекаго Лбова, добраго знакомаго, она бросилась къ нему.

— Мы съ тобою знакомы! Развлеки меня!

— Это умно, что именно ко мнѣ ты съ этимъ обратилась.

Ольга Александровна обрадовалась удачѣ своей уловки: Стрѣшневъ, увидя ее съ другимъ, остановился. Лбовъ предложилъ руку и заявилъ:

— О, я знаю самый прямой путь къ развлеченію!

— Какой?

Ольга замѣтила, что онъ веселъ, кажется, отъ вина. Онъ ти-

хонько пропѣлъ ей на ухо нелѣпо, въ расчетѣ на русское произношеніе словъ, срифмованный куплетъ:

Crême de vanille,
Automobile,
Hôtel des Iles...

Ольга рванулась отъ него. Хлудовъ, блѣденъ, твердо шелъ къ ней.

— Константинъ Андреевичъ! Увезите меня!

Стрѣшневъ не могъ не слышать. Хлудовъ и Ольга, рука объ руку, быстро пошли. Стрѣшневъ слѣдилъ издали.

— Что случилось?—спросилъ Хлудовъ въ каретѣ.

— Ахъ, какихъ ужасовъ я насмотрѣлась. Я домой не хочу. Будемъ ѣздить...

Ольга сорвала маску съ лица. Хлудовъ пріоткрылъ окно.

— Евстигнѣй! На острова!

— Ахъ, оставьте открытымъ! И другое! Такъ хорошо! Боже, Боже, какъ хорошо, что вы были близко... А то я уже рѣшила бѣжать подъ отцовскую защиту. Такъ хорошо на воздухѣ... Дайте прійти въ себя...

Карета катилась по Садовой, по Марсову полю мимо Лѣтняго сада. Свѣжій зимній воздухъ до боли наполнялъ задыхающуюся грудь. Медля въ воздухѣ, спадали узорныя снѣжинки. Маскарадъ казался бредомъ.

Въѣхали на мостъ. Въ окно ворвался дующій вдоль Невы вѣтеръ, и, овѣянная имъ, Ольга заговорила.

— Да, знаете, на чемъ я сорвалась? На томъ, что я сейчасъ такъ чувствую... что нѣтъ ничего отвратительнѣе людской толпы, что невыносимы всѣ эти фигуры и лица, безобразныя, тупыя, наглыя... говоръ и взгляды... А, какъ я это теперь чувствую. У меня впечатлѣніе, точно ночью я прошла по Морской или Невскому.

— Что же, что же случилось?

— Ахъ, Боже, онъ сказалъ: „Не знаю, умна ли ты, но знаю, что ты красива“...

— Сказалъ, вы говорите? Впрямь умнаго человѣка видно. Какъ это удачно вышло!

Ольга сверкнула на Хлудова злыми глазами.

— При чемъ тутъ умъ? Что тутъ удачнаго?

— А лучше было бы, когда-бъ онъ смолчалъ? Подумайте только!

Ольга опустила глаза и, отвернувъ голову отъ Хлудова, стала смотрѣть себѣ на колѣни. Хлудовъ, переждавъ, заговорилъ:

— Да нѣтъ, не могъ не сказать! Умный человѣкъ всѣмъ пожертвуетъ, но не удержать ему языка, пока еще теплъ могъ радостью догадки. Повѣрьте мнѣ: умные люди—безвредны.

— Какія неожиданныя вещи вы всегда говорите... Спасибо на этотъ разъ, и—простите... Знаете, знаете...—со слезами въ голосѣ заговорила Ольга, и, торопясь, сбиваясь и вдругъ запинаясь, передала Хлудову ходъ того разговора и, кончивъ разсказъ, прошептала, глотая слезы:—Какая я, значитъ, маленькая, если всю мою душу такъ легко было обѣжать! И если тотъ—умный, какая я—красавица!

— Не говорите, не говорите. Не давайте этому страшной жизни слова. То, что вы поняли, будетъ работать въ васъ тайно, и въ одно прекрасное утро вы проснетесь свободной!

— Вамъ надо было сказать... Я опять разволновалась... Всетаки еще, кажется, во́-время, я получила вѣсть о смертельной опасности. Правда, давайте молчать.

Оба молчали, пока не выѣхали изъ города... Очутившись на островахъ, съ любопытствомъ смотрѣли на деревья, засыпанныя снѣгомъ, на чудную зимнюю пустоту.

Не доѣзжая до Стрѣлки, Ольга попросила остановиться. Дальше пошли пѣшкомъ. Снѣгъ уже пересталъ и тучи разошлись. Темно не было; звѣздный свѣтъ отражался въ новомъ снѣгу, снѣгъ тускло свѣтился, точно бѣлесый туманъ, и въ этомъ туманѣ можно было распознать всѣ предметы; они рисовались, какъ плоскія темно-сѣрыя пятна. На Стрѣлкѣ Хлудовъ очистилъ скамейку. Полное одиночество. Никого. Морозная тишина. И слѣдовъ нѣтъ, кромѣ своихъ.

— Миръ, миръ вамъ!

— Аминь! Всетаки мнѣ очень грустно. Такъ хорошо тутъ, что я подумываю, не уѣхать ли мнѣ въ деревню и не запереться ли тамъ одной. Бродить въ шубѣ и въ валенкахъ по парку, кататься на конькахъ по пруду, разбирать дѣдовскія бумаги и писать письма... и вамъ... Право, мнѣ такъ не по себѣ. Вотъ эта Стрѣлка—какая она чистая, красивая... А сколько отвратительныхъ ногъ толклось по ней! Такъ же моя душа такой бѣлой казалась, а теперь я узнала, что и она была ареной толпы!

— Ареной пораженія толпы, клянусь Богомъ! Ахъ, другъ мой, останетесь ли вы, уѣдете ли, ваша душа, какъ жила, такъ и будетъ жить по-своему, и жизнью благородной... и вѣрьте дружеской вѣрѣ: въ одно прекрасное утро вы проснетесь свободной...

— А всетаки грустно, грустно. Какъ все неожиданно сегодня!

— Все—неожиданно... Вѣрно, ужъ и Новый годъ насталъ.

Вынувъ часы, Хлудовъ пристально смотрѣлъ на нихъ, поворачивая ихъ то такъ, то такъ.

— Да, насталъ. Четверть перваго.

— Какъ хорошо, что мы сюда пріѣхали... Въ первый разъ я такъ встрѣчаю Новый годъ.

— Поздравляю васъ!

— Богъ знаетъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось долго-долго сидѣть тутъ, чтобы не кончалась эта ночь подольше. Я такъ боюсь завтрашняго дня... Вы подумайте, сколько людей—цѣлый смотръ... Я ихъ теперь еще больше боюсь...

— Все зависитъ отъ васъ. Если вы не позволите мнѣ принести пледъ и закутать вамъ ноги, завтра же вы заболѣете и никого не увидите, развѣ что доктора.

Ольга перебрала пальцами ногъ.

— Правда, холодно...

Хлудова уже не было. Вотъ онъ вернулся и раскинулъ пледъ.

— Ставьте ноги... Нѣтъ, постойте, тутъ-то вы и простудитесь: снѣгъ растаетъ и ноги промокнутъ. Одинъ мигъ!

Хлудовъ сталъ на колѣни, снялъ съ головы бобровую шапку и принялся смахивать снѣгъ съ Ольгиныхъ ногъ. Сквозь чулки, озябшія ноги чувствовали быстрыя и ласковыя холодныя прикосновенія пушистаго мѣха... потомъ треніе волокнистымъ пледомъ. Стало теплѣе. Хлудовъ всталъ.

Почувствовавъ ноги спутанными, Ольга немного напрягла ихъ, потомъ отпустила...

— Мнѣ вдругъ кажется, что я совсѣмъ маленькая. Я и не знала до сихъ поръ, что вы такой добрый... Я устала и дрема въ головѣ.

— Ну и слава Богу... Тутъ тихо и вы утихаете... Правда, чистота какая!

Н. В. Недоброво.

Изъ цикла „Королевство Водъ“.

Анри де Ренье.

Версалю.

1.

О ты, отвергнувшій разсвѣтъ и блескъ Авроры,
Кого не искусятъ земные всѣ пути,
Спѣши изъ города, погрязшаго въ раздоры,
Металломъ и огнемъ звучащаго, уйти.

Пусть люди силятся подъ чернымъ дымомъ пыли
Стѣною заслонить свой горизонтъ кругомъ—
Твои желанія имъ помогать остыли,
Ты камня не подашь творящимъ тлѣнный домъ.

И тѣхъ, кто тяжести испытывалъ иныя,
Чьи руки чистыя иной познали гнетъ,
Оставь достраивать жилища ихъ земныя
И въ Королевствѣ Водъ видѣньямъ дай полетъ.

2.

Фонтаны всѣ твои разбились въ тонкомъ звонѣ,
О, Королевство Водъ, Державный Садъ, Версаль!
На траурной твоей, о властелинъ, коронѣ
Не блещетъ лиліи вѣнчающій хрусталь!

И нимфа умерла, вѣщавшая устами
Твоими, и померкъ текучій свѣтъ зеркалъ,
Гдѣ твой смѣющійся, разубранный огнями
Твой прежній юный блескъ таинственно дрожалъ.

Бассейны замерли, ихъ мраморная рама
Сковала и вокругъ расцвѣтъ деревьевъ дикъ,
Позеленѣвшая въ забвеньи амальгама
Узнать бы не могла теперешній твой ликъ.

Пусть такъ! Не славы я блистательныхъ видѣній
Ищу тревожною пытливостью шаговъ,
И не къ тебѣ стремлюсь въ минувшее, о геній—
Герой, еще живой въ безсмертіи боговъ.

Пусть сонныхъ водъ твоихъ умолкшая пучина
Почіетъ въ тишинѣ недвижимой своей,
Пусть не повѣдаетъ ихъ гордая кончина
Объ очарованномъ спектаклѣ давнихъ дней.

И что мнѣ въ томъ, что снопъ сверкавшаго каскада
Изсякъ, Нептунъ сухимъ разбилъ трезубецъ свой,
И ротъ безводнаго подъ лавой Энселада
Умолкъ съ листомъ въ зубахъ—когда въ тѣни нѣмой

Боскета древняго, какъ въ нѣдрахъ саркофага
Фонтана скорбнаго поютъ не голоса-ль!
Не о твоихъ ли дняхъ еще рыдаетъ влага
О, Королевство Водъ, не о тебѣ-ль, Версаль!

I.

Фасадъ.

Нагую капитель могучаго фасада,
Гирлянду съ каменной, обвѣтренной листвой
Терзаетъ злобный вихрь—гонецъ передовой
Усталой осени, почившей въ глуби сада.

Еще на мраморѣ красуется Паллада,
И вензеля сплели узоръ свой золотой,
И Геркулесъ балконъ возноситъ надъ собой,
Но блекнетъ лилія—минувшаго отрада.

Въ бассейны мертвыхъ водъ глядитъ сѣдой дворецъ:
Тамъ Одиночество уснуло величаво,
Тамъ дремлетъ Прошлое, предчувствуя конецъ,

Но пламя вечера въ оконныя оправы
Опять вливается и золотитъ вѣнецъ
Разбуженной, на мигъ возставшей прежней Славы.

II.

Ароматъ.

Ты грезишь о Любви и Смерть тебя манитъ?
Тускнѣетъ зеркало, забывъ твои улыбки?
Внимай—за листомъ листъ летитъ съ деревъ, и зыбкій
За каплей каплю льетъ фонтанъ. Кругомъ все спитъ.

Вотъ розы сентября, подсолнечника щитъ:
Здѣсь лѣто пламенно и осень—лишь ошибкой;
Темнѣетъ сводомъ гротъ, боскетъ заплелся гибкій—
Обманетъ эха вздохъ и лабиринта видъ.

Оставь аллею, въ ней твой робкій путь невѣренъ,
И не заглядывай въ забытое окно—
Покинутъ павильонъ и ключъ его потерянъ.

Молчаніе; тамъ тѣнь; приди узнать одно:
Покорность горькому самшита аромату
И тихій сонъ воды средь термъ и бѣлыхъ статуй.

III.

Черный бассейнъ.

Забудь о мраморной смѣющейся Веснѣ,
О Лѣтѣ, въ пышности цвѣтущаго наряда,
О Хмельной Осени въ уборахъ винограда
И плачущей Зимѣ на камнѣ рядомъ съ ней.

Оставь аллею, гдѣ рисуются яснѣй
Узоры изъ песка; забудь всѣ розы сада
И эхо, чей отвѣтъ—твоимъ рѣчамъ награда—
Оставь, чтобъ подойти къ водѣ въ чудесномъ снѣ,

Включенной въ водоемъ таинственный, овальный.
Ни перья легкихъ птицъ, ни крылышки цикадъ
Не исчертятъ эбенъ поверхности зеркальной.

Вглядись—изъ глубины, гдѣ золота дрожатъ,
Приподнялась Любовь, сквозь черный блескъ кристалла
И усыпленное Безмолвіе возстало.

IV.

Энселадъ.

Широкій водоемъ кустарникомъ обросъ;
Въ углахъ бассейна, вставъ надъ ихъ суровой тѣнью,
Богиня съ молотомъ стоитъ въ оцѣпенѣньѣ,
И рядомъ грозный богъ трезубецъ свой вознесъ.

А въ центрѣ, погребенъ въ струяхъ немолчныхъ слезъ,
Огромный Энселадъ томится въ заточеньѣ
Подъ черной лавою—божественное мщенье
На плечи плѣнника воздвигнуло утесъ.

Весь день вокругъ него ложится съ шумомъ пѣна,
Изъ горла страшнаго текущая безсмѣнно—
Непокореннаго отчаянія знакъ;

Когда же мирный часъ, смуглѣя, сѣетъ мракъ,
Титанъ изъ скорбныхъ устъ не плещется водою
И сдерживаетъ вздохъ, склонясь предъ тишиною.

V.

Тріанонъ.

Державный призракъ, тѣнь души многострадальной
И нѣжной изъ дворца скользитъ подъ сѣнь аллей,
Въ кончинѣ роковой нашедшей грани дней,
Въ румянахъ, въ пудрѣ—кровь и пепелъ погребальный.

Въ саду покинутомъ—стукъ топора фатальный;
Надъ павшей ивою не слышно голубей,
На розы тѣнь свою набросилъ мавзолей,
И тщетно ждетъ скамья, и тихъ ручей кристальный.

Фантомъ блуждающій у креселъ изнемогъ;
И мраморъ все звучитъ подъ шагомъ легкихъ ногъ;
Улыбка вдругъ прильнетъ къ зеркальному затону.

Бассейнъ безмолвствуетъ, и листья въ глубинѣ,
Сплетаясь золотомъ, чертятъ на черномъ днѣ
То букву имени, то вензель и корону.

VI.

Покой.

Металлъ сковалъ тебя навѣки тяжкимъ сномъ:
Плѣненъ поблекшій ликъ и жестъ твой безнадежный;
Какою силою, жестокой или нѣжной,
Ты стала статуей, закрѣпощенной въ немъ?

Твой цоколь обагренъ пурпуровымъ пятномъ—
На аломъ мраморѣ то крови слѣдъ мятежный;
Упорнымъ топоромъ, стрѣлою-ль неизбѣжной
Сраженная, ты вновь жива во снѣ своемъ.

И въ бронзѣ золотой, годами окисленной,
Гдѣ зеленѣющій рисуется налетъ,
Твой обликъ, словно трупъ нетлѣющій, встаетъ:

Металлъ тебя творитъ иной, преображенной;
Но сладокъ иль суровъ твой Рокъ—у мертвыхъ ногъ
Пусть роза расцвѣтетъ иль омега цвѣтокъ.

VII.

Внутри.

У очага стоитъ безмолвная Любовь
Напротивъ Времени—всезрячаго лемура,
Въ поблекшемъ зеркалѣ сплелось крыло Амура
Съ косою Времени, извѣдавшею кровь.

Крыло опущено; вѣщаетъ Время вновь
И вновь на нѣжнаго набрасываясь хмуро;
Но старцу не смутить упрямаго Амура,
Дитя капризное, онъ правъ—вѣдь онъ Любовь.

У люстръ на потолкѣ, въ розеткахъ на паркетѣ
Зажгутся молніи и розы зацвѣтутъ!
Пытаютъ зеркала другъ друга въ тускломъ свѣтѣ,

Изгибы мебели согнулись тамъ и тутъ
И распахнулась дверь, давая путь Надеждѣ
Въ крылахъ изъ золота, что были пепломъ прежде.

VIII.

Покорность.

Декабрь обуглилъ тисъ, бассейны оковалъ,
На молчаливый буксъ просыпалъ острый иней,
Закатъ—какъ мѣдь, восходъ—изъ стали блѣдно-синей,
Амура жалитъ вихрь—тоскующій шакалъ.

Къ дрожащей статуѣ убійца-плющъ припалъ,
Сжимая горло ей; за юною Богиней
Погнался пьяный Фавнъ, отъ стужи ставъ твердыней,
И тяжкій шагъ его срываетъ пьедесталъ.

Скончались праздники, ихъ музыка и радость!
И Лѣто юное состарила Зима,
Толкая въ мертвый паркъ и мертвая сама.

Но флейты нѣжныя арпеджіи и сладость
Сквозь вихрь и мракъ и смерть я тайно берегу
Вполголоса еще поющей на снѣгу.

Вѣра Вертеръ.

РОСГАЛЬДА.

Романъ Германа Гессе.

Авторизованный переводъ.

Hermann Hesse. „Rosshalde". Velhagen u. Klasings Monatshefte, 1913 VII—VIII. [1])

I.

Когда, десять лѣтъ тому назадъ, Іоганнъ Верагутъ купилъ Росгальду и поселился въ ней, она была заброшенной старой усадьбой, съ заросшими садовыми дорожками, ветхими ступеньками и непроходимымъ, заглохшимъ паркомъ. На всемъ участкѣ въ восемь морговъ не было никакихъ строеній, кромѣ прекраснаго, нѣсколько запущеннаго барскаго дома съ конюшней и маленькимъ, похожимъ на храмъ, бельведеромъ, дверь котораго криво висѣла на погнувшихся крюкахъ, а когда-то обитыя шелкомъ стѣны обросли мохомъ и плѣсенью.

Сейчасъ же послѣ покупки усадьбы новый владѣлецъ приказалъ снести ветхій павильонъ, оставивъ только десять старыхъ каменныхъ ступеней, которыя вели отъ порога этого любовнаго уголка къ краю пруда. На мѣстѣ бельведера была выстроена мастерская Верагута, и въ теченіе семи лѣтъ онъ здѣсь писалъ и проводилъ бо̀льшую часть дней, жилъ же напротивъ, въ господскомъ домѣ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока усилившійся семейный разладъ не заставилъ его удалить старшаго сына и послать его учиться, господскій домъ предоставить женѣ и слугамъ, а для себя пристроить къ мастерской двѣ комнаты, въ которыхъ онъ съ этихъ поръ и жилъ на положеніи холостяка. Обидно было за великолѣпный барскій домъ; фрау Верагутъ занимала съ семилѣтнимъ Пьеромъ только верхній этажъ, къ ней пріѣз-

---

[1]) На осн. ст. ст. 4—6 русско-германской литературной конвенціи.

жали иногда знакомые съ визитомъ или погостить, но никогда не собиралось большого общества, и такимъ образомъ рядъ комнатъ изъ года въ годъ стоялъ пустой.

Маленькій Пьеръ былъ не только любимцемъ обоихъ родителей и единственнымъ связующимъ звеномъ между отцомъ и матерью, поддерживавшимъ нѣчто вродѣ общенія между господскимъ домомъ и мастерской; онъ былъ въ сущности единственнымъ хозяиномъ и владѣльцемъ Росгальды. Верагутъ жилъ исключительно въ своемъ домикѣ при мастерской, а для прогулокъ пользовался мѣстностью вокругъ озера, да еще бывшимъ паркомъ; его жена царила напротивъ, въ домѣ, ей принадлежала дерновая лужайка, липовый и каштановый сады; и каждый бывалъ на территоріи другого только въ качествѣ гостя, если не считать обѣда и ужина, на которыхъ художникъ большею частью присутствовалъ въ господскомъ домѣ. Маленькій Пьеръ былъ единственнымъ, не признававшимъ этого разобщенія жизни и раздѣленія территорій и едва ли знавшимъ о немъ. Онъ одинаково беззаботно бѣгалъ какъ по старому, такъ и по новому дому, чувствовалъ себя въ мастерской и библіотекѣ отца точно такъ же дома, какъ въ коридорѣ и картинномъ залѣ напротивъ, или же въ комнатахъ матери, ему принадлежала земляника въ каштановомъ саду, цвѣты въ липовомъ, рыба въ озерѣ, купальня, гондола. Онъ чувствовалъ себя господиномъ и любимцемъ какъ служанокъ матери, такъ и камердинера отца Роберта, онъ былъ сыномъ хозяйки дома для гостей матери и сыномъ художника для посѣтителей, приходившихъ иногда въ мастерскую отца и говорившихъ по-французски, а изображенія мальчика, портреты и фотографіи, висѣли какъ въ спальнѣ отца, такъ и въ старомъ домѣ, въ уютныхъ, оклеенныхъ свѣтлыми обоями комнатахъ матери. Пьеру жилось очень хорошо, даже лучше, чѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ живутъ въ полномъ согласіи: онъ воспитывался безъ всякой программы, и если когда-нибудь на территоріи матери атмосфера становилась слишкомъ напряженная, то мѣстность вокругъ озера представляла ему надежное убѣжище.

Было далеко за полночь, и маленькій Пьеръ спалъ уже давно въ своей постелькѣ, а въ окнахъ господскаго дома было совершенно темно, когда Іоганнъ Верагутъ пѣшкомъ, совершенно одинъ, вернулся изъ города, гдѣ провелъ вечеръ съ знакомыми въ ресторанѣ. Во время ходьбы подъ облачнымъ небомъ теплой весенней ночи атмосфера вина и дыма, возбужденнаго смѣха и рискованныхъ шутокъ отпала отъ него, онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ живительный сыровато-теплый ночной воздухъ и шелъ ме-

жду уже высоко поднявшимися темными полями, внимательно вглядываясь въ дорогу, въ концѣ которой на блѣдномъ ночномъ небѣ тихо выдѣлялись высокія верхушки Росгальды.

Онъ, не заходя, прошелъ мимо входа въ усадьбу, бросилъ взглядъ на господскій домъ, благородный, свѣтлый фасадъ котораго маняще мерцалъ среди густого мрака деревьевъ, и съ минуту созерцалъ красивую картину съ наслажденіемъ и равнодушіемъ случайнаго прохожаго. Затѣмъ сдѣлалъ еще нѣсколько сотъ шаговъ вдоль высокаго забора до мѣста, гдѣ было продѣлано отверстіе и протоптана потайная дорожка къ мастерской. Напряженно вслушиваясь и вглядываясь въ темноту, шелъ онъ по мрачному, запущенному, какъ лѣсъ, парку; надъ озеромъ деревья вдругъ разступались, и далеко вокругъ видно было тусклое, сѣрое небо. Здѣсь и стояла мастерская со своими пристройками.

Маленькое озеро казалось почти чернымъ въ своемъ застывшемъ покоѣ, лишь слабый отсвѣтъ неба лежалъ надъ водой, точно безконечно нѣжная пленка или тонкая пыль. Верагутъ посмотрѣлъ на часы,—было около часа. Онъ открылъ боковую дверь маленькаго строенія, ведшую въ его жилыя комнаты. Здѣсь онъ зажегъ свѣчу и, быстро сбросивъ одежду, вышелъ нагимъ на воздухъ и медленно спустился по широкимъ, плоскимъ каменнымъ ступенямъ къ водѣ, по которой, на мгновеніе сверкнувъ, побѣжали маленькія, мягкія кольца. Онъ окунулся и поплылъ вглубь озера, но, вдругъ почувствовавъ усталость послѣ необычно проведеннаго вечера, повернулъ обратно и мокрый вошелъ въ домъ. Здѣсь онъ набросилъ мохнатый купальный плащъ, вытеръ голову съ коротко остриженными волосами и босикомъ поднялся по нѣсколькимъ ступенямъ въ мастерскую, огромную, почти пустую комнату, гдѣ сейчасъ же нетерпѣливымъ движеніемъ зажегъ электричество, повернувъ выключатели всѣхъ лампъ.

Торопливо подошелъ онъ къ мольберту, на которомъ стояло маленькое полотно,—его работа послѣднихъ дней. Упершись руками въ колѣни, стоялъ онъ, согнувшись, передъ картиной, вперивъ широко раскрытые глаза въ поверхность, свѣжія краски которой отражали яркій свѣтъ. Такъ простоялъ онъ двѣ-три минуты, молча и не отрывая глазъ отъ картины, пока работа не ожила передъ его глазами до послѣдняго мазка: съ давнихъ поръ у него вошло въ обыкновеніе наканунѣ рабочихъ дней уносить съ собой въ постель исключительно впечатлѣніе отъ картины, которую онъ писалъ. Затѣмъ онъ погасилъ электричество, взялъ свѣчу и пошелъ въ спальню, на двери которой висѣла неболь-

шая аспидная доска съ кускомъ мѣла. „Разбудить въ семь часовъ, кофе въ девять“, крупными буквами написалъ онъ на ней, заперъ за собой дверь и легъ. Онъ еще немного полежалъ неподвижно съ открытыми глазами, съ усиліемъ вызывая передъ собой образъ своей работы. Насытившись имъ, онъ закрылъ ясные сѣрые глаза, тихо вздохнулъ и быстро погрузился въ сонъ.

Утромъ Робертъ разбудилъ его въ назначенное время. Онъ сейчасъ же всталъ, умылся въ маленькой уборной холодной водой, надѣлъ грубый застиранный костюмъ изъ сѣраго полотна и прошелъ въ мастерскую, гдѣ слуга уже поднялъ тяжелыя шторы. На маленькомъ столикѣ стояла тарелка съ фруктами, графинъ съ водой и лежалъ ломоть ржаного хлѣба. Онъ задумчиво взялъ его въ руки и, откусивъ кусочекъ, подошелъ къ мольберту и углубился въ созерцаніе картины. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, съѣлъ на ходу еще нѣсколько кусочковъ хлѣба, выловилъ изъ тарелки съ фруктами нѣсколько вишенъ, издали мелькомъ взглянулъ на письма и газеты, лежавшія тутъ же... Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ на складномъ стулѣ передъ работой, весь поглощенный ею.

Маленькая картина широкаго формата изображала раннее утро. Это былъ пейзажъ, видѣнный художникомъ нѣсколько недѣль тому назадъ, во время одной изъ поѣздокъ, и такъ поразившій его, что онъ тогда же сдѣлалъ нѣсколько набросковъ. Онъ остановился въ маленькой деревенской гостиницѣ на Верхнемъ Рейнѣ, не засталъ коллегу, котораго хотѣлъ навѣстить здѣсь, дома, и провелъ невеселый вечеръ въ дымномъ общемъ залѣ и скверную ночь въ маленькомъ сыромъ номерѣ, въ которомъ пахло известью и плѣсенью. Очнувшись еще до восхода солнца отъ безпокойной дремоты, весь въ поту и въ самомъ дурномъ расположеніи духа, онъ выбрался изъ комнаты и, найдя дверь дома еще запертой, вылѣзъ въ окно общаго зала. У самой гостиницы, на берегу Рейна, была привязана лодка; онъ отвязалъ ее и выплылъ въ слабо струившуюся, еще сумеречную рѣку. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ повернуть, отъ противоположнаго берега отчалила другая лодка, повидимому, рыбачья. Въ холодномъ, слабо вздрагивающемъ, молочно-бѣломъ свѣтѣ занимающагося дождливаго утра темный силуэтъ ея казался чрезмѣрно большимъ. Внезапно пораженный и захваченный этимъ зрѣлищемъ и необыкновеннымъ освѣщеніемъ, онъ пересталъ грести и сталъ ждать рыбака, который остановился у поплавка и вытащилъ изъ воды вершу. Изъ нея показались двѣ широкія тускло-серебристыя рыбы, сверкнули на моментъ мокрымъ блескомъ надъ сѣрымъ

потокомъ и со стукомъ упали въ лодку рыбака. Верагуть сейчасъ же велѣлъ человѣку подождать, принесъ необходимѣйшія принадлежности и сдѣлалъ эскизъ акварелью. Онъ остался въ мѣстечкѣ еще на цѣлый день, который провелъ за работой и чтеніемъ, и уѣхалъ только на слѣдующій, прорисовавъ все утро на берегу рѣки. Съ тѣхъ поръ эта картина не переставала занимать его мысли и мучить его, пока не вылилась въ опредѣленную форму, и вотъ уже три дня онъ сидѣлъ за ней и уже кончалъ ее.

Охотнѣе всего онъ всегда работалъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи или же въ тепломъ преломленномъ свѣтѣ лѣса или парка; поэтому струящаяся серебристая свѣжесть картины далась ему нелегко, но зато она была новымъ импульсомъ для него. Вчера ему удалось разрѣшить задачу вполнѣ, и теперь онъ чувствовалъ, что сидитъ передъ хорошей, необыкновенной работой, что здѣсь не просто удержанъ и добросовѣстно изображенъ интересный моментъ,—нѣтъ, здѣсь природа на мгновеніе сбросила ледяную кору равнодушія и загадочности и позволила услышать свое буйное, громкое дыханіе.

Внимательными глазами художникъ всматривался въ картину и пробовалъ краски на палитрѣ, которая была совсѣмъ непохожа на его обычную и утратила почти всѣ красные и желтые цвѣта. Вода и воздухъ были готовы, по поверхности струился холодный, непривѣтливый свѣтъ, прибрежные кусты и столбы призрачно расплывались въ сыромъ, блѣдномъ сумракѣ, грубая лодка въ водѣ казалась чѣмъ-то недѣйствительнымъ и точно каждую минуту готова была растаять, въ лицѣ рыбака тоже не было ничего характернаго, живого, и только его спокойно протянутая къ рыбамъ рука была полна неумолимой реальности. Одна изъ рыбъ, сверкая, падала въ лодку, другая тихо лежала плашмя, и ея открытая круглая пасть и неподвижный испуганный глазъ были полны нѣмого животнаго страданія. Все въ цѣломъ было холодно и печально почти до жестокости, но тихо и неприступно, безъ всякихъ притязаній на какой-нибудь символизмъ, кромѣ того простого, безъ котораго не можетъ существовать ни одно произведеніе искусства и который заставляетъ насъ не только чувствовать гнетущую непостижимость природы, но и съ сладостнымъ изумленіемъ любить ее.

Часа черезъ два послѣ начала работы въ дверь постучалъ камердинеръ и въ отвѣтъ на разсѣянное: „Войдите“, внесъ завтракъ. Онъ тихо разставилъ посуду, придвинулъ стулъ, молча подождалъ немного, затѣмъ осторожно напомнилъ:

— Кофе налитъ.

— Иду,—крикнулъ художникъ, стирая большимъ пальцемъ мазокъ, только что сдѣланный на хвостѣ прыгающей рыбы.—Горячая вода есть?

Онъ вымылъ руки и сѣлъ за столъ.

— Набейте-ка мнѣ трубку, Робертъ,—весело сказалъ онъ.—Ту, маленькую, безъ крышки, она должна быть въ спальнѣ.

Камердинеръ побѣжалъ исполнять приказаніе. Верагутъ съ наслажденіемъ пилъ крѣпкій кофе и чувствовалъ, какъ исчезаютъ, точно утренній туманъ, легкое головокруженіе и слабость, которыя въ послѣднее время стали иногда появляться у него послѣ напряженной работы.

Онъ взялъ у камердинера трубку, велѣлъ подать себѣ огня и жадно вдохнулъ ароматный дымъ, усилившій и какъ бы облагородившій дѣйствіе кофе. Онъ указалъ на свою картину и сказалъ:

— Вы въ дѣтствѣ, навѣрно, удили рыбу, Робертъ?

— Какъ же, удилъ.

— Посмотрите-ка вонъ на ту рыбу, не на ту, что въ воздухѣ, а на эту, внизу, съ открытой пастью. Что, пасть нарисована вѣрно?

— Вѣрно-то вѣрно,—недовѣрчиво сказалъ Робертъ.—Да вы знаете лучше меня,—прибавилъ онъ тономъ упрека, какъ будто почувствовавъ въ вопросѣ насмѣшку.

— Нѣтъ, любезный, это не совсѣмъ такъ. Человѣкъ воспринимаетъ все то, что его окружаетъ, по-настоящему свѣжо и остро только въ первой юности, такъ—лѣтъ до тринадцати-четырнадцати, и этимъ питается всю свою жизнь. Я мальчикомъ никогда не имѣлъ дѣла съ рыбами, потому я и спрашиваю. Ну, а хвостъ хорошъ?

— Да ужъ хорошъ, все какъ слѣдуетъ быть,—отозвался польщенный Робертъ.

Верагутъ уже опять всталъ и пробовалъ свою палитру. Робертъ посмотрѣлъ на него. Онъ зналъ эту начинающуюся сосредоточенность взгляда, отъ которой глаза казались почти стеклянными, и зналъ, что теперь онъ и кофе, ихъ маленькій разговоръ и все остальное исчезло для этого человѣка, и если черезъ нѣсколько минутъ его окликнутъ, то онъ точно очнется отъ глубокаго сна. Но это было опасно. Робертъ убралъ посуду и вдругъ замѣтилъ, что почта лежитъ нетронутая.

— Баринъ,—вполголоса окликнулъ онъ.

Художникъ былъ еще достижимъ. Онъ оглянулся черезъ пле-

чо, вопросительно и враждебно, какъ оглянулся бы уже готовый задремать утомленный человѣкъ, котораго еще разъ окликнули.

— Здѣсь есть письма.

И Робертъ вышелъ изъ комнаты. Верагутъ нервно положилъ на палитру кучку кобальтовой сини, бросилъ тюбикъ на маленькій, обитый жестью столъ и принялся мѣшать; но напоминаніе камердинера не давало ему покоя. Онъ съ досадой отложилъ палитру и взялся за письма.

Это была его обычная корреспонденція: приглашеніе участвовать въ выставкѣ, просьба редакціи газеты сообщить важнѣйшія даты изъ своей жизни, счетъ... Но вдругъ видъ хорошо знакомаго почерка наполнилъ его душу сладкимъ трепетомъ. Онъ взялъ письмо въ руки и съ наслажденіемъ прочелъ свое имя и весь адресъ, слово за словомъ, радостно созерцая характерныя буквы съ свободнымъ, своевольнымъ росчеркомъ. Затѣмъ онъ долго усиливался разобрать почтовый штемпель. Марка была итальянская, письмо должно было быть изъ Генуи или Неаполя; значитъ, другъ уже въ Европѣ и черезъ нѣсколько дней можетъ быть здѣсь.

Онъ съ умиленіемъ распечаталъ письмо и съ удовлетвореніемъ посмотрѣлъ на маленькія, прямыя, совершенно ровныя строчки. Сколько онъ могъ вспомнить, эти рѣдкія письма заграничнаго друга были въ послѣднія пять-шесть лѣтъ единственными чистыми радостями, которыя выпадали на его долю, единственными, за исключеніемъ работы и часовъ общенія съ маленькимъ Пьеромъ. И, какъ каждый разъ, имъ и теперь среди радостнаго ожиданія овладѣло неясное, мучительное чувство стыда при мысли о томъ, какъ бѣдна его жизнь, и какъ мало въ ней любви. Онъ сталъ медленно читать:

Неаполь, 2 іюня, ночью.

Милый Іоганнъ!

„Какъ всегда, глотокъ кіанти съ жирными макаронами и выкрики разносчиковъ передъ кабачкомъ — первые признаки европейской культуры, къ которой я снова приближаюсь. Здѣсь, въ Неаполѣ, за пять лѣтъ не измѣнилось ничего, гораздо меньше, чѣмъ въ Сингапурѣ или Шанхаѣ, и я смотрю на это, какъ на доброе предзнаменованіе, что и дома я найду все въ порядкѣ. Послѣзавтра мы будемъ въ Генуѣ, тамъ меня будетъ встрѣчать племянникъ, и я поѣду съ нимъ къ родственникамъ, гдѣ на этотъ разъ меня не ждутъ бьющія черезъ край симпатіи, такъ какъ за послѣдніе четыре года я, если считать честно, не заработалъ и десяти талеровъ. Я считаю на удовлетвореніе первыхъ притяза-

ній семьи четыре-пять дней, затѣмъ дѣла въ Голландіи возьмутъ, скажемъ, пять-шесть дней, такъ что я смогу быть у тебя приблизительно числа 16-го. Буду тебѣ телеграфировать. Я собираюсь пробыть у тебя и не давать тебѣ работать не меньше полуторы или двухъ недѣль. Ты сталъ страшно знаменитъ, и если то, что лѣтъ двадцать тому назадъ ты говорилъ объ успѣхѣ и знаменитостяхъ, было вѣрно хоть наполовину, ты долженъ былъ за это время порядочно поглупѣть и превратиться въ мумію. Я собираюсь купить у тебя нѣсколько картинъ, и мои жалобы на плохія дѣла есть не что иное, какъ попытка произвести давленіе на твои цѣны.

„А я старѣю, Іоганнъ! Это было мое двѣнадцатое плаваніе по Красному морю, и въ первый разъ я страдалъ отъ жары. Было 46 градусовъ.

„Боже мой, дружище, еще двѣ недѣли! Это будетъ тебѣ стоить нѣсколькихъ дюжинъ бутылокъ мозельскаго. Вѣдь съ послѣдняго раза прошло больше четырехъ лѣтъ.

„Письмо можетъ застать меня между 9 и 14 въ Антверпенѣ, въ Европейской гостиницѣ. Если ты выставилъ картины гдѣ-нибудь, гдѣ я буду проѣзжать, дай мнѣ знать!

Твой Отто“.

Верагутъ радостно прочелъ еще разъ короткое письмо съ здоровыми, крупными буквами и энергичными знаками препинанія, отыскалъ въ ящикѣ маленькаго письменнаго стола, въ углу, календарь и, просмотрѣвъ его, довольно кивнулъ головой. До средины мѣсяца въ Брюсселѣ будетъ еще выставлено больше двадцати его картинъ, это счастливое стеченіе обстоятельствъ. Такимъ образомъ другъ, зоркаго взгляда котораго онъ немного побаивался и для котораго разруха его жизни въ послѣдніе годы не могла остаться тайной, получитъ по крайней мѣрѣ первое впечатлѣніе отъ него такое, которымъ онъ можетъ гордиться. Это облегчило все. Онъ представилъ себѣ немного тяжеловѣсную элегантную фигуру Отто, представилъ себѣ, какъ онъ ходитъ по брюссельскому залу и смотритъ его картины, его лучшія картины, и на моментъ искренно порадовался, что послалъ ихъ на эту выставку, хотя лишь немногія изъ нихъ не были еще проданы. Онъ сейчасъ же написалъ письмецо въ Антверпенъ.

„Онъ помнитъ еще все,—благодарно думалъ онъ,—это правда, мы въ послѣдній разъ пили почти только мозельвейнъ, а разъ вечеромъ мы даже устроили настоящій кутежъ“.

Онъ немного подумалъ и, придя къ заключенію, что въ погребкѣ, въ который онъ самъ заглядывалъ очень рѣдко, мозель-

вейна навѣрно больше пѣть, рѣшилъ сегодня же выписать запасъ его.

Его опять потянуло къ работѣ, но на этотъ разъ онъ былъ слишкомъ разсѣянъ и внутренне неспокоенъ, чтобы достигнуть той полной сосредоточенности, при которой хорошія идеи являются сами собою. Онъ поставилъ кисти въ стаканъ, положилъ письмо друга въ карманъ и нерѣшительными шагами пошелъ къ выходу. Навстрѣчу ему, играя въ лучахъ солнца, блеснуло озеро, былъ безоблачный лѣтній день, и въ залитомъ солнцемъ паркѣ перекликались птичьи голоса.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Утренніе уроки Пьера уже должны были кончиться. И онъ сталъ безцѣльно слоняться по парку, разсѣянно смотрѣлъ вдоль коричневыхъ, покрытыхъ солнечными пятнами дорожекъ, прислушивался къ тому, что дѣлается въ господскомъ домѣ, проходилъ мимо площадки для игръ Пьера, съ качелями и кучей песку. Въ концѣ-концовъ онъ очутился поблизости отъ кухоннаго сада и съ мимолетнымъ интересомъ посмотрѣлъ на высокія кроны дикихъ каштановъ, среди темной листвы которыхъ, точно свѣчи, стояли послѣдніе радостные, свѣтлые цвѣты. Пчелы съ тихимъ жужжаніемъ вились надъ полураскрывшимися розовыми почками садовой изгороди, сквозь темную листву деревьевъ доносились звонкіе удары маленькихъ башенныхъ часовъ въ господскомъ домѣ. Они пробили не во̀-время, и Верагутъ снова подумалъ о Пьерѣ, высшимъ желаніемъ и честолюбіемъ котораго было когда нибудь, когда онъ выростетъ, привести старый механизмъ опять въ порядокъ.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ по ту сторону забора голоса и шаги, звучавшіе въ солнечномъ воздухѣ сада, пронизанномъ жужжаніемъ пчелъ и пѣніемъ птицъ, пропитанномъ лѣниво стелющимся ароматомъ гвоздикъ и душистаго горошка, заглушенно и нѣжно. Это была его жена съ Пьеромъ. Онъ остановился и сталъ внимательно прислушиваться.

— Онѣ еще не созрѣли, ты долженъ подождать еще нѣсколько дней.

Въ отвѣтъ ребенокъ что-то весело прощебеталъ, и на короткій, сладостный мигъ мирный зеленый садъ и нѣжный, неясный дѣтскій щебетъ напомнили художнику о далекомъ садѣ собственнаго дѣтства. Онъ подошелъ къ забору и заглянулъ сквозь вьющуюся зелень въ садъ, гдѣ на залитой солнцемъ дорожкѣ стояла въ утреннемъ платьѣ его жена съ садовыми ножницами въ одной рукѣ и легкой коричневой корзинкой въ другой. Она была въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ него.

Съ минуту художникъ разсматривалъ ее. Высокая фигура съ серьезнымъ и разочарованнымъ лицомъ склонилась надъ цвѣтами, лицо было затѣнено полями большой мягкой шляпы.

— Какъ называются эти цвѣты?—спросилъ Пьеръ.

Въ его каштановыхъ волосахъ игралъ свѣтъ, голыя худыя и загорѣлыя ноги казались на солнцѣ совсѣмъ темными, а когда онъ наклонялся, въ широкомъ вырѣзѣ его блузы подъ коричневой отъ загара шеей просвѣчивала бѣлая кожа спины.

— Гвоздики,—сказала мать.

— Да, это я знаю,—продолжалъ Пьеръ,—но я хочу знать, какъ называютъ ихъ пчелы. Вѣдь на пчелиномъ языкѣ у нихъ тоже должно быть какое-нибудь имя.

— Конечно, но его нельзя знать, его могутъ знать только сами пчелы. Можетъ быть, онѣ называютъ ихъ медовыми цвѣтами.

Пьеръ подумалъ.

— Нѣтъ,—наконецъ, рѣшилъ онъ.—Въ клеверѣ онѣ находятъ ровно столько же меду и въ настурціяхъ тоже, а не могутъ же онѣ называть всѣ цвѣты одинаково.

И мальчикъ принялся внимательно слѣдить за пчелой, которая покружила надъ чашечкой гвоздики, на мгновеніе, трепеща крыльями, замерла передъ ней въ воздухѣ и затѣмъ жадно приникла къ розовому отверстію.

„Медовые цвѣты!" молча и презрительно думалъ онъ.

Онъ давно уже убѣдился, что какъ разъ самыхъ лучшихъ и интересныхъ вещей никто не знаетъ и не можетъ объяснить.

Верагутъ стоялъ за заборомъ и слушалъ; онъ смотрѣлъ на спокойное, серьезное лицо жены и на прелестное, нѣжное, преждевременно созрѣвшее личико своего любимца, и сердце его сжималось при мысли о томъ времени, когда его первый сынъ былъ еще такимъ же ребенкомъ. Его онъ потерялъ и мать тоже. Но этого малютку онъ не хочетъ потерять ни за что на свѣтѣ. Онъ будетъ подслушивать, какъ воръ, за заборомъ, будетъ его приманивать, будетъ стараться привлечь его на свою сторону, а если и этотъ мальчикъ отвернется отъ него, тогда ему незачѣмъ больше жить.

Тихо ступая по травѣ, онъ отошелъ отъ забора и зашагалъ между деревьями.

„Бездѣлье—не для меня", съ досадой думалъ онъ, стараясь вернуть себѣ обычную твердость.

Онъ вернулся къ своей работѣ и, преодолѣвъ неохоту и повинуясь выработанной годами привычкѣ, мало-по-малу снова во-

шелъ въ то напряженное рабочее настроеніе, которое не допускаетъ никакихъ уклоненій въ сторону и направляетъ всѣ силы на одну цѣль.

Въ полдень онъ тщательно переодѣлся, чтобы итти въ господскій домъ, гдѣ его ждали къ обѣду. Выбритый и гладко причесанный, въ синемъ лѣтнемъ костюмѣ, онъ казался если и не моложе, то во всякомъ случаѣ свѣжѣе и гибче, чѣмъ въ заношенномъ рабочемъ платьѣ. Онъ взялъ свою соломенную шляпу и только что хотѣлъ открыть дверь, какъ она открылась навстрѣчу ему, и вошелъ Пьеръ.

Верагутъ нагнулся къ мальчику и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Ну, что слышно, Пьеръ? Какъ твои уроки?

— Да ничего, только учитель такой скучный. Когда онъ разсказываетъ сказку, у него тоже выходитъ какъ будто урокъ, а кончается непремѣнно тѣмъ, что хорошія дѣти должны вести себя такъ и такъ. А ты рисовалъ, папа?

— Да, знаешь, все эти рыбы. Я уже почти кончилъ, завтра покажу тебѣ.

Онъ взялъ мальчика за руку и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Ничто въ мірѣ не вызывало въ немъ такого сладостнаго ощущенія и не будило такъ всей его заглохшей доброты и безпомощной нѣжности, какъ эти минуты, когда онъ шелъ рядомъ со своимъ мальчикомъ, пригоняя свой шагъ къ его маленькимъ шагамъ и чувствуя въ своей рукѣ легкую, довѣрчивую дѣтскую ручку.

Когда они вышли изъ парка и шли по лугу подъ тонкими плакучими березами, мальчикъ осмотрѣлся и спросилъ:

— Папа, развѣ бабочки боятся тебя?

— Почему? Я не думаю. Недавно одна очень долго сидѣла у меня на пальцѣ.

— Да, но теперь нѣтъ ни одной. Когда я иногда иду къ тебѣ совсѣмъ одинъ и прохожу здѣсь, я вижу всегда много-много бабочекъ. Ихъ зовутъ аргусы, я это знаю, и онѣ знаютъ меня и любятъ, онѣ всегда подлетаютъ ко мнѣ совсѣмъ близко. Скажи, папа, бабочекъ нельзя прикармливать?

— Отчего же, можно, мы какъ-нибудь попробуемъ. Надо капнуть на руку меду, вытянуть ее и спокойно-спокойно держать, пока мотыльки не прилетятъ и не напьются.

— Вотъ хорошо, папа, непремѣнно попробуемъ. Ты скажешь мамѣ, чтобы она дала мнѣ немножко меду, хорошо? Тогда она будетъ знать, что это не глупости, а что онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуженъ.

Пьеръ вбѣжалъ въ открытую входную дверь и побѣжалъ впе-

редъ по широкому коридору. Ослѣпленный яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, художникъ еще искалъ въ его прохладномъ полумракѣ вѣшалку для шляпъ и нащупывалъ дверь столовой, когда мальчикъ уже давно былъ внутри и бурно требовалъ отъ матери исполненія своей просьбы.

Художникъ вошелъ и подалъ женѣ руку. Это была крѣпкая, здоровая, но уже немолодая женщина, нѣсколько выше его ростомъ. Она давно перестала любить своего мужа, но все еще продолжала смотрѣть на утрату его нѣжности, какъ на печально-непонятное, незаслуженное несчастіе.

— Мы можемъ сейчасъ сѣсть за столъ,—своимъ спокойнымъ голосомъ сказала она.—Пьеръ, поди вымой руки!

— У меня новость,—началъ художникъ, протягивая ей письмо друга.—Отто пріѣзжаетъ на-дняхъ и, я надѣюсь, пробудетъ здѣсь довольно долго. Ты ничего не имѣешь противъ?

— Господинъ Буркгардтъ можетъ занять обѣ комнаты внизу, тамъ ему никто не будетъ мѣшать, и онъ сможетъ уходить и приходить, когда захочетъ.

— Да, это хорошо.

— Я думала, онъ пріѣдетъ гораздо позже,—нерѣшительно сказала она.

— Онъ выѣхалъ раньше, я тоже ничего не зналъ объ этомъ до сегодняшняго дня. Ну, тѣмъ лучше.

— Теперь выйдетъ, что онъ будетъ здѣсь въ одно время съ Альбертомъ.

При произнесеніи имени сына легкій проблескъ радости сразу исчезъ съ лица Верагута, и голосъ его сдѣлался холоденъ.

— Что такое съ Альбертомъ?—нервно воскликнулъ онъ.—Вѣдь онъ собирался сдѣлать съ товарищемъ прогулку въ Тироль!

— Я не хотѣла говорить тебѣ этого раньше, чѣмъ необходимо. Его товарища пригласили родственники, и онъ отказался отъ прогулки. Альбертъ пріѣдетъ, какъ только начнутся каникулы.

— И пробудетъ все время здѣсь?

— Я думаю, да. Я могла бы уѣхать съ нимъ на нѣсколько недѣль, но это было бы неудобно для тебя.

— Почему? Я взялъ бы Пьера къ себѣ.

Фрау Верагутъ пожала плечами.

— Пожалуйста, не начинай опять объ этомъ! Ты знаешь, я не могу оставить здѣсь Пьера одного.

Художникъ вышелъ изъ себя.

— Одного!—рѣзко воскликнулъ онъ.—Онъ не одинъ, когда онъ у меня.

— Я не могу оставить его здѣсь и не хочу. Спорить объ этомъ совершенно излишне.

— Да, конечно, ты не хочешь!

Онъ замолчалъ, такъ какъ вернулся Пьеръ, и всѣ сѣли за столъ. Мальчикъ сидѣлъ между обоими родителями, такими чужими другъ другу, и оба ухаживали за нимъ и развлекали его, какъ дѣлали это всегда, а отецъ старался затянуть обѣдъ какъ можно дольше, такъ какъ потомъ мальчикъ оставался у матери, и было сомнительно, придетъ ли онъ еще разъ сегодня въ мастерскую.

II.

Робертъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ рядомъ съ мастерской и мылъ палитру и кисти. На порогѣ открытой двери показался Пьеръ. Онъ остановился и сталъ смотрѣть.

— Грязная работа,—послѣ короткаго раздумья заявилъ онъ.— Вообще рисовать очень хорошо, но я ни за что не хотѣлъ бы быть художникомъ.

— Ну, ты еще подумай,—сказалъ Робертъ.—Вѣдь твой отецъ такой знаменитый художникъ.

— Нѣтъ,—рѣшилъ мальчикъ,—это не для меня. Вѣчно ходишь выпачканный, и краски пахнутъ такъ страшно сильно. Я люблю, когда немножко пахнетъ, напримѣръ, когда свѣжая картина виситъ въ комнатѣ и чуть-чуть пахнетъ краской; но въ мастерской пахнетъ ужъ черезчуръ, у меня всегда болѣла бы голова.

Камердинеръ испытующе посмотрѣлъ на него. Собственно ему давно хотѣлось высказать избалованному ребенку всю правду, онъ многаго не одобрялъ въ немъ. Но когда Пьеръ стоялъ передъ нимъ, и онъ смотрѣлъ ему въ лицо, то изъ этого ничего не выходило. Мальчикъ былъ такой свѣженькій, хорошенькій и держалъ себя такъ важно, какъ будто рѣшительно все въ немъ было въ порядкѣ, и именно это серьезничаніе, эти надменныя и равнодушныя манеры удивительно шли ему.

— Чѣмъ же ты хотѣлъ бы быть?—немного строго спросилъ Робертъ.

Пьеръ опустилъ глаза и подумалъ.

— Ахъ, знаешь, собственно я не хотѣлъ бы быть ничѣмъ особеннымъ. Я хотѣлъ бы только поскорѣй раздѣлаться со школой. И потомъ я хотѣлъ бы носить совсѣмъ бѣлые костюмы и бѣлые башмаки, и чтобы на нихъ не было нигдѣ ни малѣйшаго пятнышка.

— Такъ, такъ,—неодобрительно замѣтилъ Робертъ.—Это ты говоришь теперь. А на-дняхъ, когда мы взяли тебя съ собой, ты вымазалъ весь костюмчикъ вишнями и травой, а шляпу совсѣмъ потерялъ. Забылъ?

Пьеръ закрылъ глаза, оставивъ только маленькую щелочку, и холодно посмотрѣлъ сквозь длинныя рѣсницы на Роберта.

— За это меня мама тогда довольно бранила,—медленно сказалъ онъ,—и я не думаю, чтобы она поручила тебѣ опять упрекать меня и мучить этимъ.

Робертъ поспѣшилъ перемѣнить тему.

— Такъ ты хотѣлъ бы всегда носить бѣлые костюмы и никогда ихъ не пачкать?

— Ну, не никогда. Ты не понимаешь! Конечно, я хотѣлъ бы иногда поваляться на травѣ или на сѣнѣ, или перепрыгивать черезъ лужи, или взлѣзть на дерево. Вѣдь это понятно. Но если я когда-нибудь разойдусь и немножко пошалю, я хотѣлъ бы, чтобы меня не бранили. Я хотѣлъ бы тогда тихонько пойти въ свою комнату и надѣть чистый, свѣжій костюмчикъ, и чтобы все было опять хорошо. Знаешь, Робертъ, я, право, думаю, что бранить вообще не стоитъ.

— Ага, вотъ чего захотѣлъ! Ну, почему же не стоитъ?

— Вотъ, видишь ли, когда сдѣлаешь что-нибудь нехорошее, самъ сейчасъ же сознаешь это, и становится такъ стыдно. Когда меня бранятъ, мнѣ стыдно гораздо меньше. А иногда вѣдь бранятъ даже, когда не сдѣлалъ ничего дурного, только за то, что не пришелъ сейчасъ, когда звали, или просто потому, что мама въ плохомъ настроеніи.

— А ты сосчитай-ка все хорошенько,—засмѣялся Робертъ,—вотъ и выйдетъ одно на одно: вѣдь ты навѣрно дѣлаешь немало дурного, чего никто не видитъ и за что тебя никто не бранитъ.

Пьеръ не отвѣтилъ. Вѣчно повторялось одно и то же. Стоило когда-нибудь увлечься и заговорить съ взрослыми о чемъ-нибудь дѣйствительно важномъ, и всегда кончалось разочарованіемъ или даже униженіемъ.

— Я хотѣлъ бы еще разъ посмотрѣть картину,—сказалъ онъ тономъ, который вдругъ рѣзко отдалялъ его отъ камердинера и который Робертъ могъ одинаково счесть какъ за властный, такъ и за просительный.—Впусти-ка меня еще на минутку.

Робертъ повиновался. Онъ отперъ дверь мастерской, впустилъ Пьера и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ ему было строго запрещено оставлять здѣсь кого-нибудь одного.

На мольбертѣ посреди комнаты во временной золотой рамѣ

стояла новая картина Верагута. Она была поставлена такъ, чтобы свѣтъ падалъ на нее. Пьеръ сталъ передъ ней, Робертъ остановился за нимъ.

— Тебѣ нравится, Робертъ?

— Конечно, нравится. Я былъ бы дуракомъ, если бы мнѣ не нравилось!

Пьеръ, прищурившись, смотрѣлъ на картину.

— Я думаю,—задумчиво сказалъ онъ,—что мнѣ могли бы показать много картинъ, и если бы тамъ была папина, я сейчасъ же узналъ бы ее. Потому я и люблю эти картины, я чувствую, что ихъ нарисовалъ папа. Но въ сущности онѣ мнѣ нравятся не особенно.

— Не говори глупостей!—испуганно остановилъ Робертъ, укоризненно глядя на мальчика.

Но на Пьера это не произвело никакого впечатлѣнія. Онъ продолжалъ смотрѣть на картину прищуренными глазами.

— Знаешь,—сказалъ онъ,—въ большомъ домѣ есть нѣсколько старыхъ картинъ, тѣ нравятся мнѣ гораздо больше. Я хочу, чтобы такія картины были у меня когда-нибудь потомъ. Напримѣръ, горы, когда солнце заходитъ, и все такое красное и золотое, и хорошенькія дѣти, и женщины, и цвѣты. Вѣдь все это, по правдѣ сказать, гораздо красивѣе, чѣмъ вотъ такой старый рыбакъ, у котораго нѣтъ даже настоящаго лица, и такая скучная черная лодка, правда?

Робертъ былъ въ душѣ совершенно того же мнѣнія и удивлялся смѣлости ребенка, которая въ сущности радовала его. Но онъ не сознался въ этомъ.

— Ты этого еще не понимаешь,—сухо сказалъ онъ.—Ну, идемъ, я долженъ запереть опять.

Въ этотъ моментъ со стороны дома вдругъ послышался какой-то грохотъ и пыхтѣніе.

— Автомобиль!—радостно воскликнулъ Пьеръ и, выбѣжавъ изъ мастерской, бросился къ дому запретнымъ кратчайшимъ путемъ, прямо по травѣ, перепрыгивая черезъ встрѣчавшіяся по дорогѣ цвѣточныя клумбы.

Совсѣмъ запыхавшись, влетѣлъ онъ на усыпанную гравіемъ площадку передъ домомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его отецъ и какой-то чужой господинъ выходили изъ автомобиля.

— Эй, Пьеръ!—крикнулъ отецъ, подхватывая его на руки.— Вотъ дядя, котораго ты не знаешь. Подай ему руку и спроси откуда онъ пріѣхалъ.

Мальчикъ внимательно оглядѣлъ загорѣлое, красное лицо чу-

жого господина. Онъ подалъ ему руку и заглянулъ въ его свѣтлые, веселые сѣрые глаза.

— Откуда ты пріѣхалъ, дядя?—послушно спросилъ онъ.

Чужой господинъ взялъ его на руки.

— Ну, нѣтъ, ты сталъ слишкомъ тяжелъ для меня,—весело вздохнувъ, воскликнулъ онъ и опустилъ мальчика на землю.—Откуда я пріѣхалъ? Изъ Генуи, а раньше изъ Суэца, а раньше изъ Адена, а раньше...

— Изъ Индіи, знаю, знаю! Ты дядя Отто Буркгардтъ! Ты привезъ мнѣ тигра или кокосовые орѣхи?

— Тигръ по дорогѣ удралъ, но кокосовые орѣхи ты получишь, и раковины и китайскія картинки тоже.

Они вошли въ домъ, и Верагутъ повелъ друга по лѣстницѣ наверхъ. Хотя Отто былъ значительно выше его, онъ нѣжно положилъ ему руку на плечо. Наверху, въ коридорѣ, ихъ встрѣтила хозяйка дома. Она тоже привѣтствовала гостя, жизнерадостное, здоровое лицо котораго напомнило ей невозвратныя счастливыя времена, съ сдержанной, но искренней сердечностью. Онъ на минуту задержалъ ея руку въ своей и заглянулъ ей въ лицо.

— Вы не постарѣли,—одобрительно замѣтилъ онъ,—вы сохранились лучше Іоганна.

— А вы совсѣмъ не измѣнились,—дружелюбно сказала она.

Онъ засмѣялся.

— О, да, видъ у меня цвѣтущій, но отъ танцевъ я долженъ былъ понемножку отказаться. Да и все равно они ни къ чему не вели, я все еще холостякъ.

— Я надѣюсь, вы на этотъ разъ пріѣхали присмотрѣть себѣ невѣсту.

— Нѣтъ, ужъ мое время прошло. Да и пришлось бы тогда навсегда распрощаться съ милой Европой. Вы знаете, у меня есть родственники, и мало-по-малу я превращаюсь въ дядюшку изъ Америки. Съ женой я не посмѣлъ бы и показаться на родинѣ.

Въ комнатѣ фрау Верагутъ была приготовлена закуска, кофе и ликеры. Буркгардтъ разсказывалъ о морскомъ путешествіи, о каучуковыхъ плантаціяхъ, о китайскомъ фарфорѣ, и время летѣло незамѣтно. Художникъ вначалѣ былъ молчаливъ и нѣсколько подавленъ, онъ не былъ въ этой комнатѣ уже много мѣсяцевъ. Но все шло хорошо, и присутствіе Отто, казалось, внесло въ домъ легкую, болѣе радостную, болѣе дѣтскую атмосферу.

— Я думаю, моей женѣ пора отдохнуть,—сказалъ, наконецъ, художникъ.—Я покажу тебѣ твои комнаты, Отто.

Опи простились и сошли внизъ. Верагутъ приготовилъ для друга двѣ комнаты и самъ позаботился объ ихъ устройствѣ, самъ разставилъ мебель и подумалъ обо всемъ, начиная съ картинъ на стѣнѣ и кончая подборомъ книгъ на полкѣ. Надъ кроватью висѣла старая выцвѣтшая фотографія, забавно-трогательный снимокъ институтскаго выпуска семидесятыхъ годовъ. Гость замѣтилъ его и подошелъ поближе, чтобы хорошенько разсмотрѣть.

— Господи Боже!—съ изумленіемъ воскликнулъ онъ,—да вѣдь это мы, всѣ тогдашніе, шестнадцать душъ! Дружище, ты трогаешь меня. Я не видѣлъ этой штуки уже двадцать лѣтъ.

Верагутъ улыбнулся.

— Да, я подумалъ, что это позабавитъ тебя. Надѣюсь, ты найдешь здѣсь все, что тебѣ нужно. Ты сейчасъ будешь раскладывать вещи?

Буркгардтъ удобно усѣлся на огромный, обитый по угламъ мѣдью дорожный сундукъ и довольно осмотрѣлся.

— А здѣсь славно. А гдѣ твоя комната? Рядомъ? Или наверху?

Художникъ игралъ ручкой саквояжа.

— Нѣтъ,—небрежно сказалъ онъ.—Я живу теперь напротивъ, при мастерской. Я сдѣлалъ къ ней пристройку.

— Это ты долженъ мнѣ потомъ показать... Но... ты спишь тоже тамъ?

Верагутъ оставилъ саквояжъ и обернулся.

— Да, я сплю тоже тамъ.

Буркгардтъ замолчалъ и немного подумалъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана большую связку ключей и принялся греметь ими.

— Давай-ка, разложимъ вещи, а? Поди позови мальчика, ему будетъ занятно посмотрѣть.

Верагутъ вышелъ и скоро вернулся съ Пьеромъ.

— Какіе у тебя чудные сундуки, дядя Отто, я уже видѣлъ ихъ. И сколько на нихъ ярлыковъ! Я прочелъ нѣсколько. На одномъ написано Пенангъ. Что это такое, Пенангъ?

— Это городъ въ Индіи, куда я иногда ѣзжу. Ну-ка, открой вотъ это!

Онъ далъ мальчику плоскій зубчатый ключъ и велѣлъ ему отпереть замки одного изъ сундуковъ. Затѣмъ онъ поднялъ крышку, и въ глаза сейчасъ же бросилась лежавшая сверху вверхъ дномъ пестрая плоская корзина малайской плетеной работы. Онъ перевернулъ ее, освободилъ отъ бумаги и открылъ: внутри, среди бумаги и тряпокъ, лежали чудеснѣйшія фанта-

стическія раковины, какія продаются въ экзотическихъ портовыхъ городахъ.

Пьеръ получилъ раковины въ подарокъ и совсѣмъ затихъ отъ счастія; за раковинами послѣдовалъ большой слонъ чернаго дерева и китайская игрушка съ причудливыми передвижными деревянными фигурами, и, наконецъ, пачка яркихъ свѣтящихся китайскихъ картинокъ съ изображеніями боговъ, чертей, королей, воиновъ и драконовъ.

Между тѣмъ, пока художникъ вмѣстѣ съ мальчикомъ дивился всѣмъ этимъ вещамъ, Буркгардтъ распаковалъ саквояжъ и разложилъ по мѣстамъ домашнія туфли, бѣлье, щетки и тому подобныя необходимыя принадлежности. Затѣмъ онъ вернулся къ обоимъ.

— Ну, вотъ,—весело сказалъ онъ,—на сегодня довольно работы. Теперь можно себѣ позволить и удовольствіе. Пойдемъ сейчасъ въ мастерскую?

Пьеръ поднялъ глаза и опять, какъ при встрѣчѣ у автомобиля, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на радостно-взволнованное и вдругъ помолодѣвшее лицо отца.

— Ты такой веселый, папа,—одобрительно замѣтилъ онъ.

— Да, дѣтка,—подтвердилъ Верагутъ.

Но его другъ спросилъ:

— А развѣ онъ всегда не такой веселый?

Пьеръ смущенно переводилъ взоръ отъ одного къ другому.

— Не знаю,—неувѣренно отвѣтилъ онъ, но сейчасъ же засмѣялся и рѣшительно сказалъ:—Нѣтъ, такой веселый ты не былъ еще никогда.

Онъ схватилъ свою корзинку съ раковинами и выбѣжалъ изъ комнаты. Отто Буркгардтъ взялъ друга объ руку и вышелъ вслѣдъ за мальчикомъ. Они прошли черезъ паркъ и подошли къ мастерской.

— Да, видно, что здѣсь пристроено,—сейчасъ же замѣтилъ Отто,—но очень мило. Когда ты это сдѣлалъ?

— Кажется, года три тому назадъ. Мастерскую я тоже увеличилъ.

Буркгардтъ осмотрѣлся.

— Озеро восхитительно! Надо будетъ вечеромъ выкупаться. У тебя здѣсь чудесно, Іоганнъ. Но теперь я хочу посмотрѣть мастерскую. Есть у тебя тамъ новыя картины?

— Немного. Но одну—я ее кончилъ только позавчера—ты долженъ посмотрѣть. Мнѣ кажется, что она хороша.

Верагутъ открылъ двери. Высокая комната была празднично

чиста, полъ только что вымытъ, и все убрано. Въ срединѣ одиноко стояла новая картина. Они молча остановились передъ ней. Холодная и сырая, тяжелая атмосфера пасмурнаго, дождливаго утра стояла въ противорѣчіи съ яркимъ свѣтомъ и жаркимъ, согрѣтымъ солнцемъ воздухомъ, вливавшимся въ открытую дверь.

Они долго смотрѣли на картину.

— Это послѣднее, что ты сдѣлалъ?

— Да. Сюда нужна другая рама, остальное все закончено. Тебѣ нравится?

Друзья испытующе заглянули другъ другу въ глаза. Высокій и сильный Буркгардтъ съ здоровымъ лицомъ и теплыми, жизнерадостными глазами стоялъ, какъ большой ребенокъ, передъ маленькимъ художникомъ съ преждевременно посѣдѣвшими волосами, осунувшимся лицомъ и суровымъ взглядомъ.

— Это, можетъ быть, твоя лучшая картина,—медленно сказалъ гость.—Я видѣлъ также брюссельскія и тѣ двѣ, что въ Парижѣ. Я не повѣрилъ бы этому, но за эти нѣсколько лѣтъ ты еще пошелъ впередъ.

— Я очень радъ. Я тоже это думаю. Я былъ довольно прилеженъ, и иногда мнѣ кажется, что прежде я въ сущности былъ только дилетантомъ. Работать какъ слѣдуетъ я научился поздно, но теперь я вполнѣ овладѣлъ этимъ искусствомъ. Дальше я ужъ не пойду, лучше вотъ этого я ужъ не могу ничего сдѣлать.

— Я понимаю. Ну, ты ужъ и такъ достаточно знаменитъ, даже на нашихъ старыхъ восточно-азіатскихъ пароходахъ мнѣ случалось слышать о тебѣ. Можешь себѣ представить, какъ я былъ гордъ. Ну, а какъ тебѣ нравится быть знаменитостью? Твоя слава тебя радуетъ?

— Радуетъ—нельзя сказать. Мнѣ она кажется въ порядкѣ вещей. Есть два, три, четыре художника, которые, можетъ быть, представляютъ собой бо̀льшія величины и могутъ дать больше меня. Къ совсѣмъ великимъ я себя не причислялъ никогда, и то, что объ этомъ говорятъ всякіе писаки, конечно, ерунда. Я могу требовать, чтобы меня принимали въ серьезъ, и такъ какъ это дѣлаютъ, то я доволенъ. Все остальное—газетная слава или денежный вопросъ.

— Да, пожалуй. Но кого ты подразумѣваешь подъ совсѣмъ великими?

— Ну, подъ ними я подразумѣваю царей и князей. Нашъ братъ добирается до генерала или министра, тутъ намъ и пре-

дѣлъ положенъ. Видишь ли, мы можемъ только быть прилежны и относиться къ природѣ какъ можно серьезнѣе. Цари же съ природой за панибрата, они играютъ съ ней и могутъ сами творить тамъ, гдѣ мы только копируемъ. Но, конечно, цари рѣдки, они рождаются разъ въ нѣсколько столѣтій.

Они ходили взадъ и впередъ по мастерской. Художникъ, ища словъ, напряженно смотрѣлъ въ землю, другъ ходилъ рядомъ, стараясь прочесть правду на смугломъ, худощавомъ, костлявомъ лицѣ Іоганна.

У двери въ сосѣднюю комнату Отто остановился.

— Открой же,—попросилъ онъ,—и покажи мнѣ комнаты. И угости меня сигарой, хорошо?

Верагутъ открылъ дверь. Они прошли черезъ комнату и заглянули въ сосѣднія. Буркгардтъ закурилъ сигару. Онъ вошелъ въ маленькую спальню друга, посмотрѣлъ на его кровать и внимательно осмотрѣлъ нѣсколько скромныхъ комнатокъ, въ которыхъ повсюду были разбросаны живописныя и курительныя принадлежности. Все въ общемъ имѣло почти убогій видъ и говорило о работѣ и воздержаніи, точно маленькая квартирка бѣднаго, прилежнаго холостяка.

— Значитъ, ты здѣсь устроился!—сухо сказалъ онъ. Но онъ видѣлъ и чувствовалъ все, что произошло за эти годы. Онъ съ удовлетвореніемъ замѣтилъ предметы, указывавшіе на увлеченіе спортомъ, гимнастикой, верховой ѣздой, и съ огорченіемъ обратилъ вниманіе на полное отсутствіе какихъ-нибудь признаковъ уюта, маленькаго комфорта и пріятно проводимыхъ часовъ досуга.

Затѣмъ они вернулись къ картинѣ. Такъ вотъ какъ создавались эти картины, занимавшія почетныя мѣста на выставкахъ и въ картинныхъ галлереяхъ и оплачивавшіяся такъ высоко. Онѣ создавались здѣсь, въ этихъ комнатахъ, которыя знали только работу и отреченіе, въ которыхъ нельзя было найти ничего праздничнаго, ничего безполезнаго, никакихъ милыхъ пустячковъ и бездѣлушекъ, въ воздухѣ которыхъ не чувствовалось ни аромата вина и цвѣтовъ, ни воспоминаній о женщинахъ.

Надъ узкой кроватью были прибиты двѣ фотографіи безъ рамокъ, одна—маленькаго Пьера, другая—Отто Буркгардта. Онъ сейчасъ же узналъ ее: это былъ плохой любительскій снимокъ, изображавшій его въ тропическомъ шлемѣ передъ верандой его индійскаго дома; подъ грудью все расплывалось въ мистическія бѣлыя полосы, потому что на пластинку попалъ свѣтъ.

— Мастерская у тебя великолѣпная. Вообще, какъ ты сталъ

приле̂жеn͡ъ! Дай твою руку, дружище, какъ я радъ, что опять вижу тебя! Но теперь я усталъ и исчезну на часокъ. Зайди за мной попозже, пойдемъ купаться или гулять, хорошо? Спасибо. Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно, черезъ часъ я буду опять all right. До свиданья!

Онъ, не торопясь, двинулся къ дому, и Верагутъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, любуясь увѣренностью и спокойной жизнерадостностью, выражавшимися въ его фигурѣ, походкѣ, въ каждой складкѣ его платья.

Между тѣмъ, Буркгардтъ хотя и зашелъ въ домъ, но прошелъ мимо своихъ комнатъ, поднялся по лѣстницѣ и постучался въ дверь комнаты фрау Верагутъ.

— Я не мѣшаю? Можно мнѣ немножко къ вамъ?

Она, улыбаясь, впустила его, и эта слабая, неловкая улыбка на здоровомъ, тяжеломъ лицѣ показалась ему странно безпомощной.

— Что за прелесть ваша Росгальда! Я былъ уже въ паркѣ и у озера. А какъ выросъ Пьеръ! Онъ такой хорошенькій, что я начинаю почти раскаиваться, что остался холостякомъ.

— Онъ производитъ впечатлѣніе здороваго мальчика, правда? Какъ вы находите, онъ похожъ на мужа?

— Немножко. Или, собственно, даже больше, чѣмъ немножко. Я не зналъ Іоганна въ этомъ возрастѣ, но я еще довольно хорошо помню, какой онъ былъ въ одиннадцать-двѣнадцать лѣтъ. Кстати, мнѣ кажется, что у него утомленный видъ. Что? Нѣтъ, я говорю объ Іоганнѣ. Онъ въ послѣднее время очень много работалъ?

Фрау Адель посмотрѣла ему въ лицо; она чувствовала, что онъ хочетъ выпытать у нея правду.

— Кажется, да,—спокойно отвѣтила она.—Онъ очень мало говоритъ о своей работѣ.

— Что же онъ теперь пишетъ? Пейзажи?

— Онъ работаетъ часто въ паркѣ, большею частью съ натурщиками. Вы видѣли его картины?

— Да, тѣ, что въ Брюсселѣ.

— Развѣ онъ выставлялъ въ Брюсселѣ?

— Конечно, массу картинъ. Я привезъ каталогъ съ собой. Я хочу купить какую-нибудь изъ нихъ, и мнѣ очень хотѣлось бы знать, что вы думаете, напримѣръ, объ этой.

Онъ подалъ ей тетрадку и указалъ на маленькую репродукцію. Она посмотрѣла на картинку, перелистала книжку и вернула ее ему.

— Я не могу ничего сказать, господинъ Буркгардтъ, я этой картины не знаю. Кажется, онъ написалъ ее прошлой осенью въ Пиренеяхъ и сюда совсѣмъ не привозилъ.

Она помолчала, затѣмъ перевела разговоръ на другую тему.

— Я еще не поблагодарила васъ за подарки, которые вы привезли Пьеру.

— О, это такіе пустяки. Но вы должны позволить мнѣ дать вамъ тоже на память что-нибудь азіатское. Позволяете? Я привезъ съ собой кое-какія матеріи, которыя мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, и вы должны непремѣнно выбрать себѣ то, что вамъ понравится.

Въ отвѣтъ на ея вѣжливый отказъ онъ затѣялъ цѣлую шутливо-галантную словесную войну, и, въ концѣ-концовъ, ему удалось привести замкнутую женщину въ хорошее настроеніе. Онъ принесъ изъ своей сокровищницы цѣлую охапку индійскихъ тканей, разложилъ малайскія матеріи и ручныя тканыя работы, разостлалъ на спинкахъ стульевъ кружева и шелки, подробно разсказывалъ, гдѣ нашелъ и пріобрѣлъ за безцѣнокъ то или другое, и устроилъ веселый и пестрый маленькій базаръ. Онъ спрашивалъ ея мнѣніе, набрасывалъ ей кружева на руки, объяснялъ, какъ они сдѣланы, и заставлялъ ее разворачивать лучшіе куски, щупать ихъ, хвалить и, въ концѣ-концовъ, брать себѣ.

— Нѣтъ,—наконецъ, смѣясь, воскликнула она,—я совсѣмъ разорю васъ. Я не могу оставить все это у себя.

— Не безпокойтесь,—засмѣялся онъ.—Я недавно посадилъ опять шесть тысячъ каучуковыхъ деревьевъ и собираюсь сдѣлаться настоящимъ набобомъ.

Когда Верагутъ пришелъ за нимъ, онъ засталъ обоихъ въ оживленной бесѣдѣ. Съ изумленіемъ наблюдалъ онъ за тѣмъ, какъ разговорчива стала его жена, сдѣлалъ тщетную попытку вмѣшаться въ разговоръ и, замѣтивъ подарки, принялся немного неуклюже выражать свое восхищеніе.

— Брось, это все дамскія вещи,—сказалъ ему другъ.—Пойдемъ-ка лучше выкупаемся!

И онъ увлекъ его къ озеру.

— Твоя жена въ самомъ дѣлѣ почти не постарѣла съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ,—началъ по дорогѣ Отто.—Только что она была очень весела. Въ этомъ отношеніи у васъ, значитъ, все благополучно. Недостаетъ только старшаго сына. Гдѣ же онъ?

Художникъ пожалъ плечами и сдвинулъ брови.

— Ты увидишь его, онъ пріѣзжаетъ на-дняхъ. Вѣдь я тебѣ какъ-то писалъ объ этомъ.

И вдругъ онъ остановился, приблизилъ свое лицо къ лицу друга, проницательно заглянулъ ему въ глаза и тихо сказалъ:

— Ты все увидишь, Отто. У меня нѣтъ потребности говорить объ этомъ. Ты увидишь. Будемъ же веселы, пока ты здѣсь, дружище! А теперь пойдемъ къ пруду, мнѣ хочется опять поплавать съ тобой наперегонки, какъ въ дѣтствѣ.

— Давай,—согласился Буркгардтъ, казалось, не замѣчавшій нервности Іоганна.—И ты выиграешь, мой милый, что тебѣ раньше не всегда удавалось. Какъ мнѣ ни горько признаться, но у меня растетъ брюшко.

Уже смеркалось. Озеро было все окутано тѣнью, въ верхушкахъ деревьевъ игралъ легкій вѣтерокъ, а по узкому голубому вырѣзу неба надъ водой, единственному, который паркъ позволялъ видѣть, братской вереницей плыли легкія лиловыя облачка, всѣ одного вида и формы, тонкія и длинныя, какъ листья ивы. Друзья стояли передъ спрятанной въ кустахъ купальней, замокъ которой не хотѣлъ отпираться.

— Брось!—воскликнулъ Верагутъ.—Онъ заржавѣлъ. Да намъ купальня и не нужна.

Онъ сталъ раздѣваться, Буркгардтъ послѣдовалъ его примѣру. Когда оба друга, уже раздѣтые, стояли на берегу и кончиками пальцевъ пробовали тихую, сумеречную воду, надъ ними въ одно и то же мгновеніе пронеслось неясное сладостное дуновеніе изъ далекихъ временъ дѣтства; съ секунду они стояли въ предвкушеніи легкаго, пріятнаго трепета, который всегда овладѣваетъ купающимися въ первый моментъ вхожденія въ воду, и въ душахъ ихъ тихо открывалась свѣтлая, зеленая долина лѣтнихъ дней юности. Непривычные къ мягкимъ чувствамъ, они въ легкомъ смущеніи погружали ноги въ воду и молча слѣдили за кругами, которые, сверкнувъ, быстро разбѣгались по голубовато-зеленому зеркалу.

Наконецъ, Буркгардтъ быстро вошелъ въ воду.

— Ахъ, какъ хорошо,—блаженно вздохнулъ онъ.—А, между прочимъ, мы съ тобой еще можемъ показаться; если не считать моего брюшка, мы еще совсѣмъ молодцы.

Онъ поплылъ впередъ, встряхнулся и нырнулъ.

— Ты не знаешь, какъ тебѣ хорошо!—съ завистью воскликнулъ онъ.—По моей плантаціи протекаетъ чудеснѣйшая рѣка, но если ты сунешь въ нее ногу, то никогда больше ея не увидишь. Вся она такъ и кишитъ проклятыми крокодилами. Ну, те-

перь впередъ, на большой кубокъ Росгальды! Поплывемъ до той лѣстницы и обратно. Идетъ? Разъ, два, три!

Они шумно оттолкнулись отъ берега и поплыли, сначала смѣясь и въ умѣренномъ темпѣ. Но дыханіе юношескихъ дней еще носилось надъ ними: скоро состязаніе получило серьезный характеръ, лица приняли напряженное выраженіе, глаза сверкали, а руки, блестя, широкими взмахами разсѣкали воду. Они достигли лѣстницы одновременно, одновременно оттолкнулись опять и поплыли обратно. На этотъ разъ художникъ нѣсколькими сильными взмахами обогналъ друга и очутился у цѣли немного раньше его.

Тяжело дыша, стояли они въ водѣ, протирая глаза и молча глядя другъ на друга смѣющимся довольнымъ взглядомъ, и обоимъ казалось, что теперь только они опять старые товарищи, и только теперь маленькая роковая пропасть непривычки и отчужденія между ними начинаетъ исчезать.

Они одѣлись и съ освѣженными лицами и облегченной душой сѣли рядомъ на плоскія каменныя ступеньки ведущей къ озеру лѣстницы. Они смотрѣли на темную гладь воды, терявшуюся уже по ту сторону, въ овальной, закрытой кустами бухтѣ, въ исчерна-коричневомъ сумракѣ, лакомились сочными красными вишнями, которыя отобрали по дорогѣ у камердинера, не давъ ему даже вынуть ихъ изъ коричневаго бумажнаго мѣшка, и съ легкимъ сердцемъ слѣдили, какъ надвигается вечеръ, и какъ все ниже спускается солнце, пока оно не стало между стволами и не зажгло золотыхъ огней на зеркальныхъ крыльяхъ стрекозъ. И они съ добрый часъ, не останавливаясь и не задумываясь, болтали объ институтскихъ временахъ, объ учителяхъ и товарищахъ и о томъ, что вышло изъ того или другого.

— Боже мой,—своимъ яснымъ и веселымъ голосомъ сказалъ Отто,—какъ это было давно! Неужели никто не знаетъ, что сталось съ Метой Гейлеманъ?

— Да, Мета Гейлеманъ!—жадно подхватилъ Верагутъ.—Она была въ самомъ дѣлѣ красивая дѣвушка. Всѣ мои бювары были полны ея портретами, которые я во время уроковъ украдкой рисовалъ на пропускной бумагѣ. Волосы мнѣ никогда не удавались какъ слѣдуетъ. Помнишь, она носила ихъ двумя толстыми завитками надъ ушами.

— Ты ничего о ней не знаешь?

— Ничего. Когда я въ первый разъ вернулся изъ Парижа, она была помолвлена съ какимъ-то адвокатомъ. Я встрѣтилъ ее съ братомъ на улицѣ, и еще помню, какъ я былъ золъ на себя

за то, что сейчасъ же покраснѣлъ и, несмотря на усы и весь парижскій опытъ, показался себѣ опять глупымъ маленькимъ школьникомъ. Уже одно, что ее звали Метой! Я не могъ забыть этого имени!

Буркгардтъ мечтательно покачалъ круглой головой.

— Ты не былъ достаточно влюбленъ, Іоганнъ. Для меня не было никого лучше Меты, я изъ-за одного взгляда ея пошелъ бы въ огонь, если бы даже ее звали Евлаліей.

— О, я тоже былъ достаточно влюбленъ. Разъ, когда я возвращался съ нашей обычной прогулки, на которую мы выходили въ пять часовъ, — я нарочно опоздалъ, я былъ одинъ и не думалъ ни о чемъ на свѣтѣ, кромѣ Меты, и мнѣ было совершенно безразлично, что при возвращеніи меня накажутъ,—я встрѣтилъ ее, знаешь, у круглой стѣны. Она шла объ руку съ какой-то подругой, и я вдругъ представилъ себѣ, какъ бы это было, если бы вмѣсто этой дуры ея руку держалъ въ своей я, и она была бы такъ близко отъ меня. У меня такъ закружилась голова, что я долженъ былъ остановиться и прислониться къ стѣнѣ. А когда я, наконецъ, пришелъ домой, ворота въ самомъ дѣлѣ были уже заперты, мнѣ пришлось звонить, и меня посадили на часъ въ карцеръ.

Буркгардтъ улыбнулся, вспомнивъ, что уже не въ первый разъ они при своихъ рѣдкихъ встрѣчахъ вспоминаютъ эту Мету. Тогда, въ юности, они тщательно скрывали другъ отъ друга эту любовь, и только много лѣтъ спустя, уже взрослыми мужчинами, случайно приподняли завѣсу и повѣдали другъ другу свою маленькую тайну. И однако кое-что еще и теперь каждый изъ нихъ таилъ про себя. Отто Буркгардтъ вспомнилъ, какъ онъ тогда нѣсколько мѣсяцевъ хранилъ у себя и обожалъ перчатку Меты, которую нашелъ или, собственно говоря, укралъ, и о которой его другъ до сихъ поръ ничего не зналъ. Онъ подумалъ, не пожертвовать ли ему и этой исторіей, но только хитро улыбнулся и промолчалъ, найдя, что будетъ лучше, если это маленькое послѣднее воспоминаніе останется и впредь замкнутымъ въ его душѣ.

III.

Буркгардтъ, удобно развалившись въ желтомъ плетеномъ креслѣ и сдвинувъ на затылокъ большую панаму, сидѣлъ съ газетой въ рукахъ, куря и читая, въ ярко освѣщенной солнцемъ бесѣдкѣ съ западной стороны мастерской, а недалеко отъ него на низкомъ складномъ стульчикѣ передъ мольбертомъ сидѣлъ Верагутъ. Фи-

гура читающаго была уже готова, теперь художникъ писалъ лицо, и вся картина такъ и ликовала въ своихъ свѣтлыхъ, легкихъ, солнечныхъ, но не яркихъ тонахъ. Въ воздухѣ стоялъ пряный запахъ масляной краски и гаванскихъ сигаръ, птицы, спрятавшись въ зелени, издавали свои тонкіе, полуденно-заглушенные крики и сонно и мечтательно не то пѣли, не то переговаривались. На землѣ, задумчиво водя тонкимъ указательнымъ пальчикомъ по большой географической картѣ, на корточкахъ сидѣлъ Пьеръ.

— Смотри, не засни!—предостерегъ художникъ.

Буркгардтъ съ улыбкой взглянулъ на него и покачалъ головой.

— Гдѣ ты теперь, Пьеръ?—спросилъ онъ мальчика.

— Подожди, сейчасъ прочту,—торопливо отвѣтилъ Пьеръ, принимаясь разбирать по складамъ какое-то названіе на своей картѣ.— Въ Лю... въ Люц... Люц... въ Люцернѣ. Тамъ есть озеро или море. Оно больше, чѣмъ наше озеро, дядя?

— Гораздо больше! Разъ въ двадцать! Ты непремѣнно когда-нибудь поѣзжай туда.

— О, да. Когда у меня будетъ автомобиль, я поѣду въ Вѣну, и въ Люцернъ, и къ Сѣверному морю, и въ Индію, гдѣ твой домъ. А ты будешь тогда дома?

— Конечно, Пьеръ. Я всегда бываю дома, когда ко мнѣ пріѣзжаютъ гости. Тогда мы идемъ къ моей обезьянѣ, которую зовутъ Пендекъ и у которой нѣтъ хвоста, но зато есть бѣлоснѣжныя бакенбарды, а потомъ беремъ ружья и ѣдемъ въ лодкѣ по рѣкѣ и стрѣляемъ крокодиловъ.

Пьеръ слушалъ съ удовольствіемъ, раскачиваясь всѣмъ своимъ стройнымъ тѣломъ. Дядя продолжалъ разсказывать о томъ, какъ онъ выжигалъ малайскіе дѣвственные лѣса, и говорилъ такъ хорошо и такъ долго, что мальчикъ подъ конецъ усталъ и не могъ больше слушать. Онъ снова разсѣянно взялся за изученіе своей карты: зато его отецъ внимательно слушалъ разговорившагося друга, который неторопливо разсказывалъ о работѣ и охотѣ, о поѣздкахъ верхомъ и въ лодкахъ, о красивыхъ селеніяхъ кули съ легкими домиками изъ бамбука и объ обезьянахъ, цапляхъ, орлахъ, бабочкахъ и такъ соблазнительно и осторожно раскрывалъ передъ нимъ свою тихую, уединенную, тропическую лѣсную жизнь, что художнику казалось, будто онъ заглядываетъ сквозь щелку въ богатую, яркую, блаженную райскую страну. Онъ слушалъ о тихихъ, могучихъ потокахъ въ дѣвственномъ лѣсу, о папоротниковыхъ заросляхъ съ дерево вышиной и объ обширныхъ, колышущихся равнинахъ съ травой въ человѣческій ростъ; онъ

слушалъ о многоцвѣтныхъ закатахъ на морскомъ берегу, въ виду коралловыхъ острововъ и голубыхъ вулкановъ, о бурныхъ свирѣпыхъ ливняхъ и огненныхъ грозахъ, о мечтательно-созерцательной дремотѣ въ жаркіе дни на широкихъ тѣнистыхъ верандахъ бѣлыхъ плантаторскихъ домовъ, о сутолокѣ китайскихъ городскихъ улицъ и о вечернихъ часахъ отдыха малайцевъ у плоскаго каменнаго пруда передъ мечетью.

Снова, какъ уже не разъ прежде, воображеніе Верагута уносилось въ далекую страну, родину друга, и онъ не зналъ, насколько томленіе и тихая жажда его души отвѣчали скрытымъ намѣреніямъ Буркгардта. Не только блескъ тропическихъ морей и береговъ, богатство лѣсовъ и потоковъ, колоритность полунагихъ первобытныхъ народовъ вызывали въ немъ это стремленіе и опьяняли его образами. Еще больше манили его отдаленность и тишина этого міра, гдѣ его страданія, заботы, борьба и лишенія должны были поблѣднѣть и отойти отъ него, гдѣ сотни маленькихъ ежедневныхъ тяжестей спали бы съ его души, и новая, еще чистая, не знающая ни страданій, ни вины атмосфера приняла бы его въ свои объятія.

День склонялся къ вечеру, тѣни перемѣщались. Пьеръ давно убѣжалъ, Буркгардтъ мало-по-малу замолкъ и, наконецъ, задремалъ, портретъ же былъ почти готовъ, и художникъ закрылъ на нѣсколько минутъ утомленные глаза, опустилъ руки и съ почти болѣзненнымъ наслажденіемъ упивался глубокой, солнечной тишиной, близостью друга, ощущеніемъ пріятной усталости послѣ удавшейся работы и успокоеніемъ ослабѣвшихъ нервовъ. Эти тихіе моменты усталаго отдохновенія, похожіе на полныя растительнаго спокойствія дремотныя состоянія между сномъ и пробужденіемъ, были уже давно, на-ряду съ опьяненіемъ новыхъ замысловъ и безпощадной работы, его глубочайшимъ и отраднѣйшимъ наслажденіемъ.

Онъ тихонько, чтобы не разбудить Буркгардта, всталъ и осторожно отнесъ холстъ въ мастерскую. Тамъ онъ снялъ полотняную рабочую блузу, вымылъ руки и омылъ слегка утомленные глаза холодной водой. Четверть часа спустя онъ уже стоялъ возлѣ дремлющаго друга, съ минуту испытующе смотрѣлъ на него и затѣмъ разбудилъ его былымъ свистомъ, который они еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ ввели въ употребленіе въ качествѣ тайнаго сигнала и условнаго знака.

— Если ты выспался, дружище,—весело попросилъ онъ,— разскажи мнѣ еще немножко о вашихъ заморскихъ странахъ,—за

работой я не могъ слушать, какъ слѣдуетъ. Ты говорилъ что-то о фотографіяхъ, онѣ у тебя съ собой? Можно взглянуть на нихъ?

— Разумѣется, хоть сейчасъ! Пойдемъ!

Этого момента Отто Буркгардтъ ждалъ уже нѣсколько дней. Много лѣтъ уже онъ мечталъ о томъ, чтобы заманить Верагута къ себѣ въ восточную Азію и оставить его у себя тамъ на нѣкоторое время. На этотъ разъ ему казалось, что представляется послѣдній случай; поэтому онъ подготовился и дѣйствовалъ самымъ обдуманнымъ и планомѣрнымъ образомъ. Сидя съ другомъ въ своей комнатѣ и бесѣдуя съ нимъ при свѣтѣ заходящаго солнца объ Индіи, онъ вынималъ изъ своего сундука все новые альбомы и папки съ фотографіями. Художникъ былъ восхищенъ и удивленъ этимъ изобиліемъ, Буркгардтъ оставался спокоенъ и, казалось, не придавалъ этимъ листкамъ особеннаго значенія; но втайнѣ онъ напряженно ждалъ ихъ дѣйствія.

— Что за чудные снимки! — въ восхищеніи воскликнулъ Верагутъ.—Ты дѣлалъ ихъ самъ?

— Частью самъ,—сухо сказалъ Буркгардтъ,—а нѣкоторые взялъ у знакомыхъ. Я хотѣлъ дать тебѣ понятіе о томъ, что можно увидѣть тамъ у насъ.

Онъ сказалъ это небрежно, равнодушно складывая листки въ пачки, и Верагутъ не могъ догадаться, какого труда и заботъ стоило ему собрать эту коллекцію. Нѣсколько недѣль у него прожилъ молодой фотографъ англичанинъ изъ Сингапура, а потомъ японецъ, и во время безчисленныхъ прогулокъ и маленькихъ путешествій отъ моря до самой гущи лѣсовъ они выискали и сфотографировали все, что могло показаться сколько-нибудь красивымъ и интереснымъ; затѣмъ снимки съ необыкновенной тщательностью проявлялись и печатались. Они были приманкой Буркгардта, и онъ съ глубокимъ волненіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ его другъ, попавшись на удочку, застревалъ на ней все крѣпче. Онъ показывалъ фотографіи домовъ, улицъ, деревень, храмовъ, снимки сказочныхъ пещеръ и мѣловыхъ и мраморныхъ горъ съ ихъ дикой красотой, а когда Верагутъ спросилъ, нѣтъ ли у него снимковъ туземцевъ, онъ вытащилъ изображенія малайцевъ, китайцевъ, тамиловъ, арабовъ, яванцевъ, показалъ другу нагихъ атлетовъ—портовыхъ кули, жилистыхъ старыхъ рыбаковъ, охотниковъ, крестьянъ, ткачей, торговцевъ, красивыхъ, въ золотыхъ украшеніяхъ, женщинъ, группы темныхъ нагихъ дѣтей, рыбаковъ съ сѣтями и яванскихъ танцовщицъ въ жесткихъ серебряныхъ уборахъ. У него были снимки всѣхъ родовъ пальмъ, широколистныхъ, сочныхъ банановыхъ деревьевъ, уголковъ дѣвственнаго лѣса съ

вьющимися ліанами, священныхъ рощъ и черепаховыхъ прудовъ, водяныхъ буйволовъ въ мокрыхъ рисовыхъ поляхъ, ручныхъ слоновъ за работой и дикихъ, игравшихъ въ водѣ и поднимавшихъ къ небу, точно трубы, свои хоботы.

Художникъ бралъ въ руки снимокъ за снимкомъ. На многіе онъ бросалъ только короткій взглядъ и отодвигалъ ихъ въ сторону, нѣкоторые раскладывалъ рядомъ, сравнивая ихъ, отдѣльныя фигуры и головы внимательно разглядывалъ сквозь кулакъ. О многихъ снимкахъ онъ спрашивалъ, въ какое время дня они были сдѣланы, измѣрялъ тѣни и все глубже погружался въ задумчивое созерцаніе.

— Все это можно было бы написать,—забывшись, пробормоталъ онъ разъ про себя.

— Довольно!—наконецъ, глубоко переводя дыханіе, воскликнулъ онъ.—Ты долженъ разсказать мнѣ еще цѣлую массу. Какъ чудесно, что ты здѣсь у меня! Я вижу все опять совсѣмъ иначе. Пойдемъ, погуляемъ еще часокъ, я покажу тебѣ что-то интересное.

Возбужденный, забывъ всякую усталость, онъ увлекъ Буркгардта на шоссейную дорогу, въ поле, навстрѣчу возвращавшимся возамъ съ сѣномъ.

— Помнишь,—со смѣхомъ спросилъ онъ,—лѣто послѣ моего перваго семестра въ академіи, когда мы были вмѣстѣ въ деревнѣ? Я тогда писалъ сѣно, одно только сѣно и больше ничего, помнишь? Двѣ недѣли я бился надъ нѣсколькими копнами сѣна на горномъ лугу, и у меня ничего не выходило, не получалось цвѣта, этого тусклаго, матоваго сѣраго оттѣнка! И когда, наконецъ, мнѣ удалось его добиться—онъ былъ еще не слишкомъ хорошъ, но я зналъ, что онъ долженъ быть смѣшанъ изъ краснаго и зеленаго—я былъ такъ радъ, что не видѣлъ больше ничего, кромѣ сѣна. Ахъ, сколько прелести въ этихъ первыхъ пробахъ, поискахъ и нахожденіяхъ!

— Ну, я думаю, учиться не перестаешь никогда? — замѣтилъ Отто.

— Конечно, нѣтъ. Но вещи, которыя меня мучатъ теперь, не имѣютъ ничего общаго съ техникой. Знаешь, въ послѣдніе годы я все чаще при видѣ того или иного пейзажа или какой-нибудь картины природы думаю о дѣтствѣ. Тогда все имѣло иной видъ, и вотъ такъ-то мнѣ и хотѣлось бы все это написать. На нѣсколько минутъ мнѣ иногда удается достигнуть того, что все вдругъ опять пріобрѣтаетъ странный блескъ, но этого еще недостаточно. У насъ есть столько хорошихъ художниковъ, тонкихъ, деликатныхъ людей, которые рисуютъ міръ такимъ, какимъ его

видитъ умный, тонкій, скромный старикъ. Но у насъ нѣтъ ни одного, который рисовалъ бы его такимъ, какимъ его видитъ здоровый, заносчивый, породистый мальчуганъ! Правда, нѣкоторые пробуютъ сдѣлать это, но это большей частью плохіе ремесленники.

Онъ, задумавшись, сорвалъ съ края поля красновато-синюю скабіозу и вперилъ въ нее взглядъ.

— Тебѣ не скучно?—вдругъ спросилъ онъ, точно пробуждаясь, и недовѣрчиво глядя на друга.

Отто молча улыбнулся ему.

— Знаешь,—продолжалъ художникъ,—что мнѣ еще хотѣлось бы написать? Букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Надо тебѣ знать, что моя мать умѣла составлять такіе букеты, какихъ я нигдѣ больше не видѣлъ, она была въ этомъ отношеніи прямо геніальна. Она была настоящій ребенокъ и почти всегда пѣла, одѣвалась очень легко и носила большую коричневую соломенную шляпу, я вижу ее во снѣ всегда въ такомъ видѣ. Вотъ такой букетъ полевыхъ цвѣтовъ, какіе она любила, мнѣ и хотѣлось бы написать: скабіоза, и кашка, и маленькіе розовые колокольчики, вперемежку съ какими-нибудь красивыми травками, а въ средину воткнутъ зеленый колосъ овса. Я принесъ домой сотни такихъ букетовъ, но это было все не то. Въ немъ долженъ быть весь ароматъ поля, и онъ долженъ быть такой, какъ если бы она сама составила его. Бѣлая кашка, напримѣръ, ей не нравилась, она брала только особенную, рѣдкую, съ лиловатымъ оттѣнкомъ, и она могла часами выбирать между тысячами травокъ, пока не останавливалась на какой-нибудь одной. Ахъ, я не могу выразить, ты не поймешь.

— Я понимаю,—сказалъ Буркгардтъ.

— Да, такъ вотъ объ этомъ букетѣ я думаю иногда по цѣлымъ днямъ. Я отлично знаю, какой должна быть картина. Она не должна представлять собою этотъ хорошо знакомый намъ кусочекъ природы, воспринятый хорошимъ наблюдателемъ и упрощенный хорошимъ, ловкимъ художникомъ, но не должна быть и сантиментальной и слащавой. Она должна быть совсѣмъ наивна, какъ видятъ одаренныя дѣти, не стилизована и полна простоты. Картина въ туманѣ, съ рыбами, что стоитъ въ мастерской, какъ разъ противоположность этому, но надо умѣть и то и другое... Ахъ, я хочу еще много писать, много!

Онъ свернулъ на узкую тропинку, которая вела слегка въ гору на круглый, отлогій холмъ.

— Теперь смотри хорошенько,—предупредилъ онъ, вглядываясь, какъ охотникъ, передъ собой въ воздухъ.—Какъ только дойдемъ доверху! Это я напишу осенью.

Они достигли верхушки пригорка. По ту сторону его лиственный лѣсокъ, пронизанный косыми лучами заходящаго солнца, задерживалъ собою взглядъ, который, будучи избалованъ свѣтлымъ просторомъ луга, не сразу разбирался въ гущѣ деревьевъ. Подъ высокими буками, между которыми стояла каменная, обросшая мхомъ скамья, проходила дорожка, и, слѣдуя за ней, глазъ находилъ просвѣтъ: за скамьей, сквозь темную чащу древесныхъ кронъ, открывалась, сіяя, глубокая даль—полная кустарника и ивовой поросли долина, изсиня-зеленые изгибы сверкающей рѣки, а совсѣмъ вдали теряющіеся въ безграничности ряды холмовъ.

Верагутъ указалъ внизъ.

— Это я напишу, какъ только буки начнутъ расцвѣчиваться красками. А на скамью, въ тѣнь, я посажу Пьера, такъ что въ долину придется смотрѣть мимо его головы.

Буркгардтъ молчалъ и слушалъ друга съ душой, полной жалости. „Какъ онъ старается обмануть меня!"—съ тайной усмѣшкой думалъ онъ.—„Какъ онъ говоритъ о планахъ и работахъ! Прежде онъ этого никогда не дѣлалъ". Это имѣло такой видъ, какъ будто онъ хотѣлъ перечислить все, что еще доставляло ему радость и примиряло съ жизнью. Другъ зналъ его и не шелъ ему навстрѣчу. Онъ зналъ, что это недолго продлится, что скоро Іоганнъ сброситъ съ себя все накопившееся за эти годы и освободится отъ бремени ставшаго невыносимымъ молчанія. И въ ожиданіи этого онъ съ кажущимся спокойствіемъ шелъ рядомъ съ нимъ, грустно удивляясь, что даже и такъ высоко стоящій человѣкъ въ несчастьѣ становится ребенкомъ и продирается сквозь шипы съ завязанными глазами и руками.

Вернувшись въ Росгальду и спросивъ о Пьерѣ, они узнали, что онъ поѣхалъ съ фрау Верагутъ въ городъ, встрѣчать господина Альберта.

IV.

Альбертъ Верагутъ стремительно ходилъ взадъ и впередъ по гостиной матери. Съ перваго взгляда казалось, что онъ похожъ на отца, потому что у него были отцовскіе глаза, но на самомъ дѣлѣ онъ гораздо больше походилъ на мать, которая стояла тутъ же, прислонившись къ роялю, и слѣдила за нимъ внимательнымъ, нѣжнымъ взглядомъ. Когда онъ снова прошелъ мимо нея, она удержала его за плечи и повернула лицомъ къ себѣ. На его широкій, блѣдный лобъ спадала прядь бѣлокурыхъ волосъ, глаза пылали юношескимъ возбужденіемъ, а красивыя полныя губы были гнѣвно искривлены.

— Нѣтъ, мама,—пылко воскликнулъ онъ, высвобождаясь изъ ея рукъ,—ты знаешь, я не могу пойти къ нему. Это было бы безсмысленной комедіей. Онъ знаетъ, что я его ненавижу, и самъ ненавидитъ меня тоже, что бы ты ни говорила.

— Ненавидитъ!—съ легкой строгостью воскликнула она.—Оставь эти громкія слова, искажающія все! Онъ твой отецъ, и было время, когда онъ тебя очень любилъ. Я принуждена запретить тебѣ такъ говорить.

Альбертъ остановился и посмотрѣлъ на нее сверкающими глазами.

— Конечно, ты можешь запретить мнѣ то или иное слово, но что отъ этого измѣнится? Ужъ не долженъ ли я быть ему благодаренъ? Онъ отравилъ тебѣ жизнь, а мнѣ родныя мѣста, онъ сдѣлалъ изъ нашей чудной, радостной, великолѣпной Росгальды мѣсто, которое можетъ внушить только тоску и отвращеніе. Я выросъ здѣсь, мама, и бываютъ времена, когда мнѣ каждую ночь снятся старые комнаты и коридоры, садъ, и конюшня, и голубятня. У меня нѣтъ другого мѣста, которое я могъ бы любить и видѣть во снѣ, и по которому я могъ бы тосковать. И вотъ я долженъ жить въ чужихъ краяхъ и не могу даже на каникулахъ привезти сюда съ собой друга, чтобы онъ не видѣлъ, что за жизнь мы здѣсь ведемъ! И каждый, кто со мной знакомится и узнаетъ мое имя, сейчасъ же начинаетъ пѣть хвалебный гимнъ моему знаменитому отцу. Ахъ, мама, я хотѣлъ бы, чтобы у насъ лучше совсѣмъ не было отца и Росгальды, и мы были бѣдняками, и ты должна была бы шить или давать уроки, а я помогать тебѣ зарабатывать деньги.

Мать догнала его и, насильно усадивъ въ кресло, сѣла къ нему на колѣни и пригладила его растрепавшіеся волосы.

— Такъ,—сказала она своимъ спокойнымъ, низкимъ голосомъ, звукъ котораго олицетворялъ для него все родное,—теперь ты мнѣ все сказалъ. Высказаться иногда бываетъ очень полезно. Надо знать то, что приходится сносить. Но не надо растравлять своихъ ранъ, дитя мое. Ты теперь такой же взрослый, какъ я, и скоро будешь мужчиной, и я этому рада. Ты мое дитя, и имъ и останешься, но ты видишь, я всегда одна, и у меня много заботъ, мнѣ нуженъ настоящій другъ-мужчина, и я надѣюсь, что этимъ другомъ будешь ты. Ты будешь играть со мной въ четыре руки, гулять со мной по саду и помогать мнѣ присматривать за Пьеромъ, мы проведемъ чудныя каникулы. Но ты не долженъ подымать шума и дѣлать все это еще тяжелѣй для меня, иначе я буду думать, что ты еще ребенокъ, и еще много вре-

меня пройдетъ, прежде чѣмъ у меня, наконецъ, будетъ умный другъ, котораго мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть.

— Да, мама, да. Но неужели надо всегда молчать обо всемъ, что дѣлаетъ человѣка несчастнымъ?

— Это самое лучшее, Альбертъ. Это не легко, и отъ дѣтей этого нельзя требовать. Но это самое лучшее. А теперь, хочешь, поиграемъ немножко?

— Да, съ удовольствіемъ. Бетховена, вторую симфонію, хочешь?

Они только что начали играть, какъ дверь тихонько отворилась, и въ комнату проскользнулъ Пьеръ. Онъ усѣлся на скамеечку и сталъ слушать. При этомъ онъ задумчиво смотрѣлъ на брата, на его шею въ мягкомъ шелковомъ воротничкѣ, на покачивавшійся въ тактъ музыкѣ вихоръ на головѣ, на его руки. Теперь, когда онъ не видѣлъ глазъ, его поразило сходство Альберта съ матерью.

— Тебѣ нравится?—спросилъ во время паузы Альбертъ.

Пьеръ кивнулъ головой, но сейчасъ же послѣ этого опять тихо вышелъ изъ комнаты. Въ вопросѣ Альберта ему почудился тотъ тонъ, которымъ, по его наблюденіямъ, говорило съ дѣтьми большинство взрослыхъ и лживой ласковости и высокомѣрной снисходительности котораго онъ терпѣть не могъ. Онъ былъ радъ пріѣзду брата, нетерпѣливо ждалъ его и встрѣтилъ на вокзалѣ съ большой радостью. Но этого тона онъ не хотѣлъ допускать.

Между тѣмъ Верагутъ и Буркгардтъ ждали Альберта въ мастерской, Буркгардтъ съ нескрываемымъ любопытствомъ, художникъ въ нервномъ смущеніи. Мимолетное радостное настроеніе и разговорчивость разомъ оставили его, когда онъ узналъ о пріѣздѣ Альберта.

— Развѣ онъ пріѣхалъ неожиданно?—спросилъ Отто.

— Нѣтъ, не думаю. Я зналъ, что онъ долженъ пріѣхать на этихъ дняхъ.

Верагутъ досталъ какую-то коробку и вытащилъ изъ нея нѣсколько старыхъ фотографій. Онъ нашелъ среди нихъ карточку мальчика и поставилъ ее, сравнивая, рядомъ съ карточкой Пьера.

— Это Альбертъ въ томъ самомъ возрастѣ, въ какомъ теперь маленькій. Ты помнишь его?

— О, очень хорошо. Карточка очень похожа. Онъ сильно напоминаетъ мать.

— Больше, чѣмъ Пьеръ?

— Да, гораздо больше. Пьеръ не похожъ ни на тебя, ни на мать. А вотъ и онъ. Или это Альбертъ? Нѣтъ, не можетъ быть.

По плитамъ и подстилкѣ передъ дверью зазвучали легкіе шажки, ручку двери медленно, какъ будто нерѣшительно нажали, и въ комнату вошелъ Пьеръ. Онъ быстро оглядѣлъ обоихъ своимъ вопросительно-ласковымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая, рады ли ему.

— Гдѣ же Альбертъ?—спросилъ художникъ.

— У мамы. Они играютъ въ четыре руки.

— Ахъ, вотъ какъ, они играютъ.

— Ты чѣмъ-нибудь недоволенъ, папа?

— Нѣтъ, Пьеръ, это хорошо, что ты пришелъ. Разскажи намъ что-нибудь!

Мальчикъ увидѣлъ карточки и схватилъ ихъ.

— О, это я! А это? Неужели это Альбертъ?

— Да, это Альбертъ. Такой онъ былъ, когда ему было ровно столько лѣтъ, сколько теперь тебѣ.

— Тогда меня еще не было на свѣтѣ. А теперь онъ уже большой, и Робертъ говоритъ ему уже „господинъ Альбертъ".

— А тебѣ тоже хотѣлось бы быть большимъ?

— Да, пожалуй. Большіе могутъ имѣть лошадей и путешествовать, и я хотѣлъ бы тоже. И тогда меня никто не посмѣлъ бы называть мальчуганомъ и трепать по щекѣ. Но всетаки мнѣ не хочется вырасти. Старые люди часто бываютъ такіе непріятные. Альбертъ тоже сдѣлался уже совсѣмъ другой. А когда старые люди дѣлаются все старше, подъ конецъ они умираютъ. Я хотѣлъ бы лучше остаться такимъ, какъ я теперь, а иногда мнѣ хотѣлось бы умѣть летать и вмѣстѣ съ птицами летать высоко надъ деревьями и подниматься до самыхъ облаковъ. Тамъ я смѣялся бы надъ всѣми людьми.

— И надо мной тоже, Пьеръ?

— Иногда, папа. Старые люди всѣ бываютъ иногда такіе смѣшные. Мама еще не такъ. Мама лежитъ иногда въ саду въ качалкѣ и ничего не дѣлаетъ, а только смотритъ на траву, и руки у нея висятъ внизъ, и она такая спокойная и немножко грустная. Это хорошо, когда не надо вѣчно что-нибудь дѣлать.

— Развѣ тебѣ не хотѣлось бы быть чѣмъ нибудь? Архитекторомъ, или садовникомъ, или, можетъ быть, художникомъ?

— Нѣтъ, мнѣ совсѣмъ не хочется. Садовникъ у насъ уже есть, и домъ у меня тоже есть. Мнѣ хотѣлось бы умѣть совсѣмъ другія вещи. Я хотѣлъ бы понимать, что говорятъ другъ другу красношейки. И мнѣ хотѣлось бы когда-нибудь увидѣть, какъ деревья пьютъ корнями воду, и какъ это они ухитряются вы-

расти такими большими. Я думаю, этого никто не знаетъ хорошенько. Учитель знаетъ массу вещей, но все такое скучное.

Онъ взобрался на колѣни къ Отто Буркгардту и игралъ пряжкой его пояса.

— Многихъ вещей нельзя знать,—ласково сказалъ Буркгардтъ.— Многое можно только видѣть, и надо быть довольнымъ тѣмъ, что это такъ интересно. Если ты когда-нибудь пріѣдешь ко мнѣ въ Индію, тебѣ придется много дней ѣхать на большомъ кораблѣ, а передъ кораблемъ будутъ плавать маленькія рыбки; у этихъ рыбокъ есть маленькія прозрачныя крылья, и онѣ умѣютъ летать. А иногда прилетаютъ и птицы, онѣ прилетаютъ издалека, съ незнакомыхъ острововъ, и очень устаютъ; онѣ садятся на корабль и удивляются, что по морю куда-то ѣдетъ столько чужихъ людей. Имъ тоже очень хотѣлось бы понимать насъ и спросить насъ, откуда мы и какъ насъ зовутъ, но это невозможно, и вотъ люди и птицы смотрятъ другъ другу въ глаза и киваютъ головой, а когда птицы отдохнутъ, онѣ встряхиваются и опять улетаютъ за море.

— И никто не знаетъ, какъ ихъ зовутъ?

— Нѣтъ, отчего же. Но это имена, которыя имъ дали люди, а какъ онѣ сами называютъ другъ друга, нельзя знать.

— Какъ дядя Буркгардтъ славно разсказываетъ, папа! Мнѣ тоже хотѣлось бы имѣть друга. Альбертъ уже большой. Большинство людей совсѣмъ не понимаетъ, что имъ говоришь, но дядя Буркгардтъ понимаетъ меня сейчасъ.

Пришла горничная за мальчикомъ. Пора было ужинать, и друзья направились въ домъ. Верагутъ былъ молчаливъ и разстроенъ. Въ столовой навстрѣчу ему вышелъ сынъ и протянулъ ему руку.

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй, Альбертъ. Какъ тебѣ ѣздилось?

— Спасибо, хорошо. Здравствуйте, господинъ Буркгардтъ.

Молодой человѣкъ былъ очень холоденъ и корректенъ. Онъ повелъ мать къ столу. За ужиномъ разговоръ поддерживали почти исключительно Буркгардтъ и хозяйка дома. Рѣчь зашла о музыкѣ.

— Позвольте спросить,—обратился Буркгардтъ къ Альберту,—какой родъ музыки вы особенно любите? Я долженъ сказать, что я совсѣмъ не въ курсѣ дѣла и знаю современныхъ музыкантовъ только по именамъ.

Юноша поднялъ глаза и вѣжливо отвѣтилъ:

— Самыхъ новыхъ я знаю тоже только по наслышкѣ. Я не

принадлежу ни къ какому направленію и люблю всякую музыку, если она хороша. Больше всего Баха, Глюка и Бетховена.

— О, классики! Изъ нихъ мы въ наше время знали хорошенько, собственно, только Бетховена. Глюка мы совсѣмъ не знали. Мы всѣ, надо вамъ знать, горой стояли за Вагнера. Помнишь, Іоганнъ, какъ мы въ первый разъ слушали „Тристана"? Мы были какъ пьяные!

Верагутъ невесело улыбнулся.

— Старая школа!—нѣсколько ѣдко сказалъ онъ.—Вагнеръ уже отжилъ. Или нѣтъ, Альбертъ?

— О, напротивъ, его играютъ во всѣхъ театрахъ. Но я объ этомъ не могу судить.

— Вы не любите Вагнера?

— Я знаю его слишкомъ мало, господинъ Буркгардтъ. Я очень рѣдко бываю въ театрѣ. Меня интересуетъ только чистая музыка, не опера.

— Ну, а вступленіе къ Мейстерзингерамъ? Его-то вы навѣрно знаете. Оно тоже никуда не годится?

Альбертъ закусилъ губы и не сразу отвѣтилъ.

— Я, право, не могу судить объ этомъ. Это—какъ бы сказать?—романтическая музыка, а къ ней у меня нѣтъ интереса.

Верагутъ сдѣлалъ гримасу.

— Хочешь вина?—спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да, спасибо.

— А ты, Альбертъ? Краснаго?

— Спасибо, папа, лучше не надо.

— Ты что, записался въ общество трезвости?

— Нѣтъ, ничего подобнаго. Но вино мнѣ вредно, и я хотѣлъ бы лучше отказаться отъ него.

— Ну, какъ хочешь. А мы съ тобой, Отто, давай чокнемся. За твое здоровье!

Онъ однимъ глоткомъ отпилъ половину стакана.

Альбертъ продолжалъ играть роль благовоспитаннаго юноши, который хотя и имѣетъ вполнѣ опредѣленные взгляды, но скромно держитъ ихъ про себя и предоставляетъ слово старшимъ, не для того, чтобы чему-нибудь научиться, а потому, что такъ спокойнѣе. Роль подходила къ нему плохо, такъ что и ему скоро стало очень не по себѣ. Онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ дать отцу, котораго привыкъ по возможности игнорировать, повода къ объясненіямъ.

Буркгардтъ молча наблюдалъ, и такимъ образомъ не было никого, кто нарушилъ бы ледяное молчаніе и оживилъ изсякшій

разговоръ. Всѣ торопились покончить съ ѣдой, услужливо передавали другъ другу блюда, смущенно играли десертными ложками и тоскливо ждали момента, когда можно будетъ встать и разойтись. Лишь въ эту минуту Отто Буркгардтъ всѣмъ существомъ почувствовалъ одиночество и безнадежный холодъ, въ которомъ застыли и хирѣли бракъ и жизнь его друга. Онъ бросилъ на него бѣглый взглядъ: художникъ сидѣлъ съ вялымъ лицомъ, угрюмо опустивъ глаза въ почти непочатую тарелку, и во взорѣ его, на секунду скрестившемся съ взглядомъ друга, Отто прочелъ мольбу и стыдъ за свою разоблаченную тайну.

Это было печальное зрѣлище. Безжалостное молчаніе, неловкая холодность и тоскливая принужденность всего общества, казалось, громко возвѣщали позоръ Верагута. Въ этотъ моментъ Отто понялъ, что каждый день его дальнѣйшаго пребыванія здѣсь былъ бы только гнуснымъ продленіемъ этого унизительнаго положенія свидѣтеля и пыткой для друга, который съ отвращеніемъ соблюдалъ еще формальности и не находилъ въ себѣ больше силъ и охоты прикрасить свое несчастье передъ наблюдателемъ. Надо было поскорѣй положить этому конецъ.

Какъ только фрау Верагутъ поднялась, ея мужъ отодвинулъ свое кресло.

— Я такъ усталъ, что прошу извинить меня. Не безпокойтесь!

Онъ вышелъ, забывъ закрыть за собой дверь. Отто слышалъ, какъ онъ медленно, тяжелыми шагами, прошелъ черезъ сѣни и спустился по скрипучей лѣстницѣ.

Буркгардтъ закрылъ дверь и проводилъ хозяйку въ гостиную, гдѣ стоялъ еще открытый рояль и вечерній вѣтеръ игралъ листами разложенныхъ нотъ.

— Я хотѣлъ попросить васъ что-нибудь сыграть,—смущенно сказалъ онъ.—Но мнѣ кажется, что вашъ мужъ не совсѣмъ здоровъ, онъ цѣлый день работалъ на солнцѣ. Если позволите, я еще на часокъ составлю ему компанію.

Фрау Верагутъ серьезно кивнула головой, не дѣлая попытки задержать его. Онъ простился и вышелъ. Альбертъ проводилъ его до лѣстницы.

V.

Сумерки уже сгущались, когда Отто Буркгардтъ вышелъ изъ освѣщеннаго большимъ канделябромъ подъѣзда дома и простился съ Альбертомъ. Подъ каштанами онъ остановился, жадно вдыхая

слегка прохладный ароматный вечерній воздухъ, и вытеръ со лба крупныя капли пота. Если онъ могъ сколько-нибудь помочь другу, онъ долженъ былъ это сдѣлать теперь.

Въ мастерской свѣта не было, и онъ не нашелъ художника ни въ рабочей комнатѣ, ни въ сосѣднихъ съ ней. Онъ открылъ выходившую на прудъ дверь и тихо обошелъ вокругъ дома. Художникъ сидѣлъ въ плетеномъ креслѣ, въ которомъ сегодня писалъ его, подперевъ голову руками и спрятавъ въ нихъ лицо. Онъ сидѣлъ такъ неподвижно, какъ будто спалъ.

— Іоганнъ!—тихо окликнулъ Буркгардтъ, подходя къ нему и кладя руку на его склоненную голову.

Отвѣта не было. Онъ продолжалъ стоять въ молчаливомъ ожиданіи, гладя короткіе, жесткіе волосы погруженнаго въ свое горе, сломленнаго усталостью друга. Въ деревьяхъ шелестѣлъ вѣтеръ, все вокругъ дышало вечерней тишиной и миромъ. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ со стороны дома, прорѣзавъ сумракъ, донеслась широкая волна звуковъ, полный, долгій аккордъ, за нимъ другой. Это былъ первый тактъ фортепіанной сонаты въ четыре руки.

Художникъ поднялъ голову, мягко стряхнулъ съ себя руку друга и всталъ. Онъ молча посмотрѣлъ на Буркгардта усталыми, сухими глазами, попытался было улыбнуться, но сейчасъ же оставилъ это, и его застывшія черты выразили изнеможеніе.

— Войдемъ,—сказалъ онъ съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ отстранить отъ себя лившуюся изъ дома музыку.

Онъ пошелъ впередъ. Передъ дверью въ мастерскую онъ остановился.

— Я думаю, ты пробудешь у насъ еще недолго?

„Какъ онъ все чувствуетъ",—подумалъ Буркгардтъ. Онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Одинъ день не играетъ роли. Я думаю ѣхать послѣзавтра.

Верагутъ нащупалъ выключатели. Съ тихимъ металлическимъ звукомъ ослѣпительно засіяли всѣ огни мастерской.

— Тогда мы разопьемъ еще бутылку.

Онъ позвонилъ Роберта и отдалъ распоряженіе. Посреди мастерской стоялъ новый портретъ Буркгардта, почти оконченный. Они остановились передъ нимъ и смотрѣли на него, пока Робертъ придвигалъ столъ и стулья, приносилъ вино и ледъ, ставилъ на столъ сигары и пепельницы.

— Хорошо, Робертъ, можете итти. Завтра будить не надо. Оставьте насъ теперь однихъ!

Они сѣли и чокнулись. Художникъ безпокойно задвигался въ

креслѣ, опять всталъ и погасилъ половину огней. Затѣмъ онъ снова тяжело опустился на стулъ.

— Портретъ еще не совсѣмъ готовъ,—началъ онъ.—Возьми же сигару! Онъ былъ бы недуренъ, но въ концѣ-концовъ это не такъ важно. И вѣдь мы еще увидимся.

Онъ выбралъ себѣ сигару, неторопливо обрѣзалъ кончикъ, нервно повертѣлъ въ рукахъ и опять положилъ.

— Ты не особенно удачно попалъ на этотъ разъ, Отто. Мнѣ очень жаль.

Голосъ его вдругъ оборвался, онъ поникъ головой, схватилъ руки Буркгардта и крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ.

— Теперь ты знаешь все,—устало простоналъ онъ, и на руки Отто упало нѣсколько капель слёзъ. Но онъ не хотѣлъ распускаться. Онъ опять выпрямился и, стараясь придать своему голосу спокойствіе, смущенно сказалъ:

— Извини! Ну, что-жъ мы не пьемъ? И ты не куришь?

Буркгардтъ взялъ сигару.

— Бѣдняга!

Они пили и курили въ мирномъ молчаніи, смотрѣли, какъ переливается въ граненыхъ бокалахъ и тепло сіяетъ въ золотистомъ винѣ свѣтъ, наблюдали за голубымъ дымомъ, колебавшимся надъ ихъ головами и сплетавшимся въ причудливыя нити, и отъ времени до времени бросали другъ на друга открытые, краснорѣчивые взгляды, почти не нуждавшіеся больше въ словахъ. Все уже какъ будто было сказано.

Ночной мотылекъ жужжа влетѣлъ въ мастерскую, три-четыре раза сильно, съ глухимъ стукомъ, ударился о стѣны, затѣмъ, оглушенный, бархатнымъ сѣрымъ треугольникомъ застылъ на потолкѣ.

— Поѣдешь осенью со мной въ Индію?—наконецъ, нерѣшительно спросилъ Буркгардтъ.

Опять наступило долгое молчаніе. Бабочка начала медленно двигаться. Сѣрая и маленькая, она ползла впередъ, точно вдругъ разучившись летать.

— Можетъ быть,—сказалъ Верагутъ.—Можетъ быть. Намъ надо еще поговорить.

— Да, Іоганнъ. Я не хочу тебя мучить. Но немножко ты мнѣ долженъ еще разсказать. Я никогда не ожидалъ, что у тебя съ женой все опять наладится, но...

— У насъ не ладилось съ самаго начала!

— Да. Но всетаки я не думалъ, что зайдетъ такъ далеко. Такъ не можетъ продолжаться. Ты гибнешь.

Верагутъ хрипло засмѣялся.

— Я не гибну, дружище. Въ сентябрѣ я выставляю во Франкфуртѣ двѣнадцать новыхъ картинъ.

— Это великолѣпно. Но сколько времени это можетъ итти такъ? Вѣдь это нелѣпость... Скажи, Іоганнъ, почему ты не разошелся съ женой?

— Это не такъ просто... Я разскажу тебѣ. Будетъ лучше, если ты узнаешь все по порядку.

Онъ выпилъ глотокъ вина и согнулся на своемъ стулѣ. Отто отодвинулъ свой отъ стола.

— Что у меня съ женой съ самаго начала многое не клеилось, ты знаешь. Нѣсколько лѣтъ все шло кое-какъ, ни хорошо, ни плохо, и, можетъ быть, тогда еще можно было многое спасти. Но я слишкомъ мало могъ скрыть свое разочарованіе и все снова требовалъ отъ Адели именно того, чего она не могла дать. Размаха въ ней не было никогда; она была серьезна и тяжела на подъемъ, я могъ бы знать это и раньше. Она никогда не могла посмотрѣть на что-нибудь сквозь пальцы или отнестись къ чему-нибудь тяжелому юмористически или легкомысленно. Моимъ притязаніямъ и настроеніямъ, моей бурной тоскѣ и конечному разочарованію она могла противопоставить только молчаніе и терпѣніе, трогательное, тихое, геройское терпѣніе, которое меня часто умиляло, но не могло помочь ни ей, ни мнѣ. Когда я сердился и былъ недоволенъ, она молчала и страдала, а когда сейчасъ же послѣ этого я приходилъ съ жаждой примиренія и взаимнаго пониманія, просилъ у нея прощенія или пытался заразить ее своимъ радостнымъ настроеніемъ, изъ этого ничего не выходило, она молчала и тогда и все больше замыкалась въ себѣ. Она не могла и не хотѣла измѣнить своей природы и оставалась все тѣмъ же вѣрнымъ, тяжеловѣснымъ существомъ. Когда я былъ съ ней, она молчала уклончиво и боязливо, встрѣчала вспышки гнѣва и веселыя настроенія съ одинаковымъ спокойствіемъ, а когда я уходилъ, она играла для себя самой на роялѣ и думала о томъ времени, когда еще была дѣвушкой. Такимъ образомъ я становился все болѣе и болѣе неправъ передъ ней, и въ концѣ-концовъ мнѣ уже стало нечего давать, нечѣмъ дѣлиться. Я началъ становиться прилеженъ и мало-по-малу научился прятаться за работой, какъ за крѣпостной стѣной.

Онъ видимо усиливался оставаться спокойнымъ. Онъ хотѣлъ разсказывать, а не жаловаться, но за словами всетаки чувствовалась жалоба, жалоба на погубленную жизнь, на разочарованіе въ ожиданіяхъ молодости и присужденіе къ пожизненному поло-

винчатому, безрадостному, противорѣчащему самой сущности его натуры существованію.

— Уже тогда я иногда подумывалъ о томъ, чтобы расторгнуть бракъ. Но это было не такъ просто. Я привыкъ къ тихой жизни и работѣ, и мысль о судахъ и адвокатахъ, о перемѣнѣ всѣхъ маленькихъ ежедневныхъ житейскихъ привычекъ пугала меня. Если бы тогда на моемъ пути встала новая любовь, я рѣшился бы легко. Но оказалось, что и моя собственная натура тяжеловѣснѣе, чѣмъ я думалъ. Я съ чувствомъ грустной зависти смотрѣлъ на хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ и даже влюблялся въ нихъ, но все это было недостаточно глубоко, и я все больше и больше убѣждался, что не могу больше отдаться любви такъ, какъ своему искусству. Вся жажда самозабвенія, всѣ желанія и потребности были устремлены въ сторону его, и, дѣйствительно, за всѣ эти годы въ мою жизнь не вошелъ ни одинъ новый человѣкъ, ни одна женщина, ни одинъ другъ. Ты вѣдь понимаешь, что мнѣ пришлось бы начать каждую дружбу съ признанія въ своемъ позорѣ.

— Позорѣ?!—тихо, тономъ упрека, сказалъ Буркгардтъ.

— Конечно! Я ощущалъ все это, какъ позоръ, уже тогда, и такъ оно осталось и до сихъ поръ. Быть несчастнымъ—позоръ. Позоръ—не смѣть никому показать свою жизнь, быть принужденнымъ что-то прятать и скрывать. Но довольно объ этомъ! Слушай дальше.

Онъ мрачно опустилъ глаза на свой стаканъ съ виномъ, бросилъ погасшую сигару и продолжалъ:

— Между тѣмъ Альбертъ подрасталъ. Мы оба очень любили его, разговоры и заботы о немъ соединяли насъ. Только когда ему исполнилось семь лѣтъ, я началъ ревновать и бороться за него—точь-въ-точь такъ, какъ теперь борюсь за Пьера! Я вдругъ увидѣлъ, что мальчикъ мнѣ необходимъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я съ постояннымъ страхомъ слѣдилъ, какъ онъ понемножку становился холоднѣе ко мнѣ и все больше и больше переходилъ на сторону матери.

Затѣмъ онъ серьезно заболѣлъ, и въ эту пору тревоги за его здоровье и жизнь все остальное на время исчезло, и мы жили одно время въ такомъ согласіи, какъ никогда прежде. Тогда-то и родился Пьеръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ появился на свѣтъ, ему принадлежитъ вся любовь, на какую я только способенъ. Адель опять ускользнула отъ меня, Альбертъ послѣ своего выздоровленія все тѣснѣе примыкалъ къ матери—я допустилъ все это. Онъ сталъ

ся наперсникомъ и мало-по-малу моимъ врагомъ, пока я не увидѣлъ себя вынужденнымъ удалить его изъ дому. Я отказался отъ всего, я сдѣлался бѣденъ и непритязателенъ, я отучилъ себя командовать въ домѣ и выражать свое неудовольствіе и примирился съ тѣмъ, что въ своемъ собственномъ домѣ игралъ роль лишь терпимаго гостя. Я хотѣлъ спасти для себя только одно: моего маленькаго Пьера, а когда совмѣстная жизнь съ Альбертомъ и весь строй жизни въ домѣ стали невыносимы, я предложилъ Адели разводъ.

Я хотѣлъ оставить Пьера себѣ. Все остальное я предоставлялъ ей: Альберта, Росгальду и половину моихъ доходовъ, даже больше. Она не захотѣла. Она готова была согласиться на разводъ и брать отъ меня лишь самое необходимое, но не разставаться съ Пьеромъ. Это была наша послѣдняя ссора. Еще разъ я попробовалъ все, чтобы спасти себѣ остатокъ счастья, я просилъ и обѣщалъ, кланялся и унижался, грозилъ и плакалъ и наконецъ бѣсновался, но все напрасно. Она даже соглашалась отдать Альберта. Вдругъ оказалось, что эта тихая, терпѣливая женщина не намѣрена уступить ни на іоту: она очень хорошо сознавала свою власть и была сильнѣе меня. Въ то время я ее прямо-таки ненавидѣлъ, и частица этого осталась и до сихъ поръ.

Тогда я позвалъ каменщика и пристроилъ себѣ вотъ эту квартирку; здѣсь я съ тѣхъ поръ и живу, и все идетъ такъ, какъ ты видѣлъ.

Буркгардтъ слушалъ задумчиво, не прерывая его даже въ тѣ моменты, когда Верагутъ, казалось, ждалъ, даже желалъ этого.

— Я радъ,—осторожно сказалъ онъ,—что ты самъ отдаешь себѣ во всемъ этомъ такой ясный отчетъ. Приблизительно такъ я себѣ и представлялъ. Поговоримъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ, разъ мы ужъ начали! Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я ждалъ этой минуты такъ же, какъ и ты. Предположи, что у тебя гдѣ-нибудь непріятный нарывъ, который тебя мучитъ и котораго ты немножко стыдишься. Я знаю теперь про него, и тебѣ уже легче, что тебѣ не надо больше ничего скрывать. Но мы не должны удовольствоваться этимъ, мы должны посмотрѣть, нельзя ли его вскрыть и залѣчить.

Художникъ посмотрѣлъ на него, тяжело покачалъ головой и улыбнулся.

— Залѣчить? Такія вещи не залѣчиваются. Но вскрыть ты можешь!

Буркгардтъ кивнулъ головой. Да, онъ вскроетъ этотъ нарывъ, онъ не хочетъ, чтобы этотъ часъ кончился ничѣмъ.

— Въ твоемъ разсказѣ одно мнѣ осталось неяснымъ,—задумчиво сказалъ онъ.—Ты говоришь, что не развелся съ женой изъ-за Пьера. Но еще вопросъ, не могъ ли бы ты принудить ее отдать тебѣ Пьера. Если бы вы развелись по суду, одного изъ дѣтей непремѣнно присудили бы тебѣ. Неужели ты никогда не думалъ объ этомъ?

— Нѣтъ, Отто, я никогда не думалъ, что судья своей премудростью можетъ исправить мои ошибки и упущенія. Это мнѣ не поможетъ. Разъ моего личнаго вліянія недостаточно, чтобы заставить мою жену отказаться отъ мальчика, мнѣ остается только одно: ждать, за кого самъ Пьеръ выскажется современемъ.

— Значитъ, все дѣло только въ Пьерѣ. Если бы его не было, ты, несомнѣнно, давно развелся бы съ женой и могъ бы еще найти счастье въ жизни, во всякомъ случаѣ велъ бы разумную, свободную, ничѣмъ неомраченную жизнь. Вмѣсто того ты запутался въ сѣти компромиссовъ, жертвъ и мелкихъ уловокъ, въ которыхъ такой человѣкъ, какъ ты, долженъ задохнуться.

Верагутъ выпилъ залпомъ стаканъ вина.

— Ты все твердишь: задохнуться, погибнуть! Ты вѣдь видишь, что я живу и работаю, и чортъ меня побери, если я дамъ себя сломить.

Отто не обратилъ вниманія на его раздраженіе. Съ тихой настойчивостью онъ продолжалъ:

— Прости, это не совсѣмъ такъ. Ты человѣкъ съ недюжинными силами, иначе ты вообще не могъ бы выдержать этой жизни такъ долго. Сколько вреда она принесла тебѣ и какъ тебя состарила, ты чувствуешь самъ, и если ты не хочешь этого признать передо мной, то только изъ тщеславія. Я вѣрю своимъ собственнымъ глазамъ больше, чѣмъ тебѣ, и я вижу, что твое положеніе очень скверно. Твоя работа поддерживаетъ тебя, но она для тебя скорѣе наркотическое средство, чѣмъ радость. Половина твоихъ лучшихъ силъ уходитъ на лишенія и на мелкую ежедневную борьбу. О счастьѣ въ этихъ условіяхъ нечего и говорить; въ лучшемъ случаѣ ты можешь достигнуть того, что примиришься со своей судьбой. Ну, а для этого ты въ моихъ глазахъ стоишь слишкомъ высоко, дружище!

— Примирюсь съ судьбой? Возможно. Что-жъ, я не буду исключеніемъ. О комъ можно сказать, что онъ счастливъ?

— Счастливъ тотъ, кто надѣется!—съ жаромъ воскликнулъ Буркгардтъ.—А на что можешь надѣяться ты? Не на внѣшніе же успѣхи, почести и деньги,—ихъ у тебя больше, чѣмъ достаточно. Вѣдь ты совсѣмъ забылъ, что такое жизнь и радость! Ты до-

воленъ, потому что ни на что не надѣешься! Я могу это понять, пожалуй, но это отвратительное состояніе, Іоганнъ, это злокачественный нарывъ, а кто, имѣя такой нарывъ, не хочетъ его вскрыть, тотъ трусъ.

Онъ разгорячился и въ сильномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и въ то время какъ онъ, напрягая всѣ силы, преслѣдовалъ свой планъ, изъ глубины памяти передъ нимъ вставало лицо Верагута въ юности, и въ воображеніи мелькала подобная этой сцена изъ временъ ихъ отрочества. Онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на друга; онъ сидѣлъ, согнувшись, и смотрѣлъ внизъ. Въ немъ не было ничего, что напоминало бы то юношеское лицо. Отто нарочно назвалъ его трусомъ, нарочно постарался задѣть его когда-то такое раздражительное самолюбіе, а онъ сидѣлъ и не оборонялся!

— Ну, что-жъ ты остановился?—лишь въ горькомъ сознаніи своей слабости воскликнулъ онъ.—Тебѣ нечего меня щадить. Ты видѣлъ, въ какой клѣткѣ я живу, ты можешь, не боясь, дѣлать намеки и укорять меня въ моемъ позорѣ. Я не обороняюсь, я даже не сержусь.

Отто остановился передъ нимъ. Ему было безконечно жаль его, но онъ преодолѣлъ себя и рѣзко сказалъ:

— Но ты долженъ сердиться! Ты долженъ вышвырнуть меня и отказаться отъ дружбы со мной или же сознаться, что я правъ.

Художникъ тоже поднялся, но вяло и тяжело.

— Ну, хорошо, если тебѣ это такъ важно,—ты правъ,—устало сказалъ онъ.—Ты переоцѣнилъ мои силы, я ужъ больше не молодъ и не легко обижаюсь. И у меня не такъ много друзей, чтобы я могъ сорить ими. У меня только ты одинъ и есть. Садись же и выпей еще стаканъ вина, оно стоитъ того. Въ Индіи ты такого не достанешь и, можетъ быть, ты найдешь тамъ также немного такихъ друзей, которые захотятъ терпѣть твое упрямство.

Буркгардтъ слегка ударилъ его по плечу и почти съ досадой сказалъ:

— Послушай, не будемъ сантиментальничать—теперь не время! Скажи мнѣ, въ чемъ ты можешь упрекнуть меня, и будемъ продолжать.

— О, мнѣ не въ чемъ упрекнуть тебя! Ты вполнѣ безупреченъ, Отто, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ ты смотришь, какъ я иду ко дну, ты съ самыми дружескими чувствами и, можетъ быть, съ сожалѣніемъ видишь, какъ я мало-по-малу исчезаю въ болотѣ, и ты никогда не сказалъ ни слова, ни разу не унизилъ меня предло-

женіемъ своей помощи. Ты видѣлъ, какъ я долгіе годы держалъ у себя ціанистый калій, и съ благороднымъ удовлетвореніемъ замѣтилъ, что я такъ и не проглотилъ его и въ концѣ-концовъ выбросилъ. А теперь, когда я погрузился въ тину такъ глубоко, что ужъ не могу и выбраться, теперь ты явился со своими упреками и наставленіями...

Онъ безнадежно вперилъ въ пространство покраснѣвшіе, воспаленные глаза, и только теперь, когда Буркгардтъ хотѣлъ налить себѣ новый стаканъ вина и не нашелъ въ бутылкѣ ничего, онъ замѣтилъ, что Верагутъ за короткое время опорожнилъ одинъ всю бутылку. Художникъ прослѣдилъ взглядъ друга и рѣзко засмѣялся.

— Ахъ, извини!—запальчиво воскликнулъ онъ.—Да, я немножко пьянъ, не забудь поставить мнѣ въ счетъ и это. Отъ времени до времени со мной случается, что я нечаянно немножко напиваюсь—такъ, знаешь, для возбужденія...

Онъ тяжело положилъ другу на плечи обѣ руки и жалобно, вдругъ размякшимъ высокимъ голосомъ, сказалъ:

— Видишь ли, дружище, безъ ціанистаго калія и безъ вина и всего этого можно было бы обойтись, если бы кто-нибудь захотѣлъ помочь мнѣ немножко! Скажи, почему ты допустилъ до того, что я долженъ, какъ нищій, просить о крупицѣ снисхожденія и любви? Адель не снесла меня, Альбертъ отпалъ отъ меня, Пьеръ тоже современемъ броситъ меня,—а ты стоялъ рядомъ и смотрѣлъ. Неужели же ты ничего не могъ сдѣлать? Неужели не могъ мнѣ помочь?

Голосъ художника оборвался, и онъ опять упалъ на свой стулъ. Буркгардтъ былъ мертвенно блѣденъ. Дѣло обстояло гораздо хуже, чѣмъ онъ думалъ, разъ нѣсколько стакановъ вина могли довести этого гордаго, закаленнаго человѣка до циничнаго признанія въ своемъ тайномъ несчастьѣ и позорѣ!

Онъ наклонился къ Верагуту и, утѣшая его, точно ребенка, тихо шепталъ ему на ухо:

— Я помогу тебѣ, Іоганнъ, вѣрь мнѣ, я помогу тебѣ. Я былъ оселъ, я былъ такъ глупъ! Но все еще будетъ хорошо, положись на меня!

Онъ вспомнилъ рѣдкіе случаи изъ ихъ молодости, когда его другъ въ состояніи величайшаго возбужденія терялъ власть надъ собой. Съ необыкновенной отчетливостью предсталъ передъ нимъ одинъ изъ такихъ моментовъ. Іоганнъ тогда часто встрѣчался съ одной хорошенькой ученицей художественной школы. Отто пренебрежительно отозвался о ней, и Верагутъ въ самой бурной

формѣ отказался отъ дружбы съ нимъ. Тогда художникъ тоже разгорячился несоотвѣтственно выпитому количеству вина, и тогда тоже глаза у него покраснѣли, а голосъ ослабѣлъ. Этотъ странный возвратъ забытыхъ черточекъ изъ казавшагося безоблачнымъ прошлаго сильно взволновалъ друга, и снова, какъ тогда, его ужаснула вдругъ раскрывшаяся пропасть внутренняго одиночества и душевнаго самомучительства въ жизни Верагута. Это и была, несомнѣнно, та тайна, о которой Іоганнъ часто говорилъ намеками и скрытое существованіе которой онъ предполагалъ въ душѣ каждаго большого художника. Такъ вотъ откуда бралось это жутко-ненасытное стремленіе творить и все снова и снова постигать міръ своими чувствами и преодолѣвать его. Отсюда же происходила въ конечномъ счетѣ и та странная грусть, которой часто преисполняли сосредоточеннаго зрителя его крупныя произведенія.

Отто казалось, что до этой минуты онъ не понималъ своего друга. Теперь онъ глубоко заглянулъ въ темный колодезь, изъ котораго душа Іоганна черпала силы и страданія. И въ то же время онъ испытывалъ глубокую отраду отъ сознанія, что это ему, старому другу, открылся страдалецъ, его онъ обвинялъ, его просилъ о помощи.

Верагутъ какъ будто не помнилъ, что наговорилъ. Онъ вдругъ затихъ, точно набѣсновавшійся ребенокъ, долго сидѣлъ спокойно и, наконецъ, яснымъ голосомъ сказалъ:

— На этотъ разъ тебѣ не везетъ со мной. Все это оттого, что я послѣднее время не работалъ, какъ слѣдуетъ. Просто нервы разстроились. Я не переношу хорошей погоды.

И когда Буркгардтъ хотѣлъ помѣшать ему откупорить вторую бутылку, онъ сказалъ:

— Я все равно теперь не могъ бы заснуть. Богъ его знаетъ, съ чего это я такъ разнервничался! Ну, давай покутимъ еще немного, ты раньше не былъ такимъ недотрогой. Ахъ, это ты изъ-за моихъ нервовъ! Я ужъ справлюсь съ ними, не впервые. Я теперь буду каждое утро приниматься за работу въ шесть часовъ, а вечеромъ часъ ѣздить верхомъ.

Друзья бесѣдовали до полуночи. Іоганнъ перебиралъ воспоминанія старыхъ временъ, Отто слушалъ и со смѣсью отвращенія и удовольствія видѣлъ, какъ разверстая темная бездна, въ которую онъ только что заглянулъ, снова затягивается блестящей, радостно сверкающей поверхностью.

VI.

На другой день Буркгардтъ ждалъ встрѣчи съ художникомъ не безъ смущенія. Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ друга измѣнившимся и вмѣсто вчерашняго возбужденія наткнется на насмѣшливую холодность и прячущійся за враждебностью стыдъ. Вмѣсто этого Іоганнъ встрѣтилъ его съ тихой серьезностью.

— Итакъ, ты завтра уѣзжаешь,—ласково сказалъ онъ.—Это хорошо, и я благодарю тебя за все. Я не забылъ ничего изъ вчерашняго; намъ надо еще поговорить.

Отто нерѣшительно согласился.

— Пожалуй; но мнѣ не хотѣлось бы напрасно волновать тебя. Мы вчера, можетъ быть, растревожили слишкомъ многое. Зачѣмъ только мы ждали до послѣдней минуты!

Они завтракали въ мастерской.

— Нѣтъ, это хорошо,—рѣшительно сказалъ Іоганнъ.—Очень хорошо. Я провелъ безсонную ночь и обдумалъ все еще разъ. Да, ты растревожилъ многое, чуть ли не больше, чѣмъ я могъ перенести. Ты долженъ принять во вниманіе, что всѣ эти годы у меня не было никого, съ кѣмъ я могъ бы поговорить. Но теперь я долженъ произвести основательную чистку, иначе я въ самомъ дѣлѣ трусъ, какимъ ты меня вчера назвалъ.

— Тебѣ это было больно? Забудь, не вспоминай!

— Нѣтъ, я думаю, ты былъ почти правъ. Мнѣ хотѣлось бы сегодня провести съ тобой хорошій, радостный день; поѣдемъ послѣ обѣда кататься, я покажу тебѣ окрестности. Но прежде надо привести это дѣло въ порядокъ. Вчера все это обрушилось на меня такъ внезапно, что я совсѣмъ растерялся. Но теперь я обдумалъ все. Мнѣ кажется, теперь я понимаю, что ты хотѣлъ мнѣ сказать.

Онъ говорилъ такъ спокойно и дружелюбно, что опасенія Буркгардта разсѣялись.

— Если ты меня понялъ, значитъ, все хорошо, и намъ незачѣмъ начинать сначала. Ты разсказалъ мнѣ, какъ все произошло и какъ обстоитъ теперь. Итакъ, ты не разводишься съ женой и миришься со своей семейной жизнью и со всѣмъ своимъ теперешнимъ положеніемъ только потому, что не хочешь разстаться съ Пьеромъ. Вѣдь это такъ?

— Да, именно такъ.

— Ну, а какъ ты себѣ представляешь дальнѣйшее? Мнѣ кажется, ты вчера намекнулъ, что боишься потерять современемъ и Пьера. Или нѣтъ?

Верагутъ горестно вздохнулъ и подперъ лобъ рукой, но отвѣтилъ въ томъ же тонѣ:

— Можетъ быть, это и такъ. Это слабое мѣсто. По-твоему я долженъ отказаться отъ мальчика?

— Да, тысячу разъ да! Онъ будетъ стоить тебѣ долгихъ лѣтъ борьбы съ женой, которая наврядъ ли уступитъ его тебѣ.

— Это возможно. Но видишь ли, Отто, онъ—послѣднее, что у меня есть! Я сижу среди обломковъ, и если бы я сегодня умеръ, то, кромѣ тебя, по этому поводу взволновались бы самое большее нѣсколько газетныхъ писакъ. Я—нищій, но у меня есть этотъ ребенокъ, у меня всетаки еще есть это милое маленькое существо, для котораго я могу жить и которое могу любить, для котораго я страдаю и съ которымъ забываюсь въ хорошія минуты. Представь себѣ это хорошенько! И это я долженъ отдать!

— Это нелегко, Іоганнъ. Это дьявольски трудно! Но я не знаю другого пути. Смотри, ты не имѣешь понятія о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, ты зарылся въ свою работу и не видишь ничего, кромѣ нея и своего неудачнаго брака. Сдѣлай этотъ шагъ и попробуй отбросить все, и ты вдругъ увидишь, что міръ снова ждетъ тебя съ тысячью своихъ чудесъ. Ты съ давнихъ поръ живешь съ мертвецами и утратилъ связь съ жизнью. Ты любишь Пьера, и, несомнѣнно, онъ очаровательный ребенокъ; но вѣдь это еще не все. Отбрось на минуту всѣ мягкія чувства и подумай, въ самомъ ли дѣлѣ ты нуженъ мальчику!

— Нуженъ ли я...?

— Да. То, что ты ему можешь дать—любовь, нѣжность, чувство,—все это вещи, въ которыхъ ребенокъ большею частью нуждается меньше, чѣмъ мы, старики, думаемъ. А зато ребенокъ растетъ въ домѣ, гдѣ отецъ и мать едва разговариваютъ другъ съ другомъ, гдѣ они ревнуютъ его другъ къ другу! Онъ не воспитывается на примѣрѣ здоровой, счастливой семейной жизни, онъ развитъ не по лѣтамъ и выраститъ чудакомъ. И въ концѣ-концовъ, прости, вѣдь въ одинъ прекрасный день ему всетаки придется выбрать между тобой и матерью. Неужели ты этого не видишь?

— Можетъ быть, ты правъ. Даже навѣрно правъ. Но у меня здѣсь кончается мышленіе. Я люблю этого ребенка, и я цѣпляюсь за эту любовь, потому что уже давно не знаю другого тепла и свѣта. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ броситъ меня, можетъ быть, обманетъ мои ожиданія, можетъ быть, даже возненавидитъ, какъ ненавидитъ Альбертъ, который въ четырнадцать лѣтъ какъ-то бросилъ въ меня столовымъ ножомъ. Но мнѣ все-

таки остается то, что эти нѣсколько лѣтъ я смогу пробыть съ нимъ и любить его, смогу брать его маленькія ручки въ свои и слушать его звонкій, какъ у птички, голосокъ. Скажи: долженъ ли я отдать это? Долженъ ли я?

Буркгардтъ страдальчески повелъ плечами и наморщилъ лобъ.

— Ты долженъ, Іоганнъ,—тихо сказалъ онъ.—Я думаю, что ты долженъ. Не непремѣнно сегодня, но скоро. Ты долженъ бросить все, что у тебя есть, и смыть съ себя свое прошлое, иначе ты никогда больше не сможешь смотрѣть на міръ ясно и свободно. Дѣлай, что хочешь, и, если ты не можешь сдѣлать этого шага, оставайся здѣсь и продолжай эту жизнь—я и тогда не оставлю тебя, и ты всегда можешь разсчитывать на меня, ты это знаешь. Но мнѣ было бы это очень жаль.

— Посовѣтуй мнѣ! Я точно въ потемкахъ.

— Я посовѣтую тебѣ. Теперь іюль; осенью я поѣду обратно въ Индію. Но прежде я еще разъ заѣду къ тебѣ, и я надѣюсь, что у тебя уже все будетъ готово къ отъѣзду. Если твое рѣшеніе будетъ уже принято и ты скажешь да, тѣмъ лучше! Если же ты не сможешь рѣшить окончательно, поѣзжай со мной на годъ, хоть на полгода, лишь бы вырваться изъ этой атмосферы. Ты можешь у меня писать и ѣздить верхомъ, можешь стрѣлять тигровъ или влюбляться въ малаекъ—между ними есть хорошенькія,—главное то, что ты будешь далеко отсюда и сможешь испытать, не лучше ли жить такъ. Что ты объ этомъ думаешь?

Художникъ слушалъ, закрывъ глаза и покачивая своей большой взъерошенной головой съ блѣднымъ лицомъ и поджатыми губами.

— Спасибо,—съ легкой улыбкой сказалъ онъ,—спасибо, это очень мило съ твоей стороны. Осенью я скажу тебѣ, поѣду ли я съ тобой или нѣтъ. Пожалуйста, оставь мнѣ фотографіи.

— Съ удовольствіемъ... Но... развѣ ты не можешь рѣшить это завтра или послѣзавтра? Это было бы лучше для тебя.

Верагутъ всталъ.

— Нѣтъ, я не могу. Кто знаетъ, что можетъ случиться за это время! Вотъ уже сколько лѣтъ я не разставался съ Пьеромъ больше, чѣмъ на три—четыре недѣли. Я думаю, что поѣду съ тобой, но теперь я не хочу говорить ничего, въ чемъ могъ бы раскаяться.

— Ну, пусть будетъ такъ! Я буду всегда сообщать тебѣ, гдѣ меня можно найти. И если въ одинъ прекрасный день ты телеграфируешь мнѣ три слова, что ты ѣдешь, то тебѣ не надо бу-

деть пошевельнуть пальцемъ. Я устрою все. Отсюда ты возьмешь только бѣлье и рисовальныя принадлежности, но въ достаточномъ количествѣ, объ остальномъ позабочусь я.

Верагутъ молча обнялъ его.

— Ты помогъ мнѣ, Отто, я этого никогда не забуду. А теперь я велю заложить коляску, мы не будемъ обѣдать дома. И я собираюсь сегодня ничего не дѣлать и хорошенько насладиться чуднымъ днемъ, какъ, помнишь, когда-то, во время лѣтнихъ каникулъ! Мы покатаемся, взглянемъ на нѣсколько хорошенькихъ деревушекъ и поваляемся въ лѣсу, будемъ ѣсть форели и пить изъ толстыхъ стакановъ доброе деревенское вино. Что за великолѣпная погода сегодня!

— Да такая погода стоитъ уже дней десять,—засмѣялся Буркгардтъ. Верагутъ засмѣялся тоже.

— Ахъ, мнѣ кажется, что солнце давно уже не свѣтило такъ!

Съ нѣм. перевела **А. Полоцкая.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Два стихотворенія.

1.

Не все ли мнѣ равно, что гдѣ-то тамъ, далеко,
Ты въ этотъ мигъ тоскуешь обо мнѣ!
Я отдаюсь колдующей лунѣ,
Я слушаю, какъ ночь шевелится въ осокѣ,
И какъ волна влюбленно льнетъ къ волнѣ.

Я радостно слѣжу, какъ золотыя змѣи
За лодкою медлительно скользятъ,
Какъ меркнетъ чей-то утомленный взглядъ,
Какъ сонныя спокойныя нимфеи
Подъ пальцами луны, томясь, дрожатъ.

И нѣтъ тебя въ душѣ, по-новому покорной,
Пусть завтра вновь тоска окраситъ взоръ!
Сегодня такъ хорошъ сѣдой просторъ,
Такъ хорошо съ другимъ изъ чаши ночи черной
Пить лунный отравляющій ликеръ.

2.

Опять аметистовый вечеръ...
Прозрачно-холодныя ткани
Набросила осень на плечи...
О, часъ предзакатныхъ мечтаній!

Мнѣ какъ-то не жаль, что одна я,
Что ты—безвозвратно далеко.
Какъ вечеръ, душа умираетъ—
Безъ жалобъ, безъ слезъ, безъ упрека.

Я знаю, что это—расплата
За все, чего я не свершила...
Послѣднія искры заката
Плащомъ своимъ осень закрыла.

† Н. Львова.

ОСЕНЬ.

Н. С. Бутовой.

I.

Опушки желтѣютъ. И листья съ тихимъ печальнымъ шелестомъ опадаютъ на свѣже-зеленыя озими, на грязь разъѣзженной лѣсной дороги.

Братъ,—въ своей бараньей охотничьей шапкѣ, похожій на черкеса,—стоитъ на дворѣ и поглядываетъ то на небо, то на собакъ. Покручивая свѣсившійся внизъ черный усъ, онъ оцѣниваетъ охотничье утро.

Оно—самое лучшее. Небо ровно-сѣрое, однообразно-унылое. Въ воздухѣ тепло и тихо. Отъ лѣса пахнетъ только что свалившейся вянущей листвой и тонкой сыростью осенняго утренняго тумана.

— Славно! начинать можно!

Братъ бодро хлопаетъ плетью и повертывается къ Машѣ. Черные глаза его весело блестятъ. А она стоитъ у столбика чернаго крыльца, покрывшись большимъ платкомъ, и слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ.

Лицо Маши изъ-подъ накинутаго на голову платка кажется такимъ печальнымъ и милымъ въ своемъ тревожно внимательномъ выраженіи, съ какимъ она смотритъ то на брата, то на небо.

Маша ужъ знаетъ, что теперь онъ забудетъ о ней.

Пришла осень, и на поля опустились утренніе туманы. Лѣсъ по-осеннему сталъ грустно-неподвиженъ. Поля молчатъ... И все молчитъ. Изрѣдка только выскочитъ на опушку заяцъ, приложивъ ухо, и опять уйдетъ въ лѣсъ, осторожно зашуршавъ листьями.

Собаки, почуявъ свою охотничью пору, каждое утро визжатъ у крыльца и просятся въ поля, среди которыхъ затерялся хуторъ.

Онъ весь спрятался въ деревьяхъ, только бѣлая труба да окна съ бѣлыми рамами до половины глядятъ изъ-за густой, еще зеленой сирени.

Братъ, сдвинувъ шапку назадъ и взявъ собакъ на свору, уѣдетъ теперь на цѣлую недѣлю, а Маша будетъ сидѣть въ своей комнатѣ у окна съ березой, терпѣливо ждать и, наклонившись, шить что-нибудь.

Будутъ долгіе осенніе вечера. Вѣтеръ холодный на дворѣ будетъ шумѣть. Облака черныя, осеннія будутъ итти. А ночи станутъ темныя и холодныя...

II.

Уѣхалъ. Бубенчики ужъ едва слышны. Маша все стоитъ на крыльцѣ, у столбика, и смотритъ вслѣдъ. А онъ даже и не оглянулся.

„Ну, чего ей смотрѣть!—думаю я,—вѣдь онъ ужъ мостикъ переѣхалъ и его не видно совсѣмъ. Точно она одна здѣсь остается!“

Мнѣ что-то обидно, и я, надѣвъ свою курточку, ухожу одинъ бродить по опушкамъ.

Прислушиваюсь къ осенней тишинѣ лѣса, къ пышному шороху нѣжно-золотой листвы, которая закрыла рѣдкую, сухую лѣсную траву. И говорю тихонько:

— Осень пришла.

Все опадаетъ. Все уныло—и въ лѣсу, и въ опустѣвшихъ убранныхъ поляхъ.

Вѣтеръ передуваетъ по дорожкамъ опавшіе листья и кружитъ ихъ.

Есть въ этомъ что-то безконечно грустное и хочется присѣсть гдѣ-нибудь на бугоркѣ и смотрѣть на усадьбы. Въ особенности вонъ на ту, что внизу, въ паркѣ, за прудомъ, и съ зеленой крышей. Я все чего-то жду, когда прихожу сюда, на откосъ, и смотрю на нее, запахнувъ поплотнѣе отъ вѣтра курточку.

Вижу я отсюда запертую теперь къ осени купальню, обтянутую парусиной, скамеечку въ аллеѣ и даже березовыя жердочки, положенныя отъ парка черезъ ручей.

А кажется мнѣ, что и эта осень пройдетъ для меня такъ же безслѣдно, какъ всегда, какъ все... И становится грустно и досадно.

И чего такъ разрядились эти осины? Совсѣмъ багряныя! Вѣдь все равно это такъ пройдетъ. Облетятъ листья... Облетятъ, а все чего-то ждешь. И тысячу различныхъ мыслей приходитъ мнѣ въ

голову, такихъ хорошихъ и грустныхъ, какъ эта унылая красота умиранія, какъ эти опустѣвшія и побурѣвшія отъ дождей безконечныя поля.

Если мнѣ дома грустно и одиноко, то вѣдь могу же я сюда приходить! И я прихожу, сажусь на пенекъ и, подперши щеку рукой, смотрю на ту усадьбу.

Видѣлъ я одинъ разъ тамъ чье-то женское платье и бѣлый шарфъ, который носятъ молодыя женщины.

Платье мелькнуло и скрылось за деревьями; а я съ забившимся сердцемъ вскочилъ и ждалъ чего-то.

Чего-жъ я ждалъ? Конечно, ждать нечего. Нечего, а всетаки сидишь и думаешь объ этомъ платьѣ и бѣломъ шарфѣ.

„Что-жъ,— думаю я,— бываютъ всякія случайности. Вотъ я здѣсь. И вотъ береза у меня на дорогѣ. Развѣ думалъ я, что встрѣчу ее когда-нибудь. Такъ и это. Все можетъ быть, все можетъ случиться. Хоть и скоро мнѣ ѣхать отсюда. Быть можетъ, никогда, *никогда* не увижу я больше ни бѣлаго шарфа, ни того съ подгнившими перилами мостика, черезъ который я поѣду отсюда, ни тѣхъ жердочекъ березовыхъ“.

III.

Мы одни съ Машей на хуторѣ. Вечеръ холодный, темный. Совсѣмъ по-осеннему. Хочется зажечь поскорѣе лампу и сидѣть около огонька. Окна слезятся и дрожатъ отъ вѣтра. А печи не топлены.

Маша только что пришла со двора, и щеки у нея холодныя, свѣже-розовыя, а глаза темные и блестятъ. Такъ всегда бываетъ съ холода. Отъ нея пахнетъ свѣжестью и осенью. Она въ свѣтленькой кофточкѣ съ перламутровыми пуговичками и въ бѣленькомъ платочкѣ.

Маша сидитъ въ своей комнатѣ у окна съ лампой на рабочемъ столѣ и, наклонившись, шьетъ. На этомъ столѣ все мнѣ знакомо: и подушечка съ воткнутыми въ нее иголками и булавками, и зашитый кирпичъ, и слабыя, размоловшіяся на винтѣ, ножницы.

Я хожу по комнатѣ, прислушиваюсь къ шуму осенняго вѣтра за окномъ, изрѣдка взглядываю на Машу и все думаю о томъ бѣломъ шарфѣ.

— Маша, у тебя щеки розовыя,—говорю я.

— Это съ холода,—говоритъ Маша.

Да, вонъ дѣло-то куда пошло; щеки ужъ стали розовѣть съ холода.

Я опять хожу отъ окна до шкафа и думаю объ осени.

Нагонитъ она, пожалуй, морозовъ. Не удержатся тогда листья на деревьяхъ, облетятъ всѣ. И тѣ, багряные.

— А кто живетъ въ этой усадьбѣ съ паркомъ, за прудомъ? Это вотъ гдѣ жердочки.

— Помѣщица одна молодая,—говоритъ Маша.—Почему вы спрашиваете?

— Такъ, Маша, просто пришло въ голову,—говорю я и иду къ ней.

Мы сидимъ вмѣстѣ. Вѣтеръ осенній шумитъ. Лампа отражается въ темномъ стеклѣ.

Въ Машѣ есть какая-то милая цѣломудренная простота и задушевность. Она сейчасъ накинула на плечи свой теплый платокъ, и такъ хорошо отъ ея присутствія, отъ ея домашняго теплаго платка на плечахъ.

— Хорошо такъ?—говоритъ она мнѣ просто и довѣрчиво.

Она держитъ на колѣняхъ узоръ и издали любуется работой. Я подхожу къ ней и, чтобъ лучше разсмотрѣть, наклоняюсь къ работѣ. Наши головы совсѣмъ близко другъ отъ друга.

— А какъ ее зовутъ?—спрашиваю я.

— Кого?—говоритъ Маша и, сейчасъ же вспомнивъ, спокойно говоритъ:—Ольга... Николаевна, кажется.

Скоро Маша ложится спать, огонь у нея въ комнатѣ гаснетъ, дверь тихонько изнутри притворяется, и я слышу легкій скрипъ деревянной кровати. Я почему-то съ волненіемъ прислушиваюсь къ этому скрипу и, забывшись, зачѣмъ-то повторяю:

— Ольга...

IV.

Такъ вотъ оно какое платье-то, вотъ онъ какой бѣлый шарфъ-то!

Я сейчасъ стою здѣсь, на откосѣ, смотрю на примятую, рѣдкую, сухую траву, гдѣ мы сидѣли только что, на жердочки вдали, черезъ которыя я проводилъ ее, и не хочется мнѣ уходить отсюда.

Вотъ и встрѣча, хоть и нечаянно. И совсѣмъ просто, такъ что нечего объ этомъ и разсказывать.

Ей 28 лѣтъ. Столько же, сколько и Машѣ. У нея бархатная кофточка и полная молодая грудь, глаза глубокіе, напряженные, и около губъ родинка.

Есть у нея какая-то тоска. О чемъ,—не могу понять.

Какъ будто ранена ея душа чѣмъ-то глубоко. И рана эта болитъ, когда что-нибудь *напомнитъ* ей, что-нибудь вернетъ ее къ какому-то ея прошлому счастью.

И часто, глядя на ея устремленные куда-то вдаль печальные глаза, хочется мнѣ узнать о ея печали и сказать ей что-нибудь или утѣшить.

Не знаю въ чемъ, а есть какое-то сходство у нея съ Машей. Да, должно быть, въ томъ, что обѣ онѣ молодыя женщины и въ нихъ обѣихъ есть то неуловимое, нѣжно-женское, чего мнѣ такъ хочется осенью.

И думаю я: что-жъ ее такъ поразило, когда она увидѣла меня и узнала, что я братъ ихъ сосѣда? Она почему-то смотрѣла на меня нѣсколько времени неподвижно.

— Такъ вотъ какъ...—сказала она, покраснѣвъ, и прибавила:— это такъ неожиданно. Вы чѣмъ-то очень, очень *похожи* на своего брата, но въ то же время вы совсѣмъ другой... Покажите мнѣ ваши глаза,—сказала она вдругъ.

Я повернулъ къ ней лицо, а она долго глядѣла мнѣ въ глаза.

— А глаза голубые,—говоритъ она задумчиво.

„О чемъ-то она тоскуетъ,—думаю я,—не стала бы она такъ смотрѣть".

И теперь на тысячу ладовъ представляю я себѣ ея глаза, ея полную женскую грудь и тонкую цѣпочку на открытой шеѣ, подъ завитками волосъ.

„Надо итти,—говорю я себѣ,—ужъ ночь. Пока дойду, Маша спать ляжетъ, безпокоиться будетъ".

Вотъ ночи-то какія стали!

V.

Въ нашемъ домикѣ темно. Шумитъ въ березахъ холодный вѣтеръ. Черныя осеннія облака идутъ.

Я отпираю самъ дверь. Маша изъ своей комнаты окликаетъ меня. По звуку ея голоса я чувствую, что она раздѣта, лежитъ уже въ постели и сейчасъ, приподнявшись на локтѣ, тревожно прислушивается.

— Это я, Маша,—говорю я.

Иду въ свою комнату, потомъ, постоявъ нѣсколько времени одинъ въ темнотѣ, вхожу къ Машѣ.

Нужно мнѣ хоть кому-нибудь разсказать что-то важное, что случилось со мной. А Машино ровное дыханіе, бѣлизна ея женской постели, которую я видѣлъ и теперь представляю себѣ, на-

конецъ, то, что она знаетъ *ее*,—все это привлекаетъ меня. Тѣмъ болѣе, что есть въ женственности Маши что-то похожее на *ту*, о которой я думаю. Вотъ ея подушка, вотъ теплая сонная рука съ полнымъ нѣжнымъ плечомъ подъ тонкой сорочкой.

Маша вскидывается отъ сна и нѣсколько времени тревожно молчитъ. Я сажусь на край постели. Маша испуганно натягиваетъ на себя одѣяло до подбородка.

— Маша, голубчикъ, я пришелъ тебя спросить, разсказать. Ты завернись въ одѣяло.

Я самъ помогаю ей, завертываю ее въ одѣяло и подтыкаю края, чтобъ не дуло, и начинаю разсказывать все, все.

Маша сначала тревожно и настороженно дышитъ, но потомъ успокаивается. Я даже глажу ея открытую руку, и мнѣ такъ хорошо оттого, что я могу трогать ея руку, гладить плечо, и это ее не пугаетъ и она не можетъ заподозрѣть во мнѣ дурныхъ мыслей. Мнѣ даже хочется сдѣлать что-нибудь еще большее, чтобы Маша увидѣла, насколько я могу быть близокъ къ ней и въ то же время далекъ отъ всякихъ дурныхъ мыслей.

— Вѣтеръ-то какой шумитъ за окномъ, ночь-то какая холодная!—говорю я Машѣ.—Очень ты любишь брата?

— Да,—отвѣчаетъ Маша тихо.

— А какой онъ иногда суровый. И ты не боишься его?

— Боюсь,—говоритъ Маша.

И говоримъ мы съ ней до разсвѣта. Я ощущаю около себя цѣломудренную, мягкую женственность и въ ней чувствую женственность и невыразимую прелесть той, которой нѣтъ здѣсь, но о которой я думаю.

Вѣтеръ въ березахъ шумитъ, черныя осеннія облака идутъ. А въ окнахъ ужъ брезжитъ разсвѣтъ.

День прошелъ. Вечеромъ я иду изъ дому и вижу, какъ проходившая мимо двери Маша остановилась и смотритъ мнѣ вслѣдъ. Я оглянулся, а она, какъ пойманная, поспѣшно скрылась.

VI.

— Вотъ и я!—весело говоритъ Ольга.

„Вотъ и она!“ радостно думаю я и смотрю на ея слегка полную, но легкую фигуру, идущую къ жердочкамъ отъ парка.

Она раскраснѣлась. Этотъ осенній воздухъ такой крѣпкій и свѣжій, что вѣчно разрумянитъ щеки до того, что онѣ горятъ, какъ отъ поцѣлуевъ.

Мы ужъ недѣлю знакомы и видимся каждый день! И оттого я счастливъ бываю каждый день.

— Мнѣ такъ хорошо сегодня!—говоритъ Ольга взволнованно-радостно и, глядя кругомъ съ какимъ-то напряженіемъ, сжимаетъ руки у груди.—Такъ кажется хороша мнѣ жизнь и эта осень!—говоритъ она и съ чувствомъ новизны оглядывается кругомъ.—Посмотрите, вонъ нашъ паркъ, совсѣмъ желтый, золотой весь! Вонъ въ лѣсу осины, совсѣмъ багряныя! Пышно какъ... Осенью я бываю совсѣмъ другая...—говоритъ она задумчиво.—Вѣдь теперь осень и сентябрь? Да?

— Да, сентябрь,—говорю я удивленно, не зная, почему она съ такимъ волненіемъ выговариваетъ эти слова: осень и сентябрь.

— Вонъ откосъ, пойдемте туда, милый! Пойдемте! Какъ я рада, что встрѣтила васъ,—говоритъ Ольга порывисто и долго смотритъ мнѣ въ глаза, какъ будто хочется ей что-то разсмотрѣть въ нихъ. А потомъ, отвернувшись, говоритъ грустно и задумчиво:—Сентябрь... Осень...

Мы долго сидимъ, задумавшись и прижавшись другъ къ другу. Я провожу своей щекой по нѣжному бархату кофточки на ея плечѣ и говорю тихонько:

— Милый другъ, дорогой другъ...

А она какъ будто уже забыла про меня. Глаза ея смотрятъ куда-то вдаль.

— У брата глаза черные?—говоритъ она, повернувшись ко мнѣ.

— Да...—говорю я, не понимая.

— Ну, мнѣ надо итти,—сейчасъ же говоритъ она и встаетъ.

Стала противъ меня и выпрямилась послѣ долгаго сидѣнья. Ея грудь почти касается меня. Вьющіеся золотыми колечками около шеи нѣжные волосы совсѣмъ близко около меня. И вдругъ земля у меня подъ ногами плыветъ куда-то и кружится.

— Я буду *тебя* любить... любить, мой мальчикъ, какъ самаго дорогого брата,—говоритъ она вдругъ тихо и напряженно.—Я буду приходить сюда каждый день...

Я смотрю на нее и мысленно повторяю: *тебя*... любить... *мой*...

— А глаза голубые,—говоритъ она сейчасъ же съ грустной нѣжностью.—Голубые,—повторяетъ она,—а не черные...

VII.

Мнѣ сегодня такъ радостно! Быть можетъ, это оттого, что сегодня день моего рожденія и мнѣ уже 16 лѣтъ. А то, что въ воздухѣ пахнетъ осенью и стоитъ крѣпкій запахъ опавшей, сырой отъ тумана листвы и что береза у окна Машиной комнатки неподвижно, печально свѣсила свои плакучія вѣтки,—это еще

больше увеличиваетъ мою радость и наполняетъ меня новымъ необъяснимымъ желаніемъ чего-то. И я брожу по березовой аллеѣ за домикомъ до самаго вечера. И припоминаю тысячи различныхъ мелочей объ Ольгѣ.

Въ окнѣ я вижу голову Маши. Она, нагнувшись, работаетъ. У нея уже горитъ огонь. Я вижу даже отсюда перламутровыя пуговки на груди ея кофточки.

Я подхожу къ Машѣ. Она поднимаетъ голову и, увидѣвъ, что это я, улыбается и опять нагибается надъ работой. Я сажусь около нея.

А брата съ охоты все еще нѣтъ.

И я радъ этому, потому что есть мнѣ кому разсказывать про свое новое счастье—Машѣ.

— Вотъ этотъ узоръ кривъ немножко у тебя,—говорю я.

Мы, склонившись вмѣстѣ близко головами, разсматриваемъ узоръ, который у нея кривъ.

Вьющіеся золотыми колечками около бѣлой шеи волосы почему-то приковываютъ къ себѣ мой взглядъ. Гдѣ это я видѣлъ такіе?

Передъ сномъ я опять выхожу на дворъ и долго брожу, повторяю кое-какія слова и прислушиваюсь къ нимъ.

Огня у Маши уже нѣтъ. Я ощупью прохожу мимо ея комнаты и зачѣмъ-то трогаю дверь. Она не заперта и оставлена полуоткрытой.

— Ты не спишь, Маша?

— Нѣтъ,—тихо говоритъ Маша изъ темноты.

— Гдѣ ты тутъ? Какъ я тебѣ благодаренъ, что ты не заперла дверь.

— Развѣ я не заперла?... Я, должно быть, забыла, — говоритъ смущенно Маша.

Господи, Боже мой! Да что-жъ такого, что на дворѣ ночь темная, что холодъ стоитъ, а печи не топлены! Вотъ ея полное теплое плечо около меня въ темнотѣ. И сама вся.

— Милая Маша, отчего мнѣ сегодня такъ хорошо? Я не знаю, отчего это такъ. Тебя... любить... мой... Это мнѣ сказалъ одинъ человѣкъ... А тебѣ хорошо со мной?

— Хорошо,—тихо говоритъ Маша.

— И теперь вѣдь ты не боишься меня? Вѣришь мнѣ?

— Вѣрю,—еще тише говоритъ Маша.

И я радъ этому. Маша совсѣмъ повѣрила мнѣ. Она даже забыла затворить дверь.

— „Я буду приходить сюда каждый день“!... Это тоже сказалъ мнѣ тотъ же человѣкъ, Маша. У меня весь день такое радостное чувство, какое и сейчасъ, когда я такъ трогаю и цѣлую у тебя вотъ здѣсь, плечо.

Я на минутку зажмурилъ глаза и ясно, какъ живые, увидѣлъ золотые листья на опушкѣ, завитки женскихъ волосъ около шеи, родинку и черный бархатъ кофточки на полномъ и кругломъ женскомъ плечѣ.

Я провожу щекой по плечу Маши и думаю объ этихъ завиткахъ, о черномъ бархатѣ и о золотыхъ листьяхъ на опушкѣ.

— А кто сказалъ эти слова?...

— Какія, Маша?

— Да вотъ тѣ, что вы говорили...

И я чувствую, что Маша не рѣшается ихъ выговорить и почему-то смущена и жалка, говоря это.

— Я знаю, *кто* это сказалъ,—говоритъ она, какъ будто сдѣлавъ усиліе.

— Вотъ здѣсь у тебя такъ же нѣжно, какъ у того человѣка,— говорю я Машѣ.

Она, притихнувъ, молчитъ.

— А вотъ ты, Маша, и любишь брата и боишься; развѣ такъ бываетъ?—спрашиваю я.

Маша ничего не говоритъ. Она только взяла мою руку и смущенно гладитъ ее.

— Тебѣ очень скучно и одиноко, когда онъ уѣзжаетъ?

Маша опять молчитъ и вдругъ, вмѣсто отвѣта, обнимаетъ меня лѣвой рукой и въ первый разъ цѣлуетъ меня и въ голову, и въ глаза. И я чувствую, что она плачетъ и не можетъ сдержать слезъ.

— Маша, милая! Что ты?—говорю я въ тревогѣ.

— Ничего, ничего,—говоритъ Маша, стараясь улыбнуться,— это сейчасъ пройдетъ.

А уже разсвѣтъ, и надо итти.

— Ну, Маша, я пойду,—говорю я,—ночь-то прошла ужъ.

Маша не отвѣчаетъ и, сидя на постели въ тонкой сорочкѣ, тихо и нѣжно цѣлуетъ меня и въ голову, и въ глаза, и въ щеки, такъ что мнѣ и смѣшно, и щекотно.

VIII.

Звенятъ бубенчики.

— Ѣдетъ! Наконецъ-то!—кричу я Машѣ, которая достаетъ что-то ложкой изъ стеклянной банки.

Маша роняетъ ложку въ банку и блѣднѣетъ.

Это отъ неожиданности.

Маша вышла встрѣтить его и скоро ушла куда-то. Она сегодня блѣдная какая-то.

Вечеромъ, я видѣлъ, братъ заходилъ къ ней въ комнатку и сказалъ ей что-то тихонько, а Маша вся поблѣднѣла и крѣпко закусила губы.

— Маша, я пойду немного пройдусь: гдѣ же братъ?—говорю я и снимаю съ гвоздика ружье.

Маша поднимаетъ голову отъ работы и смотритъ на меня долго-долго и печально.

— Вы *туда* пойдете?—говоритъ она чуть слышно.

Я иду и, оглянувшись на поворотѣ въ опушку, вижу, что Маша стоитъ у двери и печально смотритъ мнѣ вслѣдъ.

Межъ старыми липами за садовой оградой, гдѣ насыпались желтые листья, мелькаетъ платье.

Сердце бьется вдвое сильнѣй, а щеки горятъ отъ осенней крѣпкой свѣжести.

— Куда это братъ ѣздилъ?—говоритъ Ольга.

Она даже задержала дыханіе и ждетъ моего отвѣта.

— На охоту,—говорю я.—Здравствуйте.

Она перевела духъ, какъ будто отъ быстрой ходьбы или отъ волненія.

— Здравствуйте, милый другъ.

Я беру ее подъ руку, мы идемъ на опушку и садимся подъ березкой.

Но я не понимаю Ольги. Видитъ Богъ, что не понимаю. И это мучительно. Иногда она ласкаетъ мои волосы, гладитъ ихъ рукой и задумчиво говоритъ:

— Какъ все проходитъ... все!...

Иногда возьметъ руками мою голову, повернетъ къ себѣ и долго, долго смотритъ въ глаза, какъ будто что-то сравнивая, и когда я подниму ихъ на нее, она печально улыбнется мнѣ и скажетъ:

— А глаза—голубые...

И отчего у нея въ словахъ сквозитъ какая-то тоска? А сквозь тоску такая нѣжность, что хочется закрыть глаза и забыть все, все.

Но, когда я, обнявъ ее, хочу тихонько привлечь къ себѣ, Ольга печально, какъ будто отъ всей души сожалѣя, что можетъ этимъ обидѣть меня и сдѣлать мнѣ больно, тихонько отведетъ мою руку.

— *Ты* не любишь меня,—говорю я.

— Милый, милый мой!—говоритъ она въ порывѣ нѣжности и сожалѣнія о томъ, что я что-то совсѣмъ не такъ понимаю.

Это ей больно. И не знаетъ она, какъ съ этимъ быть.

— Я люблю *тебя*, люблю тебя, мой мальчикъ,—повторяетъ она съ силой и приближаетъ свое лицо ко мнѣ такъ близко, что я слышу тонкій запахъ ея волосъ.

— Глаза мои милые,—говоритъ она тихо и печально.—Голубые.

Сладкій туманъ начинается у меня отъ сердца, идетъ и разливается по всему тѣлу.

— Если-бъ я могла тебѣ объяснить!... Если-бъ я могла тебѣ разсказать...—говоритъ она.—Нѣтъ, не надо, пусть будетъ такъ, *какъ есть*... Только пообѣщай мнѣ, дай мнѣ слово, что не будешь меня трогать, какъ... сейчасъ ты хотѣлъ. Позволь мнѣ ласкать твои волосы, смотрѣть тебѣ въ глаза, въ голубые, цѣловать ихъ. Но ты будь совсѣмъ спокоенъ. Совсѣмъ, совсѣмъ. Обѣщаешь?

И я обѣщаю ей все. И чувствую, какъ впервые ея губы касаются моихъ глазъ.

И я говорю въ забытьѣ:

— Какъ хорошо... Ну, еще, еще.

Голова моя лежитъ у нея на колѣняхъ, она, склонившись надо мной, цѣлуетъ меня еще и еще.

— Я всегда буду помнить тебя, мою невинную встрѣчу. Я навсегда сохраню память о ней. Ты вѣдь никого не заставишь страдать? Не такъ, какъ *другіе*...—говоритъ она со страннымъ выраженіемъ напряженности, приближая ко мнѣ свое лицо.—И не презиралъ бы ты человѣка, который не имѣетъ силы быть настолько внутренно гордымъ (о, наружно онъ гордъ!), чтобы не думать о тѣхъ, кто забылъ про него, чтобы не искать страстно, до боли каждый намекъ на него, каждое сходство.

Грудь ея взволновалась, быстро поднимается и опускается.

— Ты о комъ говоришь?—спрашиваю я.—О какомъ человѣкѣ?

Ольга молча смотритъ на меня нѣсколько времени.

— О... кузинѣ моей Анютѣ,—говоритъ она наконецъ и почему-то, охладѣвъ, сейчасъ же встаетъ.—Надо итти, ночь.

— Прощай,—говорю я и приближаю свое лицо къ ней.

Она, не понимая, какъ-то отчужденно, смотритъ на меня.

— Можно?—тихо говорю я.

Она молча подставляетъ мнѣ свои глаза.

— Почему не губы? Почему?—говорю я.

— Потому что это будетъ уже... *не то*,—говоритъ Ольга.

Она смотритъ на меня и, показывая на мою руку, говоритъ:

— Отчего она у тебя такъ дрожитъ?

— Я не знаю,—говорю я и самъ смотрю на руку.

— Да, правда, дрожитъ,—говорю я удивленно.

Глаза Ольги сквозь улыбку наполняются слезами, она, вдругъ порывисто обнявъ, цѣлуетъ меня и въ промежуткахъ говоритъ:

— Милый, бѣдный мальчикъ.

И... что-жъ дальше? Не помню ужъ хорошенько.

— Нѣтъ!... Милый, милый! Такъ не надо! Не надо такъ!

Это говоритъ Ольга. Она испугана. Но, очевидно, увидавъ что-нибудь по моимъ глазамъ, она какъ-то смягчается, въ глазахъ блестятъ слезинки.

Она гладитъ меня по волосамъ, цѣлуетъ въ глаза такъ тихо, такъ нѣжно, что хочется закрыть ихъ или заплакать.

— Не надо такъ, мой милый! Не надо такъ, мой хорошій! Развѣ тебѣ безъ этого не хорошо со мной? — говоритъ она съ дрожью нѣжности въ голосѣ.—Развѣ не хорошо?

Я смотрю на нее и говорю тихонько:

— Я... люблю тебя.

— Скажи мнѣ,—говоритъ Ольга, — могъ бы ты любить человѣка, если-бъ онъ не любилъ тебя, или нѣтъ: любилъ бы, но только недолго... одну только осень, а потомъ промѣнялъ бы тебя на... самаго обыкновеннаго человѣка, болѣе удобнаго для него?

И она смотритъ на меня такъ напряженно, какъ будто этотъ вопросъ почему-то особенно важенъ для нея и мучителенъ.

— Нѣтъ,—говорю я горячо.—Ни за что! Это оскорбительно.

Она съ остановившейся грустной улыбкой смотритъ на меня и говоритъ:

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, что такъ мало знаешь жизнь и горе, и... свою душу. А я... говоритъ она, какъ будто вдругъ на что-то рѣшившись, и глаза ея, расширившись, испуганно смотрятъ на меня.—А со мной это было!

У меня тоскливо сжимается что-то въ груди и къ горлу подкатывается тяжелый комъ.

— И это давно было? Кто это былъ?—тревожно спрашиваю я.

— Кто?... — быстро переспрашиваетъ Ольга. — Ты спрашиваешь, *кто?*

Она держитъ мою руку и нѣсколько времени какъ-то странно смотритъ мнѣ въ глаза, какъ будто у нея сейчасъ, сейчасъ можетъ сорваться одно какое-то слово и ошеломить меня.

Но это продолжается нѣсколько секундъ. Ольга сейчасъ же, какъ бы испугавшись, что далеко зашла, говоритъ поспѣшно:

— Это былъ одинъ знакомый... Это ужъ прошло. Это было давно. Теперь этого совсѣмъ нѣтъ. Совсѣмъ же нѣтъ!—говоритъ она, сжимая мою руку у своей груди съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, какъ будто проситъ, чтобы я ей ради Бога повѣрилъ, что теперь нѣтъ.

— И теперь я люблю только тебя. Только *эти* глаза! — говоритъ она съ какимъ-то напряженіемъ нестерпимаго страданія, глядя мнѣ въ глаза и сжимая свои маленькія руки. — И никого больше. Никого!... О, Господи.

И она цѣлуетъ меня такъ долго, такъ напряженно, какъ будто ужъ не меня, а себя хочетъ убѣдить въ чемъ-то.

— Смотри, ты не скажи своему брату,—говоритъ она,—что я тебя цѣловала! А то онъ истолкуетъ это по-своему, т.-е. совершенно не такъ, *какъ есть.*

Она идетъ. А я долго стою и смотрю вслѣдъ. Потомъ срываю нѣсколько листьевъ съ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и прячу ихъ въ боковой кармашекъ, чтобъ послѣ вспомнить объ этой осени.

Братъ сидитъ въ Машиной комнатѣ и что-то говоритъ громко и раздраженно. Слышу я только послѣднія слова, которыя онъ говоритъ, топнувъ ногой.

— Нѣтъ, я вижу, что перемѣнилась!

Маша стоитъ понурая, печальная и перебираетъ руками край чернаго фартука. Она блѣдная, печальная, совсѣмъ какъ монашенка.

Спать ужъ пора. Ночь то совсѣмъ нависла надъ домикомъ.

Я выхожу на крыльцо послушать, какъ шумитъ осенній вѣтеръ, посмотрѣть, какъ темно на дворѣ, и какъ холодна осенняя ночь.

Около столбика перилъ стоитъ какая-то женская фигура, какъ будто она ждала кого-то. И сейчасъ же подходитъ ко мнѣ.

— Это ты, Маша?—говорю я удивленно.—Чего же ты мерзнешь здѣсь?

Въ это время слышенъ голосъ брата. Онъ зоветъ Машу. Она вздрагиваетъ какъ-то странно.

— Господи,—говоритъ она, тяжело вздохнувъ, какъ будто въ какой-то безысходной тоскѣ и мукѣ.

Огонь изъ комнаты брата идетъ по окнамъ, переходитъ въ окно Машиной комнаты и останавливается тамъ. Полоса свѣта изъ окна ложится на кустъ сирени.

— Ступай, Маша, онъ зоветъ тебя зачѣмъ-то,—говорю я.

Она какъ-то жалко, виновато гладитъ мою руку, и я, привыкнувъ къ темнотѣ, вижу ее поблѣднѣвшее милое лицо.

— Ну, что съ тобой?—говорю я.—Ты сегодня какая-то странная... Братъ опять зоветъ.

Она вдругъ нервно стискиваетъ мою руку, точно у нея едва хватаетъ силы что-то сдержать въ себѣ, и убѣгаетъ.

Я ложусь спать. Покрывшись съ головой одѣяломъ, поджимаю подъ себя ноги и обхватываю ихъ покрѣпче руками. Шепчу что-то въ подушку, отъ счастья цѣлую ее и, вспоминаю все, все, что было: слова, бархатную кофточку, золотистыя колечки волосъ около женской шеи и родинку около губъ.

На сиреневомъ кустѣ долго стоитъ свѣтъ. И ужъ въ полуснѣ я слышу, какъ въ комнатѣ брата кто-то сердито хлопнулъ дверью.

Свѣтъ на сиреневомъ кустѣ погасъ.

IX.

Сегодня я ѣду. Быть можетъ, навсегда изъ этого уголка. Въ послѣдній разъ видѣлъ я Ольгу, бархатную кофточку и бѣлый шарфикъ. Осень глубокая. Листья ужъ всѣ облетѣли, и золотые, и багряные. И только кое-гдѣ оставшіеся, одинокіе, печально шелестятъ при вѣтрѣ.

Пустыя аллеи всѣ засорены ими. Теперь ужъ ихъ не метутъ: холодно.

А скоро будутъ топить и печи.

Звенятъ бубенчики. Это лошади поданы... Мнѣ. Уѣзжать...

Я собираю разныя вещи, и въ столѣ попадается мнѣ записная книжка брата. Она прошлогодняя. И на чистой страницѣ чьей-то женской рукой быстрымъ порывистымъ почеркомъ написано:

„Осень, сентябрь 19..“—и только.

Въ окно я вижу березку и ту аллею, по которой я бродилъ одинъ вечеръ и смотрѣлъ на окно Машиной комнатки. Я выхожу въ сѣни, тамъ стоитъ Маша. Глаза ея совсѣмъ заплаканы, а носъ покраснѣлъ. Видно, она часто сморкалась, когда плакала о чемъ-то. И вся она такая жалкая въ своемъ какомъ-то горѣ, что хочется разспросить ее обо всемъ и, чѣмъ можно, утѣшить.

Она хочетъ мнѣ что-то сказать и никакъ не можетъ выговорить.

— Не забы... Не забыва...—говоритъ она, силясь улыбнуться мнѣ.

Въ домѣ слышны шаги брата. Маша быстро скрывается за дверью.

Вещи выносятся. Смотрю я на остающійся домикъ со столбиками на черномъ крыльцѣ, съ березой у окна, и становится мнѣ грустно.

— А гдѣ же Маша?—тревожно и хмуро говоритъ братъ.

Нѣтъ Маши. Вышла куда-нибудь.

Грустно мнѣ потому, что вотъ теперь пойдутъ долгіе вечера. Маша будетъ сидѣть въ своей комнатѣ и шить. А ночи будутъ холодныя. Морозы уже были.

Домикъ остается позади. Видна еще береза у окна Машиной комнаты. Небо ровно сѣрое и неподвижно унылое. Прудъ холодный, по-осеннему прозрачный, съ тиной у береговъ.

А на грязь дороги насорились пожелтѣвшіе листья.

Сейчасъ отъ мостика будетъ видна усадьба и домъ съ колоннами. Виденъ будетъ паркъ за прудомъ и жердочки. Въ послѣдній разъ.

— Вонъ паркъ, вонъ купальня,—говорю я, приподнимаясь,— вонъ крыша зеленая.

И вижу: Маша на мостикѣ стоитъ, покрытая большимъ платкомъ. Вѣтеръ открылъ его и треплетъ концы, а она не замѣчаетъ этого и только смотритъ на подъѣзжающій экипажъ.

— Прощайте,—говоритъ она.—Прощайте...

— Прощай, Маша, прощай,—отвѣчаю я и думаю: зачѣмъ она сюда попала? Ходила куда-нибудь?

— А вонъ и жердочки,—говорю я себѣ, боясь пропустить. — Вонъ онѣ, я и сейчасъ еще вижу. Въ послѣдній разъ.

П. Романовъ.

Лхонтово.

Восьмистишія.

1.

Въ душную улицу липовымъ цвѣтомъ
Сладко повѣяло. Нищій мой другъ!
Есть вѣдь деревья, цвѣтущія гдѣ-то,
Дѣвы и дѣти, покой и досугъ.

Ты ль не измученъ! Но трудную долю
Развѣ не самъ, какъ хозяинъ, ты взялъ?
Молча великій творитъ свою волю,
Стонетъ лишь тотъ, кто ничтоженъ иль малъ.

2.

Въ сосѣдней комнатѣ шаги...
Она пуста, и пустъ весь домъ.
Дожди давно ужъ за окномъ
Звенятъ мечами, какъ враги.

Кто тамъ пришелъ? Кто ходитъ тамъ?
Не бойся, появись, войди!
И съ сожалѣньемъ погляди:
Какъ тѣнь, какъ призракъ, сталъ я самъ.

3.

Невѣроятные закаты
Меня замучили тоской:
Чей на землѣ я, и какой—
Благословенный, иль проклятый.

Людей люблю, люблю природу,
Но въ нихъ единства не найду.
И оттого, какъ змѣй въ аду,
Взываю къ огненному своду.

Сергѣй Городецкій.

Очерки по исторіи естествознанія въ Россіи въ XVIII столѣтіи.

ГЛАВА I.

Вводныя замѣчанія.

1. Отъ автора.—2. Непрерывность научнаго творчества Россіи съ начала XVIII столѣтія.—3. Отсутствіе въ немъ преемственности и традицій.—4. Научное творчество и научное образованіе.—5. Научное творчество, какъ часть національной культуры.—6. Единство процесса развитія научной мысли.—7. Общеобязательность научныхъ результатовъ.

1. Съ большими сомнѣніями и съ большими колебаніями приступаю я къ этой работѣ.

Ясно и безспорно вижу я всю трудность поставленной мною задачи. Ярко чувствую я малую подготовленность натуралиста при переходѣ отъ лабораторной, полевой или наблюдательной работы въ область историческихъ изысканій. Ибо развитіе научной мысли находится въ тѣснѣйшей и неразрывной связи съ народнымъ бытомъ и общественными установленіями—ея развитіе идетъ въ сложной гущѣ исторической жизни, и лишь долгимъ усиліемъ научной работы и историческаго творчества могутъ быть въ хаосѣ прошлаго отысканы основанія, которыя поддерживаютъ современныя научныя построенія, тѣ корни, которые дадутъ ростки въ будущемъ развитіи научныхъ исканій. Работа ихъ отысканія по методамъ изслѣдованія и по характеру подготовительныхъ знаній рѣзко отличается отъ той, къ какой привыкли мы въ нашей области мертвой или живой природы, столь далекой отъ сложныхъ и капризныхъ проявленій человѣческой личности, ея психической жизни или соціальныхъ отношеній. Она требуетъ такихъ навыковъ работы, которые отсутствуютъ у натуралиста, жившаго въ другой области научнаго мышленія.

Эти обычныя для историка науки трудности усилены сейчасъ тѣмъ, что исторію естественно-научной и математической мысли въ Россіи при-

ходится набрасывать, кажется, въ первый разъ. Но какъ разъ это последнее обстоятельство и заставляетъ меня оставить въ сторонѣ свои колебанія и выступить здѣсь съ своимъ изложеніемъ. Ибо для меня стоитъ внѣ сомнѣній необходимость пониманія русскимъ обществомъ значенія въ исторіи человѣческой мысли своей былой научной работы. Это необходимо не только для правильнаго самоопредѣленія русскимъ обществомъ своего значенія въ исторіи человѣчества, не только для выработки правильнаго національнаго чувства,—это необходимо прежде всего для дальнѣйшаго роста и укрѣпленія научной работы въ нашей родинѣ... На каждомъ шагу мы чувствуемъ тотъ вредъ, какой наносится дальнѣйшему научному развитію въ нашей странѣ полнымъ отсутствіемъ историческаго пониманія его прошлаго, отсутствіемъ въ этой области исторической перспективы. Все прошлое въ области научной мысли представляется для широкихъ круговъ русскаго общества tabula rasa. Лишь изрѣдка мелькаютъ въ немъ ничѣмъ не связанныя отдѣльныя имена русскихъ ученыхъ.

Вслѣдствіе этого, не охраняемая и не оберегаемая національнымъ сознаніемъ, наука въ Россіи находится въ пренебреженіи, и русскимъ ученымъ приходится совершать свою творческую работу въ полномъ безсиліи защитить элементарныя условія научной дѣятельности.

Принимая даже во вниманіе общія тяжелыя условія жизни для человѣка XX вѣка въ обветшалыхъ, несовершенныхъ и во многомъ дикихъ условіяхъ нашего политическаго строя,—даже въ этихъ печальныхъ рамкахъ научная работа могла бы быть поставлена лучше, если бы русское общество больше сознавало и понимало ея національное значеніе. Наука и научное творчество являются столь же далекими отъ политики, какъ и искусство. Имъ нѣтъ дѣла до борьбы политическихъ партій, они не связаны прямо съ государственнымъ строемъ. Въ государственномъ быту, гдѣ правительственная власть или поддерживающіе ее общественные слои стоятъ на высотѣ своей задачи, наукѣ нѣтъ дѣла до политическаго строя. Но у насъ наука находится въ полной власти политическихъ экспериментовъ, и, напр., исторія нашей высшей школы вся написана въ этомъ смыслѣ страдальческими письменами. Русское общество, безъ различія партій, должно понять, что наука, какъ національное благо, должна стоять выше партій. Оно поняло и привыкло цѣнить русскую изящную литературу, русское искусство, русскую музыку. Для него ясно ихъ міровое значеніе, ихъ тѣсная связь со всей сознательной исторической жизнью народа. Но оно не сознаетъ до сихъ поръ, что совершенно на-ряду съ этими сторонами его культурной работы стоитъ и его творческая и изслѣдовательская научная работа въ теченіе послѣднихъ десяти поколѣній. Отсутствіе этого сознанія и пониманія представляетъ главную причину,

почему въ борьбѣ за политическія цѣли дня не охраняются у насъ вѣчные интересы научной мысли, почему, съ другой стороны, такъ бѣдно, позорно бѣдно обставлена научная дѣятельность въ Россіи и такъ жалки въ этомъ отношеніи условія, въ которыхъ приходится работать русскимъ ученымъ. Умершій въ 1912 году выдающійся русскій физикъ П. Н. Лебедевъ создавалъ школу физиковъ въ подвальномъ этажѣ физическаго кабинета московскаго университета, самаго богатаго въ то время по научной обстановкѣ университета Россіи. Онъ закончилъ свою полную научнаго творчества жизнь въ неналаженной обстановкѣ городского университета Шанявскаго. Единственная въ Россіи Императорская академія наукъ въ рядѣ своихъ учрежденій обставлена была до самаго послѣдняго времени, а отчасти и до сихъ поръ, нищенски, и ея средства—до новыхъ штатовъ 1912 года—были несравнимы съ академіями маленькихъ государствъ Запада, не говоря уже о научныхъ созданіяхъ великой англо-саксонской расы, Штатовъ Сѣверной Америки...

2. Приступая къ изложенію исторіи въ Россіи одной изъ главнѣйшихъ областей научной мысли, я вынужденъ остановиться на характерныхъ для нея общихъ условіяхъ развитія, частью связанныхъ съ особенностями русской культуры, частью зависящихъ отъ своеобразнаго положенія научнаго творчества въ міровой исторіи.

Изучая исторію научной работы въ Россіи, прежде всего видишь, что творческая и изслѣдовательская работа русскаго общества идетъ все время безъ перерыва, какимъ-то стихійнымъ процессомъ, вопреки тѣмъ невозможнымъ условіямъ, въ какія она ставится исторической обстановкой. Мы видимъ, что ростъ научной мысли и научной работы въ области естествознанія и математики, вызванный превращеніемъ Московской Руси въ Россійскую имперію, начатый въ русскомъ государствѣ и обществѣ иниціативой Петра Великаго, не остановился и въ тѣ десятилѣтія разрухи и государственной или правительственной анархіи, какія были созданы въ Россіи неспособностью или нравственной ничтожностью его преемниковъ и низкимъ уровнемъ организаціи правительства.

Научная работа націи можетъ совершаться подъ покровомъ волевого, сознательнаго стремленія правительственной власти и можетъ итти силою волевыхъ импульсовъ отдѣльныхъ лицъ или общественныхъ организацій при безразличіи или даже противодѣйствіи правительства. Однако, она находится въ прочномъ расцвѣтѣ лишь при сознательномъ единеніи этихъ обѣихъ жизненныхъ силъ современнаго государства.

Въ Россіи начало научной работы было положено правительствомъ Петра, исходившаго изъ глубокаго пониманія государственной пользы. Но эта работа быстро нашла себѣ почву въ общественномъ сознаніи и не прерывалась въ тѣ долгія десятилѣтія, когда изсякала государственная поддержка научнаго творчества.

Въ эти періоды научная работа находила себѣ другіе пути и другую опору. Въ XVIII и XIX вѣкахъ въ Россіи почвой, поддерживавшей научную работу въ изучаемыхъ областяхъ знанія, были: высшая школа, государственныя предпріятія въ связи съ завоевательной политикой, многовѣковое стремленіе внутрь Азіатскаго материка, развитіе горнаго дѣла и медицины, исканіе военной мощи и морского могущества.

Мы видимъ здѣсь, въ исторіи Россіи, повтореніе того, что наблюдалось и въ исторіи другихъ странъ. И тамъ—помимо сознательной поддержки государства—научная творческая работа находила себѣ мѣсто въ учрежденіяхъ, создаваемыхъ государствомъ съ другой цѣлью, или въ государственныхъ предпріятіяхъ, казалось, далекихъ отъ всякихъ научныхъ интересовъ.

Однако, напрасно было бы думать, что это неизбѣжно и что научная работа всегда сопровождаетъ эти проявленія государственной жизни. Легко убѣдиться, что это не такъ; что она находитъ себѣ тамъ мѣсто лишь при наличности въ *странѣ*, въ обществѣ научной творческой мысли, людей, ею охваченныхъ, съ одной стороны, и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ—съ другой. Въ одной и той же странѣ она можетъ въ разное время проявляться въ однихъ предпріятіяхъ или организаціяхъ и отсутствовать въ другихъ. Въ этомъ выражается конкретная историческая обстановка даннаго времени и даннаго народа.

Такъ, напр., мы напрасно стали бы искать научной творческой работы въ области естествознанія и математики во французскихъ университетахъ XVII и XVIII вѣковъ (какъ и въ большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ XVII столѣтія). Во Франціи научная работа, слабо поддерживаемая въ это время государственной властью, находила себѣ мѣсто въ другихъ областяхъ—въ государственныхъ военныхъ предпріятіяхъ, въ свободныхъ академіяхъ, въ независимой отъ государства средѣ общества, среди богатыхъ или обезпеченныхъ свѣтскихъ людей, среди врачей, аптекарей, горныхъ дѣятелей, духовенства.

Въ исторіи отдѣльныхъ народовъ и сильныхъ государствъ, ведшихъ энергичную политику, бывали періоды, когда естественно-научная творческая работа совсѣмъ отсутствовала. Такъ, ея не было въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Польской Рѣчи Посполитой, хотя въ ней были и образованные, богатые слои общества, существовали высшія школы, велись крупныя государственныя предпріятія. Цѣлыми поколѣніями отсутствовала она въ исторіи Испаніи, Португаліи, Венгріи въ разныя времена ихъ государственной жизни. Само собой разумѣется, ея не было въ государствахъ, которыя, какъ государство Османовъ, вели даже міровую политику—въ XVI—XVII вѣкахъ и стояли въ это время на высокомъ уровнѣ въ области военной техники, творили въ области искус-

ства, но въ которыхъ общество было совершенно оторвано отъ общенія съ культурнымъ человѣчествомъ.

Для Россіи чрезвычайно характерно, что вся научная творческая работа въ теченіе всего XVIII и почти вся въ XIX вѣкѣ была связана прямо или косвенно съ государственной организаціей: она или вызывалась сознательно государственными потребностями или находила себѣ мѣсто, неожиданно для правительства и нерѣдко вопреки его желанію, въ создаваемыхъ имъ или поддерживаемыхъ имъ для другихъ цѣлей предпріятіяхъ, организаціяхъ, профессіяхъ. Она создавалась при этомъ интеллигенціей страны, представителями свободныхъ профессій, дѣятельность которыхъ такъ или иначе признавалась государствомъ ради приносимой ими конкретной пользы—профессоровъ, врачей, аптекарей, учителей, инженеровъ,—создавалась ихъ личнымъ усиліемъ, по личной инниціативѣ, или путемъ образуемыхъ ими организацій. Эту работу вели состоящіе на государственной службѣ ученые, чиновники или офицеры, по своему собственному почину творившіе научную работу, и въ тѣхъ случаяхъ, когда это не вызывалось государственными потребностями дня.

Чрезвычайно характерно для русской жизни, что широкія, болѣе обезпеченныя массы населенія—православное духовенство и помѣстное дворянство—почти совершенно не участвовали въ этомъ національномъ дѣлѣ. Въ традиціи православнаго духовенства никогда не входило исполненіе этой задачи; въ этомъ оно рѣзко отличалось отъ духовенства католическаго или протестантскаго, среди котораго никогда не изсякала естественно-научная творческая мысль и естественно-научная работа. Исторія естествознанія числитъ тысячи лицъ, которыя могли творить и совершать научную работу внѣ всякой зависимости отъ государства, въ нѣдрахъ церкви. Нѣтъ надобности углубляться въ далекіе вѣка. Не говоря о служителяхъ свободныхъ протестантскихъ церквей, достаточно вспомнить для второй половины XIX столѣтія, въ гораздо болѣе централизованной католической церкви, Менделя, ставившаго свои опыты надъ наслѣдственностью въ тиши моравскаго монастыря, или Секки, работавшаго въ Римѣ въ папской астрономической обсерваторіи. И сейчасъ сотни, если не тысячи ученыхъ натуралистовъ являются служителями христіанскихъ церквей. Уровень естественно-историческаго образованія въ западной духовной средѣ не ниже, а можетъ быть, для протестантскаго духовенства выше уровня естественно-историческаго образованія родного ему общества. Но такихъ ученыхъ натуралистовъ православное духовенство почти не имѣетъ и почти не имѣло въ своей средѣ.

Въ исторіи русской православной церкви извѣстны даже попытки вызвать эту работу, исходившія извнѣ, напримѣръ, попытки Петра создать китайскія миссіи изъ образованныхъ духовныхъ и въ то же время врачей—правда, съ цѣлями государственными,—попытки, кончившіяся

полнѣйшей неудачей. Въ многовѣковой долгой исторіи русской церкви едва можно назвать нѣсколько именъ, сознательно относившихся къ окружающей ихъ природѣ или углублявшихся въ міръ математики. Но среди нихъ нѣтъ ни одного выдающагося ученаго.

Несомнѣнно, эта характерная особенность русскаго духовенства не могла не отразиться на исторіи естествознанія и математики въ русскомъ обществѣ. Въ странѣ создавалось рѣзкое дѣленіе на два міровоззрѣнія, которыя по возможности не сталкивались. Поэтому въ исторіи естествознанія въ Россіи почти отсутствуютъ столкновенія съ церковью или ея служителями, вызываемыя тѣми или иными выводами науки или научнаго міровоззрѣнія даннаго историческаго момента, которыя казались несовмѣстимыми съ міропониманіемъ христіанства. Вся работа русскаго общества, происходившая въ области научнаго творчества въ математикѣ и естествознаніи, стояла внѣ кругозора православнаго духовенства, представляла для него чуждую область, въ которой оно не могло разбираться. Очевидно, поэтому служители русской церкви не могли имѣть авторитета въ своихъ возраженіяхъ. Вся апологетическая литература православнаго духовенства въ этомъ смыслѣ могла совершенно не приниматься во вниманіе—и никогда не принималась во вниманіе—въ научной русской мысли. Несомнѣнно, этимъ путемъ достигалась въ Россіи та внутренняя свобода изслѣдованія, которая въ такой мѣрѣ отсутствовала въ научной культурной средѣ Запада, гдѣ духовенство всегда было сильно своими представителями, активно работавшими въ научныхъ исканіяхъ и измѣнявшими благодаря этому отношеніе къ церкви и къ христіанскому ученію широкихъ слоевъ научныхъ работниковъ. Оно тамъ являлось умственной силой, съ которой всегда должна была считаться—нерѣдко бороться—научная мысль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе этого элемента въ русской исторіи сказалось въ глубокомъ, духовномъ раздвоеніи русскаго образованнаго общества: рядомъ существовали—почти безъ соприкосновенія—люди двухъ разныхъ системъ образованія, разнаго пониманія. Въ Россіи можно быть образованнымъ человѣкомъ въ XX вѣкѣ, стоя совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ знаній и пониманій, которыя сейчасъ охватываютъ своимъ вліяніемъ всю жизнь человѣчества и съ каждымъ годомъ растутъ въ своемъ значеніи. Русское духовенство не было чуждо научному мышленію—въ областяхъ наукъ историческихъ и филологическихъ, но оно представляетъ образованный классъ, чуждый точнымъ наукамъ, т.-е. чуждый духу времени. Это раздвоеніе образованнаго общества вредно отразилось на развитіи естествознанія въ Россіи, такъ какъ оно поддерживало отношеніе къ нему, какъ къ чему-то случайному въ міровоззрѣніи и знаніяхъ современнаго человѣчества, что можно не принимать во вниманіе при сужденіи объ окружающемъ. А между тѣмъ мы

видимъ, что научное міровоззрѣніе, проникнутое естествознаніемъ и математикой, есть величайшая сила не только настоящаго, но и будущаго. Эта сила не достаточно культивировалась въ Россіи.

Въ то же время естествознаніе лишалось тѣхъ средствъ глубокаго проникновенія въ глухіе уголки русской природы, которыя всегда и всюду доставляли ему служители церкви. Достаточно вспомнить многовѣковую научную работу католическихъ или протестантскихъ миссій въ заморскихъ странахъ, работу католическихъ монаховъ въ Америкѣ въ XVI или XVII вѣкахъ. Исторія изученія мѣстнаго естествознанія на Западѣ и всюду, куда проникала европейская культура, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ работой служителей церкви; этотъ элементъ отсутствовалъ въ исторіи изученія русской природы. Исторія христіанскихъ западно-европейскихъ миссій, ихъ развитія и вхожденія въ новую страну совпадаетъ съ исторіей распространенія естествознанія. Въ каждую новую страну, открываемую христіанству, входилъ и входитъ въ лицѣ служителей Евангелія натуралистъ. Ничего подобнаго не было въ исторіи миссій православной церкви или было въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Въ лицѣ католическихъ монаховъ натуралистъ вступилъ на дѣвственную почву Новаго Свѣта вмѣстѣ съ Колумбомъ, онъ проникъ въ глубь черпаго континента Африки съ первыми миссіонерами, положилъ въ лицѣ католическихъ и протестантскихъ духовныхъ начало изученію природы Америки и Китая. Но его не было среди русскаго духовенства, насаждавшаго христіанскую культуру у инородцевъ сѣвера Россіи, востока ея, Сибири. Чувство красоты природы, столь ярко сказывающееся въ выборѣ мѣстъ для монастырей и неразрывно связанное съ самоуглубленіемъ человѣческой личности, ни разу въ теченіе долгихъ вѣковъ не вызвало въ русскихъ монастыряхъ работы научнаго углубленія въ окружающее; его не дала и жизнь русскаго сельскаго священника. Духовенство въ вѣковой своей жизни прошло черезъ русскую природу, научно ее не видя и ею незатронутое въ своемъ мышленіи...

Точно такъ же была лишена область научныхъ исканій въ Россіи еще болѣе важной поддержки наиболѣе богатаго и относительно болѣе образованнаго (послѣ духовенства) господствующаго сословія—помѣстнаго дворянства. Описывая сейчасъ прошлое естествознанія въ Россіи, поражаешься, до какой степени мало дало ему русское помѣстное дворянство, какъ разъ то сословіе, которое въ эту эпоху русской исторіи пріобрѣло силу и значеніе и которое всѣми своими интересами должно было жить землей, природой. Съ трудомъ можно назвать нѣсколько лицъ въ XVIII столѣтіи, которыя работали въ его средѣ—внѣ зависимости отъ государственнаго служенія или не въ качествѣ интеллигентовъ, ушедшихъ отъ сословной обстановки. Этихъ лицъ больше въ XIX вѣкѣ, но можно сказать, что только во второй половинѣ XIX сто-

лѣтія, когда обособленность дворянства кончилась, когда оно избавилось отъ ярма рабовладѣнія, видимъ мы замѣтную струю свободныхъ людей въ его средѣ, творящихъ по своей свободной волѣ научную работу, дѣлающихъ крупное національное дѣло. Но въ это время въ странѣ появились уже другіе элементы изъ среды буржуазіи и обезпеченныхъ интеллигентныхъ слоевъ, которые дали научной работѣ нужные ей устои, независимые отъ государственной организаціи. Ядъ рабовладѣнія разрушалъ живыя силы русскаго помѣстнаго дворянства, не могъ ужиться съ свободнымъ исканіемъ въ области естествознанія и математики, подобно тому, какъ онъ разрушилъ въ этой области и навыки европейскаго общества въ плантаторскихъ слояхъ Америки. Мы не должны забывать, что именно въ XVIII вѣкѣ интересъ и работа мысли въ области естествознанія были широки въ образованномъ европейскомъ обществѣ во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи. Среди помѣстнаго дворянства здѣсь въ это время выдвинулись многочисленные научные работники. Отраженіе этого интереса можно всюду прослѣдить и въ русскомъ дворянскомъ обществѣ, но творческаго элемента, научной работы было проявлено здѣсь ничтожно мало. Роль русскаго крѣпостническаго дворянства въ области искусства—и даже наукъ историческихъ, тѣсно связанныхъ съ сословнымъ сознаніемъ—не можетъ даже сравниваться съ его ролью въ области естественно-научныхъ исканій и точной научной работы.

Въ Россіи не было того, что мы наблюдаемъ въ западно-европейскомъ обществѣ, гдѣ эта среда оставила огромный слѣдъ въ исторіи научнаго знанія и совершила огромную работу. Такова была роль помѣстнаго дворянства въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, крупна она была въ Италіи, Франціи, Австріи. Любопытное отраженіе того же историческаго явленія видимъ мы въ ничтожныхъ результатахъ культурной агрономической работы русскаго помѣстнаго дворянства по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано помѣстнымъ классомъ Запада. И въ этомъ отношеніи работа русскаго дворянства поражаетъ наблюдателя своей ничтожностью, если принять во вниманіе бывшія въ его распоряженіи средства и протекшее время. И здѣсь, въ области творчества въ садоводствѣ, огородничествѣ, зоотехніи, полеводствѣ, гораздо болѣе сдѣлано безвѣстной работой разночинцевъ, чѣмъ творческой силой русскаго помѣстнаго дворянства, живыя силы котораго шли на государственную работу и искусство.

Долгіе годы отсутствовала у насъ въ этой области та сила, которая въ лицѣ буржуазіи оказала на Западѣ и особенно въ Сѣверной Америкѣ могучее вліяніе на ростъ и развитіе естествознанія. Долгіе годы буржуазія въ лицѣ русскаго купечества была далека отъ интересовъ научнаго знанія. Едва ли ошибочно поставить это въ тѣсную связь съ характеромъ образованности православнаго духовенства, наиболѣе близкаго ей по культурѣ. Во второй половинѣ XIX вѣка замѣтенъ въ

этомъ отношеніи ясный поворотъ. Къ концу вѣка и сейчасъ этотъ элементъ научнаго прогресса становится все болѣе замѣтнымъ въ русской жизни, русская буржуазія вошла въ научную творческую работу какъ личнымъ трудомъ, такъ и организаціей нужныхъ для научнаго развитія средствъ. Можно сказать, что уже теперь ея недолголѣтняя роль болѣе замѣтна, чѣмъ вѣковое участіе въ научной работѣ русскаго помѣстнаго дворянства.

3. Несомнѣнно, что такая обстановка не могла не отразиться на ходѣ естествознанія и математики въ Россіи.

Хотя мы и наблюдаемъ непрерывность роста научной работы въ этой области, но въ то же время насъ поражаетъ въ его исторіи отсутствіе традицій и преемственности.

Это совершенно неизбѣжное слѣдствіе того, что научное творчество было въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связано съ измѣнчивой государственной политикой и съ экономически бѣдной и количественно немногочисленной интеллигенціей. У него не было корней въ болѣе богатыхъ, организованныхъ и людныхъ слояхъ русскаго общества—въ помѣстномъ дворянствѣ, въ духовенствѣ или въ купечествѣ.

Государственная политика въ Россіи мѣнялась въ самыхъ основахъ своихъ въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ. Достаточно вспомнить исторію нашихъ высшихъ школъ; сколько имъ приходилось переживать перемѣнъ въ пониманіи ихъ задачъ центральною властью. Были періоды, когда даже для университетовъ научная работа не признавалась необходимымъ элементомъ. Даже еще въ проектѣ университетскаго устава XX вѣка была сдѣлана попытка разсматривать университеты только какъ учебныя, а не ученыя учрежденія! Можно сказать, что научная изслѣдовательская работа въ русскихъ университетахъ была проведена профессорской коллегіей неожиданно для законодателя, вопреки сознательной волѣ правительства. Сейчасъ эта работа пустила такіе глубокіе корни, до такой степени вошла въ плоть и кровь школы, что едва ли можетъ быть въ дальнѣйшемъ вырвана. Но болѣе чѣмъ двухвѣковая исторія русской высшей школы есть исторія борьбы за существованіе, она не есть исторія мирнаго развитія, а потому въ ней нѣтъ мѣста для прочной преемственности разъ начатаго дѣла. Поэтому исключеніемъ, а не правиломъ является въ ней непрерывная научная работа одной и той же научной школы въ теченіе нѣсколькихъ научныхъ поколѣній.

То же самое наблюдаемъ мы во всѣхъ другихъ предпріятіяхъ государственной власти, гдѣ нерѣдко сегодня рѣзко бросалось или разрушалось то, что раньше создавалось въ теченіе десятилѣтій. И это понятно. Въ исторіи Россіи за послѣднія два столѣтія красной нитью проходитъ борьба русскаго общества за свои политическія и гражданскія

права. Борьба съ освободительными стремленіями общества характеризуетъ всю дѣятельность правительства послѣ Петра. Эта борьба была Молохомъ, которому приносилось въ жертву все. Въ русской жизни господствовала полиція, и нерѣдко всѣ государственныя соображенія уступали мѣсто соображеніямъ полицейскимъ. Для цѣлей полицейской борьбы, для временнаго успѣха для приносились всѣ жертвы, не останавливались ни передъ чѣмъ. Очевидно не могли имѣть значенія при этомъ интересы науки и научнаго изслѣдованія, которые къ тому же не имѣли прочной опоры во вліятельныхъ или мало зависимыхъ отъ правительства слояхъ русскаго общества.

XVIII вѣкъ есть вѣкъ шатанія государственной власти въ Россіи, вѣкъ государственныхъ дворцовыхъ переворотовъ, выработки государственной машины—когда нельзя было и думать о прочности и устойчивости. Въ это время все многократно нацѣло передѣлывалось, нерѣдко подъ вліяніемъ неожиданныхъ причинъ, неуловимыхъ и личныхъ. Достаточно вспомнить Петра III и Павла I. Рѣзко мѣнялось даже самое важное въ томъ военномъ государствѣ, какимъ явилась императорская Россія, армія, флотъ и ихъ организація.

Тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ менѣе важныхъ организаціяхъ и предпріятіяхъ. Созданная при Петрѣ и Екатеринѣ I Императорская академія наукъ не разъ въ это время была на волоскѣ отъ гибели. Выработанныхъ другихъ формъ для научной дѣятельности долгое время не было. Единственный независимый отъ академіи наукъ университетъ— московскій, первыя десятилѣтія былъ слабой научной силой. Положеніе стало измѣняться въ послѣдней четверти вѣка, въ концѣ царствованія Екатерины II, но какъ разъ въ это время усилился разладъ между стремленіями государственной власти и освободительными идеями общества.

Весь XIX вѣкъ есть вѣкъ внутренней борьбы правительства съ обществомъ, борьбы никогда не затихавшей. Въ этой борьбѣ главную силу составляла та самая русская интеллигенція, съ которой все время были тѣсно связаны научные работники. Понятно поэтому, что и на нихъ тяжело ложились перипетіи этой борьбы.

Все это создало тѣ условія жизни, которыя не дали возможности сложиться традиціямъ научной работы и не позволили этимъ путемъ поддержать ея преемственность.

Не традиціей и не преемственностью поддерживалась непрерывность хода научнаго развитія въ Россіи; она достигалась тѣмъ, что въ странѣ постоянно возникали новые ростки научной мысли и научной дѣятельности, замѣнялись погибшіе. Эти ростки всходили на неблагопріятной почвѣ, часто гибли при самомъ своемъ зарожденіи, но брали своимъ количествомъ и непрерывностью появленія. Процессъ шелъ, какъ сти-

хійный природный процессъ: ростъ научной работы поддерживался постояннымъ перевѣсомъ рожденія надъ смертью.

Причина постояннаго появленія этихъ ростковъ, очевидно, указываетъ на существованіе въ средѣ нашего общества какихъ-то благопріятствующихъ къ тому условій; но условія эти, какъ всѣ причины психическаго характера, почти уходятъ изъ кругозора историка; онъ можетъ констатировать ихъ появленіе— но не видитъ имъ объясненія во внѣшнихъ изучаемыхъ имъ обстоятельствахъ. Онъ можетъ только констатировать, что ихъ выростанію и неполному заглушенію благопріятствовали условія государственной жизни, требовавшія спеціальныхъ знаній и широкаго развитія техники. А между тѣмъ этой техникой и этимъ знаніемъ могли владѣть только люди, естественно-научно образованные и математически мыслящіе. Среди нихъ всегда неизбѣжно находились и такіе, которымъ дорого было научное исканіе само по себѣ внѣ всякихъ практическихъ приложеній или личныхъ выгодъ, люди, охваченные научной вѣрой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, именно среди этихъ лицъ, получившихъ идеальную опору жизни внѣ рамокъ государственной или церковной организаціи, людей духовно свободныхъ, должны были находить мѣсто освободительныя стремленія русскаго общества.

Поэтому, неизбѣжно значительная часть этихъ лицъ такъ или иначе, непосредственно или по симпатіямъ, была связана съ тѣми кругами русскаго общества, съ которыми на жизнь и на смерть вело борьбу правительство, борьбу, составлявшую содержаніе русской исторіи со второй половины XVIII столѣтія.

Правительство—съ одной стороны, нуждалось въ этихъ людяхъ, съ другой—старалось ввести ихъ дѣятельность въ не очень широкія рамки, ему удобныя, имъ не довѣряло и ихъ боялось. Этимъ, очевидно, обусловливалось, что только въ исключительныхъ случаяхъ могла быть создана въ Россіи преемственность и традиція научной работы, неизбѣжно требующія для себя политическаго спокойствія, обезпеченности, возможности широкаго проявленія самодѣятельности.

Условій этихъ въ русской исторіи не было. А потому ростъ научной мысли поддерживался все время въ Россіи все возраставшимъ количествомъ отдѣльныхъ научныхъ дѣятелей, слабо связанныхъ другъ съ другомъ и съ предыдущими поколѣніями, большею частью случайно продолжавшихъ работу своихъ предшественниковъ. Неуклонно и постоянно они находили питавшіе ихъ корни не столько въ своей странѣ, сколько на Западѣ, гдѣ давно уже создавались очаги преемственной работы—особенно въ XIX столѣтіи въ высшихъ школахъ Германіи и Франціи, въ XVIII—въ Швеціи и Голландіи.

Обстоятельства начали мѣняться лишь со второй половины XIX вѣка, когда, съ царствованія Александра II, стала ясна неизбѣжность

побѣды освободительныхъ стремленій русскаго общества надъ старыми правительственными традиціями. Только въ это время въ странѣ замѣчается вмѣстѣ съ количественнымъ ростомъ научныхъ работниковъ все большее увеличеніе прочныхъ организацій для научной работы, идущихъ отъ одного научнаго поколѣнія въ другое, ростъ научной преемственности и традиціи.

Наблюдая непрерывность научной работы въ Россіи, историкъ науки не можетъ не отмѣтить его значенія въ народной жизни. Ибо она не является необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ научнаго развитія; она является слѣдствіемъ внутренняго процесса, идущаго въ живой средѣ общества, проявленіемъ жизни нашего общества. Поэтому она дорога намъ, какъ одно изъ немногихъ проявленій скрытаго отъ глазъ современниковъ могучаго роста нашей націи, несмотря ни на что идущей въ первыхъ рядахъ человѣчества впередъ, въ открываемое наукой, кажущееся безконечнымъ, будущее.

4. Въ исторіи науки еще больше, чѣмъ въ личной исторіи отдѣльнаго человѣка, надо отличать научную работу и научное творчество отъ научнаго образованія. Необходимо отличать распространеніе научныхъ знаній въ обществѣ отъ происходящей въ немъ научной работы.

Несомнѣнно, распространеніе научнаго образованія въ широкихъ слояхъ общества является необходимымъ и очень важнымъ условіемъ прочнаго и быстраго роста научнаго творчества. Однако научная работа можетъ появляться на подготовленной почвѣ цѣлыми десятилѣтіями позже проявленія и расширенія научныхъ интересовъ. Любопытный примѣръ такого явленія можно наблюдать въ исторіи культурныхъ обществъ, вошедшихъ въ русскій государственный организмъ и оказавшихъ позже замѣтное вліяніе на ростъ естествознанія въ Россіи. Въ культурномъ польскомъ обществѣ интересъ къ естествознанію, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ французскимъ, сильно сказался уже въ первой половинѣ XVIII вѣка, однако, научной работы въ это время въ польскомъ обществѣ совсѣмъ *не было*. Она проявилась черезъ десятки лѣтъ, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія. Въ другой части тогдашней Россіи, въ Остзейскомъ краѣ, среди нѣмецкаго общества, несомнѣнно, все время были образованные люди, стоявшіе на уровнѣ вѣка, однако и здѣсь научная работа въ области естествознанія началась лишь въ самомъ концѣ XVIII столѣтія. Менѣе образованное русское общество выдвинуло изъ своей среды научныхъ работниковъ въ этихъ областяхъ знанія на два-три поколѣнія раньше, чѣмъ польское и остзейское.

Несомнѣнно, въ исторіи науки имѣетъ значеніе не столько распространеніе пріобрѣтенныхъ знаній, построеніе и проникновеніе въ общественную среду научнаго, основаннаго на нихъ міровоззрѣнія, сколько научная работа и научное творчество. Только они двигаютъ науку.

звучитъ парадоксомъ, однако это такъ: распространеніе научнаго міровоззрѣнія можетъ даже иногда мѣшать научной работѣ и научному творчеству, такъ какъ оно неизбѣжно закрѣпляетъ научныя ошибки даннаго времени, придаетъ временнымъ научнымъ положеніямъ бо́льшую достовѣрность, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности имѣютъ. Оно всегда проникнуто сторонними наукѣ построеніями философіи, религіи, общественной жизни, художественнаго творчества. Такое распространеніе временнаго—и часто ошибочнаго—научнаго міровоззрѣнія было одной изъ причинъ не разъ наблюдавшихся въ исторіи науки мѣстныхъ или всемірныхъ періодовъ упадка. Давая отвѣты на всѣ запросы, оно гасило стремленіе къ исканію. Такъ, напримѣръ, сейчасъ выясняется любопытная картина замиранія великихъ открытій и обобщеній ученыхъ парижскаго университета XIII—XIV вѣковъ, раскрываемая Дюгемомъ. Ихъ обобщенія, не понятыя ихъ учениками, постепенно потерялись среди внѣшнихъ формъ, разъяснявшихъ, казалось, очень полно окружающее. Аналогичное явленіе мы видимъ въ исторіи натурфилософскихъ теченій въ германскихъ университетахъ начала XIX столѣтія.

Несомнѣнно, не всегда бываетъ такъ, но уже то, что это бываетъ иногда, заставляетъ отдѣлять распространеніе научнаго міровоззрѣнія и научнаго образованія отъ научной работы и научнаго творчества.

Въ историческихъ очеркахъ естественно-научной мысли въ Россіи я оставлю въ сторонѣ исторію распространенія знаній въ русскомъ обществѣ, а остановлюсь только на исторіи въ ней научной работы и научнаго творчества. Существованіе въ странѣ извѣстныхъ знаній или интересовъ въ области естествознанія, ихъ отраженіе на міропониманіи общества будетъ являться однимъ изъ внѣшнихъ условій, отражающихся на характерѣ научной работы. Оно можетъ и усиливать, и ослаблять ее. Несомнѣнно, напримѣръ, что тотъ живой интересъ къ естествознанію, который выразился въ началѣ 1860-хъ годовъ въ дѣятельности Писарева или входилъ въ матеріалистическое міровоззрѣніе нигилизма, отразился на научной работѣ русскаго общества. Однако онъ отразился только косвенно, заставивъ рядъ талантливыхъ людей ознакомиться ближе съ естествознаніемъ и, войдя въ научную работу на всю свою остальную жизнь, въ концѣ-концовъ уйти и отъ нигилизма и отъ писаревщины.

Но такое проникновеніе въ міровоззрѣніе элементовъ естествознанія могло имѣть и обратный результатъ. И русское общество пережило и это въ своей исторіи. Это было въ 1830—1840-ые годы, когда натурфилософскіе интересы отвлекли многихъ талантливыхъ людей отъ научнаго творчества и научной работы и обратили ихъ къ другимъ областямъ человѣческаго мышленія.

Но несомнѣнно, какъ эти годы, такъ и шестидесятые, содѣйствовали росту естественно-научнаго образованія въ русскомъ обществѣ: въ эти

періоды знаніе въ этой области было шире распространено въ русскомъ обществѣ, чѣмъ въ ближайшія къ нимъ десятилѣтія.

Такимъ образомъ, исторія научнаго образованія въ обществѣ, распространенія въ немъ естественно-научныхъ интересовъ, проникновенія ими его міровоззрѣнія не совпадаетъ съ исторіей научной мысли, какъ она понимается въ этихъ очеркахъ. Не всякое научное исканіе или интересъ къ природѣ есть проявленіе естественно-научной мысли.

Исторія естественно-научной мысли есть исторія научныхъ исканій, поставленныхъ въ вѣками выработанныя рамки естествознанія, которыя могутъ быть подчинены научнымъ методамъ. При этомъ удобно различать научную работу и научное творчество.

Научная работа можетъ совершаться чисто механически. Она заключается въ собираніи фактовъ и констатированіи явленій, которыя дѣлаются такъ, что эти факты и явленія могутъ быть сравнены и поставлены наравнѣ съ фактами и явленіями, научно находимыми въ мірѣ теперь, раньше и позже. Несомнѣнно, научная работа получаетъ большое значеніе, когда она связана съ самостоятельной творческой мыслью, но помимо этого, собраніе научно установленныхъ фактовъ само по себѣ есть дѣло огромной важности въ тѣхъ индуктивныхъ, опытныхъ или наблюдательныхъ, отдѣлахъ человѣческой мысли, къ какимъ относится естествознаніе.

Эта работа нерѣдко можетъ дѣлаться безсознательно или въ своемъ исполненіи преслѣдовать не научныя, а практическія задачи: такъ, картографія Россіи и окрестныхъ странъ вызвана государственными, а не научными потребностями; цѣлый рядъ географическихъ, горныхъ, ботаническихъ экспедицій, астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій, физическихъ или химическихъ опытовъ имѣли своей задачей также практическія государственныя или частныя задачи. Однако всѣ они были проявленіемъ научной работы, если они шли въ рамкахъ научныхъ методовъ и были сохранены для научнаго пользованія. А между тѣмъ для того, чтобы они были хорошо сдѣланы для своей ближайшей цѣли, они необходимо должны были быть введены въ рамки научнаго метода.

Въ постановкѣ даннаго явленія въ рамки научнаго метода всегда заключается нѣкоторый элементъ творчества. Поэтому и здѣсь, какъ всегда въ природѣ, рѣзкое отдѣленіе „творчества“ отъ „работы“ есть дѣло логическаго удобства. Однако ясно, что нерѣдко въ научной работѣ научное творчество играетъ основную роль, а не только методологическую, и достигнутый результатъ имѣетъ значеніе именно проявленіемъ въ немъ творческой мысли, будетъ ли она выражаться въ новомъ обобщеніи или въ яркомъ доказательствѣ ранѣе предположеннаго. Въ научной работѣ есть всегда хоть небольшой элементъ научнаго

творчества, но научное творчество можетъ выступать и на первый планъ въ научной работѣ.

Можно сказать, что теперь, съ каждымъ годомъ, научная работа охватываетъ все большее и большее количество лицъ; несомнѣнно, сейчасъ человѣчество двигается впередъ трудомъ десятковъ тысячъ лицъ, „научно работающихъ“. И въ Россіи такихъ людей тысячи. Не то было 210—230 лѣтъ тому назадъ, когда началась научная работа и научное творчество русскаго общества. Тогда такіе люди считались единицами.

И однако существованіе этихъ людей въ нашей странѣ уже тогда, точно такъ же, какъ ихъ нахожденіе сейчасъ, было не безразличнымъ для исторіи русскаго общества. Ихъ существованіе придавало складывавшейся новой культурѣ своеобразный оттѣнокъ. Современники могли этого не замѣчать, но историкъ русскаго общества не можетъ этого не отмѣтить.

5. Только такъ и можетъ проявляться въ исторіи науки какая-нибудь національность. Можно говорить о научной работѣ въ русскомъ обществѣ, научной мысли въ русскомъ обществѣ или русскаго общества—но нельзя говорить о русской наукѣ.

Такой науки нѣтъ. Наука одна для всего человѣчества.

Научная работа есть только однимъ изъ элементовъ культуры даннаго общества. Она не есть даже необходимый элементъ культуры. Можетъ существовать страна съ богатой культурой, далекая отъ сознательнаго научнаго творчества. Ибо культура слагается изъ разнообразныхъ сторонъ быта; въ нее входятъ общественныя организаціи народа, укладъ его жизни, его творчество въ области литературы, музыки, искусства, философіи, религіи, техники, политической жизни. На-ряду съ ними въ культуру народа входитъ и его творчество въ научной области.

Однако далеко не всегда наблюдается въ культурной жизни какого-нибудь народа одновременное развитіе всѣхъ разнообразныхъ сторонъ культуры. Область культуры много шире области научной творческой работы. Московская Русь до Петра, конечно, не была некультурной страной,—мы видимъ въ ней своеобразную, пожалуй, богатую культурную жизнь, сложившуюся вѣками, но научная творческая работа не входила въ ея составъ, и русское общество впервые вошло въ міровую научную работу съ реформой Петра. Конечно, и при отсутствіи сознательнаго научнаго творчества мы всегда находимъ въ культурѣ народа элементы, которые могутъ оказаться въ концѣ-концовъ связанными съ міровымъ научнымъ движеніемъ или явятся для него полезными, но, очевидно, они только тогда и пріобрѣтутъ характеръ научной работы, научнаго творчества. Они могутъ его и не пріобрѣсти и пройти въ культурѣ даннаго народа только какъ элементы, относящіеся къ другимъ ея областямъ.

Такъ, великія постройки готическихъ соборовъ не были безразличны въ исторіи механики и математики, не безразлично прошло для математики расширеніе коммерческихъ операцій итальянскихъ купцовъ въ средніе вѣка, не безразлична для географіи, какъ увидимъ, и чертежная работа московскихъ приказовъ съ ея сказками бывалыхъ людей—приказныхъ или добытчиковъ. Однако мы не рѣшимся назвать эти части культурной жизни научной работой.

Они получили такое значеніе только тогда, когда пробудившаяся научная мысль воспользовалась коллективно собранными, неясными результатами, когда въ средѣ, связанной съ этими предпріятіями, появились люди, сознательно стремившіеся къ научной работѣ.

Многіе вѣка нигдѣ этого не было. Вхожденіе въ народную культуру сознательнаго научнаго творчества,—новаго глубокаго проявленія человѣческой личности—есть новый фактъ въ исторіи человѣчества. Онъ характеренъ для новаго времени и въ нашей жизни пріобрѣтаетъ съ каждымъ поколѣніемъ все бóльшее значеніе. Въ жизни новаго времени, въ разнообразіи и враждѣ отдѣльныхъ классовъ, національностей, государствъ, научная творческая работа является связующимъ и объединяющимъ элементомъ, такъ какъ основы ея не зависятъ отъ особенностей племенныхъ или историческихъ.

Мы не должны забывать этого, говоря объ участіи какого-нибудь народа въ исторіи умственнаго творчества человѣчества.

Опредѣленная историческая эпоха, жизнь даннаго народа проникаетъ въ самую глубину художественнаго творчества, она горитъ и сверкаетъ въ созданіяхъ великихъ и малыхъ его носителей, въ исторіи театра. Едва ли будетъ ошибочнымъ видѣть въ этихъ твореніяхъ человѣческой культуры проявленіе—самое глубокое—жизни *данной эпохи* или *даннаго народа*. По нимъ мы можемъ изучать и понимать душу народа и жизнь эпохи. Точно такъ же и въ такихъ сторонахъ человѣческой жизни, какъ философія или религія, которыя неизбѣжно при углубленіи стремятся принять общечеловѣческій характеръ, видимъ мы то же самое; ибо эти созданія культуры имѣютъ задачей дать пониманіе или сознаніе бытія, существованія человѣка и, слѣдовательно, не могутъ отгородиться отъ самаго тѣснаго общенія съ жизнью опредѣленной эпохи.

Ничего подобнаго нѣтъ въ научномъ творчествѣ. Жизнь даннаго народа играетъ въ немъ чисто внѣшнюю служебную роль. Она опредѣляетъ лишь оттѣнки и формы научнаго творчества и не касается его существа.

Чрезвычайно рѣзко сказывается это при изученіи исторіи науки. Это обусловливается характерными особенностями историческаго процесса научнаго творчества.

Съ одной стороны, при изученіи исторіи науки необыкновенно вы-

нукло вырисовывается *всемірно-историческій характеръ процесса ея развитія,* его *единство,* съ другой—*общеобязательность результатовъ научнаго творчества, вѣчный* его характеръ, если можно такъ выразиться.

На этихъ сторонахъ намъ необходимо остановиться, прежде чѣмъ итти далѣе.

6. Едва ли можно принимать исторію человѣчества за нѣчто единое и цѣлое. Мы наблюдаемъ въ разныхъ частяхъ земной поверхности совершенно замкнутые и независимые циклы развитія, которые лишь съ большими натяжками и съ большими пропусками могутъ быть разсматриваемы, какъ части одного и того же историческаго процесса. Достаточно сравнить исторію Японіи и европейскихъ государствъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, одновременную исторію римскихъ государствъ или государствъ Индіи, исторію Западной Европы и Московскаго царства. Ходъ историческаго процесса каждой страны былъ въ значительной мѣрѣ независимъ, и до послѣдняго столѣтія связь между отдѣльными частями человѣчества была нерѣдко крайне незначительна и временами отсутствовала.

Но не только мы не можемъ говорить о единомъ всемірно-историческомъ процессѣ въ такомъ чисто реальномъ смыслѣ. Едва ли можно говорить о немъ и въ болѣе отвлеченномъ или глубокомъ смыслѣ, какъ это не разъ дѣлалось.

Всѣ такія попытки до сихъ поръ терпѣли крушеніе. Среди нихъ нельзя не остановиться на одной, такъ какъ она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіей научнаго развитія—съ теоріей непрерывнаго прогресса во всемірной исторіи. Эта теорія была высказана въ XVIII вѣкѣ Тюрго и позже Кондорсе и Годвиномъ въ тѣсной связи съ ихъ убѣжденіемъ въ непрерывномъ ростѣ научнаго знанія съ теченіемъ хода времени и непрерывномъ улучшеніи этимъ путемъ человѣческаго существованія, какъ слѣдствіи примѣненія къ жизни научныхъ завоеваній. Несомнѣнно, эти мыслители XVIII вѣка перенесли здѣсь въ область соціальныхъ отношеній ту вѣру и то настроеніе, которое проникало научную среду XVII вѣка, являлось однимъ изъ мотивовъ ея дѣятельности и осталось въ ней до сихъ поръ однимъ изъ элементовъ научнаго исканія.

Однако точное изученіе исторіи давно убѣдило, что связь научнаго прогресса съ прогрессомъ человѣческихъ обществъ значительно болѣе сложная и что нѣтъ никакой возможности подвести исторію человѣчества подъ формулу прогресса, разсматривать историческій процессъ какъ единое безконечное усовершенствованіе или улучшеніе жизни, согласно нашимъ нравственнымъ идеаламъ, или приближеніе—болѣе или менѣе близкое—къ „земному раю“.

Но если это ученіе потерпѣло крушеніе въ приложеніи ко всемірной исторіи, оно остается, несомнѣнно, вѣрнымъ въ той своей основной посылкѣ, которая касается хода развитія научной работы, научнаго творчества. Здѣсь идея безконечнаго прогресса, постояннаго усовершенствованія съ ходомъ времени является той формулой, которая охватываетъ всю исторію этой стороны культурной жизни человѣчества.

Существованіе такого процесса придаетъ исторіи человѣческой мысли совершенно своеобразный обликъ; оно дѣлаетъ ее единой, даетъ ей всемірно-историческій характеръ.

Этого нѣтъ въ другихъ сторонахъ культурной жизни. Мы не можемъ свести къ единому процессу развитіе искусства, литературы, музыки. Намъ являются странными вопросы объ абсолютномъ движеніи впередъ произведеній Шекспира по сравненію съ Данте или Эсхиломъ, или Гёте и Толстого по сравненію съ Шекспиромъ. Безплодны исканія прогресса, какъ единаго процесса, въ исторіи зодчества, живописи или музыки, въ исторіи религіи или философіи. Вездѣ человѣческія личности давали временами такое полное выраженіе даннымъ сторонамъ жизни, какое не было никогда послѣ того превзойдено. Въ разные историческіе періоды достигался одинаковый уровень подъема человѣческаго творчества. И поэтому эти разновременныя созданія остаются живыми вѣка. Философія Платона остается для насъ такимъ же источникомъ познанія—живымъ и сильнымъ, какимъ она была двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Религіозныя исканія Будды или Христа остаются незыблемыми и живыми теперь, какъ были тысячу лѣтъ раньше. Не превзойдено греческое зодчество; едва ли можно говорить о прогрессѣ въ обычномъ смыслѣ этого слова по отношенію къ музыкѣ или живописи.

Несомнѣнно, и здѣсь наблюдается историческій процессъ, но этотъ процессъ виденъ во все новомъ проявленіи формы выраженія, связанной съ новой средой, новой расой, новыми условіями жизни, но по существу здѣсь нѣтъ движенія впередъ по сравненію съ прошлымъ. Всюду здѣсь на первый планъ выдвигается человѣческая личность, и основой, которая даетъ начало этимъ сторонамъ жизни, является безконечная глубина и безконечное разнообразіе ея проявленія. Если здѣсь помимо достиженія равноцѣннаго максимума въ каждый историческій періодъ существуетъ процессъ иного рода—всемірно-историческій прогрессъ,—онъ можетъ быть связанъ только съ глубокимъ перерожденіемъ человѣческой личности во что-то новое, неизвѣстное, намъ сейчасъ чуждое. Для этого или слишкомъ ничтожны и малы тѣ 10,000 лѣтъ, на которыя распространяется наше историческое наблюденіе въ этихъ формахъ жизни, или процессъ совершается скачками, и мы этого перелома пока исторически не наблюдали. До сихъ поръ, при всемъ измѣненіи человѣческой личности и условій ея жизни въ теченіе историческихъ

тысячелѣтій, мы чувствуемъ неизмѣнность основныхъ ея чертъ. Достаточно прочесть автобіографіи, сохраненныя намъ въ теченіе десятковъ столѣтій. Въ разнообразіи ярко сквозитъ неизмѣнность. Здѣсь мы видимъ измѣненіе, но не видимъ прогресса.

Правда, тѣ же историческія черты мы можемъ замѣтить и въ вѣковомъ ходѣ научной мысли, если будемъ изучать ея внутреннюю исторію. И здѣсь измѣняется форма научныхъ исканій, перемѣщаются научные интересы, рѣзко и ярко отражается историческая среда, исканія религіи, философіи, искусства на ходѣ и построеніи научной мысли. Научныя міровоззрѣнія мѣняются въ теченіе всѣхъ историческихъ періодовъ, въ разной исторической обстановкѣ, подчиняются законамъ культуры. Но легко убѣдиться, что не эти измѣненія являются главнымъ объектомъ исторіи науки; имъ долженъ быть ясно проявляющійся въ разной исторической обстановкѣ единый процессъ, неуклонно направленный въ одну и ту же сторону,—въ сторону бо́льшаго обхвата въ пониманіи окружающаго. Мы можемъ здѣсь совершенно свободно выдѣлить, если можно такъ сказать, внѣшнюю сторону хода развитія научной мысли—*раскрытіе* научной истины—отъ внутренняго процесса ея *полученія*. Въ процессѣ полученія наблюдается та же неизмѣнность, какъ и въ другихъ сторонахъ культуры. Здѣсь и въ прежніе вѣка достигался тотъ же высокій уровень, какъ теперь. Несомнѣнно, тотъ великій подъемъ человѣческой личности, какой открывается намъ въ открытіяхъ и исканіяхъ, въ жизни Кеплера или Галилея, въ созданіи естественной философіи Ньютономъ, въ научномъ творчествѣ Кавендиша, Пристлея, Шееле или Линнея, равенъ или, можетъ быть, выше того подъема, который наблюдается въ работахъ ихъ замѣстителей. Но великія произведенія этихъ творцовъ науки не могутъ оцѣниваться въ исторіи мысли съ этой точки зрѣнія. Мы ищемъ въ нихъ другую сторону—раскрытіе въ ихъ твореніяхъ научной истины. И съ этой точки зрѣнія они стоятъ всегда неизбѣжно ниже произведеній, можетъ быть, и менѣе талантливыхъ людей, но пошедшихъ дальше нихъ въ научныхъ исканіяхъ, жившихъ позже нихъ. Они могутъ итти впередъ, только основываясь на твореніяхъ прежнихъ создателей науки. Произведенія великихъ творцовъ науки не являются уже живыми въ наше время, какъ являются живыми творенія художественнаго творчества. Ихъ живое значеніе въ современности можетъ быть признано только для пониманія временности нѣкоторыхъ сторонъ современнаго научнаго міровоззрѣнія или для возсозданія генезиса нѣкоторыхъ изъ нашихъ научныхъ пониманій. *Наука ушла далеко впередъ* и оставила созданія своихъ творцовъ позади, отдала ихъ всецѣло исторіи.

Въ этомъ столь обычномъ для нашихъ понятій выраженіи мы какъ разъ выдвигаемъ независимость основного тона историческаго хода научнаго мышленія отъ исторической обстановки, единство процесса. Оче-

видно, это имѣетъ мѣсто для всего человѣчества—внѣ различія государственныхъ организацій, расъ, націй, общественныхъ слоевъ.

Независимость его въ такомъ смыслѣ отъ исторической обстановки, отъ личности, неизбѣжно приводитъ къ пониманію исторіи научныхъ идей, какъ проявленія *прогресса*.

Изучая исторію точнаго знанія, мы ясно видимъ, какъ передъ нами открывается нѣчто цѣлое, глубоко связанное тысячью нитей со всей исторіей человѣчества и въ то же время уходящее куда-то впередъ, теряющееся въ безконечной дали недосягаемаго. Что сулитъ намъ впереди развитіе научной мысли? Къ какимъ новымъ невѣдомымъ силамъ, къ какой мощи, къ какой истинѣ придемъ мы, если только не дадимъ себѣ и нашимъ потомкамъ потерять или прервать нить, которую несли послѣднія пятнадцать поколѣній?

Были въ исторіи науки періоды упадка и замиранія. Многое было потеряно. Но когда вновь зараждалось научное исканіе, оно открывало и вновь создавало *то же самое*. Опять находились *тѣ же* истины, опять возсоздавались *тѣ же* заданія, и послѣ перерыва во много столѣтій или въ другой исторической и нерѣдко этнической средѣ могла продолжаться непрерывно *та же* прерванная столѣтія назадъ работа.

Едва ли въ чемъ другомъ такъ рѣзко выражается единство историческаго процесса научнаго мышленія, какъ въ этой тождественности его на всемъ протяженіи времени. И въ этомъ рѣзко сказывается его особенность. Ни возрожденіе философіи въ XV—XVI столѣтіяхъ, ни возрожденіе искусства, происшедшее раньше, несмотря на вліяніе старинныхъ формъ, не дали намъ того же самаго, что было бы, если бы данный историческій процессъ въ области нашей культуры не замеръ въ первой половинѣ перваго тысячелѣтія нашего лѣтосчисленія. Но если бы ходъ исторіи пошелъ тогда иначе, великія общественныя организаціи того времени не были бы разрушены, стремленіе къ исканію научной истины не было бы заглушено религіозными переживаніями и мистическими призрачными увлеченіями, мы получили бы тогда *ту же* научную дисциплину, съ какой сейчасъ идемъ въ новое будущее. Едва ли можно рѣзче представить себѣ отличіе научнаго мышленія отъ другихъ исканій человѣчества, его большую и своеобразную независимость отъ исторической обстановки. Конечно, частности измѣнились бы, но сохранились бы неизмѣнными основные положенія и принципы. Но никогда ничего подобнаго мы не можемъ представить себѣ ни для зодчества, ни для музыки, ни для религіи, ни для философіи: они всѣ проникнуты пережитымъ человѣчества и при измѣненіи пережитаго сами рѣзко — въ самыхъ основахъ—мѣняются.

7. Въ тѣсной связи съ этимъ характеромъ научнаго мышленія стоитъ и другая его, исключительная въ исторіи человѣчества, сторона—*общеобязательность его результатовъ*.

Эта общеобязательность результатовъ—для всѣхъ безъ различія, безъ исключенія, всегда и всюду—создаетъ научнымъ исканіямъ въ разнообразіи и измѣнчивости жизни незыблемость. Она придаетъ *вѣчный характеръ* научнымъ завоеваніямъ. Этимъ самымъ научное исканіе разнообразнымъ и глубокимъ образомъ отражается на психической конструкціи общества, въ средѣ котораго оно совершается.

Съ одной стороны, въ области личной жизни оно тѣсно связано съ совершенно своеобразнымъ и очень глубокимъ вліяніемъ, какое можетъ оказывать научное исканіе на пониманіе человѣкомъ смысла и цѣли существованія. Подобно религіи оно можетъ дать своимъ живымъ адептамъ прочное и незыблемое положеніе среди сознаннаго ими несовершенства и горестей міра.

И несомнѣнно, эти глубокія психическія личныя переживанія отражаются чрезвычайно сильно на исторіи научной мысли. Къ сожалѣнію, ихъ учетъ лежитъ почти внѣ силъ историка; онъ можетъ лишь констатировать повторяемость такого глубокаго психическаго настроенія во всѣ вѣка научной мысли, его отраженіе на самыхъ разнообразныхъ открытіяхъ, проявленіе въ исключительномъ и необычномъ напряженіи человѣческой воли, стремящейся достигнуть научно невѣдомаго.

Съ этимъ настроеніемъ встрѣтимся мы и въ исторіи научной мысли въ Россіи. Несомнѣнно, это то, совершенно новое, никогда небывалое раньше переживаніе, *новое явленіе въ жизни русскаго общества*, которое дано ему Петровской реформой.

Очень возможно, что именно оно позволило создать непрерывность научнаго творчества въ Россіи при отсутствіи въ ней преемственности и традиціи.

И нѣтъ никакого сомнѣнія, что значеніе научнаго творчества и научной работы, *одинаковое* и *неизмѣнное* для отдѣльныхъ личностей, является основнымъ элементомъ тѣхъ настроеній на первый взглядъ религіознаго характера, которыя нерѣдко, какъ *научная вѣра*, противопоставляются религіи, а иногда считаются чѣмъ-то стороннимъ и несвязаннымъ съ наукой въ жизни человѣчества.

Въ дѣйствительности „научная вѣра" является въ исторіи науки могущественнымъ, созидательнымъ факторомъ, тѣснѣйшимъ образомъ генетически связаннымъ съ научнымъ исканіемъ и научнымъ творчествомъ, въ общемъ отъ нихъ неотдѣлимымъ. Она можетъ быть сравниваема съ религіей лишь по формѣ своего психическаго проявленія, но не по характеру лежащихъ въ ея основѣ данныхъ. Научная вѣра, къ сожалѣнію, мало обращала на себя вниманіе логической мысли—но ея роль въ историческомъ процессѣ огромная.

Научная вѣра не только приводила къ открытіямъ, она заставляла человѣка итти по пути научнаго творчества и научныхъ исканій вопреки

всякимъ внѣшнимъ препятствіямъ, позволяла и позволяетъ человѣку ставить цѣль и задачи научныхъ исканій не только выше житейскаго блага, но и выше жизни.

Въ обществѣ безъ научной вѣры не можетъ быть научнаго творчества и прочной научной работы. Въ Россіи XVIII вѣка элементъ научной вѣры, какъ и можно было ждать, проявлялся сильно и глубоко. Уже въ первой половинѣ XVIII вѣка мы видимъ ея проявленіе не только въ жизни такихъ ученыхъ, какъ Ломоносовъ, пробивающихся къ научному творчеству вопреки своему общественному положенію, но и среди отдѣльныхъ маленькихъ дѣятелей, положившихъ свою жизнь на научной работѣ. Цѣлый рядъ такихъ дѣятелей—крупныхъ и малыхъ—дала великая сибирская экспедиція, связанная съ научнымъ открытіемъ Сибири. Достаточно вспомнить имена Беринга, Стеллера, Крашенинникова, Делиль де ля Кроайера, Чирикова, мужа и жены Прончищевыхъ. Въ теченіе всего вѣка и вѣка слѣдующаго мы на каждомъ шагу въ жизни почти каждаго научнаго работника встрѣчаемся съ научной вѣрой, которая является опорой въ тяжелыхъ условіяхъ русской дѣйствительности, служитъ импульсомъ, направляющимъ впередъ, среди самыхъ невозможныхъ внѣшнихъ условій, создателей творческой работы русскаго общества въ области научныхъ исканій.

Къ сожалѣнію, точному учету историка эта научная вѣра не можетъ подвергнуться, но было бы огромной ошибкой оставить вслѣдствіе этого ее въ сторонѣ и не принимать во вниманіе ея существованіе въ жизни. Мы должны помнить, что только при ея наличности въ странѣ можетъ итти большая научная работа, живое научное творчество. И только проявленіемъ ея, въ концѣ-концовъ, является та большая работа, которая была сдѣлана въ этой области культуры русскимъ обществомъ XVIII столѣтія.

Гораздо болѣе ясно намъ отраженіе вѣчнаго характера научныхъ завоеваній въ общественной жизни. Оно давно проникло въ общее сознаніе, и привычно эта черта научныхъ построеній выражается въ нашемъ языкѣ, напр., въ нашихъ пословицахъ и поговоркахъ или въ такъ называемыхъ историческихъ анекдотахъ. Дважды два—четыре. А все же земля движется—e pur se muove, говорилъ въ народной легендѣ Галилей, когда подъ страхомъ казни и страданій онъ отказался отъ своей системы строенія вселенной.

Еще рѣзче сказывается общеобязательность научныхъ выводовъ при изученіи исторіи научной мысли. Къ развертывающимся результатамъ научныхъ пріобрѣтеній должны приспосабливаться всѣ другія пониманія жизни. Передъ ними должны склоняться не только государственные предразсудки или общественныя организаціи, но и гораздо болѣе свободныя, а потому и мощныя построенія философіи или религіи. Послѣ безплодной борьбы они примѣняются къ научнымъ результатамъ.

Такъ примирились христіанскія и мусульманскія церкви съ астрономическими системами послѣ Коперника; такъ на нашихъ глазахъ примиряются христіанскія организаціи съ новыми идеями о происхожденіи человѣка или животныхъ, столь отличными отъ церковныхъ преданій; такъ государственныя и общественныя организаціи должны были приспособиться къ тѣмъ новымъ формамъ жизни, какія создаются могущественнымъ ростомъ научной техники.

Въ этой общеобязательности научныхъ данныхъ кроется самое коренное отличіе науки отъ другихъ созданій человѣческой жизни.

Достаточно сравнить съ этой точки зрѣнія науку съ религіей или философіей, не говоря уже объ искусствѣ. Выборъ между разными безконечными, противорѣчивыми построеніями философіи, разнообразнѣйшими религіозными вѣрованіями или сектами, ничѣмъ не сдерживаемыми проявленіями художественнаго вкуса или настроенія свободенъ для всякой человѣческой личности и для всякаго человѣческаго общества.

Но этого выбора нѣтъ, когда мы переходимъ къ результатамъ науки. Лишь въ частностяхъ и въ неустановленномъ можетъ быть здѣсь споръ и сомнѣніе.

Здѣсь есть для всѣхъ безусловное.

То единство пониманія, какое напрасно стремились создать въ религіи кровью и принужденіемъ, въ философіи — логикой и школой, въ наукѣ достигается простымъ ея изученіемъ, въ нее углубленіемъ. И благодаря этому распространеніе научнаго знанія и образованія является крупнѣйшимъ факторомъ спайки всего человѣчества въ единое цѣлое.

Процессъ созданія единой міровой культуры, организаціи, охватывающей все человѣчество, начался замѣтнымъ образомъ только тогда, когда научное знаніе получило свою современную форму. Онъ начался въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Вхожденіе въ концѣ XVII столѣтія Московской Руси въ міровую организацію было однимъ изъ проявленій этого міровою процесса единенія людей, созданія единаго человѣчества, который не закончился до сихъ поръ. На нашихъ глазахъ входитъ въ него Китай. Вхожденіе Московской Руси два вѣка тому назадъ было первымъ рѣзкимъ проявленіемъ этого переживаемаго нами теперь историческаго явленія. Оно могло произойти только потому, что въ общеобязательности и единствѣ научныхъ выводовъ былъ къ этому времени найденъ въ жизни человѣчества общій для всѣхъ людей вѣчный элементъ психической жизни, а научныя примѣненія въ быту, личной и общественной жизни съ каждымъ годомъ усиливали реальное и всѣми сознаваемое значеніе научной работы.

Для исторіи русскаго общества важно, что вхожденіе русской націи въ область научной работы и мысли совершилось при самомъ началѣ раскрытія этого историческаго процесса.

В. И. Вернадскій.

Невѣдомая Россія.

Бѣлыми ночами въ пустынномъ Петербургѣ я задумывался о моей родинѣ, о Россіи.

Я выходилъ на улицу, искалъ ее въ глазахъ прохожихъ. Я останавливался передъ святостью соборовъ, возвышающихся къ небу, передъ величіемъ дворцовъ, царящихъ на землѣ. Я прислушивался, и мнѣ казалось—она говоритъ со мной единымъ, отдаленнымъ гуломъ и тысячью раздѣльныхъ, близкихъ голосовъ. Я прислушивался и спрашивалъ себя: клики ли то побѣды или плачъ побѣжденныхъ? Но отвѣта не было, и только смутно чувствовалось—оттуда, изъ набѣгающей дали, встаетъ шумъ произрастанія, неслышный, но явный шелестъ жизни. И я не различалъ въ немъ Россіи, еще не жившей, еще не рожденной, отъ Россіи уже великой, безконечно старой, какъ все человѣчество, какъ вся земля...

И не зная, какъ назвать ее, я далъ ей имя—Невѣдомая Россія.

I.

Въ нашихъ размышленіяхъ о русской жизни мы склонны къ отвлеченнымъ построеніямъ. Отвлеченіе заманчиво, ибо въ немъ—кажущаяся скорость достиженія. Но отвлеченіе—дѣятельность ума въ самомъ себѣ, дѣйствіе, ограниченное рамками прошлыхъ, сохранившихся въ памяти впечатлѣній. Перестановка ихъ—все содержаніе этого умственнаго движенія. Объемъ отвлеченій, несмотря на видимую огромность создаваемыхъ ими построеній, ничтоженъ, меньше любой конкретной мысли, опирающейся на ощущеніе.

Русская жизнь была богата въ прошломъ подобнаго рода широкими разрѣшительными формулами. Весь XIX вѣкъ, въ общественной мысли, былъ борьбой теченій, имѣвшихъ каждое свое глубокое психологическое основаніе, но въ своемъ осмысленномъ выраженіи носившихъ несомнѣнные признаки отмѣченныхъ узости и нереальности. Мысль улетала къ небесамъ и тамъ витала, забывъ о землѣ. Оторванная отъ необходимаго своего условія—впечатлѣнія, она гибла какъ мысль и становилась игрой воображенія.

Таковы были, въ очень большихъ обобщеніяхъ, идея охранительная, съ одной стороны, идея революціонная—съ другой. Охранители во имя принципа насиловали жизнь, надѣвая на нее намордникъ и желѣзную рубашку, какъ на сумасшедшаго. Революціонеры насиловали ее не меньше, толкая туда, куда ей вовсе не надо было итти, гдѣ пути ей были еще закрыты.

Настоящее уже показало ложь обоихъ построеній, ибо ни одно изъ нихъ не осуществилось. Ни одна изъ представленныхъ ими картинъ ни на одно мгновеніе не была Россіей. Было только двѣ кучки ослѣпленныхъ различно людей, преслѣдовавшихъ жестокими средствами цѣли своего безумія, для жизни ненужныя и ложныя.

Самой странной чертой этихъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ самой естественной было то, что въ общемъ и тѣ и другіе, все время, въ самой безпощадной жаждѣ взаимнаго истребленія, оставались умственными братьями, связанными узами единаго настроенія и единой логики. Болѣе того, они давали жизнь другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, признаніе одного изъ этихъ двухъ отвлеченій неминуемо влечетъ за собой признаніе другого. Разъ борешься—тѣмъ самымъ признаешь противника, вѣришь въ него. Россія «черная» вѣрила въ Россію «красную», Россія «красная»—въ Россію «черную». Обѣ объединились этой вѣрой въ двѣ Россіи и жили какъ сіамскіе близнецы, поссорившіеся другъ съ другомъ. Никто изъ ихъ апостоловъ не думалъ о томъ что выходъ—не въ продолженіи этого неумнаго отвлеченнаго спора, а въ отказѣ отъ признанія противника и тѣмъ самымъ отъ признанія себя въ этомъ воинствующемъ обликѣ.

Не такъ давно въ Религіозно-Философскомъ обществѣ Д. С. Мережковскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ «Двѣ Россіи». Я останавливаюсь на этомъ заголовкѣ. Судьба нѣкоторыхъ мыслей въ томъ, что названіе ихъ важнѣе ихъ самихъ. Мережковскій вообще любитъ символы, лозунги, опредѣленія съ большой буквы. Мы должны быть ему благодарны за то, что именно теперь, когда все такъ неясно, онъ рѣзко и отчетливо ставитъ главный вопросъ русской современности и возбуждаемыя имъ разногласія. Только вопросъ этотъ не тамъ, гдѣ ищетъ его Мережковскій, и разногласіе, имъ подчеркнутое, не есть настоящее разногласіе русской жизни. Послѣднее врядъ ли можетъ быть замѣчено Мережковскимъ: онъ весь ушелъ въ ложный споръ описанныхъ выше братьевъ-противниковъ.

На самомъ дѣлѣ Мережковскому, когда онъ проповѣдываетъ новую Россію на мѣсто старой, противопоставляется не послѣдняя, а нѣчто совершенно другое, чего онъ не видитъ и видѣть не можетъ, ибо это новая, неизвѣстная ему плоскость мысли.

Мережковскій видитъ борьбу между обѣими Россіями—прошлой и

будущей. Онъ—представитель этой будущей Россіи, во имя ея канонизируетъ Толстого, подъ знаменемъ его считаетъ свою рать.

Но что, если мы откажемся отъ обсужденія вопроса на этой почвѣ? Если мы скажемъ: для насъ знаменательны не признаки, придаваемые вами старой и новой Россіи, но гораздо болѣе самое это дѣленіе на *двѣ* Россіи. Вы думаете, что мы должны быть съ вами подъ вашимъ флагомъ или противъ васъ подъ флагомъ рисуемаго вами врага? Но что, если мы выступимъ противъ васъ не потому, что мы защитники стараго, а потому, что мы не признаемъ вашего дѣленія, что оно намъ кажется невозможнымъ и ненужнымъ? Если на лозунгъ вашъ—двѣ Россіи, выбирайте!—мы отвѣтимъ: для насъ есть только *одна Россія* и мы давно ее выбрали, потому что не было, нѣтъ и не будетъ другой?

Я думаю, здѣсь есть болѣе глубокое логическое, психологическое и религіозное расхожденіе, чѣмъ между Толстымъ и старымъ русскимъ міромъ. Это два разныхъ языка, два различныхъ міропониманія, которыя безъ уступки съ одной какой-нибудь стороны безусловно встрѣтиться не могутъ.

Я боюсь, что Д. С. Мережковскій, съ его гамлетовскимъ противоположеніемъ, на самомъ дѣлѣ не Гамлетъ, а ближе къ гробокопателю, роль котораго—строить очень крѣпкія «дубовыя палаты», такія, гдѣ могутъ обитать только тѣ, кто простились съ жизнью. Я хочу этимъ сказать, что всѣ вообще «дѣлители» — враги жизни. Недаромъ они все, что угодно, находятъ подъ своимъ скалпелемъ, а она одна для нихъ неуловима. То же происходитъ и здѣсь, въ умственной области. Великолѣпны и удобны для мысли ея антиноміи и полюсы, но это—ледники, гдѣ ничто не растетъ и не живетъ и расти и жить не можетъ. Жизни нужны переходы и мосты, ея главный законъ, даже въ катастрофическихъ ея проявленіяхъ,—непрерывность. И на самомъ дѣлѣ, перерывы и пропасти, непримиримыя начала, Богъ и Антихристъ, плюсъ и минусъ—только отвлеченія, маленькія вѣхи, искусственно посаженныя, за которыя цѣпляется въ своей растерянности и безпомощности нашъ убогій умъ. Вѣхи есть, къ счастью, потому что безъ нихъ мы сбились бы, потеряли бы всякую видимую, сознательную дорогу. Но слѣдуетъ ли дѣлать изъ нихъ идоловъ и фетишей, забывать, что ихъ поставили мы, что они дѣлятъ путь на участки лишь для удобства, и вовсе не должны служить ни настоящимъ предѣломъ, ни настоящей цѣлью, чѣмъ то въ дѣйствительности непереходимымъ и важнымъ?

Этотъ чисто логическій вопросъ о безсиліи всякаго отвлеченія, когда мы на немъ останавливаемся, представляется мнѣ достойнымъ самаго большого вниманія. Я не берусь судить о томъ, какъ Д. С. Мережковскій

вообще понимаетъ истину, но мнѣ кажется, что въ политикѣ онъ придаетъ ей значеніе чего-то непреложнаго и разъ навсегда установленнаго. Въ исторіи, слѣдовательно, онъ требуетъ соотвѣтствія Россіи какой-то предвзятой идеѣ, которую считаетъ истиной. Россія должна подъ что-то, отображенное въ умахъ умныхъ людей, подкраситься и подделаться. И когда обнаруживается, что живая Россія не подходитъ къ этому идеалу, ее развѣнчиваютъ и журятъ, обзываютъ старой и дурной Россіей, негодной, въ отличіе отъ той, которая приснилась въ часъ мечты Д. С. Мережковскому. Нельзя отрицать необходимости и глубокаго смысла мечты, но она должна не судить жизнь, а всегда въ ней участвовать, увлекая насъ своими красочными переливами. Но для этого мечта должна любить свое прошлое, чувствовать въ немъ то, изъ чего она исходитъ, что она собой развиваетъ и поднимаетъ. Называйте себя, если хотите, новой Россіей, но пусть въ такомъ случаѣ она не противополагается старой Россіи, но служитъ ея благодарнымъ и необходимымъ продолженіемъ.

Вопросъ этотъ вскрывается въ еще большей ясности и глубинѣ, когда разногласіе касается самыхъ основъ душевной жизни людей, тѣхъ основъ, познать которыя особенно безсильна оторвавшаяся отъ жизни отвлеченная мысль.

Я говорю о самой таинственной области бытія, о проявленіяхъ человѣческаго духа, лучше всего изученныхъ и меньше всего понятыхъ. Это—область религіи, послѣдней глубины нашихъ помысловъ, самаго большого возвышенія нашихъ чувствъ.

Прошлой зимой на страницахъ газетъ промелькнулъ, быть можетъ, незамѣтно для широкаго круга читателей, споръ Д. Философова и П. Струве о будущемъ православіи. Споръ этотъ, интересный по существу, былъ еще важнѣе какъ идейная встрѣча двухъ направленій русской мысли, той, что дѣлитъ (Философовъ), и той, что связываетъ (Струве).

Неудивительно, что Струве, относящійся къ религіи объективно, близокъ къ Булгакову, вступившему въ ограду Церкви. Струве могъ бы быть вовсе невѣрующимъ и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ бы объединенъ съ Булгаковымъ противъ Философова. Почему? Потому что настоящая причина расхожденія здѣсь вовсе не то или другое положительное воззрѣніе на религію, но отношеніе къ дѣйствительности. Противники сталкиваются не религіозными своими воззрѣніями, а противоположными философскими темпераментами. Съ одной стороны—у Философова—мысль о дѣйствительности. Съ другой—у Струве и Булгакова—переживаніе послѣдней.

Д. Философовъ описываетъ явленія, но врядъ ли живетъ въ нихъ. Онъ любитъ не жизнь, а свою идею о жизни. Онъ—судья, и на скамьѣ

подсудимыхъ передъ нимъ тѣ или другія части дѣйствительности, обвиненныя въ несоотвѣтствіи его идеальному закону. Послѣднимъ все непререкаемо установлено, что гдѣ должно быть, и какъ вести себя. И разъ православіе не вмѣщается въ этой мѣркѣ, Д. Философовъ, не задумываясь, изрекаетъ надъ нимъ свой приговоръ, примѣняетъ высшую мѣру наказанія. Православіе признается негоднымъ и откидывается. Оно не имѣетъ больше права на существованіе и должно быть замѣнено чѣмъ то новымъ, построеннымъ согласно умственному образцу Д. Философова.

Въ категоричности этихъ сужденій и въ поразительной легкости практическаго рѣшенія, когда мы противопоставляемъ его мучительнымъ сомнѣніямъ дѣйственно ищущихъ,—видны типичныя черты прямолинейнаго и догматическаго раціонализма. Ему ничего не стоитъ выкинуть то, что не подходитъ подъ его логическое представленіе.

Наоборотъ, лишь мы обратимся къ Струве и Булгакову, мы увидимъ, что они стоятъ не въ сторонѣ отъ спорныхъ явленій, а въ самой ихъ средѣ. Они не согласны осудить историческое православіе, не потому, что оно, по ихъ мнѣнію, вполнѣ свободно отъ темныхъ сторонъ, но потому, что для нихъ нѣтъ религіи внѣ религіи воплощенной. Вообще же, я думаю, всякій вѣрующій гораздо глубже, чѣмъ Д. Философовъ, убѣжденъ въ несовершенствахъ нашего благочестія. Но это для него не причина осуждать рѣзко и холодно его проявленія. Онъ страдаетъ отъ этихъ недостатковъ и стремится своимъ духомъ, своимъ дѣломъ ихъ восполнить. Такое сознаніе несовершенства можетъ быть главнымъ двигателемъ истинной вѣры.

Люди дѣла никогда не поймутъ утвержденія Философова, что «путь лежитъ не въ отдѣльныхъ преобразованіяхъ, а въ чемъ то болѣе коренномъ». Возраженіе ихъ противъ такого разсужденія будетъ возраженіемъ жизни противъ насилующаго ее отвлеченнаго разума. Жизнь требуетъ не рѣзкихъ дѣленій и коренныхъ переворотовъ, но постепеннаго и длительнаго врачеванія ея нуждъ и прежде всего именно врачеванія отдѣльныхъ ея нуждъ. Что такое «коренной переворотъ», когда онъ въ самомъ дѣлѣ наступаетъ? Это—множество мелкихъ и случайныхъ заплатъ, изъ которыхъ образуется новое цѣлое. Жизнь дѣйствуетъ противоположно законамъ человѣческаго ума—логикѣ и механикѣ. Послѣднія всегда стремятся замѣнить негодную машину другою, лучше отвѣчающею поставленной цѣли. Но дѣйствительность не строится какъ домъ, которому предшествуетъ планъ архитектора. Дѣйствительность растетъ, рядомъ маленькихъ, отдѣльныхъ отпрысковъ, въ общемъ итогѣ образующихъ ея лѣсъ.

Поэтому очевидно, что для насъ всѣхъ, русскихъ людей, которые хотятъ не только думать о жизни, но *дѣлать* ее, непріемлемы идеи

Д. Философова. Для насъ нѣтъ мѣрки дѣйствительности внѣ ея, а есть лишь стремленіе къ улучшенію и развитію, въ ней самой заключенное, растущее вмѣстѣ съ нею. Это тѣ отдѣльныя лучшія мысли и настроенія людей, что возникаютъ какъ новый стимулъ въ данной исторической средѣ. Это внутреннія требованія жизни, когда она глядитъ вверхъ, какъ растеніе, приниженное, быть можетъ, и хилое, но ищущее неудержимо свѣта и воздуха.

Изъ всѣхъ разсужденій Д. Философова и его друзей о русской вѣрѣ ясно только одно, что теперь въ свѣтѣ и воздухѣ нуждается она, ими отбрасываемая и презираемая. Но развѣ изъ этого, наоборотъ, не вытекаетъ для всѣхъ ищущихъ подвига, что именно тамъ они удовлетворятъ свою жажду жертвы и служенія? Очевидно, храмы наши очистятъ отъ заполонившихъ ихъ соблазновъ міра только тѣ, кто войдутъ, вѣря и любя, въ ихъ врата. Такой взглядъ на вѣру всегда проповѣдывался Церковью, она никогда не привлекала отсутствіемъ борьбы и движенія. Наоборотъ, она всегда требовала работниковъ и витязей на Божьей нивѣ. Въ православіе шли не для наслажденія пріобрѣтеннымъ, а для пріобрѣтенія, для дѣла, для подвига. Каждый ставшій въ ограду Церкви участвовалъ тѣмъ самымъ въ ея строительствѣ.

Въ общемъ Д. Философовъ впадаетъ въ религіозной области въ ту же ошибку, въ какую впали послѣ 1905 года радикальные круги русскаго общества. Бойкотъ православія—идея, родственная идеѣ бойкота учрежденій обновленной русской государственности. Кто станетъ спорить теперь объ ошибочности такой тактики, о грубой иллюзіи, ее создавшей? Въ настоящее время ясно, что будущее русской политической мысли, если она хочетъ осуществить свои идеалы—въ работѣ сначала въ существующихъ формахъ дѣйствительности, а затѣмъ въ постепенномъ ихъ измѣненіи не извнѣ, ударами топора, а изнутри, силой органическаго роста ихъ содержимаго. То же и въ отношеніи вѣры. Если русское общество пойдетъ по пути отвлеченнаго раціонализма, неизбѣжно наступитъ еще бо́льшее, чѣмъ теперь, углубленіе того, что называется пропастью между интеллигенціей и народомъ. Послѣдній будетъ еще надолго отброшенъ отъ культуры вмѣстѣ со своей не разсуждающей, но дѣятельной религіей.

Что же касается проповѣди гг. Мережковскаго и Философова, я думаю, что никогда они не создадутъ церкви, ибо нуждающіеся въ божественной истинѣ не послѣдуютъ за ними въ ихъ гладко вычищенный, красиво отдѣланный, но холодный храмъ. Народъ русскій привязанъ къ своей вѣрѣ: она развивалась вровень съ нимъ, вела его, но отъ него не отдѣлялась. Онъ жилъ въ избахъ, и она ютилась въ убогихъ деревенскихъ церковкахъ. Она прошла съ нимъ сквозь историческія пе-

взгоды и испытанія, освѣщала и освящала жизнь его въ самыя трудныя ея минуты.

Религія также, какъ народъ, ея носитель, всегда зависитъ отъ своего вчерашняго дня. Она должна опираться на свое оправданное многовѣковымъ бытіемъ прошлое. Желать же и требовать въ этой области ломки и разрушенія того, что уже потому свято, что оно жило и живетъ—странное заблужденіе, свойственное однимъ только извращеннымъ отвлеченной мыслью разсудкамъ. Заблужденіе это, въ концѣ-концовъ, не очень опасно. Жизнь исправляется только дѣйствіемъ. Дѣйствіе же безмѣрно далеко отъ подобныхъ измышленій.

II.

Отвлеченности заслоняютъ отъ насъ настоящую русскую жизнь. Но лишь мы откинемъ ихъ, какъ досадный покровъ, разсѣемъ, какъ обманчивый и путающій туманъ, она предстанетъ передъ нами во всемъ своемъ величіи и во всей своей невзрачности.

Я мечталъ о величіи русской жизни и задумывался надъ ея невзрачностью. Я спрашивалъ себя: почему мы такъ живемъ? Можно, конечно, жить при всякихъ условіяхъ. Можно все перенести. Жаловаться или приходить въ уныніе—значитъ дать доказательства отсутствія мужества и терпѣнія, отсутствія силы. Сила, если она есть въ народѣ, можетъ все вынести, все переждать. Отчаяніе свидѣтельствуетъ лишь о безсиліи, вспышки гнѣва—о распущенности. Первый законъ, какъ для личности, такъ и для общества,—законъ самоограниченія и самообладанія. Можно свободно отдаться влеченію, побуждающему дѣйствовать, только тогда, когда оно исходитъ изъ души неудержимо, когда дѣйствіе, имъ внушенное, представляется намъ неизбѣжнымъ. Это создаетъ его силу и дѣлаетъ жизненными его плоды.

Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какіе признаки такой необходимости. Когда можно сказать, что наступило время для дѣла, что ждать уже долѣе мы не должны, что такъ продолжать мы не хотимъ?

Мнѣ кажется, что разумная граница всякаго терпѣнія и тѣхъ проявленій сдержанности, которыя ему сопутствуютъ, указывается не какими-нибудь внѣшними признаками, а глубокимъ и неошибающимся убѣжденіемъ всего нашего внутренняго существа. Это сознаніе одного человѣка, если рѣчь идетъ о личности, сознаніе всѣхъ людей, если рѣчь идетъ объ обществѣ, что такой то послѣдній предѣлъ достигнутъ. Значитъ ли это, что и этотъ порогъ не можетъ быть перейденъ, что дольше терпѣть въ самомъ дѣлѣ нельзя? Нѣтъ, ибо терпѣть всегда можно. Нѣтъ того случая, когда бы воля была совершенно безсильна и если она близка къ безсилію сейчасъ—завтра она овладѣетъ собой, и значитъ нужно только вѣрить въ этотъ завтрашній день. Но если

терпѣть мы въ силахъ, быть можетъ, тѣмъ не менѣе, терпѣть не слѣдуетъ. Внутренній голосъ подсказываетъ, что дойдено до какой-то грани, что близокъ перевалъ, съ котораго видно новое, и отъ этого новаго предостерегаетъ сознаніе, нашъ бдительный стражъ. Это новое, въ случаѣ, если мы ему отдадимся, если мы будемъ дольше ждать, придетъ само собой, безшумно овладѣетъ нами. Но оно уже не будетъ ростомъ, накапливаніемъ и убереженіемъ силъ, взращиваніемъ въ тишинѣ нашей неподвижности сѣмянъ будущаго дѣйствія и движенія. Оно—начало убыли жизненныхъ силъ, дѣйствительной и безвозвратной неподвижности. Это отказъ силы отъ самой себя, начало ограниченія ея смертью. Голосъ предостереженія—голосъ жизни, почуявшей приближеніе мертвенности, предупреждающей о ней организмъ, для сбора силъ, для отпора, для перемѣны пути, приведшаго не къ развертыванію всѣхъ заключенныхъ въ насъ возможностей, а къ преждевременному нашему засушенію и увяданію.

Мы должны задумываться въ настоящую минуту не столько надъ внѣшними явленіями нашей жизни, надъ тѣмъ, что рѣжетъ въ ней нашъ слухъ и оскорбляетъ глазъ, сколько надъ самыми этими внутренними проявленіями, надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ и собственной душой. Мы должны прислушиваться къ человѣческой борьбѣ, идущей вокругъ насъ и находить самыя глубокія направляющія насъ въ ней чувства и побужденія.

И вотъ, если мы всмотримся сейчасъ въ русскую жизнь и прислушаемся къ ея голосамъ, мы получимъ именно то ощущеніе мертвенности, которое предшествуетъ настоящему умиранію или, наоборотъ, пробуждая героическія усилія, служитъ причиной возрожденія.

Куда идетъ исторія? Предопредѣлено ли будущее прошлымъ? Свободны ли мы въ выборѣ направленія? Мы не знаемъ, да и не нужно намъ знать. Но то, что въ насъ происходитъ—отраженіе ли оно только причины, или сама причина,—есть вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ единственное содержаніе этого процесса, и отъ того, пойдемъ ли мы въ сторону жизни или въ сторону смерти, будетъ зависѣть, въ самомъ дѣлѣ, либо жизнь, либо смерть.

Нужно ли перечислять признаки мертвенности и можно ли? Они должны чувствоваться каждымъ въ окружающемъ и въ его собственной душѣ. Безуменъ споръ соціологовъ, накапливающихъ объективные доказательства того или другого состоянія. Жизнь объективными сужденіями никогда не схватывалась. Она объявлялась, правда, въ событіяхъ, оставляла въ нихъ какой-то слѣдъ, и съ внѣшней стороны это единственное, что въ ней было. Но на самомъ дѣлѣ она другая, она познается дѣйствительно только изнутри. Если мы хотимъ предвидѣть, знать не только, что было, но также, что будетъ—мы должны

перестать быть только зрителями жизни, но войти въ нее, итти съ нею вмѣстѣ, съ нею страдать и съ нею радоваться и глядѣть въ будущее не нашимъ поверхностнымъ умомъ, а ея глубокимъ прозрѣніемъ.

Я спрошу русскихъ людей, независимо отъ ихъ званія, партіи, рода жизни, одинаково пахаря и интеллигента, слугу и господина,— какую жизнь въ себѣ они сейчасъ чувствуютъ? Чѣмъ движимы и куда направлены? Что говоритъ въ нихъ, когда душа ихъ, въ тишинѣ одиночества, обращается къ невѣдомому, расширяясь, ищетъ Бога? Есть ли у нихъ спокойствіе и надежда? Есть ли вѣра? Въ тотъ часъ, когда вечерѣетъ, когда смолкаютъ звуки утренней повседневной работы, чѣмъ заполняется ихъ сердце, на чемъ къ ночи успокаивается, на чемъ сосредоточенное, можетъ встрѣтить неизвѣстную судьбу?

Я думаю, въ этомъ главное, въ томъ, что дѣлается въ каждой отдѣльной душѣ. Въ ней одинаковыя возможности жизни и смерти, великаго и малаго, продолжительности и краткости, роста и уничтоженія.

И съ этой точки зрѣнія я боюсь, что пробилъ кругомъ часъ незамѣтнаго унынія. Царитъ умственное и душевное удушье. Какая-то странная и преждевременная усталость прокрадывается въ наши члены — преждевременная, ибо развѣ долженъ быть отдыхъ тамъ, гдѣ такъ мало еще совершено, гдѣ такъ много жаждущей, кричащей неудовлетворенности?

Если бы меня спросили, гдѣ доказательства нашей наступающей мертвенности, я не сумѣлъ бы отвѣтить. Я сказалъ бы только: я чувствую ее, такъ же какъ и вы всѣ, и противъ нея возмущается вся моя живая душа, возстаетъ сердце, борется умъ. Ибо я согласенъ умереть и не буду жалѣть о жизни, но передъ этимъ я хочу, чтобы была въ самомъ дѣлѣ жизнь, чтобы развернулись и дѣйствовали всѣ ея силы и пронизывалъ насъ трепетъ умиленія, желанія и восторга.

Въ этомъ наша трагедія,—мы тлѣемъ, не разгорѣвшись. Пламя вспыхивало не разъ, но не дало ровнаго и длительнаго огня. И что же? Вѣка прошли и мы успѣли забыть про безусловную святость и тишину. Мы забыли ихъ, ибо нѣтъ въ насъ первопричины святости, грѣховнаго желанія и нѣтъ причины созерцанія—шума жизни. Мы не можемъ возвыситься, ибо мы не падаемъ. Мы не можемъ любить ангеловъ, ибо мы равнодушно презрѣли дьявола. У насъ нѣтъ жизни, ни личной, ни общественной, ибо мы ничѣмъ не движимы и міросозерцаніе наше расплылось, разостлалось безконечно, все вмѣщая, и тѣмъ самымъ безконечно сузилось, все принявъ, и потому все отвергнувъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы меня вѣрно поняли. Я говорю о самыхъ

земныхъ вещахъ, о томъ, что мы каждый день дѣлаемъ или не дѣлаемъ. По необъятному простору русской земли разсѣяны въ разнообразныхъ положеніяхъ милліоны людей, и жизнь каждаго, въ ея тысячѣ мелочей, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ одно цѣлое, гдѣ все, даже самыя большія ея противорѣчія (а человѣкъ весь сотканъ изъ противорѣчій), представляетъ одно цѣлое. Поступки одного и того же человѣка могутъ быть разными, но у каждаго они идутъ изъ какого-то единаго корня. Я говорю объ этомъ корнѣ. То, что я могу здѣсь обособить и понять раздѣльно, добро людей и зло, умъ и глупость, тамъ вѣдь не раздѣлится, тамъ будетъ вмѣстѣ посимо въ одной душѣ, и эту душу, слѣдовательно, если мы хотимъ судить о людяхъ, надо схватить и почуять. Она сейчасъ, я боюсь, отмѣчена печатью мертвенности, одинаково въ отдѣльной личности и въ толпѣ.

Искать ли намъ жизни въ дѣйствіи?

III.

Но если мы станемъ на точку зрѣнія дѣйствія, не встрѣтимъ ли мы препятствія для совмѣстнаго дѣйствія въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, для общества—въ личности? Не услышимъ ли мы себялюбивый голосъ личности, утверждающій, что всякая истина не предшествуетъ ей, но исходитъ отъ нея, не открывается ей, а дѣлается ею?

Если я приду къ заключенію, что въ моемъ дѣйствіи — первая и послѣдняя причина вселенной, я буду склоненъ въ порывѣ великаго презрѣнія къ окружающему стать выше времени, откинуть память и предвидѣніе, смѣшать въ мгновенности моего хотѣнія вѣчное стояніе элеатовъ и вѣчное теченіе Гераклита. Я скажу,—высшій законъ—моя свобода и въ ней моя сила. Въ ея безотносительности и независимости я найду свою самоцѣнную религію, стирающую всѣ грани и всѣ предѣлы, съ единственнымъ предѣломъ заключенныхъ во мнѣ самомъ возможностей. Такъ погибаетъ въ одиночествѣ человѣка его равновѣсіе съ внѣшнимъ міромъ. Себялюбіе поглощаетъ его умъ. Творчество его личной жизни знаетъ только одну красоту—его роста и одинъ отдыхъ—его смерти.

Такъ создается истина каждаго человѣка въ минуты его одинокаго раздумья, и въ этой истинѣ—его единственный міръ и въ этомъ мірѣ его единственная истина.

Что же тогда съ людьми, въ отличіе отъ человѣка? Нѣтъ ли опасности, что, слѣдуя каждый своимъ нуждамъ, цѣлямъ и желаніямъ, они разбредутся, и истины ихъ никогда не встрѣтятся? Будетъ множество истинъ вмѣсто одной, и жизнь общественная безконечно распылится, уподобится Вавилонской башнѣ, недостроенной, ибо строители перестали понимать другъ друга.

Эта опасность несомнѣнно существовала бы, если бы въ переживаніяхъ людей и въ идеяхъ ихъ, послѣдствіяхъ этихъ переживаній, не было взаимозависимости, помимо воли каждаго придающей имъ заранѣе черты единства и сходности. Это единство—единство рода, общность происхожденія. Они вмѣстѣ шли въ вѣкахъ и вынесли изъ ихъ глубины сходное тѣлесное и духовное устройство. Съ другой стороны, при всемъ разнообразіи жизненныхъ условій одной и той же эпохи, отдѣляющихъ людей и кладущихъ отпечатокъ своего разнообразія на ихъ духовность, отличія эти не переходятъ извѣстныхъ предѣловъ, и въ рамкахъ каждой человѣческой группы люди подчиняются дѣйствію однихъ и тѣхъ же соціальныхъ законовъ.

Слѣдовательно, если каждый человѣкъ будетъ, по формулѣ Протагора, мѣриломъ окружающихъ его вещей,—вещи эти тѣмъ не менѣе будутъ измѣряться многими людьми одной и той же мѣркой.

Такая общая истина будетъ имѣть ту цѣнность, что она выношена многими людьми и для всѣхъ нихъ явилась и является необходимой. Она служитъ какъ бы мнѣніемъ рода, мнѣніемъ поэтому болѣе глубокимъ, длительнымъ и твердымъ, чѣмъ оторванное отъ окружающаго, шаткое построеніе смертнаго индивида.

Этимъ ярко отмѣчается охранительная роль общества, его функція защиты истинъ, выращенныхъ отдѣльными людьми, но воспринятыхъ всѣми, ибо онѣ соотвѣтствовали не только нуждамъ отдѣльныхъ личностей, но потребностямъ многихъ людей. Такое созданіе человѣческой жизни въ обществѣ называется его нравственностью.

Съ точки зрѣнія охраненія обществомъ его нравственности, кажется справедливымъ требованіе подчиненія ему людей, членовъ этого общества. Можно ли назвать это подчиненіемъ? Воля каждаго—примкнуть къ духовному союзу. У послѣдняго нѣтъ санкціи его правилъ для бунтовщиковъ и ослушниковъ. Оно отлучаетъ отщепенцевъ, т.-е. отрекается отъ нихъ, отдѣляетъ отъ себя эти отпавшіе, мертвые члены.

Если память рода—въ видѣ традицій, памятниковъ, преданія, письма, воспитанія—спасаетъ міръ отъ необходимости въ каждомъ поколѣніи продѣлывать вновь весь человѣческій опытъ, если такимъ образомъ создастся возможность объективной, а не только субъективной истины,—не является ли подобная кристаллизація пережитого, вѣчное сохраненіе, быть можетъ, уже отжившихъ истинъ еще худшимъ зломъ, чѣмъ общій разбродъ?

Въ положеніи, что «человѣкъ—мѣрило всѣхъ вещей», заключается мысль, что съ измѣненіемъ человѣка измѣняются и вещи. Истина рождается, живетъ, умираетъ. Дѣйствительность идетъ вслѣдъ за человѣкомъ. Она—зеркало его хотѣній и поступковъ.

Отсюда—столкновеніе между мѣняющимся человѣкомъ и охраняющимъ итоги стараго опыта обществомъ.

Но всякая новая истина—отрицаніе истины старой, и всякая новая нравственность—разрушеніе предшествовавшей ей нравственности. Отсюда противъ вѣчно давящей охранительной руки общества—бунтъ личности, желающей новаго, безнравственной, потому что ея новый опытъ разошелся съ опытомъ минувшихъ поколѣній.

Можно ли вѣрить—противъ могучаго, испытаннаго убѣжденія рода—голосу отдѣльныхъ людей, быть можетъ, увлеченныхъ воображеніемъ или даже сумасшедшихъ? Гдѣ доказательства цѣнности ихъ истины?

Конечно, onus probandi принадлежитъ имъ. Каждый, если онъ хочетъ построить свою жизнь согласно новымъ идеямъ, долженъ бороться противъ окружающей его первоначальной неподвижности. Если же онъ задается болѣе честолюбивыми намѣреніями, если онъ хочетъ не самъ только исповѣдывать новое убѣжденіе, но сдѣлать изъ него знаніе, т.-е. общественное достояніе, онъ долженъ доказать свою истину всѣмъ, сдѣлать ее изъ субъективной—объективной. Другими словами, онъ долженъ доказать, что въ данное время она нужна и полезна не ему одному, но всѣмъ людямъ, что признаніе ея можетъ быть дѣломъ всѣхъ, ибо она всѣми можетъ быть провѣрена и для всѣхъ получитъ смыслъ и значеніе.

Въ общемъ функція общества не заключается исключительно въ томъ, чтобы подчиненіемъ всѣхъ принятымъ началамъ охранить ихъ отъ ломки и измѣненія. Оно должно само мѣнять ихъ по мѣрѣ измѣненія потребностей людей и нахожденія новыхъ отвѣтовъ на новыя нужды. Общество должно изъ совершенствованія личнаго дѣлать совершенствованіе общее, закрѣплять въ памяти рода частный опытъ, легко въ одной жизни подвергающійся потерѣ или забвенію.

Другими словами, стоя на стражѣ старой нравственности, общество должно благожелательно слѣдить за проявленіями новой нравственности, когда послѣдняя, ломая старые устои, вмѣстѣ съ тѣмъ является созидательницею условій новыхъ, болѣе совершенныхъ и потому лучшихъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что личность, освобождающая себя отъ нравственности, должна, какъ таковая, быть окружена ореоломъ? Такое возвеличеніе ея обыкновенно объясняется тѣмъ, что свобода означаетъ якобы силу. Какъ будто свобода и сила необходимо связаны! Какъ будто каждый, кто освободился отъ обязанностей, тѣмъ самымъ уже силенъ!

На самомъ дѣлѣ свобода и сила—два совершенно отличныхъ и не-

зависимыхъ другъ отъ друга начала. Иногда они совпадаютъ, но это не необходимо, и чаще бываетъ обратное—сила безъ свободы или свобода безъ силы.

Свобода—сосудъ, который можно наполнить одинаково большой силой и большой слабостью. Безнравственность можетъ вести къ творчеству, къ созиданію новаго или же, наоборотъ, къ распущенности, къ потерѣ стараго, безъ замѣны его чѣмъ-нибудь другимъ. Когда запертая дверь отворяется, можетъ открыться видъ на накопленныя сокровища, и въ такомъ случаѣ хорошо, что дверь открылась. Но дверь можетъ открыться и представить взору картину тлѣна и разрушенія, дать волю смраду и грязи, и тогда къ чему было отворять эту дверь? Безъ воздуха, быть можетъ, это умирающее существо въ своей жалкой жизни дольше сохранилось бы. Или, наоборотъ, слѣдовало радоваться смерти съ той точки зрѣнія, что воздухъ вездѣ нуженъ и свобода всегда полезна, ибо оживляетъ достойныхъ жить и скорѣе убиваетъ приговоренныхъ къ смерти?

Но ясно, что свобода сама по себѣ не опредѣляетъ значенія человѣка, и нужно въ ней содержаніе. Не всякая освобожденная личность—пріобрѣтеніе для нея самой и для человѣчества.

Я пойду такъ далеко даже, что готовъ буду привѣтствовать тѣхъ, кто встрѣчаютъ сперва освобождающуюся личность хулой, готовятъ ей пытки и терновые вѣнцы. Пусть она будетъ въ положеніи мученика, который долженъ своимъ страданіемъ запечатлѣть свои убѣжденія. Если она выдержитъ испытаніе—тѣмъ самымъ возрастетъ ея сила и внутренняя крѣпость. Если же она пройдетъ чрезъ этотъ тернистый путь и не сдастся и не согнется и не выронитъ того драгоцѣннаго, что она въ себѣ несетъ,—развѣ это не подвигъ,—подвигъ, которымъ можетъ украситься каждая жизнь въ наши дни не менѣе, чѣмъ жизнь древнихъ героевъ и рыцарей? А всякій подвигъ въ себѣ самомъ несетъ свою награду.

IV.

Чтобы заключить эти размышленія о значеніи личности въ движеніи человѣчества, я скажу, что въ общемъ существо ея вѣрованій, мѣняющихся съ каждымъ вѣкомъ,—второстепенно. Важно то, что стоитъ за этими вѣрованіями, которыя составляютъ преходящій и часто причудливый узоръ на фонѣ чего-то болѣе глубокаго. Не все ли равно, будутъ ли эти мысли, подвижныя какъ облака, представлять сказочныя башни или апокалиптическихъ звѣрей или другія странныя измышленія ищущей и улетающей мечты? Въ нихъ будетъ всетаки нѣчто неизмѣнное, основное, вѣчное, насколько вѣченъ для своей жизни, въ предѣлахъ ея прохожденія, отъ колыбели до гроба, создающій эти видѣнія чело-

вѣкъ. Въ нихъ будетъ вѣченъ духъ этого человѣка, та часть его душевнаго состава, что непереложима и нерастворима ни въ какіе другіе элементы, какъ золото въ колбѣ древнихъ алхимиковъ, вѣчно сохранявшее свою сущность.

Въ каждой личности есть такой корень, такая послѣдняя крѣпость. Въ однихъ внутреннее зданіе жалко сколочено изъ деревянныхъ досокъ, съ заплатами и подпорками, въ другихъ высѣчено какъ неприступный замокъ изъ гранита. Такое, самое глубокое и неподвластное человѣку, содержаніе его существа должно наполнить его свободу, если онъ хочетъ быть сильнымъ. Извнѣ оно будетъ выдаваться только тѣми или другими рисунками его мысли, но не ошибемся: послѣдняя — только преходящая ежевесенняя листва, яркая и благоухающая, быть можетъ, но безсильная сама по себѣ, безъ жизни ствола и корня.

Въ этомъ причина нашей внутренней безпомощности. Мы властны надъ своими мыслями, можемъ развитіемъ измѣнить ихъ и совершенствовать, въ крайнемъ случаѣ можемъ даже вовсе отъ нихъ освободиться. Но отъ душевнаго нашего облика мы освободиться не можемъ—не мы его, а онъ насъ мѣняетъ. Онъ—вожатый въ колесницѣ, и отъ него зависитъ бѣгъ ея, остановка или паденіе.

Не трудно понять, что въ этомъ господствѣ надъ личностью непонятной ей ея собственной глубины лежитъ причина ея самыхъ мучительныхъ страданій, тѣхъ страданій, которыя были приняты нѣкоторыми философами за непреложную и неотвратимую язву всего міра. Человѣкъ носитъ въ себѣ тяжесть, которую онъ иногда поднять не можетъ. Законъ біологическаго тяготѣнія его придавливаетъ, привязываетъ къ далекому прошлому его предковъ, и прошлое становится въ это мгновеніе его настоящимъ. Оно заставляетъ его проходить черезъ возвратные періоды всего темнаго, несовершеннаго, звѣринаго, отъ чего онъ нормально уже освободился. Звѣриное—ближе къ смерти, ибо смерть побѣждается только врагомъ звѣринаго—духомъ. Звѣриное значитъ пугливое, ибо страхъ—основа звѣриной души, и мужество—первое, необходимое ея освобожденіе. Поэтому эти сны прошлаго и проносимыя ими черезъ душу человѣка мрачныя тѣни всегда отмѣчены несвободой, тою рабской неподвижностью, что ищетъ угла, куда бы приткнуться, убѣжища, темной норы, вдали отъ страшнаго простора земного и небеснаго.

Но иногда, и это бываетъ въ жизни каждаго, даже въ самой непроглядной и униженной жизни, въ душѣ человѣка встаетъ будущее, будущее его и будущее всѣхъ людей. Оно невѣдомо и ново, оно такъ же непонятно ему, какъ прошлое, но ярко и чудно, какъ весенній день.

Онъ слышитъ въ себѣ призывъ-желаніе, и желаніе даетъ ему крылья, возноситъ его сердце и расширяетъ, такъ же какъ страхъ раньше принижалъ и суживалъ. Здѣсь міръ въ его власти, не грозитъ ему, а зоветъ его, жаждетъ имъ наполниться, открываетъ ему объятія, какъ молодая и влюбленная жена.

Онъ—творецъ, и въ его творческомъ волненіи есть что-то одухотворенное и почти божественное. Это подобіе Создателя въ самомъ дѣлѣ въ немъ сказалось и осѣнило его вдохновеніе и придало его личному, человѣческому творчеству міровой размахъ.

Изъ такихъ минутъ, одна съ другой сливающихся въ памяти рода, создано все, что до сихъ поръ было, всѣ звуки, что очаровываютъ нашъ слухъ, отъ шума листьевъ до величественныхъ сонатъ, всѣ краски, отъ зелени травъ до палитры Рафаэля, всѣ мысли, отъ лѣнивой мечты пастуха до сложнаго размышленія Канта.

Воистину можно сказать, что человѣкъ носитъ въ себѣ образъ Божій. И такъ же какъ духъ Творца носился въ началѣ надъ темнотой и бездной, такъ же духъ человѣческій, побѣждая себя, носится надъ бездной жизни.

И пусть онъ носится безъ отдыха и вѣчно ищетъ и ежечасно разрушаетъ свой собственный обманъ! Онъ никогда не найдетъ истины, ибо творецъ не находитъ, а создаетъ изъ собственныхъ слезъ, изъ собственной крови. То, чего не было, вдругъ рождается, небытіе дѣлается бытіемъ, и творчество это предшествуетъ всѣмъ законамъ. Въ этомъ его неизреченная тайна.

Но въ этой великой возможности рядомъ съ ширью личности—ея непереходимый предѣлъ. Ибо лишь она начнетъ выростать и возносится, она теряетъ свое себялюбивое и самодовлѣющее я, она ищетъ великаго и это великое находитъ внѣ себя, въ другихъ людяхъ, и тогда только дѣлается ей яснымъ смыслъ ея дѣйствій. Тогда только познаетъ она свою настоящую безпредѣльность, какъ рѣка, которая, оставивъ свое узкое русло, вылилась въ море и нашла въ его разливѣ новую жизнь.

V.

Если мы станемъ на точку зрѣнія дѣйствія, передъ нами откроется новый, полный невѣдомыхъ возможностей и широкихъ обѣщаній міръ. Въ этомъ мірѣ—особые законы, отличные отъ законовъ міра отвлеченной мысли. Наша свобода имъ радостно подчинится, ибо они не запираютъ ея въ темницу, но, наоборотъ, открываютъ ей вольный просторъ дѣйствительности, съ ея разнообразными путями, съ ея безконечными горизонтами. Мы выростаемъ отъ сознанія этихъ законовъ. Въ ихъ

власти мы становимся частью человѣчества, чѣмъ-то движущимся въ пространствѣ и во времени, бо́льшимъ, чѣмъ наше маленькое и ограниченное *я*.

Первымъ закономъ дѣйствія является необходимая его преемственность. Дѣйствіе—единственная безусловность, единственная реальность нашей жизни. Но реальность никогда не самостоятельна и всегда связана съ собственнымъ прошлымъ. Дѣйствіе создаетъ ежемгновенно новую реальность, захватомъ новыхъ впечатлѣній, присоединеніемъ ихъ къ запасу старыхъ. При этомъ дѣйствіемъ руководитъ представленіе о будущемъ, но представленіе о будущемъ строится исключительно изъ того, что уже было, что закрѣплено человѣческою памятью, сознательной или безсознательной. Такимъ образомъ прошлый опытъ направляетъ дѣйствіе. Въ этомъ—основаніе возможнаго предвидѣнія.

Но дѣйствіе всегда считается съ традиціями явленій. Оно опирается на прошлое, и чѣмъ глубже въ него уходятъ его корни, тѣмъ оно разумнѣе и сильнѣе. Поэтому принимаютъ особенный характеръ жизненности и могущества тѣ проявленія человѣческой дѣятельности, что испытаны временемъ, что несутъ въ себѣ прошлыя радости и страданія и выращенную ими мудрость вѣковъ.

Наше дѣйствіе въ русской жизни должно быть связано съ русскимъ прошлымъ. Мы должны искать и найти его, не подражать ему, но сдѣлать его основаніемъ нашей осуществляющейся мысли. Для этого важны не внѣшнія формы минувшихъ переживаній, а самое глубокое, внутреннее ихъ содержаніе. Я далекъ отъ отрицанія темныхъ сторонъ прошлаго. Въ немъ было и свѣтлое и темное, но съ обоими мы связаны, отъ обоихъ мы уйти не можемъ. Если уйдемъ,— наше дѣйствіе прекратится, будетъ пустымъ, безсодержательнымъ, перестанетъ захватывать жизнь.

Должны ли мы выбрать между свѣтлымъ и темнымъ прошлаго? Я думаю, выборъ сдѣлается самъ собой. Жизнь не признаетъ дѣленій. Она не мысль, а только жизнь и знаетъ только самое себя, безъ сравненій съ внѣ ея стоящимъ. Но въ ней самой есть то, что помогаетъ ей, что она любитъ, и это мы называемъ добромъ, радостью, утвержденіемъ, свѣтомъ. Но, рядомъ съ нимъ, есть въ ней то, что убиваетъ ее, что она отвергаетъ и ненавидитъ, и это мы называемъ зломъ, страданіемъ, отрицаніемъ, темнотой. Одно двигаетъ ее, оплодотворяетъ и обогащаетъ. Другое останавливаетъ движеніе впередъ, насиліемъ одного существа уродуетъ другого, уменьшаетъ размахъ дѣйственныхъ силъ, угашаетъ духъ—водитель жизни.

Мы чувствуемъ эти два предѣла, этотъ низъ и верхъ, и нашъ отвѣтъ—въ желаніи жить или въ усталости и безразличіи къ смерти. Если въ нашей работѣ для будущаго мы продолжимъ все то, что было

отрицательнаго въ прошломъ, то, что суживало его и насиловало, это будетъ шествіемъ въ сторону смерти. Если мы продолжимъ движеніе, освобождающее человѣка, поднимающее его къ высшему предѣлу его природы,—мы этимъ самымъ продолжимъ жизнь, сдѣлаемъ ее краше, богаче и сильнѣе, дадимъ ей новый величественный расцвѣтъ.

Мы должны взять отъ былой Россіи ея мудрость и ея любовь. Если первый законъ дѣйствія—его преемственность, второй законъ дѣйствія—осуществленіе его дружно, всѣми людьми, то что можно назвать его соборностью? Люди живутъ всегда вмѣстѣ родственными союзами, и настоящая преемственность нхъ усилій находится не въ памяти одного человѣка, а въ памяти всей духовной общины.

Человѣкъ колеблется въ своихъ помыслахъ между идеалами свободы личности и участія въ обществѣ. Ясно, что необходимо и то и другое. Но общество въ одиночествѣ немыслимо, а одиночество въ обществѣ—быть можетъ, самое лучшее, самое любвеобильное состояніе. Тотъ, кто, живя среди людей, страдаетъ за нихъ и, оставаясь съ ними, уединяется въ своей любящей мысли, тотъ соединилъ личность и общество. Онъ сумѣлъ наибольшее отъ нихъ взять для своего духа, а берущій въ этой области не можетъ не отдавать, ибо чувство и мысль не отпускаются вольно какъ товаръ, но излучаются естественно на все окружающее, какъ свѣтъ и тепло.

Сила свободной личности раскрывается въ связывающемъ ее обществѣ. Одиночество дѣлаетъ и сильную личность безсильной. Одиночество суживаетъ свободу, дѣлаетъ ее ненужной и нереальной. Содружество съ другими людьми расширяетъ ея поле, даетъ ей просторъ, развертываетъ ея содержаніе. Вѣдь свобода—только снятіе искусственныхъ преградъ. Преграды естественныя остаются. Освобожденіе отъ нихъ значило бы невозможное—скачокъ въ нереальность. Люди, общество—преграды, но если вѣрно брать нхъ сопротивленіе,—это сопротивленіе почвы, которая пашется, а не камней, которые мѣшаютъ работѣ и портятъ плугъ. Такъ строится соотношеніе себялюбія и нравственности.

У насъ еще недавно, когда сердца были зажжены наивной политической надеждой, въ ней находили основу общественнаго созидательства. Она являлась животворнымъ началомъ, сближавшимъ и двигавшимъ людей. Тогда они жили, въ мечтѣ, правда, но всетаки жили. Событія отрезвили нхъ, показали всю несбыточность нхъ идеаловъ, не имѣвшихъ глубокихъ корней, построенныхъ больше на минутной ненависти, чѣмъ на дѣйствительной, идущей изъ глубины вѣковъ любви.

И вотъ, когда это случилось, они не сумѣли снова соединиться въ другомъ, да и другого въ то время не было на виду. Начался

разбродъ. Каждый порознь пошелъ искать свое счастье, разъ вмѣстѣ счастья не нашли. Ибо неправы тѣ, кто думаютъ, что тогда искали улучшенія условій жизни, правъ, свободы, чего-нибудь длительнаго, осязаемаго, прочнаго. Тогда искали счастья, того самаго неуловимаго счастья, что ищется въ часъ любви въ глазахъ возлюбленной. И то, чего не нашли, что обмануло, было именно оно, невозможное и вѣчно измѣнчивое, счастье одного человѣка и всѣхъ людей.

Находятъ ли его теперь въ разрозненныхъ исканіяхъ? Мы слышимъ про культъ радости, про поклоненіе красотѣ. Мы слышимъ о самоубійствахъ, не печальныхъ и отчаянныхъ только, какъ раньше, а почти радостныхъ и спокойныхъ, о самоустраненіи людей, которые себя вычеркиваютъ изъ жизни, потому что имъ нечего въ ней дѣлать, потому что имъ ничего отъ нея не нужно. Они не боятся смерти, но лѣниво ее привѣтствуютъ.

Это естественные плоды одиночества, и тѣмъ, кого они удовлетворяютъ, нечего сказать не остается. Но не всѣ мы хотимъ такъ жить и такъ умереть. Не всѣ мы такъ самодовольны въ нашемъ умѣ, такъ узки въ нашемъ сердцѣ, чтобы замкнуть двери нашего личнаго міра, чтобы въ немъ найти альфу и омегу вселенной. Мы хотимъ этотъ міръ наполнить и расширить, а это возможно, только раскрывъ его двери широко великому міру, что плещетъ безпокойной волной кругомъ. Это возможно, только углубивъ сердце, возвысивъ душу, обнявъ ею все, что она можетъ обнять, съ тайнымъ страданіемъ тамъ, гдѣ она чувствуетъ въ своей безконечной любви свой предѣлъ, какъ слабой и земной души. Это настроеніе такъ хорошо выражено въ словѣ о тѣхъ, кто ищутъ «жизнь свою положить за други свои». Въ этомъ мы смутно чуемъ самое лучшее, самое большое счастье. Мы хотимъ свободы, но эта свобода должна насытиться, наполниться любовью.

Въ этой любви мы откроемъ свѣтлое, идущее къ намъ изъ глубины былыхъ вѣковъ. Если мы родились, если мы живемъ и думаемъ, если мы то, чѣмъ мы сейчасъ являемся,—мы этимъ обязаны прошлой любви, которая вынесла народъ нашъ дружными усиліями его сыновъ изъ мрака первобытной дикости, изъ узости первоначальнаго суроваго и неприглядиаго существованія. Развѣ и мы не должны съ такою же любовью обращаться къ настоящему и будущему, ко всѣмъ, кто идутъ съ нами, ко всѣмъ, кто идетъ за нами? Развѣ мы не должны отдать то, что мы получили черезъ трудъ и страданіе такимъ же трудомъ и страданіемъ тѣмъ, кто въ немъ нуждается? Развѣ сердца наши не должны биться съ ихъ сердцемъ заодно, одинаково въ часъ радости и въ часъ печали, расширяя до безконечности въ этомъ общемъ чувствѣ и общей надеждѣ нашъ слабый личный размахъ?

Въ этомъ—оправданіе работы на пользу людей и прежде всего того оклеветаннаго ея проявленія, которое называется политикой.

Ее низводятъ на степень чего-то постыднаго и низменнаго, тогда какъ она—самое возвышенное, самое доброе и великое проявленіе воли человѣка, самое безкорыстное и самоотверженное его усиліе.

VI.

Такимъ образомъ, передъ нами, въ мірѣ духовнаго движенія открываются два пути. Одинъ путь—индивидуализма, выражающагося либо въ стремленіи къ безбожному сверхчеловѣчеству, либо въ углубленіи человѣка въ свой личный подвижническій религіозный опытъ. Путь этотъ заманчивъ вслѣдствіе кажущагося величія и широты раскрываемыхъ имъ для самодовлѣющаго и независимаго сознанія горизонтовъ. На самомъ дѣлѣ онъ необычайно кратокъ, ибо ограничиваетъ жизнь предѣлами слабаго достиженія одной личности. Къ тому же онъ даетъ мало реальнаго. Индивидуалистъ удовлетворяется своей мечтой. Онъ думаетъ, но не дѣлаетъ. Другой путь—общественнаго служенія. Человѣкъ, недовольный узкостью своего незначительнаго «я», присоединяетъ себя къ чему-нибудь большему, стоящему внѣ его, включающему его какъ часть своего цѣлаго. Въ такомъ случаѣ уже конечно полной независимости не будетъ. Нужно что-нибудь признать, поставить на первое мѣсто, впереди себя. Нужно вступить въ какую-нибудь Церковь. Церковь не есть уничтоженіе воли индивида, но соціальная ея канализація. Послѣдняя безконечно усиливаетъ эту волю, сливая ее съ подобною же волей другихъ людей. Такое движеніе по общему направленію отнюдь не уничтожаетъ возможности примкнуть, въ рамкахъ цѣлаго, къ одному изъ борющихся въ немъ теченій. Наоборотъ, это будетъ наилучшей службой цѣлому, ибо оно очищается внутренней борьбой, торжествомъ своихъ лучшихъ, избранныхъ силъ.

Что же можемъ признать мы, русскіе, на порогѣ XX вѣка? Ради чего можемъ пожертвовать своей личной жизнью, если назвать жертвой подчиненіе тому, что связываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ и возвеличиваетъ эту личную жизнь? Въ какомъ цѣломъ найдемъ мы ту силу, которая вынесетъ нашу личность за предѣлы ея человѣческаго убожества, дастъ ей всечеловѣческій расцвѣтъ? Выбора нѣтъ. По неумолимому закону реальности, мы можемъ взять только то, въ чемъ мы уже находимся, отдаться только той исторической волнѣ, которая уже насъ несетъ. Кругомъ насъ Россія. Въ насъ самихъ вѣками выращенная Россія. Это общее имя всѣхъ нашихъ чаяній, нашего страха и нашей любви. Въ грусти родины мы узнаемъ другъ друга, въ радости ея вы-

растаемъ во времени и пространствѣ, простираемся въ прошломъ и будущемъ на разстояніи тысячелѣтій.

Что такое Россія, это другой вопросъ. Исканіе на него отвѣта, открытіе Россіи—дальнѣйшая наша трудная задача. Но развѣ не многое уже будетъ достигнуто, когда мы поймемъ и согласимся, что наша дорога къ человѣчеству лежитъ не мимо нашей родины, а въ ней и черезъ ея посредство.

Это будетъ часомъ примиренія съ нашимъ народомъ. Мы отдадимъ ему нашу умственность и пріобрѣтенія культуры. Онъ возвратитъ намъ былую цѣльную и единую волю, онъ вернетъ намъ утраченную въ трудныхъ условіяхъ существованія душевную силу. Эта, нужная для тяжелаго подвига грядущаго обновленія, сила можетъ вырасти и окрѣпнуть только подъ сѣнью родныхъ святынь.

В. Муравьевъ.

Бальзакъ и Достоевскій.[1])

Nous voulons
Plonger au fond du gouffre, Enfer
ou Ciel, qu'importe?
Beaudelaire.

I.

Трудно найти въ міровой литературѣ второй примѣръ такой изумительной родственности двухъ писателей различныхъ странъ и поколѣній, какую являютъ Бальзакъ и Достоевскій.

Пути ихъ творчества такъ же совпадаютъ, какъ и обстоятельства ихъ жизни. Преступный міръ во всѣхъ его проявленіяхъ—отъ глухого броженія въ подпольѣ заговорщиковъ до судебныхъ драмъ и каторжныхъ работъ; дымящіяся язвы большихъ городовъ XIX столѣтія, гдѣ въ темныхъ подвалахъ ютятся кошмары нищеты, позора и тупого примиренія съ ужасомъ окружающаго, а въ угрюмыхъ и низкихъ мансардахъ одинокіе мечтатели, такіе же нищіе, какъ и ихъ подвальные сосѣди, обдумываютъ свои странные замыслы о величіи и безпредѣльной духовной мощи человѣка; вѣчный центръ этого міра—женщина, таинственный источникъ всѣхъ его страстей, вдохновеній, жертвъ и преступленій; а надъ всѣмъ этимъ запутаннымъ сплетеніемъ грѣховъ, пороковъ и подвиговъ—вѣчныя стремленія въ „сосѣдство Бога", mens divinior, „вкусъ къ вещамъ неба", жажда вѣры и невозможность молитвъ—таковъ общій абрисъ ихъ творчества.

Окружая своихъ героевъ самой обыденной обстановкой сѣренькой повседневщины, воспроизведенной во всѣхъ ея темныхъ и непригляднныхъ деталяхъ, они незамѣтно преображаютъ этотъ житейски прозаическій фонъ и заставляютъ пробѣгать по немъ такія фантастическія видѣнія, что группировка ихъ творчества по обычнымъ критическимъ рубрикамъ реализма, быта, мистики или романтизма становится совершенно невозможной. Тотъ особенный „реализмъ, доходящій до фанта-

[1]) Вступительныя главы имѣющей выйти въ свѣтъ книги на ту же тему.

стическаго", о которомъ любилъ говорить Достоевскій, является единственно возможной формулой для характеристики всѣхъ ихъ писаній. Здѣсь уже рѣзко обнаруживается ихъ исконная двойственность.

Бальзакъ считается отцомъ реальнаго романа и непосредственнымъ предтечей его крайняго теченія, натурализма. Достоевскій, по общему мнѣнію русской и западной критики, занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ ряду европейскихъ реалистовъ XIX вѣка.

Но это не мѣшаетъ и поэтическимъ движеніямъ, во всемъ противоположнымъ реализму, считать Бальзака и Достоевскаго своими приверженцами, начинателями или предвѣстниками. Оба они—несомнѣнные романтики, проявляющіе въ своемъ творчествѣ непреодолимое пристрастіе ко всему необычному, исключительному или таинственному, ко всякой душевной ирраціональности, ко всѣмъ міровымъ проявленіямъ уродства, болѣзненности и безумія. Недаромъ учителемъ обоихъ былъ „сумасшедшій берлинецъ" Гофманъ, о которомъ оба они такъ охотно вспоминаютъ.

Той же двойственностью отмѣчены и всѣ проявленія ихъ отвлеченнаго мышленія. Въ области этическихъ, религіозныхъ или общественныхъ исповѣданій въ нихъ, по слову Достоевскаго, „такъ и кишатъ противоположные элементы".

Величайшіе проповѣдники состраданія и милосердія, пламенные защитники „бѣдныхъ людей", „униженныхъ и оскорбленныхъ", всякихъ „бѣдныхъ родственниковъ", „проклятыхъ дѣтей" и „покинутыхъ женщинъ" (заглавія трехъ произведеній Бальзака), они вносили въ свои созданія, устами своихъ героевъ, такую напряженную проповѣдь зла, предъ которой блѣднѣютъ многія страницы ихъ несомнѣннаго преемника Ницше.

Строгіе монархисты и преданные защитники установленнаго церковнаго и государственнаго порядка, они были величайшими мятежниками и разрушителями. Это постоянно отмѣчалось относительно обоихъ. „Помимо его собственнаго желанія или согласія, творецъ этого грандіознаго и страннаго созданія принадлежитъ къ могучей расѣ революціонныхъ писателей",—заявилъ Гюго на другой день послѣ смерти Бальзака. „Бальзакъ оставилъ намъ самыя революціонныя страницы, на какія только способенъ писатель",—говоритъ Эмиль Зола. „Онъ былъ революціей, которая притворилась реакціей",—замѣчаетъ о Достоевскомъ Мережковскій. [1])

Наконецъ, и въ области вѣры сказалось это фатальное раздвоеніе.

---

[1]) *Victor Hugo:* „Actes et paroles". Oeuvres complètes, P. 1882, I, 532.—*Emile Zola:* „Les romanciers naturalistes", P. 1881.—*Д. С. Мережковскій:* „Пророкъ русской революціи", 1906 г., стр. 3.

Неутомимые искатели Бога, фанатики вѣры съ евангельскими стихами на устахъ, они нашли самыя проникновенныя и убѣдительныя, иногда даже кощунственныя, слова для выраженія атеистическаго бунта и высказали съ великой грустью тоскующихъ атеистовъ самые страшные и неопровержимые доводы противъ существованія Бога.

Вотъ почему Достоевскому, какъ Ивану Карамазову за его первую статью, до сихъ поръ съ одинаковымъ жаромъ аплодируютъ церковники и атеисты. Вотъ почему католическіе журналы помѣщаютъ на своихъ страницахъ „Евгенію Грандэ“, а соціалистическія газеты посвящаютъ Бальзаку, какъ „служителю демократіи“, восторженныя статьи. [1])

Одинъ примѣръ изъ ихъ писаній раскроетъ намъ во всей полнотѣ эту исконную двойственность и заранѣе подготовитъ насъ къ самымъ неожиданнымъ и чудовищнымъ противорѣчіямъ ихъ художественнаго творчества и теоретическаго мышленія.

II.

Въ „Дневникѣ писателя“ за 1877 годъ Достоевскій высказался подробно о своемъ отношеніи къ войнѣ. Онъ не только призналъ ее допустимымъ или печально необходимымъ явленіемъ современной международной жизни, но возвелъ ее въ цѣлебнѣйшій принципъ государственной этики. Увлекаясь аргументами своей обоюдоострой казуистики, онъ рѣшился заявить, наконецъ, что долгій миръ звѣритъ и ожесточаетъ человѣка и что международныя кровопролитія необходимы для освѣженія братскаго чувства людей. [2]) Эти страницы „Дневника писателя“ остались до сихъ поръ печальнымъ исключеніемъ во всей русской литературѣ, и, кажется, самыя умилительныя проповѣди Зосимы безсильны смыть съ творчества Достоевскаго это кровавое пятно.

И, можетъ быть, ужаснѣй всего здѣсь то, что этотъ лозунгъ крови едва ли соотвѣтствовалъ подлиннымъ вѣрованіямъ Достоевскаго. Правда, въ одномъ изъ частныхъ писемъ онъ отстаиваетъ ту же точку зрѣнія. Но убѣжденный противникъ смертной казни, самъ стоявшій на эшафотѣ, онъ слишкомъ остро испытывалъ уваженіе къ человѣческой жизни, чтобъ непосредственнымъ чувствомъ допускать естественность, раціональность и справедливость массовыхъ казней современнаго милитаризма.

Есть, впрочемъ и прямыя указанія на его отвращеніе къ этому „величайшему злу“. Когда въ 1870 г., находясь въ Дрезденѣ, онъ читаетъ письма нѣмецкихъ солдатъ изъ-подъ Парижа, онъ приходитъ въ ужасъ и въ отчаяніе отъ свирѣпостей современныхъ войнъ. „Господи,

---

[1]) *Anatole de la Forge:* „Un serviteur de la democratie“. Siècle, 1 août, 1883

[2]) „Дн. пис.“, 1876 г., апрѣль, 1877 г., апрѣль.

что они пишутъ,—стонетъ онъ въ письмахъ къ Майкову,—какъ они больны, какъ голодны". Когда какой-то видный нѣмецкій ученый восклицаетъ въ его присутствіи: „Paris muss bombardirt sein",—онъ доходитъ до послѣдней степени возмущенія и гнѣва.

— „Помните текстъ Евангелія: „взявшій мечъ и погибнетъ отъ меча". Нѣтъ непрочно мечомъ составленное! И послѣ этого кричатъ: „Юная Германія"! Напротивъ,—изжившій свои силы народъ, ибо послѣ такого духа, послѣ такой науки ввѣриться идеѣ меча, крови, насилія и даже не подозрѣвать, что есть духъ и торжество духа, а смѣяться надъ этимъ съ капральской грубостью! Нѣтъ, это мертвый народъ и безъ будущности". [1])

И, наконецъ, въ своемъ послѣднемъ, самомъ глубокомъ, самомъ выношенномъ, самомъ синтетическомъ и искреннемъ созданіи онъ въ лицѣ Зосимы снова призываетъ гибель на „извлекшаго мечъ" и въ одной изъ величайшихъ своихъ страницъ, разсказывая устами Ивана Карамазова о свирѣпостяхъ болгаро-турецкой войны, несомнѣнно проявляетъ свое личное чувство глубокаго возмущенія этими ужаснѣйшими формами человѣческаго страданія.

Но, несмотря на этотъ непосредственный ужасъ, онъ все же рѣшился въ 1877 г., семь лѣтъ спустя послѣ дрезденскаго письма и за три года до карамазовскаго бунта, повторить относительно Константинополя возмутившія его рѣчи нѣмецкаго профессора о Парижѣ.

Тѣ же рѣзкія смѣны проповѣдей добра требованіями жестокости были свойственны и Бальзаку. И онъ рѣшался переходить отъ культа состраданія къ защитѣ массовыхъ кровопролитій, отъ возвышенной реабилитаціи „падшихъ" и „отверженныхъ" къ оправданію Варѳоломеевской ночи или апологіи смертной казни. Замѣчательно, что всѣ злодѣи міровой исторіи отъ Нерона до Цезаря Борджіа вызывали въ немъ неизмѣнное сочувствіе.

Онъ восхищался Людовикомъ XI, преклонялся передъ герцогомъ Альбой и возвелъ на недосягаемую высоту Екатерину Медичи за грандіозную казнь 25 августа 1572 г. Онъ оправдываетъ въ *El Verdugo* рѣшительнаго маркиза, который заставляетъ одного изъ военноплѣнныхъ собственноручно отсѣчь головы всей своей семьѣ—отцу, матери и сестрамъ. Онъ относится съ явнымъ сочувствіемъ къ старому моряку-бретонцу, который приговариваетъ своего единственнаго сына къ смерти и собственноручно связываетъ его во время сна, привѣшиваетъ ему камень на шею и бросаетъ въ океанъ („Драма на морскомъ берегу"). Онъ, наконецъ, съ наивнымъ цинизмомъ восхищается изобрѣтателемъ гильотины, сумѣвшимъ „въ интересахъ человѣчества" найти механизмъ, разрѣшающій всѣ проблемы, поднятыя пыткой и смертной казнью.

[1]) Соч., 1883 г., т. I, Письма, стр. 247, 248.

Это самое тяжелое и гнетущее впечатлѣніе отъ чтенія обоихъ писателей. На страницахъ ихъ часто отъ ихъ собственнаго имени „цитуется фраза, что кровь освѣжаетъ".

Но эти противорѣчія вводятъ насъ въ самую глубокую и смутную область ихъ творчества—въ борьбу евангельскихъ началъ съ противоположными демоническими настроеніями.

Уже Бальзакъ даетъ полную картину этой борьбы „двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ". Несмотря на чисто французскій, болѣе поверхностный характеръ своего мистицизма, Бальзакъ, несомнѣнно, доходилъ иногда въ своемъ эстетическомъ воспріятіи религіи до подлиннаго творческаго волненія передъ Евангеліемъ. По сохранившимся посмертнымъ бумагамъ его видно, что и онъ, какъ Достоевскій, собирался написать свою книгу о Христѣ. И если онъ не оставилъ намъ ни задуманнаго „Христіанина", ни своего „Ecce Homo", онъ, какъ и авторъ Легенды о Великомъ Инквизиторѣ, частью осуществилъ этотъ замыселъ въ своемъ „Іисусѣ во Фландріи" и „Безвѣстныхъ мученикахъ".

О евангельскихъ настроеніяхъ писаній Достоевскаго не приходится распространяться. Главнымъ источникомъ его творчества постоянно служила та книга, по которой онъ въ дѣтствѣ учился читать и съ которой впослѣдствіи онъ не разставался ни въ Мертвомъ домѣ, гдѣ по стихамъ нагорной проповѣди онъ училъ грамотѣ каторжниковъ, ни въ своихъ заграничныхъ скитаніяхъ, ни въ послѣдніе годы своей жизни въ Россіи, когда онъ ежедневно искалъ въ священныхъ строкахъ исхода своей вѣчной тоскѣ по божеству.

Недаромъ его любимымъ стихотвореніемъ, послѣ иконописнаго пушкинскаго „Пророка", оставалась всегда одна огаревская строфа:

Я въ старой Библіи гадалъ,
И только жаждалъ и вздыхалъ,
Чтобъ вышла мнѣ по волѣ рока
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка...

Но это не было ихъ безусловно господствующимъ настроеніемъ. Уже въ разгарѣ своей литературной дѣятельности Бальзакъ собирался воздвигнуть на одной изъ парижскихъ площадей памятникъ автору Гаргантюа съ характерной надписью:

Раблэ,
своему учителю,
Онорэ де-Бальзакъ. [1])

[1]) *Edmond Werdet:* „Portrait intime de Balzac". P. 1859, p. 184.

И въ своемъ послѣднемъ романѣ, словно предчувствуя близкій конецъ, онъ обращается съ прощальной хвалой къ своимъ любимымъ спутникамъ и въ одномъ торжественномъ привѣтствіи соединяетъ таких полярныхъ мыслителей, какъ Раблэ и Сведенборгъ. Оба они представляются ему пророками и предтечами безвѣрія, но въ Раблэ онъ признаетъ „величайшій умъ новаго человѣчества, соединившій въ себѣ Пиѳагора съ Гиппократомъ и Аристофана съ Данте". [1])

Тотъ, кого Ницше назвалъ великимъ Мессіей Возрожденія, стоитъ, несомнѣнно, во главѣ учителей Бальзака и опредѣляетъ характеръ обычныхъ вдохновеній автора Contes drolatiques.

Если Достоевскій не зналъ этихъ колебаній Бальзака между Ѳомой Кемпійскимъ и Пантагрюэлемъ, между Брантономъ и Сведенборгомъ, во всякомъ случаѣ и онъ ни въ одну эпоху своей измѣнчивой жизни не былъ тѣмъ цѣльнымъ пѣвцомъ евангельской любви, тѣмъ горячимъ проповѣдникомъ душевной теплоты въ людскихъ отношеніяхъ, какими были его вѣчно любимые Диккенсъ и Жоржъ Зандъ.

Слишкомъ много антихристіанскихъ началъ проникло въ его проповѣдь и творчество, чтобы усматривать въ его тоскѣ по неосуществимой красотѣ Евангелія стремленіе воплотить въ суровой земной жизни чарующіе небесные завѣты великой книги. Протесты противъ человѣколюбія звучатъ иногда слишкомъ рѣшительно въ рѣчахъ его любимыхъ героевъ, чтобъ видѣть въ немъ самомъ по преимуществу сочувственнаго поэта всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. *Колоссальный демонъ*,—хочется сказать о немъ его собственными словами о Гоголѣ,—столько ночного, темнаго и подпольнаго скрыто въ его созданіяхъ, такая сила отрицанія заложена въ нихъ вмѣстѣ съ самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ соблазновъ—богохульствомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ.

Во всѣхъ проявленіяхъ ихъ творчества проносятся эти двѣ стихіи въ постоянной борьбѣ. На каждомъ шагу насъ ожидаютъ здѣсь самыя кричащія и непримиримыя противорѣчія. Мы должны постоянно помнить, что эти писатели-реалисты были иногда безразсуднѣйшими фантастами, эти монархисты мятежниками, эти христіане атеистами.

III.

Но, несмотря на всю противорѣчивость и исконную двойственность ихъ творчества, одна черта объединяетъ ихъ писанія. Это та напряженность замысловъ, та исключительность образовъ, то безпрерывное состояніе нервной взвинченности, которыми такъ рѣзко повышается или разряжается обычная атмосфера ихъ разсказа.

Они доводятъ всѣ свои замыслы до послѣднихъ предѣловъ и раз-

[1]) *Cousin Pons* Ed. Ollendorf. P. 1900, p. 163.

вивают основныя черты созданныхъ образовъ до ихъ конечныхъ крайностей. Ихъ міръ, несмотря на все его наружное сходство съ окружающей насъ дѣйствительностью, находится гдѣ-то выше нашего міра и отличается отъ него и призрачными размѣрами всѣхъ своихъ явленій, и внутренними чертами высшей проясненности и силы.

Это обычное у нихъ воспріятіе дѣйствительности часто представляется нашему обыкновенному земному зрѣнію, съ его средней силой и остротой, гиперболическимъ, чудовищнымъ и невозможнымъ. Намъ часто кажется, что оба писателя смотрятъ на міръ и человѣческую душу сквозь увеличительныя стекла слишкомъ непомѣрной силы, сообщающія рѣзкую четкость самымъ неуловимымъ душевнымъ волокнамъ, но доводящія до пугающихъ размѣровъ всѣ видимыя міровыя явленія.

Этой художественной гипертрофіей отличаются прежде всего идеи и убѣжденія ихъ героевъ. Имъ стоитъ прикоснуться къ какой-нибудь теоріи, чтобъ она сразу же разрослась до неимовѣрныхъ размѣровъ. Углубляясь въ ихъ созданія, мы постепенно вступаемъ въ міръ какихъ-то добѣла раскаленныхъ замысловъ и ощущеній. Всякая теплота, умѣренность и середина разъ навсегда изгнаны изъ этого міра крайностей и преувеличеній. Ихъ преступники, ихъ сладострастники, ихъ мученики доводятъ свои пороки, страсти и страданія до такихъ предѣльныхъ размѣровъ, что при всей реальности изображенія этихъ внутреннихъ бурь, ихъ интенсивность и стремительность часто превосходятъ всѣ предѣлы возможнаго. Чтобъ перечислить любовницъ барона Гюло или человѣческія жертвы Вотрена, нужны пріемы, усидчивость и вниманіе профессіональнаго статистика. Чтобъ измѣрить глубину послѣдняго безумія князя Мышкина, чтобы почувствовать безпредѣльность безмолвнаго отчаянія Раскольникова или охватить размахъ философской мысли Ивана Карамазова, нужно быть эпилептикомъ, подвижникомъ, мудрецомъ или ясновидцемъ. Вотъ почему читатели съ средне-нормальнымъ здоровьемъ, міровоззрѣніемъ и эрудиціей часто жалуются на тяжесть, мучительность и непонятность Бальзака и Достоевскаго.

Чтобъ сообщить соотвѣтствующую обстановку всѣмъ этимъ исключительнымъ страстямъ и напряженнымъ переживаніямъ, обоимъ писателямъ часто приходится значительно усиливать и чисто внѣшній трагизмъ своихъ произведеній. Съ этою цѣлью они перегружаютъ фабулы своихъ созданій группировкой невѣроятныхъ событій, нагромождаютъ въ нихъ катастрофы, не брезгаютъ даже явнымъ мелодраматизмомъ для усиленія своихъ трагическихъ эфектовъ, охотно прибѣгая къ специфическимъ интригамъ, скандаламъ и злодѣйствамъ бульварныхъ романовъ.

Въ этомъ усиленіи внѣшняго интереса сказывается ихъ вѣчное стремленіе къ общему повышенію повѣствовательнаго тона. Обычная

фабула ихъ созданій приближается къ мелодрамѣ по тѣмъ же законамъ, въ силу которыхъ счастье ихъ героевъ всегда граничитъ съ блаженствомъ, страданіе съ безнадежностью, вѣра съ откровеніемъ, бредъ съ безуміемъ.

Анри Бергсонъ совѣтуетъ критикамъ пользоваться иногда самыми рискованными сравненіями, лишь бы приблизить свое впечатлѣніе къ сознанію читателя. Бальзакъ и Достоевскій, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ великихъ именъ міровой литературы требуютъ экзотическихъ сравненій. Въ нихъ постоянно какъ бы чувствуется тотъ процессъ душевнаго перерожденія, который вызывается пріемомъ сильныхъ наркозовъ и знаменуется крайнимъ усиленіемъ всѣхъ рельефовъ, полнымъ проясненіемъ контуровъ и тѣмъ рѣзкимъ повышеніемъ общаго душевнаго діапазона, когда, по свидѣтельству посвященныхъ, тревога превращается въ ужасъ, печаль—въ невыносимую муку, и въ теченіе какого-нибудь часа переживается нѣсколько человѣческихъ жизней. Въ ихъ созданіяхъ такъ же чувствуется чудесная острота этихъ видѣній, какъ и тотъ тяжелый, душный и нездоровый ароматъ ядовитаго снадобья, который неизбѣжно сопутствуетъ всѣмъ вознесеніямъ искусственнаго рая.

Объ этомъ состояніи внутренней проясненности и высшаго бытія говорятъ оба писателя. „Мнѣ стоитъ захотѣть,—разсказываетъ Луи Ламберъ, одинъ изъ героевъ Бальзака, рѣзко отмѣченныхъ чертами личности своего создателя,—мнѣ стоитъ захотѣть, и зрѣніе мое затягивается пологомъ. Внезапно я погружаюсь въ свой внутренній міръ и нахожу въ немъ камеръ-обскуру, гдѣ явленія природы воспроизводятся въ чистѣйшей формѣ по сравненію съ той, въ которой они первоначально представились органамъ моихъ внѣшнихъ чувствъ“...

Другой герой Бальзака говоритъ о способности нѣкоторыхъ людей сообщать своему сознанію повышенную дѣйственную силу путемъ какой-то таинственной концентраціи его способностей и вызывать волшебныя видѣнія особеннымъ сгущеніемъ природныхъ явленій. Онъ сравниваетъ въ „Серафитѣ“ дѣйствіе этихъ „рѣдкихъ и страшныхъ демоновъ“ съ дозой фосфора, возбуждающаго жизненныя силы или ускоряющаго ихъ ходъ, съ опіумомъ, который усыпляетъ тѣло, освобождаетъ разсудокъ отъ всѣхъ его путъ, сообщаетъ ему свободный полетъ и показываетъ ему міръ сквозь яркую призму. Онъ сближаетъ, наконецъ, это состояніе съ припадками каталепсіи, уничтожающей всѣ наши ощущенія во имя единственнаго видѣнія. „Чудеса, наважденія, чародѣйство, колдованія—всѣ явленія, неправильно называемыя нами сверхъестественными, объясняются таинственной оптикой, которая усиливаетъ, сжимаетъ, возвышаетъ вселенную, своевольно движетъ ее въ нашемъ воспріятіи, преображаетъ ее, украшаетъ, возноситъ насъ къ

небу или же погружаетъ въ преисподнюю—два слабыхъ слова для выраженія высшаго наслажденія или глубочайшей скорби". [1])

О той же просвѣтленности и неповторяемой интенсивности всѣхъ жизнеощущеній не переставалъ говорить и Достоевскій.

Уже въ одной изъ первыхъ своихъ повѣстей онъ описываетъ своимъ раннимъ стилемъ, на которомъ такъ чувствуется вліяніе Гоголя, тѣ невыносимыя мгновенія, „когда жизненность судорожно усиливается во всемъ составѣ человѣческомъ, яснѣетъ прошедшее, звучитъ торжествомъ, весельемъ настоящій свѣтлый мигъ и снится наяву невѣдомое грядущее"... Впослѣдствіи онъ постоянно возвращается къ изображенію этихъ рѣдкихъ мгновеній „высшаго бытія". „Онъ ощущалъ все въ какой-то удесятеренной полнотѣ", разсказываетъ онъ о своемъ Вельчаниновѣ. И съ какимъ напряженнымъ интересомъ описываетъ онъ состояніе князя Мышкина передъ припадкомъ, „когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятерялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся, какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ"... [2])

Это мгновенное ощущеніе, знакомое столькимъ героямъ Достоевскаго и дающее „неслыханное и негаданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго слитія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни", эти мгновенія высшаго существованія, когда ужасъ непонятнымъ чудомъ смѣняется свѣтомъ, радостью и восторгомъ, когда все въ душѣ порывисто, смутно и лихорадочно, когда рѣчи становятся чуднѣе и одушевленнѣе и на рѣсницахъ блестятъ необъяснимыя слезы,—эти пять секундъ невыносимаго долѣе душевнаго напряженія и ясновидѣнія даютъ намъ самое яркое представленіе о характерѣ творческихъ вдохновеній Бальзака и Достоевскаго.

IV.

A des idées nouvelles des mots nouveaux.
Louis Lambert.

Недоставало словъ, которыя могли бы выразить ужасъ.
„Идіотъ", ч. III.

Это вѣчное исканіе восторга и изступленія приводило ихъ къ послѣднимъ границамъ самыхъ необычныхъ и жуткихъ ощущеній. Оба они любили говорить о чувствѣ головокруженія надъ безднами.

---

[1]) Balzac. Oeuvres complètes, édition définitive, P. 1869—1876, XVII, 5, 137.
[2]) Соч. I, 347; VI, 240.

Оба старались прослѣдить послѣдніе изгибы той извращенной психологіи, для которой въ чувствѣ неминуемой опасности кроются источники острыхъ наслажденій. Оба они понимали уже отмѣченное Пушкинымъ упоеніе „бездны мрачной на краю“...

Сколько героевъ ихъ испытываютъ эту смѣсь ужаса и блаженства, это томительное и отрадное ожиданіе гибели, это непобѣдимое влеченіе къ глубокимъ, неизвѣданнымъ и смертельно опаснымъ проваламъ. Въ преступленіяхъ, въ страсти, въ творческихъ порывахъ, въ порокѣ, въ святотатствѣ, въ самоубійствѣ, въ религіозныхъ вдохновеніяхъ, въ любви и смерти,—всюду, гдѣ они такъ неутомимо искали изступленныхъ восторговъ, они нащупывали края этихъ послѣднихъ обрывовъ человѣческаго духа въ пропасти безсознательнаго или небытія.

„Abyssus abyssum! Бездна бездны!—въ изступленіи кричитъ полубезумный Ламберъ,—о, радость, охватывающая людей, когда они до головокруженій пляшутъ надъ пропастью“... „Послѣдняя степень опасности обладаетъ такой же властью надъ душой, какъ сильнѣйшіе наркозы надъ тѣломъ. Это вольтовъ токъ въ сферѣ духа“,—опредѣляетъ самъ Бальзакъ эту непреодолимую жажду всего, „что гибелью грозитъ“. И та же тяга къ безднамъ никогда не переставала волновать Достоевскаго. И его постоянно мучила „потребность хватить черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи—дойдя до пропасти, свѣситься въ нее, какъ ошалѣлому, внизъ головой“. [1])

Какъ изобразить эти почти невыносимыя напряженія сознанія, какъ раскрыть обычными средствами человѣческой рѣчи эти исключительныя состоянія духа? Какъ выразить словами всю ту область могучихъ и смутныхъ ощущеній, которую Бальзакъ такъ мѣтко назвалъ „невыразимымъ человѣческаго духа“? Какъ, по слову Достоевскаго, „осмыслить непостижимое“, выразить въ образѣ „то, что не имѣетъ образа“?

Въ творчествѣ Достоевскаго постоянно прорываются жалобы на эти муки слова. „Во всякой геніальной или новой человѣческой мысли,—говоритъ онъ уже въ полномъ расцвѣтѣ своихъ творческихъ силъ,—всегда остается нѣчто такое, чего никакъ нельзя передать другимъ людямъ, хотя бы вы и исписали цѣлые томы“.—„Ты иногда страдаешь, что мысль не пошла въ слова?“ спрашиваетъ одинъ изъ его героевъ.—„Это благородное страданіе, мой другъ, и дается лишь избраннымъ“. [2])

И на границѣ этого невыразимаго оба они останавливались въ нерѣшительности. Не положенъ ли здѣсь предѣлъ слову и не нужно ли для полнаго изображенія этихъ порывовъ и вознесеній какія-то иныя,

---

[1]) Balzac, XV, 377.—„Дневн. Пис.“, 1876.

[2]) „Соч.“, VI, 426, 442, 448; VIII, 125.

болѣе гибкія и сильныя средства выраженія, способныя раскрыть самую интимную сущность вещей, самыя неуловимыя движенія внутренней жизни? Не начинается ли здѣсь сфера того смутно-могущественнаго, тѣхъ хаотическихъ бесѣдъ „глухонѣмыхъ демоновъ", о которыхъ въ искусствѣ можетъ дать приблизительное представленіе одна только музыка?

Въ своихъ вѣчныхъ мукахъ формы Бальзакъ и Достоевскій оба почувствовали этотъ единственный исходъ. Недаромъ Бальзакъ уже стремился выразить впечатлѣніе отъ словеснаго искусства образами музыкальнаго творчества и смѣлыми сопоставленіями сравнивалъ Гомера съ Моцартомъ, Байрона съ Мейерберомъ и даже рѣшался говорить о рафаэлевскихъ тонахъ Шопена и дантовской силѣ Листа. „Что за опера человѣческій мозгъ,—восклицаетъ одинъ изъ его героевъ,—какія въ немъ непостижимыя бездны!"

И недаромъ оба они проявляли такой глубокій интересъ къ созданіямъ великихъ композиторовъ. Въ бальзаковскомъ „Гамбара", въ „Массимилла Дони", въ „Цезарѣ Биротто" мы находимъ такія же вдохновенныя страницы о музыкѣ, какъ и въ „Неточкѣ Незвановой", „Бѣсахъ" (марсельеза Лямшина), „Вѣчномъ мужѣ" (пѣніе Вельчанинова), „Подросткѣ" (фантазія Тришатова).

Въ музыкѣ ихъ привлекало прежде всего то могучее, суровое, мятежное, что рвется выразить самыя глубокія потрясенія духа. Въ эпоху всеобщаго увлеченія Россини Бальзакъ рѣшительно предпочитаетъ всей итальянской сладкозвучности сѣверные мотивы германской музыки. И съ тою же жаждой могучаго Достоевскій преклоняется передъ Бетховеномъ,—въ особенности передъ его Sonate pathétique,—отзываясь съ пренебреженіемъ о „чахоточныхъ" мелодіяхъ Шопена.

Ихъ обоихъ постоянно влекло къ себѣ это срываніе покрововъ со всѣхъ душевныхъ тайнъ, обнаженіе самыхъ недоступныхъ и темныхъ глубинъ сознанія, мучительныя попытки раскрыть міръ и духъ въ ихъ абсолютной сущности, во всѣхъ изгибахъ ихъ разорванности,—все то, что другой, родной имъ по духу, мыслитель опредѣлилъ, какъ зарожденіе трагедіи изъ духа музыки. Мы постоянно чувствуемъ у нихъ эти стремленія какъ-нибудь выразить то вѣчно становящееся и никогда не застывающее, что не можетъ найти себѣ полнаго выраженія ни въ словѣ, ни въ линіи, ни въ пластикѣ.

Въ своихъ вѣчныхъ порывахъ къ воплощенію невоплотимаго они должны были прійти къ этому пониманію вселенной, какъ музыкальнаго начала. Вотъ почему и передъ ними широко раскрылись тѣ же пути въ безконечное, которые Карлейль, Шопенгауэръ и Ницше уже различали въ музыкѣ.

Отсюда всѣ великіе грѣхи ихъ искусства противъ обычныхъ требо-

ваній художественности, вкуса и чувства мѣры. Все непонятное, все хаотическое, стихійно-порывистое и примитивно могучее, что такъ часто искажаетъ основныя линіи ихъ творчества и обезображиваетъ въ немъ обычныя литературныя формы, объясняется этими безсознательными влеченіями выразить словомъ всю смутную область душевныхъ ощущеній.

Недаромъ французская академія такъ упорно гнала отъ себя Бальзака, а Достоевскаго до сихъ поръ часто ставятъ у насъ, какъ художника, ниже Гончарова и Тургенева. Въ этихъ революціонныхъ стремленіяхъ осмыслить непостижимое и воплотить „то, что не имѣетъ образа“, въ этихъ попыткахъ захватить сферу музыки для разрѣшенія всѣхъ мученій слова, они, конечно, не могли избѣжать грѣховъ безформенности, непонятности, грубости или безобразія.

Могли ли быть совершенными стилистами, безукоризненными ювелирами, гранильщиками и граверами слова эти мятежники и предтечи, которые стремились запечатлѣть міръ въ его вѣчномъ предопредѣленномъ движеніи и человѣка во всѣхъ его безпорядочныхъ метаніяхъ, паденіяхъ и взлетахъ?

Одинъ изъ типичнѣйшихъ героевъ Бальзака, мученикъ творчества, безплодный геній и вдохновенный теоретикъ, пытается изобрѣсти странный инструментъ *пангармониконъ*, который долженъ одинъ замѣнить цѣлый оркестръ, передавая всѣ его звуки отъ вздоховъ струнъ до грома мѣди.

Это лучшій прообразъ ихъ творчества. И въ немъ постоянно проносятся всѣ отголоски мірового оркестра, и жизнь поетъ всѣми своими голосами отъ звенящаго дѣтскаго смѣха до хриповъ старческаго сладострастія, отъ молитвенныхъ гимновъ до криковъ отчаянія и ужаса. Это какой-то тысячеголосый хоралъ, осуществленный въ словѣ „пангармониконъ“ геніальнаго безумца—

Экстазъ молитвъ, хваленій и веселій,
Проклятій, ропота, богохуленій, слезъ...

И этими громадными, взволнованными, всеобъемлющими эпопеями, въ которыхъ міръ раскрывается во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, звенитъ всѣми звонами и гудитъ всѣми гулами, Бальзакъ и Достоевскій вносятъ въ исторію мірового творчества совершенно новый видъ литературнаго эпоса—романъ-симфонію.

Леонидъ Гроссманъ.

Противъ солнца.

Распространеніе русскаго государства къ востоку.

I.

„Славяне, которымъ три столѣтія суждено было напирать противъ солнца, къ востоку, стоятъ теперь съ своимъ неизмѣримымъ царствомъ предъ Соединенными Штатами, отраслью германскаго племени, которая между тѣмъ столь же неудержимо стремилась вслѣдъ за солнцемъ, къ западу".

Этими словами рисуетъ въ 1860 г. положеніе Россіи на Тихомъ океанѣ знаменитый Миддендорфъ. [1])

Чтобы достигнуть Тихаго океана русское племя должно было пройти все необъятное пространство Сибири. Въ этомъ своемъ движеніи къ востоку, противъ солнца, русская народность претерпѣла большія измѣненія. Та борьба съ пространствомъ, морозомъ, водой и лѣсомъ, которую приходилось вести русскимъ, представляла продолженіе такой же борьбы съ природой, которую давно вели жители „поморья", русскаго сѣвера, откуда по большей части и выходили піонеры сибирской колонизаціи. Продолженіемъ прошлаго было и постоянное общеніе съ чужими народностями.

Но если прежде русскимъ приходилось имѣть дѣло съ одной финской расой, то теперь къ финскимъ народностямъ надо прибавить еще тюркскія, монгольскія и манчжурскія племена южной и восточной Сибири.

Самое положеніе представителей русской народности, заброшенныхъ за тысячи верстъ отъ родной страны, служило поводомъ интенсивнаго расоваго смѣшенія. Сожительства и браки русскихъ съ инородческими женщинами представляли одинъ изъ главныхъ источниковъ измѣненія русскаго племени въ Сибири. При этомъ однако русская народность и

---

[1]) *Миддендорфъ:* „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", т. I, ч. I, Спб., 1860 г., стр. 188.

русская культура, постоянно видоизмѣняясь, сохраняла все таки свои основныя черты. [1])

Но если Сибирь представляетъ въ самомъ типѣ русской народности большія особенности и отличія отъ коренной Россіи, то все же во многомъ исторія русскаго движенія въ Сибири — только повтореніе того, что было по эту сторону Камня—Уральскаго хребта.

Здѣсь, по эту сторону, были уже выработаны пріемы и навыки охотничьей промысловой колонизаціи, составлявшей первую волну русскаго движенія на востокъ. Здѣсь были уже созданы прочныя формы народной и государственной жизни, перенесенныя послѣ за Уралъ, гдѣ мы отчетливо можемъ ихъ наблюдать.

На примѣрѣ болѣе поздней сибирской колонизаціи, мы можемъ изучать явленія болѣе ранней сѣверно-русской колонизаціи.

То, что для московской Руси уже прошлое, по мѣрѣ удаленія отъ Москвы, для Сибири можетъ еще быть настоящимъ.

Здѣсь сказывается законъ соотношенія времени и пространства, какъ факторовъ историческаго процесса.

Соціальное явленіе испытываетъ аналогичныя перемѣны, преодолѣвая пространство и время. Соціальное явленіе для данной мѣстности измѣняется во времени. Для даннаго момента времени соціальное явленіе различно при перемѣнѣ пространства.

Изъ соціальнаго центра, средоточія жизни даннаго общества, круговыми волнами расходятся какое-нибудь соціальное явленіе—образъ жизни людей, вкусы и наклонности, экономическія отношенія зависимости, формы труда, административные навыки и привычки.

Наблюдая все пространство, гдѣ дѣйствуетъ данное человѣческое общество, въ разрѣзѣ любого момента времени, мы можемъ видѣть— все дальше и дальше, чѣмъ позже мы смотримъ—эти застывшіе круги, отзвуки того, что прежде жило въ центрѣ, но что тамъ давно уже умерло.

Удаляясь въ пространство, мы можемъ догнать эти убѣгающіе круги, какъ бы догнать прошлое. 1000 верстъ на сѣверъ или востокъ отъ соціальнаго центра могутъ имѣть для изслѣдователя такое же значеніе какъ 100 лѣтъ въ глубь временъ.

Дѣйствіе этого закона соотношенія времени и пространства можно наблюдать только при большихъ размѣрахъ пространства. Русская исто-

---

[1]) Обзоръ литературы по исторіи и этнографіи Сибири даютъ *Пыпинъ:* „Исторія русской этнографіи", т. IV, Спб., 1892 г. и *Межовъ:* „Сибирская библіографія". Спб., 1903 г., *В. Харузина.* Матеріалы для библіографіи этнографич. литературы. Спб., 1904 г. (Прилож. къ IV выпуску „Этнографіи" Н. Н. Харузина), см. *Н. М. Ядринцевъ:* „Сибирскіе инородцы", Спб., 1891 г., стр. 167, сл.

рія есть исторія общества, занявшаго огромное пространство. Философія значенія этого пространства въ историческомъ процессѣ есть философія всей русской исторіи.

II.

Русскіе проникаютъ въ Сибирь задолго до объединенія Сѣверной Руси Московскимъ государствомъ. Къ сѣдому прошлому—едва ли не къ XI вѣку—относится начало морскихъ плаваній новгородцевъ по Студеному морю на востокъ, къ устью Оби, а можетъ быть, и дальше. Одновременно новгородцы проникаютъ на востокъ и сухимъ путемъ,—въ XI вѣкѣ мы видимъ ихъ на Печорѣ. Вступая въ тѣсныя сношенія съ югрой по эту сторону Урала, новгородскіе купцы, даже если сами не проникали за Камень, получали свѣдѣнія о томъ, что тамъ дѣлается. Въ результатѣ всѣхъ слуховъ и разсказовъ очевидцевъ возникаетъ особое сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ Восточнѣй странѣ", о самояди, живущей „надъ моремъ", „вверху Оби рѣки великія". „Ядь ихъ мясо оленье, да рыба, да межи собою другъ друга ѣдятъ"; самоѣды „не велики возрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми, и стрѣльцы скоры и горазды, а ездятъ на оленяхъ и собакахъ. А платье носятъ соболье и оленье, а товаръ ихъ соболи". [1])

Къ XIV вѣку относятся уже достовѣрныя извѣстія о новгородскихъ походахъ за Камень. Московское государство продолжаетъ дѣятельность, начатую новгородцами и устюжанами. Въ XV вѣкѣ происходятъ походы московскихъ воинскихъ людей за Уралъ, на теченіе Оби и Иртыша. Василій III включаетъ въ свой титулъ наименованіе Кондинскій и Обдорскій. Но только въ концѣ XVI вѣка, съ развитіемъ владѣній Строгановыхъ въ Пермской землѣ, походомъ Ермака начинается прочное и постоянное движеніе русскихъ въ Сибирь. [2])

Иниціатива этого движенія принадлежитъ Строгановымъ. Когда грамотами Ивана Грознаго устанавливается право Строгановыхъ для заведенія промысловъ за Камнемъ построить острожки, вести наступательную и оборонительную войну, то этимъ частная власть Строгановыхъ облекается государственными задачами.

---

[1]) См. *Д. Н. Анучинъ:* „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака"—въ *Древностяхъ*, изд. Моск. арх. общ., ч. XIV, 1890 г. Самое сказаніе тамъ же и въ сборникѣ *А. Титова:* „Сибирь въ XVII вѣкѣ", М., 1890 г. Ранніе списки сказанія дошли отъ XV вѣка, но составлено оно несомнѣнно раньше.

[2]) О роли Строгановыхъ въ Пермской землѣ см. *С. Ѳ. Платоновъ:* „Очерки смуты", изд. 3-е, Спб., 1910 г., гл. I (тамъ же въ примѣч. и библіогр. указанія). *А. Дмитріевъ:* „Пермская старина", особ. выпуски IV, V и VI (прил.). Пермь, 1892, 1894 и 1895 гг. *Устряловъ:* „Именитые люди Строгановы". М., 1842 г.

Но государственность вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ видъ частной власти, и содержимые Строгановыми военные люди дѣлаются людьми, необходимыми и для промышленной дѣятельности Строгановыхъ.

Завладѣніе Сибирью началось именно съ частнаго предпріятія, хотя и облеченнаго правительственными функціями. Это обстоятельство необходимо ясно сознавать.

Очень скоро Строгановы стушевываются, и изъ-за нихъ на первый планъ выступаетъ фигура московскаго царя, который беретъ на себя эксплоатацію мѣховыхъ сокровищъ новой страны.

Уже въ 1585 году московскій государь сообщаетъ Цесарю, что его люди „царство Сибирское взяли“. Московскій посланный Лукьянъ, согласно своему наказу, такъ описываетъ это царство: „Объ рѣка великая, въ ширину есть верстъ на пятьдесятъ, а городы по ней Государь нашъ велѣлъ поставить, и нынѣ поставлено городовъ съ семьдесятъ“. [1])

Это, конечно, дипломатическія небылицы, желаніе пустить пыль въ глаза иноземцамъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ словахъ заключается программа того, что собиралось дѣлать въ Сибири московское правительство. Именно, постройкой городовъ закрѣпляется второе (послѣ гибели Ермака 1584 г.) покореніе Сибири. [2])

Въ 1586 г. заложенъ городъ Тюмень, за нимъ слѣдуютъ Тобольскъ (1587 г.), Пелымь (1593 г.), Нарымскій острогъ (1596 г.), Кетскій острогъ (1596 г.), Томскъ (1604 г.), Кузнецкъ (1618 г.), Маковскій острогъ (1619 г.), Енисейскъ (1618 г.).

Но еще прежде, чѣмъ потокъ русской колонизаціи дошелъ до Енисея, можно замѣтить какъ бы повторныя его струи, вливающія населеніе въ Сибирь новымъ путемъ. Вѣхи этого пути — Верхотурье (1598 г.) и Туринскъ (1600 г.).

---

[1]) „Пам. дип. снош.“, т. I, стр. 922 и 939.

[2]) Основными пособіями по исторіи Сибири остаются старыя работы *Миллера:* „Обозрѣніе Сибирскаго царства“, 2-е изд., Спб., 1787 г., продолж. въ „Ежемѣсячныхъ соч.“ 1764 г., и *Фишера:* „Сибирская исторія“, Спб., 1774 г. Затѣмъ должны быть названы книги: *Словцова:* „Историч. обозр. Сибири“, изд. 2-е, Спб., 1886 г., *Щеглова:* „Хронолог. перечень главнѣйшихъ событій Сибирской исторіи“, Ирк., 1883 г., цѣнная статья *А. П. Щапова:* „Историко-географическое распредѣленіе русской народности“ (Соч., т. II, Спб., 1906 г.) и сжатый очеркъ исторіи Сибири *Г. Лучинскаго* въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, полут. 58, Спб., 1900 г. Ни одинъ изслѣдователь Сибири не оставитъ, конечно, безъ вниманія извѣстной книги *Н. М. Ядринцева:* „Сибирь, какъ колонія“, 2-е изд., Спб., 1892 г. Дальнѣйшую литературу см. у *Пыпина* и *Межова.* Сибирскія лѣтописи изд. въ 1907 г. археогр. ком. Много документовъ сибирской исторіи напечатано въ актахъ историческихъ и доп. къ актамъ историческимъ на основаніи матеріала, собраннаго Миллеромъ. Въ актахъ, списанныхъ для Миллера, допущены, однако, ошибки (объ этомъ см. статью *Н. Н. Оглоблина* въ журн. *Библіографъ,* 1889 г., № 1, 8, 9).

Въ то же время на сѣверѣ основаны Березовъ (1593 г.), Обдорскъ (1593 г.) и, наконецъ, Мангазея (1601 г.). Изъ Мангазеи русскіе стремятся дальше на востокъ, волокомъ доходятъ до Турухана и по нему спускаются въ Енисей. При впаденіи Турухана въ Енисей заложенъ Туруханскъ, или Новая Мангазея, постепенно замѣняющая старую.

Мангазея [1])—первоначально настоящее золотое дно для русскихъ промышленниковъ—по своимъ пушнымъ богатствамъ могла сыграть очень важное значеніе въ развитіи Сибири и сибирской торговли, такъ какъ она являлась конечнымъ пунктомъ морского пути изъ Архангельска.

Этимъ путемъ русскіе мореходы шли изъ Бѣлаго моря, огибая съ юга Вайгачъ, до полуострова Ялмалъ; потомъ поднимались по рѣкѣ Мутной, волокомъ перетаскивали суда до рѣки Зеленой, по ней спускались въ Обскую губу и шли въ Тазовское устье, гдѣ была заложена Мангазея. Черезъ Обь и Енисей сѣверный морской путь связывалъ Сибирь съ Европой. Понятно, что онъ могъ имѣть огромное значеніе.

Въ половинѣ XVI вѣка именно этого пути усиленно начинаютъ искать сѣверо-европейцы. Растущія морскія державы голландцевъ и англичанъ стремятся въ XVI вѣкѣ преодолѣть конкуренцію испанцевъ и португальцевъ, отыскать новые пути въ богатыя страны Азіи, въ „Индію“, создать новыя условія заокеанской торговли. При этомъ географическая мысль англичанъ и голландцевъ искала новаго пути въ Азію въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Усиленно говорили о существованіи *сѣверо-западнаго* морского прохода, огибающаго Америку, и *сѣверо-восточнаго* пути, огибающаго Азію, или по крайней мѣрѣ способнаго по великой рѣкѣ Оби или Енисею привести путешественника воднымъ путемъ въ самое сердце Азіи—въ Китай.

Экспедиція Ченслера 1553 г., открывшая для англичанъ Московское царство, была шагомъ именно на этомъ сѣверо-восточномъ пути. За Ченслеромъ и въ XVI и въ началѣ XVII вѣка слѣдовали и другія англійскія экспедиціи.

Въ устройствѣ голландскихъ поѣздокъ принимаетъ дѣятельное участіе нѣкто Оливеръ Брюнель, служившій прежде у Строгановыхъ, бывшій на Оби, собравшій много свѣдѣній о Сибири—оригинальная фигура отважнаго и предпріимчиваго дѣльца, человѣка практики, а не науки, сознающаго однако пользу науки и готоваго ей принести пользу.

Изъ голландскихъ сѣверо-восточныхъ экспедицій этого времени особенно важны предпріятія Баренца. Въ 1594 г. голландцамъ удается проникнуть въ Карское море и доплыть до устья рѣки Кары, которую они приняли за Обь. Послѣ этого Баренцъ, думая, что водный путь въ глубь

[1]) Это названіе находится уже въ сказаніи о людяхъ невѣдомыхъ. Самоядь тамъ иначе называется Молгонзѣи.

Азіи найденъ, предпринялъ вторую поѣздку, разсчитанную на большія торговыя выгоды. Путешественники везли съ собой обильный запасъ богатыхъ товаровъ. Однако поѣздка была неудачна изъ-за льдовъ, преградившихъ дорогу кораблямъ. Третья экспедиція Баренца стоила ему жизни. Онъ погибъ во время зимовки—первой зимовки западно-европейцевъ въ полярныхъ странахъ.

Въ своихъ поѣздкахъ англичане и голландцы не разъ встрѣчали русскихъ промышленниковъ и самоѣдовъ; изъ разспросовъ путешественники узнавали, что русскія суда постоянно ходятъ черезъ Югорскій Шаръ на Обь и на рѣки, лежащія за Обью. Въ 1611 г. англичанинъ Гордонъ встрѣтилъ въ устьѣ Печоры нѣсколько русскихъ судовъ, готовыхъ плыть въ Мангазею. Гордонъ узналъ отъ русскихъ о пути черезъ Ялмалъ, при чемъ они сказали ему также, что и моремъ объѣхать Ялмалъ нетрудно.

Слѣдуя русскимъ указаніямъ, западно-европейцы, конечно, отыскали бы въ концѣ-концовъ путь, открытіе котораго потребовало отъ нихъ такой упорной борьбы съ полярной природой. Но передъ ними стояло препятствіе, сломившее всѣ ихъ усилія и настойчивость—нежеланіе московскаго правительства допускать „нѣмцевъ“ въ Мангазею. Старанія англичанъ и голландцевъ отыскать морской путь въ Сибирь вселили немалую тревогу въ умы правящихъ на Москвѣ лицъ. „Нѣмцамъ“ запрещаютъ морскія экспедиціи въ Сибирь и всякія сношенія съ приморской Сибирью. У агента англійской компаніи еще въ 1584 г. отбираютъ соболей, купленныхъ для него на Оби его русскимъ коммиссіонеромъ Богдановымъ. Тобольскіе воеводы получаютъ изъ Москвы приказы „провѣдывать приходъ“ нѣмецкихъ людей и быть въ состояніи дать имъ вооруженный отпоръ.

Въ 1620 г. ѣзда моремъ въ Мангазею была запрещена своимъ же русскимъ промышленникамъ изъ боязни, что они, зная дорогу, покажутъ путь иноземцамъ. На Ялмалѣ приказано было построить острожекъ, загораживающій дорогу. Представленія мангазейскаго воеводы не подѣйствовали. Острожекъ на Ялмалѣ, кажется, построенъ не былъ, но московскіе воинскіе люди каждое лѣто до сентября сторожили тамъ, никого не пропуская въ Мангазею.

Такъ изъ боязни западной конкуренціи московское правительство само разрушило зарождавшійся морской путь въ Сибирь. Этимъ подорвано было значеніе Мангазеи, какъ и вообще подорвано торговое развитіе Сибири.

Только теперь, три вѣка спустя, русское правительство пытается возстановить то, что было разрушено, ассигнуетъ средства на оборудованіе морского пути къ устью Енисея. Три вѣка тому назадъ путь этотъ устанавливался самъ собой.

Нѣмецкіе люди, вѣроятно, не ожидали, что именно ихъ усилія найти сѣверо-восточный проходъ запрутъ надолго этотъ проходъ крѣпче всякой полярной зимы. [1])

III.

Причины близоруко-ревниваго отношенія Москвы къ Сибири кроются въ той громадной цѣнности, которую представляла Сибирь для московскаго царя. Это была не цѣнность населенной страны, а цѣнность колоніи. Сибирь была громадным складомъ „мягкой рухляди", и московскій царь, черпая изъ этого склада, думалъ прежде всего о томъ, какъ бы оградить складъ отъ чужихъ взоровъ, а не о томъ, чтобъ обезпечить новой странѣ всестороннее развитіе.

Въ 1584 г. англійскій посолъ Еремѣй Боусъ получилъ такой отвѣтъ на свою просьбу о дозволеніи англичанамъ ѣздить на сибирскія рѣки: „А что написано: пристанища жъ морские Печора да Изленди, да рѣка Обь, тому статись невозможно; тѣ мѣста въ нашей отчинѣ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ приставаютъ английскіе гости, далеко, да и пристаницъ морскихъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ и приставать тутъ не пригодитца, а лише въ тѣхъ мѣстахъ ведутца соболи да кречеты, и толко такие дорогіе товары, соболи и кречеты пойдутъ въ Аглинскую жъ землю, і нашему государству какъ бес того быть?" [2])

Сибирь для Московскаго государства XVII вѣка то же, что въ предъидущемъ столѣтіи Америка для Испаніи, то же, что позже для англичанъ Индія. Недаромъ Сибирь называется „малая Индія". [3])

---

[1]) О Мангазеѣ см. статью *Буцинскаго* въ Запискахъ Императорскаго харьковскаго университета, 1893 г., т. I и „Русск. Ист. Библ.", т. II и VIII. Общій очеркъ сѣверо-восточныхъ путешествій XVI и XVII вѣка у *Литке:* „Четырекратное путешествіе", т. I, Спб., 1828 г. и *Норденшельдъ:* „Путешествіе вокругъ Европы и Азіи". Перев. со шведск. С. Н. Барановскаго и Э. В. Коріандера, Спб., 1881 г. См. еще *Свенске:* „Новая Земля". Спб., 1866 г., *Ю. Шокальскій:* „Морской путь въ Сибирь", Спб., 1893 г. Цѣнныя свѣдѣнія изъ исторіи нидерландскихъ и отчасти англійскихъ морскихъ путешествій на востокъ Ледовитаго океана даны *В. А. Кордтомъ* въ 116-мъ Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. Тамъ же подробная библіографія. Подробныя указанія литературы также у *Пыпина* въ IV т. Ист. русск. этн. и въ Геогр. статист. словарѣ *П. П. Семенова* (статья „Сѣверный Ледовитый океанъ"). Путешествія англичанъ и голландцевъ собраны въ изданіяхъ *Hakluyt*'a „Voyages", I и *Purchas,* „Piligrimes", III. О сношеніяхъ голландцевъ съ Москвой см. еще XXIV т. Сб. Р. И. О., о сношеніяхъ англичанъ съ Москвой—XXXVIII т. Сб. Р. И. О. *Гамель:* „Англичане въ Россіи", Спб., 1865 г., *Ю. Толстой:* „Россія и Англія", т. I, Спб., 1875 г., *И. Любименко:* „Исторія сношеній Россіи и Англіи", ч. I, Юрьевъ, 1912 г.

[2]) Сб. Р. И. О., т. 38, стр. 127.

[3]) Неофитъ, такъ называемый метаморфозскій митрополитъ, заключенный въ Свіяжскѣ за обманъ, говоритъ о „малой Индѣе, глаголемой Сибирью" (*Каптеревъ:* „Сношенія Россія съ православнымъ востокомъ", М., 1884 г., стр. 239).

По словамъ Котошихина, мѣховой казны изъ Сибири ежегодно поступало на 600 тыс. руб. Это составляетъ больше $^{1}/_{4}$ всего государственнаго дохода того времени. Во всякомъ московскомъ посольствѣ, къ Цесарю ли, или къ турецкому салтану, а позже къ флоренскому арцыкнязю и къ шпанскому королю—всюду соболи неизмѣнно пролагаютъ дорогу московскимъ посламъ, служатъ цѣлямъ подарка и подкупа. Въ 1595 г. „по прошенью" Бориса Годунова царь Ѳедоръ отправилъ цесарю въ помощь противъ турскаго салтана мѣховую казну, оцѣненную на Москвѣ въ 44,720 руб., а пражскими торговыми людьми въ 400,000 руб. „опричь трехъ сороковъ лутчихъ; а темъ, Государь, сорокамъ цѣны не умѣли положить, потому добрѣ дороги". [1])

Соболями „платятъ Персицкимъ и Греческимъ купчинамъ и купецкимъ людемъ за товары и кому что будетъ отъ царя приказано даті. А когда бываетъ той казнѣ умноженіе, а росходъ бываетъ малый, продаютъ торговымъ і всякого чину людемъ и даютъ въ долгъ съ поруками по указной ценѣ". [2])

Соболями однако не только расплачиваются за привозимые въ Москву товары.

Иногда съ московскими посольствами ѣдетъ особый купчина-собольщикъ, покупающій предметы роскоши для царскаго обихода и расплачивающійся за нихъ соболями. [3]) Въ этомъ случаѣ сибирская мѣховая казна служитъ не государственнымъ, а личнымъ государевымъ цѣлямъ. Купчина-собольщикъ—торговый агентъ царя, какъ бы приказчикъ крупнаго собственника мѣховой казны.

Служилые люди, дѣйствующіе въ Сибири, царскіе агенты по сбору мягкой рухляди, носятъ также характеръ не только представителей власти, но и промышленныхъ приказчиковъ. Положеніе Сибири двойственное. Съ одной стороны, Сибирь — часть Московскаго государства, тамъ строятся острожки, дѣйствуютъ военные люди, туда посылаются такіе же воеводы, какъ и по московскимъ городамъ. Но, съ другой стороны, Сибирь какъ бы частное владѣніе, промышленное предпріятіе государевой казны.

Представители власти, служилые люди, воеводы, стрѣльцы, дѣти боярскія, казаки пѣшіе и конные, собирая ясакъ все въ новыхъ мѣстахъ, не только желаютъ этимъ раздвинуть границы государственной территоріи, но прежде всего радѣютъ о прибыли государевой казны. Ища прежде всего „великаго Государя прибыли" [4]) приводятъ казаки новыхъ ясачныхъ людей подъ высокую государеву руку.

---

[1]) Пам. дипл. снош., т. II, стр. 292.

[2]) *Котошихинъ*, л. 136 об., стр. 93, по изд. 1903 г.

[3]) „Др. Рос. Вивл.", т. IV, стр. 192 и 271.

[4]) М. А. М. Ю. Дѣла Сиб. Прик. Ст. № 368, нумер. свертокъ, л. 24/2.

Еще на Иртышѣ, выступая преемникомъ Кучума, московскій царь былъ сибирскимъ царемъ. Но въ остальной Сибири Московское государство не приходитъ на смѣну другому, прежде установившемуся государству. Связь Москвы съ новой землей не государственная, а только финансовая.

Въ то время, когда послѣ смутнаго времени въ Москвѣ вырабатываются новыя представленія о государственной власти, когда государственность въ политическихъ понятіяхъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ патримоніальными взглядами, при мысли о Сибири старыя вотчинныя понятія одерживаютъ верхъ надъ новымъ представленіемъ о государствѣ. Московское царство въ XVII вѣкѣ послѣ смуты уже гораздо больше государство, чѣмъ царская вотчина. Сибирь въ это время, наоборотъ, еще гораздо больше государева вотчина, чѣмъ государство.

Государевы служилые люди должны были оберегать туземцевъ—„иноземцевъ", какъ наивно ихъ величаютъ русскіе источники—отъ всякаго торговаго общенія съ русскими промышленными людьми прежде сбора ясака. Свою мягкую рухлядь иноземцы должны прежде всего отдавать въ видѣ ясака. При этомъ первоначально ясакъ почти не имѣетъ вида подати: въ обмѣнъ за мягкую рухлядь иноземцы получаютъ подарки—одекуй (бисеръ), олово, мѣдные котлы и тазы. Иногда служилые люди прямо получаютъ предписаніе покупать „на Государя" мягкую рухлядь. [1])

Промышленные люди должны, не входя въ сношенія съ „иноземцами" до сбора ясака, сами „промышлять" звѣря и платить государевымъ людямъ десятую пошлину съ добытыхъ шкурокъ. [2])

По мѣрѣ заселенія Сибири, когда тамъ появляются болѣе или менѣе значительные русскіе поселки, когда туда пошли не только промышленные, но и крестьяне, когда Сибирь понемногу принимаетъ обликъ русской земли,—она начинаетъ все больше утрачивать характеръ частной государевой колоніи, и власть царя все больше превращается изъ вотчинной въ государственную. Но чѣмъ дальше на востокъ, чѣмъ глуше тайга, чѣмъ пустыннѣе тундра, чѣмъ рѣже русскіе поселки, тѣмъ яснѣе и чище сохраняется первоначальный характеръ Сибири—государевой колоніи. Только по мѣрѣ того, какъ за Камень начинаетъ вливаться русское населеніе, Сибирь-колонія постепенно все дальше отступаетъ на востокъ передъ Сибирью—частью Московскаго государства.

Въ 1645 г. въ семи западно-сибирскихъ уѣздахъ по подсчету г. Бу-

---

[1]) М. А. М. Ю. Дѣла Сиб. Прик. Ст. № 75, л. 620. Посланные на Яну Посникъ Ивановъ и Өедька Миловановъ везутъ пудъ одекую и три кунка „на подарки иноземцомъ и для покупки на тебя Государя мяхкой рухляди".

[2]) См., наприм., М. А. М. Ю. Дѣла Сб. Пр. Ст. № 310, л. 17, 24, 25. Ст. № 75, л. 172, 181.

цинскаго основалось до 8 тыс. русскихъ семействъ (при 5 тыс. инородческихъ семей). [1]) Въ эту цифру входятъ какъ служилые и посадскіе (т.-е. преимущественно промышленные) люди городовъ и острожковъ, такъ и пашенные крестьяне, переселившіеся за Камень.

Пробираясь все дальше зимой на лыжахъ, лѣтомъ по рѣкамъ въ судахъ, [2]) отыскивая все новыя ясачныя землицы и новыя звѣриныя богатства, основывая временныя зимовья, которыя затѣмъ часто превращаются въ постоянные острожки, промышленные и служилые люди являются представителями какъ бы иррегулярной колонизаціи, за которой слѣдуетъ волна регулярной въ видѣ администраціи, церкви и крестьянства.

Начальство каждой новой административной экспедиціи, устанавливающей новый уѣздъ—воеводы, товарищи ихъ, дьяки, письменные головы обыкновенно года черезъ два возвращались въ Москву, но подчиненные имъ служилые люди оставались на мѣстахъ, обзаводились домами въ новомъ острогѣ и очень скоро выписывали вслѣдъ за собой свои семейства.

„Чтобъ служилые люди безъ покаяніи не умирали", во вновь отстроенныя церкви сибирскихъ городовъ правительство посылаетъ поповъ черныхъ и бѣлыхъ, наказывая выбирать для этого людей „крѣпкожительныхъ и учительныхъ и небражниковъ".

Но всѣхъ этихъ служилыхъ и духовныхъ людей надо было кормить. Посылать хлѣбъ изъ Россіи было дорого и затруднительно. При всякой задержкѣ наступалъ бы (и часто дѣйствительно наступалъ) голодъ. Поэтому правительство старается продвинуть все дальше въ глубь новой страны самое производство хлѣба.

Магазинъ „хлѣбныхъ отпусковъ" въ Верхотурьѣ замѣняется устроеніемъ „государевой пашни" за Камнемъ. Тобольскъ начинаетъ доставлять хлѣбные запасы въ Мангазею и въ Енисейскъ. Довольно скоро хлѣбопашество заводится и въ Енисейскѣ. [3])

Переселеніе въ Сибирь совершается двумя путями „по прибору" и „по указу". Приборъ служилыхъ людей происходилъ такъ, что сперва прибирался сотникъ, онъ уже прибиралъ десятниковъ, а тѣ—рядовыхъ. Такъ вербовались партіи служилыхъ въ Устюжскомъ краѣ для посылки въ Сибирь, такъ же прибирались въ самой Сибири партіи охотниковъ, отправлявшіяся въ новыя землицы.

---

[1]) *Буцинскій:* „Заселеніе Сибири", Харьковъ, 1889 г., стр. 184. См. вообще VIII главу этой книги.

[2]) О путяхъ и способахъ движенія русскихъ въ Сибири см. *Н. П. Загоскинъ:* „Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-петровской Россіи", Казань, 1909 г.

[3]) О „государевой пашнѣ" см. особ. А. И., т. III, № 172, Д. А. И., т. II, № 73. *Н. Н. Козьминъ:* „Очерки прошлаго и настоящаго Сибири", Спб., 1910 г.

При отправленіи въ Сибирь полагались казенныя подводы и суда и выдавалась „подмога“—въ $1^1/_2$—2 руб. для служилыхъ людей и до 30 руб. для поповъ.

Приборъ крестьянъ, такъ же, какъ и служилыхъ людей, происходилъ преимущественно въ сѣверно-русскихъ, поморскихъ уѣздахъ. Желающимъ переселиться въ Сибирь на „государеву пашню“ давалась льгота на два-на три года, подмога и ссуда. Иногда приборъ опредѣленнаго числа крестьянъ возлагался на какую-нибудь область въ видѣ повинности, наприм., Соли-Вычегодской велѣно въ 1590 году прибрать для переселенія въ Сибирь 30 семействъ пашенныхъ крестьянъ. [1])

Колонистами „по указу“ были „переведенцы“ изъ дворцовыхъ селъ и ссыльные.

Первымъ ссыльнымъ въ Сибири былъ, кажется, углицкій колоколъ, доставленный въ Тобольскъ въ 1593 г. вмѣстѣ съ угличанами послѣ розыска, произведеннаго по поводу событій, сопровождавшихъ убійство царевича Дмитрія. [2])

Ссылка въ Сибирь получаетъ свое развитіе съ самаго начала XVII вѣка, еще до указа 1653 г. За время отъ 1593 г. до 1645 года можно насчитать до 1,500 ссыльныхъ, не считая женъ и дѣтей ихъ. Въ это число входятъ до 650 иноземцевъ—военно-плѣнныхъ и пытавшихся бѣжать съ русской службы. Большинство ссыльныхъ иноземцевъ—литвины и поляки, но есть среди нихъ и нѣмцы, и даже оранжевенинъ.

Ссыльныхъ, какъ и гулящихъ людей, мѣстные воеводы охотно верстаютъ въ службу или на пашню. Тюремное заточеніе ссыльныхъ, даже государственныхъ преступниковъ и душегубцевъ, рѣдко продолжается больше одного года—двухъ лѣтъ. Такимъ образомъ, ссылка въ первой половинѣ XVII вѣка имѣла для Сибири важное колонизаціонное значеніе, введя до $^1/_8$ населенія въ страну.

IV.

Въ первую четверть XVII в. русскіе на сѣверѣ и на югѣ тогдашней Сибири дошли до линіи Енисея. Движеніе на востокъ отъ Енисея протекаетъ двумя путями—сѣвернымъ и южнымъ, изъ Мангазеи и Енисейска, по Нижней Тунгускѣ и по Ангарѣ.

Мангазейцы около 1620 г. проникаютъ на Вилюй и получаютъ первыя свѣдѣнія о „великой рѣкѣ“—Ленѣ. Черезъ десять лѣтъ дѣйству-

[1]) *Буцинскій:* „Заселеніе Сибири“, стр. 195.

[2]) Колоколъ этотъ возвращенъ въ Угличъ въ 1891 г., во время 300-лѣтія со дня убійства царевича Дмитрія. Теперь онъ помѣщается въ музеѣ-дворцѣ царевича въ Угличѣ.

етъ на Ленѣ, собирая ясакъ съ якутовъ, мангазейскій атаманъ Мартинъ Васильевъ. Еще черезъ два года происходитъ новая экспедиція мангазейцевъ на Лену. Но тутъ они неожиданно встрѣчаются съ соперниками—енисейскими казаками, проникшими на Лену черезъ Ангару, Илимъ и Куту. Енисейцы начинаютъ усиленно заниматься Ангарой въ 20-хъ годахъ. Въ 1627 году Максимъ Перфирьевъ доходитъ вверхъ по Ангарѣ до Шаманскаго порога. Въ 1629 г. Хрипуновъ въ поискахъ серебряной руды дошелъ до Илима и отправилъ казаковъ на „великую рѣку Лену", о которой онъ получилъ свѣдѣнія отъ тунгусовъ и бурятъ. Посланные Хрипуновымъ казаки присоединились къ атаману Василію Бугру, который въ томъ же году пошелъ на Лену съ 10 казаками. По возвращеніи Бугра на Лену посланъ Иванъ Галкинъ съ 30 казаками. Галкинъ устанавливаетъ новую дорогу на Куту. Въ 1632 году сотникомъ Петромъ Бекетовымъ основанъ ленскій острогъ—позднѣйшій Якутскъ.

Въ это время и происходитъ встрѣча енисейскихъ казаковъ съ мангазейскими. Встрѣча была далеко не мирная. Происходитъ настоящее сраженіе между мангазейскимъ отрядомъ Степана Корытова и енисейцами Петра Бекетова. Бекетовъ разбитъ и долженъ отступить. Потомъ енисейцы берутъ верхъ. Галкинъ отряжаетъ своихъ казаковъ сторожить Корытова въ устьѣ Алдана. Имъ удается схватить Корытова.

Ясакъ—главная причина ссоры мангазейцевъ съ енисейцами. Съ однихъ и тѣхъ же якутовъ ясакъ берется два раза. Якутовъ, давшихъ ясакъ енисейцамъ, мангазейцы разсматриваютъ какъ немирныхъ и соотвѣтственно съ ними поступаютъ. Окончательно распря енисейцевъ и мангазейцевъ разрѣшается тѣмъ, что новыя ясачныя землицы не поступаютъ ни тѣмъ, ни другимъ. Въ Якутскѣ открывается самостоятельное воеводство, не зависящее ни отъ Мангазеи, ни отъ Енисейска.

Тѣмъ временемъ движеніе казаковъ продолжается. Одни изъ нихъ спускаются внизъ по Ленѣ, другіе поднимаются по ея притокамъ Алдану и Витиму.

Въ 1636 г. десятникъ Елисей Буза, спустившись по Ленѣ до „студенаго моря", идетъ на западъ морскимъ берегомъ до Оленка и подымается по Оленку, куда тѣмъ временемъ устанавливается и сухопутное сообщеніе съ Лены. Черезъ два года Буза изслѣдуетъ морской берегъ на востокъ отъ Лены, дойдя до р. Яны и поднявшись по ней. Въ то же время на Яну сухимъ путемъ проходитъ Посникъ Ивановъ. Отъ Яны Ивановъ идетъ въ Юкагирскую землю на Индигирку. „И в Ындигер де, Государь, рѣку,—сообщаетъ онъ,—многие реки впали, а по всѣмъ де по тѣмъ рекамъ живутъ многие пѣшые и оленные люди, а соболя и звѣря всякаго много по всѣмъ по тѣмъ рѣкамъ и землямъ. Да у юкагирскихъ же де, Государь, людей серебро есть, а

гдѣ они серебро емлютъ, того онъ Посничко не вѣдаетъ. и про иные де ему многие землицы юкагири разсказывали, а подлинно де, Государь, онъ Посничко про тѣ землицы разсказать не умѣетъ, потому мало ихъ юкагирскаго языку зналъ". [1])

Морское побережье завлекаетъ казаковъ все дальше и дальше. За Яной слѣдуетъ Индигирка, за ней Колыма. Затѣмъ доходятъ слухи о другихъ рѣкахъ, впадающихъ въ море. Чукчи разсказываютъ про рѣку Анадырь. Партія служилыхъ и промышленныхъ рѣшаетъ отыскать эту рѣку.

Вдоль морского берега на востокъ отправляется нѣсколько кочей—небольшихъ судовъ, одному изъ которыхъ удается дѣйствительно пройти моремъ до Анадырскаго устья. Это знаменитое путешествіе Семена Дежнева 1648—49 гг. Оно является прямымъ и естественнымъ продолженіемъ дѣятельности казаковъ на Студеномъ морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дежневъ—предшественникъ Беринга, болѣе чѣмъ за полстолѣтіе до него разрѣшившій вопросъ, „сходится ли Азія съ Америкой". Но открытіе Дежнева осталось неизвѣстнымъ для европейскаго міра, и все значеніе его путешествія ему самому не сдѣлалось яснымъ. Практическаго значенія путь Дежнева не получилъ, такъ какъ „студеное море" было почти постоянно затерто льдами. Одновременно съ Дежневымъ Стадухинъ пришелъ на Анадырь сухимъ путемъ, и именно этотъ путь получилъ признаніе. Дежневъ и его открытіе остались почти неизвѣстными представителямъ географической науки. Ремезовъ въ своей чертежной книгѣ ставитъ на Чукотскомъ носу надпись: „конца не имѣетъ". Даже послѣ того какъ Миллеръ въ архивной пыли отыскалъ донесеніе Дежнева, раздавались голоса сомнѣнія (Словцовъ). Только новыя изслѣдованія г. Оглоблина положили конецъ ученому недовѣрію.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что путешествіе Дежнева прошло совершенно никѣмъ незамѣченнымъ. Мѣстныя власти, казаки и промышленники хорошо знали объ этомъ путешествіи. Отъ нихъ слышали коечто Страленбергъ и Мессершмидтъ. Слышалъ о морскомъ пути вокругъ Чукотскаго носа и Берингъ, когда предпринималъ свое путешествіе.

„Жители сказываютъ, что прежъ сего симъ путемъ хаживали", пишетъ Берингъ о пути съ устья Колымы на Анадырь. [2])

Такимъ образомъ, какъ линія Енисея была только базой на пути къ великой рѣкѣ Ленѣ и Студеному морю, такъ Лена была только промежуточной станціей на пути къ Тихому океану. Но на-ряду съ сѣверной анадырской дорогой были найдены и другія.

---

[1]) М. А. М. Ю.: „Дѣла сибирскаго приказа", ст. 75, л. 617. Д. А. И., II, № 88.

[2]) *Ремезовъ:* „Чертежная книга Сибири", оконч. въ 1701 г., изд. 1882 г. арх. ком. *Словцовъ:* „Историч. обозрѣніе Сибири", 2-е изд. Спб., 1886 г. *Оглоблинъ:* „Семенъ Дежневъ". М., 1890 г. *Полонскій* о Берингѣ въ „запискахъ гидрогр. департ.", VIII, 1850 г., стр. 548—549.

Въ 1637 г. томскій атаманъ Дмитрій Копыловъ собираетъ ясакъ на Алданѣ, гдѣ основанъ Бутальскій острожекъ. Копыловъ, поднимаясь по Алдану, пробивается и въ сосѣднія области. Посланный имъ Иванъ Москвитинъ доходитъ съ 20 чел. до Охотскаго моря. Такъ была найдена вторая, средняя, дорога къ океану. Южную, амурскую, предстояло еще найти. Москвитинъ привозитъ уже свѣдѣнія о рѣкѣ Чи, т.-е. Зеѣ, притокѣ Амура.

На основаніи отчасти этихъ свѣдѣній въ 1643 г. предпринимается экспедиція Василія Пояркова. Собравъ себѣ партію въ 130 человѣкъ, преимущественно промышленныхъ, Поярковъ поднимается по Алдану, съ неимовѣрными усиліями переходитъ черезъ горный хребетъ и по Зеѣ спускается на Амуръ. Въ столкновеніи съ даурами Поярковъ терпитъ неудачу, но она не мѣшаетъ ему доплыть до амурскаго устья. Моремъ Поярковъ плыветъ до Ульи, возвращается на Алданъ и въ 1646 г. заканчиваетъ въ Якутскѣ свое поразительное круговое плаваніе, предпринятое безъ всякихъ картъ, безъ точнаго знанія мѣстности, на основаніи разспросовъ „иноземцевъ" и своихъ собственныхъ догадокъ, доведенное до конца съ желѣзной волей, несмотря на мученія голода и всевозможныя препятствія. Однако, плаваніе это не принесло большихъ практическихъ результатовъ и было только первой развѣдкой. Прочныхъ связей на Амурѣ Поярковъ не завязалъ, а своей жестокостью отпугнулъ мѣстныхъ жителей. Настоящій завоеватель Амура не Поярковъ, а Хабаровъ, отправившійся въ путь по возвращеніи Пояркова, въ 1647 г. Хабаровъ пошелъ новымъ путемъ—по Олекмѣ. Его партія составилась изъ очень небольшого числа служилыхъ людей, предоставленныхъ ему якутскимъ воеводой, и промышленныхъ людей, набранныхъ имъ самимъ. Проникнувъ благополучно на Амуръ, оцѣнивъ богатства края, но вмѣстѣ прослышавъ о сопротивленіи дауровъ и манчжуръ, Хабаровъ вернулся въ Якутскъ за новыми охотниками и, набравъ ихъ до 200 человѣкъ, опять пошелъ на Амуръ.

Путешествіями Хабарова брешь была пробита, и русскіе хлынули на Амуръ. Подъ вліяніемъ слуховъ о Дауріи совершенно пустѣетъ Илимскій уѣздъ, изъ котораго казаки ушли на Амуръ. [1])

Въ срединѣ XVIII в. устанавливается и прямой путь изъ Енисейска на Амуръ черезъ Ангару и Байкалъ, [2]) минуя Якутскъ. Важность новаго края и его независимость отъ Якутска офиціально утверждается назначеніемъ въ Нерчинскъ своего воеводы—Пашкова.

Такъ, къ срединѣ XVII в. устанавливаются три дороги къ Тихому

[1]) См., наприм., Д. А. И., т. IV, № 10, 38 и др. *Фишеръ:* „Сиб. ист.", стр. 611.

[2]) Первый русскій на Байкалѣ—пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ. Въ 1644 году Василій Колесниковъ черезъ Байкалъ проникаетъ на Верхнюю Ангару.

океану. Эти три дороги можно видѣть и на современной этнографической картѣ Сибири—по нимъ развѣтвляется потокъ русской колонизаціи.

Пути были открыты, но надо было ихъ удержать. Малочисленные отряды казаковъ были достаточны для анадырскаго и охотскаго пути, но имъ приходилось труднѣе въ странѣ „свирѣпыхъ дауровъ".

Страна эта совершенно отличалась отъ сѣверныхъ областей восточной Сибири тѣмъ, что русскіе колонисты имѣли въ ней дѣло не съ одними только безпорядочными инородческими племенами. Амуръ входилъ въ сферу вліянія большого государства—Китая. Это сразу измѣнило положеніе проникшихъ на Амуръ служилыхъ и промышленныхъ людей. Изъ промышленниковъ московскаго государя они сдѣлались представителями Московскаго государства.

V.

Въ Китаѣ какъ разъ къ срединѣ XVII вѣка принимаетъ рѣшительные размѣры переворотъ, установившій манчжурскую династію на тронѣ богдыхановъ. Этотъ переворотъ, обратившій Китай въ сильное военное государство, удѣляющее немалое вниманіе Манчжуріи и Амуру, имѣлъ для русскихъ значительныя послѣдствія.

Русскіе завоеватели Сибири натолкнулись на китайцевъ не неожиданно для себя. Съ самаго начала XVII вѣка русскіе ищутъ дороги въ Китай. [1]) Посольство къ Алтынъ-хану доставляетъ свѣдѣнія, что „Китайское государство стоитъ на край губы морской, а городъ де кирпичный, а около де городу ходу конемъ десять денъ". [2])

Въ 1654 г., одновременно съ утвержденіемъ русскихъ на Амурѣ, отправляется въ Китай изъ Тобольска черезъ земли калмыковъ и монголовъ посольство Байкова. Посольство это не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ Байковъ изъ боязни умалить величество своего государя не желаетъ говорить о цѣли своего прибытія съ приближенными богдыхана прежде самого богдыхана. Ни одна сторона не переупрямила, и Байковъ вернулся ни съ чѣмъ.

Послѣ этого сношенія съ китайцами ведутся черезъ Нерчинскъ. Въ Нерчинскѣ же происходятъ въ 1689 г. переговоры Θедора Головина съ китайскими представителями, въ числѣ которыхъ находились іезуиты Жербильонъ и Перейра. Головинъ былъ обманутъ іезуитами, сообщив-

1) Первое путешествіе казачьихъ атамановъ Петрова и Ялычева въ Китай относится даже къ 1567 г. См. *Бартольдъ:* „Исторія изученія Востока въ Европѣ и Россіи", Спб., 1912 г., стр. 163. *Сахаровъ:* „Сказанія русскаго народа", т. II, Спб., 1849 г.

2) *Фишеръ:* „Сибирская исторія", стр. 260. См. вообще для русско-китайскихъ отношеній *Бантышъ-Каменскій:* „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами", изд. В. М. Флоринскимъ, Каз., 1882 г.

шими о приближеніи тридцатитысячнаго китайскаго войска, котораго въ дѣйствительности не существовало. [1]) Подъ вліяніемъ этого слуха Головинъ пошелъ на уступки и отказался отъ Амура. По нерчинскому трактату русско-китайская граница идетъ по р. Горбицѣ, а у Охотскаго моря по р. Удѣ. Теченіе Амура отходитъ къ Китаю.

Отказъ отъ Амура въ 1689 году имѣлъ печальныя послѣдствія для русскаго движенія къ востоку. Основной путь къ Тихому океану былъ прерванъ. Не имѣя главнаго пути, русская колонизація пробиралась сѣвернѣе изъ Якутска къ Охотску, но настоящей силы потокъ этой колонизаціи не могъ достигнуть, онъ терялся за Леной, почти не доходя до океана, какъ въ песчаной пустынѣ рѣки теряются въ пескѣ, не дойдя до моря. Слабость позднѣйшихъ русскихъ владѣній въ Америкѣ таилась именно въ слабости и удаленности ихъ сибирской базы. Петръ Великій, укрѣпивъ для Россіи выходъ къ морю на Западѣ, не возстановилъ главнаго выхода къ восточному морю, хотя, можетъ быть, онъ и пришелъ бы къ мысли о необходимости такого возстановленія, если бы могъ больше времени и силъ отдать Востоку.

Движеніе русскихъ на востокъ къ океану всетаки продолжалось и послѣ утраты Амура, но движеніе это преслѣдовало почти исключительно торговыя и промышленныя задачи, не создавая русла для колонизаціоннаго потока. Въ самомъ концѣ XVII вѣка русскіе проникли на Камчатку—первая экспедиція Вл. Атласова относится къ 1696—97 годамъ.

Постепенно такимъ образомъ былъ открытъ весь восточный берегъ Сибири. Но океанъ не остановилъ русскаго движенія. Русскіе пытаются выйти въ море, отыскать и тамъ новыя землицы и новые промыслы. Русскіе ищутъ острововъ за моремъ. Въ 1711 г. Иванъ Козыревской и Данило Анцыферовъ на байдарахъ ходили изъ Большерѣцка на Курильскіе острова. Ходятъ слухи и о какой-то большой землѣ за моремъ. Въ 1715 г. на Камчаткѣ жилъ иностранный человѣкъ, который „объявлялъ о себѣ, что онъ родился въ такой землѣ, гдѣ растутъ кедровыя деревья высокія и на нихъ орѣхи гораздо крупнѣе Камчатскихъ, а сія де земля лежитъ отъ Камчатки на востокъ“. [2])

Теперь въ дѣло русскаго мореходства вступаетъ новый факторъ, котораго прежде не было: правительственная инипіатива и западно-европейская техника. Прежде русскіе землепроходы плавали, какъ Богъ на душу положитъ, основываясь на своемъ собственномъ опытѣ и разспросахъ мѣстныхъ людей. Изъ Москвы они не получали совѣтовъ, такъ какъ въ Москвѣ и некому было дать эти совѣты. Теперь сказывается

---

[1]) См. *Бартольдъ*, указ. соч., стр. 93 и 171.

[2]) См. „Ежемѣсячныя сочиненія“, 1758 г.

культурная реформа Петра Великаго: власти получают инструкціи о новыхъ изслѣдованіяхъ, появляются западные „матрозы“, заводятся карты, компасы, начинается разговоръ объ измѣреніяхъ и вычисленіяхъ.

Наконецъ, организуется первая научная экспедиція на европейскій ладъ. Это—экспедиція Беринга.

23 декабря 1724 года Петръ далъ Берингу, датскому уроженцу, поступившему на русскую службу, краткую инструкцію, повелѣвающую построить на Камчаткѣ одинъ или два бота, плыть „на оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на Нордъ“, искать „гдѣ оная сошлась съ Америкой и чтобъ доѣхать до какого города Европейскихъ владѣній, или ежели увидятъ какой корабль Европейской, провѣдать отъ него, какъ оной кюстъ называютъ и взять на письмѣ“.

На примѣрѣ Беринговой экспедиціи ясно видно, что значила утрата Амура. Чтобъ дойти до моря отъ Якутска, Берингу пришлось бороться съ такими трудностями, что этотъ его путь уже можетъ быть названъ серьезной экспедиціей. Только 30 іюля 1727 г., на третій годъ послѣ отправленія изъ Петербурга, Берингъ прибылъ въ Охотскъ.

Самая экспедиція происходила въ 1728 г. на судахъ, построенныхъ въ Нижнекамчатскѣ. Главнымъ вдохновителемъ всего дѣла былъ Чириковъ, помощникъ нерѣшительнаго Беринга. Экспедиція, слѣдуя вдоль берега Сибири на сѣверъ, достигла 67°18′ сѣв. широты. Убѣдившись, что далѣе берегъ отклоняется на западъ и „нельзя Азіи соединяться съ Америкой“, Берингъ счелъ свою задачу выполненной и, боясь полярнаго льда, повернулъ назадъ, несмотря на мнѣніе Чирикова, настаивавшаго на томъ, чтобъ итти къ устью Колымы. Весной 1730 г. Берингъ уже прибылъ въ Петербургъ.

Тѣмъ временемъ изслѣдовательская работа на крайнемъ востокѣ Сибири продолжалась. Въ 1729 г. въ Охотскъ добрался казачій голова Аѳанасій Шестаковъ, принявшій суда Беринга. Одно изъ нихъ, ботъ „св. Гавріилъ“, было назначено для плаванія къ р. Удѣ и оттуда на Камчатку и изслѣдованія острововъ, которые попадутся на этомъ пути. Другое судно, „Фортуна“, повезло самого Шестакова на сѣверъ вдоль побережья Охотскаго моря, но не довезло и по дорогѣ разбилось. Шестаковъ погибъ въ столкновеніи съ чукчами на р. Пенжинкѣ.

По его мысли, соперникъ его и преемникъ, драгунскій капитанъ Павлуцкій, отправилъ экспедицію на сѣверъ отъ Камчатки, къ Анадырю и къ „Большой землѣ“, лежащей по слухамъ противъ Чукотскаго носа. Во главѣ экспедиціи находился подштурманъ Ѳедоровъ, замѣнившій больного Генса. Но Ѳедоровъ самъ заболѣлъ, и большую роль въ поѣздкѣ игралъ—и, можетъ быть, еще бóльшую потомъ себѣ приписывалъ—геодезистъ Гвоздевъ. Въ 1732 г. Ѳедоровъ и Гвоздевъ дѣйствительно на-

ткнулись на землю въ недалекомъ разстояніи отъ земли чукчей, между 65° и 66° широты. Они видѣли и людей, но не завязали съ ними отношеній за неимѣніемъ толмача. Эта „Большая земля“ была Америка.

На донесеніе Гвоздева не было сразу обращено достаточно вниманія, но добытыя имъ свѣдѣнія послужили для слѣдующихъ плаваній.

Русское правительство не было удовлетворено несистематическими изслѣдованіями, которыя до сихъ предпринимались. Мысль о планомѣрной законченности изслѣдованій привела къ организаціи великой сѣверной экспедиціи 1733—43 гг. Принятая безъ всякой поддержки общественнаго мнѣнія, эта экспедиція по своимъ размѣрамъ и размаху являлась однако громаднымъ національнымъ предпріятіемъ и вмѣстѣ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ географическихъ изслѣдованій въ исторіи человѣчества. Россіи удалось положить на карту весь сѣверный берегъ Азіи и прослѣдить ея восточный изгибъ. Денежные расходы на экспедицію—360 тыс. тогдашнихъ рублей,—по тому времени и по финансовому разстройству Россіи являлись огромной суммой. Главные организаторы всего дѣла были извѣстный Соймоновъ, издатель перваго печатнаго атласа Россіи Кирилловъ, начальникъ адмиралтействъ-коллегіи Головинъ, Остерманъ и академія наукъ. Экспедиція была тщательно обдумана и подготовлена. Она была проведена не въ видѣ одной поѣздки, а въ видѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ плаваній, причемъ одновременно съ изслѣдователями морского берега, для всесторонняго изученія внутренней Сибири, туда выѣхали академики Миллеръ, Гмелинъ и Делиль. Отдѣльныя плаванія, составившія законченное цѣлое великой сѣверной экспедиціи, были такія: изъ Печоры на востокъ къ Оби (Муравьевъ и Павловъ, а черезъ годъ Малыгинъ и Скуратовъ), на западъ изъ Оби, навстрѣчу (Головинъ), на востокъ изъ Оби до Енисея (Овцынъ, потомъ Мининъ и Кошелевъ), на востокъ изъ Енисея (Мининъ), на западъ изъ Лены (Лазиніусъ и Дм. Лаптевъ), на востокъ изъ Лены (Прончищевъ и Харитонъ Лаптевъ). Въ восточное море — отыскивать Америку—вышли Берингъ и Чириковъ, а на югъ, къ Японіи поѣхали Шпанбергъ, Вальтонъ и Шельтингъ.

Берингъ, задержанный дальностью и трудностью пути въ Охотскъ, могъ выйти въ море только въ 1740 г. Въ слѣдующемъ году онъ отплылъ на двухъ судахъ изъ Петропавловска на Камчаткѣ. Сильная буря разлучила Беринга съ Чириковымъ,—больше имъ уже не суждено было встрѣтиться. Чириковъ увидѣлъ землю 15 іюля подъ 56° шир. Лишенный возможности произвести высадку, онъ скоро повернулъ обратно и благополучно достигъ Камчатки.

Его плаваніе воспѣлъ въ 1742 г. Ломоносовъ въ своей одѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: [1])

[1]) *Пекарскій:* „Ист. Акад. Наукъ“, т. II, Спб., 1873 г., стр. 334.

„Къ тебѣ отъ всточныхъ странъ спѣшатъ
Уже Американски вóлны
Въ Камчатскій портъ, веселья пóлны".

Иная судьба ждала Беринга. Достигнувъ Америки подъ 58°28′ шир. черезъ три дня послѣ Чирикова, онъ открылъ удобную бухту св. Иліи и оставался у береговъ Америки до поздней осени. На обратномъ пути буря загнала его на островъ, названный потомъ его именемъ, гдѣ онъ и скончался отъ холода и лишеній 8 декабря 1741 г. Спутникамъ его только въ августѣ слѣдующаго года удалось добраться до Камчатки. [1])

Американская экспедиція Беринга и Чирикова сыграла роль возбудителя русскаго торговаго мореходства въ сѣверной части Тихаго океана. Команда Чирикова вывезла изъ своего путешествія, кромѣ множества другихъ цѣнныхъ мѣховъ—900 бобровыхъ шкурокъ, продававшихся тогда по 30 руб. Эти бобровыя шкурки и разсказы о богатствахъ новой страны „возбудили предпріимчивый духъ сибирскаго купечества". [2]) Въ 1743 г. происходитъ первый „морской вояжъ" сержанта Емельяна Басова, принявшаго къ себѣ въ компанію московскаго купца Серебреникова. Въ своихъ путешествіяхъ Басовъ промышлялъ бобровъ и котиковъ на островѣ Беринговомъ и, вѣроятно, Мѣдномъ, гдѣ имъ найдена „незнаемая вещь, руда ли она или какая незнаемая вещь, которой взято и привезено фунта съ два" и „новокурьезная рыбка"... [3])

За Басовымъ быстро слѣдуютъ другіе промышленники. Одинъ за другимъ открываются Алеутскіе острова, приводящіе къ Америкѣ инымъ путемъ, чѣмъ шли Берингъ и Чириковъ. Для снаряженія и отправленія судна обыкновенно вступало въ компанію нѣсколько купцовъ. Приказчики ихъ приглашали охотниковъ изъ Иркутска, Якутска или Киренска поступать въ команду судна. Всѣ члены экипажа были пайщиками предпріятія. Число паевъ превышало число людей экипажа; если экипажъ состоялъ изъ 40 человѣкъ, паевъ было 45—46. Изъ лишнихъ паевъ три получалъ штурманъ (мореходъ), два—передовщикъ (корабельный приказчикъ), одинъ пай шелъ на церковь или училище. Половину остальныхъ паевъ получалъ хозяинъ или хозяева судна, а половина дѣлилась

---

[1]) *Соколовъ:* „Сѣверная экспедиція" въ „Зап. гидр. деп.", IX, 1851 г. О Гвоздевѣ и Ѳедоровѣ статья *Соколова*, тамъ же. О Берингѣ—назв. статья *Полонскаго* въ „Зап. гидр. деп.", VIII, 1850 г. О „Сѣверной экспедиціи" см. еще *Миддендорфъ*, назв. соч., т. I и *Норденшильдъ*, назв. соч. Труды *Mueller* „Sammlung russischer Geschichte", III и *В. Берха* „Первое морское путешествіе россіянъ", Спб., 1823 г., устарѣли, такъ какъ нѣкоторые документы, напечатанные Соколовымъ, не были извѣстны Миллеру и Берху.

[2]) *В. Берхъ:* „Подвиги россійскаго купечества". Спб., 1823 г.

[3]) Тамъ же, стр. 4.

по жеребьямъ между промышленниками—людьми экипажа. Полупай приносилъ промышленнику при удачѣ промысла 2—3 тысячи рублей. При неудачѣ промышленникъ оставался въ вѣчномъ долгу у хозяина. Десятина добытыхъ мѣховъ отходила въ казну.

Добыча котиковъ и бобровъ велась самымъ хищническимъ и неразумнымъ образомъ, и морскія богатства быстро уменьшались.

Постепенно вырабатывались бо́льшія и болѣе прочныя компаніи. Самыя значительныя компаніи, дѣйствовавшія уже въ концѣ XVIII вѣка,—якутскаго купца Лебедева-Ласточкина и рыльскаго именитаго гражданина Григорія Шелихова. [1]) Шелихову и его ближайшимъ компаніонамъ удается вытѣснить Лебедева. Въ 1799 г. наслѣдники Шелихова вмѣстѣ съ Голиковымъ и Мыльниковымъ образуютъ „Россійско-американскую компанію“, получившую на 20 лѣтъ привилегію для промысловъ на берегахъ Америки и островахъ Курильскихъ и Алеутскихъ. Въ 1802 году въ число акціонеровъ компаніи вступили Высочайшія особы. [2])

Такимъ образомъ дѣятельность Шелихова, „россійскаго Колумба“, привела къ вытѣсненію конкурентовъ и монополизированію всего промысла. Россійско-американская компанія, управлявшая всѣми дѣлами русской Америки, несомнѣнно много сдѣлала для русской торговли и овладѣнія океаномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ начало монополіи подрывало ея энергію и предпріимчивость. Къ отрицательнымъ сторонамъ дѣятельности компаніи относится жестокое обращеніе съ туземцами,—къ сожалѣнію, общее всѣмъ „культурнымъ“ европейцамъ въ ихъ колоніальной политикѣ.

Въ первой четверти XIX вѣка руководителемъ дѣлъ компаніи былъ Барановъ, человѣкъ исключительной энергіи и широкаго размаха. Торговыя сношенія компаніи простирались при немъ на югъ до С.-Франциско. Барановъ мечталъ о захватѣ Сандвичевыхъ острововъ. Въ Калифорніи была основана русская колонія Россъ. Дѣло шло къ тому, чтобы сѣверная часть Тихаго океана превратилась въ русское внутреннее море. Начиная съ 1803 г., сношенія изъ Петербурга съ русской Америкой поддерживаются моремъ кругосвѣтными путешествіями (первое по плану Крузенштерна).

Но на-ряду съ этимъ подъемомъ въ дѣятельности компаніи были

---

[1]) Тамъ же, стр. 116—119. *К. Хлѣбниковъ* о Шелиховѣ, *Русск. Инв.*, 1838 г., № 77—82 и 84. Путешествія *Шелехова*, изд. въ Спб. 1791 и 1812 гг.

[2]) *Тихменевъ:* „Историческое обозрѣніе образованія Рос.-америк. компаніи“, Спб., 1861—63 гг. Сочиненія *Крузенштерна, Лисянскаго, Головнина* (его записка 1818 г. въ „Матеріалахъ для исторіи русскихъ заселеній на берегу Восточнаго океана“, Спб., 1861 г.). Рѣзкая критика дѣйствій компаніи въ статьѣ *Шашкова:* „Россійско-америк. компанія“. Соч., II, Спб., 1898 г.

темныя стороны застоя и рутины. Суда компаніи находились въ плохомъ состояніи. Поддерживая сношенія съ Петербургомъ, компанія ничего не сдѣлала для улучшенія сношеній съ внутренней Сибирью. Заводя поселенія въ Калифорніи, компанія не пыталась ихъ завести на Амурѣ. Между тѣмъ именно потеря Амура лишала Россію главнаго пути въ Тихій океанъ и обусловливала слабость ея американскихъ владѣній. Если бы американскія владѣнія Россіи прочнѣй укрепились въ новой странѣ и были больше населены, они, несомнѣнно, не были бы проданы. Если бы Амуръ не былъ уступленъ китайцамъ въ 1689 г., онъ послужилъ бы могучей артеріей для русскаго движенія къ востоку и этимъ укрѣпилъ бы русскую Америку. Слабость сибирской базы не дала развиться русской Америкѣ, какъ, быть можетъ, отсутствіе Аляски и Алеутскихъ острововъ служитъ помѣхой развитію приморской Сибири.

Отказъ отъ американскихъ владѣній начался въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, когда были проданы калифорнійскія владѣнія. [1]) Но въ это же время русское государство продвинулось впередъ въ Сибири: Амуръ былъ занятъ русскими.

VI.

Занятіе Амура тѣмъ замѣчательно, что совершилось помимо и противъ воли тогдашняго правительства. Руководитель нашей внѣшней политики гр. Нессельроде, какъ и вообще петербургскія вліятельныя особы, наравнѣ съ представителями россійско-американской компаніи относились крайне отрицательно ко всякимъ мыслямъ объ Амурѣ.

Занятіе Амура на свой страхъ произведено морскимъ офицеромъ Невельскимъ, котораго поддерживалъ восточно-сибирскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ. Тайнаго покровителя самъ Муравьевъ имѣлъ въ лицѣ императора Николая I. Императоръ былъ какъ бы въ заговорѣ противъ своего собственнаго правительства.

Въ началѣ 40-хъ годовъ посланный академіей наукъ Миддендорфъ, совершивъ свою экспедицію на сѣверъ и востокъ Сибири, на обратномъ пути отъ Охотскаго моря проникъ въ область Амура и убѣдился въ томъ, что она фактически не занята Китаемъ и что русскіе могли бы завязать сношенія съ гиляками на Амурѣ. Отчетъ Миддендорфа, приведшаго въ ужасъ академію своимъ переходомъ за русскую границу, попалъ въ руки Николая Павловича. Вмѣстѣ со статьей Полевого въ *Сѣверной Пчелѣ*, въ которой разбиралось значеніе утраты Амура, этотъ отчетъ опредѣленнымъ образомъ повліялъ на ходъ мыслей императора.

---

[1]) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого найдено было золото въ Калифорніи.

Императоръ приказалъ снарядить экспедицію для изслѣдованія устья Амура. Нельзя было не исполнить Высочайшаго повелѣнія, но такъ какъ оно противорѣчило „видамъ правительства", боявшагося дипломатическихъ осложненій, то фактически оно было сведено на нѣтъ. Обслѣдованіе устья Амура было поручено россійско-американской компаніи. При этомъ министръ финансовъ писалъ, что цѣль порученія—„удостовѣриться въ справедливости сложившагося убѣжденія о недоступности устья р. Амуръ". Дѣло въ томъ, что Сахалинъ считался полуостровомъ, не допускающимъ мореплавателя къ Амуру съ юга. Согласно полученнымъ инструкціямъ командиръ брига, назначеннаго для экспедиціи, исполнялъ свое порученіе наскоро и не имѣлъ возможности провести его до конца.

„Сахалинъ полуостровъ, почему р. Амуръ не имѣетъ для Россіи никакого значенія", писалъ, основываясь на результатахъ этой незаконченной экспедиціи, гр. Нессельроде.

На докладѣ Нессельроде государь написалъ: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить". [1])

Несмотря на это Николай не оставилъ вопроса.

Въ 1847 г., назначая Муравьева на постъ восточно-сибирскаго генералъ-губернатора, Николай, между прочимъ, упомянулъ о *русской* рѣкѣ Амурѣ, подчеркнувъ эти слова замѣчаніемъ „à bon entendeur peu de paroles!"

Намекъ Николая былъ понятъ Муравьевымъ.

Въ слѣдующемъ году Муравьевъ поддерживаетъ ходатайство Невельского о разрѣшеніи изслѣдовать устье Амура. Невельской, одинъ изъ самыхъ знающихъ и талантливыхъ русскихъ морскихъ офицеровъ того времени, пришелъ къ убѣжденію въ совершенной необходимости Амура для Россіи, и всѣ силы своей души положилъ на этотъ вопросъ. Невельской былъ назначенъ командиромъ брига „Байкалъ", который строился въ Гельсингфорсѣ для перевозки грузовъ на Камчатку и службы въ Охотскомъ морѣ. И вотъ Невельской умоляетъ адмирала кн. Меншикова разрѣшить ему ознакомиться если не съ устьемъ Амура, то хотя бы съ юго-восточнымъ берегомъ Охотскаго моря, „а въ лиманъ Амура меня официально занесутъ и свѣжіе вѣтры, и теченія". Меншиковъ отвѣчалъ сдержанно-уклончиво.

Придя кругомъ Южной Америки въ Петропавловскъ на Камчатку, Невельской узналъ, что на его просьбѣ еще нѣтъ резолюціи государя.

---

[1]) Живой и содержательный очеркъ занятія Амура читатель найдетъ въ сборникѣ „Пріамурье", изд. обще-земской организаціей, М., 1909 г. См. затѣмъ *Барсуковъ:* „Гр. Муравьевъ-Амурскій", М., 1891 г. и *Б. В. Струве:* „Воспоминанія о Сибири 1848—1854 гг.", Спб., 1889 г.

Тогда онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ. 30 мая 1849 г. бригъ „Байкалъ“ направился изъ Петропавловска къ восточному берегу Сахалина.

3 сентября „Байкалъ“, который считали уже погибшимъ, показался въ Аянской бухтѣ, гдѣ находился тогда Муравьевъ, возвращавшійся изъ Камчатки въ Иркутскъ.

„Сахалинъ—островъ,—закричалъ въ рупоръ Невельской выѣхавшему его встрѣчать Муравьеву.—Входъ въ рѣку Амуръ возможенъ для морскихъ судовъ съ сѣвера и съ юга. Вѣковое заблужденіе разсѣяно“.

Поступокъ Невельского былъ признанъ „подлежащимъ наказанію“, открытіе его отвергалось на томъ основаніи, что противорѣчило докладу Нессельроде. Невельской былъ лишенъ законной награды. Но это не помѣшало ему подъ покровительствомъ Муравьева всячески хлопотать о занятіи устья Амура. Въ результатѣ этихъ хлопотъ онъ былъ отправленъ основать зимовье для расторжки съ гиляками на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, но ему было приказано „ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и р. Амура“.

Вмѣсто этого 1 августа 1850 г. Невельской на устьѣ Амура поднялъ русскій военный флагъ.

Особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Нессельроде постановилъ за „въ высшей степени дерзкіе“ поступки разжаловать Невельского въ матросы. Однако заступничество Муравьева въ личной аудіенціи передъ государемъ спасло Невельского. Поступокъ „въ высшей степени дерзкій“ послужилъ началомъ овладѣнія Амуромъ. Невельской, поставленный начальникомъ „Амурской экспедиціи“, съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ и стойкостью перенося лишенія свои и своей семьи, исполнялъ дѣло, которое онъ считалъ необходимымъ для блага родины. Съ 1854 г. подъ руководствомъ Муравьева начинается энергичная колонизація по теченію Амура, основываются города, переселяются казаки и крестьяне. По трактатамъ 1858 и 1860 гг. теченіе Амура и весь Уссурійскій край до Владивостока присоединены къ Россіи.

Но занятіе Амура произошло слишкомъ поздно, чтобъ оживить въ достаточной степени наши американскія владѣнія. Въ 1867 году они были проданы Соединеннымъ Штатамъ. [1]) Въ этомъ сказался давнишній взглядъ на восточныя владѣнія, какъ на имущество казны, а не какъ на часть государства.

---

[1]) Интересно отмѣтить, что къ этому времени рос.-американской компаніи уже было извѣстно о золотѣ на территоріи Аляски. Но свѣдѣніямъ, добытымъ русскими изслѣдователями, не былъ данъ ходъ. Свѣдѣнія эти не были приняты въ расчетъ при продажѣ. См. *В. И. Вернадскій:* „Опытъ описательной минералогіи“, вып. 3, стр. 342, прим. *К. Богдановичъ:* „Очерки Номе“, Спб., 1901 г., стр. 38.

Дальнѣйшее извѣстно. Упустивъ незанятую Америку, бросились на перенаселенную Азію. Пріобрѣтеніемъ Портъ-Артура хотѣли повторить „дерзкіе поступки" захвата Амура. Но то, что тамъ являлось естественнымъ завершеніемъ русскаго движенія въ Сибири, здѣсь было только вторженіемъ въ чуждую область.

Потеря Портъ-Артура больно сказалась въ свое время, но эта рана заживетъ, если уже не зажила. Напротивъ, потеря Русской Америки—потеря ненужная и ничѣмъ не вызванная—все еще не можетъ быть забыта. Еще придется вспомнить объ утраченныхъ возможностяхъ заокеанскаго стремленія русской колонизаціи, о странѣ, не использованной въ творческой работѣ русской народности.

Г. Вернадскій.

Новыя письма Чехова.

Только что вышелъ новый, четвертый, томъ писемъ Чехова, обнимающій время съ 1892 по 1896 г.,—тотъ періодъ его жизни, который онъ провелъ въ маленькомъ имѣніи своемъ Мелиховѣ, Серпуховского уѣзда, Московской губерніи. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, мы находимъ здѣсь огромное количество свѣжаго, не опубликованнаго ранѣе матеріала для болѣе правильнаго и тонкаго сужденія о характерѣ Чехова, объ условіяхъ, содѣйствовавшихъ его духовному росту, о сознательной и безсознательной борьбѣ его за сохраненіе своей человѣческой и писательской личности въ сумятицѣ нашей плохо организованной, обезличивающей культурной жизни.

Уже третій томъ писемъ Чехова былъ необычайно поучителенъ въ этомъ отношеніи. Мы видѣли, какъ, переживая извѣстный душевный кризисъ и ощущая опасности московской жизни, черезчуръ издергивающей нервы и вовлекающей въ безчисленныя, изнурительныя, малоцѣнныя общенія съ людьми, Чеховъ рѣшился на трудную, долгую поѣздку—черезъ всю Сибирь—на Сахалинъ и оттуда, моремъ, мимо южныхъ береговъ Азіи. Мы видѣли, какъ освѣжило, укрѣпило и обогатило его душу это путешествіе, за которымъ вскорѣ послѣдовала первая его поѣздка въ Европу, открывшая передъ нимъ новые художественные горизонты. Но по возвращеніи въ Москву онъ вновь и съ особенною силою чувствуетъ, какая опасность угрожаетъ его творческому развитію въ суетѣ большого города, подъ вѣчнымъ напоромъ не считающихся съ его внутренними потребностями, злоупотребляющихъ его мягкостью, въ громадномъ большинствѣ нечуткихъ и неделикатныхъ людей, „обрывающихъ звонки“ у его дверей и превращающихъ его кабинетъ „въ курильню и говорильню“. И къ осени 1891 г. въ немъ окончательно слагается мысль уѣхать изъ Москвы—въ провинцію, въ деревню.

Болѣзнь, отъ которой онъ умеръ, уже даетъ себя понемногу чувствовать въ это время, но здоровый инстинктъ превозмогаетъ въ немъ всѣ слабости души и тѣла,—и, не откладывая осуществленія своей мысли въ долгій ящикъ, не входя даже въ особенно точные расчеты предстоя-

щаго, Чеховъ въ февралѣ 1892 г. покупаетъ мало соблазнительное съ внѣшней стороны, плохо устроенное Мелихово и въ началѣ марта уже перебирается туда со своимъ семействомъ. „Ахъ, сколько у насъ хлопотъ. А одиночества хоть отбавляй. Просторно, вольготно“, пишетъ онъ по пріѣздѣ туда Суворину. И это не есть только первое обманчивое ощущеніе впечатлительнаго человѣка. Цѣлый рядъ писемъ, относящихся къ этому періоду его жизни, свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь въ деревнѣ, природа, возможность хоть временно отдаваться одиночеству—въ самомъ дѣлѣ были ему необходимы и спасительны. „Жить въ деревнѣ неудобно, началась несносная распутица, но въ природѣ происходитъ нѣчто изумительное, трогательное, что окупаетъ своей поэзіей и новизной всѣ неудобства жизни... Настроеніе покойное, созерцательное, животное въ томъ смыслѣ, что не жалѣешь о вчерашнемъ и не ждешь завтрашняго. Отсюда издали люди кажутся очень хорошими... Глядя на весну, мнѣ ужасно хочется, чтобы на томъ свѣтѣ былъ рай“... „У насъ жарко. Идутъ теплые дожди. Вечера восхитительные... Въ лѣсу прекрасно... Въ лѣсу чувствуется присутствіе божества“. „Собравши плоды земные... сидимъ и не знаемъ, что дѣлать... Но какъ это ни странно, скуки совсѣмъ нѣтъ. Во-первыхъ, просторно, во-вторыхъ, ѣзда на саняхъ, въ-третьихъ, никто не лѣзетъ съ рукописями и съ разговорами, и въ-четвертыхъ, сколько мечтаній насчетъ весны... Въ головахъ кишатъ планы. Да, атавизмъ великая штука. Коли дѣды и прадѣды жили въ деревнѣ, то внукамъ безнаказанно нельзя жить въ городѣ“. Чеховъ жилъ въ своемъ имѣньицѣ здоровой деревенской жизнью, рано ложился спать, вставалъ иногда въ 4 часа утра, вмѣстѣ со всѣми членами семьи усердно работалъ, преодолѣвая непривычку къ физическому труду, надъ улучшеніемъ своей усадьбы. Главною личною заботою и страстью его было цвѣтоводство и насажденіе деревьевъ, и, читая многія сообщенія его въ письмахъ, невольно вспоминаешь монологи доктора Астрова въ „Дядѣ Ванѣ“ или—когда рѣчь идетъ о плодовыхъ деревьяхъ въ цвѣту—„Вишневый садъ“.

Годъ съ лишкомъ проходитъ,—и вновь Чеховъ говоритъ, въ письмѣ къ Суворину: „Какъ хорошо, что я уѣхалъ изъ города!... Гоните поэтовъ и беллетристовъ въ деревню!... Вѣдь для бѣднаго человѣка городская жизнь не можетъ представить богатаго матеріала въ смыслѣ поэзіи и художества. Въ четырехъ стѣнахъ живутъ, а людей видятъ только въ редакціяхъ и въ портерныхъ“. Если ему случается теперь выбраться въ Москву или поѣхать въ Петербургъ, гдѣ вновь захватываетъ его лихорадочная и по-россійски безалаберная жизнь, онъ, послѣ перваго угара, спохватывается, беретъ себя въ руки и спѣшитъ въ деревню, къ тишинѣ, природѣ и художественной работѣ.

Это не значитъ однако, чтобы Чехову жилось въ это время ровно

и легко. Онъ только преодолѣвалъ въ себѣ и личную неудовлетворенность, и недуги тревожной, тоскующей эпохи. Но жизнь его большой, тонкой, не объятой одною страстью души, правдиво и безо всякой стилизаціи отраженная въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ, является сложною, капризною, неуравновѣшенною. Цѣломудренно-замкнутый въ наиболѣе глубокихъ своихъ переживаніяхъ, онъ не открываетъ себя въ общеніи съ друзьями цѣликомъ (вспомнимъ хотя бы крайнюю сдержанность его въ болѣе раннихъ письмахъ—о смерти любимаго брата Николая), но множество разбросанныхъ въ его перепискѣ намековъ и бѣглыхъ признаній, облеченныхъ зачастую въ шутливую форму, позволяютъ намъ чувствовать его во всей измѣнчивости его настроеній и противорѣчивыхъ стремленій. Иногда, наслаждаясь природой, тишиной, онъ нѣтъ-нѣтъ да и вздохнетъ о томъ, чего нехватаетъ въ деревнѣ. „Сегодня я гулялъ въ полѣ по снѣгу, кругомъ не было ни души, и мнѣ казалось, что я гуляю по лунѣ. Для самолюбивыхъ людей, неврастениковъ нѣтъ удобнѣе жизни, какъ пустынножительство. Здѣсь ничто не дразнитъ самолюбія и потому не мечешь молній изъ-за яйца выѣденнаго. Здѣсь есть гдѣ двигаться и читаешь больше. Не хорошо вотъ только, что нѣтъ музыки и пѣнія и что Васъ сюда никакими силами не затащишь“, пишетъ онъ Суворину. Иногда у него встрѣчаются жалобы на чрезмѣрное одиночество, онъ мечтаетъ о томъ, какъ пріѣдетъ тотъ и другой,—и лѣтомъ небольшой домикъ его, дѣйствительно, оказывается переполненнымъ гостями. Но тогда ему опять становится тяжко: „Ахъ, если бы Вы знали, какъ я утомленъ. Утомленъ до напряженья. Гости, гости, гости!... Пріятно, конечно, быть гостепріимнымъ, но вѣдь душа мѣру знаетъ. Я вѣдь и изъ Москвы-то ушелъ отъ гостей!...“ И порою потребность въ одиночествѣ, въ плодотворной внутренней сосредоточенности становится у него до того сильной, что онъ пишетъ,—какъ въ письмѣ къ Суворину, на четвертомъ году своей деревенской жизни: „Если бы въ монастыря принимали не религіозныхъ людей и если бы можно было не молиться, то я пошелъ бы въ монахи. Надоѣло канителить“...

Но рядомъ, и въ полномъ противорѣчіи съ этимъ, живетъ въ душѣ Чехова беспокойная сила, требующая отъ жизни широкаго размаха, жаждущая бури, „какъ будто въ буряхъ есть покой“. Тянутъ къ себѣ неизвѣстныя дали. Не разъ въ теченіе немногихъ лѣтъ, захватываемыхъ четвертымъ томомъ переписки, почти внезапно снимается онъ съ мѣста, чтобы поѣхать въ Петербургъ, на Кавказъ, въ Крымъ, въ Италію и на Ривьеру. Въ концѣ этихъ поѣздокъ его уже влечетъ домой, а дома онъ вновь мечтаетъ о путешествіи—то въ Америку, то въ Японію, Индію, то въ Испанію, на Корфу, въ Египетъ, въ Южную Африку. „Хочу уѣхать... куда-нибудь подальше, потому что я себѣ ужасно надоѣлъ“ говоритъ онъ внезапно въ письмѣ къ Линтваревой въ первыя же не-

дѣли своего увлеченія деревенской жизнью. „Душа моя просится въ ширь и въ высь, но поневолѣ приходится вести жизнь узенькую, ушедшую въ сволочные рубли и копѣйки...,—пишетъ онъ позднѣе Суворину.—Надо бы выкупаться въ сѣрной кислотѣ и совлечь съ себя кожу, и потомъ обрасти новой шерстью". Настроеніе его все время чрезвычайно неровно. Иногда простой перемѣны погоды достаточно, чтобы онъ упалъ духомъ, почувствовалъ въ свои 32—33 года приближеніе старости, хандру, неохоту къ любимой работѣ. Холодная погода каждый разъ заставляетъ съеживаться все его существо. Сколько разъ это повторяется въ его перепискѣ: „Подуло холодищемъ и стало противно... У меня не характеръ, а мочалка". „Я не терплю холода", „некстати подулъ холодный вѣтеръ, а отъ холода я весь сжимаюсь". Но и другія внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ на него съ такою же остротой. Въ августѣ 1894 года онъ вмѣстѣ съ Потапенко поѣхалъ на Волгу, намѣреваясь плыть до Царицына, а оттуда пробраться въ Таганрогъ. Но доѣхали только до Нижняго: „Отъ жары, сухого вѣтра, ярмарочнаго шума и разговоровъ N. мнѣ вдругъ стало душно, нудно и тошно, я взялъ свой чемоданъ и позорно бѣжалъ... на вокзалъ. Поѣхали обратно въ Москву", пишетъ онъ Суворину по возвращеніи въ Мелихово. Однако, если мы вспомнимъ необычайную выносливость, проявленную Чеховымъ во время его путешествія—въ распутицу, на лошадяхъ—по Сибири, то станетъ ясно, что дѣло тутъ не въ физической, а въ нервной и душевной организаціи. Еще весною 1892 г. онъ пишетъ Суворину: „Вы говорите, что я былъ моложе. Да, представьте... Постарѣлъ я не только тѣлесно, но и душевно... Я встаю съ постели и ложусь съ такимъ чувствомъ, точно у меня иссякъ интересъ къ жизни. Это или болѣзнь, именуемая въ газетахъ переутомленіемъ, или же неуловимая сознаніемъ душевная работа, именуемая въ романахъ душевнымъ переворотомъ; если послѣдняя, то все, значитъ, къ лучшему".

Признаки если не „душевнаго переворота", то усиленнаго внутренняго роста Чехова, несомнѣнно, сказываются въ его письмахъ разсматриваемаго періода. Живя въ уединеніи, онъ многое перечиталъ, передумалъ, и ему все яснѣе становится, что писатель не можетъ безнаказанно оставаться оторваннымъ отъ жизни своего времени, что „живя замкнуто въ своей самолюбивой эгоистической скорлупѣ и участвуя въ умственномъ движеніи только косвенно, рискуешь нагородить чорта въ ступѣ", какъ онъ выражается въ письмѣ 1892 г. къ Суворину. И этой сознательно формулируемой мысли отвѣчаетъ пробуждающійся въ немъ живой движущій инстинктъ,—непосредственное стремленіе къ культурно-соціальной работѣ, которое побѣждаетъ и его „хохлацкую лѣнь"—его любовь къ созерцательной праздности, и его физическое недомоганіе. Уже лѣтомъ 1892 г. Чеховъ взялъ на себя, въ виду приближающейся

холеры, обязанности участковаго врача въ районѣ, обнимающемъ до 25 деревень, и сейчасъ же энергично принялся объѣзжать окрестныхъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, производя сборъ денегъ, необходимыхъ на учрежденіе холерныхъ пунктовъ, выступалъ съ лекціями на тему о холерѣ, бесѣдовалъ съ крестьянами на сходахъ, засѣдалъ въ санитарномъ серпуховскомъ совѣтѣ, посѣщалъ и принималъ больныхъ, какъ настоящій земскій врачъ. За первые же полгода этой дѣятельности онъ принялъ у себя, судя по его собственнымъ сообщеніямъ, до тысячи человѣкъ. Затѣмъ онъ избирается въ уѣздные земскіе гласные и съ интересомъ участвуетъ въ земскихъ собраніяхъ; строитъ школы въ трехъ деревняхъ, строитъ, по желанію крестьянъ, колокольню въ селѣ; въ 1894 г. исполняетъ въ Серпуховѣ, съ большимъ интересомъ, обязанности присяжнаго засѣдателя; въ началѣ 1896 г. участвуетъ въ переписи мѣстнаго населенія. Но и этого всего ему словно мало—онъ проявляетъ иниціативу и въ совершенно другихъ областяхъ. Такъ, въ январѣ 1893 г., пріѣхавъ на короткое время въ Петербургъ, онъ кладетъ начало періодическимъ „обѣдамъ беллетристовъ". Въ 1895 г. принимаетъ необычайно горячее активное участіе въ дѣлахъ весьма цѣннаго, по его убѣжденію, медицинскаго журнала *Хирургическая Лѣтопись:* „Узнавъ, что журналъ погибаетъ,—пишетъ онъ по этому поводу Суворину,—я погорячился; такая нелѣпость, какъ гибель журнала, безъ котораго нельзя обойтись..., гибель изъ-за пустой суммы—эта нелѣпость ударила меня по башкѣ, я сгоряча пообѣщалъ найти издателя, увѣренный вполнѣ, что найду его. И я усердно искалъ, просилъ, унижался, ѣздилъ, обѣдалъ, чортъ знаетъ съ кѣмъ..." Наконецъ, цѣлая серія его писемъ къ городскому головѣ родного ему Таганрога, П. Іорданову, и къ другимъ лицамъ свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ жаромъ и съ какою выдержкою онъ работалъ надъ пополненіемъ таганрогской городской библіотеки, при которой былъ организованъ, по его мысли, широко поставленный „Справочный отдѣлъ".

Онъ дѣлалъ все это съ непосредственнымъ увлеченіемъ, какъ убѣжденный „культурникъ", и какъ разъ къ этому періоду его жизни относится ранѣе опубликованное письмо его къ Суворину, гдѣ онъ заявляетъ, что владѣвшая имъ въ теченіе 6—7 лѣтъ философія Толстого,—его проповѣдь опрощенія во имя моральныхъ цѣлей,—перестала удовлетворять его, такъ какъ онъ „съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать", а теперь „разсчетъ и справедливость" говорятъ ему, „что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣчеству больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса". Несомнѣнно однако, что широкая культурная дѣятельность не только находилась въ противорѣчіи съ потребностью его во внутренней сосредоточенности, которую онъ время отъ времени ощущалъ, но порою и прямо мѣшала его литера-

турной работѣ... „Писать вестаки трудно. Нельзя сосредоточиться“; „О литературѣ и подумать некогда“; „Пока я служу въ земствѣ, не считайте меня литераторомъ. Ловить заразъ двухъ зайцевъ нельзя“; „Не писалось, да и медицина все лѣто мѣшала“,—вотъ какого рода заявленія встрѣчаемъ мы въ его письмахъ. Иногда при этомъ онъ все же говоритъ о медицинѣ, какъ о своей „законной женѣ“, а о литературѣ, какъ о „любовницѣ“. Лѣтомъ 1893 г. встрѣчается такое заявленіе: „Осенью бросаю медицину, къ январю кончаю съ *Сахалиномъ* и тогда весь по уши отдаюсь беллетристикѣ“. Но и въ слѣдующемъ году и дальше онъ, какъ мы видѣли, отдаетъ массу силъ и времени разнымъ видамъ культурнаго дѣланія, отвлекающаго его отъ литературы.

Можно усмотрѣть въ этомъ лишніе признаки его душевной раздробленности и столь характерное для него отсутствіе единой, захватывающей, длительной страсти и цѣли. Онъ самъ, со свойственной ему острой сознательностью, отмѣчаетъ это,—хотя и мелькомъ, не раскрываясь до конца,—въ своихъ письмахъ къ Суворину: „...Влюбиться весьма не мѣшало бы. *Скучно безъ сильной любви*“. „Будь деньги, я уѣхалъ бы въ Южную Африку... *Надо имѣть цѣль въ жизни,* а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль“... Быть можетъ, въ силу этой именно раздробленности внутренней жизни онъ чувствуетъ порою приступы тоски, настроеніе его становится „грызотно-язвительнымъ“. Тогда и литературная работа идетъ у него туго, онъ говоритъ о ней, какъ о какой-то опостылѣвшей обязанности. И вдругъ—опять подъемъ, увлеченіе той или иной общественной задачей, которая, захвативъ его, снова будетъ мѣшать ему работать надъ литературой. Но жалѣть ли объ этомъ съ точки зрѣнія интересовъ его творчества? Не признать ли, наоборотъ, что эти увлеченія общественной работой были спасительнымъ противоядіемъ тому уклону къ меланхолически-созерцательной вялости, который наблюдается у него во всѣ періоды его жизни, своеобразно сочетаясь съ порывами молодой веселости и игрою здороваго юмора, иногда грубоватаго, не брезгающаго тривіальностью, иногда тонкаго и плѣнительнаго. Читая переписку Чехова, все время наблюдаешь борьбу опасныхъ, болѣзненныхъ свойствъ и склонностей его души съ здоровыми ея инстинктами и видишь—побѣду послѣднихъ. Физическое здоровье его все больше расшатывается, а душа крѣпнетъ и свѣтлѣетъ. И въ этомъ постепенномъ укрѣпленіи и проясненіи его души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго его творчества, несомнѣнно, огромную роль сыгралъ развивающійся въ немъ активный интересъ къ разнымъ соціально-культурнымъ задачамъ, требующимъ отъ него разъѣздовъ, соприкосновенія, на дѣловой почвѣ, съ разнородными слоями общества, ознакомленія съ жизнью не по книгамъ и безхарактернымъ, полинявшимъ отъ повторенія разсказамъ ближнихъ, а воочію, собственнымъ художественнымъ воспріятіемъ. Случа-

лось, что Чеховъ не выносилъ непосредственнаго удовлетворенія изъ какихъ-либо опытовъ своей общественной дѣятельности, но зато обогащался при этомъ цѣнными для его творчества впечатлѣніями. Такъ самъ онъ говоритъ, напр., по поводу своихъ поѣздокъ въ голодающія губерніи, въ письмѣ къ Егорову: „...для Васъ и для Вашего дѣла моя поѣздка оказалась безполезной, но... она мнѣ пригодится, ибо дала мнѣ не мало интересныхъ впечатлѣній". И, вспоминая широкую чеховскую Русь въ его созданіяхъ, вспоминая этихъ деревенскихъ слѣдователей, земскихъ врачей, скачущихъ по бездорожью въ какую-нибудь глухую усадьбу, угрюмыхъ помѣщиковъ, молодыхъ купчихъ, учительницъ, посиковъ, церковныхъ сторожей, „доцкаго", бредущаго за десятокъ верстъ въ зимнюю стужу,—говоришь себѣ, что общественная дѣятельность Чехова, въ сущности, отнюдь не была измѣною литературно-творческой работѣ, а напротивъ—инстинктивно-найденнымъ вѣрнымъ путемъ для ея обогащенія.

И еще одно примѣчательно въ этой полосѣ его жизни. Изъ своихъ новыхъ, „дѣловыхъ" сношеній съ людьми онъ выноситъ впечатлѣнія отнюдь не „хмурыя", а бодрящія. Онъ начинаетъ по-новому любить и народъ, и трудящуюся, идущую куда-то впередъ, съ вѣрою въ будущее, русскую интеллигенцію. „А какой прекрасный народъ въ Нижегородской губ. Мужики ядреные, коренники, молодецъ въ молодца... И умный народъ",—пишетъ онъ послѣ поѣздки на голодъ; о своихъ же, серпуховскихъ крестьянахъ говоритъ, что „народъ здѣсь—очень ласковый". А вотъ его замѣчанія относительно интеллигенціи: „Интеллигенція работаетъ шибко, не щадя ни живота, ни денегъ (на холерѣ); я вижу ее каждый день и умиляюсь и когда при этомъ вспоминаю, какъ Житель и Буренинъ выливали свои желчныя кислоты на эту интеллигенцію, мнѣ дѣлается немножко жутко" (изъ письма къ Суворину); „Интеллигенція здѣсь очень милая и интересная. Главное — честная"; „Русскій пестрый читатель если и не образованъ, то хочетъ и старается быть образованнымъ; онъ серьезенъ, вдумчивъ и не глупъ" (изъ письма къ редактору *Нивы*, Луговому); „Юбилей Чупрова прошелъ удивительно. Въ немъ чествовали чистоту, и энтузіазмъ былъ всеобщій. Рѣчи говорились вполнѣ искренно, отъ всей души—ничего подобнаго я не слыхалъ никогда раньше... И выходитъ, что масса тяготѣетъ къ порядочности и жадно набрасывается на нее со своими ласками при первой возможности" (изъ письма къ Суворину). Чрезвычайно чувствительный ко всему неискреннему, некрасивому, неумному въ жизни и людяхъ, Чеховъ менѣе всего способенъ былъ поддаваться наивному оптимизму, но его широкая и глубокая доброта—одно изъ самыхъ рѣдкихъ и чудесныхъ свойствъ человѣческихъ!—постоянно помогала ему побѣждать въ себѣ ту раздражительную, недовѣрчивую, насмѣшливо-настроенную

впечатлительность, которая жила въ немъ на-ряду съ тончайшей деликатностью,—и заставляла его пересматривать многія свои сужденія въ духѣ мягкой и свѣтлой справедливости. И мало-по-малу—въ противоположность тому, что бываетъ съ заурядными людьми—росло въ немъ болѣе довѣрчивое отношеніе къ людямъ, къ таинственнымъ процессамъ самой жизни, къ скрытому отъ нашего сознанія смыслу ея.

Въ молодости—такъ сказать, утверждая себя на позиціи „свободнаго художника", наперекоръ критикѣ того времени, требовавшей отъ искусства опредѣленной общественной тенденціи, Чеховъ любилъ подчеркивать свою непричастность ни къ одному изъ существующихъ общественныхъ лагерей. Теперь окончательно выясняется для него, что онъ можетъ быть заодно только съ тѣми, кто вѣритъ въ свободное развитіе человѣчества и формъ его общежитія, кто борется за уравненіе человѣческихъ правъ и истинныхъ человѣческихъ благъ. Какъ разъ къ эту полосу его жизни происходитъ примиреніе его, послѣ былыхъ непріятностей, съ руководителями *Русской Мысли*, Гольцевымъ и Лавровымъ и постепенное дружеское сближеніе съ ними. Правда, и въ эти годы у него нѣтъ болѣе близкаго человѣка, чѣмъ старикъ Суворинъ, къ которому относится до 100 писемъ изъ 368, вошедшихъ въ разсматриваемый нами томъ. Необычайная внутренняя подвижность, трезвый умъ, талантливость и широта натуры Суворина дѣлали его самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ для Чехова какъ въ личномъ общеніи, такъ и въ перепискѣ. „Только съ Вами я чувствую себя свободно", пишетъ онъ ему въ 1893 г. Онъ совѣтуется съ нимъ о собственныхъ произведеніяхъ и до чрезмѣрности серьезно относится къ его литературному таланту какъ въ области публицистической, такъ и въ области беллетристики и драмы. Не только сердечность, но и какое-то юношеское увлеченіе есть въ его привязанности къ Суворину, и, получивъ извѣстіе о его болѣзни, онъ мчится въ Петербургъ: „Для меня это была бы такая потеря, что я, кажется, постарѣлъ бы лѣтъ на десять", говоритъ онъ по этому поводу, допуская серьезную опасность для жизни Суворина, въ письмѣ къ Щеглову. И тѣмъ не менѣе онъ не слишкомъ идеализируетъ своего стараго друга, письма его къ нему полны свободной, мѣткой критики, да и въ общеніи съ другими лицами у него проскальзываютъ иногда довольно острыя критическія замѣчанія по его адресу. Онъ сознаетъ зыбкость, неустойчивость его и подчасъ раздражается этимъ. И въ публицистическихъ писаніяхъ Суворина многое ему, въ концѣ-концовъ, не по душѣ: „Либеральное Вамъ всегда удается, а когда пытаетесь проводить какія-нибудь консервативныя мысли или даже употребляете консервативныя выраженія (вродѣ „къ подножію трона"), то напоминаете тысячепудовый колоколъ, въ которомъ есть трещина, производящая фальшивый звукъ",—пишетъ онъ ему. Или въ другомъ случаѣ: „Ваше письмо

о Барановѣ [1]) прекрасно. Но только не финалъ „возлюбимъ другъ друга". Нельзя говорить о любви, отхлеставши людей по щекамъ... Вообще... къ Вашимъ письмамъ ужасно не идутъ божественныя слова". Иногда, критикуя Суворина, онъ самъ высказывается, какъ очень прозорливый публицистъ. Таковы, наприм., его строки, заключающія въ себѣ какъ бы нѣкоторое пророчество относительно Портъ-Артура: ...„Мнѣ кажется, что съ этимъ незамерзающимъ портомъ мы наживемъ себѣ массу хлопотъ. Онъ обойдется намъ дороже, чѣмъ если бы мы вздумали завоевать всю Японію". Не менѣе характерно,—хотя и въ другомъ смыслѣ,—то, что онъ говоритъ въ отвѣтъ на хитроумно-дальновидное „Маленькое письмо" Суворина съ проповѣдью столь распространеннаго уже нынѣ спорта и физическихъ игръ для молодежи: „Игры положительно необходимы,—пишетъ ему Чеховъ.—Это и здорово, и красиво, и либерально, либерально въ томъ смыслѣ, что ничто такъ не служитъ къ сліянію сословій, и проч., какъ уличныя и общественныя игры... Но игры должны быть учреждены не ранѣе, какъ студентъ россійскій перестанетъ быть голоднымъ"... Тутъ сказывается уже, въ сущности, все различіе между нимъ и Суворинымъ въ оцѣнкѣ дѣйствительности, въ окраскѣ соціальныхъ перспективъ, въ самой основѣ соціальныхъ вѣрованій: одинъ думаетъ о томъ, какъ пригладить черезчуръ торчащія шероховатости жизни и придать ей, ничего не ломая, видимое благообразіе, другой хотѣлъ бы переработать, перестроить ее въ духѣ справедливости; одинъ играетъ талантливыми выдумками, чтобы заслонить самое страшное въ жизни; другой, не закрывая глазъ на дѣйствительность, отдается мечтѣ о томъ, что черезъ двѣсти-триста лѣтъ наша жизнь станетъ удивительно прекрасной... Повидимому, Чеховъ еще не уяснилъ себѣ въ то время практической, дѣлецкой основы въ характерѣ Суворина и не представлялъ себѣ, что, каковы бы ни были различія между хозяиномъ *Новаго Времени* и его сотрудниками, газета эта была настоящимъ и вполнѣ достойнымъ дѣтищемъ Суворина. Онъ созналъ это лишь позже, въ связи съ дѣломъ Дрейфуса, и тогда многолѣтняя связь его съ Суворинымъ порвалась. Но отношенія его къ *Новому Времени* вполнѣ опредѣлились уже и въ началѣ 90-хъ годовъ и очень явственно проступаютъ въ данномъ томѣ писемъ. „...Старое зданіе затрещало и должно рухнуть,—говоритъ онъ въ 1893 г., въ письмѣ къ брату Александру по поводу чего-то, происшедшаго въ редакціи или на столбцахъ самой газеты.—Старика мнѣ жалко, онъ писалъ мнѣ покаянное письмо, съ нимъ, вѣроятно, не придется рвать окончательно; что же касается редакціи и дофиновъ, то какія бы то ни было отношенія съ ними мнѣ совсѣмъ не улыбаются... По убѣжденіямъ своимъ я стою на 7375 верстъ отъ Жителя и К°. Какъ

[1]) **„Маленькія письма" Суворина.**

публицисты, они мнѣ просто гадки, и это я заявлялъ тебѣ уже неоднократно". Жестоковыйность, бездушіе нововременской публицистики возмущаютъ его. „Зачѣмъ Вы такъ жестоки къ Лессепсу и К°,—пишетъ онъ, приблизительно въ то же время, Суворину.—Французы—жестокій народъ... но и они находятъ приговоръ не въ мѣру суровымъ... Лессепсъ и К° слетѣли съ высоты, уже осуждены и посѣдѣли въ одну ночь. По моему лучше нести упреки въ излишнемъ сентиментализмѣ и въ неполитичности, чѣмъ рисковать быть жестокимъ. У Васъ проскочила одна телеграмма во истину жестокая... 5 лѣтъ тюремнаго заключенія, лишеніе правъ и проч..., а въ телеграммѣ: „мы находимъ это слишкомъ снисходительнымъ". Силы небесныя, что же нужно? И для кого нужно?..."

Отвращеніе къ жестокости, злобности сужденій распространяется у Чехова на всѣхъ повинныхъ въ этомъ грѣхѣ дѣятелей литературы: „Я не журналистъ: у меня физическое отвращеніе къ брани, направленной къ кому бы то ни было; говорю физическое, потому что послѣ чтенія Протопопова, Жителя, Буренина и прочихъ судей человѣчества, у меня всегда остается во рту вкусъ ржавчины, и день мой бываетъ испорченъ. Мнѣ просто больно. Стасовъ обозвалъ Жителя клопомъ, но за что, за что Ж. обругалъ Антокольскаго? Вѣдь это не критика, не міровоззрѣніе, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачѣмъ Скабичевскій ругается?"... Вся русская критика, начиная съ извѣстной эпохи, ужасаетъ Чехова своимъ „тономъ", отголосками тѣхъ недобрыхъ чувствъ, которыя почти постоянно сопровождаютъ отрицательную, разрушающую работу человѣческаго разсудка. „Писаревъ—дѣдушка и папенька всѣхъ нынѣшнихъ критиковъ, въ томъ числѣ и Буренина,—пишетъ онъ Суворину.—Та же мелочность въ развѣнчиваніи, то же холодное и самолюбивое остроуміе, и та же грубость и неделикатность по отношенію къ людямъ. Оскотиниться можно не отъ идей Писарева, которыхъ нѣтъ, а отъ его грубаго тона. Отношеніе къ Татьянѣ (въ Онѣгинѣ), въ частности къ ея милому письму, которое я люблю нѣжно, кажется мнѣ просто омерзительнымъ". Художникъ—въ тѣ часы, когда онъ вѣренъ своей художественной натурѣ—и не можетъ ощущать иначе, чѣмъ Чеховъ, ибо самый судъ его надъ явленіями и людьми—иной, высшій, чѣмъ судъ критикующаго разсудка. Онъ тоже мѣряетъ на мѣру *должнаго* и сознаетъ, какъ несовершенно все, что есть. Но онъ знаетъ про себя, что все несовершенное и не можетъ въ данныхъ условіяхъ быть инымъ, и въ то же время видитъ ту положительную сущность всего живого, изъ которой—въ иныхъ условіяхъ—должно было бы развиться нѣчто болѣе совершенное.

Это *двуединство* художественнаго міросозерцанія все отчетливѣе обозначается въ душѣ Чехова. Съ одной стороны, ему чуждо, какъ мы видимъ, всякое разсудочное морализированіе. Моралисты-теоретики, какъ

онъ говоритъ въ одномъ письмѣ Суворину, разбирая его новую повѣсть,— прямо раздражаютъ его. Надо многое испытать самому, надо „имѣть истинное представленіе о грѣхѣ, а слѣдовательно и о страданіи“, чтобы разбираться въ явленіяхъ человѣческой жизни. Многое, что разсматривается обычно, какъ порокъ, является „не продуктомъ злой воли, а болѣзнью“, и „не дѣло художника бичевать людей за то, что они больны“: больные,—какъ бы ни была отвратительна ихъ болѣзнь—„нуждаются въ тепломъ сердечномъ уходѣ“; „авторъ долженъ быть гуманенъ до кончика ногтей“. Но гуманность истиннаго художника не имѣетъ ничего общаго съ аморализмомъ біолога. „Если химикъ или біологъ говоритъ, что въ природѣ нѣтъ ничего нечистаго и все существующее необходимо, то это понятно, тутъ точка зрѣнія естественника“, говоритъ Чеховъ, разсматривая разсказъ писательницы Е. М. Ш.; но точка зрѣнія естественника не подобаетъ, по его убѣжденію, художнику: „Вашъ писатель (дѣйствующее лицо разсказа) проповѣдуетъ безнравственныя идеи. Онъ говоритъ...: „помните, что Богу всякіе люди нужны“. По существующимъ понятіямъ Богъ есть выраженіе высшей нравственности! Ему могутъ быть нужны только совершенные люди...“ Чеховъ говоритъ здѣсь—какъ бы не со своей собственной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія „существующихъ понятій о Богѣ“, которыхъ онъ, будто бы, не раздѣляетъ. Въ лежащихъ передъ нами письмахъ дважды утверждаетъ онъ, что неумѣло и сурово веденное религіозное воспитаніе привело его къ утратѣ религіи: „религіи у меня теперь нѣтъ“, говоритъ онъ. Но, перечитывая параллельно съ его письмами произведенія, написанныя имъ въ разсматриваемый періодъ времени—такія, какъ „Черный монахъ“, „Три года“, „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“ и др.,—мы на каждомъ шагу замѣчаемъ въ нихъ отпечатки его личныхъ переживаній, слѣды его личныхъ безпокойныхъ размышленій о сущности жизни,—и можно ли не почувствовать при этомъ, что въ немъ жила огромная потребность обрѣсти религію, утвердиться въ опредѣленныхъ, пріемлемыхъ для его разума формулахъ, которыя соотвѣтствовали бы его міроощущенію и подвели бы фундаментъ подъ его непосредственное вѣрованіе въ нѣкую абсолютную Истину, предъявляющую къ человѣку требованія нравственнаго совершенства? Законы жизни, законы біологическіе—это одно, и художникъ не можетъ не учитывать ихъ, но нравственный законъ—это совсѣмъ другое,—и писатель, который подобно Золя въ его „Докторѣ Паскалѣ“, изображаетъ, какъ нѣчто прекрасное, извращенныя чувственныя стремленія человѣческой натуры, оставляетъ насъ неудовлетворенными. „Что Клотильдѣ самой нравилось спать съ Паскалемъ...—удивительнаго мало и, по человѣчности судя, это можетъ быть даже и хорошо; но великому писателю и мыслителю тутъ радоваться нечего“.

Эти мысли Чехова разбросаны во всей его перепискѣ, но два впервые опубликованныя письма его въ данномъ сборникѣ представляютъ особую, совершенно безспорную документальную цѣнность въ этомъ отношеніи. Направленныя противъ современнаго ему писательскаго поколѣнія, которое, по собственному его признанію, интересовало его больше, чѣмъ всѣ новѣйшіе писатели, эти письма дышатъ необычайнымъ темпераментомъ, необычайною у Чехова цѣльностью и энергіей обличительнаго и самообличительнаго настроенія. „Васъ не трудно понять, и Вы напрасно браните себя за то, что неясно выражаетесь,—пишетъ онъ Суворину въ отвѣтъ на высказанное имъ чувство нѣкотораго неудовлетворенія „Палатою № 6“...—Въ нашихъ произведеніяхъ нѣтъ именно алкоголя, который пьянилъ бы и порабощалъ, и это Вы хорошо даете понять... Отчего нѣтъ? Оставляя въ сторонѣ „Палату № 6“ и меня самого, будемъ говорить вообще, ибо это интереснѣе... Наука и техника переживаютъ теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, самы мы кислы и скучны... Причины этого не въ глупости нашей, не въ бездарности и не въ наглости, какъ думаетъ Буренинъ, а въ болѣзни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощенія. У насъ нѣтъ „чего-то“... *Вспомнимъ, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и васъ зовутъ туда же и вы чувствуете не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль*, какъ у тѣни отца Гамлета, которая не даромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія—крѣпостное право, освобожденіе родины...; у другихъ цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь, какъ она есть, *но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли, Вы кромѣ жизни, какая есть, чувствуете ту жизнь, какая должна быть*, и это плѣняетъ васъ. А мы! Мы! Мы пишемъ жизнь такою, какъ она есть, но дальше ни тпру, ни ну... Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ“... Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!—вотъ что звучитъ изъ этого удивительнаго письма, звучитъ страстно, сильно, призывно. Нѣтъ еще въ душѣ Чехова той цѣльной вѣры, которая двигаетъ горами, нѣтъ той *вѣры-воли*, которая таинственнымъ образомъ переливается въ произведенія великихъ писателей, пропитываетъ, „какъ сокомъ“, каждую ихъ строчку и придаетъ имъ могучую движущую силу. Но онъ знаетъ, что художественное произведеніе призвано не изображать дѣйствительность, какъ полагала литература его времени, а отображать духовную жизнь писателя, въ ея динамикѣ, въ ея стремленіяхъ къ высшимъ цѣнностямъ,

ихъ ея метафизическихъ и религіозныхъ постиженіяхъ. Чеховъ не изведалъ восторга этихъ постиженій, но онъ уже какъ бы стоитъ на пути къ нимъ, ибо ему уже открылось, что въ нихъ вся сила, вся глубина, вся значительность художественнаго творчества и самой жизни. Съ стремительной убѣжденностью говоритъ онъ объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Суворину, возражая и ему самому, и извѣстной сотрудницѣ *Новаго Времени*, г-жѣ С., которой Суворинъ показалъ предыдущія строки Чехова: „Подъ вліяніемъ ея письма Вы пишете мнѣ о „жизни для жизни“. Покорно Васъ благодарю. Вѣдь ея жизнерадостное письмо въ 1000 разъ больше похоже на могилу, чѣмъ мое. Я пишу, что нѣтъ цѣлей, и Вы понимаете, *что эти цѣли я считаю необходимыми и охотно бы пошелъ искать ихъ*, а С. пишетъ... „цѣни то, что есть“, и по ея мнѣнію, вся наша бѣда въ томъ, что мы все ищемъ какихъ-то высшихъ и отдаленныхъ цѣлей. Если это не бабья логика, то вѣдь это философія отчаянія...“

Въ противоположность тому, что столько разъ высказывалось о Чеховѣ въ нашей критической литературѣ, онъ, въ свои зрѣлые годы, безконечно далекъ отъ той эмпирической философіи, которая господствовала въ окружающей его интеллигентной средѣ. До чрезмѣрности впечатлительный къ эмпирикѣ жизни, онъ духовно поднимается надъ нею, борется съ ея раздергивающими вліяніями. Въ то же время онъ инстинктивно ищетъ для себя новыхъ благотворныхъ вліяній. Разойдясь во взглядахъ на значеніе внѣшней культуры съ Толстымъ и заявивъ въ одномъ изъ писемъ къ Суворину, что Толстой, владѣвшій его душою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, уже „уплылъ“ отъ него, „вышелъ изъ него“,—онъ непрерывно вновь тянется къ нему, стремится къ личному общенію съ нимъ и черезъ годъ съ небольшимъ послѣ упомянутаго письма, въ августѣ 1895 года, посѣтивъ его въ Ясной Полянѣ, по-новому поддается его нравственному очарованію.

Одновременно съ этимъ Чеховъ невольно присматривается и къ тому, что творится въ молодой современной литературѣ, интересуется — хотя и издалека—Ибсеномъ, Ницше, Метерлинкомъ, русскими „декадентами“,—и все это отражается до нѣкоторой степени въ его творческой работѣ: въ 1895 г. онъ создаетъ „Чайку“, весьма отличную по манерѣ письма отъ нашумѣвшаго въ свое время „Иванова“. Проваломъ „Чайки“ на Александринской сценѣ и заканчивается лежащая передъ нами часть его переписки, но на этомъ характерномъ эпизодѣ его жизни правильнѣе будетъ остановиться въ связи съ слѣдующимъ томомъ его писемъ, который долженъ захватить періодъ его театральныхъ увлеченій и успѣховъ.

Любовь Гуревичъ.

Каролина Шеллингъ.

1763—1809 гг.

Когда душа, всю жизнь въ ея цѣломъ принимая и благословляя, сольетъ вмѣстѣ радость и горе, и не будетъ ужъ больше отдѣльныхъ чувствъ, а только одно ощущеніе исполнившейся, переполненной жизни, тогда на послѣднемъ краю, на послѣдней вершинѣ, гдѣ выше, дальше нѣтъ пути, наступаетъ конецъ, и сердце изливается въ безконечность отъ полноты своей, потому что не можетъ больше. Это смерть, когда вся индивидуальная жизнь дошла до конца, до послѣдней своей степени и силы, до вѣчности".

(*Гете*, „Прометей").

Принять жизнь, какъ божественное откровеніе, благословить всѣ ея проявленія, изжить до конца горе такъ же, какъ и радость, гармонически развить всѣ стороны своего духа до полнаго просвѣтлѣнія, до той вершины, гдѣ наступаетъ блаженная смерть, какъ радостное завершеніе жизни,—вотъ любимая мечта нѣмецкихъ романтиковъ.

И никто такъ полно и такъ цѣльно не воплотилъ ея въ жизнь, какъ сама „душа романтизма", живое сердце іенскаго кружка романтиковъ,— Каролина Шлегель-Шеллингъ.

Та самая Каролина, которая при жизни и послѣ смерти возбуждала въ людяхъ, ее знавшихъ, только два чувства: страстное преклоненіе или жгучую ненависть.

Та Каролина, имя которой такъ тѣсно связано съ именами главарей романтическаго движенія въ Германіи: обоихъ братьевъ Шлегелей и философа Шеллинга, которую всю жизнь цѣнилъ и уважалъ Гёте и ненавидѣлъ Шиллеръ.

Обладая, по единогласному мнѣнію современниковъ, поэтическимъ чутьемъ и творческой фантазіей, Каролина ничего не писала, кромѣ писемъ, но въ этой области она достигла рѣдкаго художественнаго

мастерства. Ея письма, только что изданныя покойнымъ берлинскимъ профессоромъ, историкомъ литературы Эрихомъ Шмидтомъ, — цѣнный литературный памятникъ. Въ нихъ отражается полностью общественная, научная и литературная жизнь Германіи конца XVIII и начала XIX в. Но кромѣ того въ нихъ проходитъ передъ нашимъ взоромъ, рядомъ яркихъ образовъ и картинъ, вся сложная и многосторонняя жизнь этой замѣчательной женщины.

Подымемъ осторожно покрывало смерти и вглядимся въ черты лица, отражавшаго загадочную душу.

Слегка косящій взглядъ голубыхъ глазъ, умныхъ и глубокихъ, вьющіеся темные волосы, нѣсколько чувственный ротъ и круглый подбородокъ; слѣды оспы, чуть замѣтные на свѣжемъ и подвижномъ лицѣ,— нѣтъ, Каролина не была красавицей, и не въ этомъ, очевидно, былъ секретъ ея обаянія.

Рѣдкая женственность и ясный мужской умъ, остроуміе, живость рѣчи въ связи со спокойными, исполненными граціи движеніями и во всемъ существѣ плѣнительная гармонія—вотъ что покоряло ей всѣ сердца и будило интересъ и влеченіе къ ней въ романтикахъ, такъ высоко цѣнившихъ въ женщинѣ высоко развитую личность.

„Романтики становятся проповѣдниками воспитанія женщинъ, ихъ освобожденія, участія ихъ въ творчествѣ культурныхъ цѣнностей. Но они не теряли изъ виду того, что является тайной и знаніемъ именно женской души въ ея особенности. Они говорили не о равноправіи и не о равенствѣ мужчинъ и женщинъ, а о равноцѣнности мужской и женской культуры“. [1])

И этимъ запросамъ отвѣчала въ полной мѣрѣ Каролина, ихъ вдохновительница, сотрудница, тонкій знатокъ и цѣнитель искусства, мѣткій критикъ и прежде всего нѣжная и чуткая женщина-мать.

Юность Каролины проходитъ въ Геттингенѣ, въ домѣ ея отца, профессора-историка и извѣстнаго оріенталиста.

Каролина—обыкновенная дѣвушка, ей не чужды мечты о балахъ и нарядахъ, легкомысленныя увлеченія и наслажденіе побѣдами. Она немножко злословитъ, вслушивается въ сплетни маленькаго городка и бравируетъ мнѣніемъ общества.

Живая, смѣлая и ярко индивидуальная, она—на виду у всѣхъ, ее критикуютъ, о ней много и не всегда хорошо говорятъ.

Но все это только жизненная шелуха, подъ которой таилось крѣпкое и здоровое ядро.

Каролина учится многому отъ отца, рано развивается ея умъ, она

---

[1]) *В. М. Жирмунскій*: „Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика“.

читаетъ безъ конца, правда, все, что попадетъ подъ руку, но въ 18 лѣтъ она знаетъ 4 языка, пишетъ свободно по-французски, ясно и толково излагая свои мысли, переводитъ съ итальянскаго комедіи Гольдони, увлекается Шекспиромъ въ подлинникѣ.

Живо интересуется она вопросами общественной жизни, внѣшней политикой, ей извѣстны всѣ новости въ области искусствъ и литературы. И сужденія ея незрѣлаго ума порою мѣтки и остроумны удивительно.

Способность горячо привязываться сказывается въ любви къ брату-доктору; это экзальтированное, восторженное чувство скорѣе похоже на страстную влюбленность, чѣмъ на братскую любовь.

Она религіозна, способна на горячіе порывы, на долгую, глубокую привязанность.

Любить ей еще рано и она культивируетъ дружбу.

„Я всегда утверждала и это остается для меня вѣрнымъ, что я могу жить безъ любви, но кто отниметъ у меня дружбу, тотъ лишитъ меня всего, что мнѣ дорого въ жизни".

Что поражаетъ въ этой дѣвушкѣ, это ея благоговѣйное преклоненіе, культъ Гёте. И не только моднымъ „Вертеромъ" увлекается Каролина, она сумѣла понять его геній въ цѣломъ и тѣмъ опередила большинство своихъ современниковъ.

Вліяніе на нее семьи не велико. Отецъ—умный человѣкъ и крупный ученый, но тяжелый по характеру и замкнутый въ себѣ. Мать—недалекая женщина, слабая и безвольная, впослѣдствіи чуждавшаяся „слишкомъ умныхъ друзей Каролины". Въ семьѣ нѣтъ внутренняго мира, и съ годами незамѣтныя трещины нарушаютъ ея цѣльность и взаимную привязанность ея членовъ.

Но душа Каролины широко открыта всѣмъ впечатлѣніямъ жизни, внутренній безошибочный инстинктъ руководитъ ею и направляетъ ее къ душевному равновѣсію и гармоніи духа.

Ей одинаково чужды женщины, чья ученость карикатурна и принимаетъ уродливыя формы, и тѣ добрыя, незамѣтныя созданія, чей кругозоръ замкнутъ тѣсными рамками семьи.

„Если бы я располагала собою,—пишетъ она въ ноябрѣ 1781 г.,— я бы никогда не вышла замужъ, но сумѣла бы использовать жизнь свою совсѣмъ иначе".

И тѣмъ не менѣе первый періодъ ея сознательной жизни оказался очень короткимъ. 20-ти лѣтъ, въ іюнѣ 1784 года, она вышла замужъ за доктора Бёмера. „Мой братъ отдаетъ меня человѣку, которому онъ предназначалъ меня съ дѣтства, своему лучшему другу. Этимъ союзомъ я осуществляю желанія моей семьи, моихъ друзей, моего будущаго мужа, а мое собственное сердце согласно съ ними".

Ея сердце еще не созрѣло для любви и руководило ею только одно желаніе—доставить радость нѣжно любимому брату. Свадьба была весело отпразднована, и молодая чета поселилась въ маленькомъ горнозаводскомъ мѣстечкѣ, гдѣ Бёмеръ былъ врачомъ.

Каролина въ Клаусталѣ. Тихо-тихо течетъ ея жизнь среди горъ и лѣсовъ Гарца. Спятъ силы души, но гдѣ-то живутъ смутныя мечты и предчувствіе иной, яркой жизни, событій, смѣняющихъ одно другое.

Отдаленная тоска по дѣятельности и покорное подчиненіе настоящему. Любви еще нѣтъ, пути для нея не готовы, къ мужу ясная дружба, желаніе быть доброй женой, дать ему то счастіе, какого онъ стоитъ.

Онъ хорошій врачъ и добрый человѣкъ, но 8 лѣтъ жизни рядомъ съ нимъ проходятъ для Каролины въ полномъ душевномъ одиночествѣ. Заботы о немъ и дѣтяхъ наполняютъ время. Радости ея существованія тоже тихія и ясныя: томительныя прелести весны, покрытыя снѣгомъ сосны Гарца, чистая небесная лазурь,—все будитъ грезы и неосознанные порывы къ иному счастію. А потомъ лучшіе друзья — книги. Точно приготовляясь къ своей будущей роли среди выдающихся людей и большихъ умовъ, Каролина читаетъ жадно, безостановочно, серьезно вдумываясь въ прочитанное. Всѣ ея письма изъ Клаусталя полны просьбами новыхъ книгъ.

„Пришлите мнѣ толстую книгу исторіи, она должна заставить меня забыть, какъ шумитъ подъ окнами буря, которую принесла намъ весна, и туманъ, застилающій видъ на горы“.

„Пусть Мейеръ пришлетъ мнѣ что-нибудь интересное, чтобы читать лежа на софѣ. Не фоліантъ, а такую книжку, которую удобно держать въ рукахъ. Хотѣлось бы новыхъ французскихъ драмъ, романовъ или мемуаровъ, онъ ужъ знаетъ самъ. Или еще хорошо—старыя англійскія исторіи временъ Альфреда и IV томъ Плутарха, остальные я читала. Сразу всего не надо. А потомъ присылайте Винкельмана и Оссіана“.

Весь этотъ клаустальскій періодъ проходитъ для Каролины подъ знакомъ материнства. Весной 1785 г. родилась Августа, и жизнь получила для Каролины новый глубокій смыслъ и значеніе.

„Съ грустью смотрю я на снѣгъ,—пишетъ она сестрѣ Лоттѣ,—онъ стѣною отдѣляетъ меня отъ остального міра. То же чувство было у меня и въ прошломъ году зимою. Такъ же обнажались деревья и чернѣли сосны, и вѣтеръ шумѣлъ за окнами моей одинокой комнаты. Но я тогда не жила настоящимъ, я ждала весны и того, что она мнѣ принесетъ съ собою. Теперь мои ожиданія сбылись, я могу наслаждаться своимъ счастьемъ. Со мною моя радость, мое сокровище, моя маленькая прелестная дѣвочка“.

Нѣжной заботой, новыми сладкими переживаніями расцвѣла жизнь

Каролины. Она такъ страстно любитъ свою дочку, что новое материнство ее пугаетъ—кажется, вся любовь вылилась на Августу. Но материнскій инстинктъ безпредѣленъ, и маленькая Тереза скоро дѣлается ея любимицей.

И не только своихъ дѣтей любила Каролина. Когда въ ея письмахъ рѣчь заходитъ о другихъ дѣтяхъ, о любомъ ребенкѣ, въ словахъ ея начинаетъ звучать какая-то особенная кроткая ласка и нѣжность. И дѣти платили ей тѣмъ же, и свои, и чужія. Потому-то, когда судьба отняла у Каролины послѣдняго ребенка, ее окружили милыя, ласковыя созданія, дѣти болѣе счастливыхъ матерей.

Безсознательно осуществляетъ Каролина одну изъ сторонъ романтической любви—бережное и благоговѣйное чувство къ ребенку.

„Дѣти стоятъ среди насъ, какъ великіе пророки", говорилъ Тикъ.

Новалисъ признавалъ „превосходство ребенка въ самыхъ возвышенныхъ предметахъ".

„Его поступки носятъ на себѣ отпечатокъ чудеснаго міра, еще не стертый потокомъ земнымъ".

„Ребенокъ—это любовь, ставшая видимой".

И будущій золотой вѣкъ представлялся Новалису ребенкомъ съ глубокими синими глазами.

Но не однѣ радости материнства извѣдала Каролина. Судьба послала ей величайшее страданіе,—всѣ ея дѣти, ихъ было четверо, умерли въ разное время, и эти маленькія могилки остались въ жизни ея вѣхами на пройденномъ пути.

Смерть ребенка въ душѣ печальной матери воздвигаетъ алтарь божеству, это лишняя связь ея съ небомъ. И каждая такая смерть должна сдѣлать мать святѣе и чище.

Въ Геттингенѣ умеръ новорожденный сынъ Каролины, а вслѣдъ затѣмъ въ Марбургѣ, отъ случайной мучительной болѣзни, скончалась цвѣтущая здоровьемъ Тереза. Подробно, до мельчайшихъ фактовъ, описываетъ Каролина ея смерть въ письмѣ къ брату. Ни слова жалобы, ни криковъ, ни слезъ. Тихая, святая и благостная скорбь, хотя отъ муки и волненій она сама едва жива и кашляетъ кровью. И только въ концѣ письма простыя слова: „Еще одно дитя, самое дорогое и любимое, которое будило во мнѣ столько сладкихъ надеждъ, ушло отъ меня въ вѣчность, а съ нимъ вмѣстѣ все то, что я могла бы ради него сдѣлать".

Печальный только по внѣшности и неожиданный фактъ вывелъ Каролину изъ того состоянія предчувствій и жажды настоящей дѣятельной жизни, которая въ послѣднихъ письмахъ изъ Клаусталя чувствуется довольно ясно сквозь ея обычную сдержанность и спокойствіе духа.

„Весна даетъ мнѣ тоску по родинѣ,—пишетъ она сестрѣ.—Это

время сладкой грусти, а если нѣтъ повода для сладкой, тогда она становится горькой".

„Какая мрачная погода! Клаусталь такъ непріютенъ и ненавистенъ мнѣ. А я думала, что смогу, несмотря на все, быть здѣсь счастливой, если бы кто-нибудь помогъ мнѣ въ этомъ, протянулъ бы мнѣ руку"...

Очевидно, душа созрѣла для любви и страсти, мозгъ—для напряженной работы, характеръ выработали дни одинокихъ размышленій и тихихъ радостей.

Надо было итти въ міръ.

Для Каролины настала пора исканій.

Три могилы остались отъ прошлаго, настоящее—въ маленькой Августѣ и въ заботахъ о томъ, какъ и гдѣ жить. Будущее рисуется неясно, Каролина идетъ ощупью, внѣшне спокойная и сдержанная, но съ душой, исполненной трепетнаго ожиданія любви и счастія.

Въ Геттингенѣ у родныхъ, въ Марбургѣ у брата, въ Готѣ у подруги дѣтства она не находитъ себѣ мѣста.

На страницахъ писемъ этого времени мелькаетъ имя Таттера. Это свѣтскій человѣкъ, близкій двору и принцу, красивый и изящный, но холодный и разсудочный. Его отношенія къ Каролинѣ трудно поддаются опредѣленію. И любилъ онъ ее, вѣроятно, и боялся. Пугала ея самостоятельность, сила неженскаго ума и слишкомъ яркая, подчиняющая индивидуальность.

Каролина готова была отдать ему свою жаждущую любви душу, но онъ не рѣшился стать съ нею рядомъ и ушелъ тогда, когда она больше всего въ немъ нуждалась.

Къ Мейеру—извѣстному поэту и писателю того времени—у нея горячая дружба, но не стоитъ ея этотъ человѣкъ, двуличный и холодный.

Въ Готѣ она покоряетъ одного изъ богатыхъ и видныхъ представителей города, для нея открывается возможность обезпеченной, спокойной жизни съ маленькой дочерью, но она бѣжитъ оттуда, несмотря на протестъ и возмущеніе друзей.

„Надо искать въ своей собственной душѣ источника для жизни красочной и полной смысла". „На зло богамъ и людямъ" Каролина рѣшаетъ быть счастливой. И тогда наступаетъ для нея періодъ бури и натиска.

Она ѣдетъ въ Майнцъ, къ друзьямъ своимъ Форстерамъ, и попадаетъ сразу въ гущу семейнаго разлада и въ самое сердце разыгравшейся въ городѣ революціи.

Форстеръ—талантливый, почти геніальный человѣкъ, путешественникъ, писатель, педагогъ; онъ охваченъ весь идеей свободы и присягнулъ революціи въ лицѣ французскаго гарнизона города Майнца. Каролина дѣлитъ сначала его увлеченіе и знакомится съ его французскими друзьями и единомышленниками.

Тереза, умная, проницательная женщина, глубоко несчастна. Въ ея письмѣ къ Каролинѣ—полная исповѣдь, интимная повѣсть о неудачной жизни вдвоемъ съ человѣкомъ, который ее обожаетъ и который для нея лишь дорогъ и жалокъ, какъ слабый больной ребенокъ. И когда въ ея душѣ вспыхиваетъ горячая любовь къ Губеру, тоже писателю и другу Форстера, она не выдерживаетъ вѣчной лжи и съ растерзанной душой, оплакивая Форстера, какъ мать, уѣзжаетъ изъ возставшаго города, захвативъ съ собою дѣтей.

Каролина одна съ нимъ, больнымъ и страдающимъ.

Друзья зовутъ ее назадъ, совѣтуютъ уѣхать, не дожидаясь осады города и всѣхъ невзгодъ, которыя грозятъ ей и Августѣ.

Всѣ зовы напрасны. „Въ какой моментъ мы живемъ,—восклицаетъ она,—какое интересное время. И мнѣ теперь уѣхать отсюда,—ни за что! Подумать только, что я буду разсказывать внукамъ, какъ я жила въ осажденномъ городѣ“.

Только одинъ голосъ могъ бы дойти до ея сердца, голосъ Таттера. Но онъ молчалъ, и былъ далеко, въ Италіи.

„Таттеръ могъ бы меня спасти,—писала она впослѣдствіи,—если бы въ немъ было побольше мужества и силы,—однимъ рѣшающимъ словомъ. Онъ—единственный, чьей защиты я ждала, и онъ мнѣ въ ней отказалъ. Мое терпѣніе надломилось, сердце стало пустымъ и свободнымъ, и въ этомъ состояніи неувѣренности я ничего лучшаго не могла сдѣлать, какъ поддержать и облегчить страданія друга и сама немного забыться“.

И Каролина остается съ Форстеромъ въ осажденномъ городѣ. Она поддерживаетъ, подбодряетъ его и переживаетъ съ нимъ вмѣстѣ безумныя мечты о свободѣ для своего народа.

Всѣ силы души ея разомъ проснулись и дрогнули. Жажда жизни, самый пламенный эротизмъ и буйное веселье проснулись въ ней. Въ бурѣ и грозѣ душа ея прикоснулась къ душѣ вселенной.

Годы тихой, замкнутой жизни, радость материнства, чистыя мечты о счастіи—да было ли все это?

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1793 года Каролина танцовала въ клубѣ карманьолу и въ ту же ночь отдалась юному французскому офицеру.

Любопытныя руки сдернули цѣломудренный покровъ, наброшенный временемъ на этотъ эпизодъ, теперь всякая деталь стала извѣстной и доступной. Но какъ-то невольно хочется закрыть глаза и пройти мимо того, что такъ давно умерло.

Это былъ безумный порывъ всего существа, это былъ тотъ крикъ души, который звучитъ въ Фаустѣ:

„Жизни, жизни! Всей полноты, всего разнообразія, всѣхъ противорѣчій жизни!“

И душа, переживъ экстазъ, помедливъ на мгновеніе, продолжала свой плавный полетъ вверхъ, все дальше къ высотамъ духа, и только тѣло, бѣдное, измученное тѣло, страданіями и горемъ заплатило за свое минутное опьянѣніе.

Все разомъ измѣнилось для Каролины.

Нѣмцы взяли обратно Майнцъ, Форстеръ бѣжалъ въ Парижъ и тамъ вскорѣ умеръ, и Каролину, какъ его „подругу“, зачинщицу и вдохновительницу заговора, посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ другими причастными революціи.

Ея симпатіи дѣлу свободы были только отвлеченными переживаніями, она ни въ чемъ не принимала активнаго участія и дѣлила только съ Форстеромъ ту ненависть, которую онъ возбудилъ своей дѣятельностью.

„О моей участи знаютъ во Франкфуртѣ“, пишетъ она. *Moniteur* сообщаетъ, что въ тюрьму Кенигштейна посажена вдова Б., подруга гражданина Форстера. „Да, я его подруга и горжусь этимъ, но не во французскомъ смыслѣ слова. Подозрѣнія на нашъ счетъ не имѣютъ основанія, между нами никогда не было и тѣни близости“.

И тотъ безумный часъ не прошелъ для Каролины даромъ. Въ тюрьмѣ она узнала, что будетъ матерью. Она твердо рѣшаетъ покончить съ собою, если до того времени друзья не добьются ея освобожденія. Друзья хлопочутъ усиленно. И Gotter, и Мейеръ, и братъ Каролины—Филиппъ.

Она сама страдаетъ невыносимо, но полна бодрости, и никогда еще такъ ярко не обнаруживалось величіе ея духа.

„Здоровье мое страдаетъ отъ недостатка движенія, но въ мужествѣ недостатка у меня нѣтъ.

„Я прожила здѣсь два ужасныхъ мѣсяца, мое здоровье очень серьезно пострадало, но дайте мнѣ завтра покой и уединеніе, и я забуду все и стану снова счастливой.

„Я не героиня, я обыкновенная женщина, я страдала до изнеможенія, но видъ моего ребенка смягчалъ мнѣ сердце“.

Въ Каролинѣ живетъ какая-то внутренняя увѣренность въ своей правотѣ. Она страдаетъ, но совѣсть ея чиста. Такъ было нужно. И она знаетъ хорошо, что во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ она осталась прежней: вѣрной себѣ. Ничего не измѣнилось въ ней, и паденіе ея было только внѣшнимъ.

„Я осталась все такой же женщиной, какой ты меня знала,—пишетъ она подругѣ,—созданной для того, чтобы не переступать границъ тихаго семейнаго очага; я только вырвана непостижимой судьбой изъ своей сферы, но со всѣмъ тѣмъ я не потеряла своего прежняго достоинства и не сдѣлалась авантюристкой“.

Стараніями друзей Каролина освобождена изъ тюрьмы и послѣ двухъ мѣсяцевъ ареста, въ Кронепбергѣ, отпущена подъ залогъ на свободу.

Тутъ появляется въ жизни Каролины новое лицо, съ которымъ судьба ее соединила на нѣсколько лѣтъ—Августъ-Вильгельмъ Шлегель.

Еще въ Геттингенѣ, послѣ смерти мужа, она познакомилась съ нимъ, тогда еще молодымъ студентомъ. Онъ полюбилъ ее сразу, но не нашелъ отклика въ душѣ Каролины.

„Шлегель и я! Я смѣюсь, когда говорю это. Нѣтъ, изъ насъ ничего не выйдетъ".

Но когда онъ узналъ, что̀ она пережила и въ какихъ ужасныхъ условіяхъ она находится, онъ, забывъ о своемъ оскорбленномъ самолюбіи, примчался къ ней на помощь, какъ безстрашный рыцарь, какъ вѣрный и пламенный другъ.

Онъ устроилъ ее вблизи Лейпцига въ маленькой деревушкѣ, въ домѣ врача, и здѣсь, скрытая отъ всѣхъ, даже самыхъ близкихъ друзей, тяжело больная, но бодрая и свѣтлая, какъ всегда, она ждетъ рожденія своего ребенка.

Августъ Шлегель такъ деликатенъ и чутокъ, что не посѣщаетъ ея въ эти темные дни, а вмѣсто него бережетъ ее и заботится о ней его братъ Фридрихъ. И такова была сила обаянія Каролины, что именно здѣсь зародилась горячая и восторженная любовь у юноши Фридриха къ ней, униженной, всѣми гонимой и оскорбленной, но чудной въ своемъ женскомъ и материнскомъ величіи.

Эту любовь онъ потушилъ въ себѣ ради брата, но, обратившись въ горячую, полную довѣрія и пониманія дружбу, она жила въ его сердцѣ долгіе годы.

3 ноября родился маленькій сынъ Каролины, Юліусъ, прожившій только $1^1/_2$ года.

„Августа бурно радуется маленькому существу, какъ будто это такъ и быть должно. Кто хочетъ найти здѣсь грѣхъ, пусть не подходитъ къ намъ близко; въ эту маленькую комнатку ему нельзя. Здѣсь царитъ невинное забвеніе всего злого и всякаго грѣха".

И въ этихъ немногихъ словахъ — вся душа Каролины. Прошлое было изжито, надо было начинать новую страницу жизни.

Августъ Шлегель съ глубокой любовью предложилъ ей защиту отъ всѣхъ несправедливыхъ навѣтовъ и обвиненій, забвеніе и отдыхъ послѣ пережитыхъ страданій и, наконецъ, свое имя,—и на этотъ разъ она согласилась. Любви не было, но была пламенная благодарность, уваженіе безграничное, самое горячее желаніе дать возможное на землѣ счастье тому, кто такъ благородно и смѣло сталъ на ея сторону, кто спасъ ее отъ позора и униженій, кто помогъ ей пережить всѣ муки и страданія.

Жажда личнаго счастья казалась ей убитой, не было силъ доби-

ваться и желать. А взамѣнъ передъ нею открывалась такая жизнь, о которой она всегда мечтала, которой смутно ждала.

И вотъ Каролина—жена Августа-Вильгельма Шлегеля въ Іенѣ. Это самый блестящій періодъ ея жизни, расцвѣтъ ея духовныхъ силъ, картина, полная красокъ и движенія.

Она—центръ тѣснаго кружка романтиковъ. Мужу она помогаетъ во всѣхъ научныхъ работахъ. Его критическія статьи вдохновлены ею, это всюду ея острый умъ, ея проникновенная наблюдательность. Самая лучшая статья Шлегеля, разборъ „Ромео и Джульеты", по словамъ нѣкоторыхъ, написана и, во всякомъ случаѣ, продиктована ею. Его переводы никогда не были такими мастерскими по точности и красотѣ, и онъ ничего не писалъ безъ Каролины.

Онъ поэтъ, быть можетъ холодный, но не безъ таланта. И тутъ Каролина своимъ необычайнымъ музыкальнымъ чутьемъ и чувствомъ стиха направляетъ его на вѣрный путь.

Журналъ *Атенеумъ* они редактируютъ вмѣстѣ.

Фридрихъ Шлегель тоже каждую мысль повторяетъ Каролинѣ, безъ нея онъ ни на что не рѣшается. Онъ весь проникнутъ благоговѣніемъ къ ея уму, чуткости и женственности.

Въ своемъ фантастическомъ романѣ „Люцинда" онъ даетъ характеристику Каролины.

„Свободно и сильно проявлялись въ ней всѣ особенности ея личности, она была одухотворена живымъ дыханіемъ любви и гармоніи.

„Иногда она хотѣла блистать среди насъ въ обществѣ, тогда она вся загоралась умомъ и оживленіемъ, а то вдругъ становилась скромной и ласковой, какъ самая нѣжная мать.

„Ничто въ мірѣ не было для нея слишкомъ высокимъ и прекраснымъ. Она все понимала съ полусловъ и отвѣчала на еще не заданные вопросы. Во время бесѣды съ нею отрадно было смотрѣть на ея лицо,—какъ оно мѣнялось и жило сообразно съ ея настроеніемъ.

„И когда читаешь ея письма, то, чудится, видишь эту дивную музыку ея лица.

„Ея окрыленнымъ словамъ нехватало лишь размѣра и риомы, чтобы стать поэзіей.

„Но у этой женственной натуры въ трудныхъ случаяхъ жизни выростало мужество и сила удивительная".

Ея соперница и впослѣдствіи врагъ, жена Фридриха, Доротеа, поражалась ея „необычайной, подчасъ даже жестокой, откровенностью и прямодушіемъ". „И потомъ,—говорила она,—такъ смѣло судитъ она обо всемъ и такъ самостоятельно оцѣниваетъ всѣ явленія жизни. И безъ ошибки всегда знаетъ, гдѣ у каждаго человѣка его хорошія стороны".

1800 годъ собралъ въ Іенѣ всѣхъ друзей романтизма. Къ этому

времени новое ученіе окрѣпло и созрѣло въ умахъ его адептовъ и успѣло выявиться въ цѣломъ рядѣ печатныхъ произведеній.

Салонъ Каролины былъ его живымъ сердцемъ, откуда летѣли мысли во всѣ стороны, направляя, поучая и радуя романтиковъ.

Каролина ведетъ самую дѣятельную переписку со всѣми—и дружескую, и дѣловую. Рядомъ съ нею мужъ ея, Августъ-Вильгельмъ. Онъ не создалъ ничего собственнаго, не оплодотворилъ романтизмъ ни одной новой идеей, но онъ былъ необходимъ, какъ критикъ, популяризаторъ и выразитель этихъ идей. И къ нему невольно прислушивался Гёте.

„Божественный" Фридрихъ, какъ его называла вѣрная Доротеа, былъ геніальнымъ мыслителемъ съ яркимъ, живымъ умомъ и лѣнивымъ тѣломъ. Его мозгъ всегда горитъ, смѣлая мысль мгновенно пробѣгаетъ пространство, крушитъ старое и отжившее, воздвигаетъ новыя зданія и сама же ихъ разрушаетъ. Всѣ его идеи—въ цѣломъ рядѣ короткихъ статей, фрагментовъ и писемъ,—онъ не оставилъ ни одного законченно поэтическаго произведенія, хотя ему всегда страстно хотѣлось творить.

Въ волненіи спрашивалъ онъ Каролину:

„Не правда ли, я долженъ искать своего земного и вѣчнаго счастія, творя свои собственные ненаписанные романы, вмѣсто того, чтобъ переводить чужіе?".

Но его единственное дѣтище въ этомъ родѣ, его романъ или „Unroman", [1]) по выраженію брата, оказался мертворожденнымъ, и его не спасла отъ гибели даже горячая защита Шлейермахера.

Необузданная фантазія Фридриха и его презрѣніе ко всякой внѣшней формѣ, соединившись, дали что-то удивительно дисгармоничное, и только пристальный, внимательный взоръ можетъ замѣтить тамъ блестки живой мысли и пламенную вѣру въ святость любви и жизни.

Съ трепетомъ ждалъ Фридрихъ мнѣнія Каролины.

„По правдѣ сказать, мнѣ вѣдь оно гораздо важнѣе, чѣмъ мнѣніе Вильгельма",—пишетъ онъ.

И Каролина своимъ обостреннымъ чутьемъ поняла въ „Люциндѣ" самую сокровенную сущность, которая была такъ близка ея собственной душѣ.

Оба брата Шлегели настойчиво совѣтовали Каролинѣ попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ.

Она набросала планъ автобіографическаго романа, оставшійся неизвѣстнымъ разсказъ, и только. Но современные историки литературы склонны приписывать ей многое изъ того, что было подписано рукою ея мужа. И главная, лучшая, часть его очерковъ Дрезденской галлереи, гдѣ высказывается полностью романтическое credo въ области ис-

---

[1]) Lucinda.

кусства, уже безъ всякаго сомнѣнія написана ею. Въ ея душѣ горить страстная любовь къ искусству.

„Если когда-нибудь вселенная вспыхнетъ и загорится,—писала она,—то послѣдними искрами, которыя долетятъ до Бога, будутъ произведенія искусства, и только тогда уже наступитъ полная тьма“.

Каролина съ дѣтства поклонялась Гёте. Теперь, въ полномъ обладаніи душевными и умственными силами, она сумѣла проникнуть въ самыя глубины его творчества и открыла его романтикамъ.

Она научила ихъ любить и понимать его такъ, какъ до тѣхъ поръ еще никто не понималъ его.

Въ одномъ изъ писемъ къ брату А. В. Шлегель пишетъ, что онъ тогда только проникъ въ смыслъ „Ифигеніи“ и почувствовалъ всю прелесть гетевскаго стиха, когда услыхалъ ее въ выразительномъ, исполненномъ мелодіи чтеніи Каролины.

Черезъ романтиковъ Гете былъ открытъ и для міра, такъ какъ ихъ мнѣніе въ тѣ времена было рѣшающимъ, а они передали его современникамъ и потомству.

И Гете понялъ и оцѣнилъ все значеніе этого факта, хотя въ сущности всѣ члены іенскаго кружка были ему чужды, кромѣ Каролины и Шеллинга.

Шиллеру же нужно было сдѣлать слишкомъ короткій и прямой путь, онъ требовалъ отъ жизни ясныхъ и чистыхъ линій.

Между нимъ и Каролиной такъ и не возникло никакого взаимнаго пониманія и духовной близости. Его ригоризмъ и нѣкоторая грубость воспріятій шокировали Каролину, и она не разъ мѣткимъ словомъ, тонкой эпиграммой попадала въ самыя слабыя его мѣста.

И тутъ ея внутреннее предубѣжденіе раздѣлили друзья. Кружокъ сталъ во враждебное отношеніе къ Шиллеру, и тотъ понялъ, кому онъ этимъ обязанъ. „Дама Lucifer“—называлъ онъ Каролину.

Самое близкое сродство было у Каролины съ Новалисомъ-Гарденбергомъ. Быть можетъ, сама она этого не учитывала въ полной мѣрѣ, но въ сущности эти двое людей со всей ихъ сложной душевной и умственной жизнью исчерпывали сполна всѣ основныя стороны романтическаго ученія. Тикъ былъ поэтомъ милостью Божьей, его неисчерпаемая фантазія творила романтическіе образы, которые непрерывнымъ золотымъ потокомъ лились изъ-подъ его волшебнаго пера. Но онъ былъ простъ, какъ дитя, и чуждъ философскихъ идей и теоретическихъ настроеній. Братья Шлегели, наоборотъ, теоретики,—у которыхъ жизнь отставала отъ мысли, и отсюда получался неизбѣжный разладъ. Каролина и Новалисъ сливали воедино мысль и чувство, но то и другое воплощалось для нихъ въ самой жизни.

И все то, что въ душѣ Каролины безсознательно жило до сихъ поръ,

тотъ божественный инстинктъ, та внутренняя увѣренность въ томъ, куда и какъ надо итти,—все это, дополненное, оплодотворенное и разъясненное ученьемъ Новалиса, слилось въ гармоническій аккордъ, который звучалъ теперь полно, торжествующе и требовательно.

Кипучая умственная жизнь, напряженная работа, поклоненіе друзей, радостное материнство (дочь ея Августа растетъ и развивается, обѣщая превратиться въ женщину, полную гармоніи, какъ ея мать), — все это вмѣстѣ взятое не могло, однако, наполнить пустоты въ сердцѣ Каролины. Вѣдь любви тамъ не было.

Авг. В. Шлегель, умный и благородный человѣкъ со всѣми своими человѣческими слабостями, вродѣ тщеславія, мелкаго себялюбія и легкомыслія, не могъ стать ея единственнымъ, любимымъ, котораго она ждала и жаждала теперь уже вполнѣ сознательно.

Вѣдь любовь романтиковъ—это та вершина, на которую подымался неутомимо ея духъ. Это то обрученіе души со вселенной, тотъ послѣдній разрѣшающій все и примиряющій аккордъ, за которымъ идетъ блаженная смерть.

„Всякое усовершенствованіе нашего несовершеннаго существа сводится къ тому, что мы становимся болѣе способными къ любви“.

„Въ этомъ смыслѣ любовь—конечная цѣль міровой эволюціи, аминь вселенной“.

Но эта абсолютная любовь воплощается въ любви земной. Любить вселенную можно только черезъ возлюбленную.

Таковы мысли, такова религія Новалиса.

Душа Каролины своимъ собственнымъ путемъ подошла къ разрѣшенію этой проблемы и ждала избранника.

И избранникъ пришелъ.

Это былъ молодой блестящій философъ Фридрихъ-Іосифъ Шеллингъ.

Онъ былъ откровеніемъ не только для Каролины. Его ученіе стало тѣмъ фундаментомъ, котораго до тѣхъ поръ нехватало романтизму.

Теоретики Шлегели блуждали въ области отвлеченныхъ и необоснованныхъ философскихъ идей, Тикъ творилъ языкъ романтиковъ и ихъ поэтическіе образы, Новалисъ шелъ смѣлою мыслью до конца, не боясь парадоксовъ и повѣряя самой жизнью истину своихъ идей. Но этимъ его идеямъ нехватало общеобязательности, онѣ казались истиной для него одного. Казалось также, что онъ одинъ сможетъ проникнуть въ ихъ глубину и воплотить ихъ въ жизни.

Физіологъ и химикъ Риттеръ открывалъ романтикамъ широкіе горизонты, захватывающія перспективы въ области знанія природы и завоеваній человѣческаго ума, но только одинъ Шеллингъ далъ всему этому философское обоснованіе, сплотилъ всѣ эти разрозненныя идеи воедино, далъ полное завершеніе романтической мысли.

Его карьера ученаго началась съ головокружительнаго полета вверхъ. Ко времени іенскаго періода, въ 24 года, онъ уже создалъ свою „Натурфилософію“. И это было и въ сущности осталось вершиной его философскаго творчества.

Это грандіозная поэма о мірозданіи, торжествующій гимнъ вселенной, примиреніе всего міра въ стремленіи и достиженіи абсолюта.

Нечего и говорить, что его ученіе привело романтиковъ въ экстазъ, окрылило ихъ и сообщило ихъ собственному ученію новую красоту и силу.

„Ни одна философія не увлекала меня такъ, какъ натурфилософія Шеллинга“, говорилъ Гете.

Каролина познакомилась съ Шеллингомъ осенью 1798 года. И сразу произвелъ онъ на нее неотразимое впечатлѣніе.

„Eine Urnatur, ein Granit“—назвала она его.

„Гдѣ же онъ найдетъ свою Granitin“,—замѣчаетъ по этому поводу Фридрихъ Шлегель, сразу его невзлюбившій,—„мнѣ онъ не кажется особенно предрасположеннымъ къ любви“.

Но любовь пожаромъ охватила Шеллинга, такъ же какъ и Каролину, и оба почувствовали сразу ея неотразимость.

Не было, однако, у нея увѣренности въ томъ, что она дастъ ему счастіе—вѣдь она была старше его на 12 лѣтъ; долгая жизнь, полная невзгодъ, надломила ея здоровье, и къ тому же ей иногда казалось, что Шеллингъ начинаетъ любить ея 15-тилѣтнюю дочь Августу.

Возникала мысль о томъ, чтобы пожертвовать собою, соединить эти два самыя дорогія существа, оставивъ себѣ лишь материнское чувство.

„Я люблю тебя, какъ мать; Гете, какъ отецъ,—славные же у тебя родителя, пишетъ она ему въ это время.

Положеніе осложнялось тѣмъ, что А. В. Шлегель любилъ и ее, и Августу, и она прекрасно знала, что онъ нравственно погибнетъ, если она оставитъ его.

Цѣпь развернувшихся событій измѣнила всю картину.

Каролина тяжко захворала, и врачи послали ее на воды въ Боклетъ, куда она отправилась съ Августой весной 1800 года. Тамъ ея здоровье стало улучшаться, но неожиданно заболѣла Августа и послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ дней скончалась.

Шеллингъ былъ съ ними въ эти черные дни. Онъ ухаживалъ за дѣвочкой и, немножко свѣдущій въ медицинѣ, лѣчилъ ее по-своему.

Когда она умерла, вся тяжесть общественнаго мнѣнія обрушилась на него: его обвиняли въ томъ, что онъ убилъ Августу своимъ неумѣлымъ лѣченіемъ.

Со смертью Августы порвалась послѣдняя связь Каролины съ іенскими романтиками. Пока ея душа не знала любви, она была открыта для всѣхъ и всѣмъ ровно изливала свой свѣтъ, но она замкнулась въ

одномъ чувствѣ, свѣтъ погасъ, и сразу стало темно. Кружокъ распался, а съ нимъ вмѣстѣ кончился первый блестящій періодъ романтизма.

Августу обожали въ дружественномъ кружкѣ, и всѣ горько оплакивали ее, особенно братья Шлегели.

Но какими словами описать горе матери! Сама больная, разлученная съ любимымъ человѣкомъ, она вдвойнѣ страдаетъ—страдаетъ за него: его бурное отчаяніе не знаетъ границъ.

И, забывая свою печаль, она утѣшаетъ его, поднимаетъ его упавшій духъ, и только минутами срываются съ ея устъ слова боли. „Годъ тому назадъ, ты помнишь, милый, ты съ нею рвалъ фіалки и приносилъ ихъ больной матери. Теперь онѣ цвѣтутъ на ея могилѣ. Зачѣмъ не на моей? Мои оба любимые пришли бы туда помолиться и поплакать со сладкою грустью. Я не сдѣлала бы васъ такими несчастными, какъ ея смерть насъ съ тобою. Не могу больше писать, прости!"

И какъ она извиняется потомъ за этотъ стонъ, вырвавшійся изъ больного сердца.

„Только изрѣдка позволяю я тучамъ скорби окутывать мою голову, а тамъ опять надо мною сіяетъ голубое небо, оттуда глядитъ она, наша дѣвочка, и я вѣрю, что она съ нами до конца".

И когда она видитъ, что тутъ мало одной ея любви, что Шеллингъ думаетъ о самоубійствѣ, она прибѣгаетъ къ помощи Гете, къ которому Шеллингъ всегда питалъ благоговѣйную любовь и который самъ тепло и внимательно относился къ молодому философу.

„Я живу только наполовину, я скитаюсь на землѣ какъ тѣнь",—пишетъ Каролина.

„Мои глаза померкли, я не вижу ясно, но знаю, что онъ жить долженъ, и все прекрасное свершить, что онъ задумалъ".

Гете принялъ участіе въ драмѣ этихъ двухъ созданныхъ другъ для друга сердецъ, помогъ имъ и нравственной поддержкой и фактически способствовалъ разводу Каролины съ мужемъ.

Этого послѣдняго шага ей не простили. Прежніе друзья отвернулись отъ нея. Масса камней полетѣла въ ея сторону, злобная клевета и сплетня должны были достичь ея ушей, отравить ея душу.

Но Каролина ничего не слышала. Всѣ изгибы ея сложной души вытянулись въ прямую линію, и эта линія была—неудержимое стремленіе вверхъ, все дальше къ завѣтной и послѣдней вершинѣ.

Кажется, когда читаешь письма того времени, что она отдѣлилась отъ земли и съ глазами, устремленными къ нему, летитъ къ предѣламъ здѣшней жизни.

„Или вся вселенная просто вздоръ, или мы узнали другъ друга на вѣки".

„Ты знаешь, я поѣду за тобою, куда ты хочешь, потому что твоя

жизнь и твое дѣло для меня святы, а вѣдь служить въ святости, Божьей святости, значитъ на землѣ господствовать".

Когда она получила отъ Шеллинга обручальное кольцо, она написала ему:

„Да, это первое и единственное обручальное кольцо для меня и оно останется единственнымъ... Не смѣйся надо мною, милый, если я скажу, что природа создала меня вѣрной. Вѣрность заложена у меня въ душѣ, и мнѣ всегда тяжело было измѣнять. Если бы судьба захотѣла, я бы никогда не измѣнила своей любви".

„Я никогда не могла воскликнуть вмѣстѣ съ Якоби—не полагайся на свое сердце".

„Нѣтъ, я всегда должна была жить его велѣньями и въ нуждѣ, и въ смерти, даже и тогда, если бы они привели меня только къ нуждѣ и смерти".

Объ этихъ послѣднихъ годахъ жизни Каролины, когда она стала женой Шеллинга, можно сказать очень мало.

Она полюбила его, повѣрила въ его дѣло, и ея женская душа ручьемъ влилась въ широкое море его духа. Она растворилась въ немъ цѣликомъ, и здѣсь кончается исторія ея души.

А исторія жизни кончилась тоже очень скоро, какъ сама хотѣла этого Каролина, когда была еще дѣвушкой.

На вершинѣ земного счастія, въ самомъ расцвѣтѣ исключительной, единственной любви, рядомъ съ человѣкомъ, передъ которымъ она мысленно становилась на колѣни, она умерла. Душа Каролины „излилась въ вѣчность".

„Въ Каролинѣ жила пророческая душа", писалъ о ней послѣ смерти Шеллингъ.

Она была единственная, ее можно было или совсѣмъ не любить, или любить безгранично всю жизнь.

„Если бы не была она для меня тѣмъ, чѣмъ она была, я долженъ былъ бы просто, какъ человѣкъ, скорбѣть и плакать о томъ, что нѣтъ больше этой рѣдкой женщины съ мужскимъ величіемъ души, одаренной силою духа и мягкостью нѣжнѣйшаго, исполненнаго любви сердца".

Все послѣднее время она была кротка и ласкова, какъ никогда, все ея существо растворялось въ нѣжности".

На тихомъ монастырскомъ кладбищѣ въ Майльброннѣ есть скромный памятникъ, и на немъ написаны эти слова:

„Всякое чувствующее существо пусть остановится съ благоговѣніемъ здѣсь, гдѣ покоится тѣло, когда-то заключавшее въ себѣ благороднѣйшее сердце и прекраснѣйшій духъ".

Тамъ спитъ Каролина.

М. Ливеровская.

Стилизованное православіе.

„Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной ѳеодицеи въ двѣнадцати письмахъ“ свящ. Павла Флоренскаго—книга единственная въ своемъ родѣ, волнующая, прельщающая. Русская богословская литература не знала еще до нынѣ книги столь утонченно-изысканной. Это первое явленіе эстетизма на почвѣ православія, ставшее возможнымъ лишь послѣ утонченной эстетической культуры конца XIX и начала XX вѣка. На каждомъ словѣ свящ. Флоренскаго лежитъ печать пережитаго эстетическаго упадочничества. Изысканные цвѣты православія свящ. Флоренскаго возможны лишь въ ту эпоху, когда въ католичествѣ сталъ возможенъ Гюисмансъ. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что у свящ. Флоренскаго эстетизмъ не всегда сопровождается хорошимъ вкусомъ. Мѣстами безвкусна духовная риторика языка этой книги, это—„зажегъ я себѣ не болѣе, какъ лучиночку или копеечную свѣчечку желтаго воску“, „дрожащее въ непривычныхъ рукахъ пламешко“, „какъ благоуханная роса на руно, какъ небесная манна, выходила здѣсь благодатная сила богоозаренной души“, „загораясь тьмами темъ и леодрами леодровъ, сверкающихъ, искрящихся, радужно-играющихъ взглядовъ, переливаясь вóронами вороновъ свѣто-зарныхъ брызогъ, сокровища Церкви приводятъ въ благоговѣйный трепетъ бѣдную душу мою“ и т. п. Какъ ни далекъ по природѣ своей свящ. Флоренскій отъ „духовнаго“ міра, но все же на его манеру писать легла неизгладимая печать „духовнаго“ краснорѣчія. У свящ. Флоренскаго ни въ чемъ нѣтъ наивности. Какъ наивно было православіе славянофиловъ по сравненію съ православіемъ свящ. Флоренскаго! Въ „Столпѣ и утвержденіи истины“ нѣтъ ничего простого, непосредственнаго, ни одного слова, прямо исходящаго изъ глубины души. Такія книги не могутъ дѣйствовать религіозно. Эта изысканная книга, столь умная, столь ученая, лишена всякаго вдохновенія. Свящ. Флоренскій не можетъ сказать ни одного слова громко, сильно, вдохновенно. Слишкомъ чувствуются счеты съ собой, бѣгство отъ себя, боязнь себя. Все кажется, что свящ. П. Флоренскій—оторвавшійся де-

кадентъ и потому призываетъ къ бытовой простотѣ и естественности,—духовный аристократъ и потому призываетъ къ церковному демократизму, что онъ полонъ грѣховныхъ склонностей къ гностицизму и оккультизму и потому такъ непримиримо истребляетъ всякій гностицизмъ и оккультизмъ. Можно подумать, что лишь только дастъ онъ себѣ маленькую волю, какъ сейчасъ же породитъ неисчислимое количество ересей и обнаружится хаосъ. Искусственность и искусство чувствуются во всемъ. Такіе люди не должны проповѣдывать.

Свящ. Павелъ Флоренскій—блестящій, даровитый, изысканно умный и изысканно ученый стилизаторъ православія,—у него нѣтъ ни одной мысли, ни одного слова, не прошедшаго черезъ стилизацію. Православіе его не живое, не непосредственное, а стилизованное, не наивное, а сантиментальное (въ шиллеровскомъ смыслѣ.) Это—православіе сложныхъ и рафинированныхъ эстетическихъ отраженій, а не непосредственной творческой жизни, православіе періода упадка, а не расцвѣта. Весь духъ книги свящ. Флоренскаго есть стилизованный архаизмъ, стилизованный примитивизмъ. Въ XX вѣка не можетъ быть архаическаго и примитивнаго стиля, но есть стилизація архаическаго и примитивнаго, и стилизація эта достигаетъ высокихъ ступеней искусства. Свящ. Флоренскій — александріецъ, по духу своему близкій не архаической Греціи, а позднему эллинистическому міру. Я не смѣю заподозрѣвать искренности и глубины религіозной жизни свящ. Флоренскаго, не считаю даже возможнымъ говорить объ этомъ. Не сомнѣваюсь въ подлинности и значительности религіозныхъ переживаній автора „Столпа и утвержденія истины“, но выявленіе этихъ переживаній въ формѣ архаическаго православія есть стилизація. Какъ философъ и богословъ, какъ писатель и проповѣдникъ, онъ стилизаторъ архаическаго православія, онъ упадочникъ. Въ этой даровитой и изысканно-тонкой упадочности—прельстительность и обольстительность книги свящ. Флоренскаго. Но отъ этой стилизованной простоты, стилизованной тихости, стилизованнаго смиренія вѣетъ жуткой мертвенностью. Большой и тонкій умъ, глубокая и изысканная ученость и творческое безсиліе! Какъ много искусственныхъ цвѣтовъ, не живыхъ цвѣтовъ разсаживаетъ свящ. Флоренскій! Какъ мучительна эта мертвящая реставрація архаическаго стиля православія! Слишкомъ чувствуется упадочная оторванность свящ. Флоренскаго отъ архаическаго православнаго быта и потому стилизація этого архаическаго быта. Свящ. Флоренскій тонко умствуетъ о любви, но никакой любви не передастъ непосредственно. Въ его книгѣ такъ много традиціонно-православнаго недоброжелательства къ людямъ и къ міру, но въ формѣ стилизованнаго, эстетическаго негодованія противъ еретической жизни и еретической мысли. Живого, горячаго негодованія въ его словахъ нѣтъ. Въ нихъ чувствуется упадочное, эстетическое равно-

душіе къ добру и злу. Въ его книгѣ нѣтъ ни одной строки, которая дышала бы живымъ, горячимъ, реальнымъ негодованіемъ противъ зла міра, была бы воинственнымъ изобличеніемъ зла, противленіемъ злу, неправдѣ и несправедливости. Въ писаніяхъ свящ. Флоренскаго—полное отсутствіе чувства мірового гражданства (не въ политическомъ, а въ гораздо болѣе глубокомъ смыслѣ.) Онъ метафизически асоціаленъ. При такой стилизованной тихости и смиренности можно всюду открывать ереси, можно анаоематствовать и недоброжелательствовать ко всему не „своему", но нельзя страстно изобличать зла, негодовать противъ зла жизни и бороться съ нимъ.

Свящ. Флоренскій очень послѣдовательно не любитъ героическаго начала; онъ тутъ выдерживаетъ стиль, идеализируетъ будничную, повседневную жизнь, какъ болѣе подлинную и богоугодную. Для него героическое есть лишь эффектъ и рисовка, героическое не антологично, онъ не видитъ въ героическомъ выхода изъ „міра сего" въ иную, высшую, подлинную духовную жизнь. Отрицаніе жизни героической и эстетическое упоеніе обыденностью, провинціализмомъ жизни, тихостью будней очень стильно для архаическаго православія свящ. Флоренскаго. Онъ весь обращенъ назадъ. Но какъ ни старается свящ. П. Флоренскій стилизовать себя на ладъ простоты, въ немъ меньше простоты, чѣмъ у любого изъ гностиковъ, напр., чѣмъ у Якова Беме, у котораго была великая простота сердца, непосредственность. Въ смиренномъ стремленіи свящ. Флоренскаго изложить не „свои" взгляды и не „свою" систему, а взгляды и систему церкви, есть особая гордость и непростота. „Если тутъ, въ работѣ моей, есть какіе-нибудь „мои" взгляды, то—лишь отъ недомыслія моего, незнанія или непониманія" (стр. 360). У свящ. Флоренскаго есть очень интересные взгляды на преодолѣніе скептицизма, на антиномичность истины, на Геенну, на Софію,—въ этихъ взглядахъ есть много его, оригинальнаго, и было бы куда смиреннѣе, если бы онъ даже гордился этими своими взглядами, чѣмъ со стилизованнымъ смиреніемъ считалъ ихъ своимъ „недомысліемъ" и „непониманіемъ" или выдавалъ ихъ за голосъ самой церкви. Если же онъ искренно, не только для стиля смиренія, считаетъ всѣ свои взгляды лишь „недомысліемъ", „непониманіемъ" и „незнаніемъ", то нечего было философствовать и теософствовать, нечего писать „опыта православной ѳеодицеи". Всякая философія и всякая теософія по существу антропологична, всегда есть откровеніе мудрости въ человѣкѣ и черезъ человѣка. Философъ всегда еретикъ, т.-е. свободно избирающій. Оплеваніе человѣка въ себѣ, собственной мысли, собственнаго пониманія и собственнаго знанія для выдержаннаго стиля смиренія можетъ оказаться униженіемъ паче гордости. Свящ. Флоренскій предлагаетъ намъ *свой* „опытъ православной ѳеодицеи", имъ продуманной, своеобразно обосно-

ванной, и нечего говорить о своемъ творчествѣ, какъ „недомысліи" и „непониманіи". Это оскорбляетъ достоинство человѣка. Нѣкоторые „свои" взгляды свящ. Флоренскаго можно было бы признать приближающимися къ геніальности, если бы они не были такъ стилизованы. Стилизація, увы, можетъ быть очень талантливой, но не можетъ быть геніальной. Все геніальное непосредственно и просто, хотя можетъ быть и непонятно для большинства. Геніальная простота была въ идеяхъ Хомякова о церкви, до которыхъ свящ. Флоренскому далеко.

Свящ. Флоренскій задавилъ въ себѣ замѣчательнаго ученаго, математика [1]), филолога, быть можетъ, изслѣдователя оккультныхъ наукъ. Онъ больше обращенъ къ частному, чѣмъ къ универсальному. Онъ любитъ тонкую, художественную филигранную работу, детальное изслѣдованіе, научныя миніатюры. Онъ—ювелиръ. Слабѣе въ немъ творческій синтезъ. Въ немъ есть углубленность, но нѣтъ полета, нѣтъ шири. Ученый въ лучшемъ смыслѣ этого слова и своеобразный художникъ-стилизаторъ въ немъ преобладаютъ надъ мыслителемъ и философомъ. Онъ кокетничаетъ своими ювелирными филологическими изысканіями. У него больше литературы, чѣмъ философіи. Какъ непріятна литературность въ живописи для того, кто съ любовью ищетъ живописныхъ откровеній, такъ непріятна литературность въ философіи, для того, кто съ любовью ищетъ откровеній философскихъ. Свящ. Флоренскій всетаки схоластъ, хотя въ болѣе тонкомъ, не семинарскомъ смыслѣ этого слова. Въ немъ нѣтъ свободы и полета философа. Его „Православная ѳеодицея" есть самоспасеніе, налагаемая на себя и на другихъ узда, а не свободное исканіе истины и божественной премудрости. Въ его путяхъ познанія нѣтъ свободы. Самое мучительное и непріятное въ книгѣ свящ. Флоренскаго—его нелюбовь къ свободѣ, равнодушіе къ свободѣ, непониманіе христіанской свободы, свободы въ Духѣ. Даже слово свобода почти нигдѣ не употребляется. Вотъ въ отношеніи къ свободѣ человѣческаго духа у свящ. Флоренскаго есть дѣйствительное „недомысліе", „непониманіе" и „незнаніе". Его религія—не религія свободы, ему чуждъ паѳосъ свободы. Это накладываетъ печать на всю книгу. „Столпъ и утвержденіе истины"—душная, тепличная книга. Можно задохнуться въ этой атмосферѣ подземной церковки съ низкими сводами, жаркой, напоенной запахомъ восковыхъ свѣчей и ладана. Когда читаешь эту удушливую книгу, хочется вырваться на свѣжій воздухъ, въ ширь, на свободу, къ творчеству свободнаго духа человѣческаго.

---

[1]) Очень были замѣчательны его статьи о „Символахъ безконечности" въ *Новомъ Пути*, гдѣ онъ развивалъ ученіе о потенціальной и актуальной безконечности.

У свящ. Флоренскаго есть въ чемъ-то родство съ Паскалемъ. Это родство и дѣлаетъ его интереснымъ явленіемъ. Глава о сомнѣніи—самая блестящая и замѣчательная въ его книгѣ. Гносеологическое описаніе мукъ скептицизма или того, что онъ называетъ ἐποχή, очень сильно и напоминаетъ описаніе адскихъ мукъ, начала ада на землѣ. Такъ писать можетъ лишь человѣкъ, самъ пережившій адскія муки ἐποχή, для котораго преодолѣніе скептицизма—самая насущная и жизненная задача. Объ этихъ мукахъ свящ. Флоренскій пишетъ хорошо и сильно, и въ этомъ всего менѣе стилизаціи, ибо въ этомъ изобличается его скептическая, родственная Паскалю природа. Гносеологическая транскрипція психологическаго опыта сомнѣнія не такъ общеобязательна, какъ кажется свящ. Флоренскому, ибо не для всѣхъ такъ чувствителенъ плѣнъ разсудка, порождающій муки ἐποχή. Я даже не думаю, чтобы муки сомнѣнія были такъ остры въ нашу эпоху. Въ нашихъ религіозныхъ исканіяхъ мы очень свободны отъ разсудка и отъ ἐποχή, отъ задержки сомнѣнія. Анализъ сомнѣнія у свящ. Флоренскаго есть скорѣе блестящая психологія, чѣмъ гносеологія. Это прекрасный этюдъ по религіозной психологіи. Потомъ психологія переходитъ у него въ богословіе, и богословіе не свободное отъ самой заправской схоластики. Онъ преодолѣваетъ муки сомнѣнія Троичностью, Тріединой Истиной, психологію преодолѣваетъ богословіемъ. По свящ. Флоренскому, всякій имманентный путь познанія, дискурсивный или интуитивный, одинаково ведетъ въ адъ. Онъ осуждаетъ на адскія муки всякаго, кто идетъ по пути познанія, не принявъ трансцендентной Троичности. „Она (Троичность)—послѣднее средство. Если самой Тріединой Истины не оказалось, то гдѣ же искать ее?“ (стр. 69). Свящ. Флоренскій постулируетъ Тріединую Истину, какъ единственный исходъ изъ адскихъ мученій, онъ принимаетъ Тріединаго Бога изъ отчаянія. Какъ это ни странно, но методъ свящ. Флоренскаго напоминаетъ нравственное постулированіе Бога у Канта, столь ему чуждаго. Онъ принимаетъ трансцендентную самому познанію и самому духовному опыту гипотезу Тріединой Истины и Тріединаго Бога, чтобы спастись отъ адскаго отчаянія. *Свящ. Флоренскій не познаетъ, а спасается.* Онъ допускаетъ гипотезу Троичности, и лишь при этомъ трансцендентномъ допущеніи оказывается возможнымъ спастись отъ имманентныхъ мукъ ἐποχή. Но Тріединая Истина и Тріединый Богъ не раскрываются въ имманентной духовной жизни. Божественная Истина совершенно трансцендентна духовному опыту. Этимъ, какъ будетъ видно, предопредѣляется отношеніе свящ. Флоренскаго къ мистикѣ. Онъ постулируетъ догматъ Троичности, какъ внѣшній мистическому опыту, не раскрывающійся въ немъ имманентно, не какъ внутренній свѣтъ и озареніе, а какъ трансцендентную спасительную гипотезу. Такъ гносеологически уже утверждаетъ онъ внѣшнюю, трансцендентную всякому ду-

ховному, мистическому опыту природу божественнаго откровенія. На гносеологическомъ языкѣ свящ. Флоренскаго нужно понимать такъ, что невозможно имманентно добыть свѣтъ, истину, что всякій имманентный, внутренній путь познанія даже при переходѣ къ мистическому опыту и высшей духовной жизни ведетъ въ адъ, въ пожирающій огонь ἐποχή.

Если бы свящ. Флоренскій хотѣлъ сказать, что свѣтъ Истины (не истинъ) добывается черезъ жертву, самоотреченіе, распятіе разсудочности, то онъ былъ бы свято правъ. Послѣдняя Истина раскрывается черезъ Того, Кто сказалъ про себя: „Я есмь Истина". Чтобы увидать эту Истину, нужно все Ему отдать, все сложить у Его ногъ, чтобы все отъ Него получить, отречься для Него—Истина отъ всѣхъ истинъ. Но это имманентный путь духовной, мистической жизни, путь рожденія Христа въ душѣ. Свящ. Флоренскій утверждаетъ другое. Онъ хочетъ не жертвеннаго трансцензуса, какъ момента религіознаго опыта, какъ рожденія къ новой духовной жизни,—онъ хочетъ абсолютно трансцендентнаго, внѣшняго откровенія, онъ хочетъ транскрипціи религіознаго опыта въ терминахъ трансцендентной онтологіи. Въ мистической жизни есть прохожденіе черезъ вольную смерть, искупительную жертву, Голгоѳу, но это имманентный опытъ, не знающій для себя ничего совершенно внѣшняго, трансцендентнаго. А Тріединая Истина и Тріединый Богъ свящ. Флоренскаго совершенно трансцендентны, внѣшни. Этимъ укрѣпляется корыстная психологія религіознаго несовершеннолѣтія. Методъ, которымъ свящ. Флоренскій хочетъ доказать, что Истина есть Тріединство, фатально оказывается схоластическимъ. Утонченная религіозная психологія переходитъ у него въ схоластическое богословіе. Догматъ Тріединства, какъ внѣшній, трансцендентный мистическому опыту, неизбѣжно оказывается богословскимъ. Богословіе всегда покоится на идеѣ внѣшняго откровенія и противоположно мистикѣ, какъ покоящейся на идеѣ внутренняго откровенія. Богословіе есть трансцендентизмъ, мистика—имманентизмъ. Свящ. Флоренскій совсѣмъ не такъ свободенъ отъ богословской схоластики, какъ хотѣлъ бы и какъ долженъ былъ бы быть свободнымъ. Онъ только съ другого входа вводитъ переодѣтую схоластику. Это неизбѣжная кара за всякое допущеніе догмата до и внѣ духовной жизни, мистическаго опыта. Свящ. Флоренскій, какъ человѣкъ утонченный, хочетъ опытнаго богословія. Но опытное богословіе не можетъ постулировать внѣшняго догмата и трансцендентнаго человѣческому духу откровенія; оно видитъ рожденіе Бога въ человѣкѣ, оно уже не богословіе, а теософія. Богословіе всегда было выраженіемъ религіознаго несовершеннолѣтія, авторитарности, внѣшней трансцендентности въ религіозномъ сознаніи. У свящ. Флоренскаго догматъ Тріединой Истины и Тріединаго Бога внѣшне-трансцендентенъ и по отношенію къ опыту познанія и по отношенію къ опыту любви, такъ какъ и познаніе

и любовь возможны лишь послѣ принятія этого догмата. Но если до конца освободиться отъ всякой авторитарности въ принятіи догмата, то догматъ окажется лишь транскрипціей внутренняго религіознаго опыта, внутренняго пути любви и познанія, пути прохожденія черезъ жертву разсудочностью и отреченія отъ самоутвержденія, описаніемъ мистическихъ встрѣчъ. Нужно еще отмѣтить, что гносеологическое ученіе свящ. Флоренскаго о томъ, что Истина есть Тріединство, порождаетъ большія гносеологическія затрудненія. Фактически ἐποχή преодолѣвается не только Тріединствомъ. Въ сущности ἐποχή всегда преодолѣвается актомъ избирающей и разсѣкающей воли, познавательнымъ эросомъ. Эта познавательная воля къ Истинѣ у многихъ великихъ философовъ добывала свѣтъ безъ прямого принятія Тріединства. Тутъ свящ. Флоренскій обреченъ на схоластическое навязываніе Троичности опытнымъ путямъ познанія. Схоластическая гносеологія, хотя и начавшаяся съ живого опыта, роковымъ образомъ сказалась на отношеніи свящ. Флоренскаго къ церкви и мистикѣ.

Свящ. Флоренскій тщательно стилизуетъ себя на ладъ чисто семитическаго фанатизма. Церковный фанатизмъ всегда былъ проявленіемъ семитическаго духа въ христіанствѣ, духа раздѣленія и самовосхваленія,—только „у насъ“ все хорошо и истинно. Свящ. Флоренскій все изобличаетъ ереси. Но въ его фанатизмѣ нѣтъ никакой непосредственности и простоты, онъ не способенъ къ страстному негодованію, онъ фанатически враждуетъ противъ ересей для православнаго стиля, для выдержанной системы церковнаго семитизма. Очень непріятно отношеніе свящ. Флоренскаго къ католичеству. Это повтореніе славянофильскихъ задовъ. Неловко уже повторять фразы о томъ, что у насъ, на православномъ Востокѣ, все прекрасно и благополучно, а у нихъ, на католическомъ Западѣ,—одно растлѣніе. Свящ. Флоренскій самъ прекрасно знаетъ, что у насъ все до крайности неблагополучно и неблагообразно, что фактическое, дѣйствительное православіе слишкомъ мало общаго имѣетъ съ идеальнымъ православіемъ Хомякова. И самъ Хомяковъ уже зналъ это, но у него была еще наивность, бытовая непосредственность, которыхъ нѣтъ и слѣда у свящ. Флоренскаго. Да и слишкомъ много пережито съ добрыхъ славянофильскихъ временъ, духовныя революціи отдѣляютъ насъ отъ тѣхъ временъ, слишкомъ многое выявилось и обнажилось. Теперь неправда наша оголенной ходитъ по площадямъ. Но весь стиль свящ. Флоренскаго не хочетъ знать религіознаго реализма исторіи. Во всякомъ случаѣ недозволительно считать всю католическую мистику мистикой живота въ противоположность православной мистикѣ, какъ мистикѣ груди или сердца. Память о святомъ сердцѣ Франциска возстаетъ противъ этого. Трудно повѣрить подлинности такого семитическаго отвращенія къ „гоямъ“. Свящ. Флорен-

скій не можетъ въ глубинѣ души такъ относиться къ великимъ святымъ и великимъ мистикамъ западнаго міра, міра „святыхъ чудесъ“. Между тѣмъ какъ въ своей стилизаціи православно-семитическаго фанатизма онъ доходитъ до такихъ безобразныхъ фразъ: „Тутъ—глубокое отличіе православной мистики отъ мистики еретической, всегда одержимой духомъ блуда и растлѣнія“ (стр. 342). Если принять во вниманіе, что не еретической, церковной мистикой свящ. Флоренскій почитаетъ только въ узкомъ и точномъ смыслѣ слова мистику православную, напримѣръ, св. Семеона Новаго Богослова или св. Макарія Египетскаго, то одержимыми духомъ блуда и растлѣнія окажутся такіе праведные и чистые мистики, какъ Экхардтъ и Я. Беме, люди святой жизни, хотя и безъ офиціальной марки святости. И св. Франциска, и св. Катерину Сіенскую придется обвинить въ блудѣ и растлѣніи, такъ какъ ихъ мистика не православная, т.-е. еретическая. Такія выраженія слишкомъ ужъ неосторожны и не могутъ быть терпимы.

Трансцендентная гносеологія свящ. Флоренскаго, о которой выше было говорено, приводитъ его къ крайнему преувеличенію значенія догматовъ въ религіозной жизни,—догматовъ, какъ внѣшней данности. Тутъ мы подходимъ къ коренному пороку всей религіозной философіи свящ. Флоренскаго, всей его концепціи церкви. Какъ новый и тонкій человѣкъ, свящ. Флоренскій, конечно, признаетъ только опытное богословіе, онъ обращенъ къ духовной жизни и не можетъ не презирать семинарской схоластики. Но тутъ онъ запутывается. Съ одной стороны, догматы раскрываются въ духовномъ опытѣ, въ духовной жизни; съ другой стороны, догматы являются критеріемъ здороваго и правильнаго духовнаго опыта, духовной жизни. Догматы имманентно раскрываются въ духовномъ опытѣ и догматы трансцендентно навязаны духовному опыту. Свящ. Флоренскій относится очень подозрительно и мнительно къ духовному опыту, къ жизни въ духѣ, онъ требуетъ неустаннаго церковно-догматическаго испытанія духа. Духовное можетъ оказаться душевнымъ, божественное—человѣческимъ произволомъ и самоутвержденіемъ. И вотъ я спрашиваю: гдѣ же формальные признаки духовности для свящ. Флоренскаго, откуда онъ знаетъ, что подлинно духовно, а что нѣтъ? Религіознымъ критеріемъ духовности, жизни въ духѣ, для него является церковное, догматическое сознаніе. Но вѣдь съ первыхъ же страницъ книги свящ. Флоренскаго ясно, что онъ вслѣдъ за Хомяковымъ не признаетъ никакихъ внѣшнихъ, формальныхъ критеріевъ церковности. „Неопредѣлимость православной церковности есть лучшее доказательство ея жизненности... Что такое церковность?—Это—новая жизнь,—жизнь въ Духѣ. Каковъ же критерій правильности этой жизни?—Красота“ (стр. 7). Но если церковность есть жизнь въ Духѣ и если критерій правильной церковной жизни—Красота, то почему же, напри-

мѣръ, Я. Беме не въ церковности, почему онъ не въ Духѣ жилъ? По внѣшнимъ, формальнымъ критеріямъ церковности Я. Беме былъ лютеранинъ и еретикъ-гностикъ передъ судомъ офиціально-католическаго и православнаго сознанія,—по критеріямъ Духа и Красоты онъ былъ подлинный церковный христіанинъ. Почему по внутреннимъ критеріямъ Духа и Красоты должны быть отлучены отъ церковности и признаны еретиками многіе мистики, люди праведной жизни, подлинной жизни въ Духѣ и Красотѣ, не вмѣщающіеся по критеріямъ внѣшнимъ, формальнымъ, офиціальнымъ? Я думаю, что хомяковское пониманіе церкви, какъ жизни въ Духѣ, въ любви и свободѣ, ведетъ къ очень радикальнымъ послѣдствіямъ. Хомяковская концепція церкви не допускаетъ никакого внѣшняго авторитета, никакой матеріализаціи неизслѣдимой духовной жизни на планѣ физическомъ, никакой обязательности для духовной жизни не только голоса папы, но и голоса синода и патріарховъ. Въ хомяковской концепціи была вѣчная, непреходящая истина, превышающая временное, историческое обличье славянофильства. Но свящ. Флоренскій сидитъ между двухъ стульевъ, и его сознаніе раздирается болѣзненной двойственностью, не антиномичностью, а двойственностью и двухсмысленностью. *Церковность не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ, формальныхъ признаковъ и критеріевъ, она есть жизнь въ Духѣ и Красотѣ.* Это одинъ тезисъ свящ. Флоренскаго. Другой же его тезисъ, которымъ онъ пользуется на протяженіи всей книги, звучитъ такъ: *только та жизнь въ Духѣ и Красотѣ религіозно допустима, правильна, оправдана, которая церковна по формальнымъ, внѣшнимъ критеріямъ церковности. Все не православное въ буквальномъ, вѣроисповѣдномъ, внѣшне-формальномъ смыслѣ слова подозрительно, нездорово, все прелесть и даже блудъ.* Но тутъ я рѣшительно предлагаю свящ. Флоренскому выбирать между этими двумя тезисами, не сидѣть между двумя стульями. Какъ новый человѣкъ, модернистъ, утонченный мистикъ по построенію, онъ дорожитъ первымъ тезисомъ и дополняетъ хомяковское пониманіе церковности критеріемъ Красоты. Какъ стилизаторъ архаическаго православія, охранитель старины, вѣры отцовъ и быта отцовъ, какъ спасающійся, онъ держится и за второй тезисъ. Онъ не способенъ къ героическому выбору, какъ всякій упадочникъ, и не способенъ къ творческому синтезу. Онъ находитъ стилистическій выходъ. „Старцы духовные, такъ сказать, „набили руку" въ распознаваніи доброкачественности духовной жизни. Вкусъ православный, православное обличье чувствуется, но оно не подлежитъ ариометическому учету; православіе показуется, но не доказуется" (стр. 8). Увы, не только „православный вкусъ" чувствуется, но и православное безвкусіе слишкомъ часто чувствуется, чувствуется, навѣрное, и самимъ свящ. Флоренскимъ. Онъ навязываетъ бытовому, фактическому православію свою эстетику. И очень жаль, что самъ свящ. Флоренскій „набилъ руку" въ распознаваніи и изобличеніи

ересей. За всякимъ изобличенiемъ ересей и анаѳемствованiемъ слишкомъ легко открывается не только недоброжелательство, но и злоба, духъ мусульманскiй въ христiанствѣ. Истинный гнозисъ тогда только и начинается, когда пропадаетъ интересъ къ ереси и правовѣрiю. Направленiе воли къ охраненiю правовѣрiя и изобличенiю ереси закрываетъ для церковнаго сознанiя путь гнозиса. Правовѣрiе вырождается въ совершенно внѣшнiй, формальный критерiй, враждебный всякому движенiю духовной жизни. Трансцендентизмъ вырождается въ формализмъ, во внѣшнюю преграду внутренней жизни, въ полицейское мѣропрiятiе противъ имманентнаго духовнаго опыта,—опыта любви и познанiя въ духовной свободѣ.

Свящ. Флоренскiй, конечно, признаетъ, что догматы—опытнаго происхожденiя. Догматы—факты, мистическiя встрѣчи. Догматъ—не внѣшнее откровенiе, не внѣшняя данность, а внутреннее откровенiе, озаренiе имманентное человѣческому духу. Догматическiя формулы давали лишь онтологическую транскрипцiю религiозному опыту, были демократическимъ выраженiемъ и закрѣпленiемъ устойчивыхъ и вѣчныхъ элементовъ религiознаго опыта. И въ догматахъ есть абсолютная, непреходящая истина. Но мертвитъ та догматика, въ которой статика направлена противъ динамики, одни элементы религiознаго опыта истребляютъ другiе элементы, т.-е. опытъ костенѣетъ, абсолютизируется статически. Трансцендентизмъ,—внѣбожественность человѣка и мiра, дистанцiя между человѣкомъ и Богомъ, мiромъ и Богомъ,—есть неизбѣжный моментъ религiознаго опыта, неизбѣжное прохожденiе черезъ расщепленность, полярное раздвоенiе. И истинна лишь опытная транскрипцiя трансцендентизма. Всякая онтологическая транскрипцiя трансцендентизма, всякая абсолютизацiя его заключаетъ въ себѣ опасность статической задержки въ религiозномъ опытѣ. Абсолютный трансцендентизмъ и есть религiозный семитизмъ, ветхiй завѣтъ. Новый завѣтъ есть имманентизмъ, евангельская вѣсть есть вѣсть объ имманентности Бога человѣческому духу. И чисто трансцендентная онтологiя въ христiанствѣ есть все еще ветхозавѣтное наслѣдiе. Трансцендентизмъ есть религiозное несовершеннолѣтiе. Все трансцендентное ученiе о сотворенiи мiра и человѣка, вся ортодоксальная теологiя, космологiя и антропологiя христiанства—библейская, ветхозавѣтная, еврейская, а не новозавѣтная. Антиномiя трансцендентнаго и имманентнаго снимается въ зрѣломъ христiанскомъ сознанiи, преодолѣвается въ Новомъ Адамѣ.

Самое цѣнное въ книгѣ свящ. Флоренскаго—это его ученiе объ антиномичности. Религiозная жизнь по существу антиномична, она заключаетъ въ себѣ для разума несовмѣстимые и противорѣчивые тезисы и таинственно снимаетъ эти противорѣчiя. [1]) Антиномичность трансцендентнаго и имма-

---

[1]) Антиномичность религiознаго сознанiя, которое есть безумiе для вѣка сего, я защищалъ въ своей книгѣ „Философiя свободы“.

нентнаго разумно неразрѣшима и непреодолима; она изживается въ религіозномъ опытѣ и тамъ снимается. Въ высшемъ озареніи совмѣщаются противоположности. Все, что говоритъ свящ. Флоренскій объ антиномичности, превосходно, это лучшія страницы его книги, мѣстами очень глубокія. Но самъ онъ не проводитъ послѣдовательно этой антиномичности, сбивается на совсѣмъ иной путь. Такъ, крайняя абсолютизація и догматизація трансцендентизма есть уже измѣна той антиномической религіозной жизни, въ которой таинственно соединяется трансцендентизмъ съ имманентизмомъ. Свящ. Флоренскій хочетъ традиціозно и ортодоксально разрѣшить въ трансцендентной онтологіи и догматикѣ то, что разрѣшимо лишь въ религіозномъ опытѣ. Трансцендентизмъ и имманентизмъ—антиномическіе моменты религіознаго опыта, а не онтологія, не метафизика, не догматика. Свящ. Флоренскій—слишкомъ платоникъ и потому дуалистъ. Церковный платонизмъ есть абсолютизированный, статизированный дуализмъ, закрѣпляющій остановку, задержку, границу въ духовномъ опытѣ. Небесная, божественная дѣйствительность оказывается трансцендентной земной, человѣческой дѣйствительности, нѣтъ движенія въ духовной жизни, въ религіозномъ опытѣ, не знающаго абсолютныхъ преградъ и препонъ. Всюду пропасть и дистанція. Платонизмъ былъ великъ и свѣтоносенъ для міра языческаго, но для христіанскаго міра онъ опасенъ и горекъ по плодамъ своимъ. Матеріализмъ есть изнанка платонизма. Платонистическій дуализмъ рождаетъ боязливое и подозрительное отношеніе къ духовному опыту. Лишь тотъ духовный опытъ кажется свящ. Флоренскому подлиннымъ и здоровымъ, который имѣетъ офиціальную марку святости. Но какъ же намъ, бѣднымъ, грѣшнымъ, быть? Въ силахъ ли мы дерзнуть жить высшей духовной жизнью? Всякій починъ въ духовной жизни, всякое дерзновеніе жить въ Духѣ свящ. Флоренскій беретъ подъ подозрѣніе, какъ гордыню и человѣческій произволъ. Но вѣдь и святость, потомъ получившая офиціальное признаніе и почитаемая статически въ иконописныхъ ликахъ святыхъ, была въ свое время дерзновеннымъ почином. Свящ. Флоренскій невольно сбивается на формальные, офиціальные критеріи святости. Какъ стилизаторъ архаическаго православія, онъ предпочитаетъ „смиреніе" обыденной, бытовой жизни во грѣхѣ—„гордынѣ" духовнаго восхожденія, дерзновенія на слишкомъ дальнія духовныя плаванія. Это—стиль русскихъ старцевъ, учившихъ нести бремя послушанія послѣдствіямъ грѣха, смиряться передъ „міромъ", столь снисходительныхъ къ мѣщанской серединѣ человѣческой жизни. [1]) Ученіе о грѣхѣ вырождается во вражду къ духовному движенію, духовному восхожденію. Гдѣ ужъ намъ, грѣш-

[1]) Очень характерно въ этомъ отношеніи „Описаніе жизни блаженной памяти оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія", составленное протоіереемъ С. Четвериковымъ. До болѣзненности поражаетъ приспособленіе православія Амвросія къ мѣщанской серединѣ.

нымъ, для насъ ли, маленькихъ, духовная жизнь! Нужно смиреніе, а не повышеніе духовной жизни, не раскрытіе иныхъ міровъ, нужно несеніе тяготы „міра", а не преодолѣніе „міра", не освобожденіе отъ „міра" и не творчество новой жизни. Это—линія духовной демократизаціи христіанства, вражда къ духовной его аристократизаціи. Это—приспособленіе христіанства къ серединѣ человѣческой, къ „міру". Это—христіанскій экзотеризмъ, которому свящ. Флоренскій не можетъ по природѣ своей отдаться до конца и который онъ соединяетъ съ нѣкоторыми намеками на христіанскій эзотеризмъ (см. стр. 418). Но онъ слишкомъ далеко заходитъ въ своей стилизаціи демократическаго, бытового, архаическаго православія, дальше, чѣмъ самъ бы этого хотѣлъ, потому что самъ-то онъ другой и къ другому его тянетъ. Все время чувствуется двойственность свящ. Флоренскаго: духовный аристократъ стилизуетъ себя на демократическій ладъ. Вырожденіе смиренія несетъ съ собой большую религіозную и нравственную опасность, оно стоитъ препятствіемъ на пути осуществленія Христова завѣта: „будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный". Это ложное смиреніе задерживаетъ духовный ростъ, оставляетъ въ низшихъ планахъ жизни; это не евангельскій, не новозавѣтный паѳосъ безконечной близости человѣка и Бога и безконечнаго движенія въ духовной жизни, это паѳосъ безконечнаго разстоянія, трансцендентной бездны между человѣкомъ и Богомъ. Послѣднимъ предѣломъ этого смиренія, этого принижающаго трансцендентнаго дуализма долженъ быть жизненный матеріализмъ и позитивизмъ, разрывъ между религіей и жизнью.

Свящ. Флоренскій очень хорошо сознаетъ, что природа Духа не была достаточно раскрыта въ христіанствѣ. „Въ общемъ, въ среднемъ, въ въ обычномъ и личная жизнь христіанина, внѣ своихъ высшихъ подъемовъ, и повседневная жизнь Церкви,—за вычетомъ избранниковъ Неба,—*мало, смутно и тускло знаетъ Духа Святого, какъ Лицо.* А съ этимъ связано и недостаточное, не всегдашнее знаніе небесной природы Твари" (стр. 111). „Это—не случайность исторіи *богословія*, а непреложная послѣдовательность въ исполненіи часовъ и сроковъ,—необходимое и непремѣнное обнаруженіе сравнительно неяркаго откровенія Духа, *какъ Ипостаси*, недостатокъ самой жизни" (стр. 118). „Словно какая-то ткань, словно какое-то тѣло изъ тончайшихъ звѣздныхъ лучей ткется въ міровыхъ основахъ: *что-то* ждется. Въ *чемъ-то* недостатокъ, по *чему-то* томится душа, желающая разрѣшиться и быть со Христомъ" (стр. 128). Свящ. Флоренскій—новая душа и у него не можетъ не быть этихъ чаяній, этихъ ожиданій и исканій. Но онъ такъ боится самого себя и такъ стилизуетъ себя на православно-архаическій ладъ, что робки его исканія откровенія Духа. Онъ слишкомъ напуганъ безсиліемъ и неудачами „новаго религіознаго сознанія". Онъ боится всякаго почина въ раскрытіи Духа, всякаго человѣческаго дерзновенія въ духовной жизни.

Но Духъ раскрывается въ человѣкѣ и человѣчествѣ, черезъ человѣка и человѣчество; откровеніе Духа не можетъ быть трансцендентнымъ голосомъ свыше и извнѣ, это—имманентный голосъ внутри, въ глубинѣ. Духъ не можетъ раскрываться внѣ человѣческой активности, внѣ напряженія человѣческой природы, ибо жизнь въ Духѣ есть бого-человѣческая жизнь, совмѣстное дѣйствіе Бога и человѣка. Свящ. Флоренскій изъ боязни обрекаетъ человѣка на пассивное выжиданіе, которому не предвидится конца. Онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что новое откровеніе Духа зачинается уже у св. Серафима, у старца Амвросія и другихъ русскихъ старцевъ, и не хочетъ на себя возложить бремя раскрытія Духа, на себя принять отвѣтственность. Святые и старцы за насъ должны дѣйствовать, намъ же остается пассивно ждать и смиряться. Но при всемъ желаніи, у старца Амвросія и другихъ старцевъ нельзя найти „новыхъ, доселѣ почти невиданныхъ, *розовыхъ* лучей грядущаго Дня Немеркнущаго". Есть это у старца Зосимы, въ геніальныхъ творческихъ прозрѣніяхъ Достоевскаго, но не у реальнаго Амвросія, который несъ тяготу и бремя „міра" и не былъ свободенъ отъ унылой обыденности. Ликъ св. Серафима единственный, свѣтлый, но и его трудно связать съ новыми чаяніями. У свящ. Флоренскаго нѣтъ даже зачатковъ того подлинно новаго сознанія, что нынѣ міръ вступаетъ въ эпоху антропологическаго откровенія, починъ котораго долженъ взять на себя самъ человѣкъ, на свой рискъ и страхъ, что божественное откровеніе переходитъ внутрь человѣка и черезъ него продолжается. Это есть вступленіе въ возрастъ религіознаго совершеннолѣтія. Свящ. Флоренскій держится за религіозное несовершеннолѣтіе, за церковный демократизмъ. Онъ панически боится оторваться отъ церковности, такой, какой она выявлена на физическомъ планѣ бытія. Онъ хочетъ удержать и охранить физическую тѣлесность, матеріальность религіозной жизни, т.-е. самому остаться и другихъ оставить въ дѣтскомъ періодѣ христіанства. Онъ умышленно закрываетъ себѣ глаза на глубокія колебанія и потрясенія физическаго плана бытія, физической тѣлесности жизни, матеріальности человѣческаго быта. Въ міровомъ, космическомъ процессѣ развитія человѣкъ перерастаетъ ту относительную устойчивость физической, матеріальной жизни, которая казалась абсолютно устойчивой. Этотъ физическій планъ жизни оказался не бытіемъ, а бытомъ. Мучительный кризисъ перехода матеріальныхъ, физическихъ выявленій и символовъ къ высшей духовной жизни сказывается во всѣхъ сферахъ. Это міровой кризисъ. Онъ болѣзненно отражается на жизни церковной. Авторитарный церковный строй, укрѣпленный на метафизикѣ дуалистической, трансцендентной, платонической, поддерживалъ, въ путяхъ воспитанія человѣчества, матеріализмъ жизненнаго быта. Нынѣ въ церкви разлагается ея физическая, матеріальная плоть, ея выявленія на физическомъ планѣ—всегда

исторически относительныя. Въ жизни церкви таинственно совершается міровой переломъ къ выявленію Духа въ человѣкѣ, обращеніе къ духовной плоти. И косная физическая плоть церковности враждуетъ противъ всякаго исканія высшей духовной жизни, задерживаетъ человѣка на низшихъ, младенческихъ ступеняхъ. Матеріалистическая церковность являетъ собой лицо младенца, сморщившееся отъ старости. Но въ церкви всегда были живы мистическія, сокровенныя традиціи и за матеріалистическимъ, демократическимъ ликомъ церкви всегда скрывался вѣчный, абсолютный, таинственный ликъ, котораго не одолѣютъ врата адовы. Въ эпоху колебаній и разслоеній физическаго плана бытія, въ эпоху космическаго вихря, распыляющаго всякую матеріальную бытовую устойчивость, должна выявиться духовная плоть церкви, ея вѣчный ликъ, ея сокровенная сущность. Но свящ. Флоренскій не хочетъ этого, боится этого. Онъ удивительно послѣдовательно и выдержанно стилизуетъ себя на ладъ матеріалистической церковности. Онъ за „міръ“ и „естественность“ противъ излишней духовности, за бытъ отцовъ противъ освобожденія въ Духѣ. Онъ врагъ жажды духовной освободиться отъ „міра“, отъ физической половой жизни, отъ мясной пищи, отъ всей тяготы матеріалистическаго быта. Хорошо быть воздержаннымъ въ половой жизни, но плохо быть духовно свободнымъ отъ физической жизни пола, преодолѣть ее духовной любовью; хорошо поститься, но плохо быть вегетаріанцемъ. Какъ характерна эта идеализація народно-органической жизни въ противовѣсъ всему интеллигентскому, культурному! Но то, что у славянофиловъ было естественно, то стилизовано у свящ. Флоренскаго. Вѣдь не существуетъ уже органически-прекраснаго бытового уклада жизни крестьянской, купеческой, дворянской. Это слишкомъ несвоевременная романтика. Все разлагается и распыляется въ жизни матеріально-родовой, нечего охранять въ ней. Съ ветхозавѣтнымъ паѳосомъ во всемъ и всегда свящ. Флоренскій защищаетъ законъ и законное и пуще всего боится духовной свободы. Для него космическое и есть закономѣрное, законное. Онъ такъ боится старой плоти міра, что остается въ законѣ, въ послушаніи послѣдствіямъ грѣха.

Но какъ ни стилизуетъ себя свящ. Флоренскій въ типъ ортодоксальнаго, праваго православнаго, ему не миновать обвиненій въ ересяхъ, въ вольномысліи, въ новшествахъ. Старая, внѣшняя, матеріалистическая церковность не приметъ ученія свящ. Флоренскаго о геннѣ, о Софіи и многихъ другихъ. Свящ. Флоренскій слишкомъ оригиналенъ, дѣйствительно оригиналенъ. Я бы даже сказалъ, что свящ. Флоренскій по всему складу своего мышленія—оригиналъ, доходящій почти до чудачествъ. Это въ немъ интересно, временами симпатично, временами отталкиваетъ. Но ортодоксальная церковность ничего оригинальнаго не можетъ вытерпѣть, она оскорбляется всякой духовной самостоятельностью. Ученіе свящ. Фло-

ренскаго о геенн положительно оригинально, интересно и, вѣроятно, не ортодоксально, въ немъ всетаки найдутъ элементы ненавистнаго оригенизма, своеобразнаго гностицизма, отрицаніе ортодоксальныхъ адскихъ мукъ. Но какъ ни блестяще ученіе свящ. Флоренскаго о гееннѣ, какъ ни возвышается оно надъ слишкомъ грубыми идеями церковнаго матеріализма, и въ немъ все еще есть абсолютизація отдѣльныхъ моментовъ религіознаго опыта, превращеніе религіознаго пути въ онтологію. Переживаніе ужаса гибели и жажда спасенія—этапы религіознаго пути, моменты религіознаго опыта, черезъ которые должна проходить христіанская душа, а не абсолютная и окончательная онтологія. Возможна психологія гибели, но невозможна онтологія гибели, подобно тому какъ невѣрна онтологія абсолютнаго трансцендентизма. Вопросъ о гееннѣ—вопросъ странствія души. Ортодоксально-церковнаго рѣшенія вопроса объ истокахъ души и судьбахъ души, о сопутствованіи души космическому процессу просто не существуетъ, тутъ пустое мѣсто, зіяющая бездна въ началѣ и концѣ. Свящ. Флоренскій слишкомъ умный и тонкій человѣкъ, чтобы этого не чувствовать. И онъ робко и осторожно говоритъ о какомъ-то предсуществованіи души, хотя боится самаго слова „предсуществованіе", какъ скомпрометированнаго Оригеномъ. Но онъ не связалъ эсхатологическаго вопроса о гееннѣ съ вопросомъ о предсуществованіи души, объ ея истинахъ. А это вѣдь одинъ и тотъ же вопросъ. Свящ. Флоренскій—художникъ-миніатюристъ въ изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ, и ему нехватаетъ синтеза. Нужно прямо сказать, что въ церковномъ сознаніи не рѣшенъ совсѣмъ вопросъ о перевоплощеніи и о связи души съ космическимъ развитіемъ. Ясно только, что для христіанскаго сознанія неніемлемо восточное ученіе о кармѣ, такъ какъ законъ кармы есть судьба неискупленной души, не получившей даровой благодати Христа-Искупителя. Но христіанская переработка ученія о перевоплощеніи есть задача христіанскаго гнозиса. Черезъ Христову благодать освобождается душа отъ закона кармы, и достиженія ея превышаютъ всякую естественную эволюцію. Вопросъ о гееннѣ долженъ быть переведенъ изъ фазиса младенческаго трансцендентизма въ фазисъ зрѣлаго имманентизма. Но свящ. Флоренскій умышленно закрываетъ себѣ на это глаза. И всетаки не миновать и ему обвиненій въ ереси, ибо „еретично" всякое самостоятельное и свободное высказываніе.

Послѣднія главы „Столпа и утвержденія истины" посвящены дружбѣ и ревности. Въ письмахъ о дружбѣ и ревности—весь паѳосъ книги. Въ дружбѣ видитъ свящ. Флоренскій чисто человѣческую стихію церковности. О дружбѣ говоритъ онъ много хорошаго и красиваго, но безмѣрно далекаго отъ православной дѣйствительности, въ которой мудрено найти паѳосъ дружбы. Это у свящ. Флоренскаго совершенно индивидуально, лирично, онъ оправославливаетъ античныя чувства. Фактически

въ православной жизни паѳосъ недоброжелательства и осужденія гораздо сильнѣе паѳоса дружбы и любви. И не потому это такъ, что грѣшна человѣческая природа, но и потому, что вырождающіяся формы православнаго сознанія несутъ съ собой истребляющее недоброжелательство къ человѣку и всему человѣческому. Но отъ этого недоброжелательства нимало не торжествуетъ и божественное въ жизни, скорѣе наоборотъ. Лишь положительное доброжелательство къ человѣку и человѣческому помогаетъ раскрытію въ человѣкѣ божественнаго. Очень показательно и знаменательно, что свящ. Флоренскій заканчиваетъ свою книгу апологіей ревности. Въ этой патетической апологіи есть элементъ оригинальничанья, но хвала ревности и внутренно необходима для выдержанности духовнаго стиля книги. Паѳосъ ревности — семитическій паѳосъ, ревность въ религіозно-углубленномъ ея пониманіи имѣетъ семитическую природу и семитическій истокъ. Для стиля семитической церковности необходимъ паѳосъ ревности. Ревность и есть фанатизмъ, чувство собственника, воля къ раздѣленію. Въ обыденной жизни ревность хочетъ имѣть собственность только для себя, любитъ только свое, свой кругъ, свой домъ. Въ жизни религіозной ревность рождаетъ притязаніе, что Духъ дышитъ не тамъ, гдѣ хочетъ, а только „у насъ". [1]) Ревность въ церковной жизни и была вѣчнымъ источникомъ фанатизма, ненависти, злобы. Это было проявленіе семитическаго духа въ христіанствѣ, стараго духа ревности Іеговы къ народу своему Израильскому и народа Израильскаго къ своему Іеговѣ. Въ религіозной ревности всегда чувствуется религіозное несовершеннолѣтіе, такое же несовершеннолѣтіе, какъ и въ религіозномъ страхѣ. Но должно было черезъ это пройти человѣчество. Ревность не слѣдуетъ смѣшивать съ рыцарскимъ чувствомъ вѣрности и воинственной защиты своей правды, чувствомъ скорѣе арійскимъ, чѣмъ семитическимъ. Духовный стиль свящ. Флоренскаго долженъ пѣть хвалу ревности, но онъ враждебенъ духу рыцарскому. Наша церковная жизнь слишкомъ мало въ себѣ имѣетъ рыцарскаго благородства и слишкомъ много ложной ревности, ложнаго фанатизма, ложнаго осужденія. Фанатическая ревность, нерѣдко соединимая съ предательствомъ святынь, подмѣняетъ положительныя религіозныя чувства и положительную духовную жизнь. Въ ревности и фанатизмѣ есть ложная, истерическая взвинченность, которая такъ ужасаетъ въ нашихъ „истинно-русскихъ" людяхъ. Въ противовѣсъ апологіи ревности у свящ. Флоренскаго я бы хотѣлъ написать апологію *благородству*. Въ паѳосѣ благородства мы всего болѣе нуждаемся. Ибо благородное происхожденіе человѣка обязываетъ. Нужно выбирать: путь совершенства, подобнаго совершенству Отца Небеснаго, духовнаго развитія, путь евангельскій, путь

1) Одинъ тонкій человѣкъ такъ выразился о книгѣ свящ. Флоренскаго.

великихъ мистиковъ, уменьшающій дистанцію между человѣкомъ и Богомъ, или путь ложнаго смиренія и послушанія, увеличивающій дистанцію между человѣкомъ и Богомъ, задерживающій въ низахъ. Первый путь болѣе духовный, второй путь болѣе душевный, только первый путь— бого-человѣческій, предполагаетъ творческую активность человѣка и благородство духа человѣческаго.

Книга свящ. Флоренскаго—замѣчательная книга, она читается съ захватывающимъ интересомъ. Ея упадочный духъ не сразу и не легко распознается. Глубоко враждебна эта книга новой религіозной жизни, духу творческому. Свящ. Флоренскій огромными духовными усиліями заглушилъ въ себѣ ростки новой жизни, умертвилъ въ себѣ новую душу. Стилизація православія для него серьезная узда, серьезное самоограниченіе, а не эстетическая утѣха. Почему духовный опытъ его не нашелъ себѣ адэкватнаго и непосредственнаго выраженія,—это тайна его индивидуальности. Извѣстнымъ остается лишь то, что свящ. Флоренскій написалъ изысканную и стилизованную книгу для немногихъ, мало доступную и мало понятную. Стилизованное православіе свящ. Флоренскаго врядъ ли удовлетворитъ старый православный міръ, погруженный въ матеріальный бытъ, врядъ ли оно будетъ понятно этому не духовному „духовному“ міру. „Столпъ и утвержденіе истины“,—вѣроятно, послѣдній „опытъ православной Ѳеодицеи“ у порога рожденія новой религіозной жизни. Искусственно-стилизованные и ядовитые цвѣты „православной Ѳеодицеи“ для ищущихъ высшей духовной точки нынѣ обладаютъ цѣнностью лишь отъ противнаго. Книга свящ. Флоренскаго никому не нужна, она лишь документъ души отъ себя убѣгающей. Наступаетъ религіозное совершеннолѣтіе, духовное освобожденіе. А свящ. Флоренскому такъ чуждъ, такъ невѣдомъ духъ свободы. Въ книгѣ его, занятой основными вопросами христіанскаго сознанія, даже не затронута религіозная проблема о человѣкѣ, о творческомъ призваніи человѣка въ мірѣ, объ антропологическомъ откровеніи. Для свящ. Флоренскаго христіанство все еще не бого-человѣческая религія, въ немъ все еще есть характерный для православія монофизитскій уклонъ. Можно только горевать, что большіе природные дары свящ. Флоренскаго не могутъ дать плодовъ, что человѣкъ, продѣлавшій огромную духовную работу, такъ безсиленъ творить: онъ жертва безрелигіозныхъ путей жизни, въ ужасѣ спасающійся на архаическихъ, не живыхъ уже религіозныхъ путяхъ. Но не задержать ему духовнаго движенія. Никогда археологическая реставрація не можетъ быть подлинной жизнью. Въ православіи есть вѣчная, нетлѣнная святыня. Но святыня эта не нуждается во внѣшнихъ охраненіяхъ и стилизованныхъ реставраціяхъ,—она таинственно перейдетъ въ новую, творческую религіозную жизнь.

Николай Бердяевъ.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Письма И. С. Тургенева къ А. М. Жемчужникову.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse—277.
30-го Мая/11-го Іюня 1866.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, возвращаю Вамъ присланныя Вами деньги и записочку—такъ какъ Васильчиковы уже въ прошлый Четвергъ уѣхали отсюда въ Россію. Авдѣевъ находится въ Соденѣ и имя и отчество его Николай Васильевичъ; онъ очень желалъ увидаться съ Вами и просилъ переслать телеграмму изъ Франкфурта; впрочемъ Вы въ Швальбахѣ отъ него въ двухъ шагахъ. Я недоумѣваю—на чемъ могутъ быть основаны надежды Ваши на миръ: кажется, въ это самое мгновеніе, потасовка уже началась. Нежеланіе Ваше возвратиться въ Россію—мнѣ болѣе понятно. Тамъ все еще свирѣпствуетъ Комисаровъ. Я душевно преданъ Государю: но это ломаніе стульевъ—изъ рукъ вонъ.— Сообщаемый Вами itineraire даетъ возможность предполагать, что вы можетъ быть еще заѣдете въ Баденъ—что было бы очень хорошо.— Мое здоровье добропорядочно; но къ сожалѣнію, Г-жа Віардо плохо поправляется.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески жму Вамъ руку

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse 277.
Пятница 7/19-го Окт. 66.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, я очень обрадовался получивъ отъ Васъ вѣсточку—я рѣшительно не имѣлъ понятія о томъ, гдѣ Вы находитесь. Ваше намѣреніе провести зиму въ Баденѣ также очень пріятно для всѣхъ насъ, хотя я менѣе другихъ имъ воспользуюсь—я въ половинѣ Января уѣзжаю на три мѣсяца въ Россію. Васильчиковы не

воротились въ Баденъ—и сколько мнѣ извѣстно—кажется, не воротятся—такъ какъ они выписываютъ свои вещи назадъ въ Россію; говорятъ даже что они намѣрены здѣсь все распродать съ аукціону.

Желаю Вамъ благополучно и съ пользой окончить Ваше трудное виноградное леченіе. Что до меня касается, то я было занемогъ довольно сильно—но теперь совершенно здоровъ и безпрестанно таскаюсь на охоту. Дружески жму Вамъ руку, кланяюсь Вашей женѣ [1]) и говорю Вамъ до свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
16-го Марта 68.

Любезный Алексѣй Михайловичъ, мази у меня больше нѣтъ—но вотъ адресъ ея творца:

Herr Zimmermann (Barbiers Chirurg und Heilgehülfe) Rosenthaler Strasse, 20, Berlin. А называется мазь—Salbe für Überbein; впрочемъ Вы можете ему напомнить, что въ прошломъ и предпрошломъ году ее выписывали въ Баденъ.

Мнѣ очень будетъ пріятно увидѣть Васъ въ Баденѣ; но я боюсь что Вы не застанете насъ, такъ какъ я всю будущую недѣлю проведу въ Парижѣ.

Я прочелъ въ газетахъ что Ваши „Сны" помѣщены въ *От. Зап.*—Подписались ли Вы на этотъ журналъ? Я съ своей стороны подписанъ на *Современное Обозрѣніе*—и уже получилъ два номера съ романомъ Авдѣева, который доставилъ мнѣ весьма мало удовольствія.

Н. А. Милютинъ все въ томъ же положеніи.

Во всякомъ случаѣ, до свиданія. Передайте мой дружескій поклонъ Вашей супругѣ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse 3.
2-го Мая 1868.

Я ѣду въ Россію въ концѣ этого мѣсяца, любезный Жемчужниковъ, и очень былъ бы радъ повидаться съ Вами. Живу я дѣйствительно въ новомъ домѣ.—Я до моего отъѣзда никуда изъ Бадена не отлучусь, развѣ только на охоту, или быть можетъ во Франкфуртъ, послушать одну изъ прежнихъ учениць Г-жи Віардо, Г-жу Оргени, которая гасти-

---

[1]) Елизавета Алексѣевна Жемчужникова, рожденная Дьякова, скончалась въ 1875 г.

руетъ тамъ въ оперѣ.—А потому для большей вѣрности пришлите мнѣ наканунѣ Вашего прибыванія въ Баденъ телеграмму.

Кланяюсь Вашей женѣ и дружески жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel-Prinzen Max. (Adlerstrasse 33).
Суббота 12-го Дек. 68.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, прежде всего позвольте поздравить Вашу жену и Васъ съ рожденіемъ новой дочки, [1]) которая, я надѣюсь, выростетъ Вамъ на радость и утѣшеніе.

Очень было бы мнѣ пріятно видѣться съ Вами—и если Вы можете отлучиться изъ Стуттгарта на день или на два, то чего же лучше?—Я съ 1-го Дек. поселился здѣсь, моя квартира въ двухъ шагахъ отъ желѣзной дороги—и только тѣмъ неудобна, что слишкомъ отдалена отъ Віардо; но квартиры и здѣсь—рѣдкость, хуже Стуттгарта.—Пріѣзжайте, когда вздумаете, вмѣстѣ съ Н. Н. Рашетъ: [2]) повѣсть мою [3]) прочту я Вамъ охотно, хотя Господь знаетъ, доставитъ ли она Вамъ много удовольствія:—сюжетъ ужъ больно мраченъ. Но я долженъ непремѣнно знать напередъ день когда Вы пріѣдете, а то Вы можете не застать меня, такъ какъ я теперь безпрестанно уѣзжаю на охоту—и пропадаю по цѣлымъ днямъ. А потому позвольте сдѣлать Вамъ слѣдующее предложеніе. Начиная съ будущей Середы, ждите отъ меня телеграммы: получивъ ее, Вы можете спокойно отправиться на слѣдующій день и прибывши въ Карлсруэ—зайдите въ мой домъ—онъ наискось напротивъ желѣзной дороги; онъ очень новенькій, но если будетъ въ немъ свободная квартира—то Вы тутъ и остановитесь. Во всякомъ случаѣ Вамъ надобно идти мимо.—Я думаю, такъ будетъ удобно.

Милютины выѣхали изъ Бадена и живутъ теперь въ Швейцаріи, въ Vevey, въ Grand Hotel. Они раздумали ѣхать во Флоренцію на зиму—и, полагаю, весьма благоразумно поступили.

Все семейство Віардо здѣсь и здорово. Я имъ передалъ Вашъ поклонъ; они благодарятъ за память.

Поклонитесь отъ меня Вашей супругѣ и Натальѣ Николаевнѣ;—надѣюсь до скораго свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Наталья Алексѣевна Жемчужникова.

[2]) Наталья Николаевна Рашетъ, близкая знакомая семьи.

[3]) По всѣмъ вѣроятіямъ „Дымъ“.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Суббота 19-го Дек. 68.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, въ отвѣтъ на Ваше письмо спѣшу сообщить Вамъ что буду ожидать Наталью Николаевну и Васъ въ *Середу* утромъ, такъ какъ въ понедѣльникъ и во вторникъ я на охотѣ. Очень пріятно будетъ увидѣться.

Кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вамъ руку

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
1-го Янв. 1869.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, я только что собирался писать Вамъ и просить—нельзя ли отложить мой пріѣздъ въ Стуттгартъ до слѣдующаго Воскресенія, буде возможно. Я въ Понедѣльникъ рано утромъ долженъ быть въ Карлсруэ, а это, коли произвести чтеніе повѣсти—невозможно. И такъ если Вы мнѣ ничего не напишете, это будетъ значить что откладывается дѣло на недѣлю; если же Вы хотите не мѣшкать крещеніемъ, [1]) то извѣстите; я пріѣду—но безъ повѣсти.

Во всякомъ случаѣ, до скораго свиданія.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Кланяюсь супругѣ Вашей и Н. Н. Раштъ и поздравляю съ бусурманскимъ Новымъ годомъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Пятница, 8-го Янв. 69.

Любезный Жемчужниковъ, считаю долгомъ извѣстить Васъ, что я своего намѣренія не измѣнилъ и послѣ завтра, въ Воскресеніе, явлюсь утромъ въ Стуттгартъ—развѣ Вы мнѣ завтра напишете что Вы откладываете крещеніе; если я ничего не получу, я пріѣду.

До свиданія, жму Вашу руку

преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Четвергъ, 20-го Янв. 69.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, спѣшу извѣстить Васъ что „Мейстерзингеры" даются во Вторникъ, 26-го числа—и что на Ваше имя взято

---

[1]) Крещеніемъ дочери Ал. Мих.

мною три билета.—Въ случаѣ если Ваша супруга предпочтетъ остаться, дайте мнѣ знать заранѣе: на лишній билетъ найдется много охотниковъ.

И такъ до свиданія до Вторника. Кланяюсь Вашей женѣ, также Натальѣ Николаевнѣ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Воскрес. 24-го Янв. 69.

На Ваше письмо имѣю Вамъ отвѣтить, любезный Жемчужниковъ, что первое представленіе Мейстерзингеровъ отложено до *Пятницы*, а потому жду Васъ въ тотъ день непремѣнно.—Билетъ лишній устроить весьма легко.

Кланяюсь Вамъ и всѣмъ Вашимъ

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Мнѣ нельзя будетъ поѣхать въ Пятницу съ Вами.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Четвергъ, 4-го Марта 1869.
20-го Февр.

Любезный Жемчужниковъ, адресъ изобрѣтателя мази также мною потерянъ—вслѣдствіи чего я сегодня же пишу въ Берлинъ, чтобы мнѣ его составили и сейчасъ Вамъ его перешлю.—Помню только что имя изобрѣтателя—Циммерманъ.

„Воспоминанія о Бѣлинскомъ" съ недѣлю тому назадъ мною отправлены въ Петербургъ и будутъ помѣщены въ Мартовской книжкѣ *Вѣстника Европы*.—Если Вы не получаете этого журнала, я Вамъ пришлю нумеръ.

Какъ же это Вы услыхали что достохвальный Прутковъ собирается участвовать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ именемъ Дмитрія Мина?—Прочтите въ 1-мъ Н—рѣ переводъ его Англійской поэмы Морриса: тамъ на каждомъ шагу попадаются перлы...

„Туманный призракъ безъ причинъ?
„Къ брегамъ сомнительнымъ судьбы
„шерепнеръ
„Все ловитъ мухъ, могучъ и скоръ
и т. д. и т. д.

Я давно такъ не хохоталъ!

Работаю теперь прилежно—сижу надъ остальными воспоминаніями. Ихъ будетъ еще 5 отрывковъ.

Кланяюсь дружески Вашей супругѣ и Натальѣ Николаевнѣ и крѣпко жму Вамъ руку

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Суббота, 6 Марта 69.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, вотъ адресъ изобрѣтателя мази:

Herr Barbier und Chirurgs Gehülfe Zimmermann, Rosenthaler Strasse 20, Berlin.

Статья моя о Бѣлинскомъ появится только въ *Апрѣльской* книжкѣ *Вѣстника Европы.*

Жму Вамъ дружески руку; будьте здоровы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Воскресенье 4-го Апр. 69.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, я сегодня только что вернулся изъ Парижа и уѣзжаю завтра въ Веймаръ, гдѣ останусь съ недѣлю.—Съ 15-го Апр. до 22-го я здѣсь—а тамъ опять до конца Мая въ Баденѣ. И потому если Вы желаете имѣть въ скорости мое мнѣніе о написанномъ Вами стихотвореніи пошлите мнѣ его въ Веймаръ. Hotel zum Erbprinz—и я обѣщаю Вамъ выразить мое мнѣніе съ полной откровенностью и не задержать рукописи.—А не то пришлите въ Карлсруэ черезъ недѣлю.

Кланяюсь Вашей супругѣ и Натальѣ Николаевнѣ и дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel Prinz Max.
Середа, 14 апр. 69.

Любезный Жемчужниковъ, я вчера только вернулся изъ поѣздки въ Веймаръ (во всѣхъ отношеніяхъ удачной и занимательной) и спѣшу извѣстить Васъ, сообразно съ Вашимъ желаніемъ, что мнѣ очень будетъ пріятно увидѣть Васъ и услышать Ваше новое произведеніе послѣзавтра въ Пятницу.—Завтра я долженъ съѣздить въ Баденъ.

И такъ до свиданія; кланяюсь Вамъ, и Вашей супругѣ и Натальѣ Николаевнѣ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse 3.
Воскресенье 30-го Мая 69.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, я передъ Вами до безобразія виноватъ: письмо Ваше получено мною 20-го Мая—и вотъ въ десять дней я не собрался отвѣтить Вамъ. Пожалуйста, извините меня.—Вложенное письмо я передалъ Г-жѣ Рашетъ тогда-же—и она вѣроятно отвѣтила Вамъ аккуратнѣе моего: живетъ она здѣсь въ „Beau Séjour"—и останется еще двѣ недѣли.—Я бы Вамъ немедленно выслалъ *Вѣстникъ Европы*, но не будучи увѣренъ что вы остаетесь въ Theurier (Г-жа Рашетъ говорила о Вашемъ намѣреніи перебраться въ Тироль) подожду Вашего извѣщенія и тотчасъ отправлю. Мнѣ очень жаль что Некрасовъ не принялъ Вашей поэмы; видно, этотъ кулакъ нашолъ ея дѣломъ „неподходящимъ."

Хорошо бы было, еслибы Вы точно собрали и напечатали всѣ Ваши стихотворенія: я увѣренъ—общая физіономія Вашего таланта черезъ это бы выиграла, опредѣлившись яснѣе и полнѣе. Но не берите въ помощники Некрасова: Вы кажется не нуждаетесь въ его деньгахъ, а онъ непремѣнно или надуетъ Васъ или напакоститъ Вамъ. Это—своего рода Петрушка, который не можетъ нигдѣ пройти, не оставивъ слѣдовъ своего запаха.

Путешествіе мое въ Россію все затягивается,—пожалуй, придется прожить до осени.—А можетъ быть, я вдругъ уѣду, скорѣе чѣмъ думаю.—Во всякомъ случаѣ жду отъ Васъ слова.

Передайте мой дружескій поклонъ Вашей супругѣ; крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ.
Schillerstrasse 7.
Пятница, 5-го Іюня 69.

Любезный Алексѣй Михайловичъ, вчера послалъ Вамъ *С.П-бургскія Вѣдомости* начиная съ 158-го №. *Голосъ* задержанъ кровожаднымъ Боткинымъ. Въ воскресенье Вы все получите. Жду Васъ $^1/_2$ 12-го. Гончаровъ сюда пріѣхалъ.

Адресъ Плещеева никакъ не могъ найти; но вотъ что можно сдѣлать: онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ Маслова, съ которымъ коротко знакомъ, а адресъ Маслова слѣдующій: Его В-ву Ивану Ильичу Маслову, на Пречистенскомъ бульварѣ; въ домѣ Удѣльной Конторы.

Крѣпко жму Вамъ руку

Преданный
Ив. Т.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Пятница, 11-го Іюля 69.

Однако—vous l'avez échappée belle, какъ говорятъ французы—любезнѣйшій Жемчужниковъ! [1])—Это напоминаетъ мнѣ происшедшій со мною—т.е. въ сущности *не* происшедшій со мною случай. Я переѣхалъ ночью въ возкѣ черезъ Оку, а она ¼ часа спустя тронулась—и уже съ утра никто не ѣздилъ по ней.—Наши Ангелы Хранители пока еще не дремлютъ.

Мой—въ послѣднее время—однако должно быть всхрапнулъ; ибо въ слѣдствіе довольно страннаго припадка (лѣвая рука у меня вдругъ на 5 минутъ отнялась) Гейхигенталь, аускультировавшій меня, объявилъ мнѣ что у меня болѣзнь въ сердцѣ—хроническое воспаленіе какихъ-то клапановъ—и запретилъ мнѣ ѣсть, пить, ходить и ѣздить, натираетъ меня іодомъ и кормитъ дигиталой.- Путешествіе мое въ Россію кануло въ воду—и я сижу теперь здѣсь какъ истуканъ и буду сидѣть неопредѣленное время.

Мнѣ бы весьма хотѣлось чтобы Вы издали собранныя Вами стихотворенія; но при этомъ дѣлѣ оставьте оберъ-жулика Некрасова въ сторонѣ. Онъ жалуется на печать . . . . бѣдняжка. Л. Толстого Война и Миръ я прочелъ, есть вещи геніальныя, есть возмутительныя.—Въ своемъ поклоненіи безсознательному невѣжеству—(vous êtes orfèvre, M-r Josse) онъ скоро дойдетъ до апоѳеоза Ивана Яковлевича, Московскаго Юродиваго.

Посылаю Вамъ мою статью о Бѣлинскомъ—и прошу ее возвратить недѣли черезъ двѣ.

Наталью Николаевну я вижу рѣдко; кажется, она собирается скоро оставить Баденъ.

Кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 9.
Середа, 3-го Ноября 69.

Я очень радъ что Вы дали о себѣ вѣсточку, любезный Жемчужниковъ, а то я не зналъ гдѣ Васъ мысленно искать. Хотя Барановскій (Александръ) [2])—(который провелъ здѣсь дня два и ожидалъ Васъ здѣсь видѣть) и предполагалъ что Вы находитесь въ Висбаденѣ—

[1]) Балконъ дачи, гдѣ жилъ въ это время Алексѣй Михайл. съ семействомъ, обрушился тотчасъ послѣ того, какъ онъ и жена его вошли въ комнату.

[2]) Александръ Ивановичъ Барановскій, извѣстный въ свое время въ С.-Петербургѣ мировой судья.

однако все это было гадательно.—И такъ вы основались на зиму въ столицѣ бывшаго Нассаускаго герцогства; городъ, говорятъ, хорошій и климатъ—первый сортъ.—Я полагаю остаться въ Баденѣ до конца Декабря, а тамъ быть можетъ поѣду въ Веймаръ; это должно рѣшиться на дняхъ—и будетъ зависѣть отъ того, на что рѣшатся Віардо, которымъ я передалъ Вашъ поклонъ и которые и Вамъ кланяются. У меня рѣшительно расклеилось что то въ сердцѣ—и на жаркія лѣтнія охоты мнѣ запрещено ходить. Дѣло не опасное, но требуетъ осторожности.

Землетрясенія у насъ никакого не было—(старая-то вулканическая почва сказывается—пожалуй, взлетимъ или провалимся всѣ въ одинъ прекрасный день) но за то, въ эту минуту, какъ я Вамъ пишу, весь домъ дрожитъ отъ напора страшнѣйшей бури... Нехорошо быть теперь на морѣ. А у меня нѣсколько добрыхъ друзей плывутъ именно теперь въ Египетъ. Снѣгъ былъ и у насъ—но соскочилъ.

Да, батюшка, В. П. Боткинъ приказалъ долго жить. Эта смерть потому особенно нелогична что не было человѣка, который бы лучше умѣлъ наслаждаться жизнію.—Съ другой стороны, такъ какъ всѣ члены уже отказались ему служить—окончательное разрушеніе, пожалуй, логично—и во всякомъ случаѣ для него было освобожденіемъ. Человѣкъ очень замѣчательный: несмотря на многіе недостатки—русскій типъ.

Вы мнѣ ничего не пишете о Вашихъ литературныхъ поступкахъ; вѣроятно также лѣнитесь какъ и азъ грѣшный.—Вдали отъ родной почвы долго не напрыгаешься.

Передайте мой усерднѣйшій поклонъ Вашей супругѣ, желаю Вамъ всего хорошаго и дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Пятница, 24-го Дек. 69.
12.

Сію минуту ѣду въ Веймаръ, а оттуда въ Берлинъ на 5 дней, любезный Жемчужниковъ,—а потому могу Вамъ сказать только нѣсколько словъ.—Относительно эпиграммы мнѣ понравились; я позволилъ себѣ сдѣлать также нѣсколько замѣчаній. Очень радъ что Вы работаете и чувствуете приливъ дѣятельности.—Если Ваша внезапная страсть не станетъ Вамъ дороже 200 гульд., то это—Божія благодать—и Вы должны быть очень довольны, что такъ дешево отдѣлались.

Семейство Віардо и я—мы переѣзжаемъ въ Веймаръ около 20-го русскаго Января и остаемся тамъ до половины Апрѣля.—

Кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
(Орловской губерніи въ городъ Мценскъ).
Пятница, 17/5-го Іюня 1870.

Ваше письмо отъ 7-го Іюня/26-го Мая только вчера меня здѣсь отыскало, любезнѣйшій Жемчужниковъ. Я пріѣхалъ сюда во Вторникъ—для устройства различныхъ дѣлъ—и пробуду здѣсь мѣсяцъ, а тамъ опять въ Баденъ.—Я очень радъ что Вы нашли себѣ мѣстечко по вкусу и что Вы сами и всѣ Ваши здоровы. Что касается до меня, то и я замѣчаю перемѣну къ лучшему въ моемъ здоровьи съ тѣхъ поръ какъ подагра установилась во мнѣ и ежегодно меня посѣщаетъ. (Она побывала у меня въ Маѣ—и теперь я опять на годъ свободенъ).—Такъ какъ Вы желаете имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о моихъ faits et gestes—то вотъ онѣ: я до Февраля жилъ въ Баденѣ (въ Январѣ ѣздилъ въ Парижъ и видѣлъ Герцена за три дня до его смерти, былъ также свидѣтелемъ казни Тропмана и всѣхъ предшествовавшихъ безобразій.—Вы прочтете мой отчетъ объ этомъ въ Іюньскомъ №-ѣ Вѣстника Европы); потомъ съ перваго Февраля я жилъ съ семействомъ Віардо въ Веймарѣ—до конца Мая—весьма пріятно: много музицировали—общество мнѣ очень понравилось; старшая дочь Г-жи Віардо нашла отличнаго учителя и сдѣлала необыкновенные успѣхи въ живописи и т. д. Я также въ это время написалъ повѣсть: „Степной Король Лиръ". Потомъ я отправился въ Россію. Въ Петербургѣ я прожилъ недѣлю—видѣлъ много любопытныхъ вещей на выставкахъ, въ Судѣ и т. п. Былъ у Вашего двоюроднаго брата, А. Толстого, [1]) гдѣ между прочимъ встрѣтилъ также Вашего брата Владиміра [2]). А. Толстой былъ боленъ—и до сихъ поръ здоровье его не кажется мнѣ слишкомъ упроченнымъ. Я прочелъ у нихъ свою повѣсть: успѣхъ она имѣла умѣренный и я самъ увидѣлъ необходимость произвести значительныя исправленія, надъ которыми я въ настоящее время тружусь... Я убѣждаюсь болѣе и болѣе что за границей писать Русскія повѣсти почти невозможно—die Fühlung потеряна—и, кажется, это мой послѣдній трудъ.—Вы едва ли не единственный человѣкъ помянувшій добрымъ словомъ мою „Странную Исторію"—вещь, которая требовала развитія, основанія психологическихъ мотивовъ; я ее скомкалъ, частью отъ лѣни, частью отъ отвычки;—и вообще не совсѣмъ легко передать словами, до какой степени я нелюбимъ нынѣшнимъ поколѣньемъ.—На каждомъ шагу приходилось невольно натыкаться на изъявленія то ненависти, то даже презрѣнія. Изъ чего же биться? Вотъ ужъ точно—le jeu ne vaut pas la chandelle.

[1]) Поэтъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

[2]) Влад. Михайлов. Жемчужниковъ, служившій въ министерствѣ путей сообщенія, участникъ „Кузьмы Пруткова" вмѣстѣ съ гр. А. Толстымъ и А. М. Жемчужниковымъ.

Я читалъ помѣщенныя въ С. П. Вѣдомостяхъ Ваши эпиграммы: всѣ метки и ловки; остальныя—нападенія на „Кентавръ“ и т. д. слишкомъ обстоятельныя и пространныя. Сколько мнѣ извѣстно, Г-жа Рашетъ находится въ Вильнѣ—и писать ей слѣдуетъ туда.—Впрочемъ я давно съ ней не переписывался.

Весьма былъ бы радъ свидѣться съ Вами въ Баденѣ, а пока, прошу передать мой усердный поклонъ Вашей супругѣ. Крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 9.
Пятница, 29/17-го Іюня 70.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ я вернулся сюда, любезный Жемчужниковъ—и хоть Баденъ опустѣлъ до странности, хоть мы можемъ ежедневно ожидать нашествія Французовъ, однако остаюсь здѣсь.—И семейство Віардо, которое благодаритъ за память, тоже остается здѣсь. Ибо—куда ѣхать? Притомъ и денегъ здѣсь также трудно достать, какъ у Васъ, а насъ всѣ знаютъ и вѣрютъ въ кредитъ. Мы рѣшились здѣсь переждать это, какъ Вы говорите, безобразіе—хотя, вѣроятно, придется ждать долго. Нечего сказать, любезныя подошли времена.

Желаю Вамъ и Вашему семейству благополучно добраться до Дрездена.—Тамъ все таки тише и спокойнѣе.

Извѣстій съ театра войны особенныхъ нѣтъ; но вѣроятно столкновеніе произойдетъ гдѣ нибудь между Франкфуртомъ, Майнцемъ и Коблепцомъ.

Жму Вамъ руку и кланяюсь Вашей супругѣ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. А замѣчательный противулиберальный инстинктъ у Каткова. Сейчасъ взялъ сторону Франціи!—Пруссія тоже не Богъ знаетъ какое либеральное Государство, но съ побѣдой Франціи—аминь всякой свободѣ въ Европѣ.

---

50. Rue de Douai. Paris.
Середа, 7-го Фев./26 Янв. 77.

Любезнѣйшій Алексѣй Михайловичъ, примите мое большое спасибо за Ваше дружеское и симпатическое письмо. Оно меня очень ободрило, такъ какъ первая часть моего романа въ публикѣ успѣха не имѣла; мою „Новь“ нашли старьемъ. Я напрасно согласился (не безъ сопротивленія) на раздвоеніе этой вещи.—Цѣльность впечатлѣній исче-

зла . . . . и главное лицо, Соломинъ, было объявлено неудавшимся. Надѣюсь, что Вы измѣните Ваше мнѣніе, какъ только прочтете эту вторую часть.

Съ Вашими замѣчаніями я согласенъ, а что касается до орлинаго носа Маріанны, то знайте, что я точно также не люблю такихъ носовъ, какъ и Вы; но по наблюденіямъ моимъ, пришлось наклеить ей именно такой носъ. Впрочемъ и она высказывается вполнѣ только во второй части.

Вамъ справедливо передали искреннее сочувствіе Вашему горю, которое наполнило меня, какъ только я услышалъ о Вашей невозвратной потерѣ.—Я не часто встрѣчался съ Вашей женою, но она осталась въ моей памяти, какъ одно изъ самыхъ прекрасныхъ и чистыхъ русскихъ существъ, какихъ мнѣ только случалось встрѣтить.—Вы можете сказать о ней, съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Гёте о своей женѣ:

> Der ganze Gewinnst meines Lebens
> Ist Ihren Verlust zu beweinen.

Присланныя Вами стихотворенія, въ которыхъ выражается эта скорбь, поразительно правдивы и искренни; а „Совѣтъ самому себѣ"—дышетъ горькимъ и вѣскимъ юморомъ.

Ваша статья, написанная Вами въ самый разгаръ нашего напускнаго шовинизма, была замѣчена мною; выраженныя въ ней мнѣнія тѣсно совпадали съ моими; надо было своего рода мужество, чтобы въ то время говорить такъ.—

Что здѣсь творилъ Хлестаковъ-Черняевъ Вы представить себѣ не можете.—Многое въ его дрянномъ шарлатанствѣ объясняется французской кровью, которая течетъ въ его жилахъ (его мать была француженка)—а къ этому онъ прибавилъ истинно-славянскую пошлость и тупость.—Боюсь, какъ бы паденіе Мидхата-Паши опять не разбередило уже заживавшей раны.

Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте ко мнѣ на зиму въ Парижъ.—Здѣсь можно жить какъ угодно тихо и удобно—и мнѣ было бы такъ пріятно видѣться съ Вами.

Позвольте еще разъ поблагодарить Васъ и крѣпко, по товарищески пожать Вашу руку. Вѣрьте въ искренность чувствъ

Преданнаго Вамъ

Ив. Тургенева.

---

50. Rue de Douái. Paris.
Суббота, 17/5-го Марта 1877.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ, опять мнѣ приходится благодарить Васъ за Ваше теплое, и умное письмо.—Отвѣчать на него, какъ бы слѣдовало, на письмѣ не могу: въ разговорѣ бы все это вылилось.—

Ваши замѣчанія на счетъ дѣятельности Маріанны и Нежданова—мало сказать вѣрны;—Вы, какъ говорятъ нѣмцы—haben den Nagel auf den Kopf getroffen. Все это—приблизительно—я самъ себѣ говорилъ.—(Исключеніе одно: Нежданову ничего не стоило побывать въ 5 кабакахъ; въ сосѣдствѣ моего имѣнія, гдѣ большихъ селъ нѣту, въ радіусѣ 7 верстъ—11 кабаковъ—и ихъ очень легко обойти въ одинъ день).—

Но дѣло въ томъ, что по милости моего абсентеизма, я бы не *съумѣлъ* сдѣлать это такъ, какъ бы слѣдовало: вѣрно и живо.—Изъ этого—и изъ многихъ иныхъ причинъ, которыя долго было бы высказывать—вытекаетъ то, что мнѣ приказали замолчать. Я самъ недоволенъ своей работой—и съ большей частью критики (а никогда онѣ не были такъ единодушны) въ глубинѣ души согласенъ;—и такъ какъ это все—при той обстановкѣ, въ которую окончательно сложилась моя жизнь — непоправимо, то результатомъ моего собственнаго чувства явилось рѣшеніе, ужъ конечно безповоротное:—прекратить мою литературную дѣятельность. Не изъ желанія „уловить моментъ“—или популярность—взялся я за этотъ послѣдній сюжетъ, который впрочемъ давно во мнѣ вертѣлся;—я сознавалъ, что жизнь бѣжитъ въ эту сторону, я сдѣлалъ набросокъ, я указалъ пальцемъ на настоящую дорогу:—но этого мало; и серьезному художнику остается уйти—и предоставить другимъ дѣйствовать и работать, что я и дѣлаю.

Слухи, дошедшіе до Васъ о второй части—о возможности ея истребленія, о вмѣшательствѣ Тимашева—совершенны вѣрны; но все это доказываетъ только то, что я тронулъ больное мѣсто.—Это такъ; mais j'avais l'ambition de faire plus que cela, а этого я не могу, въ этомъ я убѣдился—и другіе меня убѣдили—и я умолкаю.

Сказать Вамъ, что я радуюсь этому рѣшенію—было бы смѣшно; но и не очень грущу объ этомъ.—Личная, собственная жизнь во мнѣ уже прежде прекратилась . . . . . а снявши голову по волосамъ не плачутъ.

Остается благодарить тѣхъ, которые, подобно Вамъ, угадали и поняли намекъ.—

Вашихъ стиховъ въ Апрѣльской книжкѣ О. З. я не читалъ—хотя имѣю этотъ годъ (76-й); но они отданы въ переплетъ—и если Вы мнѣ пришлете ихъ, я Вамъ очень буду обязанъ.

Я теперь выѣзжаю черезъ мѣсяцъ—и останусь въ Россіи (большей частью въ деревнѣ) около мѣсяца; потомъ въ Карлсбадъ, потомъ опять сюда.—А какія Ваши намѣренія?

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь
Искренне преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Четвергъ, 19/7-го Апр. 77.

Любезнѣйшій Жемчужниковъ,

Благодарю Васъ за Ваше дружеское письмо и за два присланныхъ стихотворенія:—лучше ихъ Вы никогда ничего не написали.—Но я полагаю, Вы бы дорого дали чтобы не имѣть случая ихъ написать.—Какъ бы то ни было они прекрасны—и достойны той, которую Вы потеряли.—

Спасибо также за сообщенныя свѣдѣнія о „Нови",—я знаю, что и въ Россіи начались нѣкоторыя реакціи противъ чрезмѣрной строгости первыхъ дней.—Но, признаюсь, все это исчезаетъ и теряетъ значеніе въ виду того, что намъ грозитъ.—Днемъ и ночью я не перестаю думать объ этой войнѣ. Вотъ ужъ точно—a leap in the dark, какъ говорятъ Англичане,—голову, пожалуй, можно сложить.—Намъ ли въ теперешнее время воевать? . . . . Но довольно объ этомъ. Мнѣ было очень пріятно встрѣтиться съ Вашимъ братомъ, [1]) который, вѣроятно, теперь уже давно съ Вами.—Не смотря на его странности, а можетъ быть по ихъ милости, онъ внушаетъ несомнѣнную симпатію.—Поклонитесь ему отъ меня дружески.—

Я выѣзжаю отсюда черезъ двѣ недѣли—прямо въ Петербургъ.—Оттуда въ Карлсбадъ, а къ половинѣ Іюня я опять здѣсь.

Жму Вамъ крѣпко руку и остаюсь
Искренно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Николай Михайловичъ Буда-Жемчужниковъ. † 1909 г. въ Красномъ Рогу, Черниговской губерніи.

На перевалѣ.

Октябристы.

Самое крупное явленіе нашей политической жизни послѣднихъ дней— расколъ среди октябристовъ. А если и оно по своимъ результатамъ окажется малозначительнымъ, пожалуй, и совсѣмъ безплоднымъ, то виноваты въ этомъ не лица, а историческія условія развитія нашихъ общественныхъ силъ.

Едва ли многіе даже изъ октябристовъ помнятъ теперь программу своего союза. Въ программѣ этой не только значилось рѣшительное признаніе конституціонной монархіи, а въ области „свободъ" огражденіе неприкосновенности личности обязанностью для власти либо немедленно освободить каждаго задержаннаго, или въ 24 часа доставить его судебной власти. Въ октябристской программѣ, напримѣръ, говорилось, что „мѣрами къ подъему крестьянскаго благосостоянія" является „при недостаточности другихъ мѣръ" „допустимое, въ случаяхъ государственной важности, отчужденіе части частновладѣльческихъ земель на справедливыхъ условіяхъ вознагражденія, устанавливаемыхъ законодательною властью". Допускалось, значитъ, даже принудительное отчужденіе. Само собою разумѣется, что нельзя придавать чрезмѣрное значеніе всѣмъ этимъ програмнымъ заявленіямъ. О политическихъ партіяхъ надо судить, конечно, не потому, что онѣ сами о себѣ говорятъ.

Когда въ свое время въ концѣ октября 1905 года въ Москвѣ, за подписью двѣнадцати лицъ, изъ которыхъ четверо вскорѣ вышли изъ состава союза 17 октября, появилось воззваніе съ отмѣченной нами октябристской программой, оно почти никакого вліянія на русское общество не произвело. Все, что стремилось тогда къ новымъ формамъ государственной жизни, тяготѣло, по меньшей степени, къ кадетамъ, съ такимъ блескомъ подъ знаменемъ „союза освобожденія" проведшимъ только что конституціонную кампанію. Къ программѣ кадетовъ, соста-

вленной подъ сильнымъ давленіемъ революціонныхъ элементовъ, примыкали просвѣщенные люди и изъ такихъ словъ, которые при спокойной общественной атмосферѣ никогда бы не могли подписаться подъ самоубійственными для нихъ требованіями. Извѣстно, что среди кадетовъ перваго призыва было очень много дворянъ—крупныхъ помѣщиковъ, несмотря на то, что программа партіи означала полную ликвидацію крупнаго и даже средняго частнаго землевладѣнія. Конечно, по мѣрѣ развитія общественной жизни соціальный составъ всѣхъ партій, родившихся въ революціонное время, долженъ былъ „очищаться". Выборгское воззваніе и послѣдовавшее за нимъ массовое устраненіе кадетскихъ общественныхъ дѣятелей ускорили этотъ процессъ для партіи народной свободы. Во главѣ ея стали элементы явно городскіе, представители городской демократіи, люди наиболѣе развитые, талантливые, пользующіеся широкой популярностью по своей прежней дѣятельности. Города—вершина современной культуры. Они—главное поле дѣйствія печати. Въ представители городовъ неизбѣжно должны выдвигаться люди наиболѣе популярные. Въ то же время города являются центромъ притяженія и для деревень. Поэтому то, что было затронуто въ деревняхъ просвѣщеніемъ и культурой и стояло въ оппозиціи къ господствующему въ жизни реакціонному крупному помѣстному дворянству, тоже тяготѣло къ кадетамъ. Лишь постепенно въ этихъ кругахъ началась дифференціація, которая будетъ продолжаться и въ дальнѣйшемъ.

Въ то время какъ кадетская партія жила полной, можно даже сказать, лихорадочной жизнью, октябристы мирно прозябали. Двѣнадцать человѣкъ, создавшихъ этотъ союзъ (напомнимъ кстати ихъ имена: гр. П. А. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, А. И. Гучковъ, М. В. Красовскій, М. А. Стаховичъ, кн. П. С. Волконскій, С. И. Четвериковъ, Г. А. Крестовниковъ, Н. А. Хомяковъ, М. В. Родзянко, С. И. Масловъ, Н. И. Гучковъ)—были люди умные, признававшіе необходимость конституціоннаго преобразованія Россіи, но испугавшіеся радикализма общественныхъ требованій. По своимъ основнымъ стремленіямъ программа ихъ имѣетъ много общаго съ кадетской, только лишена ея точности, опредѣленности, ея красокъ и ея силы. Тамъ, гдѣ кадеты выставляли ясныя, вполнѣ опредѣленныя требованія, октябристы говорили туманныя фразы, которыя бы открывали при практическомъ осуществленіи программы дверь для компромиссовъ. Если бы октябристская программа была декларацией правительства, рѣшившагося честно ее осуществлять, она произвела бы сильное впечатлѣніе и сдѣлалась бы важнымъ политическимъ событіемъ. Но какъ литературное произведеніе 12 частныхъ, лишенныхъ власти, лицъ, вооруженныхъ лишь благими намѣреніями направить развитіе страны по мирному руслу, заявленіе октябристовъ естественно не оставило въ общественномъ сознаніи никакого слѣда.

Звѣзда октябристовъ взошла лишь послѣ роспуска второй Думы, когда П. А. Столыпинъ пошелъ на государственный переворотъ, передавшій народное представительство въ руки преимущественно крупныхъ землевладѣльцевъ. И тутъ, надо сказать, своимъ успѣхомъ они въ значительной степени обязаны были причинамъ случайнымъ и личнымъ. Поэтому-то такъ непроченъ и безплоденъ былъ ихъ успѣхъ.

П. А. Столыпинъ „вырывалъ кадетское жало". Для этого онъ, во-первыхъ, воспользовался тѣмъ, что выборгское дѣло почти обезглавило партію. Во-вторыхъ, ожесточенная на выборахъ во 2-ю Думу борьба лѣвыхъ съ кадетами обезсилила положеніе этой наиболѣе для правительства въ Государственной Думѣ опасной партіи. Всего этого оказалось однако недостаточно: „жало" еще вырвано не было. Тогда прибѣгли къ акту 3 іюня.

Для заполненія каждой общественной формы нужны люди. Задумавъ вытѣснить кадетовъ при сохраненіи представительнаго учрежденія, П. А. Столыпинъ долженъ былъ рѣшить, кѣмъ заполнить его кадры. Понятно, что онъ обратился къ октябристской группѣ, такъ какъ настроеніе ея было „государственнымъ". Привлеченіе этихъ людей имѣло бы извѣстный смыслъ и результаты, если бы власть искренно желала или могла вступить на путь конституціонныхъ реформъ. Уже при первыхъ переговорахъ октябристовъ съ правительствомъ, послѣ роспуска первой Думы, нѣкоторые изъ нихъ, и притомъ лучшіе (гр. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ, Н. С. Четвериковъ), усомнились въ доброй волѣ и въ надлежащей силѣ П. А. Столыпина.

Не усомнился А. И. Гучковъ. И съ этихъ поръ вся исторія октябризма воплотилась въ этомъ человѣкѣ. Онъ поистинѣ могъ говорить: октябризмъ—это я.

Когда наши соціалъ-демократы пытались прилагать къ русской дѣйствительности марксовскія соціологическія воззрѣнія, то въ своемъ безсиліи подняться надъ даннымъ имъ шаблономъ и при грубомъ отрицаніи историко-идеологическихъ мотивовъ они рубили съ плеча: трудовики—мелко-буржуазная демократія, кадеты—мелкая буржуазія, октябристы—крупная, и т. д. На самомъ дѣлѣ, это только грубыя схемы, совершенно не отвѣчающія дѣйствительности. Въ частности „октябристы", какъ они были сорганизованы къ 3-й Думѣ А. И. Гучковымъ и П. А. Столыпинымъ (до того ихъ, по язвительному замѣчанію г. Пуришкевича, въ природѣ не существовало, исключая первыхъ „12"), явились представителями вовсе не „буржуазіи", не торгово-промышленнаго класса, а крупнаго помѣстнаго дворянства. Конечно, октябристская программа не отвѣчала ихъ интересамъ, но ни сами избранники въ большинствѣ, ни ихъ октябристскіе избиратели программы своей не знали и ею не интересовались. Если бы уже тогда были созданы „націона-

листы", вѣроятно, половина третьедумскихъ октябристовъ пошла бы подъ этимъ флагомъ. Не случайно, вѣроятно, то обстоятельство, что вождемъ этихъ конституціоналистовъ-либераловъ изъ среды землевладѣльческаго дворянства явился разночинецъ и купецъ.

А. И. Гучковъ, какъ бы ни относиться къ его политической дѣятельности, человѣкъ, несомнѣнно, очень даровитый и обладающій многими данными, необходимыми для политическаго вождя. Въ частности, онъ умѣетъ разбираться въ политическомъ положеніи, ставить задачи и предвидѣть условія ближайшаго будущаго. Эти его достоинства, однако, заключаютъ въ себѣ тяжкій приговоръ для него, какъ для человѣка. Большая часть его ложныхъ шаговъ не могутъ объясняться добросовѣстными ошибками.

А. И. Гучковъ хорошо понималъ, что̀ означало съ его стороны признаніе и одобреніе военно-полевыхъ судовъ и акта 3 іюня, какъ „печальной необходимости". Онъ понималъ и высказалъ публично, что надо „искупить" эти акты. Въ чемъ должно было состоять это „искупленіе", сомнѣній ни для кого не составляло. Осуществивши манифестъ 17 октября, проведя въ жизнь простѣйшія основы конституціоннаго строя и давъ странѣ выработанный Государственной Думой избирательный законъ, третья Государственная Дума и отвѣтственные за нее октябристы „искупили" бы одобренную ими „печальную необходимость". Недаромъ политическое дѣйствіе своей партіи А. И. Гучковъ охарактеризовалъ, какъ договоръ общества съ властью о лойяльности. Какъ въ 60-хъ годахъ лучшіе элементы помѣстнаго дворянства, руководимые разночинцами-бюрократами типа Милютина, въ союзѣ съ исторической властью осуществили освобожденіе крестьянъ, такъ въ началѣ XX вѣка предполагалось, что лучшіе представители того же помѣстнаго дворянства, руководимые разночинцами—общественными дѣятелями типа Гучкова, въ союзѣ съ исторической властью осуществятъ преобразованіе Россіи въ конституціонную монархію.

Теперь не трудно разглядѣть иллюзорность этого плана, хотя еще и нынѣ есть честные и неглупые люди, вѣрящіе въ возможность—при нѣкоторыхъ условіяхъ—этого пути. Шесть-семь лѣтъ тому назадъ политическіе дѣятели могли въ него вѣрить, а, вѣря, должны были сдѣлать попытку этимъ путемъ итти. Правда, гр. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ усомнились въ плодотворности союза А. И. Гучкова со Столыпинымъ. Но Н. А. Хомяковъ, бар. Мейендорфъ, С. И Шидловскій и еще нѣсколько человѣкъ подлинныхъ октябристовъ (ихъ вѣдь очень немного!) пошли за А. И. Гучковымъ.

Допустимъ, что онъ велъ ихъ добросовѣстно. Допущеніе это дѣйствительно только до 1909 года, до исторіи съ морскими штатами. Вотъ роковая дата въ исторіи и П. А. Столыпина и А. И. Гучкова съ ок-

тябристами. Послѣ исторіи со штатами никакой рѣчи о добросовѣстномъ заблужденіи быть не могло. П. А. Столыпинъ въ отставку не ушелъ, онъ отрекся отъ себя и, предавая компрометировавшихъ его октябристовъ, сталъ готовить по тому же рецепту изъ той же соціальной среды болѣе удобныхъ „націоналистовъ". Всѣ карты были вскрыты. Ни о какихъ конституціонныхъ реформахъ не могло быть и рѣчи. Очевидно было стремленіе отвести обществу глаза отъ конституціонныхъ вопросовъ къ искусственно раздувавшейся національной междоусобицѣ. А. И. Гучковъ сдѣлалъ видъ, что этого не понимаетъ, въ это не вѣритъ. Спасая себя, спасая свою партію, онъ лишилъ ее всякаго содержанія, отказался отъ октябристской программы. Сдѣлать это ему было не трудно. Какъ мы уже говорили, значительная часть октябристовъ никогда и не знали своей программы, а если бы и узнали, то отъ осуществленія ея уклонились бы.

Воспользовавшись громкой исторіей съ проведеніемъ западнаго земства по 87 ст., А. И. Гучковъ пытался лично выкарабкаться изъ трясины, въ которой увязло большинство третьей Государственной Думы, и сложилъ полномочія ея предсѣдателя. Но, потерявъ компасъ и руль и, видимо, повѣривъ въ то, что „націоналисты" представляютъ подлинную соціальную силу, опирающуюся на помѣстное дворянство, А. И. Гучковъ пытался на крови П. А. Столыпина заключить съ ними прочный союзъ. Это, съ точки зрѣнія конституціоналистовъ, было уже подлинной безпринципной авантюрой, задуманной въ политическихъ и личныхъ цѣляхъ, такъ какъ несомнѣнно, что личные счеты А. И. Гучкова съ В. Н. Коковцовымъ играли при заключеніи такого союза не малую роль.

На выборахъ въ четвертую Думу для А. И. Гучкова наступила расплата. Покинутый властями, онъ былъ жестоко наказанъ не кадетами, а своими московскими избирателями по первой куріи. Судя по его послѣднимъ выступленіямъ, А. И. Гучковъ правильно оцѣнилъ смыслъ своего пораженія. Оставляя А. И. Гучкова безъ поддержки, власти, руководившія четвертыми выборами, совершенно откровенно направляли всѣ усилія для устраненія и немногочисленной группы такъ называемыхъ „лѣвыхъ октябристовъ", т.-е. тѣхъ образованныхъ представителей земельнаго дворянства, которые, дѣйствительно, раздѣляли взгляды 12 человѣкъ, подписавшихъ въ концѣ октября 1905 г. извѣстное воззваніе. Нѣкоторые изъ этихъ октябристовъ были устранены, но совершенно „очистить" отъ нихъ октябристскую фракцію не удалось. Въ то же время грубый пріемъ насильственнаго удаленія прогрессивныхъ помѣщиковъ при помощи сплоченной группы подневольнаго, силой на выборы нагнаннаго, духовенства вызвалъ въ обществѣ, въ его помѣщичьихъ кругахъ, большое недовольство.

Октябристская фракція, попавшая въ IV Думу въ уменьшенномъ, но все же значительномъ числѣ, сдѣлавшемъ изъ нея центральную, отвѣтственную группу, слагалась подъ воздѣйствіемъ трехъ факторовъ. Съ одной стороны, оставшіеся внѣ Думы лидеръ и забаллотированные „лѣвые октябристы“ дѣйствовали черезъ своихъ товарищей, прошедшихъ въ члены Государственной Думы. Съ другой стороны, группа услужающихъ ощутительно почувствовала на выборахъ свое безсиліе безъ поддержки правительства. Наконецъ, „середина“, центръ“, „болото“, „равнина“ (названій множество), т.-е. средніе люди, вышедшіе изъ рядовъ помѣстнаго дворянства, работавшіе въ земствѣ, были хорошо знакомы съ характеромъ нашей администраціи, сочувствовали „обновленію“, но едва ли отдавали себѣ ясный отчетъ въ необходимыхъ условіяхъ политическаго преобразованія и не были способны къ борьбѣ ради него.

Съ первыхъ же дней во фракціи началась внутренняя разладица. Въ рядахъ лѣвыхъ октябристовъ оказался, какъ и естественно, весь цвѣтъ нашего земскаго крупно-помѣстнаго дворянства, всѣ лучшіе работники фракціи. Ихъ качественная вліятельность долгое время скрывала не только отъ постороннихъ, но и отъ нихъ самихъ количественную незначительность „лѣвыхъ“. Иногда они серьезно увѣряли, что за ними пойдетъ вся фракція.

Наступилъ, наконецъ, часъ провѣрки, и дѣйствительное положеніе выяснилось. За лѣвыми октябристами пошло всего 16 человѣкъ, приблизительно столько же, сколько осталось и „правыхъ“ у Шубинскаго и Скоропадскаго. „Центръ“ не поддерживалъ „лѣвыхъ“. Именно для того, чтобы предупредить уходъ части членовъ къ лѣвымъ, онъ въ свою очередь вышелъ изъ фракціи, возстановивъ ее своимъ выходомъ въ прежнемъ положеніи качающагося маятника. Въ этомъ тактическомъ шагѣ, какъ утверждаютъ, участвовала рука А. И. Гучкова.

Каковъ могъ быть обще-политическій смыслъ распаденія октябристовъ? Оставимъ въ сторонѣ стремленіе отдѣльныхъ лицъ охранить незапятнаннымъ свое политическое имя отъ „услугъ“ гг. Шубинскихъ. Какими могли они руководиться общими соображеніями? Какую намѣтили себѣ линію поведенія въ интересахъ всей страны? Ясно, что лѣвые октябристы должны были присоединиться къ оппозиціи и добиваться роспуска четвертой Государственной Думы, дабы на новыхъ выборахъ страна получила возможность свободно и сознательно высказаться. Свобода будущихъ выборовъ зависѣла, конечно, не отъ нихъ. Но для сознательности выборовъ ихъ уходъ изъ фракціи имѣлъ большое значеніе. Октябристы являются самой правой нашей конституціонной фракціей. Правѣе ихъ стоятъ опредѣленные сторонники стараго режима, противники „политическаго обновленія“. Но и въ среду „октябристовъ“, въ силу описанныхъ условій искусственнаго созданія этой фракціи, по-

нало не мало элементовъ по существу неконституціонныхъ. Своимъ уходомъ лѣвые октябристы вскрыли этотъ фактъ и провели ясный, точный водораздѣлъ. Октябристская фракція должна была раздѣлиться на двѣ, и только на двѣ, группы: за реформу на началахъ 17 октября и противъ нея.

Въ результатѣ такого дѣленія могло образоваться или лѣвое большинство съ неизбѣжнымъ роспускомъ четвертой Думы, можетъ быть, какъ нѣкоторые пугали, и съ государственнымъ переворотомъ, или правое большинство, которое служило бы правительству (какому: В. Н. Коковцова или Н. А. Маклакова?). Этой перспективы, очевидно, и испугался А. И. Гучковъ. Допустимъ самое лучшее, что онъ испугался не роспуска Государственной Думы, а возможности образованія праваго большинства. Но стоило ли и ради этого длить явно безславное существованіе IV Государственной Думы, играющей жалкую роль въ нашей политической жизни?

Черезъ IV Думу обновленіе не совершится. Политика береженія ея никакихъ за собой разумныхъ основаній не имѣетъ. Боязнь государственнаго переворота тоже не является серьезнымъ доводомъ. Если реакція не встрѣчаетъ никакого сопротивленія, то нельзя разсчитывать умилостивить ее хорошимъ поведеніемъ. Все зависитъ отъ игры интересовъ. Можно признать справедливымъ утвержденіе кн. Мещерскаго, что въ ближайшіе годъ-два превращеніе законодательной Думы въ совѣщательную прошло бы малозамѣтнымъ. Другой вопросъ, что̀ произойдетъ черезъ три-четыре года, потому что увѣренія того же князя Мещерскаго, будто лишь послѣ государственнаго переворота у насъ и наступитъ эра реформъ, законности и всяческаго благополучія, есть только обычная наглая реакціонная ложь. Послѣ переворота наступила бы эра насилій, грабежа и всевозможныхъ интригъ, которая бы очень скоро привела къ внѣшней и внутренней катастрофѣ при общественномъ настроеніи, родственномъ тому, которое царило въ 1903—1904 годахъ. Если реакція, несмотря на видимую для нея свободу дѣйствій, все же не идетъ пока на рѣшительный ударъ по народному представительству, то это объясняется не ея трусостью, не благодарностью за хорошее поведеніе, а сознаніемъ какихъ-то интересовъ, вѣрнѣе всего—правильной расцѣнкой международнаго финансоваго положенія.

Распаденіе октябристовъ не на двѣ, а на три группы обѣщаетъ продлить существованіе четвертой Думы въ ея настоящемъ сѣромъ, неопредѣленномъ видѣ. На долго ли?

Выступленіе лѣвыхъ октябристовъ, ослабленное въ своемъ непосредственномъ тактическомъ значеніи для политики данной минуты, сохраняетъ большую моральную цѣнность. Оно знаменуетъ, что лучшіе представители помѣщичьей среды понимаютъ, куда ведетъ нынѣшній курсъ,

и слагают съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Имѣть группу образованныхъ, просвѣщенныхъ, пользующихся уваженіемъ людей, къ которымъ страна могла бы обратиться въ минуту нужды въ людяхъ, это большой общественный выигрышъ. Намъ уже не разъ приходилось указывать, что общественные дѣятели не создаются на митингахъ и собраніяхъ въ краткія эпохи общественныхъ подъемовъ, какъ Венера изъ морской пѣны. Они подготовляются въ долгіе годы будничной жизни страны, ея текущей общественной работы. Такъ было у насъ до 1905 г. Въ этомъ году мы имѣли только то, что ранѣе было подготовлено десятилѣтіями работы въ органахъ мѣстнаго самоуправленія и печати. Такъ и теперь въ тѣхъ же общественныхъ ячейкахъ съ прибавленіемъ Государственной Думы, кооперативныхъ учрежденій, профессіональныхъ союзовъ и крупныхъ промышленныхъ союзовъ происходитъ подготовка дѣятелей будущаго общественнаго подъема.

Неудача „лѣвыхъ октябристовъ“ не есть ихъ личная неудача. Она знаменуетъ собой крахъ цѣлой идеи. Обновленіе Россіи не можетъ совершиться силами помѣстнаго класса. Лучшіе люди его безсильны. 1861 годъ не повторится. Рѣшеніе общественной задачи переходитъ въ другія руки: идетъ демократія.

А. С. Изгоевъ.

Оздоровленіе власти.

Посвящается С. Л. Франку.

Культурное и политическое состояніе Россіи отличается многими своеобразіями, дѣлающими его подчасъ непонятнымъ для иностранцевъ и даже для насъ самихъ, поскольку мы привыкли разсуждать въ формулахъ, вычеканенныхъ для употребленія „вообще“.

Особенностью политическаго состоянія современной Россіи является совершенно особое соотношеніе между властью и населеніемъ. Это соотношеніе можетъ быть понято только исторически. Въ теченіе ряда столѣтій власть шла впереди населенія, и образованные элементы страны почти исчерпывались органами власти и съ ними сливались. Русскій абсолютизмъ конца XVII и XVIII ст. былъ не только „просвѣщеннымъ“— онъ практически воплощалъ въ странѣ *все* просвѣщеніе. XIX вѣкъ внесъ постепенно въ это положеніе вещей огромную перемѣну. Просвѣщеніе, образованность, интеллигенція отдѣлились отъ власти и стали вести самостоятельное существованіе. Это произошло не сразу и не совсѣмъ. Матеріально такое отдѣленіе даже невозможно, его никогда не было и его никогда не будетъ. Морально же такое отдѣленіе происходило въ теченіе всего XIX вѣка съ неуклонностью какого-то геологическаго процесса, совершающагося путемъ отложеній и сдвиговъ. Горсточка интеллигенціи обозначилась въ концѣ XVIII и начала XIX вѣка какъ нѣкая величина и сила, переставшая быть просто органомъ и орудіемъ власти. Постепенно эта горсточка росла. Но всетаки до 1904—1906 гг. ей для того, чтобы соприкоснуться съ населеніемъ или народомъ, нужно было въ него „ходить“. Это выраженіе весьма характерно: отдѣлившаяся отъ власти интеллигенція не соединилась еще химически съ народомъ. Будучи матеріально, бытовымъ, соціальнымъ образомъ связана съ властью, она отъ нея морально и духовно все больше и больше отпадала. Она протягивала руки къ народу, но между нею и имъ оставалась какая-то пропасть отъединенности. Если населеніе не вѣрило властямъ, то оно вѣрило во власть, и въ борьбѣ интеллигенціи съ властью было, хотя и пассивно, на сторонѣ послѣдней.

Въ 1904—1906 гг. произошелъ великій переломъ, который состоялъ въ томъ, что интеллигенція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *химически соединилась съ народомъ*. Поскольку это произошло,—а мы дальше именно и затронемъ вопросъ, въ какой мѣрѣ это произошло,—собственно интеллигенція даже перестала существовать какъ нѣчто обособленное. У насъ до сихъ поръ не понимаютъ всего историческаго значенія этого переворота. Совершенно невѣрно, что въ 1905 г. произошли только политическія „перемѣны". И даже наоборотъ, именно въ политическомъ отношеніи измѣненія, происшедшія въ Россіи въ эту эпоху, были наименѣе радикальными. *Міросозерцаніе* и правосознаніе народа измѣнились глубже, чѣмъ *политическое устройство* страны, чѣмъ ея государственное право. Власть до этой эпохи имѣла дѣло съ кучкой или кучками интеллигенціи, ей враждебной, и съ народомъ, которому и власть и интеллигенція были одинаково культурно чужды, но который своимъ міросозерцаніемъ пассивно поддерживалъ власть, а отъ интеллигенціи отталкивался.

Теперь положеніе совершенно измѣнилось: между интеллигенціей и народомъ произошло въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо-таки химическое соединеніе, а былое пассивное содружество власти и народа рушилось, потому что пало совершенно то міросозерцаніе народа, на которомъ оно держалось. Власть духовно отрѣзана и отъ интеллигенціи и отъ народа, т.-е. отъ широкихъ массъ населенія. Сверху поощряемый антисемитизмъ, національзмъ и т. п. представляютъ лишь идеологическіе суррогаты былой непосредственной связи, которая существовала между властью и вѣрившимъ въ нее народомъ.

Это неестественное положеніе власти въ безвоздушномъ пространствѣ чрезвычайно опасно и для власти, и для страны. Оно опасно потому, что, какъ показываетъ именно современное положеніе вещей, эпоха 1907—1913 гг.—эпоха такъ называемаго „успокоенія"—была потеряна въ смыслѣ органическаго укрѣпленія власти. Въ 1907 г., когда въ „революціи" окончательно обозначилось отъединеніе народа и власти и опредѣлилось химическое соединеніе народа и интеллигенціи, могла быть сдѣлана попытка укрѣпить власть на „среднихъ" элементахъ страны, которые нужно было организовать и сплотить въ силу лойяльнымъ пріобщеніемъ ихъ къ властвованію въ странѣ. Въ этомъ было историческое призваніе Столыпина и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые шли подъ флагомъ октябризма.

Столыпинъ оказался не въ силахъ осуществить эту историческую задачу, и его банкротство въ этомъ отношеніи реализуется (да проститъ мнѣ читатель парадоксальное слово о *реализаціи* банкротства) теперь партіей и фракціей октябристовъ. Въ то время какъ интеллигенція сумѣла химически соединиться съ народными массами, власть не смогла такъ же соединиться со средними классами.

Исторически это понятно. Исторія не выработала въ нашей власти

ни навыковъ, ни самой идеи самоограниченія. А между тѣмъ именно это и требовалось и требуется отъ власти въ моментъ, когда изъ-подъ нея оказался вынутымъ былой фундаментъ *пассивной* поддержки народа съ его патріархальнымъ міросозерцаніемъ, котораго больше *не существуетъ*.

Революція 1905—1906 гг. породила тотъ кризисъ интеллигенціи, въ вскрытіи котораго—историческое значеніе сборника „Вѣхи". Суть этого кризиса можно охарактеризовать такъ: то химическое соединеніе народа и интеллигенціи въ революціи, о которомъ мы говорили, было и тѣмъ и другимъ элементомъ куплено слишкомъ дорогой цѣной, цѣной упрощенія и оскудѣнія духовнаго содержанія и интеллигенціи и народа. Анализъ этого кризиса сдѣланъ и не прошелъ, я думаю, даромъ. „Вѣхи" проникли въ умы русской интеллигенціи и дали толчокъ къ, быть можетъ, еще не замѣченной и не осознанной, но весьма значительной критической работѣ. Съ двухъ концовъ. „Вѣхи" учили, съ одной стороны, общественному реализму, разоблачая мечтательное забвеніе глубокихъ почвенныхъ условій развитія всякой культуры и, въ частности, культуры русской; съ другой стороны, матеріализму и нигилизму интеллигентскаго міросозерцанія „Вѣхи" противопоставили религіозный идеализмъ.

Реакція 1907—1914 гг., такъ же какъ революція 1904—1906 гг., уперлась въ кризисъ, который есть не только внѣшнее фіаско „политической" системы или курса, а внутреннее крушеніе и извѣстнаго міросозерцанія. Еще мы не пережили кризиса интеллигенціи, еще онъ происходитъ подъ спудомъ, какъ обозначился родственный ему кризисъ власти, столь же внутренній, столь же глубокій, столь же значительный. Правда, можно было бы сказать, что то положеніе вещей, которое привело къ событіямъ и настроеніямъ 1904—1906 гг., было *тоже* или было *уже* внутреннимъ кризисомъ власти. Это такъ и не такъ. Въ 1904—1905 гг. власть еще могла предаваться иллюзіи, что въ міросозерцаніи и правосознаніи народа не произошло никакихъ коренныхъ перемѣнъ. Самый характеръ того построенія, которое получило въ 1905 г. народное представительство, свидѣтельствовалъ о томъ, что власть тогда еще желала и считала для себя возможнымъ опереться на широкія массы крестьянства. Лишь происшедшее въ 1905—1907 гг. химическое соединеніе народа и интеллигенціи отняло всякую возможность такого построенія государственной реформы. Симпатіи и инстинкты народныхъ массъ въ 1905 г. перемѣстились въ сторону интеллигенціи. Тогда-то власть въ области аграрной стала окончательно на почву программы ярко противонароднической и въ сферѣ политической стала какъ будто сознательно искать опоры въ среднихъ слояхъ, въ земледѣльческомъ и буржуазномъ классахъ. Но тутъ-то воскресъ ветхій Адамъ абсолютизма, и очень быстро подъ конституціонной оболочкой обозначился еще не разрушенный матеріально, хотя духовно низвергнутый и отвергнутый страной, скелетъ стараго порядка. Средніе классы не были допущены къ участію во властвованіи,

низшіе же классы, а также интеллигенція были, какъ политическія фигуры, вновь переведены на „нелегальное" положеніе.

Отсюда—то парадоксально-безсильное положеніе, въ которомъ находится Государственная Дума, и та необычайная фактическая власть, которая принадлежитъ Государственному Совѣту.

Въ Государственной Думѣ есть большинство, которое съ правительствомъ, желающимъ осуществлять органическія реформы, и закономѣрно, въ согласіи съ обѣщаніями манифеста 17 октября, управлять страной, могло бы работать въ полной гармоніи. Но въ Россіи нѣтъ такого правительства—и въ этомъ внѣшнемъ, каждодневно дающемъ себя знать, фактѣ обнаруживается тотъ внутренній кризисъ власти, о которомъ мы говоримъ. Нѣкоторые при этихъ условіяхъ склонны говорить о *параличѣ* законодательной власти и рекомендовать для его излѣченія героическія средства новыхъ и новыхъ нарушеній основныхъ законовъ. Весьма характерно, что эта постыдная революціонная пропаганда ведется на столбцахъ періодическихъ изданій, которыя считаются вліятельными въ такъ называемыхъ „сферахъ". То, что это возможно, свидѣтельствуетъ объ ужасающемъ упадкѣ политической морали въ странѣ. Плачевная пропаганда непрерывнаго правонарушенія есть нѣкоторый pendant къ той идеѣ непрерывной революціи, которую проповѣдывали крайніе элементы въ 1905—1906 гг. Эта пропаганда, въ сущности, представляетъ лишь одинъ изъ самыхъ яркихъ симптомовъ все того же внутренняго кризиса власти.

Суть этого кризиса заключается въ стремленіи сохранить въ Россіи XX вѣка для власти такія условія существованія, такія формы и пріемы дѣятельности, для которыхъ во внутреннихъ отношеніяхъ страны нѣтъ уже болѣе никакихъ—ни духовныхъ, ни матеріальныхъ—устоевъ. Это либо неумно, либо неправдиво. По правдѣ говоря, тутъ есть и то, и другое. Государственная Дума съ точки зрѣнія этого, только что охарактеризованнаго, стремленія есть не равноправный факторъ власти, не участникъ властвованія, а какое-то присутственное мѣсто съ особыми распорядками и особымъ способомъ пополненія своего „личнаго состава". Съ этой точки зрѣнія вполнѣ послѣдовательно стремиться къ превращенію Государственной Думы въ „законосовѣщательное" учрежденіе, мнѣнія и постановленія котораго ни въ какомъ смыслѣ не обязательны для власти. Мы не станемъ критиковать этой программы съ точки зрѣнія „конституціоннаго идеала". Не это важно и интересно для насъ въ настоящемъ случаѣ. Конституціонные идеалы, какъ идеалы, ни для кого не обязательны. Но тѣ, кто рекомендуетъ вести политическій корабль по такой линіи, должны считаться съ тѣмъ, къ чему ихъ программа приведетъ. А именно осуществленіе ихъ программы поставитъ власть въ то же самое положеніе, въ которомъ она уже находилась до 1905 г., съ однимъ существеннымъ однако различіемъ: власть будетъ находиться

въ такомъ положенiи теперь *послѣ 1905 г.,* т.-е. послѣ того величайшаго переворота въ политическомъ и культурномъ мiросозерцанiи русскаго народа, въ силу котораго стало возможнымъ химическое соединенiе народа съ интеллигенцiей.

Какой же выходъ изъ создавшагося положенiя?

Выходовъ можетъ быть только два: либо постепенное нарастанiе государственной смуты, въ которой средшiе классы и выражающiе ихъ умѣренные элементы вновь будутъ оттѣснены на заднiй планъ стихiйнымъ напоромъ народныхъ массъ, вдохновляемыхъ крайними элементами, либо *оздоровленiе власти.*

Первый выходъ не подлежитъ сейчасъ нашему обсужденiю. Мы сознательно стоимъ въ русскихъ условiяхъ на точкѣ зрѣнiя, исключающей для насъ возможность какъ дѣйственно стремиться къ этому выходу, такъ даже просто желать его. Поэтому намъ остается только ставить прямо передъ общественнымъ сознанiемъ второй выходъ, какъ такую очередную проблему, которая должна быть осуществлена совокупными усилiями всѣхъ прогрессивныхъ и въ то же время охранительныхъ силъ. Проблема власти никогда не стояла такъ болѣзненно передъ русскимъ общественнымъ сознанiемъ, какъ въ настоящее время. Ибо никогда страна такъ сильно не нуждалась въ томъ, что можно назвать здоровой властью, и никогда дѣйствительное положенiе вещей не было столь далеко отъ осуществленiя идеала такой здоровой, или нормальной власти. Прежде всего тутъ есть психологическiя трудности, которыхъ не знало даже недавнее прошлое. Прежняя власть не знала никакой политической борьбы и не знала поэтому того озлобленiя, которое неизбѣжно связано съ такой борьбой тамъ, гдѣ политическая борьба, даже направленная противъ власти, не признана еще, какъ нѣчто вполнѣ законное, поскольку она осуществляется въ рамкахъ общеобязательнаго права, основаннаго на признанiи правъ гражданъ. Русская власть на мѣстахъ, можно сказать, поглощена политической борьбой, которая къ тому же принимаетъ прямо необъятные размѣры, такъ какъ направляется не только на крайнiе, но и на умѣренные элементы, разъ они только притязаютъ на извѣстную независимость. Можно сказать, что никогда, даже въ самыя мрачныя дореформенныя времена, губернаторская власть не была поставлена такъ ненормально, не была такъ органически *больна,* какъ въ наше время, когда почти всякiй губернаторъ чувствуетъ и ведетъ себя какъ агентъ какой-то политической борьбы. Правда, и прежде губернаторы боролись съ „крамолой", но тогда всякая „политика" была юридически дѣйствительно крамолой, а теперь, какъ съ крамолой, губернаторы борются съ явленiями, которыя сами по себѣ образуютъ реальныя условiя существованiя высшихъ государственныхъ учрежденiй. Таковы прежде всего всѣ

политическія партіи, представленныя въ Государственной Думѣ, съ большинствомъ которыхъ губернаторы ведутъ непрерывную борьбу всѣмъ богатымъ арсеналомъ доступныхъ имъ средствъ. Вообще тотъ фактъ, что въ Думѣ функціонируютъ какъ факторы, составляющіе законодательную власть, элементы политическихъ партій, которыя внѣ Думы преслѣдуются администраціей, какъ нелегальныя или нелегализованныя, есть фактъ, доказывающій, что русское управленіе дѣйствуетъ по принципамъ, которые въ своей основѣ собственно отрицаютъ и бытіе Государственной Думы, и всякій правовой порядокъ, основанный на признаніи правъ гражданъ. Правда, въ Германіи отъ 1878 до 1890 г. дѣйствовалъ исключительный законъ противъ соціалистовъ. Но, хотя онъ прошелъ нормальнымъ порядкомъ черезъ парламентъ, несовмѣстимость такого трактованія существующей въ странѣ партіи съ присутствіемъ ея представителей въ парламентѣ обнаружилась въ Германіи съ полной ясностью. Это и привело къ паденію злополучнаго „исключительнаго" закона, который власти и умѣреннымъ элементамъ общества повредилъ гораздо больше, чѣмъ соціалистамъ и рабочему классу. Между тѣмъ, въ современной Россіи или, вѣрнѣе, въ большинствѣ мѣстъ современной Россіи въ томъ положеніи, въ какомъ въ Германіи съ 1878 по 1890 г. находились соціалъ-демократы, фактически находятся *всѣ политическія партіи до октябристовъ включительно*, поскольку онѣ желаютъ проявлять политическую жизнедѣятельность. Наша мѣстная власть есть полиція, дѣйствующая какъ политическая партія, или, если угодно, политическая партія, вооруженная полицейскими полномочіями, т.-е. нѣчто, до послѣдней степени нездоровое.

Ненормальное состояніе власти обнаруживается не только въ борьбѣ съ политическими партіями и ихъ организаціонными стремленіями. Не менѣе ярко оно сказывается въ той борьбѣ, которую цѣлый рядъ мѣстныхъ администраторовъ ведетъ съ органами самоуправленія. И прежде эта борьба была лишена смысла и оправданія, но прежде можно было, пожалуй, ссылаться на необходимость (конечно, мнимую) всячески урѣзывать самоуправленіе, дабы не дать ему развиться въ народное представительство. Теперь, когда народное представительство существуетъ, борьба съ мѣстнымъ самоуправленіемъ окончательно превратилась въ какія-то безсмысленныя шиканы, лишь озлобляющія населеніе и компрометирующія власть.

Необъединенность такъ называемаго объединеннаго правительства, составляющая секретъ полишинеля и проявляющаяся подчасъ въ формахъ комическихъ, служитъ дальнѣйшимъ доказательствомъ того нездороваго состоянія, въ которомъ находится въ Россіи власть. Въ сущности, въ этой необъединенности отражается та нелѣпая двойственная позиція, которую власть вообще заняла по отношенію къ элементамъ новаго правового порядка въ Россіи. Она ихъ не желаетъ признавать, но она

нихъ не рѣшается послѣдовательно отрицать. Въ области управленія новый строй рѣшительно отрицается *почти* всѣми, такъ или иначе „правящими“, органами власти отъ мѣстныхъ до центральныхъ включительно; въ области законодательства онъ вынужденно признается. Но законодательство, стоящее внѣ живой связи съ управленіемъ, не можетъ не быть обречено въ значительной мѣрѣ на безплодіе. Указанная двойственность, сказывающаяся и въ томъ, какъ необъединенно построено и несолидарно дѣйствуетъ правительство, ярко свидѣтельствуетъ о глубокой болѣзни власти.

Есть люди, которые самую идею оздоровленія власти признаютъ утопической. Но вѣдь въ такомъ оздоровленіи—и только въ немъ—заключается эволюціонный выходъ изъ того тупика, въ который зашла политическая жизнь страны. Кромѣ того, несомнѣнно, что и прошлое и даже нѣкоторые факты настоящаго нашей государственной жизни даютъ основанія считать эту трудную проблему—при концентраціи на ней общественнаго вниманія и общественныхъ усилій—разрѣшимой. Наша бюрократія, которую одно время отчасти по „цензурнымъ“ соображеніямъ выставляли, какъ квинтъ-эссенцію и главнаго носителя стараго порядка, на самомъ дѣлѣ есть явленіе довольно сложное, не поддающееся однозначной характеристикѣ. Бюрократія не столько за совѣсть, сколько за страхъ служитъ реакціи, движущія силы которой находятся, повидимому, въ обломкахъ стараго дворянства, въ тѣхъ кругахъ, которые обыкновенно трактуются подъ зловѣщимъ заголовкомъ „объединеннаго дворянства“. *Сѣдалище современной реакціи находится внѣ бюрократіи, какъ таковой.* Въ этомъ, между прочимъ, и обнаруживается и органическая слабость реакціи, и ея подчасъ поразительная техническая безпомощность.

Реакція способна поставить или окрасить въ свою краску тѣ 5—6 десятковъ губернаторовъ, которые сверху управляютъ Россіей на мѣстахъ; она способна была сильно (надолго ли?) окрасить нашу магистратуру и прокуратуру, но всетаки большинство дѣловой рабочей бюрократіи лишь нехотя, лишь изъ-подъ палки исполняетъ волю реакціи, органически наше рабочее чиновничество ея дѣла не творитъ и не можетъ творить. Въ общемъ и цѣломъ русскій чиновникъ—такой же обыватель, какъ и всѣ прочіе, и, поскольку въ разныхъ группахъ чиновничества это обывательство не преодолѣвается профессіонально-служебной тенденціей и тенденціозностью, отрѣзывающей „чиновника“ отъ населенія, бюрократія въ своей массѣ не идетъ съ реакціей. А отрѣзывая себя отъ населенія, бюрократія не можетъ технически сколько-нибудь удовлетворительно выполнять своей дѣловой задачи.

Однако, съ точки зрѣнія оздоровленія власти, важенъ не только и не столько рядовой чиновникъ. Важенъ духъ власти, исходящій отъ высшихъ ея представителей. Этотъ духъ долженъ во всѣхъ областяхъ

стать инымъ. Новая Россія требуетъ новаго отношенія къ себѣ власти. Требуетъ и въ объективномъ смыслѣ, ибо управленіе не можетъ быть управленіемъ, превращаясь въ политическую борьбу власти съ населеніемъ. Требуетъ и въ субъективномъ смыслѣ, ибо новая Россія желаетъ, чтобы съ нею, съ проявленіями ея независимой жизнедѣятельности перестали обращаться, какъ съ крамолой.

Есть ли такое оздоровленіе власти совершенная утопія? Разрѣшеніе этой задачи зависитъ, конечно, отъ крѣпости и сплоченности *умѣренныхъ* элементовъ страны, которые, въ интересахъ мирнаго развитія государства, должны въ полномъ объемѣ поставить эту задачу и передъ собой, и передъ самой властью. Вся политика вліятельныхъ думскихъ партій должна быть оріентирована въ этомъ направленіи, всѣ ея линіи должны сходиться въ этомъ пунктѣ. Что при извѣстныхъ условіяхъ, когда государственная необходимость оздоровленія власти повелительно диктуется всей обстановкой, частичное оздоровленіе возможно даже въ современныхъ условіяхъ общаго нездоровья власти, это вполнѣ убѣдительно доказывается примѣромъ управленія Кавказа. Печать наша съ *этой* точки зрѣнія обратила недостаточно вниманія на замѣчательный документъ, озаглавленный „Всеподданнѣйшій отчетъ за восемь лѣтъ управленія Кавказомъ“, генерала-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Какія-то особыя условія сдѣлали возможнымъ укрѣпленіе на Кавказѣ русской *либеральной власти*. Власть эта, въ лицѣ гр. Воронцова-Дашкова, является либеральной не по ярлыку. Смѣшно было бы говорить о гр. Воронцовѣ-Дашковѣ, одномъ изъ самыхъ близкихъ къ покойному Александру III лицъ, какъ о либералѣ. Наоборотъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ скорѣе *старозавѣтная фигура*. Но, быть можетъ, *именно поэтому* онъ смогъ оказаться носителемъ либеральной власти. Современная нездоровая власть не есть просто преемница старой и старозавѣтной власти. Это—власть, захваченная политической борьбой, науськиваемая Пуришкевичами и Марковыми, руководимая правыми газетами, власть, которая оглядывается по сторонамъ и считается съ „прессой“, только не съ той, которая выражаетъ дѣйствительное общественное мнѣніе, а съ той прессой, которая существуетъ для того, чтобы изображать какъ бы „хоръ“ для ничтожныхъ по численности, но могущественныхъ по вліянію реакціонныхъ котерій и кружковъ. Первый шагъ къ оздоровленію власти долженъ заключаться въ отрѣшеніи ея отъ настроенія политической борьбы. По существу извѣстнаго рода правовая *нейтральность*, исключающая политическую „направленность“, должна быть признакомъ всякой нормально функціонирующей, здоровой власти. Въ отчетѣ графа Воронцова-Дашкова, рядомъ съ подчеркиваніемъ національно-государственной точки зрѣнія, чрезвычайно ярко выступаетъ эта здоровая нейтральность власти, отсутствіе того тенденціознаго задора и той полицейской придирчивости, которые характерны для втянувшейся

въ политическую борьбу, потерявшей психическое равновѣсіе власти. Если гр. Воронцовъ-Дашковъ додумался до того, что власть вовсе не заинтересована на Кавказѣ въ борьбѣ съ армянами, грузинами и т. п., то также власть въ коренной Россіи можетъ и должна додуматься до того, что абсолютно безсмысленна, ни къ чему не приводитъ и плодитъ лишь иллюзіи и лицемѣріе полицейская борьба съ октябристами, прогрессистами, кадетами, соціалъ-демократами. Ибо въ коренной Россіи, и именно въ ней, всѣ эти партіи и наименованія столь же неустранимы, какъ неустранимы на Кавказѣ армяне, грузины, татары и т. д

Мысль о химическомъ соединеніи народа съ интеллигенціей совершенно вѣрна, поскольку рѣчь идетъ объ отношеніи къ идейнымъ основамъ стараго порядка. Отъ этихъ основъ народъ безвозвратно отпалъ и въ *этомъ* смыслѣ онъ и интеллигенція стали одно. Но народъ не тождественъ вовсе съ интеллигенціей, поскольку послѣдняя является до сихъ поръ носительницей нѣкоего опредѣленнаго культурнаго и политическаго міросозерцанія. Въ народѣ есть возможности и зачатки разныхъ культурныхъ міросозерцаній и разныхъ политическихъ направленій. И по отношенію къ русскому народу, еще болѣе чѣмъ по отношенію къ какому-либо другому очевидно, что его культурное міросозерцаніе еще лишь слагается и что разновидности его политической мысли не могутъ не быть многообразны.

До 1905 г. мы привыкли считать, что образъ мыслей народа замыкается въ извѣстныя традиціонныя рамки. Въ 1905 и слѣдующихъ годахъ онъ явно окрасился въ интеллигентскій цвѣтъ. Но и это послѣднее не есть вовсе явленіе окончательное. Нашъ народъ еще не сложился и еще не расчленился. То, что онъ долго былъ коснымъ и какъ бы разомъ сталъ революціоннымъ,—ничего не говоритъ о томъ, чѣмъ онъ будетъ, когда всѣ заложенныя въ немъ возможности смогутъ развиваться.

Говоря объ оздоровленіи власти, мы въ то же время указывали на необходимость для нея соединенія съ „средними элементами“ страны. Эти „средніе элементы“ не должны и не могутъ быть противопоставляемы народу. Въ сущности, для всякаго народа характерны именно его средніе элементы—въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ остаются неопровержимыми знаменитыя разсужденія Аристотеля. Именно эти элементы всего болѣе народны. Поэтому то они и суть „средніе“. Въ соціально-экономическомъ смыслѣ подъ „средними элементами“ разумѣются обычно имущественные, буржуазные классы. Но въ культурномъ смыслѣ понятіе „среднихъ элементовъ“ шире. Они суть тѣ элементы народа, которые, своими корнями уходя въ самый фундаментъ народа, верхушками своими надъ нимъ возвышаются. Это лишь культурно наиболѣе зрѣлые элементы того же народа, изъ него питающіеся и изъ него вы-

растающіе. Вырастающіе въ двоякомъ смыслѣ: они растутъ изъ народа, изъ толщи и въ то же время ее перерастаютъ, надъ нею подымаются.

Въ русскомъ народѣ, говорятъ, мало консервативныхъ силъ. Это совершенно вѣрно и не можетъ быть иначе, ибо консервативные элементы сильны въ народѣ не въ мѣру его косности и подчиненности, а, наоборотъ, въ мѣру го подвижности и свободы. *Русскій народъ слишкомъ долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ для того, чтобы быть консервативнымъ.* И онъ выдѣлитъ изъ себя подлинные консервативные элементы лишь тогда, когда утвердитъ свою свободу. Иными словами: консерватизмъ станетъ возможенъ въ Россіи только тогда, когда политическій строй нашей страны будетъ окончательно закрѣпленъ на совершенно иномъ уровнѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ его хотѣли остановить въ реакціонную эпоху, начавшуюся въ 1907 г.

Чѣмъ могутъ быть вызваны къ жизни дремлющія въ странѣ, подлинныя творческія и консервативныя въ то же время, силы?

Только здоровой либеральной властью, способной на систематическое самоограниченіе и тѣмъ самымъ—сильной.

Какъ будетъ дѣйствовать такая власть?

Слабый намекъ на это, какъ мы указали, можно найти въ современномъ управленіи Кавказомъ. Мы не скрываемъ отъ себя, что оздоровленію власти въ Россіи противостоятъ огромныя трудности. Историческое происхожденіе русской конституціи, рожденіе ея въ грозовой атмосферѣ такъ называемой „смуты“, которая въ то же время оказалась внутренно несостоятельной и, надломившись въ себѣ, сломилась о государственную технику,—все это отравило самое власть ядомъ политическаго озлобленія, не приличествующаго власти, какъ таковой. Ничто, конечно, не извратило и не умалило въ такой мѣрѣ, напримѣръ, исторической фигуры Столыпина, какъ то, въ чемъ видятъ его главную заслугу, а именно, что онъ боролся съ „революціей“, въ которую тенденціозно и неумно были включены даже „кадеты“. Всякая здоровая и сильная власть возвышается настолько надъ своимъ „внутренними“ врагами, чтобы ихъ даже не видѣть. Она именно этимъ сильна и здорова. Наоборотъ, слабая и нездоровая, реакціонная власть не только всюду ищетъ своихъ враговъ, она ихъ выдумываетъ, ихъ создаетъ. Нѣмецкіе историки спорятъ о томъ, *въ какой мѣрѣ* реорганизаторъ прусскаго государства баронъ ф.-Штейнъ вдохновлялся идеями французской революціи, заклятымъ врагомъ которой онъ былъ. Въ самомъ дѣлѣ, неоспоримо, что духъ французской революціи почилъ на административной реформѣ консервативнаго прусскаго министра. А когда Бисмаркъ осуществлялъ свою соціальную реформу, онъ не страшился сопоставленія своихъ мѣропріятій съ идеями... парижской коммуны, память о которой до сихъ поръ есть религіозная святыня для соціалъ-демократіи.

Нѣтъ, наоборотъ, ничего мизернѣе и малосмысленнѣе, чѣмъ та паническая кадетофобія, которой предавался покойный Столыпинъ и которую онъ такъ сумѣлъ внушить русскимъ властямъ. Пусть даже сами кадеты противогосударственны, какъ объ этомъ каждый день твердитъ газета *Россія*. Хотя это пошлый вздоръ, мы готовы даже на минуту допустить эту мысль. Но основныя, самыя важныя „кадетскія“ мысли—это идеи государственнаго обновленія, и безъ ихъ усвоенія властью Россія не можетъ двинуться впередъ. А потому кадетофобія есть въ сущности страхъ передъ тѣми идеями, которыя власть для обновленія страны и для своего подлиннаго укрѣпленія сама же должна *усвоить и присвоить*. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ задать себѣ вопросъ: чѣмъ была укрѣплена и спасена монархія на континентѣ Европы послѣ французской революціи? На это можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: усвоеніемъ идей и учрежденій революціи. Великія реформы въ Пруссіи и Россіи, безъ которыхъ было невозможно поддержаніе монархіи, были усвоеніемъ и претвореніемъ монархической властью идей антимонархической революціи. Русская реакція 1907 г. и послѣдующихъ годовъ тѣмъ мелка и безсильна, что она не смогла усвоить идей русской революціи, претворить и вработать ихъ въ государственную жизнь, что надъ смѣлой государственной мыслью въ ней одержало верхъ трусливое полицейское безмысліе.

Какъ это ни странно, но ничего въ такой мѣрѣ нельзя пожелать власти, какъ забыть о томъ, что были когда-то тѣ событія и факты и настроенія, которые принято обозначать, какъ „русскую революцію“. Очевидно, только отрѣшившись отъ непріятныхъ историческихъ воспоминаній, отравляющихъ ея сознаніе, власть сможетъ возвыситься до правовой и государственной точки зрѣнія...

Культурная и государственная жизнь русскаго народа развивается однако, не считаясь съ непріятными воспоминаніями власти, и эта жизнь, несмотря ни на что, претворяетъ въ себя идеи и учрежденія, родившіяся въ великую критическую эпоху „смуты“. Другими словами, культурный и политическій ростъ народа происходитъ и будетъ происходить независимо отъ того, дальновидна ли или, наоборотъ, близорука власть. И если мы въ оздоровленіи власти видимъ настоятельную задачу политическаго прогресса Россіи, то не потому, чтобы иначе мы отчаивались бы въ судьбахъ самой Россіи. Мы просто желали бы, чтобы политическое развитіе нашей страны совершалось мудро и твердо, безъ „великихъ потрясеній“, всегда болѣзненныхъ, но неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ изъ „потрясеній“ не выносится никакихъ уроковъ для... „успокоенія“.

Петръ Струве.

1 января 1914 г.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Итоги года.

Едва ли есть необходимость перечислять тѣ исключительныя событія, которыя ознаменовали международную исторію истекшаго года. Давно уже внѣшне-политическіе интересы не занимали такого виднаго мѣста въ мысляхъ, надеждахъ и тревогахъ европейскихъ обществъ. Если въ Россіи эти интересы прежде сознавались сравнительно слабо, какъ нѣчто чуждое и постороннее, то истекшія событія, вѣроятно, убѣдили многихъ, что современная международная политика есть неотдѣлимая часть въ томъ единомъ историческомъ процессѣ, который уноситъ и нашу родину къ новымъ, невѣдомымъ предѣламъ.

Правда, этотъ годъ не принесъ коренного разрѣшенія тѣхъ проблемъ, которыя казались такъ отъ него близко,—проблемъ Ближняго Востока. Здѣсь, дѣйствительно, на довѣрчивыя слова Фауста: „da muss sich manches Räthsel lösen", Мефистофель имѣлъ бы основаніе отвѣтить: „doch manches Räthsel knüpft sich auch". Вѣдь нельзя серьезно считать такимъ разрѣшеніемъ бухарестскій миръ. Если турецкому господству въ

Европѣ нанесенъ новый тяжкій ударъ, который лишь въ малой степени ослабляется возвращеніемъ Адріанополя, то на Балканскомъ полуостровѣ къ старымъ національнымъ ненавистямъ и антагонизмамъ прибавились новые. Самое крушеніе балканскаго союза является въ этомъ смыслѣ событіемъ, нравственныя послѣдствія коего едва ли не болѣе значительны, чѣмъ политическія. Новый намѣчающійся балканскій союзъ изъ Румыніи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, если онъ даже оказался бы жизнеспособнымъ, имѣетъ смыслъ лишь какъ угроза для Болгаріи, какъ взаимная порука побѣдителей, воспользовавшихся на ея счетъ: развѣ нѣтъ въ этомъ смыслѣ солидарности между греками, получившими Кавaллу, и румынами, захватившими Бальчикъ-Туртукай? Отвѣтомъ на подобную комбинацію можетъ быть сближеніе Болгаріи съ Турціей и Албаніей,—сближеніе, которое также не имѣетъ болѣе глубокаго историческаго основанія.

Несомнѣнно, пагубныя послѣдствія бухарестскаго мира могутъ быть измѣнены лишь при извѣстной солидарности между Сербіей и Болгаріей. Вѣдь если обезсилена Болгарія, то и дальнѣйшія попытки Сербіи выйти къ Адріатическому морю, получить безопасность отъ Австріи не могутъ имѣть успѣха при противодѣйствіи Болгаріи. Къ несчастію, сербская политика въ присоединенной Македоніи, политика безпощадной денаціонализаціи, отказъ на десять лѣтъ въ правѣ посылать представителей въ скупщину,—все это мало обѣщаетъ въ смыслѣ указаннаго сближенія, которому могло бы благопріятствовать сказавшееся на послѣднихъ выборахъ въ Болгаріи настроеніе, чуждое всякаго воинствующаго авантюризма. Здѣсь Россіи предстоитъ задача столь же опредѣленная, сколь и благодарная. Что касается европейской Турціи, то и въ сферѣ внѣшней политики младотурки оказываются вѣрными послѣдователями традиціи Абдулъ-Гамида въ смыслѣ ярко выраженнаго германофильства, такъ сказавшагося въ дѣлѣ Сандерса. Само собой разумѣется, соотвѣтственно возрастаетъ антагонизмъ съ державами тройственнаго соглашенія и прежде всего съ Россіей. Кромѣ того, самое господство младотурокъ, вернувшихся къ власти путемъ военнаго переворота, держится на постоянномъ примѣненіи силы, принимаетъ характеръ хронической диктатуры, которая отнюдь не оправдывается ихъ дѣйствительными успѣхами, ни даже количествомъ выдающихся въ ихъ рядахъ людей. Всего опаснѣе, что недовольство этимъ якобинскимъ режимомъ начинаетъ захватывать армію.

Несомнѣнно, наиболѣе жгучими являются теперь вопросы, связанные съ Азіатской Турціей, куда неизбѣжно передвигается центръ тяжести оттоманскаго государства. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь задача умиротворенія Арменіи—той области, гдѣ старый турецкій порядокъ проявился въ наиболѣе ужасныхъ формахъ. Вѣдь 61 ст. берлинскаго трактата оказалась для Арменіи въ еще большей степени мертвой буквой, чѣмъ 23 того же трактата для Македоніи. Авторитетные свидѣтели указывали на парижской конференціи, что время для половинчатыхъ реформъ здѣсь прошло, и напряженность въ населеніи, которое еще такъ недавно видѣло разгромъ турецкаго могущества въ Европѣ, не можетъ быть долго сдерживаема. И здѣсь передъ Россіей открывается неизбѣжная и въ то же время въ высшей степени благодарная задача. Она неизбѣжна потому, что анархія въ пограничной турецкой Арменіи представляетъ для Закавказья источникъ постоянной опасности; она благодарна потому, что населеніе турецкой Арменіи смотритъ на Россію, какъ на единственную защиту, и въ то же время это населеніе, укрѣпленное въ данныхъ чувствахъ, можетъ явиться лучшимъ проводникомъ русскаго вліянія въ Передней Азіи. Само собой разумѣется,

если на Кавказѣ политика, выразившаяся въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ намѣстника края, уступила бы мѣсто разрушительному національзму, дипломатическая задача до чрезвычайности бы затруднилась. Въ настоящемъ видѣ русскій проектъ реформъ въ Арменіи представляетъ всетаки въ извѣстной мѣрѣ организацію европейскаго контроля и не осуждаетъ совѣтниковъ на роль безсильныхъ свидѣтелей, какъ это имѣло мѣсто въ мюрцштегскомъ соглашеніи, создавшемъ гражданскихъ агентовъ для Македоніи; въ то же время оно имѣетъ за собой не только поддержку державъ тройственнаго согласія, но и согласіе Германіи. Все это должно быть признано и признается въ средѣ армянскаго общества, хотя, конечно, оптимизмъ на Ближнемъ Востокѣ обычно оказывался за послѣдніе годы преждевременнымъ.

Полная неустойчивость на Среднемъ Востокѣ обращается въ хроническое состояніе, которое дѣлаетъ невозможными всякія гаданія о будущемъ Персіи. Между тѣмъ начинающійся раздѣлъ Азіатской Турціи, хотя бы и подъ скромной внѣшностью установленія сферъ вліянія, не можетъ не отразиться и на ея положеніи. Россія заинтересована здѣсь въ сохраненіи элементарнаго порядка и въ возможномъ обезпеченіи ея коммерческаго положенія въ сѣверной Персіи—въ одномъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ районовъ, которые представляютъ собой для насъ серьезный внѣшній рынокъ. Въ этомъ отношеніи намъ несомнѣнно угрожаетъ проникновеніе Германіи черезъ тѣ желѣзныя дороги, которыя соединятъ Багдадскую линію съ персидскими центрами. Теоретически лучшимъ выходомъ былъ бы пересмотръ англо-русской конвенціи 1907 г. и созданіе извѣстнаго компромисса съ Германіей. Слишкомъ разсчитывать на англо-германскій антагонизмъ здѣсь едва ли приходится, такъ какъ нѣмецкая опасность въ гораздо большей степени угрожаетъ сѣверной, чѣмъ южной Персіи.

Мы очень мало знаемъ о Дальнемъ Востокѣ, въ очень недостаточной степени слѣдимъ за нимъ. А какія грандіозныя перемѣны! Съ одной стороны, китайская республика съ Юаншикаемъ во главѣ — не только совершившійся фактъ, но и фактъ, получившій признаніе Европы. Недавно высказывавшаяся несомнѣнно компетентными лицами мысль, что вѣроятно раздѣленіе Китая на Сѣверный и Южный, не оправдалась, какъ не оправдались и расчеты на крайній партикуляризмъ отдѣльныхъ провинцій бывшей Небесной Имперіи. Менѣе замѣтны, но всетаки въ высшей степени знаменательны политическія перемѣны въ Японіи, которыя дали ея конституціонному строю нѣсколько новый отпечатокъ, въ меньшей степени проникнутый военно-монархическими началами, столь запечатлѣвшими конституцію 1889 г. и все правленіе Мутсу-Хито. Въ странѣ продолжается тяжелое финансовое положеніе, не допускающее слишкомъ широкой имперіалистической политики. И, наконецъ, остается этотъ міровой фактъ, созданіе Панамскаго канала, который въ такой чрезвычайной степени увеличиваетъ интересъ Соединенныхъ Штатовъ на Дальнемъ Востокѣ. Насколько этотъ каналъ является факторомъ внѣшней американской политики—лучше всего явствуетъ изъ недавняго конфликта съ Мексикой. Едва ли было бы здѣсь основательно поддаваться впечатлѣнію, которое производятъ личныя намѣренія Вудро Вильсона, его антиимперіалистическія тенденціи и т. п. Сила вещей будетъ дѣлать Соединенные Штаты съ каждымъ годомъ все болѣе важнымъ факторомъ въ разрѣшеніи проблемъ на Дальнемъ Востокѣ.

Русскіе политики менѣе всего заинтересованы въ томъ, чтобы ускорить естественное развитіе этихъ проблемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ особенности послѣ отклоненія нейтрализаціи манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ, предложенной американскимъ пра-

вительствомъ, существовала опасность, что мы слишкомъ далеко пойдемъ по пути сближенія съ Японіей и даже, подъ вліяніемъ этой послѣдней, приведены будемъ къ раздѣлу Манчжуріи, что требовало бы новыхъ огромныхъ затратъ и вовсе не оправдывалось бы нашими реальными интересами. Съ другой стороны, Россія не могла бы оставаться равнодушной свидѣтельницей захвата Южной Манчжуріи со стороны японцевъ. Въ настоящее время, повидимому, эта опасность такого сближенія съ Японіей, которое могло бы лишь поощрять ея имперіалистическія настроенія, избѣгнута. Само собой разумѣется, столь же непріемлема и еще болѣе опасна противоположная политика, сознательно идущая на вѣроятность конфликта съ Японіей и стремящаяся опираться на Китай. Мы не можемъ связывать своей судьбы ни съ первой, ни съ послѣднимъ, и должны имѣть свободныя руки. Главнымъ успѣхомъ нашей дипломатіи на Дальнемъ Востокѣ слѣдуетъ признать обезпеченіе монгольской автономіи, хотя мы могли бы желать ея большаго расширенія въ территоріальномъ и въ политическомъ смыслѣ.

Что касается до группировки великихъ державъ, то она остается старой: тройственное соглашеніе и тройственный союзъ. Въ послѣднемъ были моменты серьезныхъ внутреннихъ треній, всего болѣе сказавшихся во время подготовки и заключенія бухарестскаго мира, когда Германія рѣшительно отказалась поддерживать балканскую политику Австро-Венгріи. Въ то же время Албанія, которая могла бы сдѣлаться источникомъ серьезныхъ конфликтовъ между Австро-Венгріей и Италіей, Албанія, созданная дипломатіей этихъ двухъ державъ, въ настоящее время ихъ скорѣе связываетъ. Тройственное соглашеніе и даже франко-русскій союзъ тоже переживали критическіе минуты — достаточно вспомнить, какъ Франція неожиданно покинула Россію въ вопросѣ объ участи Кавалы, вспомнить о ея близорукомъ и одностороннемъ стремленіи во что бы то ни стало усилить Грецію и т. п. Вообще говоря, на Ближнемъ Востокѣ эта солидарность державъ тройственнаго соглашенія едва ли вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее надежды, и во всякомъ случаѣ указала, что русскіе интересы не могутъ здѣсь считаться совершенно параллельными интересамъ Англіи и Франціи.

Какіе отсюда должны быть сдѣланы выводы? Во внѣшней политикѣ не должно быть догматовъ; не можетъ быть такимъ непререкаемымъ догматомъ и франко-русскій союзъ. Этотъ союзъ возникъ при такой политической конъюнктурѣ и въ Европѣ и за ея предѣлами, которая весьма отличается отъ современной. Можно опасаться, что при остановкѣ прироста населенія во Франціи на долю Россіи будетъ приходиться все больше тяжесть общей защиты. Не сдѣлала ли Франція послѣднее, хотя и патріотическое, усиліе, перейдя къ трехлѣтней военной службѣ? Кромѣ того, рѣшительное преобладаніе во французской внѣшней политикѣ финансовыхъ интересовъ надъ экономическими заставляетъ ее избѣгать всякихъ колебаній status quo и сообщаетъ ей отпечатокъ извѣстной косности. Но какъ бы ни были вѣски эти соображенія, какъ бы ни были справедливо осуждены прошлогодніе ошибки французской политики, онѣ не даютъ еще основанія кинуть эти дипломатическія традиціи, разрушить дѣло сближенія съ Англіей и направить нашу политику въ сторону Германіи. Нѣтъ никакой надобности въ порывѣ доктринерскаго германофобства отвергать всякаго рода частныя соглашенія между Россіей и Германіей—послѣднія для насъ неизбѣжны, какъ неизбѣжно было и для Франціи столковаться съ Германіей по поводу Марокко—но отсюда далеко еще до общаго соглашенія, для котораго нѣтъ налицо ни матеріальныхъ, ни моральныхъ

предпосылокъ. Объ этомъ еще разъ напомнилъ и образъ дѣйствія Германіи въ дѣлѣ Сандерса. Для Россіи и послѣ 1913 г. остается всетаки тройственное соглашеніе, какъ наиболѣе цѣлесообразная комбинація. Цѣнность ея будетъ пропорціональна нашей силѣ. И въ этой точкѣ опять сходятся внѣшняя и внутренняя политика. Говорить объ этомъ звучитъ банальностью, но голосованіе въ Государственномъ Совѣтѣ, когда отвергнуто было допущеніе польскаго языка въ городскомъ самоуправленіи, еще разъ показываетъ, до какой степени можетъ здѣсь сбивать съ естественнаго пути близорукій и самонадѣянный національзмъ. Съ другой стороны, пережитыя дипломатическія трудности напоминаютъ о необходимомъ развитіи военныхъ и морскихъ силъ.

Передъ Россіей во внѣшнемъ мірѣ стоятъ огромныя задачи, и не въ ея власти можетъ оказаться отсрочка ихъ разрѣшенія.

С. Котляревскій.

2. Экономическая жизнь.

Конецъ промышленнаго подъема на Западѣ.—Отрицательный расчетный балансъ Россіи.—Отсутствіе серьезныхъ симптомовъ депрессіи промышленности въ Россіи.—Оживленіе желѣзнодорожнаго строительства и его значеніе.

Въ оцѣнкѣ настоящаго экономическаго положенія Россіи у насъ въ послѣднее время установилось ходячее дѣленіе на „оптимистовъ" и „пессимистовъ". И тѣ и другіе черпаютъ матеріалъ для своего оптимизма или пессимизма изъ дѣйствительной жизни, и такъ ужъ сложна современная хозяйственная жизнь вообще и жизнь необъятной Россіи въ частности, что и тѣ и другіе могутъ быть вполнѣ добросовѣстны,—все зависитъ отъ того, съ какой стороны подойти къ явленіямъ жизни, и особенно отъ тѣхъ требованій, которыя мы предъявляемъ къ экономическому росту Россіи,—отъ того масштаба, которымъ мы будемъ его мѣрить. Такъ, „оптимистъ" будетъ съ умиленіемъ созерцать таблицу, въ которой приростъ душевого потребленія чугуна выражается за десятилѣтіе десятыми долями пуда. „Пессимистъ" будетъ сравнивать этотъ приростъ съ соотвѣтствующими цифрами для старой промышленной Англіи и возмущаться ихъ ничтожностью. Потомъ многое зависитъ отъ того, смотрѣть ли только на волнующуюся поверхность хозяйственнаго моря съ ея періодическими приливами и отливами, или же стараться заглянуть въ тѣ процессы, которые, можетъ быть незамѣтно, совершаются подъ этой поверхностью и рано или поздно, такъ или иначе дадутъ о себѣ знать. Цѣль послѣдующихъ строкъ ограничивается тѣмъ, чтобы разсмотрѣть именно „поверхностные" элементы нашей экономической жизни, которыми она характеризуется въ текущій моментъ.

Первымъ источникомъ „пессимизма" можетъ служить и отчасти дѣйствительно служитъ то обстоятельство, что на смѣну непродолжительному и неокрѣпшему подъему русской промышленности надвигается съ Запада волна мірового промышленнаго кризиса. По вопросу о томъ, наступилъ ли этотъ кризисъ или, если не наступилъ, то когда онъ наступитъ, немало писалось за послѣднее время и за границей и у насъ. По поводу этихъ споровъ можно сказать съ достаточною осторожностью, что на Западѣ *наступилъ конецъ промышленнаго подъема.*

Въ показателяхъ такого перелома конъюнктуры, и притомъ во всѣхъ почти странахъ Западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ, нѣтъ недостатка. На первомъ мѣстѣ стоитъ ослабленіе угольнаго и желѣзнаго рынковъ. Оно наблюдается въ Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ. Пониженіе цѣнъ по всей линіи, на которое должны были пойти и нѣкоторые

синдикаты въ Германіи (въ частности, Рейнско-Вестфальскій синдикатъ понизилъ „основныя“ цѣны на уголь съ 1 января 1914 г.), сильное уменьшеніе поступленій заказовъ у американскаго стального треста, сокращеніе выплавки чугуна или, по крайней мѣрѣ, остановка въ приростѣ ея — таковы характерные симптомы состоянія промышленности, производящей средства производства, въ моментъ, когда прошли „жирные“ года и наступаютъ „тощіе“. Обычнымъ спутникомъ паденія промышленной волны является, далѣе, увеличеніе числа безработныхъ. Въ Англіи дѣла обстоятъ въ этомъ отношеніи сравнительно благополучно, въ Германіи же, напротивъ, въ послѣдніе мѣсяцы отмѣчено рѣзкое ухудшеніе. По даннымъ германской статистики прінсканія работы, на 100 свободныхъ мѣстъ въ ноябрѣ 1913 г. приходилось 213 кандидатовъ противъ 178 въ октябрѣ того же года и 173 въ ноябрѣ 1912 года. Еще болѣе печальную картину даетъ процентъ безработныхъ членовъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ въ Германіи. Въ ноябрѣ онъ равнялся 3,0% противъ 2,7% въ предшествующемъ мѣсяцѣ и 1,8% въ ноябрѣ 1912 года. По словамъ *Frankfurter Zeitung* [1]) процентъ безработныхъ достигъ во второй половинѣ 1913 года такого высокого уровня, на какомъ онъ находился въ 1908 году, т.-е. въ годъ самаго остраго періода прошлой депрессіи.

О стѣсненіи мірового денежнаго рынка въ связи съ политическими событіями послѣднихъ двухъ лѣтъ (сначала марокскимъ кризисомъ, а затѣмъ балканскими войнами) говорилось уже давно. Это стѣсненіе, поскольку оно вызвано было факторами внѣ-экономическими, совпало по времени съ тѣмъ стѣсненіемъ, которое наблюдается на высшемъ гребнѣ промышленной волны въ связи съ „иммобилизаціей“ капиталовъ въ промышленности и общимъ недостаткомъ свободныхъ средствъ. Въ данномъ случаѣ первый факторъ, пожалуй, нѣсколько затемнилъ дѣйствіе второго фактора и ему приписывалось, поэтому, слишкомъ большое вліяніе на конъюнктуру денежнаго рынка. Какъ бы то ни было, но сейчасъ положеніе таково, что мы какъ будто незамѣтно перешли во второй фазисъ эволюціи денежнаго рынка и въ особенности рынка капиталовъ въ началѣ кризиса или депрессіи. То облегченіе денежнаго рынка, которое отмѣчено за послѣдніе два мѣсяца и характеризуется улучшеніемъ балансовъ большинства центральныхъ эмиссіонныхъ банковъ, двукратнымъ пониженіемъ офиціальнаго дисконта Имперскимъ банкомъ въ Германіи, за которымъ послѣдовалъ и Австро-Венгерскій банкъ, и, наконецъ, пониженіемъ въ послѣднихъ числахъ декабря дисконта Англійскимъ Банкомъ,—носитъ всѣ признаки того облегченія, которое наступаетъ послѣ перелома промышленной конъюнктуры. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ и сокращеніе учета, т.-е. уменьшеніе спроса на краткосрочный кредитъ со стороны сокращающей свои обороты промышленности и торговли, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возрастаніе вкладовъ. Лондонскій *Economist* говоритъ о „наличности въ банкахъ необычно большого количества вкладовъ, представляющихъ собою деньги, ищущія помѣщенія, — естественное слѣдствіе упадка промышленности (a natural effect of the falling off in trade)“ [1]).

Если, такимъ образомъ, трудно, повидимому, отрицать наличность перелома промышленной конъюнктуры на Западѣ, то чѣмъ объяснить то, что, несмотря на всѣ новѣйшія усовершенствованія методовъ наблюденія конъюнктуры и всѣ ухищренія въ области „экономической метеорологіи“, мы слышимъ столько споровъ даже не на тему о томъ, *когда* слѣдуетъ ожидать кризиса, а о

---

[1]) 25 December 1913, 1-tes Morgenblatt.

[1]) *The Economist*, December, 13, 1913.

томъ, *есть* ли онъ сейчасъ, въ данную минуту. Причину этого слѣдуетъ искать, по моему мнѣнію, въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, какую бы теорію кризисовъ мы ни раздѣляли, дѣйствительность со всѣмъ ея конкретнымъ многообразіемъ никогда цѣликомъ въ эту теорію не укладывается. Въ частности, никогда не совпадаютъ вполнѣ всѣ извѣстные намъ показатели хозяйственной конъюнктуры, и каждый кризисъ, каждая депрессія выступаютъ передъ нами со своимъ индивидуальнымъ лицомъ. Во-вторыхъ, въ значительной мѣрѣ это объясняется тѣмъ основнымъ фактомъ, что безусловно наблюдается тенденція къ смягченію угловъ кривой промышленной конъюнктуры. Объ этомъ говоритъ и М. И. Туганъ-Барановскій въ новомъ изданіи своей книги о кризисахъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Англіи, въ связи съ депрессіей 1908 г.: „все говоритъ въ пользу того, что время острыхъ промышленныхъ кризисовъ для Англіи окончательно миновало" [1]). О томъ же говоритъ и обозрѣватель хозяйственной жизни въ 1913 году въ *Frankfurter Zeitung*: „все несомнѣннѣе становится тенденція развитія: она идетъ въ направленіи *нивеллированія кривыхъ конъюнктуръ* (Nivellierung der Konjunkturkurven). Разстояніе между низшей и высшей точками уменьшается, пониженія не показываютъ болѣе такого рѣзкаго паденія, такъ же какъ и подъемы кривой не носятъ больше такого безудержнаго характера" [2]).

Возвращаясь къ вопросу о связи между политическимъ положеніемъ и хозяйственной конъюнктурой, необходимо еще отмѣтить, что, повидимому, та тревога, въ которой международная политическая ситуація держала экономическую жизнь и въ особенности денежный рынокъ и биржу, можетъ оказать смягчающее вліяніе на депрессію, въ которую вступаетъ міровая промышленность. Эта тревога вынуждала къ осторожности, а осторожность въ свою очередь не довела до полнаго развитія всѣ возможности промышленнаго подъема. Болѣе слабому дѣйствію подъема должно соотвѣтствовать болѣе слабое противодѣйствіе депрессіи.

Возвращаясь теперь къ противоположенію „оптимизма" и „пессимизма" въ отношеніи нашего экономическаго развитія за послѣдній годъ, нужно сказать, что не малую пищу пессимизму дали тѣ явленія, которыя въ значительной степени явились отраженнымъ дѣйствіемъ состоянія міроваго денежнаго рынка. Въ частности, замѣтно пріостановился приливъ въ нашу промышленность иностранныхъ капиталовъ, въ которыхъ она такъ нуждается. Это явленіе значительно обострилось тѣмъ, что оно совпало съ необычайнымъ ухудшеніемъ нашего торговаго баланса, а черезъ него и расчетнаго баланса. Въ результатѣ — длительный періодъ (съ 1912 года) неблагопріятныхъ вексельныхъ курсовъ и обостреніе того недостатка въ деньгахъ, которое явилось слѣдствіемъ общихъ для всего міра причинъ—какъ политическихъ, такъ и экономическихъ.

Въ основѣ этого ухудшенія торговаго баланса лежитъ прежде всего сокращеніе нашего хлѣбнаго вывоза въ 1912—13 году въ связи съ мало удовлетворительнымъ урожаемъ 1912 года и господствующія неблагопріятныя условія реализаціи новаго, притомъ далеко повидимому не столь блестящаго, урожая 1913 года. Параллельно съ паденіемъ или стаціонарнымъ состояніемъ вывоза шло увеличеніе привоза (за 9 мѣс. 1913 г. на 124,5 милл. руб. или на 16.3% по сравненію съ 1912 г.). Въ результатѣ первая четверть 1913 года закончилась съ отрицательнымъ торго-

---

[1]) *М. И. Туганъ-Барановскій*. Періодическіе промышленные кризисы. 3-ье изд. Спб., 1914. Стр. 165.

[2]) *Frankfurter Zeitung*, 25 December, 1913, 1-tes Morgenblatt.

вымъ балансомъ (впервые послѣ 1908 года), за 6 мѣс. вывозъ какъ разъ покрылъ привозъ (+60 тыс. руб.), а за 9 мѣс. вывозъ превысилъ привозъ всего на 119,3 милл. руб., въ то время какъ въ 1912 году сальдо торговаго баланса за то же время равнялось 244,5 милл. руб., а въ 1911 г. даже 315,3 милл. руб.

Такое ухудшеніе торговаго баланса не должно было бы внушать особенныхъ опасеній, поскольку оно обусловлено промышленнымъ подъемомъ въ самой Россіи. Болѣе детальный анализъ цифръ привоза показалъ бы, что увеличеніе его въ значительной мѣрѣ обусловлено увеличеніемъ привоза угля, различныхъ видовъ промышленнаго сырья и въ особенности машинъ. Это несомнѣнно является важнымъ показателемъ переживаемаго Россіей промышленнаго подъема. Болѣе того, продолженіе и усиленіе темпа этого подъема должно привести вообще къ уменьшенію активности нашего торговаго баланса. Но въ данномъ случаѣ это явленіе совпало съ рѣзкимъ уменьшеніемъ нашего хлѣбнаго вывоза.

Въ оцѣнкѣ урожая 1913 г. мы встрѣчаемся съ обычной разноголосицей различныхъ офиціальныхъ источниковъ, на сей разъ принявшей исключительные размѣры и лишній разъ напоминающей о печальномъ состояніи, въ которомъ находится у насъ текущая статистика урожаевъ. Во всякомъ случаѣ всѣ три источника (Центральный статистическій комитетъ, *Торгово-Промышленная Газета* и Главное Управленіе землеустройства и земледѣлія) даютъ для 1913 г. цифру урожая выше фактической средней за 1907—11 гг. и нѣсколько *меньше* урожая 1912 года. Болѣе осторожная и относящаяся къ болѣе позднему времени (сентябрь) оцѣнка *Торгово-Промышленной Газеты* даетъ слѣдующія цифры (по 73 губерніямъ и областямъ):

	Урожай 1913 г. въ милл. пудовъ.	Въ % къ средней за 1907—1911 гг.
Рожь озимая	1.312,9	104,6
Пшеница озимая . .	362,9	114,4
„ яровая . .	794,9	108,9
Ячмень	610,6	110,7
Овесъ	939,7	108,2

Съ начала текущаго сельскохозяйственнаго года хлѣбный вывозъ количественно значительно увеличился. Съ 1 іюля по 7 декабря вывозъ пяти главнѣйшихъ хлѣбовъ достигъ въ 1913 г. 337,605 т. пуд. противъ 259,684 т. пуд. въ 1912 г. и 277,278 т. пуд. въ 1911 г. Однако, хлѣбныя цѣны, въ связи съ благопріятными условіями снабженія міровыхъ потребительныхъ рынковъ, упали по сравненію съ прошлымъ годомъ въ среднемъ приблизительно на 15%.

Въ результатѣ указанныхъ условій „поступленія по торговому балансу не могли, конечно, восполнить всѣхъ нашихъ платежей за-границей, и международный расчетный балансъ Россіи, какъ въ 1912 г., такъ и въ нынѣшнемъ, сложился не въ нашу пользу“. [1]) Усиленіе экспорта въ осенніе мѣсяцы не могло еще внести существеннаго улучшенія, и въ серединѣ декабря вексельные курсы были все еще выше паритета.

Итакъ, стѣсненіе международнаго денежнаго рынка, осложненное неблагопріятнымъ торговымъ и расчетнымъ балансомъ, и неблагопріятныя условія реализаціи урожая—таковы причины, во-первыхъ, наблюдающагося усиленія неплатежей и, во-вторыхъ, сравнительно слабаго крестьянскаго спроса на издѣлія мануфактурной промышлен-

[1]) Объяснительная записка къ проекту государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1914 годъ. Часть II, стр. 32.

ности. Не избѣгли этого вліянія и нѣкоторыя другія отрасли промышленности, работающей на крестьянскій спросъ. По регистраціи неплатежей московскаго Общества заводчиковъ и фабрикантовъ, число банкротствъ возросло въ ноябрѣ до 352 противъ 244 въ октябрѣ, а итогъ неплатежей съ 22,939 т. р. до 31,153 т. р. (послѣдняя цифра относится къ 269 фирмамъ, для которыхъ установлена сумма задолженности). [1]

Если же обратиться къ тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя производятъ средства производства, то Россія оказывается выгоднымъ исключеніемъ въ міровой промышленности. Здѣсь не только нельзя говорить о чемъ-либо похожемъ на то ослабленіе производства и цѣнъ, которое наблюдается въ каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности на Западѣ, а, напротивъ, встрѣчаемся съ рекордными цифрами. Добыча каменнаго угля и антрацита въ Донецкомъ бассейнѣ за 10 мѣсяцевъ текущаго года опредѣляется въ размѣрѣ 1,267 милл. пуд. противъ 1,053 мил. въ 1912 г.,—болѣе на 214 м. пуд., или 20,3%. Несмотря на такое огромное увеличеніе добычи, цѣны оставались на весьма высокомъ уровнѣ, чему—кромѣ непрерывнаго увеличенія спроса со стороны металлургической и нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности—не мало способствовала бакинская забастовка, вздувшая до небывалыхъ размѣровъ цѣны на нефтяное топливо и давшая новый толчокъ къ замѣнѣ нефти углемъ.

Выплавка чугуна въ Европейской Россіи за первое полугодіе возросла съ 126,463 тыс. пуд. въ 1912 году до 141,575 т. пуд. въ 1913 г.,—увеличеніе на 15,112 т. пуд., или 12%. Въ будущемъ 1914 г. ожидается еще болѣе интенсивное увеличеніе выплавки,—предположеніе, которое находитъ себѣ достаточное основаніе въ рекордной цифрѣ поступленія заказовъ на желѣзныя издѣлія въ синдикатъ „Продамета" за 11 мѣсяцевъ текущаго и двухъ предъидущихъ лѣтъ (въ тыс. пудовъ):

	1913 г.	1912 г.	1911 г.
Листовое желѣзо	22,696	15,086	12,402
Балки и швеллера	13,517	16,472	13,988
Бандажи и оси	5,587	2,533	2,737
Сортовое желѣзо	52,814	46,741	47,088
Рельсы желѣзнод.	46,063	25,098	21,830
	140,677	105,930	98,045

Итакъ, за послѣдній годъ увеличеніе общей суммы заказовъ на 34,747 тыс. пуд., или на 32,5%. Болѣе детальныя подраздѣленія этихъ цифръ могутъ, какъ всегда, служить барометрическимъ показателемъ экономической погоды на ближайшее будущее. Прежде всего—ослабѣлъ строительный спросъ (балки и швеллера). Вслѣдствіе тѣсной связи строительной дѣятельности въ городахъ съ ипотечнымъ кредитомъ, вздорожаніе денегъ всегда влечетъ за собой остановку строительства. Въ этомъ отношеніи у насъ наблюдается то же, что наблюдается за послѣдніе годъ-полтора и на Западѣ, въ частности въ Германіи, гдѣ подъ вліяніемъ стѣсненнаго положенія денежнаго рынка городское строительство переживаетъ жестокій кризисъ и строительный промыселъ даетъ необычайно высокія цифры безработныхъ.

Но на этомъ аналогія съ Западомъ кончается. Спросъ „рыночный" (сортовое желѣзо), послѣ небольшой заминки въ прошломъ году, не только не обнаруживаетъ дальнѣйшаго сокращенія, но, наоборотъ, увеличеніе на 13%. Увеличеніе спроса на листовое желѣзо нужно отнести частью на промышленный спросъ, частью на нужды военнаго судостроенія. Но что является характернымъ для текущаго года, это—внезапный скачокъ желѣзнодорожнаго спроса (рельсы, оси и бандажи) съ 27,631 т. пуд. до 51,650 т. пуд., или на

---

[1] *Извѣстія общества заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго промышленнаго района.* 1913 г., № 6, стр. 6.

87%. Это явленіе заслуживаетъ того, чтобы нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ о томъ, какіе размѣры можетъ принять желѣзнодорожное строительство въ ближайшіе годы, какъ факторъ промышленной конъюнктуры. Выступленіе этого фактора тѣмъ болѣе важно, что оно является въ моментъ возможнаго ослабленія конъюнктуры. Увеличеніе постройки желѣзныхъ дорогъ въ ближайшіе годы важно не только въ томъ отношеніи, что оно непосредственно увеличитъ спросъ на желѣзо, уголь и т. д., но еще болѣе въ томъ отношеніи, что этимъ устраняется одинъ изъ самыхъ важныхъ задерживающихъ моментовъ дальнѣйшаго экономическаго роста Россіи.

Послѣ второго подъема желѣзнодорожнаго строительства въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія (первая эпоха усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства относится, какъ извѣстно, къ началу 70-хъ годовъ) прирость русской желѣзнодорожной сѣти съ начала настоящаго столѣтія и вплоть до 1912 г. выражался въ сравнительно ничтожныхъ цифрахъ и сильно отставалъ не только отъ потребности непроѣзжей страны въ путяхъ сообщенія, но и отъ фактическаго экономическаго роста страны и увеличенія перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ.

По подсчету *Промышленности и Торговли* [1]) за шесть лѣтъ съ 1 января 1908 г. по 1 января 1914 г., когда уже стало наблюдаться нѣкоторое усиленіе желѣзнодорожнаго строительства, будетъ окончено постройкой 4,792 версты новыхъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, или около 800 верстъ въ годъ. Въ слѣдующее шестилѣтіе, съ 1914 по 1919 г., разрѣшено или предположено къ постройкѣ и можетъ быть открыто въ теченіе этого времени 3,315 верстъ казенныхъ жел. дорогъ; кромѣ того, слѣдуетъ ожидать окончанія постройки 17,625 верстъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Итого, слѣдовательно, 20,940 вер. или въ годъ около 3,500 верстъ. Осуществленіе этой программы потребуетъ около 1,300—1,400 милліоновъ рублей, изъ которыхъ нѣсколько болѣе 200 м. руб. приходится на увеличеніе казенной сѣти, а остальные 1,100—1,200 м. руб. на постройку частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, насколько эта программа удовлетворяетъ дѣйствительной потребности Россіи въ развитіи рельсовой сѣти на ближайшее будущее, скажемъ лишь очень кратко о томъ, что особенно важно съ интересующей насъ сейчасъ точки зрѣнія вліянія оживившагося желѣзнодорожнаго строительства на промышленную конъюнктуру. Это именно вопросъ о томъ, насколько осуществленіе постройки намѣченной сѣти частныхъ желѣзныхъ дорогъ можетъ считаться обезпеченнымъ въ виду условій денежнаго рынка за границей. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ цифра уже реализованныхъ акціонерныхъ и облигаціонныхъ капиталовъ какъ новыхъ, такъ и существующихъ обществъ на постройку дорогъ, разрѣшенныхъ съ начала 1912 года по октябрь 1913 года (включая дороги, разрѣшенныя и ранѣе 1912 г., но по которымъ облигаціонные капиталы реализованы въ этомъ году). Не вдаваясь въ подробные расчеты, укажемъ лишь, что эта цифра близка къ 400 милліонамъ рублей. [1]) При такихъ условіяхъ, даже въ предположеніи столь же или еще болѣе неблагопріятнаго положенія міроваго денежнаго рынка, обезпечено самое интенсивное желѣзнодорожное строительство на 1914 г. и отчасти 1915 годъ. Между тѣмъ, такое предположеніе ни на чемъ

[1]) *Промышленность и Торговля*, 1913 г., № 22, стр. 447.

[1]) См. „Объяснительную записку къ проекту росписи на 1914 г.", часть II, стр. 23—30, и *Промышленность и Торговля*, 1913 г., № 22, стр. 414.

не основано. Съ завершеніемъ промышленнаго цикла слѣдуетъ ожидать освобожденія „иммобилизированныхъ“ предшествующимъ подъемомъ капиталовъ и болѣе благопріятныхъ условій для реализаціи русскихъ желѣзнодорожныхъ цѣнностей. Болѣе того, совпаденіе періода усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи (а также и вообще продолжающагося промышленнаго подъема) съ періодомъ начавшейся депрессіи на Западѣ, съ неизбѣжнымъ въ близкомъ будущемъ удешевленіемъ денегъ и увеличеніемъ количества свободныхъ капиталовъ, создаетъ чрезвычайно выгодную для Россіи конъюнктуру въ смыслѣ болѣе скораго и легкаго преодолѣнія возможнаго отраженія въ Россіи мировой промышленной депрессіи.

Мы остановились на наблюдаемомъ въ настоящее время оживленіи желѣзнодорожнаго строительства потому, что оно является однимъ изъ тѣхъ факторовъ, которые могутъ свести къ минимуму въ отношеніи къ Россіи грядущую депрессію мірового хозяйства. Здѣсь не только и не столько важенъ тотъ спросъ, который предъявитъ это строительство къ желѣзодѣлательной и нѣкоторымъ другимъ отраслямъ промышленности. Важно то, что постройкой новыхъ дорогъ вовлекаются въ болѣе оживленный сельскохозяйственный и промышленный оборотъ цѣлыя области, для которыхъ отсутствіе средствъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, можно сказать, совершенно парализовало ихъ хозяйственный ростъ. Не слѣдуетъ, далѣе, забывать, что процессъ перестройки сельскохозяйственной Россіи идетъ непрерывно. Онъ пока трудно улавливается въ статистическія рамки (если не считать роста числа и оборотовъ кооперативныхъ учрежденій), результаты его скажутся лишь постепенно, и идетъ онъ, можетъ быть, не такъ быстро, какъ мы бы того хотѣли, но онъ все-таки идетъ. Для правильнаго его теченія превращеніе Россіи изъ непроѣзжей страны въ проѣзжую является однимъ изъ главныхъ условій.

В. Гефдингъ.

3. Концентрація и интеграція въ области торговли.

(Новѣйшія явленія въ сферѣ торговли.)

Мы имѣемъ въ виду не ту концентрацію, которая выражается въ такъ называемыхъ универсальныхъ магазинахъ, въ тѣхъ многоэтажныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, гдѣ можно получить все, что нужно человѣку—отъ колыбели для младенца до гроба для покойника. Объ этихъ магазинахъ много говорилось и много писалось въ послѣднее время. Попытки мелкой розничной торговли и ея защитниковъ бороться съ этими новыми, весьма непріятными и опасными конкурентами посредствомъ „задушенія“ ихъ спеціальными высокими налогами заставили подвергнуть обстоятельной оцѣнкѣ роль этихъ магазиновъ въ народномъ хозяйствѣ, выяснить, дѣйствительно ли они такъ вредны для потребителя, какъ утверждали торговцы. Но спеціальный налогъ на универсальные магазины введенъ и во Франціи и почти повсюду въ Германіи,—и все же эти магазины не погибли, напротивъ, стали еще болѣе увеличивать число видовъ сбываемыхъ ими товаровъ, чтобы наверстать налогъ на расширеніи оборота.

Такимъ образомъ, врагъ не уничтоженъ; напротивъ, онъ сталъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. А въ то же время надвигается опасность съ другихъ сторонъ. Рядомъ съ универсальными магазинами, представляющими собою розничную торговлю, но въ новой, болѣе раціональной формѣ, появились потребительные кооперативы, обозначающіе отрицаніе торговли вообще, не признающіе торговой прибыли. Они осуществили комбинацію различныхъ ступеней въ области торговли—и функцій

розничнаго торговца, и дѣятельности оптоваго торговца, и роли агента, нерѣдко и импортера; всѣ эти функціи выполняются кооперативами. Они идутъ еще дальше и берутъ въ свои руки и самое производство.

Но такое же сліяніе различныхъ ступеней въ области торговли, такая же интеграція стала обнаруживаться и въ иной формѣ, въ формѣ чисто коммерческой, безъ уничтоженія прибыли, а лишь съ сосредоточеніемъ прибыли, выручаемой ранѣе различными посредниками, въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Иногда это движеніе къ устраненію посредниковъ исходитъ отъ производителей: табачный трестъ въ Соединенныхъ Штатахъ не только элиминировалъ оптовыхъ торговцевъ, но и вступилъ въ непосредственныя сношенія съ потребителемъ безъ посредничества розничныхъ торговцевъ. Онъ имѣетъ въ настоящее время болѣе тысячи лавокъ, изъ которыхъ свыше 300 находится въ Нью-Іоркѣ, остальныя же устроены во всѣхъ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Къ тому же американскому тресту перешелъ рядъ предпріятій розничной торговли въ Англіи, имѣющихъ многочисленныя отдѣленія въ Лондонѣ и другихъ городахъ.

Гораздо сильнѣе однако другое движеніе, идущее, такъ сказать, не сверху, а снизу, не отъ производства, а изъ рядовъ самой розничной торговли. Здѣсь появилась самая опасная конкуренція въ видѣ своего же брата — розничнаго торговца, который, сохраняя съ виду прежнія формы, не переходя къ соединенію многихъ отраслей торговли въ однѣхъ рукахъ, сталъ осуществлять принципъ концентраціи и интеграціи. „Concentration commerciale sans grands magasins“, концентрація въ формѣ многочисленныхъ отдѣленій предпріятія, устраиваемыхъ въ разныхъ городахъ и въ разныхъ частяхъ города, концентрація при помощи филіальныхъ предпріятій,—таково новѣйшее явленіе въ области торговли, въ равной мѣрѣ опасное и для розничнаго, и для оптоваго торговца.

Есть предѣлы для роста отдѣльнаго предпріятія, — говоритъ Бургенъ, — за которые оно не можетъ выйти, ибо трудности въ области управленія и надзора становятся чрезмѣрными, но нѣтъ границъ для увеличенія числа предпріятій. Эту истину сообразили розничные торговцы въ нѣкоторыхъ областяхъ торговли, гдѣ необходима тѣсная связь по мѣсту между розничной торговлей и потребителемъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о покупкахъ, производимыхъ изо дня въ день въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, колоніальныхъ товаровъ и т. д., преимущества на сторонѣ ближайшей лавки. Поэтому-то отдѣленія съѣстныхъ припасовъ въ универсальныхъ магазинахъ являются наиболѣе слабой частью этихъ огромныхъ организмовъ, поэтому крупныя розничныя предпріятія въ этой отрасли торговли, если они имѣютъ форму одного магазина, могутъ развиваться лишь въ такихъ районахъ, гдѣ преобладаютъ состоятельные классы, производящіе сразу закупки на извѣстный періодъ, но не въ центрахъ рабочаго населенія. Но картина мѣняется, когда то же предпріятіе разбивается на рядъ частей и распространяетъ въ формѣ отдѣленій или филіальныхъ предпріятій свои дѣйствія на многіе районы города или даже на многіе города.

Въ этомъ случаѣ, какъ показываетъ опытъ Франціи, крупное предпріятіе можетъ проникать и въ деревню, поражая мелкую розничную торговлю даже тамъ, гдѣ ея положеніе до сихъ поръ было наиболѣе крѣпко, и притомъ поражая ее совершенно незамѣтно для нея же самой, ибо эти отдѣленія по своему внѣшнему виду нисколько не отличаются отъ мѣстныхъ мелкихъ предпріятій. Только теперь, прослѣдивъ ту нить, которая связываетъ эти скромныя деревенскія лавочки съ центральнымъ организмомъ, удивленные французы увидѣли, что они имѣютъ дѣло съ „организаціей, нерѣдко столь же

крупной, какъ наиболѣе концентрированныя предпріятія, но построенной по несравненно болѣе остроумному методу и способной къ безграничному расширенію". Раскрытіе этого факта вызвало крикъ отчаянія среди торговцевъ—„ужасы универсальныхъ магазиновъ ничто въ сравненіи съ предпріятіями, имѣющими сотни филіальныхъ отдѣленій по всей странѣ". Примѣромъ можетъ послужить г. Реймсъ, гдѣ торговля съѣстными припасами и колоніальными товарами находится почти всецѣло въ рукахъ четырехъ фирмъ, владѣющихъ многочисленными филіальными предпріятіями. Отсюда, изъ Реймса, пошло дальнѣйшее развитіе такихъ предпріятій; ежегодно учреждаются по крайней мѣрѣ 10 акціонерныхъ компаній въ различныхъ мѣстахъ Франціи для веденія торговли на основаніяхъ филіальной системы, т.-е. сбыта товаровъ во многихъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга по мѣсту, однородныхъ постоянныхъ помѣщеніяхъ (лавкахъ). Но учредители ихъ происходятъ изъ Реймса, въ Реймсѣ на биржѣ котируются и ихъ акціи.

По сообщеніямъ Гемалинга (*Revue d'économie politique*, 1912, № 2) и Лаверня (*Union coopérative*, 1912, № 18), такія общества имѣли во Франціи къ началу 1912 года 12,000 филіальныхъ предпріятій (отдѣленій, лавокъ) съ оборотомъ свыше милліарда фр.; въ нихъ работало 90 тысячъ служащихъ и рабочихъ, получавшихъ ежегодно свыше 125 милл. франковъ.

Однако, зачатковъ этого новаго явленія въ области торговли слѣдуетъ, повидимому, искать въ Англіи. Какъ вообще всѣ новшества въ экономической и соціальной жизни, такъ и филіальное предпріятіе сдѣлало первые и успѣшные шаги въ Англіи: уже въ 1907 г. Гобсонъ жаловался на „disappearance of the little man" (исчезновеніе маленькихъ людей) въ торговлѣ, подъ вліяніемъ предпріятій съ многочисленными отдѣленіями, которыя вмѣстѣ съ потребительными кооперативами настолько сбиваютъ цѣны, что „розничному торговцу стало чрезвычайно трудно добывать даже необходимыя средства существованія, если онъ имѣетъ всего одну лавку". Въ 1912 г. указывалось на существованіе въ Англіи 34 фирмъ съ 7,100 филіальными предпріятіями, такъ что на каждую изъ нихъ приходится свыше 200 филіальныхъ предпріятій. Они распространены въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ торговли: 13 обществъ торгуютъ одеждой, 3—мясными товарами, 1—химическими и т. д.

Такимъ образомъ, „концентрація безъ большихъ магазиновъ" не ограничивается ни опредѣленными странами, ни извѣстными отраслями торговли. Въ самомъ дѣлѣ, кому въ Брюсселѣ не бросалось въ глаза попадающееся на каждомъ шагу имя „Delhaize Frères et C°. Le Lion"; у кого, бывавшаго въ Берлинѣ, не осталось въ памяти „Kaisers Kaffeegeschäft", вывѣску котораго можно встрѣтить на каждой улицѣ, или торговля сигарами „Loeser & Wolff" на всѣхъ углахъ—для лавокъ этого рода угловыя помѣщенія считаются наиболѣе подходящими. Между нѣмецкими филіальными предпріятіями и французскими (а также бельгійскими) существуетъ однако существенное различіе въ смыслѣ организаціи ихъ. Въ Германіи отдѣльныя лавки и въ формальномъ отношеніи имѣютъ характеръ отдѣленій даннаго предпріятія—въ нихъ сидятъ служащіе предпріятія (въ торговлѣ кофе всегда женщина, въ сигарной—мужчина), получающіе жалованье, нерѣдко и извѣстный процентъ съ оборота (въ торговлѣ обувью обыкновенно $2^1/_2$ проц.); нѣсколько лавокъ объединено въ районъ, которымъ завѣдуетъ ревизоръ, также служащій предпріятія.

Напротивъ, во Франціи и Бельгіи съ внѣшней стороны завѣдующій лавкой является самостоятельнымъ торговцемъ, которому проданы товары и который въ правѣ распоряжаться ими, нанимать служащихъ и т. д. по собственному усмотрѣнію, но въ то же время не можетъ

держать никакихъ иныхъ товаровъ, кромѣ товаровъ данной фирмы, несетъ всѣ расходы по содержанію магазина и пересылкѣ товаровъ и обязанъ подчиняться ревизіи, производимой даннымъ обществомъ. Обыкновенно это не одно лицо, а супруги, которые вносятъ залогъ въ нѣсколько тысячъ франковъ и которые никакого постояннаго вознагражденія не получаютъ, а пользуются только опредѣленнымъ процентомъ съ оборота; выручка отъ продажи товаровъ поступаетъ къ фирмѣ посредствомъ выставляемой ею каждую недѣлю тратты на имя этихъ „самостоятельныхъ" торговцевъ, которымъ „принадлежитъ" лавка. Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны имѣется полнѣйшая независимость владѣльцевъ лавки, и, ссылаясь на нее, акціонерныя общества во Франціи добились того, что лица, съ которыми они заключаютъ такого рода договоръ, не признаются „gérants" и слѣдовательно „свободны" отъ соціальной защиты въ видѣ воскреснаго отдыха. Въ дѣйствительности же зависимость завѣдующихъ въ этихъ „Scheinfilialen", какъ называютъ такого рода филіальныя предпріятія въ Германіи, нисколько не меньше, чѣмъ служащихъ, поставленныхъ во главѣ „Vollfilialen", гдѣ форма и содержаніе совпадаютъ. Насколько запутаны юридическія отношенія между французскими обществами и лицами, которымъ поручено завѣдываніе филіальными предпріятіями, видно изъ того, что при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ договоровъ, представляющихъ собою своего рода шедевръ, французскій кассаціонный судъ отказался рѣшить, есть ли это рабочій договоръ, договоръ найма или договоръ товарищества.

Обороты предпріятій, владѣющихъ многочисленными лавками, въ настоящее время, какъ указывалось въ прусскомъ ландтагѣ, едва ли многимъ меньше оборотовъ, производимыхъ универсальными магазинами. Однако, ни представители политическихъ партій, ни ученые экономисты до самаго послѣдняго времени не обращали на нихъ вниманія. Это обстоятельство объясняется, повидимому, тѣмъ, что съ внѣшней стороны такое филіальное предпріятіе (отдѣленіе) почти не отличается отъ прочихъ предпріятій, отъ мелкой розничной торговли. Но тѣмъ болѣе существеннымъ является внутреннее различіе между ними, различіе въ области организаціи. „Самостоятельное предпріятіе розничной торговли,— говоритъ Юліусъ Гиршъ (Die Filialbetriebe im Detailhandel. 1913),—представляетъ собою цѣльную хозяйственную единицу; филіальное предпріятіе является одной изъ многочисленныхъ клѣтокъ въ богато развитомъ организмѣ, въ которомъ принципъ раздѣленія труда осуществляется во все болѣе возрастающемъ размѣрѣ". Самостоятельное предпріятіе въ розничной торговлѣ выполняетъ рядъ разнообразныхъ функцій — пріобрѣтеніе товара и продажу его, функціи управленія, контроля, рекламы, нерѣдко и кредита. Изъ всего этого филіальному предпріятію осталась одна продажа; все остальное сосредоточивается въ рукахъ центральнаго управленія. Но и функцію продажи товаровъ филіальное предпріятіе выполняетъ далеко не столь независимо, какъ самостоятельный мелкій торговецъ. Центральное управленіе выбираетъ мѣсто продажи, нанимаетъ помѣщеніе, снабжаетъ лавку необходимымъ инвентаремъ, доставляетъ товары, подлежащіе продажѣ, причемъ завѣдующему лавкой даются и соотвѣтствующія указанія относительно условій сбыта, веденія торговыхъ книгъ, храненія товаровъ. Количество товаровъ, находящихся въ его рукахъ въ каждый данный моментъ, обыкновенно весьма невелико: одну изъ характерныхъ особенностей этой формы предпріятій составляетъ наличность небольшихъ запасовъ въ каждой лавкѣ, которые въ любой моментъ могутъ быть пополнены изъ центральнаго склада.

Раздѣленіе труда здѣсь, какъ и по-

всюду, гдѣ оно примѣняется, доставляетъ возможность поручить отдѣльныя функціи, въ данномъ случаѣ закупку товаровъ, организацію рекламы и т. д., лицамъ, спеціально для этого нанятымъ и имѣющимъ соотвѣтствующій навыкъ и подготовку—при закупкѣ товаровъ слѣдящимъ за каждымъ измѣненіемъ рынка, при организаціи рекламы выясняющимъ вліяніе различныхъ видовъ ея на обороты предпріятія. Помимо того, что реклама одна общая для всѣхъ филіальныхъ предпріятій данной фирмы, что приводитъ опять-таки къ сбереженію въ расходахъ, по сравненію съ отдѣльными самостоятельными предпріятіями,—наилучшей и наиболѣе дѣйствительной рекламой является самое существованіе многочисленныхъ предпріятій фирмы, разбросанныхъ по разнымъ частямъ города: вывѣски съ ея наименованіемъ лѣзутъ повсюду въ глаза, глядятъ вездѣ на потребителя и весьма быстро запечатлѣваются въ его памяти. Что же касается пріобрѣтенія товаровъ, то оно производится не только въ крупныхъ размѣрахъ — результатъ концентраціи—центральнымъ управленіемъ предпріятія, но и непосредственно изъ первыхъ рукъ—происходитъ интеграція. Элиминируется оптовый торговецъ, элиминируются агенты-посредники; закупка производится у самого производителя, на центральныхъ биржахъ, нерѣдко создаются и собственныя фабрики и мастерскія для производства сбываемыхъ данной фирмой товаровъ. Такъ, нѣмецкія предпріятія по продажѣ кофе устроили собственныя заведенія для жаренія кофе, собственныя фабрики шоколада и кофе изъ солода, даже бумажныя фабрики, ибо при продажѣ шоколада количество потребляемой оберточной бумаги составляетъ по вѣсу почти половину вѣса самого сбываемаго товара; иногда эти фирмы являются и участниками кофейныхъ плантацій. Торговое предпріятіе Delhaise Frères въ Брюсселѣ, владѣвшее въ 1911 г. болѣе чѣмъ семью сотнями лавокъ, имѣетъ фабрики: шоколадную, бисквитную, конфетную, содовую, мыловаренную, парфюмерную, уксусную, спиртоочистительный заводъ (для ликеровъ), далѣе, мастерскія для выдѣлки бочекъ, ящиковъ, для производства необходимой въ лавкахъ мебели, заведенія по производству тапіоки, горчицы, коптильню для окороковъ и т. д.

Такимъ образомъ, розничная торговля, организованная по системѣ филіальныхъ предпріятій, идетъ по пути, указанному потребительными кооперативами. Такъ же, какъ и кооперативы, предпріятія этого рода, имѣютъ, конечно, возможность значительно понижать цѣны продаваемыхъ ими товаровъ; въ торговлѣ обувью, напр., въ Германіи эти предпріятія вызвали всеобщее пониженіе цѣнъ на 15—20 проц., ибо за установленной ими однообразной пониженной цѣной на сапоги вынуждены были послѣдовать и прочіе розничные торговцы.

Путемъ концентраціи и интеграціи розничная торговля защищается отъ надвигающейся на нее опасности въ лицѣ потребительныхъ кооперативовъ. Надбавки къ покупной цѣнѣ (пріобрѣтенныхъ изъ первыхъ рукъ) товаровъ у тѣхъ и другихъ приблизительно одинаковы. Конечно, кооперативъ выдаетъ своимъ членамъ-покупателямъ ту прибыль, которую сохраняетъ въ свою пользу розничная торговля съ филіальными предпріятіями. Эта торговля старается противопоставить дивиденду кооперативныхъ обществъ уступку обыкновенно въ 5 процентовъ, даваемую покупателямъ, уплачивающимъ наличными. Извѣстны случаи въ Германіи, когда эти новыя предпріятія съ многочисленными лавками оказались весьма непріятными конкурентами для потребительныхъ обществъ. Однако въ общемъ въ Германіи до сихъ поръ потребительные кооперативы развивались весьма быстро: съ 1905 по 1911 г. число членовъ ихъ увеличилось съ 1 милл. до 1,7 милл., а обороты съ 250 до 495 милл.

мар. Напротивъ, въ Великобританіи и Ирландіи возрастаніе потребительной кооперація весьма медленное: число членовъ возросло за тотъ же періодъ съ 2,1 до 2,6 милл., оборотъ—съ 1,2 до 1,5 миллiард. мар., т.-е. оборотъ увеличился всего на 25 проц., тогда какъ въ Германіи онъ возросъ за то же время вдвое. Высказывается предположеніе, не вызвано ли это замедленіе въ ростѣ англійскихъ кооперативовъ быстрымъ развитіемъ филіальныхъ предпріятій. Въ Соединенномъ Королевствѣ насчитывается около 1 милл. лавокъ, изъ нихъ 5 тыс. принадлежатъ кооперативамъ, а 70 тыс. составляютъ филіальныя предпріятія. Въ Шотландіи уже образована для борьбы съ послѣдними Cooperative Defense Association.

Въ Германіи кооперативы защищаются отъ новой формы розничной торговли ея же средствами: образованіемъ изъ нѣсколькихъ мелкихъ одного крупнаго кооперативнаго союза съ рядомъ отдѣленій. Въ 1903 г. на одно кооперативное общество приходилось $2^1/_2$ кооперативныя лавки, а въ 1911 г.—уже $3^1/_2$ лавки.

Мелкую розничную торговлю тѣснятъ, конечно, и кооперативы и новая система филіальныхъ лавокъ. Часть мелкихъ торговцевъ пытается итти по пути, указываемому имъ общимъ развитіемъ торговли, — объединиться въ закупочныя товарищества, вытѣсняя оптоваго торговца и этимъ понижая покупную цѣну товаровъ; или же они образуютъ союзы для совмѣстной и однообразной организаціи рекламы и т. д. На закупочныя товарищества розничнымъ торговцамъ давно указывали какъ на способъ борьбы съ кооперативами, но только ростъ филіальныхъ предпріятій заставилъ ихъ ухватиться за эту мысль; это совершилось не только въ Германіи, но даже во Франціи, гдѣ индивидуализмъ среди торговцевъ особенно сильно развитъ и побудить ихъ къ совмѣстной дѣятельности особенно трудно.

Но, конечно, эти союзныя организаціи охватываютъ лишь небольшую часть розничныхъ торговцевъ. Всѣ остальные знаютъ лишь два средства защиты: либо угрозу бойкотомъ, въ случаѣ дальнѣйшаго роста филіальныхъ предпріятій—союзъ розничныхъ торговцевъ сигарами заставилъ извѣстную фирму „Loeser & Wolff“ обѣщать, что внѣ Берлина и его окрестностей онъ обязуется не открывать новыхъ лавокъ—либо введеніе спеціальнаго налога на эти предпріятія, хотя опытъ съ обложеніемъ универсальныхъ магазиновъ и потребительныхъ обществъ долженъ былъ, казалось бы, научить тому, насколько безплодна такая мѣра. Въ отношеніи филіальныхъ предпріятій еще менѣе можно разсчитывать на благопріятные результаты спеціальнаго налога, въ виду крайней неопредѣленности въ юридическомъ отношеніи понятія филіальнаго отдѣленія и въ виду легкости замѣнить дѣйствительныя отдѣленія комиссіонной продажей или упомянутыми выше псевдо-отдѣленіями, гдѣ номинальный владѣлецъ иной, чѣмъ дѣйствительный.

Юліусъ Гиршъ въ своемъ сочиненіи объ универсальныхъ магазинахъ въ западной Германіи утверждалъ въ 1910 г., что положеніе крупнаго предпріятія въ торговлѣ иное, чѣмъ въ промышленности; оно скорѣе сходно съ ролью крупнаго предпріятія въ сельскомъ хозяйствѣ—крупное производство не вытѣснило мелкаго, а лишь заставило его искать новой, болѣе совершенной организаціи. Но спустя три года, подъ вліяніемъ изученія роста филіальныхъ предпріятій, онъ разстался съ этой оптимистической точкой зрѣнія. Наблюдая во всѣхъ странахъ внезапный и энергичный напоръ этой новой формы предпріятія на мелкую старинную розничную торговлю, Гиршъ полагаетъ, что въ этомъ видѣ крупное предпріятіе можетъ широко распространиться и въ области торговли.

I. Кулишеръ.

4. О германскомъ конституціонализмѣ.

Соотношенію между организаціей народнаго представительства и исполнительной властью были посвящены лекціи, читанныя въ истекшемъ лѣтнемъ семестрѣ въ берлинскомъ университетѣ профессоромъ исторіи и редакторомъ журнала *Preussische Jahrbücher* Гансомъ Дельбрюкомъ. Дельбрюкъ принадлежитъ къ тому типу консервативныхъ мыслителей, которые, при всемъ своемъ нерасположеніи къ демократическому режиму, однако очень далеки отъ реакціонности. Онъ не любитъ рѣзкихъ, несвязанныхъ съ нормальнымъ ходомъ историческаго развитія, переходовъ и новшествъ, но въ то же время уваженіе къ выработаннымъ исторіей формамъ общественной жизни у него не исключаетъ пониманія требованій демократическихъ слоевъ общества и сочувствія къ нимъ. Отъ него можно было ожидать научнаго безпристрастнаго разбора вопросовъ, которые онъ разсматривалъ въ своемъ курсѣ. Лекціи, теперь вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ,[1]) вызвали поэтому большой интересъ. Однако онѣ не оправдываютъ ожиданій и оказываются въ концѣ-концовъ слабой защитой предвзятыхъ консервативныхъ взглядовъ.

Основная задача, которую себѣ поставилъ Дельбрюкъ въ своихъ лекціяхъ, заключалась въ сравненіи германскаго „конституціонализма“ съ „парламентаризмомъ“, осуществленнымъ въ такихъ государствахъ, какъ Франція, Англія и т. д. Обладаетъ ли „народъ“ въ этихъ государствахъ, въ которыхъ правительство находится въ зависимости отъ парламентскаго большинства, въ дѣйствительности большими правами, чѣмъ въ Германіи, гдѣ канцлеръ неотвѣтственъ передъ рейхстагомъ и гдѣ вотумъ недовѣрія не влечетъ за собою отставки руководителя политики государства? Дельбрюкъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, старается доказать преимущество прусско-германской системы. Онъ ее называетъ „дуалистической“, такъ какъ въ Германіи, на-ряду съ „могучимъ органомъ контроля и критики, безъ котораго обойтись нельзя,—рейхстагомъ, сохранилась историческая власть“ въ лицѣ императора и прочихъ государей Германіи, опирающихся на независимыя бюрократію и армію“; въ другихъ же государствахъ, въ которыхъ исполнительная власть всецѣло подчинена законодательной, историческая власть фактически сведена на нѣтъ. Для того чтобы доказать превосходство германскаго конституціонализма, Дельбрюкъ устанавливаетъ, съ одной стороны, рядомъ примѣровъ изъ жизни государствъ съ парламентскимъ строемъ, что въ нихъ въ дѣйствительности господствуетъ не народъ, а только политическія партіи, такъ что и тамъ „воля народа“ не совпадаетъ съ дѣятельностью власти; съ другой стороны, онъ приводитъ различные факты, изъ которыхъ долженъ быть сдѣланъ, по его мнѣнію, выводъ, что и въ Германіи, несмотря на формальную безотвѣтственность правительства передъ парламентомъ, вліяніе послѣдняго на самомъ дѣлѣ всетаки очень велико, гораздо больше, чѣмъ думаютъ сторонники парламентаризма.

Тамъ, гдѣ у власти смѣняются партіи въ зависимости отъ результатовъ выборовъ, парламентскихъ голосованій и т. д., господствуетъ, говоритъ Дельбрюкъ, „не народъ и даже не большинство народа, а часто только меньшинство“, которому торжество достается иногда благодаря случайнымъ причинамъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, былъ избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Вильсонъ, хотя за него было подано всего 6,157,800 голосовъ, а за его соперниковъ въ общей сложности 8,139,000. Слѣдовательно, Вильсонъ является представителемъ только меньшинства правоспособныхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ и зави-

[1]) *Hans Delbrück.* Regierung und Volkswille. Verlag Georg Stilke, Berlin, 1914.

маетъ президентское мѣсто только потому, что голоса большинства разбились между нѣсколькими кандидатами. Еще большее значеніе имѣетъ то, что современныя политическія партіи, располагая въ странѣ сѣтью агентовъ, дѣйствующихъ по директивамъ центральныхъ комитетовъ, хорошо организованной прессой и т. д., въ сущности сводятъ сознательное участіе народа въ выборахъ къ фикціи. Избиратели вотируютъ большею частью за людей, которыхъ совершенно не знаютъ, за программу, выработанную не ими, и даже депутаты, связанные партійной дисциплиной, не могутъ руководствоваться собственнымъ разумѣніемъ, а вынуждены подчиняться указаніямъ кружка лицъ, стоящихъ во главѣ партіи. Ссылаясь на извѣстную работу Михельса „Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie", Дельбрюкъ доказываетъ, что даже самая демократическая партія въ Германіи, соціалъ-демократическая, управляется олигархически. И въ рядахъ этой партіи избранные рабочими представители только формально вырабатываютъ директивы для центральнаго комитета, на самомъ же дѣлѣ подчиняются его указаніямъ. Въ доказательство этого Михельсъ приводитъ фактъ, что, въ соотвѣтствіи съ волей центральнаго комитета партіи германской соціалъ-демократіи, съѣздъ делегатовъ въ 1904 г. призналъ всеобщую забастовку „безсмыслицей" (Generalunsinn), въ слѣдующемъ году высказался за примѣненіе въ извѣстныхъ случаяхъ этого средства борьбы, а въ 1906 г. опять призналъ утопическими возлагавшіяся на нее надежды. Одни и тѣ же делегаты, такимъ образомъ, принимали послѣдовательно противорѣчащія другъ другу постановленія. Тамъ же, гдѣ депутаты большинства парламента становятся и министрами, само правительство такимъ образомъ является не чѣмъ инымъ, какъ исполнительнымъ органомъ руководителей партіи, или, что еще гораздо хуже, тѣхъ соціальныхъ и финансовыхъ группъ, которыя за ними скрываются. Отсюда и тѣ злоупотребленія депутатовъ своей властью, которыя иногда, какъ, напримѣръ, при панамскомъ скандалѣ, принимаютъ характеръ уголовнаго преступленія, иногда же выражаются въ болѣе невинной формѣ, въ видѣ оказанія разныхъ услугъ избирателямъ, хлопотъ о назначеніи на должность того или иного избирателя и т. д., которыя, если и не носятъ уголовнаго характера, тѣмъ не менѣе часто крайне деморализующимъ образомъ дѣйствуютъ на администрацію. Злоупотребленія вродѣ скандальныхъ случаевъ подкупа членовъ законодательныхъ собраній, обнаруженныхъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ или Франціи, Дельбрюкъ считаетъ не случайными, а неизбѣжно связанными съ природой политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ всегда могутъ разсчитывать оказаться у власти.

Дельбрюкъ очень ловко подбираетъ примѣры для иллюстраціи своей мысли, но тѣмъ не менѣе одно, имъ же сдѣланное, замѣчаніе сводитъ на нѣтъ всю его аргументацію. „Современная Швейцарія и современная Англія,—говоритъ онъ,—свободны отъ панамизма (Corruption). Нелегко сказать, почему онѣ въ этомъ отношеніи такъ сильно отличаются отъ другихъ государствъ, управляемыхъ демократически". При болѣе объективномъ отношеніи къ этому вопросу найти объясненіе этому явленію, на нашъ взглядъ, было бы вовсе не такъ трудно. Самъ Дельбрюкъ указываетъ на то, что въ той же Швейцаріи въ болѣе ранніе періоды ея исторіи лихоимство и всякаго рода злоупотребленія были широко распространены какъ въ аристократическихъ, такъ и въ демократическихъ кантонахъ. Слѣдовательно, если теперь этихъ злоупотребленій нѣтъ, причины слѣдуетъ искать не въ томъ, что въ Швейцаріи чисто парламентскій строй, а въ другихъ особенностяхъ ея нынѣшняго общественнаго и культурнаго строя. Если въ Швей-

царіи и Англіи теперь нѣтъ злоупотребленій, которыми „прославились“ другія государства съ парламентскимъ строемъ, то очевидно, что не въ этомъ строѣ тутъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ. Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ, вызывающихъ эти явленія, но несомнѣнно одно, что совершенно неправильно вообще устанавливать постоянную зависимость между тѣми или иными злоупотребленіями и опредѣленнымъ политическимъ строемъ. Абсолютистская Пруссія Фридриха Великаго, напримѣръ, не знала административныхъ злоупотребленій и произвола абсолютистской Турціи. При анализѣ такого явленія нельзя ограничиться указаніемъ на дѣйствующій въ странѣ политическій строй. Имъ однимъ дѣло не исчерпывается, хотя его вліяніе на нравы безспорно очень велико, но не менѣе велико и дѣйствіе другихъ факторовъ, опредѣляющихъ общественную жизнь. Не болѣе существенно и указаніе на то, что часто руководители партій скорѣе навязываютъ свою волю избирателямъ, чѣмъ подчиняются послѣднимъ. Само по себѣ это вѣрно, но вѣдь такое воздѣйствіе на избирателей возможно лишь тамъ, гдѣ программы партій соотвѣтствуютъ интересамъ — дѣйствительнымъ или воображаемымъ — тѣхъ слоевъ общества, на которые партіи опираются. Никакая партійная „машина“, какъ бы совершенна она ни была, не заставитъ, напримѣръ, прусскихъ аграріевъ вотировать за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ или рабочихъ за ограниченіе свободы союзовъ. Партійная организація дѣйствительно нерѣдко ведетъ къ насиліямъ надъ отдѣльными личностями, но, въ виду необходимости считаться съ требованіями избирателей, эти насилія не могутъ принять размѣровъ, приписываемыхъ имъ Дельбрюкомъ и авторами, которыхъ онъ цитируетъ.

Не болѣе убѣдительна и другая часть разсужденій Дельбрюка, гдѣ онъ старается доказать, что у германскаго рейхстага, несмотря на отсутствіе юридической возможности вызвать смѣну министерствъ, фактически власть весьма велика. Канцлеръ, говоритъ онъ, не можетъ игнорировать настроенія рейхстага. Это обнаружилось не только при отставкѣ князя Бюлова, который покинулъ свой постъ вслѣдствіе того, что консервативно-клерикальное большинство рейхстага отклонило проектъ налога на наслѣдства. Этотъ случай вовсе не былъ, говоритъ Дельбрюкъ, первымъ и единственнымъ въ Германіи, какъ принято думать. Даже отставка Бисмарка является результатомъ того, что у перваго канцлера германской имперіи не оказалось большинства въ рейхстагѣ. И Дельбрюкъ въ подтвержденіе этого положенія, совершенно идущаго вразрѣзъ съ распространеннымъ въ обществѣ представленіемъ о событіяхъ, вызвавшихъ въ 1890 г. отставку Бисмарка, разсказываетъ слѣдующую версію, которая настолько любопытна, что мы ее приводимъ цѣликомъ.

Обыкновенно отставку Бисмарка объясняютъ различіемъ въ возрастѣ и темпераментѣ между молодымъ императоромъ Вильгельмомъ и старымъ канцлеромъ. Это различіе, говоритъ Дельбрюкъ, ничего не объясняетъ. Люди разныхъ возрастовъ и темпераментовъ часто очень хорошо уживаются, и однимъ этимъ объяснить уходъ Бисмарка нельзя. На самомъ дѣлѣ канцлеръ долженъ былъ уйти потому, что не былъ больше въ состояніи подчинить себѣ рейхстага. Послѣдніе выборы при Бисмаркѣ дали большинство, враждебное канцлеру. Оно состояло изъ центра, свободомыслящихъ подъ руководствомъ Евгенія Рихтера, съ которымъ для Бисмарка соглашеніе было совершенно невозможно, и соціалъ-демократовъ. Бисмаркъ могъ бы работать съ этимъ рейхстагомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы всецѣло подчинился лидеру центра Виндтгорсту. Этого онъ не хотѣлъ и хотѣть не могъ, такъ что у него возникъ слѣдующій планъ. Въ по-

слѣдніе годы своего управленія Бисмаркъ пришелъ къ заключенію, что введеніе всеобщаго избирательнаго права въ Германіи было „величайшей ошибкой его жизни“. Въ письмѣ, полученномъ Дельбрюкомъ отъ тогдашняго лидера консервативной фракціи рейхстага фонъ-Гельдорфа, послѣдній сообщаетъ, что въ разговорѣ съ нимъ Бисмаркъ выразилъ твердое намѣреніе исправить эту „ошибку“. По плану Бисмарка поводъ къ этому должно было дать отклоненіе новымъ рейхстагомъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, который существовалъ съ 1878 г. Бисмаркъ нарочно не помѣшалъ консерваторамъ вотировать противъ продленія этого закона. Онъ собирался распустить рейхстагъ и думалъ, что соціалъ-демократы, болѣе не стѣсняемые исключительнымъ закономъ, на роспускъ отвѣтятъ уличными безпорядками. Безпорядки пришлось бы подавить вооруженной силой. Сраженія на улицахъ привели бы мирное населеніе въ ужасъ, и тогда императоръ долженъ былъ бы заявить, что при такихъ условіяхъ онъ лишенъ возможности управлять Германской имперіей. Прусскій король сложилъ бы тогда императорскую корону. Такая мѣра была уже подготовлена принятой въ 1884 г. союзнымъ совѣтомъ резолюціей, что Германія является свободной федераціей государствъ, которая можетъ быть расторгнута. Одновременно со сложеніемъ императорской короны король прусскій долженъ былъ предложить всѣмъ остальнымъ германскимъ государямъ снова образовать Германскую имперію на основаніи всѣхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ ней, съ однимъ лишь исключеніемъ. Избирательное право въ рейхстагъ должно было быть измѣнено такимъ образомъ, чтобы всякій сторонникъ революціонныхъ доктринъ могъ быть, на основаніи приговора спеціально для этой цѣли учрежденной судебной инстанціи, лишенъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права. Въ то же время для лучшаго контроля убѣжденій избирателей тайное голосованіе должно было быть замѣнено прямымъ. Бисмаркъ уже докладывалъ, какъ сообщаетъ князь Гогенлоэ въ своихъ воспоминаніяхъ, молодому императору о возможности уличныхъ безпорядковъ. Императоръ не хотѣлъ согласиться на такой государственный переворотъ, и Бисмаркъ долженъ былъ уйти. Такимъ образомъ, резюмируетъ Дельбрюкъ, Бисмаркъ долженъ былъ подать въ отставку не вслѣдствіе невозможности ладить съ молодымъ императоромъ или разногласій въ области иностранной политики (Бисмаркъ больше тяготѣлъ къ Россіи, Вильгельмъ II—къ Австріи), а потому, что рейхстагъ оказался настолько враждебнымъ канцлеру, что тотъ не видѣлъ иного исхода, кромѣ роспуска и государственнаго переворота.

Этотъ примѣръ силы и значенія рейхстага едва ли можетъ быть признанъ особенно удачнымъ. Если версія исторіи отставки Бисмарка и вѣрна, изъ нея всетаки едва ли можетъ быть сдѣлано заключеніе, къ которому приходитъ Дельбрюкъ. Она лишь доказываетъ, что молодой тогда императоръ не рѣшался или не считалъ нужнымъ произвести государственный переворотъ, но едва ли можно этой исторіей демонстрировать невозможность управлять въ Германіи противъ воли рейхстага: стоило Вильгельму II согласиться съ Бисмаркомъ и тогда восторжествовалъ бы канцлеръ, а не большинство рейхстага. Слѣдовательно, и по версіи Дельбрюка Бисмаркъ ушелъ не потому, что долженъ былъ уступить рейхстагу, а потому, что не встрѣтилъ у Вильгельма II сочувствія для выполненія плана, который представлялся чрезвычайно рискованнымъ уже въ силу извѣстныхъ натянутыхъ отношеній между прусскимъ королемъ и нѣкоторыми изъ южно-германскихъ монарховъ. Именно послѣднія недѣли,—инцидентъ въ Цабернѣ и вотумъ недовѣрія, принятый подавляющимъ большинствомъ рейхстага,—показали, что имперскій канцлеръ нисколько

не обязанъ считаться съ настроеніемъ рейхстага. Бетманъ-Гольвегъ продолжаетъ оставаться на своемъ посту, несмотря на то, что его объясненія громаднаго большинства парламента не удовлетворили. Послѣ Бисмарка, даже при Каприви, правительственный курсъ въ Германіи не настолько измѣнился, чтобы въ отставкѣ перваго канцлера можно было видѣть принципіальную уступку парламенту, перемѣну курса, а вѣдь именно въ такомъ измѣненіи правительственной политики и заключается смыслъ смѣны кабинетовъ въ государствахъ съ парламентскимъ строемъ.

Для того чтобы доказать свою мысль, что рейхстагъ обладаетъ значительно большимъ вліяніемъ, чѣмъ принято думать, Дельбрюкъ прибѣгаетъ къ явнымъ натяжкамъ. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на случаи, когда англійскій парламентъ принималъ правительственные законопроекты, не подвергая ихъ такому тщательному разсмотрѣнію и такой основательной переработкѣ, какъ германскій рейхстагъ. Во время бурской войны, въ 1900 г., англійское правительство внесло въ палату общинъ законопроектъ о весьма значительномъ повышеніи нѣкоторыхъ налоговъ. Законопроектъ былъ внесенъ 5 марта, 7-го былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій и на слѣдующій день уже сталъ закономъ. Аналогичный случай произошелъ въ томъ же парламентѣ въ апрѣлѣ слѣдующаго года. Съ такой быстротой, говоритъ Дельбрюкъ, германскій рейхстагъ никогда не вотировалъ такихъ крупныхъ налоговъ. Это сопоставленіе опять-таки ничего не доказываетъ. Очевидно, что отсутствіе преній и детальнаго разсмотрѣнія названныхъ Дельбрюкомъ правительственныхъ законопроектовъ объясняется только условіями военнаго времени, когда государственные интересы не позволяютъ задерживать ассигнованія кредитовъ, безъ которыхъ невозможно веденіе войны. Въ мирное же время англійскому парламенту едва ли можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ томъ, что онъ принимаетъ законопроекты безъ обсужденія.

Поэтому не очень убѣдительно и заключеніе, къ которому приходитъ въ концѣ своихъ лекцій Дельбрюкъ. Онъ считаетъ, что „дуалистическая" система Германіи,—которой онъ, впрочемъ, приписываетъ сходство съ государственнымъ строемъ древняго Рима,—заслуживаетъ предпочтенія передъ парламентскимъ строемъ уже по одному тому, что въ Германіи независимая отъ парламента бюрократія можетъ болѣе объективно и безпристрастно преслѣдовать интересы всего государства, чѣмъ чиновничество государствъ съ парламентскимъ строемъ, которое всегда вынуждено подчиняться директивамъ партіи, находящейся у власти, а партія всегда, уже въ силу своей природы, страдаетъ односторонностью. Именно это обстоятельство, говоритъ онъ, дало возможность осуществить въ Германіи соціальное законодательство, которымъ она такъ въ правѣ гордиться. Затѣмъ этотъ строй устраняетъ возможность такого усиленія трестовъ въ ущербъ интересамъ всего населенія, какъ, наприм., въ Соедин. Штат. Этотъ аргументъ также не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Прежде всего прусская администрація,—что бы ни говорилъ Дельбрюкъ,—весьма далека отъ полной безпартійности, а очень часто, въ особенности во время избирательныхъ кампаній, является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ консервативныхъ партій, т.-е. тѣхъ партій, которыя до сихъ поръ господствовали въ Пруссіи и Германіи. Стоитъ лишь вспомнить о непріятностяхъ, которымъ подвергается въ Германіи не только чиновникъ, состоящій на государственной службѣ, но даже членъ какого-нибудь патріотическаго „кригеръ-ферейна", если онъ подаетъ голосъ за оппозиціонную, въ особенности за соціалъ-демократическую, партію, чтобы убѣдиться въ несомнѣнной партійности прусской администраціи. Можно также

сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли Германія въ такой мѣрѣ гарантирована отъ господства крупныхъ капиталистическихъ организацій, какъ утверждаетъ Дельбрюкъ. Недавніе процессы, связанные съ именемъ Круппа, показали, что и въ Германіи государство не смогло освободиться отъ монополіи крупнаго капитала, притомъ въ такой важной для него области, какъ организація государственной обороны. Врядъ ли справедлива и ссылка Дельбрюка на соціальное законодательство Германіи. Законы по страхованію рабочихъ, принятые въ послѣдніе годы въ Англіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно болѣе благопріятны для трудящихся, чѣмъ германскіе законы. За Германіей во всякомъ случаѣ остается честь пріоритета въ этой отрасли законодательства, но она не сказала послѣдняго слова въ ней, и нѣтъ никакого основанія утверждать, что другимъ правительствамъ, „партійнымъ", не по силамъ то, что сдѣлало германское правительство, будто бы безпартійное.

Объективное изученіе фактовъ, разсмотрѣнныхъ Дельбрюкомъ въ его лекціяхъ, должно было бы привести не къ заключенію о предпочтительности германскаго конституціонализма передъ демократическо-парламентскимъ строемъ, а къ тому, что у каждаго политическаго строя есть свои положительныя и отрицательныя стороны, что парламентскій режимъ не свободенъ отъ недостатковъ, но что и германскій конституціонализмъ не такъ абсолютно плохъ, какъ говорятъ его противники. Состояніе страны опредѣляется вѣдь не однимъ только дѣйствующимъ въ ней политическимъ строемъ, а еще культурнымъ и экономическимъ уровнемъ, на которомъ она находится. Въ Германіи этотъ уровень очень высокъ, а такъ какъ прусско-германская бюрократія твердо усвоила опредѣленныя правовыя и этическія начала, которыхъ она строго придерживается, то въ Германіи сравнительно небольшое вліяніе парламента на исполнительную власть не ведетъ къ тѣмъ роковымъ послѣдствіямъ, которыя наблюдаются при безсиліи народнаго представительства въ болѣе отсталыхъ въ культурномъ и правовомъ отношеніяхъ государствахъ. Германія поэтому дѣйствительно меньше страдаетъ отъ отсутствія парламентскаго режима, чѣмъ другія государства съ аналогичнымъ государственнымъ строемъ, но это еще не даетъ права Дельбрюку утверждать, что въ ней правительство правильнѣе выражаетъ волю народа, чѣмъ въ государствахъ съ парламентскимъ строемъ.

И. О. Левинъ.

II. Литература и искусство.

1. „Софія".

Журналъ искусства и литературы. 1914 г. Январь, № 1.

Въ послѣдніе годы совершенно ясно обозначилось стремленіе уяснить себѣ наше культурное прошлое, выдѣлить въ немъ черты живой оригинальности, благодаря которой Россія сумѣла пройти черезъ тяжелые годы подражаній, борьбы и труда. Мы, повидимому, доросли до того момента, когда оказывается необходимымъ найти свою *традицію* и закрѣпить ее. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ объ этомъ ревностномъ изученіи русскаго прошлаго, съ цѣлью отыскать въ немъ слѣды собственной духовной культуры. Интересъ къ древне-русской архитектурѣ и иконописи (прошлогодняя московская выставка, археологическій съѣздъ въ Новгородѣ и т. д.), внимательное изученіе литературы и искусства XVIII вѣка (елизаветинская выставка и цѣлый рядъ библіографическихъ работъ), наконецъ,

изслѣдованіе эпохи 20-хъ годовъ, „Пушкиніана", повышенный интересъ къ славянофильству (работы М. О. Гершензона, статьи Ѳ. А. Степпуна),—все это свидѣтельствуетъ о непрерывно растущемъ стремленіи утвердить русскую традицію и почувствовать подъ собой родную, еще въ старину вспаханную землю. Мы и на Пушкинѣ стали, какъ на камнѣ, можетъ быть, для того, чтобы отсюда, съ этой незыблемой твердыни, окинуть взглядомъ прошлое.

Наши художественные журналы — *Старые Годы* и *Аполлонъ*—имѣютъ свои спеціальныя задачи, не вполнѣ совпадающія съ этимъ новымъ теченіемъ. *Старые Годы* — журналъ совершенно спеціальный, журналъ не для широкой публики, а лишь для „любителей старины", журналъ аналитическій, разрабатывающій матеріалы и не претендующій на обобщенія. Онъ прилежно изучаетъ частныя коллекціи, входитъ въ детали и чаще всего останавливается на искусствѣ XVIII в. Древняя Русь его не интересуетъ, онъ по духу своему глубоко сродненъ съ петербургскимъ періодомъ нашей исторіи.

Аполлонъ—журналъ совершенно иного типа. Онъ живетъ современностью, его задача — „освѣщать современныя исканія въ связи съ художественнымъ наслѣдіемъ прошлаго", но къ прошлому онъ обращается рѣдко. Онъ не столько изучаетъ, сколько пропагандируетъ. Это—журналъ боевой, шумный, иногда даже задорный. Въ послѣдней книжкѣ (№ 9) есть, напр., ошеломляющая статья Н. Пунина: „Пути современнаго искусства", въ которой отрицается „духовность" и потому значеніе всей живописи со временъ паденія Византійской имперіи. „Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія утверждать,—пишетъ Н. Пунинъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ пала Византійская имперія—эта пышная носительница искусствъ—европейская живопись медленно и постепенно склонялась къ своему упадку, медленно вырождалось все высшее, все духовное, что носила въ себѣ человѣческая личность, и если мы не позволяемъ себѣ говорить здѣсь объ этомъ скорбномъ шествіи къ концу, то только потому, что въ небольшой статьѣ нѣтъ возможности охватить съ достаточной полнотой этого огромнаго художественно-историческаго явленія". Помѣщенный рядомъ со статьей Н. Пунина „Отвѣтъ" С. Маковскаго слишкомъ блѣденъ и неубѣдителенъ, чтобы оправдать самый фактъ напечатанія такой статьи. Если у автора есть „нѣкоторыя основанія" и если онъ, дѣйствительно, *убѣжденъ* въ этомъ „скорбномъ шествіи къ концу", то онъ *обязанъ* высказаться „съ достаточной полнотой", потому что иначе мы готовы принять его статью за истерическій крикъ: слишкомъ много въ ней недоразумѣній, неопредѣленностей и недомолвокъ. На такую статью нельзя *отвѣчать*, какъ это дѣлаетъ С. Маковскій, потому что въ ней самой нѣтъ ни вопросовъ, ни доказательствъ. И самое напечатаніе ея въ такомъ бездоказательномъ видѣ, съ такими грубѣйшими выходками по адресу современности (Ванъ-Гогъ „по просту былъ плохо „устроенъ", о чемъ свидѣтельствуетъ его преждевременная смерть"!) кажется какимъ-то особымъ „эфектомъ" со стороны редакціи.

Нѣтъ, не такого унылаго возвращенія къ старинѣ хочетъ наше время. Не отрицаніе современности, а стойкое принятіе ея ведетъ насъ къ прошлому. Любить прошлое изъ ненависти къ настоящему—это духовный аскетизмъ, это умерщвленіе чувства жизни. И ни къ чему, кромѣ мертвой тенденціи, такая любовь привести не можетъ.

Въ томъ же номерѣ *Аполлона*, въ статьѣ В. Дмитріева о К. Сомовѣ, есть небольшой экскурсъ въ область русскаго прошлаго; авторъ утверждаетъ, что мы до сихъ поръ глядѣли на древне-русское искусство „глазами иностранца, мѣряли его мѣрой, не нами созданной, то итальянской, то германской, то французской (теперь намъ, кажется, грозитъ новая бѣда—мѣра византійская)". Со-

здать такую собственную „мѣру", иначе говоря, почувствовать опредѣленную *традиціонность* въ нашей культурѣ, можно только въ томъ случаѣ, если не отрицается, а, наоборотъ, пламенно принимается наша современность. „Только тогда,—пишетъ В. Дмитріевъ,—русское искусство дождется, наконецъ, своей полной исторіи, когда мы сумѣемъ полюбить наше прошлое во всей его громадности"... Для такой *любви* необходимо живое чувство современности.

И вотъ, кажется, этотъ моментъ наступаетъ. Передъ нами—новый московскій журналъ искусства и литературы *Софія*. Издатель—К. Ф. Некрасовъ, редакторъ—П. Муратовъ. Основныя задачи журнала очень опредѣленно выражены въ самомъ проспектѣ: помимо теоретическихъ цѣлей—„освѣщенія путей, приближающихъ къ постиженію искусствъ изобразительныхъ и искусства словеснаго"—журналъ этотъ видитъ особую важность „въ пробужденіи новаго интереса къ прекрасному древне-русскому искусству. Ознакомленіе читателей съ этимъ искусствомъ *Софія* считаетъ своей главной задачей. Полагая однако, что древне-русское искусство можетъ быть вѣрно понято и должно оцѣнено лишь на фонѣ западнаго творчества, редакція будетъ помѣщать и статьи объ искусствѣ Запада, обращая больше вниманія на болѣе родственныя русскому искусству искусства античной и византійской традиціи. Не менѣе существеннымъ *Софія* считаетъ и освѣщеніе искусствъ и литературы Востока, столь исторически близкаго къ намъ и въ то же время столь мало извѣстнаго въ Россіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ *Софія* не хочетъ совершенно уходить отъ современности въ прошлое: въ особомъ отдѣлѣ „редакція будетъ отмѣчать въ текущей литературѣ и художественной жизни все то, что, по ея мнѣнію, имѣетъ непреходящее значеніе".

Если *Аполлонъ* стремится „освѣщать современныя исканія въ связи съ художественнымъ наслѣдіемъ прошлаго", то *Софія*, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, идетъ обратнымъ путемъ—хочетъ изучить наслѣдіе прошлаго и связать его непрерывной традиціей съ современностью. Этимъ самымъ мы признаемъ, что журналъ *Софія* долженъ занять свое особое мѣсто среди другихъ художественныхъ журналовъ. Намъ, дѣйствительно, нехватало такого органа, который, изучая художественное прошлое, стремился бы не столько къ собиранію матеріаловъ, сколько къ „выводамъ, характеристикамъ, синтетическимъ образамъ".

Передовая редакціонная замѣтка въ первомъ номерѣ („Возрастъ Россіи") вводитъ сразу in medias res: „Новый взглядъ на древне-русскую иконопись, утвержденію котораго въ болѣе широкихъ кругахъ общества такъ помогла прошлогодняя московская выставка, неизбѣжно ведетъ къ измѣненію слишкомъ привычныхъ понятій о возрастѣ Россіи. Распространенное мнѣніе о молодости Россіи плохо согласуется съ тѣмъ несомнѣннымъ отнынѣ обстоятельствомъ, что расцвѣтъ такого великаго и прекраснаго искусства, какимъ была русская живопись, былъ пережитъ въ XIV и XV вѣкѣ... Страна, у которой было такое прошлое, не можетъ считать себя молодой, какія бы пропасти ни отдѣляли ее отъ этого прошлаго. Россія никогда не была Америкой, открытой въ петербургскій періодъ нашей исторіи... Въ заботахъ о будущемъ мы не разъ обольщались мыслью начать все съ начала, какъ начинаютъ страны молодыя, страны безъ прошлаго. Но въ Россіи нельзя не ощущать прошлаго, не будучи ей чужимъ"...

Таково credo журнала. Первый номеръ составленъ очень интересно. Прежде всего—статья Н. М. Щекотова о древне-русскомъ шитьѣ. Авторъ разбираетъ художественную цѣнность русскаго шитья XV, XVI и XVII вв. и приходитъ къ выводу, что „мы уже съ XIV вѣка должны признать наличность самобытной художественной воли за русски-

ми древними мастерами". XV и XVI вѣка были эпохой „высокаго шитья", когда художественность исполненія достигаетъ полнаго совершенства. XVII вѣкъ „довелъ традиціонныя черты стиля и мастерства до тѣхъ крайнихъ выводовъ, которые характеризуютъ всегда упадочныя искусства". Статью сопровождаютъ прекрасныя репродукціи образцовъ. — П. Муратовъ далъ статью о второстепенномъ итальянскомъ художникѣ эпохи Возрожденія — Гауденціо Феррари (XVI в.). Далѣе—очень дѣльная и во многомъ остроумная статья Бернгарда Бернсона: „Основы художественнаго распознаванія" (пер. съ англ.). Здѣсь дается рядъ методологическихъ указаній для опредѣленія достовѣрности картинъ.

Затѣмъ журналъ переходитъ къ литературѣ. Статья А. Діесперова о блаженномъ Іеронимѣ читается съ большимъ интересомъ. Помимо приведеннаго въ ней матеріала, прекрасно выдѣлена въ личности Іеронима „борьба вкуса и воли", природы съ догмой. Развѣ не поразительно, въ самомъ дѣлѣ, что именно у блаженнаго Іеронима мы находимъ самыя яркія описанія современной ему женщины, вплоть до ея костюмовъ? „Въ писаніяхъ его чувствуется какая-то тайная, неудовлетворенная cupiditas пола, и онъ какъ-то совсѣмъ по-иному, чѣмъ, напримѣръ, Августинъ, боязливо и торопливо касавшійся въ своихъ трудахъ непристойныхъ подробностей, внимательно останавливается на нихъ".—Очень своевременна и далеко не шаблонна статья Б. Грифцова о Державинѣ. Да, пора намъ научиться распознавать поэтовъ, пора научиться отыскивать въ стихотвореніяхъ *поэзію* и умѣть ее цѣнить. И пора, наконецъ, подойти къ нашей литературѣ XVIII в. такъ, чтобы знать, гдѣ мелочи, гдѣ случайное, гдѣ—эпоха и гдѣ—вѣчное, гдѣ—настоящее, гдѣ—та духовная цѣнность, ради которой стóитъ изучать это время. Вотъ въ Державинѣ обнаруживаются такія цѣнности. Державинъ обладалъ „міропреобразующимъ воображеніемъ", онъ „фантазируетъ о мірѣ". Онъ—совсѣмъ не бытовикъ и вовсе не одописецъ. Онъ—фантастъ, вплоть до своихъ портретовъ: „Не сожигай меня, Пламида, ты тихимъ голубымъ огнемъ очей твоихъ". Этотъ *тихій, голубой* огонь—развѣ могъ бы видѣть его и сказать о немъ тотъ Державинъ, котораго мы до сихъ поръ себѣ представляемъ? Б. Грифцовъ приходитъ къ выводу, что лирика Державина, какъ истиннаго поэта, была цѣльной: „черты человѣческаго лица и обстановка дома, простой деревенскій пейзажъ для него были только проявленіемъ извѣчныхъ стойкихъ формъ". Статья Б. Грифцова написана бѣгло, въ видѣ наброска, она только пріоткрываетъ тайну державинской лирики, но и это—много. Такая статья можетъ послужить толчкомъ для цѣлаго ряда работъ о заброшенной и непонятой нами русской литературѣ XVIII в.

Въ заключеніе журналъ *Софія* даетъ три замѣтки: о Джорджоне, по поводу новаго итальянскаго труда о немъ, о драмѣ А. Блока „Роза и Крестъ" и о письмахъ Л. Н. Толстого къ женѣ. Послѣдняя замѣтка (П. Сухотинъ) нѣсколько по-новому освѣщаетъ смыслъ этихъ писемъ: „Ни экскурсы въ область богословскихъ исканій, ни кропотливое и долгое изученіе художественнаго наслѣдія Толстого не нарисуютъ его точнѣе, чѣмъ онъ самъ себя нарисовалъ въ письмахъ. *Бытъ*—вотъ самый точный рѣзецъ для изображенія исконно-крѣпкой дворянской натуры Толстого, коей не свойственны никакія „трагедіи" и никакіе „надрывы". „Уходъ" графа Толстого передъ смертью, которому крикливо навязывали смыслъ „конца семейной трагедіи", былъ лишь концомъ его духовнаго пути, черты же, въ которыя облекся онъ, были истинно толстовскими чертами: какъ *по-природному* свивалъ онъ свое большое гнѣздо, такъ *по-природному* пошелъ искать смерти". Авторъ, можетъ быть, хорошо

отмѣтилъ значеніе *быта* въ жизни Толстого, но уходъ его онъ облекаетъ въ слишкомъ простую и вмѣстѣ съ тѣмъ реторическую формулу. Почему же это именно *уходъ* оказался „концомъ его духовнаго пути“ и почему въ этомъ уходѣ онъ „по-природному“ искалъ смерти?

Итакъ, слѣдуетъ признать, что появленіе такого журнала, какъ *Софія*, вполнѣ оправдывается характеромъ нашего момента. И очень важно, что журналъ этотъ издается въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ. Именно Москва должна стоять во главѣ изученія русскихъ культурныхъ традицій. Она сама — живой символъ прошлаго. А *Старые Годы* и *Аполлонъ*—журналы слишкомъ петербургскіе, и больше всего вдохновляются они тѣмъ періодомъ, когда на развалинахъ прошлаго воздвигался новый городъ-сфинксъ. Имъ не вырваться изъ объятій этого звѣря, и пусть онъ остается властителемъ ихъ думъ, а Москвѣ подобаетъ сказать *свое* слово.

Б. Эйхенбаумъ.

2. А. Мирэ. †

Лѣтъ десять тому назадъ въ *Нижегородскомъ Листкѣ* печатались короткіе разсказы и психологическія картинки, съ оттѣнкомъ своеобразнаго романтизма, страстнаго и въ то же время печальнаго. Подъ ними стояла никому не извѣстная подпись—А. Мирэ. Имя звучало не по-русски, да и въ манерѣ письма, не только въ слогѣ, но и въ подробностяхъ, было что-то французское. Тогда еще у насъ большинство беллетристовъ писало по старинѣ, съ той словесной упрощенностью, которая считалась почему-то реализмомъ. А въ этихъ разсказахъ уже слышались отголоски быстраго, умышленно отрывистаго импрессіонизма, который теперь сталъ всеобщимъ достояніемъ.

Въ немногочисленномъ, но очень отзывчивомъ и интересномъ редакціонномъ кружкѣ другой провинціальной газеты, „*Сѣверный Край*“, гдѣ я тогда работала, каждый разсказ А. Мирэ читался съ большимъ интересомъ. А когда къ намъ, въ Ярославль, пріѣхалъ журналистъ изъ Нижняго и разсказалъ, что А. Мирэ—женщина, что никто не знаетъ ея прошлаго, что вся она странная, ни на кого не похожая, этотъ интересъ усилился примѣсью романтическаго любопытства.

Только позже, въ тревожные и быстрые годы революціи, пришлось мнѣ лично познакомиться съ Мирэ. Глядя на ея невзрачную, ни съ чѣмъ несообразную фигурку, я думала о томъ, какъ дорого дала бы она за возможность непосредственно ощутить ту нѣжную преданность, которую издали питала къ ней ярославская молодежь.

Она была по-настоящему одинока, хотя бывала у многихъ, и въ писательскихъ кругахъ ее знали. На средахъ у Лидіи и Вячеслава Ивановыхъ всегда можно было открыть гдѣ-нибудь въ углу ея блѣдное, помятое лицо, съ растерянной, жалкой улыбкой и горящими, красивыми глазами, все еще молодыми и полными ожиданія. Она никогда не участвовала въ литературныхъ преніяхъ, кипѣвшихъ въ башнѣ, но если заговорить съ ней, она скажетъ, тихимъ, милымъ, неожиданно чистымъ и дѣтскимъ голосомъ, свое, отдѣльное, мнѣніе, въ которомъ звучали подлинная любовь къ искусству, и вкусъ, и чуткость.

Писала она мало. Послѣ нея осталось двѣ книги разсказовъ—„Жизнь“ и „Черная пантера“. Но она была несомнѣнной, прирожденной и даровитой писательницей. Только не сумѣла она примирить этотъ даръ съ той путаной, чадной, хмельной жизнью, которую судьба ей послала. Слишкомъ она была слабая, чтобы сдѣлать изъ труднаго и унизительнаго матеріалъ для художественнаго сплава. Темные, угарные годы, пережитые главнымъ образомъ во Франціи, то въ Парижѣ, то въ разгульныхъ приморскихъ городахъ Про-

ванса, навсегда залегли въ мельканьѣ ея просящей улыбки. А тѣ подлинныя, красочныя грезы, которыя рождались вопреки всему въ ея душѣ и порой свѣтились въ ея упрямо-молодыхъ глазахъ, напрасно искали себѣ воплощенія въ жизни и только неполно и робко выглядывали изъ ея разсказовъ.

Есть въ сборникѣ „Черная пантера" коротенькая и жуткая поэма „Любовь". Дѣвушка ждетъ своего возлюбленнаго и знаетъ, что онъ никогда больше не придетъ къ ней. „У порога—мое горе. Оно плачетъ — мое горе. Оно знаетъ, что подъ моимъ потолкомъ, среди моихъ стѣнъ никогда больше не будетъ эльфовъ, ткущихъ изъ бѣлыхъ грезъ коротенькія сказки". Можетъ быть, ихъ никогда и не было, этихъ эльфовъ, но дѣвушка вѣрила въ нихъ, и съ отчаяніемъ говорила она:

„У того, кого я любила, были черные глаза и золотистые усы, какъ у принца. Но не иду ли я теперь къ сараю, гдѣ спитъ нашъ работникъ?"

Въ темныхъ объятіяхъ работника чувствуетъ она—„тѣло мое ведетъ мою душу, и они поддерживаютъ другъ друга, какъ два слѣпца".

Если бы душа Мирэ была совсѣмъ слѣпой, бремя жизни не такъ безпощадно давило бы ея худыя, вѣчно опущенныя плечи. Но сквозь туманъ, сквозь власть вина она видѣла другіе берега, знала, что они есть, и въ этомъ знаніи заключались и мука, и единственная опора ея шаткаго, спутаннаго, холоднаго существованія.

Умерла она въ Москвѣ, въ больницѣ. Въ концѣ августа она наняла гдѣ-то на окраинѣ комнату за четыре рубля. И черезъ нѣсколько дней захворала. Старуха-хозяйка побоялась держать у себя больную жиличку, у которой все имущество заключалось въ корзинкѣ съ письмами. Мирэ не хотѣлось въ больницу, но дѣлать было нечего. Какъ разъ послѣдніе два года были для нея особенно тяжкими. Они прошли въ нелѣпой, совершенно кошмарной погонѣ за личнымъ счастьемъ, которое давно уже было для нея недоступно. Но она цѣплялась, точно на колѣняхъ стояла передъ судьбой, и въ то же время съ какой-то безсмысленной рѣзкостью ссорилась съ немногими литературными друзьями, дававшими ей хоть какую-нибудь поддержку и опору.

Изъ больницы она никому не написала, никого не вызвала. Позже сидѣлки и сестра разсказывали, что она въ бреду все говорила стихами. Никто къ этому бреду не прислушивался, такъ какъ безплатная, неимущая больная не вызывала ни въ комъ даже любопытства. Что она писательница, въ больницѣ не знали.

Такъ она и умерла одна. И долго никто не зналъ объ ея смерти. Только мѣсяца черезъ два узнали, случайно, черезъ полицію. Корзинку съ рукописями старуха-хозяйка передала въ одно изъ литературныхъ обществъ, откуда Мирэ иногда получала денежную помощь.

Настоящее ея имя было—Александра Михайловна Моисеева. Она родилась въ 1874 г. и умерла 1 сентября 1913 г.

А. Тыркова.

3. О стихахъ Н. Львовой.

Тяжело, когда умираетъ поэтъ, но когда умираетъ молодой поэтъ, еще тяжелѣе. Съ мучительнымъ вниманіемъ вчитываешься въ немногія, оставшіяся послѣ него строки, жадно ловишь въ еще неокрѣпшемъ голосѣ и такъ по молодому скупыхъ образахъ тайну смерти, которая скрыта отъ насъ, живыхъ. Эту горькую радость даетъ намъ книга недавно умершей поэтессы Надежды Львовой.

Ея стихи, такіе неумѣлые и трогательные, не достигаютъ той степени просвѣтленной ясности, когда они могли бы быть близки каждому, но имъ просто вѣришь, какъ человѣку, который плачетъ. Главная и почти единственная

тема книги „Старая сказка"—любовь. [1]) Но странно: такія сильныя въ жизни, такія чуткія ко всѣмъ любовнымъ очарованіямъ женщины, когда начинаютъ писать, знаютъ только одну любовь, мучительную, болѣзненно прозорливую и безнадежную.

„О пусть будетъ больно, мучительно больно!
Улыбкою счастья встрѣчаю всѣ муки.
Покорная, падаю ницъ богомольно
Предъ рѣющимъ призракомъ вѣчной разлуки".

Эта покорность, почти безволье, особенно характерна для всего творчества Н. Львовой. Ея страданіе ищетъ выхода въ мечтѣ, не романтической, которую можно завоевать подвигомъ воли, но остро-лирической, преображающей для нея всѣ мгновенія жизни. Она увѣрена, что слышитъ „шагъ сновъ", видитъ „призракъ вѣчной разлуки", прикасающійся къ ея устамъ, чувствуетъ, „будто кто-то злобно-мстительный глядитъ изъ тучъ".

Лучшій отдѣлъ книги „Старая сказка"—Ad morte.

Всѣ девять стихотвореній, заключенныхъ въ немъ, представляются мнѣ заклинаніемъ смерти.

Значительно первое стихотвореніе, которое начинается словами:

Ты, кто славилъ тайны страсти въ безднахъ лѣтъ,—
Славь со мною—смерть несущій вѣчный свѣтъ.

И та, которая съ такой горькой печалью повѣдала намъ свою любовь, такимъ задыхающимся голосомъ припоминала о встрѣчахъ и разлукахъ, говоритъ совсѣмъ просто и увѣренно, когда почувствовала дыханіе смерти:

„Я нынче свѣтлая. Я нынче спокойная".

[1]) *Н. Львова:* „Старая сказка". Предисловіе Валерія Брюсова. Москва. Кн-во „Альціона". 1913 г. Цѣна 1 рубль.

И не одного лишняго слова нѣтъ въ ясныхъ и страшныхъ стихахъ, гдѣ поэтъ предсказываетъ свою смерть:

„Что мнѣ до ласкъ и поцѣлуя!
Что мнѣ до запоздалыхъ словъ.
Взгляни, взгляни, какъ тихо сплю я
И не могу и не хочу я
Тебѣ отвѣтный бросить зовъ".

Мнѣ кажется, что Н. Львова ломала свое нѣжное дарованіе, заставляя себя писать рондо, газеллы, сонеты. Конечно, и женщинамъ доступно высокое мастерство формы, примѣръ—Каролина Павлова, но ихъ сила не въ этомъ, а въ умѣніи полно выразить самое интимное и чудесно-простое въ себѣ и окружающемъ мірѣ. А все, что связываетъ свободное развитіе лирическаго чувства, все, что заставляетъ предугадывать дальнѣйшее тамъ, гдѣ должна быть одна неожиданность,—очень опасно для молодого поэта. Оно или пригнетаетъ его мысль или искушаетъ возможностью обойтись совсѣмъ безъ мысли. Въ книгѣ „Старая сказка"—это наименѣе удачныя страницы.

Слова еще не были покорны Н. Львовой, но такъ какъ она была покорна словамъ, глубоко вѣря въ значительность каждаго изъ нихъ, духъ музыки рѣетъ надъ ея стихами.

Анна Ахматова.

4. Изъ нѣмецкой литературы 1913 г.

Начну съ обзора обзоровъ: за послѣдніе годы у лучшихъ нѣмецкихъ издателей вошло въ обычай выпускать въ концѣ года „альманахи", въ которыхъ подводится итогъ ихъ дѣятельности за минувшій годъ. Insel-Verlag въ Лейпцигѣ выпустилъ свой первый альманахъ уже въ 1906 г.; Фишеръ—въ 1911 г. (по поводу своего 25-лѣтія); въ этомъ году къ нимъ присоединилось еще нѣсколько издательствъ. На первомъ мѣстѣ назову альманахъ, выпущенный кн-вомъ Пипера въ Мюнхенѣ („Almanach des Ver-

lages R. Piper & C°") по поводу десятилѣтія фирмы. Изъ очень богатаго и разнообразнаго содержанія этого изящнаго томика отмѣчу автобіографія Мережковскаго и Моргенштерна, воспоминанія Майеръ-Грефе, письма Достоевскаго и Ганса фонъ-Мареса, неизданные отрывки Шопенгауэра, стихотворенія Моргенштерна и Маргариты Зусманъ. Книга украшена портретами (между прочимъ Мережковскаго, Ходлера, Сезанна), репродукціями съ картинъ Ренуара, Ходлера, Манэ и др. и иллюстраціями Кубина къ „Двойнику" Достоевскаго. Портреты по большей части еще нигдѣ не опубликованные.—Книгоиздательство Георга Мюллера въ Мюнхенѣ выпустило тоже по поводу десятилѣтія фирмы альманахъ подъ заглавіемъ „Schriftsteller, Verleger und Publikum. Eine Rundfrage". Эта книжка содержитъ результаты анкеты, предпринятой среди сотрудниковъ издательства, о „взаимоотношеніяхъ между авторомъ, издателемъ и читателями". Опрошенные авторы отдѣлались частью болѣе или менѣе остроумными шутками, а частью отвѣтили обстоятельными и серьезными статьями. Вторую часть альманаха составляетъ полный каталогъ выпущенныхъ издательствомъ Мюллера за десять лѣтъ своего существованія книгъ: около 1,000 томовъ, въ томъ числѣ около 40 книгъ русскихъ авторовъ. Самое цѣнное въ этой красиво напечатанной книжкѣ—это присланное Ведекиндомъ стихотвореніе, написанное имъ въ 1883 году, на гимназической скамьѣ.—Традиціонный „Insel-Almanach", подобно своимъ предшественникамъ, удѣляетъ мѣсто какъ старымъ, такъ и новымъ писателямъ: стихотворенія Гельдерлина, Рильке, Демеля, Рикарды Гухъ и Поля Клоделя (послѣднія во французскомъ подлинникѣ) чередуются въ немъ съ прозой Гофмансталя, Верхарна, Якобсена, Мартина Лютера, Федра, письмами Леопольда Моцарта и графа Іорка, изреченіями индусскихъ мудрецовъ; репродукція съ картинъ старыхъ мастеровъ (портреты Моцарта, Мольера) съ скульптурами Родэна. Въ альманахѣ, между прочимъ, помѣщены „Три старца" Толстого и „Пиръ у верховнаго существа" Тургенева.—Альманахъ Фишера: „Das XXVII Jahr von S. Fischer Verlag" въ первой части своей, озаглавленной „Das Jahr", чествуетъ двухъ юбиляровъ: Германа Бара и Рихарда Демеля, и поминаетъ покойныхъ Отто Брама и Фридриха Гуха; вторая часть заполнена отрывками изъ изданныхъ Фишеромъ за минувшій годъ книгъ: Демеля, Гессе, Шницлера, Томаса Манна, Альтенберга и другихъ. Книга снабжена рядомъ интересныхъ иллюстрацій, портретовъ и автографовъ.—Молодое книгоиздательство Курта Вольфа въ Лейпцигѣ (перенявшее наслѣдіе безвременно угасшаго книгоиздательства Эрнста Ровольта), играющее въ литературѣ „завтрашняго дня" почти такую же роль, какую книгоиздательство Фишера играетъ въ литературѣ вчерашняго дня, выпустило къ концу перваго года своего существованія чрезвычайно интересный альманахъ: „Das bunte Bach" (Kurt Wolff, Leipzig). Въ этомъ, дѣйствительно, пестромъ сборникѣ мы находимъ стихи и прозу такихъ писателей, какъ Верфель, Эйленбергъ, Бродъ, Даутендей, Геймъ, Ласкеръ-Шюлеръ, Робертъ Вальзеръ; весьма любопытныя письма Золя къ Сезанну, мысли объ искусствѣ Родэна и рядъ интересныхъ иллюстрацій. Въ типографскомъ отношеніи альманахъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ удаченъ. Всѣ перечисленные альманахи офиціально стоятъ по 50 пф., на дѣлѣ же даются книгопродавцами постояннымъ покупателямъ безплатно. Такимъ образомъ, они, расходясь въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, возбуждаютъ литературные аппетиты у самыхъ широкихъ круговъ публики и немало способствуютъ распространенію нѣмецкой книги.

Отъ альманаховъ перехожу къ настоящей литературѣ. Сперва о юбиля-

рахъ. Нѣмецкая литература въ минувшемъ году очень торжественно праздновала пятидесятилѣтіе Германа Бара и Рихарда Демеля. Помимо множества газетныхъ и журнальныхъ статей, каждому изъ нихъ посвящена книга; первому: *Willi Handl:* „Hermann Bahr", второму: *Emil Ludwig:* „Richard Dehmel" (обѣ у S. Fischer, Berlin). Гандль даетъ въ своей книгѣ почти монументальное изображеніе прекрасной и сильной личности Бара, неутомимаго борца за всѣ значительныя новыя теченія не только въ литературѣ, но и въ живописи и музыкѣ. Вся жизнь его неразрывно связана съ исторіей нѣмецкой культуры за послѣднія тридцать лѣтъ, и самъ онъ является самымъ характернымъ показателемъ этой культуры. Рамки настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ остановиться болѣе подробно на этомъ выдающемся критикѣ и художникѣ. Упомяну только, что, кромѣ книги Гандля, книгоиздательство Фишера выпустило еще очень хорошо составленную хрестоматію изъ избранныхъ произведеній Бара: „Das Hermann Bahr-Buch"; въ книгѣ 320 страницъ, много иллюстрацій, и стоитъ она всего $1^1/_2$ марки въ переплетѣ.—Книга Людвига о Демелѣ являетъ рѣдкій примѣръ конгеніальности критика съ разбираемымъ имъ поэтомъ. Онъ ставитъ себѣ невѣроятной трудности задачу: подвести Демеля, самаго богатаго внутренними противорѣчіями поэта, этотъ „огнедышащій кратеръ, ежеминутно затягивающійся ледяной корой" (какъ онъ его называетъ), подъ строгую критическую систему и разграничить всѣ противорѣчивые и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывно сплавленные другъ съ другомъ элементы его творчества,—и блестяще справляется съ этой задачей. Кромѣ книги Людвига, книгоиздательство Фишера выпустило еще юбилейное собраніе сочиненій Демеля въ трехъ томахъ за 12,50 мар. въ переплетахъ.

Перехожу къ романамъ. Самое большое распространеніе получилъ въ минувшемъ году романъ Келлерманна: *Bernhard Kellermann:* „Der Tunnel" (Berlin, S. Fischer): за 10 мѣсяцевъ 10 тысячъ экземпляровъ. Полагая, что романъ этотъ уже достаточно извѣстенъ русской публикѣ въ переводѣ, не буду о немъ распространяться и скажу только, что онъ, несмотря на рядъ большихъ достоинствъ, заставилъ меня съ грустью вспомнить болѣе ранняго Келлерманна, автора поэтичной „Ingeborg". Говорили и писали объ этомъ „Туннелѣ" сравнительно немного; неистощимой темой для разговоровъ служила зато повѣсть Томаса Манна: *Thomas Mann:* „Der Tod in Venedig" (Berlin, S. Fischer), несомнѣнно, самое зрѣлое произведеніе этого выдающагося автора, по-моему даже самая примѣчательная книга послѣднихъ лѣтъ. Содержаніе повѣсти, вѣроятно, хорошо извѣстно читателямъ по русскимъ переводамъ; о языкѣ скажу, что ни въ одномъ произведеніи новѣйшей прозы нѣмецкій языкъ не достигалъ еще такой силы и красоты, какъ въ этой повѣсти Манна. Объ этой книгѣ существуетъ уже даже цѣлая критическая литература; много вниманія обратила на себя неприличная выходка извѣстнаго Альфреда Керра, бросившаго Манну обвиненіе въ томъ, будто онъ, изображая дряхлѣющаго поэта рядомъ съ плѣнительнымъ мальчикомъ, въ лицѣ котораго ему предстала смерть, задался цѣлью „изложить въ доступной и привлекательной для широкой публики формѣ радости гомосексуальной любви".—Въ сентябрѣ прошлаго года скончался очень талантливый и плодовитый, но почему-то мало извѣстный писатель Гергардъ Укама Кноопъ (см. замѣтку о немъ въ *Р. М.*, 1912 г., IV). Недавно вышелъ его посмертный романъ: *Gerhard Ouckama Knoop:* „Unter König Max" (Berlin, Egon Fleischel). Какъ и въ предыдущихъ своихъ романахъ, Кноопъ избралъ самый неблагодарный сюжетъ: изображеніе жизни двухъ скучныхъ семействъ на скучномъ фонѣ Мюн-

хена 50-хъ годовъ. И все же романъ очарователенъ, не силой размаха, не общимъ построеніемъ, а любовной кропотливой работой надъ мелочами, изъ которыхъ Кноопу вполнѣ удалось создать непритязательную, но милую картину жизни Мюнхена при добромъ королѣ Максѣ.

Новый романъ Вассерманна: *Jakob Wassermann:* „Der Mann von vierzig Jahren" (Berlin, S. Fischer) — новый этапъ въ непрекратившемся еще развитіи его творчества: отъ хаотичности и дикости „Юной Ренаты Фуксъ" до отточенности и архитектурной стройности „Золотого зеркала" имъ пройденъ очень большой путь, и новая книга — новый шагъ по этому пути. На героя романа фонъ-Эрфта въ сорокъ лѣтъ находитъ временное затменіе, „подобно тому, какъ нѣкоторыя свѣтила безъ видимой причины вдругъ теряютъ свой свѣтъ либо на время, либо навсегда". Онъ уходитъ „въ погонѣ за горечью жизни" отъ счастья и мира и, испивъ всѣ горечи до дна, въ пятьдесятъ лѣтъ снова принимается за нить жизни въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее оборвалъ. Какъ всѣ новѣйшія книги Вассерманна, и этотъ романъ богатъ и разнообразенъ эпизодами, описаніями разныхъ странъ и вводными лицами. Но все это не пестро, а сливается въ одну стройную гармонію.

Даутендей далъ въ минувшемъ году вмѣсто романа объемистую автобіографическую книгу: *Max Dauthendey:* „Gedankengut aus meinen Wanderjahren" (München, Albert Langen), являющуюся какъ бы продолженіемъ къ его прошлогодней книгѣ „Духъ моего отца". Мы знакомимся не только съ жизнью писателя, съ его странствіями по Германіи, Норвегіи, Мексикѣ, съ его встрѣчами съ выдающимися современниками: Демелемъ, Пшибышевскимъ, Мункомъ, но и съ исторіей возникновенія каждаго изъ его произведеній, съ эволюціей его отношенія къ жизни и поэзіи. Книга дышитъ не только подкупающей искренностью, но и чарующей поэзіей; недаромъ одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ назвалъ Даутендея „Миннезенгеромъ нашихъ дней", къ тому же онъ и землякъ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде. Книга оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ читателю: „Книгой этой я хочу лишь разбудить въ читателѣ прирожденное каждому изъ насъ и временно утраченное нами чувство связи со вселенной и ея богатой жизнью... Каждый, кто мнитъ себя значительнѣе, лучше и благороднѣе, чѣмъ животное, растеніе, земля и чѣмъ всѣ вещи вселенной, на томъ основаніи, что онъ человѣкъ,—тотъ утратилъ связь со вселенной и со своимъ собственнымъ первобытнымъ состояніемъ".

Молодой эльзасецъ Отто Флаке, извѣстный до сихъ поръ лишь какъ отличный переводчикъ съ французскаго, написалъ романъ: *Otto Flake:* „Freitagskind" (Berlin, S. Fischer), сразу обратившій на себя вниманіе критики. Это исторія дѣтства и юношества Карла Бреннера, родившагося не въ „счастливое" воскресеніе, а въ „несчастную" пятницу. Хотя мѣсто дѣйствія романа — Эльзасъ и всѣ особенности жизни народа, стоящаго на рубежѣ между двумя расами, въ немъ сильно чувствуются, повѣсть жизни героя, его мытарства въ школѣ, семьѣ и обществѣ характерны для всѣхъ юношей нашего вѣка. Отмѣчу красивый языкъ и своеобразный, чуждый всякаго трафарета стиль повѣствованія.—Не только интересенъ по сюжету, но и весьма поэтиченъ романъ Адельта: *Leonhard Adelt:* „Der Flieger" (Frankfurt a/M., Bütten & Loening). Мистическая красота полета, отрѣшенія отъ земныхъ тяжестей, о которой мечталъ Леонардо, которую въ наши дни воспѣлъ д'Аннунціо, нашла въ лицѣ молодого поэта-авіатора сильнаго и вдохновеннаго выразителя. Вся книга — восторженный гимнъ человѣку нашихъ дней, „молодому моряку вселенной".—Въ томъ же книгоиздательствѣ вышелъ романъ

Оскара Баума: *Oskar Baum.* „Die böse Unschuld“. Авторъ, извѣстный до сихъ поръ, какъ изобразитель жизни слѣпыхъ (онъ самъ слѣпой), избралъ на этотъ разъ новую тему; романъ разыгрывается среди евреевъ въ чешской провинціи. На героя падаетъ подозрѣніе, будто дѣвушка, съ которой онъ нѣкогда поддерживалъ простую дружбу, благодаря ему стала матерью. Какое-то смутное, сковывающее чувство мѣшаетъ ему разсѣять все сгущающуюся надъ нимъ тучу ни на чемъ не основанныхъ обвиненій; къ тому же онъ въ это время любитъ другую дѣвушку. Подъ давленіемъ все того же страннаго чувства онъ готовъ уже пожертвовать своимъ счастьемъ за чужую вину; и вдругъ словно по наитію свыше находитъ единственный исходъ изъ тяжелой драмы. Книга читается съ большимъ интересомъ.

Александръ Кастель, первый романъ котораго „Bernards Versuchung“ чрезвычайно понравился нѣмецкой критикѣ, написалъ новый романъ: *Alexander Castell:* „Büsser der Leidenschaft“ (München, Albert Langen), являющійся какъ бы продолженіемъ предыдущаго. Тема романа—грѣхи отцовъ, взыскиваемые съ дѣтей. Герой—мужчина 50-ти лѣтъ—послѣ бурныхъ радостей первой и второй молодости ищетъ отдыха въ семьѣ и невольно самъ становится виновникомъ тяжелой драмы, дѣйствующія лица которой—его молодая жена, его 12-тилѣтній сынъ и молодой любовникъ жены. Драма ведетъ къ катастрофѣ, невинной жертвой которой падаетъ ребенокъ; смертью ребенка отецъ наказывается за всѣ годы грѣха. Морализирующихъ тенденцій въ книгѣ, впрочемъ, нѣтъ, и она читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Сборниковъ разсказовъ въ прошломъ году вышло чрезвычайно много. На первомъ мѣстѣ назову Роберта Вальзера. Его книга: *Robert Walser:* „Aufsätze“ (Leipzig, Kurt Wolff), пріобрѣла ему гораздо большую извѣстность, чѣмъ всѣ написанные имъ до сихъ поръ романы. Названіе книги не случайно: Вальзеръ хотѣлъ дать не разсказы, а именно, „Aufsätze“, гимназическія сочиненія на заданныя темы вродѣ: „Вечеръ въ театрѣ“, „Письмо мужчины къ мужчинѣ“, „Вильгельмъ Телль въ прозѣ“ и т. п., придерживаясь при этомъ всѣхъ требованій, которыя учитель словесности предъявляетъ къ ученику: краткости, послѣдовательности и ясности изложенія, точности описанія и корректности стиля и языка. Эта необычайно искусно построенная и проведенная во всѣхъ мелочахъ форма—лишь прозрачная оболочка, подъ которой неистощимая фантазія автора движется совсѣмъ не по-школьному. Не знаю, какому изъ собранныхъ въ книгѣ 48 „сочиненій“ отдать предпочтеніе: каждое изъ нихъ—маленькій шедевръ, отшлифованный, какъ алмазъ.—Новая книга Альтенберга: *Peter Altenberg:* „Semmering 1912“ (Berlin, S. Fischer), не даетъ ничего новаго для характеристики этого, все еще единственнаго въ своемъ родѣ писателя. Все тотъ же, давно знакомый Альтенбергъ, „Богомъ отмѣченный поэтъ“—въ глазахъ поклонниковъ, „шутъ гороховый“—въ глазахъ противниковъ. Книга эта—плодъ сидѣнія на Земмерингѣ, гдѣ больной и дряхлый тѣломъ, но вѣчно юный душой поэтъ по настоянію врачей и на средства поклонниковъ провелъ цѣлый годъ.—Послѣ покойнаго Георга Гейма, кромѣ книги стиховъ „Umbra Vitae“, вышедшей въ 1912 году, остались еще и разсказы, которые составили цѣлый сборникъ: *Georg Heym:* „Der Dieb“ (Leipzig, Kurt Wolff). Темы разсказовъ такія же кровавыя, жестокія и „ярко-красныя“, какъ темы его стихотвореній: голодный бунтъ въ Парижѣ, сумасшедшій, совершающій рядъ безсмысленныхъ убійствъ, анатомическій покой, больница, чума на кораблѣ; изъ этого тона выпадаетъ только одинъ разсказъ: „Ein Nachmittag“, страница изъ жизни мальчика, показывающій,

что Гейму были не чужды и болѣе тихіе и интимные мотивы.

Книга Рихарда Шаукаля: *Richard Schaukal:* „Die Märchen von Hans Bürgers Kindheit“ (München, Georg Müller), носитъ чисто автобіографическій характеръ. Заглавіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что автору дѣтство его, пора, когда онъ не зналъ ни сомнѣній, ни борьбы, представляется чудесной „сказкой“. И вся книга овѣяна тихой тоской по этому потерянному раю.—Очень интересны разсказы талантливаго критика и сотрудника *Neue Rundschau* Морица Геймана: *Moritz Heimann:* „Novellen“ (Berlin, S. Fischer). Гейманъ многому научился у Вассермана, но имѣетъ и очень много своего. Разсказъ „Die letzte Ohnmacht“, гдѣ человѣкъ, отъ котораго ушла жена, въ припадкѣ бѣшенства безъ всякаго повода убиваетъ свою дочь, правдивостью своей захватываетъ читателя. Лучшимъ въ сборникѣ мнѣ представляется разсказъ „D-r. Wislizenus“, полный тихаго ужаса, постоянно нарастающаго, но при этомъ лишенный какихъ-либо фантастическихъ элементовъ. Уже однимъ этимъ разсказомъ оправдывается цѣлый сборникъ.—Въ книгѣ Макса Брода: *Max Brod:* „Weiberwirtschaft“ (Berlin, Axel Juncker), три граціозныхъ, нѣсколько ироническихъ, разсказа объединены общей мыслью: „Самымъ важнымъ изъ всѣхъ вопросовъ современности мнѣ представляется слѣдующій: окажется ли женщина въ силахъ сохранить свойственное ей столь красивое неподчиненіе никакимъ законамъ и въ наши дни, когда все такъ ужасно механизировано? Этотъ вопросъ безконечно важнѣе, чѣмъ всѣ бредни о женской эмансипаціи... Въ мірѣ, лишенномъ послѣднихъ слѣдовъ этой Богомъ задуманной красоты, я не хотѣлъ бы жить“...—Александръ Кастель, о романѣ котораго рѣчь была выше, написалъ еще томъ разсказовъ: *Alexander Castell:* „Capriccio“ (München, Albert Langen). Въ книгѣ 16 бездѣлушекъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ служитъ Парижъ, а дѣйствующими лицами—апаши, кокотки, атлеты. Всѣ разсказы довольно поверхностны, но не лишены граціи и юмора.—Своеобразна и интересна по замыслу и исполненію книга Фрица Рассо, на котораго я обратилъ вниманіе въ прошлогоднемъ обзорѣ: *Fritz Rassow:* „Spiegelfechter Eros“ (Frankfurt a/M, Rütten & Loening). Всѣ десять разсказовъ облечены въ форму писемъ, и во всѣхъ письмахъ рѣчь объ Эросѣ ослѣпляющемъ и смертельно поражающемъ ослѣпленнаго. Мнимые авторы всѣхъ этихъ писемъ,—отъ нумидійскаго карлика, бывшаго свидѣтелемъ ночей любви и смерти Семирамиды, до англійскаго сектанта нашихъ дней, проникшаго со своей проповѣдью въ домъ знатнаго лорда и отравленнаго странной эротической атмосферой, вѣющей отъ жены лорда, всѣ они—жертвы, и нѣтъ между ними ни одного счастливаго. Прекрасно выдержанъ стиль этихъ писемъ, переносящихъ насъ въ разные вѣка и разныя культуры. Послѣ прошлогодняго романа Рассо сдѣлалъ несомнѣнный шагъ впередъ.

Густавъ Майринкъ, котораго такъ часто сравнивали съ По и Вилье де Лиль Аданомъ, издалъ полное собраніе своихъ разсказовъ, бывшихъ разсѣянными по сборникамъ и журналамъ, подъ заглавіемъ: *Gustav Meyrink:* „Des deutschen Spiessers Wunderhorn“ (München, Albert Langen). Къ давно знакомымъ пьесамъ прибавлено нѣсколько еще не бывшихъ въ печати. Когда перечитываешь разсказы Майринка въ совокупности, все болѣе убѣждаешься, что фантастика ихъ не дѣланная и что авторъ (м. пр. не чуждый мистическихъ ученій Индіи и Востока) душевно причастенъ міру сверхъестественнаго. Нѣкоторые разсказы полны своеобразнаго желчнаго юмора, которымъ продиктовано и странное заглавіе сборника (въ приблизительномъ переводѣ): „Пѣсенникъ нѣмецкаго буржуя“.—Карлъ Фе-

дернъ издалъ второй томъ задуманнаго имъ цикла изъ 100 новеллъ (всѣхъ томовъ будетъ четыре): *Karl Federn:* „Abenteuer und Magie“ (München, Georg Müller). Въ этомъ томикѣ 26 разсказовъ, изъ которыхъ первые 17 относятся еще къ первой серіи „Маски и Жертвы“. Не обладая исключительнымъ художественнымъ дарованіемъ или оригинальностью, Федернъ знаетъ массу вещей и умѣетъ о нихъ съ большимъ вкусомъ разсказывать. Напечатанные въ *Русской Мысли* (1912 г. кн. XI) разсказы изъ первой серіи даютъ достаточно ясное понятіе о симпатичной манерѣ Федерна. Лучшимъ въ новой серіи мнѣ представляется разсказъ „Der Wagen“: влюбленная пара, мужчина и дѣвушка, ради которой онъ собирается бросить жену и дѣтей, встрѣчается на прогулкѣ съ возомъ сѣна; мужикъ на возу заснулъ, улица очень узкая, влюбленные прижимаются къ стѣнѣ, чтобы пропустить мимо себя возъ; но сзади изъ сѣна торчитъ коса, и лезвіе ея проходитъ на волосокъ надъ ихъ головами; молча расходятся любовники въ разныя стороны навсегда...

Впервые выступаютъ съ сборниками разсказовъ Арнольдъ Цвейгъ и Альфредъ Деблинъ. Книга перваго: *Arnold Zweig:* „Die Novellen um Claudia“ (Lepzig, Kurt Wolff), состоитъ изъ семи разсказовъ съ одной и той же центральной женской фигурой—Клавдіей; изящный поэтичный языкъ, выдержанный, спокойный тонъ повѣствованія дѣлаютъ эту книгу очень пріятной. Авторъ, повидимому, еще очень молодъ и многому научился у нѣкоторыхъ вѣнскихъ писателей. Лучшимъ мнѣ кажется разсказъ „Die keusche Nacht“.—Деблинъ примыкаетъ къ „крайней лѣвой“ современной литературы. Его книга: *Alfred Döblin:* „Die Ermordung einer Butterblume“ (München, Georg Müller), довольно занятна, но не обнаруживаетъ ни большого таланта, ни оригинальности. Даже странное заглавіе книги, повидимому, навѣяно однимъ изъ старыхъ разсказовъ Альтенберга, гдѣ убійство совершается надъ тюльпаномъ.—Упомяну еще сборники разсказовъ: *Kolbenheyer:* „Alibabama“ (München, Georg Müller), и *Trebitsch:* „Der Tod und die Liebe“ (Berlin, S. Fischer).

Минувшій годъ далъ нѣсколько очень хорошихъ женскихъ книгъ. На первомъ мѣстѣ назову романъ Аннеты Кольбъ: *Annete Kolb:* „Das Exemplar“ (Berlin, S. Fischer). Героиня книги—немолодая уже дѣвушка Миракле́, своеобразный типъ весталки, черпающей изъ сознанія своей дѣвственности особую сладострастную радость; она ѣдетъ въ Англію, чтобы встрѣтиться съ человѣкомъ, къ которому ее влечетъ странное полу-платоническое, полу-эротическое чувство и котораго она называетъ „экземпляромъ“. Въ Англіи и разыгрывается весь романъ, или скорѣе рядъ невинныхъ эпизодовъ. Весь интересъ сосредоточенъ на Миракле́, и эта книга является однимъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда писательница приподымаетъ слегка завѣсу, постоянно скрывающую отъ мужскихъ взглядовъ извѣстную область женской души.—Новый романъ Клары Фибигъ: *Clara Vibig:* „Das Eisen im Feuer“ (Berlin, Egon Fleischel & C⁰), подобно ея предыдущему роману „Die vor den Toren“, имѣетъ мѣстомъ дѣйствія старый Берлинъ; время—мартовскіе дни бурнаго 48 года. Заглавіе книги имѣетъ двоякій смыслъ: во-первыхъ, герой романа кузнецъ, во-вторыхъ, рѣчь идетъ о символическомъ желѣзѣ, которое въ тѣ годы ковалось для событій будущаго. Фибигъ даетъ мастерское, мѣстами потрясающее описаніе берлинской революціи, но, пожалуй, еще лучше ею изображено время, непосредственно предшествующее мартовскому возстанію. Дѣйствующія лица начерчены, какъ во всѣхъ романахъ этой талантливой писательницы, сильными штрихами и необыкновенно пластично.—Книга Анжелы Лангеръ: *Angela Langer:* „Stromantwärts“ (Berlin,

S. Fischer), собственно не романъ, а автобіографія и человѣческій документъ. Анжела Лангеръ, дочь бѣдныхъ родителей, служила много лѣтъ прислугой, терпѣла обиды злыхъ хозяекъ, приставанія мужчинъ, но сумѣла сохранить сильную и поэтичную душу, писала стихи, извѣдала радости и муки настоящей любви и проложила себѣ путь „вверхъ по теченію" къ жизни и литературѣ. На портретѣ, приложенномъ къ книгѣ, мы видимъ лицо женщины совершенно исключительной красоты.—Ирена Форбесъ-Моссе, давшая въ прошломъ году хорошій романъ „Der kleine Tod", издала сборникъ разсказовъ: *Irene Forbes-Mosse:* „Die Leuchter der Königin" (Berlin, S. Fischer). Разсказы, или, вѣрнѣе, нѣсколько пространныя стихотворенія въ прозѣ, этого сборника построены, главнымъ образомъ, на зрительныхъ впечатлѣніяхъ. Подсвѣчники королевы—это восемь дѣвушекъ, стоящихъ неподвижно съ факелами въ рукахъ у порога опочивальни нѣкоторой восточной царицы; картина эта разработана необычайно красочно. Изъ прочихъ пьесъ книги отмѣчу разговоръ маленькаго китайскаго принца Ву съ собачкой и діалогъ между пристанью и лодками. Книга заканчивается мастерскимъ переводомъ „Кентавра" Мориса Герена.—Вниманія заслуживають еще слѣдующія женскія книги: *Johanna Wolff:* „Hanneken" (Frankfurt a/M, Rütten & Loening)—романъ изъ жизни сестры милосердія; *Theophile von Bodisco:* „Im Hause des alten Freiherrn" (Berlin, S. Fischer)—изъ жизни эстляндскихъ бароновъ, и *Anja von Mendelsohn:* „Maja" (München, Georg Müller),—романъ актрисы.

Александръ Эліасбергъ.

5. Арнольдъ Беннеттъ.

Среди современныхъ англійскихъ беллетристовъ, послѣдователей традицій Фильдинга и Теккерея, несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Арнольду Беннетту, впервые выступившему въ англійской литературѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Это бытописатель по преимуществу, дающій въ своихъ произведеніяхъ яркое и детальное изображеніе англійской провинціальной жизни, жизни маленькаго городка, со всѣми его характерными сторонами, нравами и обычаями. Передъ читателемъ раскрывается, въ художественно-реалистическихъ описаніяхъ автора, маленькій замкнутый міръ, міръ зажиточной провинціальной буржуазіи, занимающей среднее мѣсто между народомъ, рабочимъ и крестьянами, съ одной стороны—и провинціальнымъ дворянствомъ (Gentry) и аристократіей—съ другой.

Но въ сущности этотъ маленькій міръ отражаетъ въ уменьшенномъ видѣ все англійское современное общество со всѣми его качествами и недостатками. Это Англія въ миніатюрѣ, затерявшаяся среди Большой Англіи, но сохранившая всѣ ея отличительныя черты. Національный характеръ, не столь ярко выраженный въ деревняхъ и сглаживающійся въ столицѣ и въ большихъ городахъ, вслѣдствіе соприкосновенія и тренія съ самыми разнообразными и подвижными элементами, всего лучше сохранился въ англійской провинціи, напр., въ тѣхъ „Пяти городахъ" промышленнаго округа, жизнь которыхъ изображена Беннеттомъ въ его романахъ. Вотъ, напримѣръ, городокъ Бёрслей, фабричный центръ, гдѣ приготовляется глиняная посуда для всей Великобританіи, тарелки, чашки и все остальное, гдѣ всю ночь и весь день дымятъ трубы обжигательныхъ печей, заражая воздухъ копотью и дымомъ. Правительство этого городка—лишь уменьшенное изображеніе англійскаго правительства. Тамъ убѣжденія не столько основываются на строго обдуманныхъ теоріяхъ, сколько на признанныхъ принципахъ и привычкахъ. Общество руководствуется уже установлен-

ными взглядами и вѣрованіями, которыя даже не подвергаютъ никакой критикѣ. Изображая провинціальный банкетъ, Беннеттъ выводитъ на сцену олигархію, которая, подъ видомъ демократическаго правительства, всѣмъ управляетъ, руководитъ и все контролируетъ въ этомъ городѣ, и, какъ самый добросовѣстный исторіографъ, авторъ развертываетъ передъ нами картину провинціальныхъ нравовъ, рисуетъ напыщенное самодовольство гражданъ, ярко выражающееся въ тостахъ банкета „Торговаго города Берслея“. Государственный организмъ былъ объявленъ совершеннымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и никто изъ лицъ, занимающихъ сколько-нибудь значительное мѣсто въ имперіи, начиная отъ королевы, англиканскаго духовенства и др., не былъ забытъ въ этихъ восхваленіяхъ, прославляющихъ необыкновенныя преимущества и совершенства англійской націи! Когда же одинъ изъ альдерменовъ, провозглашая тостъ за торговый городъ Бёрслей, только намекнулъ на нѣкоторые тревожные симптомы въ поведеніи низшихъ классовъ, то онъ тотчасъ же поспѣшилъ сгладить непріятное впечатлѣніе и выразилъ непоколебимую увѣренность, что „сердце страны попрежнему преисполнено лойяльныхъ чувствъ“. Громъ аплодисментовъ былъ наградой оратору за эти слова.

Талантъ автора, рисующаго намъ маленькую Англію, выразился во всей своей полнотѣ въ его трехъ большихъ романахъ: „The Old Wives' Tale“, „Clayhanger“ и „Hilda Lessways“.

Авторъ не довольствуется тѣмъ, что знакомитъ читателя съ провинціальною жизнью. Но онъ вводитъ его въ дома и раскрываетъ передъ нимъ интимную жизнь и душу своихъ героевъ. Онъ ведетъ его въ лавочку Бенса, въ комнату, гдѣ лежитъ отецъ, разбитый параличомъ, за которымъ ухаживаетъ бѣдная родственница. Онъ показываетъ читателю мастерскія типографщика Клейгенгера, приводитъ въ его старое помѣщеніе и новый домъ, который выстроилъ для него архитекторъ Оргревъ. И постепенно читатель осваивается со всѣми его дѣйствующими лицами, съ ихъ духовной жизнью и нравами, съ ихъ существованіемъ, вращающимся въ рамкѣ установленныхъ взглядовъ и принциповъ. Изъ этого замкнутаго круга какъ будто нѣтъ выхода, но авторъ, глубоко проникшій въ англійскую жизнь, подмѣчаетъ уже въ ней самые первые симптомы начинающихся перемѣнъ и анализируетъ происхожденіе тѣхъ измѣненій, послѣдствія которыхъ уже даютъ себя знать.

Описывая конецъ Бенса, конецъ его лавочки, паденіе торговли Бёрслея, поглощенной Генбриджемъ, Беннеттъ, въ сущности, изображаетъ конецъ цѣлой эпохи. Когда Джонъ Бенсъ умеръ, его вдова и аптекарь Кричлоу съ грустью смотрѣли на его жалкіе останки, на бѣлую бороду, окаймляющую его лицо. Они не понимали, что мертвый Бенсъ воплощаетъ въ себѣ цѣлую исчезнувшую эпоху. „Джонъ Бенсъ принадлежалъ къ прошлому,—говоритъ авторъ,—къ тѣмъ временамъ, когда люди дѣйствительно заботились о своей душѣ, когда слова ораторовъ могли заражать толпу гнѣвомъ или жалостью, когда никто еще не научился спѣшить и Демосъ только еще началъ шевелиться во снѣ, когда единственною красотою жизни считалось непоколебимое и важное достоинство человѣка, когда глубины ада еще были неизмѣримы и Библія съ золотыми застежками заключала въ себѣ тайну величія Англіи. Это была Англія середины царствованія королевы Викторіи, и она умирала, вмѣстѣ съ Бенсомъ, на кровати изъ краснаго дерева! Въ его лицѣ исчезалъ прежній идеалъ, и этотъ идеалъ умиралъ жалкой, безславной смертью, и люди отворачивались, чтобы не видѣть этого...“

Бенсъ умеръ, въ то время какъ его дочь Софія, поставленная ухаживать за нимъ, бросила его, повинуясь пер-

вому призыву любви. Глубокой печалью проникнуты всѣ три романа, гдѣ развертывается передъ нами жизнь нѣсколькихъ поколѣній. И въ каждомъ изъ нихъ центральнымъ пунктомъ является антагонизмъ двухъ поколѣній, родителей и дѣтей. Въ романѣ „Clayhanger" авторъ изображаетъ конфликтъ между отцомъ и сыномъ. Въ „Hilda Lessways" то же самое происходитъ между матерью и дочерью, и только впослѣдствіи героиня романа Гильда какъ будто начинаетъ понимать это и въ раздумьѣ спрашиваетъ себя, будетъ ли и ея дочь такъ же отличаться отъ нея, какъ она отличалась отъ своей матери? А въ романѣ „Clayhanger", когда умираетъ отецъ, Даріусъ Клейгенгеръ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Наконецъ порвалась цѣпь, связывавшая другъ съ другомъ два существа, столь не похожія другъ на друга, столь противоположныя и мало соотвѣтствовавшія другъ другу..." Но жизнь безжалостна и въ своемъ безостановочномъ движеніи неизбѣжно порождаетъ антагонизмъ поколѣній, идущихъ на смѣну другъ другу. Столько же печальной неизбѣжности заключается въ послѣдовательной смѣнѣ различныхъ эпохъ и въ тѣхъ сумеркахъ, которыя всегда наступаютъ послѣ яркаго разсвѣта начинающейся эпохи...

Какъ и большинство англійскихъ романистовъ, Арнольдъ Беннеттъ умѣетъ двумя-тремя яркими штрихами обрисовать дѣтство и раннюю юность своихъ героевъ, съ ея неопредѣленными мечтаніями, стремленіями, свѣжестью мысли и непосредственностью. Передъ нами проходитъ вереница юныхъ созданій, охваченныхъ жаждою жизни. Мы съ грустью видимъ, какъ проходятъ годы и уносятъ съ собой иллюзіи и наивные восторги юности. Въ одномъ изъ своихъ лучшихъ романовъ „The Old Wives' Tale" авторъ разсказываетъ жизнь Констанціи и Софіи съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Онъ изображаетъ различную судьбу двухъ сестеръ и старается опредѣлить, что осталось отъ двухъ жизнерадостныхъ молодыхъ дѣвушекъ въ двухъ старушкахъ, мирно доживающихъ свой вѣкъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Софія, въ молодости отличавшаяся необузданнымъ и независимымъ нравомъ, влюбилась въ красиваго юношу, съ которымъ познакомилась въ лавкѣ своего отца. Джеральдъ Скальсъ, бывшій студентъ, путешествовалъ по Европѣ и побывалъ въ Парижѣ, поэтому онъ показался юной Софіи Бенсъ, никогда не покидавшей Бёрслея, олицетвореніемъ изящества и свѣтскости. Но такъ какъ ея мать не поощряла этого знакомства, то Софія позволила себя похитить. Джеральдъ—самый вульгарный типъ соблазнителя и комедіанта любви. Онъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду ничего серьезнаго, но сумасбродная дѣвушка все же осталась вѣрна принципамъ, въ которыхъ была воспитана, и поэтому, прежде всего, заставила его обвѣнчаться съ собой. Такой брачный союзъ, конечно, былъ непроченъ. Прошли года. Софія сумѣла завоевать себѣ самостоятельное положеніе и даже разбогатѣть, а мужъ, покинувшій ее, продолжалъ свою прежнюю безпорядочную жизнь авантюриста. Черезъ тридцать лѣтъ она снова увидѣла его, но уже на одрѣ смерти. Это былъ бродяга, несчастный и изнуренный, который пришелъ умирать къ своему родственнику въ Манчестерѣ. При видѣ его трупа, поражающаго своей худобой и выраженіемъ усталости и крайняго истощенія, а также печатью вѣчнаго покоя на лицѣ, Софія испытала волненіе, но волненіе чисто примитивное и свободное отъ примѣси какого бы то ни было нравственнаго и религіознаго элемента. Она не думала о томъ, что онъ испортилъ свою жизнь и что въ теченіе многихъ лѣтъ его жизнь была и для него и для нея источникомъ стыда. Какъ онъ жилъ, это теперь не имѣло значенія. Софія была взволнована только одною мыслью: онъ былъ молодъ нѣкогда, состарился и теперь умеръ! Вотъ

и все. Молодость и сила исчезли безслѣдно, и осталось только это изможденное старческое тѣло. Все приводитъ къ одному концу. „Пройдетъ еще немного,—думала она,—и я буду такъ же лежать, какъ и онъ. А зачѣмъ я жила? Въ чемъ же смыслъ моего существованія?..“ И эта неразрѣшимая загадка жизни подавляла ее. Она смотрѣла въ окно на озабоченную толпу дѣльцовъ, торопливо идущихъ по улицамъ Манчестера, и ей было жаль всѣхъ этихъ людей, „которые не сознаютъ, что все, что они дѣлаютъ, приводитъ къ одному и тому же, конецъ одинъ для всѣхъ!“ И Софія не можетъ думать иначе. Она была обаятельна и красива. Но къ чему послужили ей эти преимущества? Они прошли, какъ и все проходитъ на свѣтѣ, и ей ничего не осталось!

Иначе разсуждаетъ ея сестра Констанція. Ея не смущаетъ никакая тайна жизни. Съ ея точки зрѣнія, представляющей традиціонные взгляды старой, пуританской Англіи, ничего не можетъ быть проще: Софія согрѣшила, и этимъ все сказано. Констанція твердо вѣритъ въ необходимость сохраненія принциповъ, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Міръ вынужденъ будетъ вернуться на тотъ истинный путь, который онъ покинулъ въ погонѣ за призракомъ прогресса. Такъ разсуждаетъ Констанція, и если она тоже не была счастлива въ жизни, то все же она никогда не сворачивала съ прямой дороги, какъ Софія, и поэтому была избавлена отъ укоровъ совѣсти и сожалѣній, отъ печальнаго сознанія жизненнаго банкротства и духовнаго опустошенія.

Жизнь, ощущеніе жизни, „смакъ жизни“ (the zest in life), какъ выражается самъ авторъ,—вотъ что непосредственно изображаетъ Беннеттъ въ своихъ произведеніяхъ. Его герои не разсуждаютъ, они живутъ, они чувствуютъ жизнь. Въ психологіи своихъ героевъ авторъ отводитъ мало мѣста анализу ихъ мыслей, но зато съ мельчайшими подробностями передаетъ всѣ оттѣнки ихъ чувствъ, всѣ эмоціи, вызываемыя у нихъ фактами жизни. Художественный реализмъ автора таковъ, что онъ заставляетъ читателя жить и чувствовать вмѣстѣ съ его героями. Читатель присутствуетъ вмѣстѣ съ Софіей Бейнсъ, героиней романа „The Old Wives' Tale“, на ужинѣ въ фешенебельномъ ресторанѣ въ Парижѣ, куда она поѣхала съ Джеральдомъ, послѣ того какъ обвѣнчалась съ нимъ. Молодая англичанка, бѣжавшая съ своимъ возлюбленнымъ изъ родительскаго дома, смущена новой и столь чуждой ей цивилизаціей, гдѣ съ такой откровенностью выражаются чувственные аппетиты и все, что имъ потворствуетъ. Она чувствуетъ себя неловко въ этой непривычной обстановкѣ. Затѣмъ новобрачные присутствуютъ при смертной казни въ Оксеррѣ. Очень ярко изображена авторомъ эта ночь на площади, передъ гильотиной, подозрительный отель, гдѣ происходятъ оргіи въ ночь передъ казнью и куда собираются подонки общества. Съ такою же силой реализма авторъ описываетъ и дальнѣйшую судьбу Софіи, брошенной мужемъ въ чужой странѣ; ея жизнь въ Парижѣ во время осады, парижскую толпу, распѣвающую марсельезу, и т. д. и т. д.

Часто въ описаніяхъ Беннетта проглядываетъ глубокая иронія, въ особенности въ сценахъ, изображающихъ пошлость и комедію домашней жизни. Въ этомъ отношеніи наиболѣе типичнымъ является описаніе семейнаго обѣда въ романѣ „Clayhanger“. Авторъ, рисуя маленькій, замкнутый міръ, въ то же время видитъ во всѣхъ частностяхъ проявленіе одного общаго начала. Маленькая провинціальная лавочка — это уголокъ Англіи, гдѣ дѣйствуютъ тѣ же принципы, тѣ же общественные законы.

Три романа, о которыхъ мы говорили, представляютъ нѣчто вродѣ цикла. Въ нихъ передъ читателемъ развертываются нѣсколько человѣческихъ жизней, и они являются какъ бы продолженіемъ

одинъ другого. Герой романа „Clayhanger“ Эдвинъ появляется и въ романѣ „Hilda Lessways“ и тоже какъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ романахъ Беннетта нѣтъ яркихъ драматическихъ положеній, но второстепенныя фигуры изображены имъ такъ же рельефно, какъ и главныя, и каждая изъ нихъ обладаетъ своей собственной индивидуальностью. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, что онъ слишкомъ вдается въ подробности во всѣхъ своихъ описаніяхъ, касается ли это чувствъ или жизненной обстановки дѣйствующихъ лицъ. Но онъ рисуетъ жизнь, какъ она есть, и, какъ англійскій романистъ-бытописатель по преимуществу, даетъ намъ красочную картину англійской современности, со всѣми присущими ей особенностями и намѣчающимися въ ней перемѣнами.

Э. Пименова.

6. Исторія стилей и русское искусство.

Явленія современнаго искусства слишкомъ волнуютъ. Принципіальная законность новаторства кажется несомнѣнной, но, съ другой стороны, происходитъ какъ бы полный разрывъ съ искусствомъ прошлаго, отрицаніе той преемственности, которая такъ наглядна въ близкія къ намъ, но отошедшія уже въ область исторіи эпохи. Наука объ искусствѣ стремится къ синтетизму и одновременно дѣлаются грубоватыя попытки обосновать явленія въ области искусства только соціальными и экономическими факторами.

Сейчасъ на первый взглядъ на-ряду съ недавнимъ возвращеніемъ къ прошлому происходитъ какъ бы порываніе съ нимъ, отрицаніе, особенно въ области живописи, тѣхъ основныхъ каноновъ, которыми жило европейское искусство еще со времени готики. Уже было высказано въ печати о какъ бы надвигающихся временахъ варварства, огрубѣнія, что такъ противорѣчитъ общему состоянію современной культуры и общей картинѣ исторіи искусства и его вѣкового движенія. Наука объ искусствѣ все расширяется и углубляется. Благодаря широкому изученію искусства востока, кропотливымъ изслѣдованіямъ археологовъ и историковъ искусства, дѣлаются открытія, дающія возможность приходить къ синтезирующимъ выводамъ. Античное искусство путемъ изысканій въ областяхъ микенской культуры и позднѣйшей эллинистической связывается съ древнѣйшимъ искусствомъ востока и первыми проявленіями новаго христіанскаго. Римъ далеко уже не кажется единственнымъ крупнымъ наслѣдникомъ эллинизма и единственнымъ первоначальнымъ источникомъ для возникновенія христіанскихъ формъ. Поздне-эллинистическіе портреты, найденные на позднѣйшихъ египетскихъ муміяхъ, поражаютъ импрессіонистской техникой, какъ бы оспаривая новизну огромнаго современнаго открытія и достиженія. Выяснена связь *итало-критской* живописи съ древней православной иконописью. Наконецъ, именно мы можемъ гордиться еще недостаточно оцѣненными и почти неотмѣченными въ Европѣ открытіями въ области нашей архитектуры и до-петровской живописи. Русская архитектура конца XVIII, начала XIX ст. и только что сверкнувшая утонченной красотой древняя русская иконопись являются столь странно запоздавшими и столь крупнѣйшими вкладами въ общую сокровищницу и новой связью между искусствомъ запада и востока.

Исторія искусствъ давно уже не представляется безсвязнымъ соединеніемъ какъ бы отдѣльныхъ возникающихъ эпохъ и стилей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе говорить объ общемъ поступательномъ движеніи искусства и, съ другой стороны, тѣмъ яснѣй, что „возвращенія“ къ искусству прошлаго въ эпохи такъ называемаго возрожденія невозможно понимать въ буквальномъ смыслѣ. Страннымъ образомъ отъ времени до

времени эти возвращенія являются почвой для новаторства.

Одной изъ интереснѣйшихъ попытокъ синтеза въ области исторіи искусствъ является недавно вышедшая въ русскомъ переводѣ въ издательствѣ „Космосъ" подъ редакціей и съ добавленіями М. С. Сергѣева книга Cohn-Wiener'a „Исторія стилей изящныхъ искусствъ". Издана она, къ сожалѣнію, нѣсколько небрежно, съ многочисленными опечатками, странностями и неловкостями перевода, мѣстами даже мѣшающими понимать текстъ. Уже на 3—4 страницѣ, наприм., попадается такая фраза: „Если мы проведемъ отсюда слѣдствіе, то мы придемъ прежде всего къ тому, что исторія искусствъ не имѣетъ права выводить безъ дальнѣйшаго"... На стр. 27: „роскошныя формы (искусства) созданы не изъ опредѣленной цѣли", и говорится о какихъ-то „покрытыхъ боляхъ (?) орнаментомъ". На стр. 118: „это происходитъ оно оттого"; гдѣ-то Веджвудъ названъ Вегвудомъ, станковая живопись—штанковой и т. д. Не вездѣ соглашаешься и съ авторомъ, особенно когда онъ говоритъ о декоративныхъ стиляхъ. Представленіе объ импрессіонизмѣ кажется у него нѣсколько спутаннымъ: какъ будто импрессіонизмомъ исключается и отрицается форма. Въ то же время въ одномъ мѣстѣ форма противопоставляется рисунку, понимаемому только въ смыслѣ контура. Саша Шнейдеръ, оказывается, былъ однимъ изъ создавшихъ „большія цѣнности въ области утонченныхъ настроеній". Тѣмъ не менѣе въ книгѣ много свѣжихъ и новыхъ мыслей, читается она почти съ увлеченіемъ. Авторъ старается послѣдовательно проводить свою основную мысль, что исторія искусствъ есть закономѣрная смѣна тектоническихъ и декоративныхъ стилей, но, думается, строго научная разработка слишкомъ важной темы требовала бы гораздо болѣе обширнаго обзора и возможно исчерпывающихъ доказательствъ.

Основной принципъ исторіи развитія стилей—постепенность эволюціи, какъ и въ естественныхъ наукахъ. Исторія искусствъ выражается въ переходахъ между эпохами. „Творческія силы народной жизни,—говоритъ авторъ,—никогда не останавливаются, и искусство ни на мгновеніе не остается безъ развитія". Это развитіе и есть внутренняя жизнь стиля, познаніе котораго не въ его признакахъ, а въ его творческихъ задачахъ. Для уясненія ихъ необходимо подвергнуть анализу и оцѣнкѣ всѣ области изящныхъ искусствъ. Стиль не создается сознательно, но зависитъ отъ закономѣрныхъ движеній созиданія и разрушенія, отъ общаго закона развитія, причемъ въ стиляхъ, лишенныхъ тектоническаго чувства, заложена нивеллирующая, интернаціональная тенденція. Постоянно всѣ силы эпохи творятъ стиль своего времени, и потому развитіе изобразительныхъ искусствъ подобно движенію волны. Ни одинъ стиль не появляется катастрофично, а каждый развивается изъ предыдущаго. Ни одинъ стиль не принимаетъ чуждыхъ элементовъ, не преобразуя ихъ въ своемъ духѣ, въ чемъ и обнаруживается его собственная сущность. Такъ, въ итальянскомъ ренессансѣ—не одна только переработка римскихъ антиковъ, а стиль empire—только въ извѣстной степени возрожденіе греческой древности. Поэтому названія стилей являются классификаціей явленій, между которыми въ сущности нельзя провести ясной границы. Мало того, авторъ считаетъ даже эти названія „лишенной содержанія классификаціей, которая только мѣшаетъ изслѣдованію живого потока искусства". Въ видѣ подтвержденія приводится, напр., такъ назыв. переходный стиль, гдѣ несомнѣнно смѣшеніе формъ романскихъ и готическихъ. Также въ концѣ романской эпохи уже какъ бы возникаетъ прото-ренессансъ, благодаря теченію, исходившему отъ остатковъ римскихъ антиковъ. Готика создала типъ дворца, господствующій въ ренессансѣ. Невозможно строго разгра-

ничить стили Людовиковъ, которые представляютъ лишь переходныя фазы отъ барокко къ рококо. Всякій разъ за конструктивнымъ стилемъ слѣдуетъ декоративный, а затѣмъ орнаментальный, который снова вытѣсняется конструктивнымъ. Такимъ образомъ, въ историческомъ развитіи стилей какъ бы постоянное волнообразное движеніе между конструктивной и декоративной тенденціей. Конструктивными стилями являются дорическій стиль Греціи, романскій средневѣковья и ранній ренессансъ Италіи; декоративными—поздній римскій стиль, готика и рококо. Въ архитектурѣ конструктивный стиль исходитъ изъ опоры, декоративный—изъ увѣнчанія зданія. Новыя формы создаются собственно прикладными искусствами въ широкомъ смыслѣ, а пластика и живопись дѣлаютъ послѣдніе выводы изъ прошлаго. Развитіе пластики и живописи идетъ рука объ руку съ упадкомъ строгой структуры въ прикладномъ искусствѣ и архитектурѣ, что мы видимъ, наприм., въ поздней готикѣ и ренессансѣ. Играя служебную роль въ конструктивныхъ стиляхъ (украшеніе архитектуры), съ развитіемъ декоративныхъ фигуры въ пластикѣ и живописи начинаютъ выдѣляться своими движеніями и все сильнѣе опредѣляются въ пространствѣ.

Авторъ доходитъ до искусства XIX столѣтія и современности, говоритъ о путаницѣ стилей во второй половинѣ XIX столѣтія, благодаря чему прикладныя искусства, живопись и пластика сдѣлались ареной невыносимой безвкусицы, объэпохѣ, лишенной всякой дисциплины, когда фасады домовъ загромождались баллюстрадами, фризами, пилястрами и орнаментами, взятыми изъ готики, ренессанса, барокко, рококо и другихъ стилей. Но въ живописи новое сильнѣйшее движеніе даетъ импрессіонизмъ, а въ архитектурѣ и прикладномъ искусствѣ послѣдняго времени все болѣе интенсивно стремленіе къ ясной цѣлесообразной формѣ.

Въ высшей степени характерно, что среди многочисленныхъ примѣровъ и обзоровъ авторъ совершенно не заглядываетъ въ область русскаго искусства. Книга его—результатъ послѣднихъ изысканій европейскихъ ученыхъ. Не удивительно ли, что эти изысканія все еще почти не касаются Россіи и русскаго искусства? По какому-то дикому застарѣлому предразсудку искусство огромной европейской страны все еще считается или незначительнымъ и подражательнымъ, или недоступнымъ изслѣдованію. О послѣднемъ, конечно, смѣшно и говорить въ наше время, когда подлинныя дебри, даже полюсы не останавливаютъ пытливости ученыхъ изслѣдователей. Вѣрнѣе, что европейская наука объ искусствѣ все еще почему-то надѣваетъ какія-то шоры предразсудка, какъ только дѣло коснется русскаго искусства. Вѣдь проглядѣлъ же, можно сказать, на-дняхъ знаменитый французскій эстетъ и знатокъ Анатоль Франсъ оригинальную красоту Петербурга, его старинныхъ зданій, заявивъ, что „Петербургъ городъ и только городъ", что его „можно создать когда угодно и гдѣ угодно". Не первый уже годъ выходитъ „Исторія русскаго искусства" Грабаря, гдѣ такъ скомбинированы новѣйшія изслѣдованія въ области русскаго зодчества, а между тѣмъ пока еще не слышно, чтобы произвели европейскую сенсацію эти подлинныя откровенія, столь наглядныя, благодаря прекраснымъ иллюстраціямъ. Или европейскіе музеи и библіотеки не выписываютъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ сейчасъ художественныхъ изданій только потому, что оно выходитъ въ Россіи?

Авторъ „Исторія стилей" очень свѣдущъ, даже ученъ, а между тѣмъ проявляетъ невѣжество относительно русскаго искусства, совершенно неизвинительное именно въ попыткахъ всеобъединяющаго, всеохватывающаго синтеза. Такъ, на страницѣ 85 его книги читаемъ, что византійскій стиль „послѣ разнообразныхъ измѣненій погибаетъ

въ тотъ моментъ, когда турки уничтожаютъ восточно-римскую имперію и ея культуру (1453 г.)". Съ нѣмецкой аккуратностью указанъ даже годъ смерти того стиля, который жилъ, пышно и своеобразно развивался еще болѣе двухъ столѣтій (если не живетъ и до сихъ поръ) въ русскомъ церковномъ строительствѣ и въ русской иконописи. Но вѣдь даже въ элементарныхъ учебникахъ установлена эта исконная связь съ самобытными русскими формами. Въ другомъ мѣстѣ даже вскользь не упомянуто своеобразнѣйшее отраженіе именно въ русскомъ строительствѣ другой замѣчательной эпохи. Стиль имперіи, возникнувъ во Франціи изъ стиля Людовика XVI, будто бы „получилъ въ Германіи свое наиболѣе интересное дальнѣйшее развитіе". О Россіи ни слова. Допустимъ, что „русскій ампиръ" во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, во всей своей цѣльности съ безчисленными образцами, разбросанными по всей Россіи, не доступенъ еще европейскому изслѣдованію. Но можно ли безъ шоръ на глазахъ не замѣчать поразительнаго стариннаго строительства Москвы и Петербурга, всетаки посѣщаемыхъ иностранцами? Есть ли въ любомъ европейскомъ городѣ что-нибудь подобное и равное по красотѣ нашему Адмиралтейству, Александринскому театру съ его проѣздомъ и пр.? Авторъ, восхищаясь старинными мюнхенскими постройками, очевидно, не имѣетъ представленія не только о нашихъ русскихъ зодчихъ, какъ Захаровъ, Казаковъ, Воронихинъ, но даже и о наиболѣе блестяще проявившихъ себя именно въ Россіи иностранцахъ Гваренги, Томонѣ и др. А вѣдь у насъ существуетъ уже литература именно о русскомъ строительствѣ конца XVIII, начала XIX вв., возникшая еще съ возникновеніемъ „Міра искусства", т.-е. пятнадцать лѣтъ назадъ, и столь сконцентрированная въ совершенно выдающемся художественномъ журналѣ *Старые Годы*. Пора бы европейскимъ ученымъ серьезно заинтересоваться нашими художественными изданіями и хотя бы по нимъ добраться до новыхъ откровеній о русскомъ искусствѣ.

А то вѣдь пока къ нѣмецкой книгѣ въ русскомъ изданіи волей-неволей пришлось приклеить XVII главу, коротенькій очеркъ русскаго искусства, составленный кстати прилично (напрасно только церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ названа церковью Николы и ярославскія церковныя росписи характеризуются, какъ иконографическія диссертаціи, а не какъ прекрасныя живописно-декоративныя произведенія).

Излишне, конечно, говорить, что авторъ „Исторіи стилей" совершенно не касается новѣйшаго русскаго искусства. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ онъ, можетъ быть, нашелъ бы именно подтвержденіе своихъ мыслей. Въ архитектурѣ мы переживаемъ, если уже не пережили, новое возрожденіе античности, стиля empire наряду съ возрожденіемъ древней новгородо-псковской архитектуры, т.-е. опредѣленное стремленіе къ конструктивности. Рядъ выразительныхъ построекъ уже созданъ нашими талантливыми молодыми архитекторами. Одновременно живопись въ ея разнообразныхъ новаторскихъ попыткахъ, на видъ исходя изъ чисто живописныхъ принциповъ, все болѣе и болѣе уходитъ отъ пространственной перспективной и канонической опредѣленности и точности формъ и какъ бы приближается къ линейной стѣнописи.

Во всякомъ случаѣ закономѣрность волнообразнаго движенія въ развитіи стилей—вопросъ чрезвычайно интересный и важный. Необходима всесторонность его освѣщенія. И думается, наряду съ обзорами прошлаго, особенно интересны и убѣдительны могли бы быть примѣры изъ настоящаго.

А. Ростиславовъ.

III. Историческая наука.

Сто лѣтъ назадъ.

Трудно оторваться отъ недавно вышедшихъ одновременно новыхъ двухъ томовъ (точнѣе двухъ частей третьяго тома) переписки Фридриха Гентца.[1] Австрійскій реакціонный журналистъ и довѣренный человѣкъ Меттерниха выступаетъ и въ этихъ томахъ тѣмъ же, чѣмъ онъ представлялся читателю первыхъ двухъ томовъ: недюжинною *натурою*—и посредственнымъ *умомъ*, хорошимъ наблюдателемъ—и плохимъ аналитикомъ, страстнымъ бойцомъ—и ничтожнымъ стратегомъ. Теперь ужъ не можетъ быть сомнѣнія, что онъ *не* былъ наемнымъ писателемъ, только получавшимъ заказы отъ Меттерниха, что это мнѣніе о немъ должно быть безповоротно сдано въ архивъ: темпераментъ, упорство, убѣжденность Гентца сдѣлали его не слугою, а другомъ австрійскаго канцлера, позволили ему оказывать даже извѣстное вліяніе на Меттерниха (несравненно болѣе умнаго и одареннаго человѣка).

Въ лагерѣ, гдѣ Гентцъ находился, мы видимъ, въ его эпоху, немного людей, которые по своей преданности идеѣ и упорству въ ея отстаиваніи могутъ быть поставлены на одну доску съ нимъ. Конечно, и сравненія, напр., не можетъ быть въ этомъ отношеніи между нимъ и Шатобріаномъ, между нимъ и резонеромъ де-Местромъ, хотя, разумѣется, и Шатобріанъ, и де-Местръ были людьми гораздо болѣе крупнаго умственнаго калибра. Онъ слѣпо ненавидѣлъ все, что имѣло (или въ чемъ онъ подозрѣвалъ) какую бы то ни было связь съ философіей XVIII вѣка, съ революціей, и его ненависть была основана на непреодолимомъ страхѣ, на убѣжденія, что новые принципы знаменуютъ собою не трансформацію, а конечную *гибель* Европы. Уже въ слѣдующемъ за Гентцемъ поколѣніи не нашлось—и не могло найтись—*такого* искренняго страха и такой ярой ненависти, не знающей снисхожденій и исключеній. Оттого его письма такъ необыкновенно интересны: они не даютъ намъ много новыхъ важныхъ фактовъ, которыхъ бы мы не знали еще, не блещутъ глубиною мысли, но представляютъ собою психологическій документъ первостепеннаго историческаго значенія.

Ненависть Гентца, сказалъ я только что, слѣпа; и не только его ненависть къ революціи. Для иллюстраціи возьму два примѣра, его отношеніе къ двумъ крупнѣйшимъ дѣятелямъ эпохи. Наполеона и Александра онъ ненавидитъ едва ли не одинаково (отчасти по той же причинѣ,—за причастность къ „революціоннымъ“ идеямъ).

И онъ отказывается видѣть дѣйствительность, а сочиняетъ своего собственнаго Наполеона и собственнаго Александра. Съ самаго начала онъ отказывается признавать даже таланты Наполеона: „Что касается Бонапарта, то я твердо убѣжденъ, что Виландъ оказываетъ слишкомъ много чести ему, какъ государственному человѣку“, пишетъ онъ въ 1799 году;[1] и дальше: „Бонапартъ во всякомъ случаѣ понимаетъ искусство *начинать* революціи, но не искусство гораздо болѣе тяжелое—*кончать* ихъ“ (курсивъ въ подлинникѣ). Это писалось въ мартѣ 1799 г., а въ ноябрѣ Наполеонъ уже совершилъ свой государственный переворотъ! Наступаетъ страшный для Австріи 1805 годъ, а Гентцъ внѣ себя отъ радости: онъ

---

[1] Briefe von und an Friedrich von Gentz (herausgeg. von F. C. Wittichen und Ernst Solzer München und Berlin, 1913) 3 Band. Erster Theil: Schriftwechsel mit Metternich. 1803—1819 (485 стр.). Zweiter Theil. 1820—1832 (378 стр.). Предыдущіе томы появились въ печати: первый—въ 1909 г., второй въ 1910 г.

[1] I, 255.

тоже хочетъ внести свою лепту въ общее дѣло Европы „низверженія тирана"; онъ такъ торопится низвергнуть Наполеона, что даже писемъ писать некогда. [1]) Это радостное волненіе охватило его 2 октября, а черезъ 18 дней Макъ сдался со своею арміею, а 2 декабря произошелъ Аустерлицкій разгромъ.

Но вотъ пришли первыя вѣсти объ Аустерлицѣ, о позорномъ перемиріи, о неизбѣжномъ мирѣ съ „тираномъ"-побѣдителемъ. Гентцъ не сдается: „я—такъ какъ я тоже держава—не заключаю мира, ни даже перемирія, и чѣмъ хуже идутъ дѣла, тѣмъ болѣе святымъ долгомъ считаю я не уступать"... „И этого божка, этого Ваала, этого театральнаго короля на тронѣ—и на какомъ тронѣ!—должны мы обожать? Ему должны мы служить? Нѣтъ!" И такъ всегда: онъ еще въ 1796 году, по собственнымъ словамъ, *именно потому* былъ „неутѣшенъ", что Бонапартъ по его глубокому убѣжденію *долженъ* былъ погибнуть, а на самомъ дѣлѣ, вмѣсто этого, завоевалъ вдругъ Италію. Но эти горькіе уроки нисколько не идутъ на пользу Гентцу. Онъ пишетъ весьма укоризненное письмо самому Меттерниху за то, что тотъ принялъ назначеніе посланникомъ въ Парижъ; онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, какъ это „чистая и возвышенная" душа Меттерниха войдетъ въ соприкосновеніе съ такимъ капищемъ пороковъ и преступленій, какъ наполеоновскій Парижъ! (une âme pure et elevée telle que la vôtre n'aurait jamais dû se trouver en contact avec la résidence de tant de crimes et d'horreurs). [2]) И въ то же время онъ опять полонъ надеждъ: готовится война Наполеона съ Пруссіей, и, конечно, Гентцъ опять полонъ самыхъ радужныхъ надеждъ, и ему даже кажется, будто въ прошломъ 1805 г. онъ былъ настроенъ мрачно, а теперь-де совсѣмъ по-иному, значитъ, предчувствіе его не обманетъ (онъ забылъ, что и въ 1805 году онъ ликовалъ.) Мало того: онъ съ восхищеніемъ говоритъ о грядущемъ улучшеніи въ положеніи дѣлъ, объ „упорномъ ослѣпленіи" Наполеона, готовящаго себѣ гибель, о грандіозной перемѣнѣ въ настроеніи, якобы замѣтной въ Германіи, о „всеобщей" и „рѣшительной" войнѣ и т. п. Все это—23 сентября 1806 г., а спустя три недѣли—въ одинъ день двѣ кровавыхъ битвы, гдѣ Наполеонъ и Даву стерли съ лица земли всю прусскую армію. На этотъ разъ даже Гентцъ почувствовалъ, какъ разительно судьба уничтожаетъ всѣ его надежды и расчеты. Спустя 12 дней послѣ Іены и Ауэрштедта Гентцъ, по собственному уподобленію, является человѣкомъ, медленно оправляющимся „отъ долгой и страшной болѣзни". Послѣ Тильзита ему уже кажется, что война Пруссіи противъ Наполеона была безсмысленною (reiner Unsinn), и что все, къ чему слѣдуетъ стремиться,—это сохранить по возможности силы для новыхъ „лучшихъ" войнъ. Гентцъ отходитъ на задній планъ, у Меттерниха онъ не ко двору, пока съ конца 1808 г. Австрія не начинаетъ готовиться къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Конечно, Гентцъ опять полонъ „счастливыхъ предчувствій" [1]), о которыхъ и пишетъ Меттерниху.

Опять за счастливыми предчувствіями слѣдуетъ разгромъ, — Ваграмскій бой, тяжкій для Австріи Шенбруннскій миръ. Гентцъ пишетъ Меттерниху, предостерегая его только отъ одного: отъ мысли о *союзѣ* съ Наполеономъ, такъ какъ „моральный эфектъ" подобнаго акта былъ

---

[1]) I, 287: ich bin in so grosser Thätigkeit begriffen und möchte so sehr keinen Augenblick verlieren, um jetzt auch mein Scherflein zum grossen Gemeingeschäft von Europa—dem Sturz des Tyrannen—beizutragen, dass ich nur hinzusetze, wie unveränderlich ich Sie liebe.

[2]) III, 1 Theil, 59 (23 сент. 1806).

[1]) III, Erst. Theil, 63 (18 novembre 1808): ...les pressentiments heureux dont je me berce...

бы гибеленъ; недопустимо также отдать Тироль, недопустимо признать Іосифа Бонапарта испанскимъ королемъ, недопустимъ разрывъ съ Англіей. Иными словами, Гентцъ толкалъ Меттерниха къ продолженію безнадежно-проигранной войны. Конечно, все „недопустимое“ было допущено, и даже дочь австрійскаго императора должна была по первому требованію стать женою Наполеона.—Гентцъ продолжалъ ненавидѣть Наполеона, но онъ былъ такъ подавленъ, что чрезмѣрная заносчивость смѣнилась теперь непреодолимымъ страхомъ. Напр., когда начиналась война 1812 г. Гентцъ смотрѣлъ на нее какъ на зло, на русскую политику какъ на „совершеннѣйшую глупость“ (vollendeste Narrheit), боялся за Австрію и т. д. Мало того: послѣ первыхъ побѣдъ Наполеона въ 1813 г. Гентцъ до такой степени не предвидѣлъ даже отдаленно Лейпцига, что совѣтовалъ, пока есть время, мириться съ французскимъ императоромъ. Даже въ мартѣ 1814 г. онъ еще „дрожалъ за будущее“. Но когда Наполеонъ погибалъ, Гентцъ (впервые за всю жизнь) сталъ говорить о немъ временами спокойнѣе,—и вотъ его сужденіе: „этотъ человѣкъ всю свою жизнь велъ только большую военную игру съ французами, со всею Европою, съ собою самимъ и съ своею судьбою. Онъ остается одинаковымъ на вершинѣ счастья и на краю гибели“. Онъ—не Цезарь, но и не Неронъ: „рѣдкостное міровое явленіе, которое мы называемъ Бонапартомъ, должно измѣряться особымъ масштабомъ“. [1]) Тутъ же Гентцъ сознается, что ему именно Меттернихъ разъяснилъ характеръ Наполеона. И *въ то же время* онъ объявляетъ, что и въ 1814 году сохраняютъ свою силу стихи, направленные противъ Наполеона Клейстомъ:

Schlagt ihn tot! das Weltgericht
Fragt euch nach den Gründen nicht!

Отношеніе его къ Александру остается съ начала до конца враждебнымъ,—и эти только что вышедшіе томы переписки изобилуютъ показаніями въ этомъ смыслѣ. Въ 1807 г. онъ считаетъ безумною, общею и гибельною ошибкою мысль, будто Россія можетъ спасти Европу отъ Наполеона. Въ 1812 г., когда уже Отечественная война была въ разгарѣ, Гентцъ не находитъ достаточно словъ, чтобы выразить свое возмущеніе по поводу воззванія русскихъ властей къ нѣмцамъ. Въ глазахъ Гентца это воззваніе окончательно губитъ Александра. [1]) „Невозможно, чтобы такой жалкій государственный человѣкъ (so ganz elender Staatsmann) былъ хорошимъ полководцемъ“. Ему воззваніе кажется революціоннымъ въ высшей степени (дѣло шло о сформированіи нѣмецкаго полка противъ Наполеона; изъ этого ничего въ 1812 г. не вышло). „Призывать подданныхъ судить правительства — при всѣхъ обстоятельствахъ преступно и недостойно закономѣрнаго правителя, а въ нынѣшнемъ положеніи Германіи—совсѣмъ смѣшно и возмутительно, если это приходитъ съ *такой* стороны“ (курсивъ въ подлинникѣ). Гентцъ имѣетъ въ виду, что вѣдь офиціально нѣмецкія правительства—въ союзѣ съ Наполеономъ; слѣдовательно, воззваніе Александра есть революціонный призывъ. Онъ признаетъ „безстыдствомъ“ обращеніе къ нѣмцамъ, къ тѣмъ, кого столько разъ „обманывали, предавали, продавали“: Тильзита онъ Александру не простилъ никогда. Впервые лично познакомился Гентцъ съ русскимъ императоромъ только въ 1813 г., и Александръ временно очаровалъ его [2]); Александръ и не такихъ умѣлъ очаровывать. Въ этомъ 1813 году Гентцу еще кажется, что союзъ Россіи съ Австріей—залогъ „возрожденія мірового спокойствія“, но уже 16 января 1814 г. онъ пишетъ Меттерниху, предостерегая его отъ „тайнаго ропота“ и будущаго сопротивле-

[1]) III, 1 Theil, 274.

[1]) III, 93 (17 авг. 1812).
[2]) Ibid., 109.

нія Александра. Онъ даже не прочь отъ мира Австріи съ Наполеономъ; боязнь новаго врага одолѣваетъ его; [1]) между двумя чувствами вражда къ торжествующему Александру беретъ верхъ надъ ненавистью къ побѣжденному Наполеону. „Александръ и съ нимъ тысячи фанатиковъ“ [2]) желаютъ итти на Парижъ; Гентцу это не нравится. Вообще, онъ раздѣляетъ время Александра на „фанатическіе“ часы и трезвые; въ послѣднемъ случаѣ онъ „всегда“ якобы обращается къ Меттерниху.

Но вотъ, русскіе въ Парижѣ, и Александръ настаиваетъ на конституціи для Франціи. Гентцъ внѣ себя: онъ осыпаетъ Александра въ письмѣ къ Меттерниху совершенно неприличною руганью, которую я считаю излишнимъ приводить. Брань повторяется и въ письмѣ 1816 г. [3]); и въ искренность Александра, въ его преданность Священному союзу Гентцъ не вѣритъ нисколько. И опять ненависть рисуетъ предъ его глазами желательную картину: Александръ въ тискахъ неслыханныхъ финансовыхъ затрудненій, армію не на что содержать, внутреннее управленіе разстроено, всѣ жалуются, всѣ въ Россіи ненавидятъ Александра и т. д. „Въ собственной семьѣ онъ не въ безопасности“.—Временно Гентца утѣшаетъ „разрывъ между императоромъ и демагогами“, когда Александръ выступилъ противъ германскихъ студенческихъ безпорядковъ (письмо 15 марта 1819 г., III, 361). Но въ томъ же году Меттернихъ весьма серьезно указываетъ Гентцу, что „русскіе агенты разъѣзжаютъ по Италіи и возбуждаютъ въ сектахъ надежды на либерализмъ императора Александра“ [4]), — и Гентцъ, съ своей стороны, обращаетъ иронически вниманіе Меттерниха на „глубокое молчаніе“ Александра по поводу убійства Коцебу (das tiefe Stillschweigen des Kaisers von Russland... ist eine höchst seltsame Erscheinung).

Впрочемъ, спустя нѣсколько времени (17 іюня 1819 г.) Меттернихъ съ удовольствіемъ извѣщаетъ своего друга: „Настроеніе русскаго императора—тоже [1]) хорошее. Онъ тоже испуганъ“. И спустя годъ Меттернихъ еще доволенъ Александромъ: „донскіе крестьяне“,—сообщаетъ онъ Гентцу 10 августа 1820 г., — подняли возстаніе на томъ основаніи, что, какъ они узнали, его величество объявилъ свободными эстляндскихъ и курляндскихъ крестьянъ; такъ и они тоже хотятъ быть свободными. Много войскъ пошло туда, чтобы изгнать кнутомъ либеральнаго чорта“ (um mit der Knute den liberalen Teufel auszutreiben). Но наступаютъ греческія осложненія,— и „либеральный чортъ“, котораго всюду искали Гентцъ и Меттернихъ, проявляется снова—въ русскомъ кабинетѣ. „Для сумасшествія русскаго кабинета нѣтъ имени“, пишетъ Гентцъ канцлеру (27 марта 1825 г.).—Гентцъ и по поводу декабристовъ дѣлится мыслями съ Меттернихомъ. Прочтя отчетъ слѣдственной комиссіи, онъ ужаснулся. „Болѣе страшнаго документа я еще не видѣлъ. Сравнительно съ этими русскими заговорщиками наши нѣмецкіе революціонеры—невинныя дѣти... Я понимаю, что императоръ былъ въ необходимости опубликовать докладъ; но на его мѣстѣ я считалъ бы это величайшимъ несчастьемъ своей жизни, такъ какъ клеймо, которое онъ положилъ на лобъ всей русской націи, не изгладится столѣтіями“ [2]). Встревожилъ его отчасти и слухъ о возвращеніи Сперанскаго къ дѣламъ. „Я не считаю его ни революціонеромъ, ни даже открытымъ либераломъ“, пишетъ онъ Меттерниху, но при-

---

1) III, 254—255.

2) Ibid., 258.

3) 329, 22 Jan. 1816.

4) IIII, 429. Меттернихъ—Гентцу, 7 мая 1819 г.

1) Рѣчь шла объ испугѣ германскихъ правительствъ предъ броженіемъ въ Германіи.

2) IIIII, 274, 23 іюля 1826 г.

бавляетъ, что не считаетъ его правильно и практично мыслящимъ человѣкомъ. Сперанскій слишкомъ много занимался „масонскими нелѣпостями", слишкомъ близокъ былъ съ Александромъ, и толку выйти изъ него, словомъ, не можетъ. Какъ бы только не пришлось „вторично осуждать на висѣлицу и каторгу сотни заговорщиковъ изъ первыхъ фамилій", иронизируетъ Гентцъ. Онъ и Николая I на первыхъ порахъ заподозрѣлъ въ либерализмѣ.

Переписка Гентца даетъ много любопытныхъ чертъ для исторіи европейской реакціи начала XIX столѣтія, а можетъ быть, и больше—для исторіи Европы вообще въ наполеоновскіе и послѣ-наполеоновскіе годы. Читатель все время видитъ предъ собою человѣка хотя и узкаго, часто слѣпо-злобнаго, но живого, горячаго, съ упорными симпатіями и болѣзненными антипатіями, слышитъ біеніе давно умолкшей жизни, переносится въ эти отдѣленные отъ насъ всего однимъ столѣтіемъ, но уже такіе далекіе годы.

Евг. Тарле.

IV. Религія и церковь.

Книга о первобытной религіи.

Всеобщая исторія религій лишь недавно начала принимать видъ наукообразной дисциплины. Хотя легко можно насчитать цѣлую библіотеку книгъ, посвященныхъ этой темѣ, однако большинство ихъ лежитъ какъ бревна на пути молодой науки. Богословіе оказалось здѣсь вреднѣе для поступательнаго движенія ищущей мысли, нежели въ какой бы то ни было другой области, и притомъ не только богословіе, восходящее къ Ѳомѣ Аквинату, но и отрицательное богословіе Фейербаха и Конта, Спенсера и Дрэпера. Взглядъ на религіозныя представленія, какъ на заблужденіе разума, совращеннаго съ праваго пути обманчивостью чувствъ и безудержной мощью фантазіи, только теперь начинаетъ уступать мѣсто болѣе объективнымъ воззрѣніямъ. Всего двадцать пять лѣтъ назадъ Оскаръ Грушe опубликовалъ свое извѣстное сочиненіе о греческой миѳологіи, въ которомъ съ большой эрудиціей доказывалъ, что религія есть кошмарное суевѣріе, изобрѣтенное нѣкоторыми передне-азіатскими народами и, словно прилипчивая болѣзнь, перекинувшееся къ болѣе здоровымъ западнымъ племенамъ. Но времена перемѣнились, и подобныя теоріи не могутъ впредь разсчитывать на прочный кредитъ. За истекшія два десятилѣтія совершился существенный переворотъ въ сужденіяхъ ученыхъ, избравшихъ исторію религій своей спеціальностью. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ французскій соціологъ Эмиль Дюркгеймъ въ своей новой книгѣ „Les Formes élémentaires de la vie réligieuse": „Въ сущности говоря, нѣтъ абсолютно ложныхъ религій, всѣ онѣ отвѣчаютъ, хотя различнымъ образомъ, даннымъ условіямъ человѣческаго существованія... Важнѣйшій изъ постулатовъ соціологіи гласитъ, что никакое человѣческое учрежденіе не можетъ покоиться на заблужденіи и лжи; въ противномъ случаѣ оно должно было бы очень скоро погибнуть".

Признаніе законности и, въ конечномъ счетѣ, необходимости религіозныхъ переживаній, представляетъ собою первый базисъ науки о религіяхъ. Вторымъ изъ таковыхъ базисовъ является идея о единообразномъ (разумѣется, въ общихъ чертахъ) религіозномъ развитіи человѣчества. Пока каждую національную религію склонны были разсматривать, какъ продуктъ народнаго духа, въ корнѣ отличнаго отъ „духа" прочихъ народовъ, наука о религіяхъ не могла возвыситься въ самомъ лучшемъ

случаѣ надъ каталогическимъ, лишеннымъ всякаго метода, описаніемъ. Лишь усмотрѣвъ общія черты въ пестромъ многообразіи вѣрованій и культовъ, можно намѣтить типическую схему развитія религіозныхъ представленій, а стадіи, давно пережитыя болѣе культурными народностями и оставившія очень мало доступныхъ историку слѣдовъ, сдѣлались понятны, благодаря наблюденіямъ надъ первобытными племенами. Этнографы, изслѣдовавшіе Австралію, Африку и Сѣверную Америку, явились на помощь эллинистамъ, индуистамъ и египтологамъ. Сопоставленіе данныхъ, почерпнутыхъ путемъ непосредственнаго наблюденія, съ выводами исторіи и филологіи началось сравнительно недавно, но уже успѣло принести благотворные результаты. Въ настоящее время мы уже можемъ построить приблизительную іерархію религіозныхъ системъ и установить естественный порядокъ ихъ чередованія. Но прежде чѣмъ достигнутъ былъ этотъ успѣхъ, пришлось преодолѣть еще одно затрудненіе: возникъ вопросъ—что слѣдуетъ считать низшей ступенью таковой іерархіи? Соблазнъ конструировать первоначальныя формы религіозности апріорнымъ путемъ былъ слишкомъ великъ, и, главнымъ образомъ, ему мы обязаны возникновеніемъ двухъ наиболѣе извѣстныхъ теорій—анимизма и натуризма. Религія, какъ усложненіе и видоизмѣненіе первоначальной вѣры въ души умершихъ, и религія, какъ обоготвореніе природныхъ силъ,—такъ рисовалась картина Спенсеру и Тайлору, съ одной стороны, и Максу Мюллеру—съ другой.

Но теперь эти взгляды мало-по-малу теряютъ подъ собой почву. Болѣе внимательное ознакомленіе съ религіознымъ бытомъ дикарей, особенно австралійцевъ, дало достаточный матеріалъ для сужденій о первобытной религіи. Съ извѣстной долей увѣренности мы можемъ сказать, что наиболѣе ранней формой религіозныхъ вѣрованій былъ такъ называемый *тотемизмъ*. Конечно, и этотъ послѣдній, прежде чѣмъ достигнуть того состоянія, въ которомъ онъ сдѣлался объектомъ научнаго изслѣдованія, пережилъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, длинную эволюцію, отдѣльные этапы которой скрываются въ мракѣ первобытнаго варварства и возстановлены быть не могутъ. Во всякомъ случаѣ исходная точка найдена. Тотемизмъ для науки о религіяхъ является тѣмъ же самымъ, чѣмъ протоплазма для біологія.

Многіе видные этнологи, въ томъ числѣ Фрэзеръ и А. Лэнгъ, разрабатывали вопросъ о тотемизмѣ на основаніи новѣйшихъ данныхъ. Но самое полное и законченное изложеніе читатель найдетъ въ книгѣ Дюркгейма, поименованной выше. Правда, трудъ Дюркгейма не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, большія сомнѣнія возбуждаетъ его теорія познанія, разсматривающая наиболѣе абстрактныя мыслительныя категоріи, какъ рефлексъ соціологическихъ данныхъ. Затѣмъ, непріятно можетъ поразить стремленіе автора дать исчерпывающее и окончательное объясненіе явленій религіозной психологіи. Дѣло въ томъ, что вполнѣ „объяснить“ возникновеніе религіи невозможно. Въ каждой религіи есть нѣкоторое внутреннее ирраціональное зерно, котораго нельзя растереть на мельничныхъ жерновахъ науки. Дюркгеймъ слишкомъ часто забываетъ объ этомъ, и потому заключительныя главы его книги много слабѣе, нежели описательная первая часть. Къ ней-то мы и обратимся.

Прежде всего, что такое тотемизмъ? Слово *тотемъ* заимствовано изъ одного изъ сѣверо-американскихъ языковъ, но явленіе, имъ означенное, встрѣчается у многихъ народовъ и съ наибольшей полнотою можетъ быть наблюдаемо въ центральной Австраліи.

Основной соціальной ячейкой для большинства австралійскихъ племенъ является группа, за которой въ совре-

менной этнографіи утвердилось названіе клана. Двѣ особенности являются характерными признаками клана: во-первыхъ индивиды, входящіе въ его составъ, считаютъ себя объединенными родственной связью, но связь эта основана не на единствѣ крови (что, впрочемъ, не исключается), а на общности имени. Въ этомъ отношеніи кланъ подобенъ римской gens, ибо родство между гентилями также выводилось изъ того обстоятельства, что всѣ члены носили одно и то же имя. Но здѣсь сходство кончается. Первобытный кланъ, какъ австралійскій, такъ и сѣверо-американскій, имѣетъ ту особенность, что его имя одновременно служитъ названіемъ опредѣленной категоріи матеріальныхъ предметовъ, съ каковыми предметами кланъ находится въ особыхъ отношеніяхъ, напоминающихъ отношенія родства. Классъ вещей, названіе которыхъ принято кланомъ въ качествѣ имени, и есть тотемъ.

Предметы, играющіе роль тотемовъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ царствамъ растительному и животному, особенно къ послѣднему. Но изрѣдка встрѣчаются въ числѣ тотемовъ вещи неодушевленныя. Напримѣръ: дождь, облака, громъ, огонь, солнце, луна и звѣзды.

Однако тотемъ—это не одно только имя. Въ то же время это эмблема и знамя клана, нѣчто вродѣ геральдическаго герба европейцевъ. Его изображеніями туземцы покрываютъ свои шалаши, оружіе, предметы домашняго обихода и даже собственныя тѣла. Этими же изображеніями украшены особые инструменты, такъ называемые на одномъ изъ австралійскихъ нарѣчій „churinga", различнымъ образомъ употребляемые во время религіозныхъ церемоній. Churinga представляютъ собою высшую святыню клана. Женщины и юноши, еще не получившіе религіознаго посвященія, не имѣютъ къ нимъ доступа, не могутъ даже видѣть ихъ, ибо они хранятся въ особомъ потаенномъ мѣстѣ, неизвѣстномъ профанамъ. Прикосновеніе къ churinga исцѣляетъ раны и болѣзни, помогаетъ росту бороды, сообщаетъ воинамъ доблесть и отвагу, умаляетъ силы враговъ. Судьба клана тѣсно связана съ судьбою churinga. Ихъ потеря является величайшей катастрофой, могущей повлечь за собою распаденіе клана.

Но сами по себѣ churinga суть обыкновенные предметы изъ дерева и камня, изготовляемые старѣйшинами на виду у всѣхъ. Ихъ священный характеръ зависитъ исключительно отъ тотемическаго знака, который они носятъ. Изображеніе тотема представляетъ собою простой геометрическій узоръ, имѣющій чисто условное значеніе. Это не картина, но символическій знакъ, смыслъ котораго понятенъ исключительно лицамъ, входящимъ въ составъ клана.

Тотемическими изображеніями не исчерпывается кругъ предметовъ, священныхъ для австралійца. Сюда входятъ отдѣльныя существа, носящія тотемическое имя, а также всѣ члены клана. Такъ какъ рисунки, изображающіе тотемъ, возбуждаютъ религіозное благоговѣніе, то, совершенно естественно, что предметы, послужившіе для нихъ моделями, обладаютъ, въ извѣстной мѣрѣ, тѣмъ же свойствомъ. По большей части въ этомъ положеніи оказывается та или иная порода животныхъ или растеній. Сакральное достоинство ихъ сказывается въ томъ, что ихъ запрещено употреблять въ пищу. Правда, мясо священнаго животнаго можетъ служить для ритуальной трапезы, но оно совершенно изъято изъ обычнаго потребленія.

Остается указать мѣсто, которое занимаетъ человѣкъ въ системѣ представленій, образующихъ тотемизмъ. Каждый членъ клана облеченъ въ глазахъ своихъ сородичей особымъ сакральнымъ достоинствомъ, подобнымъ тому, которое является удѣломъ тотемическаго животнаго. Человѣкъ считается въ то же время какъ бы растеніемъ или

животнымъ, принадлежащимъ къ тотемическому виду. Уму цивилизованнаго европейца подобное допущеніе показалось бы чудовищной нелѣпостью, но дикарь не видитъ здѣсь ничего невѣроятнаго. Дѣйствительно, каждый членъ клана носитъ тотемическое имя, а, согласно первобытному міровоззрѣнію, тождество именъ указываетъ на единство внутренней природы. Для дикаря имя не есть простое сочетаніе звуковъ. Оно является частью предмета и притомъ частью весьма существенной. Человѣкъ, принадлежащій къ клану, имѣющему своимъ тотемомъ кенгуру, себѣ и другимъ представляется принадлежащимъ къ породѣ этихъ животныхъ.

Не слѣдуетъ разсматривать тотемизмъ, какъ одну изъ формъ зоолатріи. Австраліецъ отнюдь не поклоняется растенію или животному, какъ вѣрующій божеству. Онъ самъ принадлежитъ къ іерархіи священныхъ существъ, и тотемическое животное лишь занимаетъ нѣсколько высшее мѣсто. Поэтому его иногда именуютъ отцомъ или дѣдомъ клана. Связь, объединяющая людей съ тотемическими существами, есть отношеніе родства, но объектомъ культа на этой ступени религіознаго развитія растеніе или животное само по себѣ никогда не является.

Такова эта религія, самая простая и низменная изъ всѣхъ, намъ до сихъ поръ извѣстныхъ. Она столь далека отъ нашихъ взглядовъ и мыслительныхъ навыковъ, что нѣкоторые изслѣдователи вовсе отказывались называть ее религіей.

Однако Дюркгеймъ весьма убѣдительно доказываетъ, что именно тотемизмъ является почвой, на которой отлагаются всѣ позднѣйшія напластованія религіозной мысли. Начало этого процесса можно наблюдать и въ Австраліи. Первоначальный тотемизмъ осложняется здѣсь и культомъ предковъ, и вѣрою въ бога-творца всѣхъ вещей, и многочисленными космологическими и теогоническими миѳами. Но родство болѣе возвышенныхъ религіозныхъ идей съ древней первоосновой еще не успѣло изгладиться, благодаря чему анализъ австралійскихъ вѣрованій является особенно поучительнымъ.

П. Губеръ.

V. Школа и воспитаніе.

Внѣшкольное образованіе въ Германіи.

Многія культурныя страны, въ особенности Америка и Англія, обращаютъ большое вниманіе на развитіе тѣхъ образовательныхъ учрежденій и мѣропріятій, которыя должны обслуживать взрослое населеніе и молодежь, уже закончившую свое школьное обученіе.

Германія въ этомъ отношеніи очень отстала.

Внѣшкольное образованіе находится въ ней почти что въ зачаточномъ состояніи и лишь въ послѣдніе годы оно стало болѣе быстро распространяться въ ширь и улучшаться качественно.

Особенно рѣзко бросается въ глаза эта отсталость, если сравнить развитіе въ Германіи школьнаго дѣла съ внѣшкольнымъ. Изъ предшествующихъ моихъ замѣтокъ видно, насколько въ Германіи всѣ силы, средства и вниманіе были сосредоточены на школѣ, какіе крупные результаты были здѣсь достигнуты. Это, вѣроятно, и привело къ тому, что внѣшкольное образованіе осталось совершенно въ тѣни.

Кромѣ того, поставивъ на широкую и прочную основу всеобщее обученіе съ 8-лѣтнимъ курсомъ, затративъ массу средствъ и работы на народную школу, нѣмцы, видимо, всѣ свои надежды возложили на школу. Особенно харак-

терна въ этомъ отношеніи политика правительства. Я уже указывалъ, насколько правительство Германіи играло крупную роль въ созданіи народной школы, какъ оно шло впереди и настойчиво заставляло общины открывать школы и выполнять опредѣленный минимумъ требованій для раціональной постановки дѣла, давая и съ своей стороны большія средства на школу.

Учрежденіе же народныхъ библіотекъ, устройство чтеній, лекцій, курсовъ и т. п. правительство всецѣло предоставило иниціативѣ органовъ самоуправленія и частныхъ обществъ. Иногда оно лишь оказываетъ небольшую помощь бѣднымъ сельскимъ общинамъ, причемъ на всю Германію эта сумма за годъ не превышаетъ 200,000 марокъ, т.-е. менѣе 100,000 руб.

Наконецъ, надо принять еще во вниманіе, что при общей культурности населенія и его сравнительной зажиточности потребность во внѣшкольномъ образованіи не даетъ себя такъ остро чувствовать, какъ, наприм., у насъ въ Россіи. Въ Германіи населеніе само покупаетъ порядочное количество книгъ, выписываетъ журналы, газеты, участвуетъ въ обществахъ, гдѣ оно можетъ обмѣняться мнѣніями, выслушать какой-либо докладъ, прочитать какое-либо наставленіе по своей спеціальности и т. п.

Насколько въ населеніи развита, такъ сказать, своя частная культура, показываютъ слѣдующія цифры. Несмотря на слабое распространеніе библіотекъ и скромные размѣры послѣднихъ, Германія превосходитъ по числу издаваемыхъ книгъ всѣ страны. Среднее число произведеній, издаваемыхъ за годъ, доходитъ въ Германіи до 30,000. Очевидно, книга расходится въ широкихъ слояхъ населенія. Газетъ приходится на каждаго жителя по $3^1/_2$ экземпляра.

Изслѣдованія, произведенныя среди рабочихъ Берлина, показываютъ, напримѣръ, что въ среднемъ въ бюджетѣ каждой семьи на книги и газеты удѣляется ежегодно 24 марки (примѣрно 11 руб.). Среди рабочихъ на шахтахъ 74% читаютъ или книги или газеты.

Вообще у населенія, видимо, есть возможность и стремленіе продолжать свое образованіе или примѣнять въ жизни свои, полученныя въ школѣ, знанія.

Въ настоящее время положеніе внѣшкольнаго образованія въ Германіи приблизительно находится въ слѣдующемъ положеніи.

Въ селахъ и деревняхъ имѣются обычно лишь небольшія библіотечки на 200—300 марокъ. Но есть очень много поселеній (почти половина всего числа), гдѣ ничего нѣтъ. Эти небольшія библіотечки устраиваются по иниціативѣ мѣстныхъ учителей, пасторовъ или какихъ-либо мѣстныхъ ферейновъ. Сельскія управленія приходятъ въ такихъ случаяхъ на помощь частной иниціативѣ, но есть и такія самоуправленія, которыя жалѣютъ внести въ годъ 5—10 р. на это дѣло. Кромѣ библіотекъ, въ селахъ иногда устраиваются просвѣтительными обществами чтенія, лекціи и т. п.

Въ городахъ дѣло обстоитъ лучше— тамъ имѣются уже настоящія библіотеки съ отдѣльнымъ библіотекаремъ и своимъ помѣщеніемъ, тамъ устраиваются систематическіе курсы для взрослыхъ, народные концерты, представленія и т. д.

Но нельзя сказать, чтобы и города были щедры на устройство или поддержку внѣшкольнаго образованія. По анкетѣ, произведенной въ 1911 г. среди городовъ Германіи, имѣющихъ болѣе 20,000 жителей, оказалось, что только $^1/_3$ часть всѣхъ городскихъ самоуправленій ассигновываетъ нѣкоторыя суммы на лекціи и курсы, причемъ почти всѣ ассигнованія идутъ не на городскія мѣропріятія, а на поддержку частной работы. Театрамъ посчастливилось болѣе — многіе города имѣютъ собственные театры для народныхъ представленій, больше половины городовъ ассигновываетъ очень большія суммы на это дѣло. Точно такъ же сель-

нѣе развито въ городахъ библіотечное дѣло—рѣдкій городъ не ассигнуетъ на это суммы, но въ среднемъ на городъ приходится въ годъ только 1,000 марокъ.

„Эти цифры,—какъ правильно выражается главный секретарь общества распространенія народнаго образованія извѣстный педагогъ Тевсъ,—достаточно ясно показываютъ убожество этихъ учрежденій въ большинствѣ крупныхъ и среднихъ городовъ (Германіи). Органы самоуправленія еще очень мало поняли свои обязанности въ этомъ отношеніи“.

Такимъ образомъ, все, что сдѣлано и дѣлается въ Германіи по внѣшкольному образованію, почти цѣликомъ должно быть отнесено на счетъ иниціативы и дѣятельности частныхъ лицъ и обществъ. Даже тамъ, гдѣ за дѣло взялись коммуны, первый толчокъ или примѣръ шелъ со стороны частныхъ обществъ. Такое положеніе наложило свою особенность на внѣшкольное образованіе. Именно, въ Германіи мы не встрѣтимъ планомѣрнаго развитія внѣшкольнаго образованія даже въ отдѣльныхъ уѣздахъ, не говоря уже о цѣлой странѣ. Тамъ нѣтъ даже проектовъ развитія сѣти такихъ учрежденій, чтобы сдѣлать ихъ постепенно такъ же общедоступными населенію, какъ народную школу. Частная же иниціатива не обладаетъ, конечно, ни силами, ни средствами, чтобы взяться за осуществленіе такихъ мѣропріятій. Въ этомъ отношеніи даже у насъ виды на будущее какъ будто лучше и шире.

Во многихъ земствахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, у насъ уже поставлены на очередь вопросы или уже начали отчасти осуществляться проекты всеобщаго распространенія библіотекъ, чтеній, курсовъ. Конечно, пока, по числу библіотекъ и другихъ мѣропріятій по внѣшкольному образованію, мы стоимъ значительно позади Германіи, но наше пониманіе задачъ и значенія внѣшкольнаго образованія, наши проекты ставятъ вопросъ шире и вѣрнѣе.

Говоря о внѣшкольномъ образованіи Германіи, нельзя не сказать о дѣятельности нѣмецкаго общества распространенія народнаго образованія—главнаго иниціатора, дѣятеля и руководителя всей образовательной работы въ Германіи. Въ той громадной работѣ, которая выполнена частными обществами и лицами, этому обществу принадлежитъ главная роль. Основано оно было въ 1871 году и ставило себѣ цѣлью: давать населенію, прошедшему народную школу, образовательный матеріалъ и средства, чтобы помочь ему лучше выполнять свои государственныя и общественныя обязанности. Для достиженія этой цѣли общество, дѣятельность котораго распространяется на всю Германію, осуществляетъ слѣдующія мѣропріятія:

1) устраиваетъ обсужденіе въ общественныхъ собраніяхъ вопросовъ народнаго образованія;

2) оказываетъ помощь просвѣтительнымъ ферейнамъ, содѣйствуетъ учрежденію дополнительныхъ школъ, библіотекъ, читаленъ, организаціи лекцій и т. п.;

3) поддерживаетъ интересъ къ выясненію задачъ народной школы и ея современному развитію;

4) содѣйствуетъ объединенію просвѣтительныхъ обществъ;

5) издаетъ періодическій органъ;

6) составляетъ и распространяетъ листки и брошюры для поднятія умственнаго и нравственнаго развитія населенія;

7) командируетъ разъѣздныхъ учителей.

Это общество или, вѣрнѣе, союзъ служитъ преимущественно объединяющимъ звеномъ для разсѣянныхъ по всей Германіи различныхъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ ферейновъ. Онъ даетъ имъ въ то же время иниціативу и оказываетъ помощь, служа посредникомъ и снабжая лекторскими силами и пособіями. Такъ, въ 1910 г. въ составъ союза входило 7,520 ферейновъ, въ качествѣ отдѣльныхъ членовъ, и 5,628 част-

ныхъ лицъ. Слѣдовательно, число общественныхъ единицъ преобладало надъ частными. Съ годами это преобладаніе все возрастаетъ и возрастаетъ.

Изъ ферейновъ, примыкающихъ къ союзу, преобладаютъ слѣдующіе: библіотечные (почти $^1/_3$ часть), учительскіе, профессіональные, торговые, рабочіе и т. д. Больше всего союзъ развилъ библіотечное дѣло. Онъ имѣетъ громадный книжный складъ и торговлю, составляетъ по заказу библіотеки, разсылаетъ бѣднымъ общинамъ библіотеки безплатно. Въ 1910 г. всего было выслано безплатно книгъ на 100,000 руб. За 4 послѣднихъ года всего было такимъ образомъ распространено $1^1/_4$ милліона томовъ.

Особенно интересна организація передвижныхъ библіотекъ. Союзъ высылаетъ общинамъ, ферейнамъ, школамъ, въ казармы и т. д. наборъ книгъ на 100—300 марокъ (или больше, смотря по заказу). Эти книги черезъ годъ возвращаются обратно, причемъ за пользованіе въ теченіе года союзъ беретъ 10% стоимости книгъ.

Вмѣсто возвращенныхъ книгъ высылается опять новая серія книгъ, и такъ каждый годъ община (школа, библіотека или ферейнъ) можетъ имѣть свѣжій запасъ книгъ за 10—30 марокъ. Союзъ имѣетъ громадный складъ книгъ—цѣлый этажъ громаднаго дома занятъ полками, сплошь уставленными книгами, и десятки служащихъ заняты пріемкой и сортировкой возвращенныхъ книгъ, составленіемъ изъ нихъ новыхъ библіотекъ, разсылкой послѣднихъ и т. п. Для облегченія выбора изданъ обширный каталогъ, по которому заказчики и отмѣчаютъ нужныя имъ книги. Въ 1910 г. общество имѣло 8,200 такихъ передвижныхъ библіотекъ съ 335,000 томовъ.

Много вниманія союзъ обратилъ на борьбу съ лубочной литературой. Съ этой цѣлью въ школы разсылаются классныя библіотеки, составляемыя изъ большого количества экземпляровъ нѣсколькихъ произведеній для коллективнаго чтенія. Эти библіотеки два раза въ годъ мѣняются. Далѣе союзъ издалъ списокъ книгъ, рекомендуемыхъ для юношества, брошюру „Противъ лубочной литературы“ и т. д.

Чтенія, курсы и народные вечера также составляютъ предметъ дѣятельности союза, который имѣетъ громадный складъ картинъ, фонарей и брошюръ для абонемента, приглашаетъ лекторовъ, чтецовъ. Къ этому присоединяется еще два странствующихъ кинематографа.

Оригинальное и интересное учрежденіе организовано при союзѣ въ видѣ странствующаго театра. Двѣ труппы разъѣзжаютъ по всей Германіи, по приглашенію общинъ, ферейновъ, школъ и проч., и за плату въ 200—250 марокъ даютъ представленіе. Въ 1911—12 учебномъ году было дано 454 представленія. Репертуаръ этого театра составленъ съ большимъ выборомъ. Гёте, Лессингъ, Шекспиръ, Софоклъ, Мольеръ, Бьернсонъ, Ибсенъ, Зудерманъ, Гауптманъ и другіе нѣмецкіе и иностранные авторы входятъ въ списокъ театра.

Подобное же мѣропріятіе, только въ другой области искусства, представляютъ собою организуемые союзомъ народные концерты.

Извѣстные музыканты, пѣвцы вошли въ бюро, составили программу и согласились выѣзжать, по приглашенію, на концерты. Передъ концертами читаются небольшія лекціи, поясняющія предстоящее музыкальное исполненіе. Каждый концертъ представляетъ собою нѣчто цѣльное (напримѣръ, народная пѣсня и танецъ, рождественскій концертъ, камерная музыка и т. п.).

Для народной школы союзъ мало дѣлаетъ. Здѣсь работа ограничивается почти исключительно помощью въ снабженіи библіотеками. Для дополнительныхъ же школъ, которыя представляютъ нѣчто особое отъ начальной школы и приближаются по своей организаціи скорѣе къ курсамъ для подростковъ, союзъ играетъ роль иниціатора. Особенно это имѣло значеніе въ прежнее

время. Теперь же и общины и правительство обратили усиленное вниманіе на этотъ вопросъ, вслѣдствіе чего роль союза оказывается уже въ значительной степени выполненной.

На-ряду съ практической работой союзъ выполняетъ и теоретическую. Онъ устраиваетъ ежегодно генеральное собраніе, на которое собираются представители всѣхъ мало-мальски крупныхъ просвѣтительныхъ союзовъ и всѣ интересующіеся народнымъ образованіемъ. На этихъ собраніяхъ обмѣниваются опытомъ, намѣчаютъ очередныя задачи, выясняютъ различные вопросы. Кромѣ того, союзъ издаетъ журналъ, посвященный спеціально народному (внѣшкольному) образованію *(Volksbildung)*, издаетъ каталоги, руководства (наприм., Ratgeber für die Anschaffung von Lichtbilder-Apparaten nebst Anleitung für den Gebrauch), устраиваетъ лекціи для дѣятелей и т. п. [1])

Изъ сказаннаго видно, насколько широка и разностороння дѣятельность союза, годовой бюджетъ котораго, кстати сказать, возросъ за послѣднее время почти до 250,000 руб. Это только та дѣятельность, которую легко учесть, но еще болѣе велика роль союза, какъ помощника, какъ иниціатора, какъ двигателя въ различныхъ ферейнахъ.

Каждая удачная мысль, возникшая въ союзѣ, каждое облегченіе въ организаціи дѣла находитъ себѣ отзвукъ въ тысячахъ отдѣльныхъ общественныхъ ячеекъ и, такимъ образомъ, каждое слово или шагъ союза разрастаются въ широкое дѣло.

Не мало значенія имѣетъ также союзъ, какъ одинъ изъ важныхъ органовъ, объединяющихъ народныхъ учителей и пробуждающій въ нихъ интересъ къ общей работѣ по народному образованію.

Изучая дѣятельность союза, построенную на безкорыстной работѣ отдѣльныхъ лицъ, я былъ удивленъ несоотвѣтствіемъ нашихъ общераспространенныхъ представленій о нѣмцахъ, какъ сухихъ, черствыхъ, узко-эгоистичныхъ людяхъ, съ этимъ яркимъ проявленіемъ общественнаго служенія и идеализма. Отдавать свои силы, свое время, свой интересъ общему дѣлу, когда жизнь кругомъ бѣжитъ и мелькаетъ передъ глазами тысячами явленій и манящихъ образовъ, когда такъ трудно живется интеллигентному работнику, когда общій уровень образованія и культуры далеко не такъ сильно и рѣзко, какъ у насъ, вопіетъ о своихъ нуждахъ и раны не такъ зіяющи—это что-нибудь да значитъ!

Конечно, работаютъ единицы, но этихъ единицъ очень много. Во всякомъ случаѣ процентъ работающихъ безкорыстно среди нѣмецкой интеллигенціи едва ли меньше, чѣмъ у насъ. Говорятъ они, правда, меньше, очень сдержаны и не любятъ также маниловщины.

Не отъ этого ли и создалось у насъ мнѣніе о сугубой черствости нѣмцевъ и особенно прекрасныхъ качествахъ русской интеллигенціи?

Заканчивая свои замѣтки о заграничныхъ впечатлѣніяхъ, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ въ заключеніе.

О нѣмецкой школѣ у насъ распространены очень разнорѣчивыя мнѣнія. Происходитъ это отъ двухъ причинъ: отъ пылкости чувствъ и скоропалительности въ выводахъ многихъ нашихъ наблюдателей и путешественниковъ.

Одни узна́ютъ, наприм., что въ нѣмецкихъ школахъ бьютъ, или увидятъ суровую муштровку, и сейчасъ же рѣшаютъ: „ну, значитъ, не́чего и разсуждать—никуда не годятся нѣмецкія школы!“ Другіе осмотрятъ роскошныя зданія съ ваннами, душами, съ массой наглядныхъ пособій или прочтутъ блестящіе отчеты—и приходятъ въ умиленіе: „какъ прекрасно, вотъ у кого надо учиться!“

Между тѣмъ, чтобы понять нѣмецкую

---

[1]) Какъ результатъ лекцій въ 1912 г. была издана интересная книга—„Volksbildungsfragen der Gegenwart“.

школу и вообще постановку народнаго образованія, чтобы оцѣнить внутренніе недостатки и достоинства, надо долго всматриваться во всѣ мелочи и детали не только самой школы, но и жизни, и тогда только можно извлечь много поучительнаго и интереснаго, тогда только можно понять тѣ, съ нашей точки зрѣнія, противорѣчія, которыя поражаютъ васъ и въ нѣмецкой школѣ и въ нѣмецкой жизни.

Общее впечатлѣніе отъ заграничной поѣздки получилось у меня довольно тяжелое.

Очень горько было сравнивать то, что видѣлъ въ Германіи, съ тѣмъ, что есть у насъ.

Но еще тяжелѣй было сознавать, что нѣтъ у насъ тѣхъ условій, которыя помогли бы намъ скоро выбраться на ровный путь. Никогда еще я такъ ясно не чувствовалъ, что причина нашей отсталости въ дѣлѣ народнаго образованія лежитъ не только во внѣшнихъ стѣсненіяхъ и отсутствіи ассигнованій. Если бы дѣло было только въ этомъ! Нѣтъ! положеніе гораздо серьезнѣе и труднѣе.

Нѣтъ у насъ ни арміи такихъ трудоспособныхъ работниковъ, не развито у насъ такъ чувство отвѣтственности, сознанія долга, мало у насъ интереса къ своей профессіи, большіе мы мечтатели и плохіе практики, не можемъ мы, не умѣемъ такъ работать и такъ учиться, не можемъ мы служить примѣромъ молодому поколѣнію.

Придетъ все это — вѣрю я — и наша талантливость проявится во всей своей силѣ. Но сколько для этого надо вложить труда, вѣры, энергіи, сколько пережить и перестрадать, сколько испытать обманутыхъ надеждъ, сколько разъ вновь приниматься за исканіе пути!

А. Обуховъ.

VI. Военное и морское дѣло.

Морскія замѣтки.

Испанія. Греція. Италія. Франція.

Въ прошломъ году мы охарактеризовали создавшееся въ области военно-морскихъ отношеній великихъ державъ положеніе слѣдующимъ образомъ: противоположность торгово-промышленныхъ интересовъ Англіи и Германіи, экономическая борьба за новые рынки и необходимость обезпечить себѣ безопасность морскихъ сообщеній съ этими рынками вызвали военно-морское соревнованіе этихъ двухъ государствъ. Соперничество это шло въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, обѣ державы стали быстро увеличивать свои военные флоты, а съ другой—сдѣлали все возможное для усиленія своей позиціи путемъ вовлеченія въ это соревнованіе дружественныхъ или союзныхъ имъ государствъ. Такимъ образомъ, начавшись въ Нѣмецкомъ морѣ между флотами Англіи и Германіи, морское соревнованіе постепенно перекинулось сначала въ Средиземное море, гдѣ на помощь потерявшему здѣсь господство англійскому флоту пришелъ флотъ французскій, поставившій себѣ задачу преобладанія надъ нарождавшимися флотами союзниковъ—Германіи, Австріи и Италіи, а затѣмъ и дальше вплоть до Канады и австралійскихъ владѣній Великобританіи.

Положеніе дѣлъ лѣтомъ 1913 года на сѣверномъ театрѣ уже было нами выяснено въ предыдущей замѣткѣ. Къ сказанному остается лишь добавить, что число участниковъ военно-морской борьбы на сѣверѣ въ этомъ году вновь увеличилось, причемъ увеличеніе это оказалось на сторонѣ англійской группы, или—какъ ее теперь принято называть—на сторонѣ тройственнаго согласія, къ которому примкнула новая, не иград-

шая ранѣе никакой роли въ военно-морскомъ отношеніи, держава, именно Испанія.

Какъ извѣстно, послѣ столь неудачной для Испаніи войны съ Сѣверо-Американскими Штатами, окончившейся полнымъ разгромомъ ея флота въ Манилѣ и въ водахъ о-ва Куба и потерей этихъ колоній, Испанія долго не могла рѣшиться на возсозданіе своего флота и временно сошла съ военно-морской арены. Только въ 1907 году испанскому правительству удалось получить согласіе на осуществленіе небольшой морской программы, предусматривавшей постройку 3-хъ линейныхъ кораблей типа дреднаутъ (впрочемъ, нѣсколько уменьшенныхъ: водоизмѣщеніе ихъ около 16,000 тоннъ, вооруженіе — VIII — 12′ орудій, скорость хода—19½ узловъ; однако однообразный калибръ крупной артиллеріи и большая скорость, несомнѣнно, болѣе всего приближаютъ ихъ къ этому современному типу броненосца) и нѣсколько меньшихъ судовъ, всего на сумму около 200 мил. Постройка этихъ судовъ была отдана, весьма схоже съ тѣмъ, какъ это имѣло мѣсто у насъ относительно черноморскихъ дреднаутовъ, англійскому синдикату Викерса и Джона Брауна, который обязывался выстроить ихъ въ предѣлахъ Испаніи, испанскими рабочими. Первый броненосецъ „Espana“ готовится вступить въ строй, второй „Alfonso XII“ уже на водѣ и третій „Jaime I“ долженъ быть спущенъ въ будущемъ году.

Уже осуществленіе этой малой программы вводило Испанію въ кругъ военно-морскихъ державъ Европы, но испанское правительство на этомъ не остановилось и рѣшило провести новую, еще большую программу, опять изъ трехъ линейныхъ судовъ, но болѣе сильнаго типа, водоизмѣщеніемъ уже до 21,000 тоннъ, постройка которыхъ опять поручена англичанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабочиваясь созданіемъ опорныхъ пунктовъ для своего новаго флота какъ въ Средиземномъ морѣ, такъ и въ Атлантическомъ океанѣ, Испанія оборудываетъ базы въ Картагенѣ, Ферролѣ, Кадиксѣ, Портъ-Магонѣ и Цеутѣ.

Исключительно выгодное географическое положеніе Испаніи на пути между сѣвернымъ и южнымъ (средиземно-морскимъ) театрами дѣлало ее чрезвычайно цѣннымъ союзникомъ для обѣихъ соперничающихъ группъ. Особенное значеніе Испанія имѣетъ для Англіи и еще большее, пожалуй, для Франціи. Союзныя отношенія съ Испаніей обезпечиваютъ безопасность западной границы и даютъ этому послѣднему государству возможность сосредоточить всѣ свои силы на наиболѣе угрожаемыхъ, восточномъ и сѣверо-восточномъ, фронтахъ. Этотъ же союзъ даетъ ей возможность передвинуть свои африканскіе корпуса, въ случаѣ крайней нужды, въ метрополію по сухому пути, слѣдовательно, до извѣстной мѣры уменьшаетъ невыгодныя послѣдствія военной неудачи на морѣ. Въ военно-морскомъ отношеніи принадлежность Испаніи къ враждебной группировкѣ державъ разобщила бы силы двойственнаго согласія на два самостоятельныхъ театра, что, конечно, является чрезвычайно невыгоднымъ съ стратегической точки зрѣнія. Наоборотъ, союзъ съ Испаніей или хотя бы даже обезпеченный съ ея стороны нейтралитетъ въ весьма сильной степени облегчалъ бы задачи англо-французскаго флота по сохраненію господства надъ водными путями Атлантическаго океана и западной части Средиземнаго моря. Понятно поэтому, какъ важно было для Франціи и Англіи привлечь Испанію на свою сторону, и не менѣе понятны, конечно, и тѣ усилія, которыя были приложены Германіей, чтобы увлечь Испанію въ орбиту своей политики. Сначала обстоятельства складывались какъ будто благопріятно для тройственнаго союза. Политика Франціи въ Марокко, несомнѣнно, шла вразрѣзъ съ африканскими интересами Испаніи и являлась естественнымъ препятствіемъ для ихъ сближенія. Поэтому

всѣ усилія Англіи были направлены къ достиженію между ними соглашенія именно въ этой области. Договоръ 1907 года о сохраненіи status quo владѣній Англіи, Франціи и Испаніи въ западной части Средиземнаго моря и восточной части Атлантическаго океана былъ первой рѣшительной побѣдой Англіи въ этомъ направленіи. Передача постройки испанскаго линейнаго флота англійскимъ заводамъ, дальнѣйшее морское усиленіе Испаніи и, наконецъ, послѣднія событія, наглядно подчеркнувшія и закрѣпившія франко-испанскую дружбу и согласіе, съ несомнѣнностью доказали, что не только Испанія входитъ въ число державъ, принимающихъ участіе въ военно-морскомъ состязаніи, но что и мѣсто въ этомъ состязаніи ею уже выбрано, и находится оно на сторонѣ не тройственнаго союза, а его противниковъ. За сближеніе съ Германіей въ Испаніи стоятъ лишь республиканцы, но идею эту нельзя считать особенно популярной. Правительство же самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердило свою солидарность съ двойственнымъ согласіемъ.

Другой державой, военно-морское значеніе которой сильно возросло въ 1913 году, несомнѣнно, является Греція.

До послѣдней балканской войны, несмотря на свое чрезвычайно благопріятное положеніе и довольно развитое торговое судоходство, Греція почти не имѣла военнаго флота. Въ сущности единственнымъ боевымъ судномъ у нея можно было признать броненосный крейсеръ „Георгій Аверовъ", построенный на средства, завѣщанныя однимъ богатымъ грекомъ. Всѣ остальныя суда (за исключеніемъ миноносцевъ) были совершенно устарѣвшаго типа и могли принимать участіе въ военно-морскихъ операціяхъ противъ Турціи лишь потому, что флотъ турецкій былъ еще въ худшемъ положеніи и вообще не выказывалъ особаго желанія вступать въ борьбу за обладаніе Средиземнымъ моремъ. Блестящія побѣды греческой арміи на сушѣ, менѣе блестящія, но все же удачныя дѣйствія греческаго флота, крупное увеличеніе территоріи и въ особенности захватъ ряда турецкихъ острововъ, защита которыхъ возможна, конечно, лишь при посредствѣ морской силы, естественно вызвали въ Греціи желаніе завести у себя современный флотъ. Все это не представляетъ ничего особеннаго. Но характерно для даннаго момента то, что достаточно было Греціи рѣшить обзавестись флотомъ, какъ немедленно же возникъ вопросъ о томъ, къ кому примкнетъ эта новая морская сила, Англія ли или Германія будутъ считать эти новыя суда въ своихъ рядахъ.

Первоначально вопросъ этотъ стоялъ довольно неопредѣленно. Какъ сообщалъ морской обозрѣватель *Русскаго Инвалида* [1]), еще въ мартѣ, г. Стратосъ, греческій морской министръ представилъ палатѣ законопроектъ относительно денежнаго содержанія одного высшаго британскаго офицера, который долженъ былъ быть приглашенъ въ Грецію для созданія греческаго военнаго порта; англійское правительство изъявило на это согласіе и рѣшило командировать въ Аѳины сэра Эдуарда Рабанъ, составлявшаго проектъ шотландскаго порта въ Розитѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще ранѣе было извѣстно, что аѳинское правительство передало заказъ линейнаго корабля „Salamin", такъ же какъ и другіе заказы на постройку четырехъ миноносцевъ, четырехъ эскадренныхъ миноносцевъ и двухъ истребителей (750 тоннъ), нѣмецкимъ фирмамъ, и такимъ образомъ несомнѣнно, что и нѣмецкое вліяніе было довольно сильно въ Аѳинахъ. Въ сентябрѣ, сообщаетъ тотъ же обозрѣватель, агентство „Central News" сообщило, что „главный директоръ фирмы „Вулканъ" съ двумя офицерами германскаго флота пріѣхалъ въ Аѳины для переговоровъ съ грече-

---

1) См. *Русскій Инвалидъ*, 26 сентября 1913 г., № 207. Морской отдѣлъ.

скимъ правительствомъ о заказѣ штетинскимъ верфямъ двухъ новыхъ сверхъ-дредноутовъ для эллинскаго флота. Затѣмъ появилось извѣстіе, что въ Аѳинахъ учреждается постъ германскаго военно-морского агента, и можно было подумать, что нѣмецкое вліяніе беретъ верхъ, если бы далѣе не выяснилось, что аѳинскій кабинетъ снесся съ лондонскимъ по поводу новой присылки миссіи отъ британскаго флота для руководства возсозданіемъ греческой морской силы. Во главѣ миссіи поставленъ извѣстный адмиралъ Маркъ Эдуардъ Керръ, бывшій англійскій морской агентъ въ Италіи и Австріи. Онъ назначается на должность морского совѣтчика греческаго правительства и временно переходитъ на эллинскую службу вмѣстѣ съ 15-ю другими англійскими офицерами, въ числѣ которыхъ находятся артиллеристы Гендерсенъ и Стрейнисъ, гидрографъ Гамильтонъ и механикъ Ватсонъ. Поступая на греческую службу, они получаютъ слѣдующіе чины и вмѣстѣ съ полковникомъ сэромъ Рабанъ останутся въ Греціи на періодъ времени, пока договоренный на два года. Эта миссія займется составленіемъ плана развитія морскихъ силъ греческаго королевства и оборудованіемъ нужныхъ базъ". Одновременно прошелъ слухъ, что новые заказы будутъ переданы не нѣмецкимъ, а англійскимъ или французскимъ верфямъ.

Если сопоставить эти свѣдѣнія съ той неблагопріятной для Греціи позиціей, которая въ послѣднее время была занята тройственнымъ союзомъ въ вопросахъ, связанныхъ съ опредѣленіемъ южныхъ границъ Албаніи, вспомнить то въ высшей степени предупредительное, болѣе чѣмъ дружественное отношеніе, которое французская пресса проявляетъ къ Греціи, наконецъ, принять во вниманіе заявленія Венизелоса о франко-греческихъ отношеніяхъ, а главное—то обстоятельство, что необходимыя ей теперь средства (заемъ) Греція можетъ получить только во Франціи, то станетъ совершенно яснымъ, что и новый греческій флотъ, подобно испанскому, въ случаѣ англо-германскаго столкновенія окажется на сторонѣ двойственнаго согласія. Это нужно признать весьма крупнымъ успѣхомъ англійской политики, доказывающимъ, какъ искусно англійская дипломатія работаетъ на пользу государственной обороны, насколько она понимаетъ, что надлежащая политическая подготовка для успѣха въ будущемъ столкновеніи является, пожалуй, не менѣе важной, чѣмъ подготовка военно-морская. И значеніе этихъ фактовъ особенно велико потому, что Греція лежитъ въ восточной части Средиземнаго моря, гдѣ положеніе Франціи и Англіи значительно менѣе благопріятно нежели въ части западной. Здѣсь мы подходимъ къ наиболѣе важному въ настоящее время въ области текущей военно-морской политики вопросу—о современномъ положеніи средиземно-морского театра. Цѣлый рядъ признаковъ указываетъ на то, что именно здѣсь могутъ въ ближайшее время произойти крупныя событія. Сюда, правда, на очень короткій срокъ были отправлены эскадры Сѣверо-Американск. Соединенныхъ Штатовъ, чтобы нанести визитъ Европѣ и дать возможность американскимъ офицерамъ посмотрѣть свѣтъ. Сюда англичане, ранѣе уведшіе свои броненосцы въ Гибралтаръ, снова послали весьма сильную эскадру изъ двухъ крейсеровъ-дреднаутовъ „Indomitable" и „Invincible", двухъ легкихъ крейсеровъ „Chatham" и „Dublin", что съ имѣющимися уже здѣсь англійскими судами дало три крейсера-дреднаута, четыре броненосныхъ крейсера и шесть легкихъ крейсеровъ. Но англичане сочли, что и этого недостаточно, и въ добавленіе къ этой весьма внушительной силѣ прибавили еще всю четвертую броненосную эскадру въ составѣ линейныхъ кораблей „Dreadnought", „Agamemnon", „Lord Nelson" и „Cornwalis". Кромѣ того, повидимому, сюда же долженъ былъ прійти и четвертый

крейсеръ-дредноутъ „Indefatigable“ и нѣсколько новѣйшихъ крупныхъ миноносцевъ. Вся эта морская сила собралась въ восточной части Средиземнаго моря, куда одновременно Франція послала также одну изъ своихъ двухъ броненосныхъ эскадръ. Это составляетъ уже весьма внушительную силу и, конечно, это сдѣлано англичанами не безъ причины. Наиболѣе острымъ вопросомъ, конечно, является вопросъ объ Эгейскихъ островахъ, которые до сихъ поръ Италія удерживаетъ въ своей власти. Англичанамъ такое укрѣпленіе новой морской державы прямо на одномъ изъ ихъ важнѣйшихъ торговыхъ путей не можетъ нравиться, и одно изъ многихъ возможныхъ предположеній, объясняющихъ задачи усиленія англійскихъ морскихъ силъ на Ближнемъ Востокѣ, заключается въ томъ, что на нихъ была возложена задача подкрѣпить требованія Англіи о возвратѣ Эгейскихъ острововъ Турціи. Но, конечно, это только предположенія, ничего положительнаго пока неизвѣстно. Вообще же положеніе дѣлъ въ Средиземномъ морѣ для державъ двойственнаго согласія въ истекшемъ году слѣдуетъ признать довольно благопріятнымъ. События 1913 года далеко не оправдали тѣхъ опасеній, которыя высказывались въ прессѣ по поводу того, что необыкновенное развитіе итальянскихъ и австро-венгерскихъ военно-морскихъ силъ поставитъ Францію въ невозможность сохранить за своимъ флотомъ превосходство въ Средиземномъ морѣ. При этомъ всѣ подсчеты исходили не изъ того, что уже было сдѣлано указанными державами въ дѣйствительности, а изъ тѣхъ предположеній, которыя были у соотвѣтствующихъ правительствъ. Между тѣмъ уже въ прошломъ году, т.-е. въ самомъ началѣ исполненія новыхъ судостроительныхъ программъ (и въ Италіи, и въ Австро-Венгріи, и во Франціи какъ разъ теперь начали входить въ строй первые ихъ дредноуты), выяснилось, что если Франціи не только удастся построить свои суда къ тому времени, какъ это было ею намѣчено, но даже упредить нѣкоторые сроки, то въ Италіи дѣло обстоитъ совершенно иначе: прежде всего въ отношеніи уже строящихся дредноутовъ опредѣлилось, что окончаніе ихъ неизбѣжно запоздаетъ и на довольно значительное время. Такъ, первый дредноутъ серіи Conte di Cavour (2-й дредноутъ Италіи), заложенный въ 1910 г., долженъ былъ быть готовъ въ сентябрѣ 1913 года, но въ дѣйствительности его испытанія врядъ ли начнутся ранѣе лѣта 1914 года, т.-е. его постройка затянется въ общей сложности почти на четыре года, между тѣмъ какъ Франціи, вѣроятно, удастся къ этому же сроку, а можетъ быть даже и нѣсколько раньше, закончить свои уже 3-й и 4-й дредноуты „France“ и „Paris“, заложенные почти на годъ позже. Общественное мнѣніе Италіи, настроенное довольно воинственно, конечно, не могло быть очень довольно такимъ положеніемъ дѣла. Въ результатѣ итальянскій морской министръ вице-адмиралъ Паскале Леонарди Каттолики принужденъ былъ выйти въ отставку, и его замѣнилъ болѣе молодой контръ-адмиралъ Мило. Но едва ли это можетъ много помочь дѣлу, такъ какъ причины запоздания готовности итальянскихъ крупныхъ судовъ лежатъ гораздо глубже, и, повидимому, судостроительная промышленность въ Италіи просто не въ состояніи справиться съ колоссальными требованіями, предъявляемыми къ ней въ настоящее время. Но не только это обстоятельство стоитъ на пути осуществленія мечты Италіи сдѣлать Средиземное море своимъ внутреннимъ озеромъ, гдѣ бы ея флотъ безраздѣльно господствовалъ. Еще другое и, пожалуй, еще болѣе сильное препятствіе лежитъ на этомъ пути — именно недостатокъ средствъ. А финансовое положеніе Италіи таково, что даже правительству приходится останавливать замыслы руководящихъ партій и указывать, что средства на осуществленіе всѣхъ предполо-

женій по усиленію флота потребуются столь колоссальныя, что достать ихъ нѣтъ никакой возможности. И въ результатѣ мы видимъ, что Италіи пришлось значительно сократить свою первоначальную программу, уменьшить и водоизмѣщеніе, и число ея будущихъ сверхъ-дредноутовъ.

А Франція между тѣмъ не только не собирается сокращать свою первоначальную программу, но, наоборотъ, предполагаетъ начать постройку въ 1914 году сверхъ программы пятый сверхъ - дредноутъ типа „Normandie" съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ четвертымъ кораблемъ въ дивизію судовъ типа „Lorraine", предположенную ранѣе въ 3-хсудовомъ составѣ, что является совершенно необходимымъ въ виду рѣшенія французскаго правительства отказаться отъ ранѣе принятой системы распредѣленія судовъ по 6 кораблей въ эскадрѣ и перейти къ эскадрамъ 8-мисудовымъ. Этотъ фактъ интересенъ особенно потому, что онъ ясно показываетъ, насколько легко Франція справляется съ поставленными ей себѣ задачами въ области созданія своихъ эскадръ и насколько ошибочными были всѣ предположенія объ утерѣ ею своего превосходства въ Средиземномъ морѣ.

Конечно, и у нея есть слабыя стороны. И прежде всего—недостатокъ личнаго состава, съ чѣмъ французское морское министерство энергично борется. Оно выработало новый законъ, предусматривающій рядъ мѣръ для удержанія и привлеченія людей на продолжительную службу во флотъ, и, наконецъ, оно же рѣшилось на крайнюю мѣру — уничтоженіе (исключеніе изъ списковъ) 5-ти боевыхъ кораблей устарѣвшаго типа, тѣхъ броненосцевъ, которые до самаго послѣдняго времени принимали участіе во всѣхъ крупныхъ и столь блестяще прошедшихъ маневрахъ. При этомъ руководители французскаго флота исходили изъ совершенно правильной мысли, что лучше имѣть болѣе слабый по численности, но болѣе однородный, а главное вполнѣ укомплектованный флотъ, чѣмъ большой, но съ недостаточнымъ числомъ людей. Но, конечно, это еще не разрѣшеніе вопроса о недостаткѣ личнаго состава, такъ какъ новые и теперь уже въ недалекомъ будущемъ вступающіе въ строй дредноуты потребуютъ огромнаго числа людей.

Н. Кордовъ.

VII. Некрологъ.

В. П. Тарновская.— О. А. Давыдова.— Н. И. Гродековъ. — П. И. Остроумовъ. — П. С. Поповъ. — Н. В. Щулепниковъ.— Э. В. Шольцъ. — А. С. Вайнштейнъ. — Е. И. Жуковская. — Менеликъ. — Я. Эструпъ. — Кардиналъ Орелья.— Игн. Ташнеръ.—Ф. Дюга.—Ю. Шейверъ.—А. Штейнеръ.—Фр. Куллакъ.—К. В. Дяффенбахъ.—Жюль Клареси.—Ф. Шёнтанъ.— О. Фюслейнъ.—Э. Лиштанберже.—Э. Пригеръ.—Кардиналъ М. Рамполла.—Д. Вальери.—Р. Бееръ.

Тарновская, Варвара Павловна († въ декабрѣ 1913 г., 69 лѣтъ), замѣчательная поборница женскаго образованія въ Россіи. Принимала участіе въ созданіи систематическихъ „публичныхъ лекцій для мужчинъ и женщинъ" въ С.-Петербургѣ, открывшихся въ 1870 г. („владимирскіе курсы"). Вмѣстѣ съ А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, проф. А. Н. Бекетовымъ принадлежала къ той группѣ энергичныхъ дѣятелей, которой обязаны своимъ возникновеніемъ и успѣшнымъ развитіемъ с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы („бестужевскіе"), одно изъ наиболѣе цѣнныхъ и крупныхъ созданій

русской общественности. Со времени основанія бестужевскихъ курсовъ (въ 1878 г.) и до самой смерти В. П. ея неустанная работа и горячее отношеніе имѣли громадное значеніе въ исторіи курсовъ, прошедшихъ за это время черезъ много испытаній. Въ теченіе 25 лѣтъ В. П. была казначеемъ общества для доставленія средствъ курсамъ, а въ послѣдніе годы жизни—председательницей того же общества. Она была также предсѣдательницей правленія общества вспомоществованія слушательницамъ курсовъ съ самаго основанія общества. Ею же былъ составленъ историческій очеркъ курсовъ за 25 лѣтъ. В. П. была замужемъ за извѣстнымъ гинекологомъ и акушеромъ И. М. Тарновскимъ († 1899 г.).

Давыдова, Ольга Аполлоновна († въ декабрѣ 1913 г., 36 лѣтъ), учительница и писательница (разсказы „Изъ воспоминаній учительницы", „Они", „На мертвой точкѣ" и „Надъ холодной рѣкой" въ *Образованіи*). Покойная была въ ссылкѣ въ Восточной Сибири по дѣлу соціалъ-демократической партіи.

Гродековъ, Николай Ивановичъ († въ декабрѣ 1913 г., на 71 году), генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, выдающійся военный дѣятель. Принималъ участіе въ хивинскомъ походѣ и въ русско-турецкой войнѣ. Былъ пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками пріамурскаго военнаго округа. Покойный совершилъ верхомъ путешествіе по Афганистану и Персіи, и описалъ эту поѣздку въ очеркѣ: „Черезъ Афганистанъ". Ему принадлежитъ вообще цѣлый рядъ географическихъ трудовъ.

Остроумовъ, Петръ Ивановичъ († въ декабрѣ 1913 г., на 71 году), сенаторъ, бывшій товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода. Принималъ участіе въ выработкѣ программы работъ предсоборнаго присутствія 1905—06 гг. До поступленія на службу въ духовное вѣдомство работалъ въ качествѣ дѣятеля крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Поповъ, Павелъ Степановичъ († въ декабрѣ 1913 г., 70 лѣтъ), извѣстный русскій синологъ, привать-доцентъ факультета восточныхъ языковъ петербургскаго университета, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ. Былъ генеральнымъ консуломъ въ Пекинѣ. Издалъ „Русско-китайскій словарь" и закончилъ начатый архимандритомъ Палладіемъ „Китайско-русскій словарь". Кромѣ того, оставилъ много трудовъ по своей спеціальности.

Щулепниковъ, Иванъ Васильевичъ († въ декабрѣ 1913 г., 52 лѣтъ), членъ Государственной Думы отъ Костромской губерніи. Извѣстный земскій дѣятель, пользовавшійся огромной популярностью среди крестьянъ Костромской губерніи, первоначально былъ земскимъ начальникомъ. Покойный участвовалъ во всѣхъ земскихъ съѣздахъ, былъ однимъ изъ организаторовъ сѣвернаго областного съѣзда конституціоналистовъ, а въ 1905 г. былъ учредителемъ въ Костромѣ отдѣла партіи народной свободы и предсѣдателемъ ея комитета.

Шольцъ, Эмилій Васильевичъ († въ ноябрѣ 1913 г., на 74-мъ году), сенаторъ 1-го департамента Правительствующаго Сената и президентъ евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи, былъ долгое время помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ.

Вайнштейнъ, Акимъ Сергѣевичъ († въ декабрѣ 1913 г., 46 лѣтъ), глазной врачъ. Кончилъ кіевскій университетъ. Былъ въ теченіе многихъ лѣтъ земскимъ врачомъ въ Бессарабской губ. Переселился въ Петербургъ въ 1899 г., работалъ въ глазной клиникѣ военно-медицинской академіи, затѣмъ былъ врачомъ въ глазной лѣчебницѣ вѣдомства Императрицы Маріи и здѣсь проявилъ выдающіяся преподавательскія дарованія. Написалъ рядъ работъ по патологической анатоміи глаза, въ томъ числѣ докторскую диссертацію „о заживленіи рѣзаныхъ ранъ роговицы".

Жуковская, Екат. Ивановна, урожд. Ильина († въ декабрѣ 1913 г., 72 лѣтъ), жена извѣстнаго публициста, впослѣдствіи управляющаго Госуд. Банка и сенатора Ю. Г. Жуковскаго, свидѣтельница и участница литературной и общественной жизни 60-хъ годовъ, написавшая мемуары объ этой эпохѣ. Съ 80-хъ годовъ — сотрудница *Вѣстника Европы*, гдѣ напечатала рядъ статей по вопросамъ государственнаго хозяйства, подъ псевдонимомъ Д. Тороховъ.

Менеликъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 70 лѣтъ), монархъ Абиссиніи, при которомъ произошло открытіе Абиссиніи для западно-европейской культуры. Онъ вступилъ въ сношенія со всѣми великими державами, искусно пользуясь ихъ взаимнымъ соперничествомъ для извлеченія собственныхъ выгодъ. Вынужденный заключить въ 1889 году договоръ съ Италіей и признать ея протекторатъ надъ Абиссиніей, онъ, спустя четыре года, далъ Италіи жестокій отпоръ, когда она вздумала осуществлять свой протекторатъ. Послѣ этого Италія потеряла свое первенствующее положеніе въ Абиссиніи, и тогда къ Менелику стали являться посольства отъ другихъ великихъ державъ. При Менеликѣ Абиссинія превратилась въ такое африканское государство, съ которымъ приходится считаться европейскимъ державамъ. Вслѣдствіе тяжкой болѣзни Менелика уже въ прошломъ году было объявлено регентство въ Абиссиніи и провозглашенъ монархомъ его 16-тилѣтній внукъ, принцъ Лиди-Ясу.

Эструпъ, Якобъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 88 лѣтъ), бывшій датскій министръ-президентъ, занимавшій этотъ постъ въ теченіе 19-ти лѣтъ, съ 1875 г. по 1894 годъ. Былъ главою партіи землевладѣльцевъ и велъ борьбу съ большинствомъ фолькетинга. Рядъ лѣтъ его правительство находилось въ конфликтѣ съ парламентомъ, который неоднократно подвергался роспуску. Лишь въ 1894 г. бюджетъ былъ правильно вотированъ. Въ борьбѣ съ парламентомъ дѣло шло о военныхъ расходахъ, въ частности объ укрѣпленіи Копенгагена. Въ 1894 г., считая свое дѣло законченнымъ, Эструпъ вышелъ въ отставку, оставаясь вождемъ консерваторовъ въ первой палатѣ.

Орелья ди Санто Стефано († въ декабрѣ н. ст., 86 лѣтъ), кардиналъ-деканъ, епископъ Остіи и Веллетри. Принадлежалъ къ числу непримиримыхъ противниковъ итальянскаго правительства.

Ташнеръ, Игнаціусъ († въ ноябрѣ н. ст. 1913 г., 42 лѣтъ), выдающійся нѣмецкій скульпторъ по дереву, а также иллюстраторъ и декораторъ. Преподаватель художественной школы въ Бреславлѣ. Большою популярностью пользуются его деревянныя скульптурныя изображенія бродягъ, въ юмористическомъ видѣ.

Дюгэ, Фердинандъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 98 лѣтъ), старѣйшій изъ современныхъ французскихъ романистовъ и драматурговъ. Его первый романъ появился въ 1834 году, а первая драма „Castille et Léon“ была представлена въ 1838 году, въ театрѣ Одеонъ. Изъ его произведеній особенно извѣстенъ историческій романъ „Жофруа Ридель“, сюжетъ котораго былъ использованъ Ростаномъ для его „Принцессы Грезы“.

Шейнеръ, Юліусъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 55 лѣтъ), профессоръ, выдающійся нѣмецкій астрономъ, занимавшій постъ обсерватора въ потсдамской обсерваторіи. Главнѣйшія работы покойнаго относятся къ области спектроскопіи. Его „Спектральный анализъ созвѣздій“—первый учебникъ спектроскопіи. Большою извѣстностью пользуются его работы по фотографіи созвѣздій. Его книга „Der Bau des Weltalls“ носитъ популярный характеръ.

Штейнертъ, Адольфъ († въ декабрѣ н. ст., 46 лѣтъ), австрійскій актеръ, ставшій потомъ режиссеромъ и директоромъ и въ качествѣ руководителя

театра подвизавшійся въ Гамбургѣ, Берлинѣ, Барменѣ, Вѣнѣ.

Куллакъ, Францъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 69 лѣтъ), профессоръ музыки въ Берлинѣ. Извѣстенъ своими изданіями классическихъ фортепіанныхъ сочиненій, а также педагогическими статьями по музыкѣ и своими школами фортепіанной игры. Какъ музыкальный педагогъ онъ пользовался большою популярностью.

Диффенбахъ, Карлъ Вильгельмъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 62 лѣтъ), извѣстный нѣмецкій художникъ, проповѣдникъ идеи возвращенія къ природѣ. Онъ основалъ возлѣ Вѣны колонію „Himmelhof", гдѣ пробовалъ осуществить свои идеалы. Но это нашумѣвшее въ свое время предпріятіе рушилось, и для покрытія долговъ были проданы съ аукціона собственныя картины Д. Огорченный этой неудачей, Д. навсегда покинулъ свою родину и переселился на Капри, гдѣ и умеръ.

Клареси, Жюль († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 73 лѣтъ), извѣстный французскій журналистъ и беллетристъ, членъ французской академіи и директоръ „Comédie Française". Началъ свою карьеру въ мелкихъ парижскихъ газетахъ и скоро сдѣлался героемъ нѣсколькихъ громкихъ политическихъ процессовъ, такъ какъ выступилъ съ разоблаченіями противъ наполеоновской полиціи. Написалъ множество романовъ, драмъ, историческихъ сочиненій, критическихъ статей и т. д. Его беллетристическія произведенія не отличаются художественностью, но все же пользуются успѣхомъ у французскихъ читателей. Большое значеніе имѣютъ его драматическія пьесы и мемуары и въ особенности его историческія сочиненія и литературно-критическіе очерки.

Шёнтанъ, Францъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 65 лѣтъ), австрійскій писатель для театра, авторъ множества веселыхъ комедій, пользующихся извѣстностью. Особенный успѣхъ имѣли его пьесы: „Похищеніе сабинянокъ", „Дѣвушка издалека" и др.

Фюслейнъ, Отто († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 76 лѣтъ), членъ церковнаго совѣта въ Мейнингенѣ и авторъ многочисленныхъ богословскихъ и историческихъ сочиненій.

Лиштанберже (Lichtenberger), Эрнстъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 66 л.), профессоръ нѣмецкой литературы въ Сорбоннѣ, дядя извѣстнаго историка литературы Анри Лиштанберже, автора книгъ о Ницше и Вагнерѣ. Его „Etudes sur les poésies lyriques de Goethe" были премированы французской академіей.

Пригеръ, Эрихъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 68 лѣтъ), извѣстный нѣмецкій коллекціонеръ старинныхъ музыкальныхъ рукописей. Королевская библіотека въ Берлинѣ получила отъ него въ даръ множество очень рѣдкихъ и замѣчательныхъ музыкальныхъ манускриптовъ. Покойный былъ авторомъ нѣсколькихъ философскихъ статей и между прочимъ писалъ объ отношеніяхъ Лейбница къ музыкѣ.

Рамполла Маріано († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 70 лѣтъ), кардиналъ, выдающійся дипломатъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Ватиканѣ. Былъ убѣжденнымъ противникомъ тройственнаго союза и сторонникомъ сближенія Ватикана съ Франціей. Послѣ смерти папы Льва XIII Рамполла явился самымъ серьезнымъ кандидатомъ на папскій престолъ, и избраніе его можно было считать почти обезпеченнымъ. Но австрійскій императоръ, пользуясь своимъ правомъ veto, выразилъ протестъ противъ его избранія. Неожиданное вмѣшательство Франца Іосифа было вызвано недружелюбнымъ отношеніемъ Рамполлы къ тройственному союзу. Послѣ избранія Пія X Рамполла удалился отъ дѣлъ.

Вальери, Данте († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 48 лѣтъ), извѣстный итальянскій археологъ. Его многочисленныя

работы по римской исторіи и римскимъ древностямъ были напечатаны въ спеціальныхъ журналахъ. Покойный былъ членомъ германскаго и австрійскаго археологическихъ институтовъ. Въ послѣдніе годы онъ руководилъ археологическими раскопками въ Остіи.

Беерь, Рудольфъ († въ декабрѣ н. ст. 1913 г., 50 лѣтъ), лекторъ романскихъ языковъ въ вѣнскомъ университетѣ и директоръ отдѣленія рукописей въ придворной библіотекѣ. Изъ его научныхъ работъ особенно выдающейся считается Исторія испанской литературы, а также работы по греческой и латинской палеографіи.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Январь **1914 года.**

Содержаніе: I. **Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика.—Исторія.—Политическая экономія, статистика и финансы.—Политика и публицистика.—Правовѣдѣніе. —Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе.—Книги для дѣтей.—Библіографія и справочныя книги. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 10 декабря 1913 года по 10 января 1914 года.**

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

З. А. Венгерова. Собраніе сочиненій. Т. I. Англійскіе писатели XIX вѣка.—*Луи Меронъ.* Романтизмъ и нравы. — *André Spire.* Quelques Juifs. Israël Zangwill, Otto Weininger, James Darmsteter.

З. А. Венгерова. **Собраніе сочиненій. Т. I. Англійскіе писатели XIX вѣка. Спб., 1913 г. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.**

Книга г-жи Венгеровой состоитъ изъ ряда статей о жизни и дѣятельности Рёскина, Блэка, прерафаэлитовъ, Россотти, Вильяма Мориса, Броунинга, Мередита и Оскара Уайльда. Эти писатели, несомнѣнно, представляютъ лучшую сторону англійской литературы прошлаго вѣка, и хорошо, что выборъ автора палъ именно на нихъ. Конечно, здѣсь далеко не всѣ. Есть Блэкъ, но нѣтъ Китса и Шелли. Есть Мередитъ, но нѣтъ крупныхъ романистовъ середины вѣка. Очевидно, книга не претендуетъ быть исчерпывающей, но она интересна тѣмъ, что знакомитъ русскихъ читателей съ выдающимися англійскими художниками слова, повидимому, мало извѣстными въ Россіи. Да и въ Англіи они, кромѣ развѣ Рёскина и Броунинга, еще далеко не достаточно извѣстны широкой публикѣ.

Очень во-время появился на русскомъ языкѣ популярный очеркъ дѣятельности замѣчательнаго художника и поэта конца XVIII вѣка, Вильяма Блэка. Мистика Блэка въ свое время обозначила рѣзкій разрывъ съ псевдоклассицизмомъ, и понятно, что теперь, когда англійскіе художники отворачиваются отъ поверхностнаго реализма, они смотрятъ на Блэка съ особеннымъ интересомъ и съ особенной нѣжностью. Никто изъ остальныхъ писателей, которыхъ разсматриваетъ г-жа Венгерова, не раздѣляетъ цѣликомъ міропониманія Блэка во всей его сложности, но тотъ міръ, который онъ открылъ, очень обширенъ, и всѣ они нахо-

дять въ немъ кое-что для себя, такъ какъ ощущеніемъ мистической красоты міра всѣ они охвачены. Это не популярные писатели. Ихъ эстетизмъ чуждъ толпѣ, хотя Рёскинъ и Броунингъ, которые подчеркиваютъ необходимость нравственнаго подвига, пріобрѣли симпатіи и средняго читателя.

Г-жа Венгерова излагаетъ содержаніе главныхъ сочиненій названныхъ писателей и во многихъ случаяхъ передаетъ сужденія о нихъ англійской критики. Когда она вступаетъ на путь самостоятельной критики, это становится менѣе убѣдительнымъ. Но если книга побудитъ читателей познакомиться съ Блэкомъ, Моррисомъ и Мередитомъ въ подлинникѣ, то она принесетъ значительную пользу. *Г. Вильямсъ.*

Луи Мегронъ. **Романтизмъ и нравы. К-во „Современныя проблемы". М., 1914 г. Стр. XI+468. Ц. 3 р.**

Книга Мегрона, о которой уже говорилось на страницахъ *Русской Мысли*, [1]) появилась въ русскомъ переводѣ. Г. Игнатьевъ, снабдившій русское изданіе предисловіемъ, очень удачно опредѣляетъ истинную цѣнность этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной, хотя весьма односторонней книги. „...Мегронъ часто изображаетъ не отрицательныя стороны вліянія литературы, а уродливыя проявленія иныхъ вліяній" (стр. III). Это совершенно справедливо, а потому огромный архивъ человѣческихъ документовъ—дневниковъ, писемъ и мемуаровъ,—использованный авторомъ, не имѣетъ значенія рѣшающаго доказательства. Психопатія, душевная неуравновѣшенность и самовлюбленная глупость всегда очень охотно заимствовали свою фразеологію у модной литературы. Но на этомъ основаніи пошлые и безобразные поступки неврастениковъ и дегенерантовъ нельзя объявлять слѣдствіемъ исключительно литературныхъ причинъ. Мегронъ до такой степени увлекается своей тенденціей, что готовъ поставить въ вину романтизму всѣ несчастные браки и всѣ самоубійства, имѣвшія мѣсто во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается состоятельныхъ и образованныхъ классовъ общества. Съ равнымъ успѣхомъ онъ могъ бы объяснить жестокія мѣры, которыя приняты были конвентомъ во время революціи, усиленнымъ чтеніемъ Плутарха, приводящаго много примѣровъ безпощадной героической суровости древнихъ. Литература, даже романтическая, т.-е. не стремящаяся къ объективному описанію дѣйствительности, гораздо больше отражаетъ жизнь, нежели преобразуетъ ее. Литературныя произведенія служатъ памятникомъ извѣстныхъ настроеній, но направлять человѣческіе поступки они могутъ лишь въ томъ случаѣ, если встрѣчаютъ для себя подходящую психологическую почву.

Все же книга Мегрона содержитъ не мало любопытныхъ страницъ. Приводимые имъ бытовые матеріалы даютъ намъ возможность увидѣть, какъ отражались въ кривомъ зеркалѣ тупыхъ, ограниченныхъ и безпомощныхъ умовъ творенія Альфреда де Виньи, Жоржъ Зандъ и другихъ большихъ писателей. Картина получается поучительная, хотя не особенно отрадная.

Переводъ исполненъ нѣсколько небрежно. *П. Губеръ.*

---

[1]) См. замѣтку В. Я. Брюсова въ *Русской Мысли* 1911 г. кн. I.

André Spire. **Quelques Juifs. Israël Zangwill, Otto Weininger, James Darmsteter. „Mercure de France". Paris, 1913. Pages 362. Prix 3 frs. 50.**

Авторъ этой книги—поэтъ, напечатавшій два сборника стиховъ, изъ которыхъ одинъ всецѣло посвященъ еврейству. Симпатіи автора на сторонѣ не ассимиляторовъ, старающихся растворить еврейство среди окружающихъ его народовъ, а, наоборотъ, на сторонѣ націоналистовъ-сіонистовъ, мечтающихъ объ изоляціи еврейства на отдѣльной территоріи. Можно не соглашаться съ тенденціей, проводимой авторомъ, но его книга все же интересна.

Отто Вейнингеръ достаточно знакомъ русской публикѣ, но и о немъ читатель найдетъ въ книгѣ нѣсколько новыхъ строкъ. Такъ, авторъ устанавливаетъ сходство идей Вейнингера о низменности природы женщины съ соотвѣтственнымъ ученіемъ еврейской Каббалы (примѣчаніе къ стр. 178 на стр. 308).

Менѣе знакома русскому читателю біографія Израиля Зангвиля, извѣстнаго романиста и дѣятеля сіонизма. Къ сожалѣнію, посвященная ему часть книги, составившаяся изъ фельетоновъ автора, печатавшихся въ различныхъ французскихъ періодическихъ изданіяхъ, не отличается ни систематичностью, ни глубиной.

Зато несомнѣнный интересъ представляетъ часть книги, посвященная Джемсу Дармстетеру, знаменитому философскому обоснователю юдаизма, мало извѣстному у насъ. Повидимому, авторъ книги раздѣляетъ мнѣніе Дармстетера, что евреи—не этнографическая, а только религіозная группа, такъ какъ издревле они смѣшивались съ окружавшими ихъ народами,—по крайней мѣрѣ, авторъ въ примѣчаніи приводитъ данныя изъ статьи Саламана „Heredity and the Jew", изъ которыхъ видно, что при смѣшанныхъ бракахъ евреевъ съ англичанами въ 12 случаяхъ изъ 13 въ потомствѣ преобладаетъ не еврейскій, а англійскій типъ (стр. 352—355).

Примѣчанія, занимающія цѣлую четверть этой книги и состоящія изъ выписокъ, часто интереснѣе самаго текста. По нимъ, между прочимъ, видно, что авторъ не сумѣлъ использовать извѣстный ему богатый матеріалъ, чтобы составить систематическій очеркъ жизни и творчества заинтересовавшихъ его трехъ представителей еврейства нашихъ дней. Но все же отдѣльныя страницы книги очень цѣнны для тѣхъ, кого интересуетъ сущность еврейства.

И. Книжникъ.

ИСТОРІЯ.

М. Д. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв.—*М. Островская.* Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ.—*Проф. В. В. Болотовъ.* Лекціи по исторіи древней церкви. Т. III.

М. Д. Приселковъ. **Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. Спб., 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.**

Очерки М. Д. Приселкова не вносятъ собственно новаго матеріала въ русскую историческую науку. Врядъ ли можно сейчасъ и внести такой матеріалъ по кіевской эпохѣ. Но на почвѣ, подготовленной и расчищенной „Разысканіями" акад. Шахматова, М. Д. Приселковъ произ-

водитъ остроумный критическій пересмотръ старыхъ данныхъ, достигая этимъ пересмотромъ, нерѣдко съ блестящей убѣдительностью, совершенно новыхъ выводовъ и положеній. Иногда кажется, что новое создано авторомъ изъ ничего и обратится опять въ ничто, если оборвать тонкую нить его догадокъ и предположеній. Методъ автора—методъ „косвенныхъ уликъ". Въ отдѣльности каждая такая улика, извлекаемая авторомъ изъ источниковъ, какъ будто ничего и не значитъ, но въ своей совокупности, цѣпляясь одна за другую, онѣ вырисовываютъ сложный узоръ человѣческихъ отношеній, строятъ цѣлое зданіе на мѣстѣ, прежде совершенно пустомъ. Именно этимъ способомъ достигнуто авторомъ пониманіе и раскрытіе церковной политики Владимира Святославича—рядъ остроумныхъ догадокъ приводитъ къ важному выводу: „Владиміръ взялъ церковную іерархію изъ (болгарской) державы Самуила".

Именно этимъ путемъ устанавливается и тождество Никона Великаго съ митрополитомъ Иларіономъ. Намъ неизвѣстна первая половина біографіи Никона, какъ и вторая часть біографіи Иларіона. Логическая работа автора—то, что нѣмцы называютъ begriffliche Bearbeitung—приводитъ насъ, безъ всякой попытки съ нашей стороны противорѣчить, къ неизбѣжному почти заключенію: „Никонъ—митрополитъ Иларіонъ, принявшій схиму".

Книжка М. Д. Приселкова, несомнѣнно, проливаетъ много свѣта на все еще во многомъ темную исторію кіевской культуры. Двѣ стороны изслѣдованія г. Приселкова помогаютъ ему въ этомъ. Во-первыхъ, изслѣдованіе касается прежде всего церковно-политической исторіи Кіевской Руси, и этимъ затрогиваются существенныя черты кіевской культуры, которую постигнуть безъ пониманія церковныхъ отношеній, конечно, нельзя. Во-вторыхъ, Кіевская Русь не представляетъ для г. Приселкова замкнутаго и отдѣленнаго отъ всего міра общества. Кіевская Русь авторомъ вдвигается въ рамки всего окружающаго культурнаго развитія, кіевское общество понимается на фонѣ Византіи и славянъ, Рима и латинства. Эта широкая точка зрѣнія благотворно отражается на всемъ изслѣдованіи г. Приселкова.

Г. Вернадскій.

М. Островская. **Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ. Спб., 1913 г. Стр. IX + 370 + 96. Ц. 3 р.**

Значеніе областныхъ изслѣдованій для общей исторіи развитія Россіи не подлежитъ спору. Если и не придавать „областности" такого необычайнаго, можно сказать, мистическаго значенія, какъ это дѣлалъ Щаповъ, то во всякомъ случаѣ нужно признать теперь невозможной попытку построить исторію Россіи, не обращая вниманія на культуру отдѣльныхъ областей Россіи. Эту культуру можно однако изучать двояко. Можно подходить къ данной области извнѣ, интересоваться мѣстной жизнью, какъ разновидностью общей, искать внизу отвѣтовъ на вопросы, поставленные какъ бы сверху, взятые изъ общаго строя Московскаго государства. Такой путь избралъ, мнѣ кажется, проф. М. М. Богословскій въ своей извѣстной работѣ: „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ".

Можно, съ другой стороны, интересоваться именно населеніемъ данной области и его жизнью, исходить не изъ общеисторическаго, а изъ

этнографическаго интереса къ вопросу. Такая точка зрѣнія проявляется въ трудахъ г-жи Ефименко. М. А. Островская, признавая „сильное вліяніе" на свою книгу работъ г-жи Ефименко, склонна, повидимому, придерживаться той же точки зрѣнія. И, дѣйствительно, привлеченіе этнографическаго матеріала требуется самымъ характеромъ изслѣдованія г-жи Островской, изучающей всю конкретную обстановку труда и жизни сѣверно-русскаго населенія. Между тѣмъ именно съ историко-географической и этнографической стороны книжка вызываетъ рядъ недоумѣній. Не очерчены ясно географическія и этнографическія рамки изслѣдованія. Это неизбѣжно создаетъ нѣкоторую неясность и расплывчатость изслѣдованія. Неясно даже, въ какихъ границахъ понимаетъ авторъ „русскій сѣверъ".

Книжка г-жи Островской разсматриваетъ внимательно земельный строй сѣверно-русской деревни, различныя формы складства, вопросъ о подготовкѣ земельныхъ реформъ XVIII и XIX вѣковъ, рисуетъ подробную картину работъ и повинностей монастырскихъ порядчиковъ, арендаторовъ, наймитовъ. Въ основу изслѣдованія положенъ новый, значительный матеріалъ. Если читатель не всегда согласится съ авторомъ въ его общихъ выводахъ, то во всякомъ случаѣ будетъ ему всегда признателенъ за богатство фактическихъ данныхъ, внесенныхъ имъ въ русское историческое сознаніе.

Г. Вернадскій.

Проф. В. В. Болотовъ. **Лекціи по исторіи древней церкви. Т. III. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. А. Бриллiантова. Спб., 1913 г. Стр. 340. Ц. 2 р.**

На основаніи студенческихъ записей, литографированныхъ курсовъ и собственныхъ записокъ проф. Болотова уже послѣ его смерти составленъ этотъ курсъ лекцій, обнимающій церковную исторію отъ Константина Великаго до Юстиніана. Особливый интересъ этого періода въ томъ, что установившіяся тогда формы церковной жизни въ ихъ общемъ и цѣломъ сохранились по сей день. Это—періодъ вселенскихъ соборовъ, придавшихъ церковной жизни нормальный характеръ.

Два основныхъ вопроса интересуютъ автора въ этомъ періодѣ: взаимоотношенія церкви и государства и церковный строй.

По первому вопросу авторъ устанавливаетъ, что съ самыхъ же первыхъ годовъ по объявленіи христіанской религіи государственною государство притязало на главенствующую роль въ церковной жизни. Правда, государственная власть не позволяла себѣ поступковъ чисто сакраментальнаго характера (наприм., рукоположеніе епископа или совершеніе богослуженія), но она считала себя въ правѣ низложить епископа, который былъ ей неугоденъ, или отказать въ созваніи извѣстнаго собора и тѣмъ косвенно вліять даже на догматическія опредѣленія церкви. Извѣстная вина за подобное зависимое положеніе церкви падаетъ на самоё церковь. Христіанскіе епископы требовали отъ государства, чтобы оно подвергало еретиковъ дѣйствію карательныхъ законовъ, прибѣгали часто къ суду императора по дѣламъ церковнымъ, просили его не позволять пересмотра нѣкоторыхъ догматическихъ формулъ. „Представители церкви большею частью выше цѣнили покровительство императора, чѣмъ свою независимость: желая видѣть свѣтскую власть слугою церкви, они не особенно заботились о

томъ, что граница между церковнымъ и государственнымъ становится незамѣтною, принимали благопріятный для нихъ результатъ и смотрѣли сквозь пальцы на средства, которыми онъ достигнутъ" (стр. 89). Лишь немногіе церковные іерархи возвышались до требованія полной церковной независимости отъ государства. Это требованіе чаще было заявляемо со стороны латинской церкви, чѣмъ со стороны греческой (стр. 90).

Второй отдѣлъ книги, изслѣдующій церковный строй, представляетъ особенный интересъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рисуется зарожденіе папизма и дается оцѣнка вселенскимъ соборамъ.

Редакторъ дополнилъ книгу многими библіографическими примѣчаніями.

И. Книжникъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

Жилища бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ.—Кооперація среди евреевъ. Составл. подъ ред. *І. А. Блюма* и *Л. С. Зака.*—*М. А. Штромбергъ.* Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе.—*С. С. Антоновъ.* Льготныя правила о привозѣ изъ-за границы упаковки для отпускныхъ русскихъ товаровъ.—*П. М. Лебедевъ.* Возвратъ акциза въ Россія.—*K. A. Wieth-knudsen.* Bauernfrage und Agrarreform in Russland.—La réforme agraire en Russie. Accession des paysans russes à la propriété privée. La banque impériale foncière des paysans.

Жилища бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ (по даннымъ анкеты профессіональнаго общества рабочихъ механическаго производства гор. Баку и его районовъ). Съ приложеніемъ пяти таблицъ и восьми діаграммъ. Баку, 1913 г. Стр. VI+139. Ц. 75 к.

Изученію условій труда и жизни рабочихъ бакинской нефтяной промышленности за послѣдніе годы вообще посчастливилось. Прекрасные труды статистическаго бюро совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ по этому вопросу (и въ особенности изданная въ прошломъ году работа „Заработная плата служащихъ и рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района") и рядъ частныхъ изслѣдованій много содѣйствовали выясненію положенія бакинскихъ рабочихъ. И лишь одна сторона этого вопроса была до сихъ поръ изучена сравнительно слабо—жилищныя условія бакинскихъ рабочихъ. Этотъ пробѣлъ нынѣ въ значительной мѣрѣ заполненъ данными анкеты, произведенной профессіональнымъ обществомъ рабочихъ механическаго производства гор. Баку и его районовъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что на фонѣ общаго полицейскаго разгрома нашего молодого профессіональнаго движенія это—первая послѣ значительнаго перерыва большая работа подобнаго рода, произведенная рабочей организаціей.

Жилищный вопросъ всегда отличался въ бакинскомъ районѣ большой остротой. Объясняется это какъ тѣмъ, что здѣсь до сихъ поръ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ промышленномъ районѣ Россіи, господствуетъ обычай проживанія рабочихъ въ квартирахъ и казармахъ, принадлежащихъ предпріятію (по даннымъ статистическаго бюро с. с. н. въ 1909 г. въ хозяйскихъ квартирахъ жило 22,484 ра-

бочихъ, или 69,8% всего числа, въ частныхъ наемныхъ—9,730 человѣкъ, или 30,2%), такъ и тѣмъ, что бóльшая часть рабочихъ жилищъ расположена на самой промысловой площади въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить. Послѣднее является причиной того, что „улучшеніе" рабочихъ жилищъ на промысловой площади, въ сущности говоря, невозможно, и единственнымъ дѣйствительнымъ рѣшеніемъ этого больного вопроса можетъ быть лишь то, которое было выдвинуто уже давно, но до сихъ поръ не получило осуществленія, а именно, образованіе особыхъ „рабочихъ поселковъ" на достаточномъ разстояніи отъ промысловой площади.

Анкетному обслѣдованію, произведенному обществомъ рабочихъ механическаго производства, подверглось всего 1,716 квартиръ, причемъ въ окончательную разработку вошли данныя по 1,695 квартирамъ. Необходимо замѣтить, что опросный листъ отличался чрезвычайной детальностью (онъ включалъ свыше 300 пунктовъ). Хотя, благодаря этой детальности, собрано много цѣннаго матеріала, характеризующаго домашній *бытъ* и домашнюю *обстановку* бакинскаго рабочаго, тѣмъ не менѣе отдѣльные вопросы возбуждаютъ сомнѣніе съ точки зрѣнія ихъ пригодности для статистическаго учета (когда, напримѣръ, ставится вопросъ о томъ, *какіе* паразиты преобладаютъ въ данной квартирѣ!). Полученныя путемъ анкеты данныя сгруппированы прежде всего по пяти основнымъ типамъ квартиръ бакинскихъ рабочихъ: 1) фирменныя казарменныя, 2) фирменныя семейныя, 3) артельныя для одинокихъ, 4) семейныя частныя безъ жильцовъ, 5) семейныя артельныя или съ жильцами. Кромѣ того, въ основной разработкѣ весь матеріалъ скомбинированъ еще по двумъ признакамъ: по этажамъ и по объему воздуха, приходящагося на одного обитателя квартиры. Что касается „фирменныхъ" квартиръ, то съ точки зрѣнія гигіенической онѣ обнаруживаютъ большую пестроту. На-ряду съ казармами, въ которыхъ на 1 человѣка приходится менѣе $1^1/_2$ кубовъ воздуха (въ нихъ жило 27,6% всего обслѣдованнаго казарменнаго населенія) и которыя вообще не удовлетворяютъ даже минимальнымъ гигіеническимъ требованіямъ, „встрѣчаются казармы во всѣхъ отношеніяхъ образцовыя" (стр. 22). При этомъ, по словамъ авторовъ изслѣдованія, „въ общемъ и цѣломъ гигіеническія условія казармъ тѣмъ лучше, чѣмъ крупнѣе предпріятіе, въ которомъ заняты жильцы" (стр. 29). Во всякомъ случаѣ фирменныя квартиры въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи стоятъ значительно выше частныхъ: „частныя квартиры, нанимаемыя самими рабочими, въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи принадлежатъ къ наихудшимъ и наиболѣе перенаселеннымъ" (стр. 64). Сравнительно слабо освѣщенъ вопросъ о квартирной платѣ, онъ затрогивается лишь мимоходомъ (стр. 62, 74).

В. Гефдингъ.

Статистико-экономическіе очерки и изслѣдованія. Кооперація среди евреевъ (по даннымъ 1911 и 1912 гг.). Составлено подъ редакціей І. А. Блюма и Л. С. Зака. Спб., 1913 г.

Рецензируемое изданіе является четвертымъ выпускомъ обзоровъ дѣятельности кредитной коопераціи среди евреевъ. Нужно однако замѣтить, что этотъ выпускъ значительно отличается отъ предыдущихъ: въ немъ удѣлено очень много вниманія описанію операцій залоговыхъ, по

снабженію и сбыту издѣлій, кассъ взаимопомощи и условно-страховыхъ вкладовъ. Еврейская кооперація въ Россіи отличается цѣлымъ рядомъ ей одной свойственныхъ особенностей: разсматриваемый сборникъ приводитъ тому не мало примѣровъ. Если принять во вниманіе, что въ составленіи сборника приняли участіе цѣлый рядъ лицъ, работающихъ на нивѣ еврейской коопераціи, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что матеріалъ, ими собранный, полонъ живого интереса.

Сборникъ распадается на три части. Кредитная кооперація, ея численность, составъ членовъ, оборотныя средства, операціи—таково содержаніе первой части. Независящія обстоятельства накладываютъ свою печать на развитіе еврейскихъ кооперативовъ — этотъ мотивъ проходитъ по всей работѣ. Самыми интересными, несомнѣнно, являются вторая и третья части разсматриваемаго сборника. Обстоятельное описаніе, основанное, очевидно, на непосредственномъ изученіи предмета, сырьевыхъ складовъ и складовъ для сбыта ремесленныхъ издѣлій, прочтется съ большимъ интересомъ и пользой всякимъ интересующимся вопросами кооперативнаго движенія: то, что создано въ этой области евреями, не лишено поучительности для общероссійскаго кооперативнаго дѣла. Въ общемъ нужно сказать, что четвертый выпускъ обзоровъ еврейской коопераціи, куда болѣе обстоятельно составленный, является весьма цѣннымъ матеріаломъ для изученія тѣхъ формъ, которыя принимаетъ кооперативное движеніе различныхъ національностей Россіи. Косвенно сборникъ является цѣннымъ пособіемъ для интересующагося общеэкономическимъ положеніемъ русскаго еврейства.

Е. С. Лурье.

М. А. Штромбергъ. **Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе. Семинарій по политич. экон. при моск. у-тѣ. Вып. VII. М., 1913 г.**

Рецензируемая работа является седьмымъ выпускомъ трудовъ семинарія при московскомъ университетѣ, руководимаго I. М. Гольдштейномъ. Мнѣ приходилось неоднократно давать отзывъ о работахъ этого семинарія и указывать, что однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ его трудовъ является то, что всѣ авторы пользуются преимущественно—если не исключительно—первоисточниками, часто архивными матеріалами. Помимо того приходится отмѣтить чрезвычайно удачный выборъ темъ для работъ.

Вышесказанное относится также и къ книгѣ М. А. Штромберга. Но долженъ замѣтить, что она не лишена цѣлаго ряда недостатковъ, значительно понижающихъ ея несомнѣнную цѣнность. Въ книгѣ отсутствуетъ то, что можно назвать перспективой научнаго изложенія, совершенно нарушена пропорціональность въ трактованіи отдѣльныхъ частей темы. Такъ, напримѣръ, слишкомъ растянута первая вводная глава, посвященная изложенію вопроса о децентрализаціи городского населенія и путяхъ сообщенія. Безъ всякаго ущерба для дѣла эта глава, занимающая $^1/_5$ книги, могла бы быть сокращена наполовину. Излагая во второй и третьей главѣ исторію перехода въ руки города конно-желѣзныхъ дорогъ и замѣны ихъ электрической тягой, авторъ совершенно не щадитъ своего читателя, загромождая изложеніе трактованіемъ ряда вопросовъ, экономическаго значенія непосредственно не имѣющихъ (наприм., слишкомъ детальное изложеніе на стр. 159—163, частое цитированіе стенограммы

засѣданій думы (стр. 183—4, 82, 99—100, 152—54, 336—338), слишкомъ подробное изложеніе юридической стороны вопроса о переходѣ конно-желѣзныхъ дорогъ (стр. 192—205). Загромождая изложеніе многими подробностями и деталями, авторъ, однако, совершенно не обнаружилъ интереса къ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, весьма важный вопросъ о преимуществахъ муниципальнаго веденія желѣзнодорожнаго хозяйства, несомнѣнно, долженъ былъ быть подвергнутъ теоретическому освѣщенію. Между тѣмъ, если не считать двухъ-трехъ бѣглыхъ замѣчаній, книга въ интересующемъ насъ отношеніи ничего не даетъ.

Хотѣлось бы еще отмѣтить, что финансовая и экономическая сторона вопроса о городскихъ желѣзныхъ дорогахъ авторомъ нисколько не отмежевываются одна отъ другой. Между тѣмъ, разграниченіе области политической экономіи отъ компетенціи науки о финансахъ является весьма важной методологической задачей. Въ книгѣ, повторяемъ, никакихъ указаній по этому поводу нѣтъ.

Въ заключеніе два слова о заглавіи. Было бы безполезно въ работѣ М. А. Штромберга искать изученія желѣзнодорожнаго хозяйства другихъ городовъ, кромѣ Москвы; такъ же безполезно искать въ рецензируемой работѣ *систематическаго* изложенія соціальнаго значенія городскихъ желѣзныхъ дорогъ: и то, и другое представлено въ работѣ М. А. Штромберга исключительно бѣглыми замѣчаніями. А между тѣмъ вѣдь книга озаглавлена: „Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ *и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе*“ (курс. мой).

Е. С. Лурье.

Министерство финансовъ. Матеріалы къ пересмотру русско-германскаго торговаго договора. С. С. Антоновъ. **Льготныя правила о привозѣ изъ-за границы упаковки для отпускныхъ русскихъ товаровъ. Спб., 1913 г.**

То же. П. М. Лебедевъ. **Возвратъ акциза въ Россіи. Спб., 1913 г.**

Объ обѣихъ брошюрахъ можно говорить въ одной замѣткѣ: обѣ работы написаны по общему плану и прошли черезъ одну и ту же редакцію.

Матеріалы, публикуемые министерствомъ финансовъ, заслуживаютъ всяческаго поощренія. Это, въ сущности, первый опытъ изученія конкретныхъ вопросовъ русской торговой, въ частности таможенной, политики. До сихъ поръ у насъ даже не были изучены отдѣльные институты нашего таможеннаго права, не были разсмотрѣны конкретныя мѣры нашей таможенной политики. Предстоящее возобновленіе торговаго договора съ Германіей уже вызвало рядъ работъ въ намѣченномъ выше направленіи.

Брошюры гг. Антонова и Лебедева носятъ, въ сущности, характеръ „справокъ“ о состояніи нашего законодательства по изучаемымъ авторами вопросамъ. Попутно приводятся данныя таможенной статистики по изучаемымъ авторами предметамъ ввоза и вывоза.

Какъ на недостатокъ обѣихъ брошюръ, хотѣлъ бы указать на ихъ „сухость“: характеръ канцелярской справки доминируетъ въ изложеніи. Кромѣ того, дефектомъ является отсутствіе сравнительнаго изложенія: брошюры не содержатъ изложенія западно-европейскаго законодательства по тѣмъ же вопросамъ. А между тѣмъ, такое сравнительное изложеніе надо признать чрезвычайно полезнымъ, иногда необходимымъ.

Е. С. Лурье.

Dr. Sc. pol. K. A. Wieth-Knudsen, Sektionsschef im Internationalen Landwirtschaftsinstitut in Rom. **Bauernfrage u. Agrarreform in Russland. Unter besonderer Berücksichtigung der nach dem Ukas vom 9 November 1906 u. dem Gesetz vom 29 Mai 1911 eingeleiteten Auflösung des „Mirs" u. Auseinandersetzung der bäuerlichen Landanteile. Lpz. 1913 стр. VI+260+1 карта. Цѣна 7 марокъ.**

Эта книга—хорошій и содержательный трудъ датскаго экономиста, работавшаго въ области вопроса о народонаселеніи („Volksvermehrung u. Fortschritt", 1908 г.) и ипотечнаго кредита, и посѣтившаго Россію съ цѣлью детальнаго ознакомленія съ сложнымъ вопросомъ о судьбахъ русскаго землеустройства. Работа выполнена вполнѣ добросовѣстно и научно-объективная оцѣнка всѣхъ сторонъ русскаго аграрнаго вопроса, сдѣланная авторомъ, должна быть привѣтствуема, какъ цѣнный и важный вкладъ въ заграничную литературу, столь небогатую объективными и добросовѣстными источниками ознакомленія съ поземельнымъ вопросомъ въ Россіи. Надо указать также, что интернаціональный институтъ въ Римѣ выпускаетъ еще одну работу, затрогивающую вопросы русскаго переселенія—г-жи Dr. Kretschmann-Grizziotti.

Въ книгѣ Кнудсена землеустройство находитъ положительную оцѣнку съ весьма интересными оговорками (часть послѣднихъ самъ авторъ охарактеризовалъ тѣмъ, что „es kann niemand Omelettes machen, ohne Eier zu zerschlagen"—нельзя сдѣлать яичницы, не разбивъ яицъ) (стр. 190), основанными какъ на непосредственномъ знакомствѣ съ землеустройствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, такъ и на вполнѣ объективной сводкѣ фактическаго матеріала, взятаго у русскихъ авторовъ, непосредственно знакомыхъ съ результатами землеустройства (Вольскій, Оболенскій, Ордынскій, Кофодъ и др.). Въ данномъ отношеніи предположеніе автора, что его книга нѣсколько выяснитъ основные типы землеустройства и ихъ положительное значеніе (стр. 177)—въ большой степени обосновано. Выводы автора о проблемахъ землеустройства, вытекающихъ изъ существующей практики (стр. 188, сл.), отличаются трезвымъ и объективнымъ разсмотрѣніемъ вопроса.

Къ сожалѣнію, однако, та часть книги, въ которой авторъ говоритъ о земельномъ кредитѣ, испещрена многими досадными ошибками. Въ 1871—73 гг. было учреждено не 10, а 11 акціонерныхъ земельныхъ банковъ (стр. 129 и 143; 11-й—саратовско-симбирскій былъ впослѣдствіи ликвидированъ, о чемъ авторъ и самъ говоритъ на стр. 143, прося одновременно почему-то не смѣшивать этого банка съ обществомъ поземельнаго кредита 1866 г.??). Далѣе, я въ первый разъ слышу, что ревизія государственныхъ земельныхъ банковъ осуществляется государственнымъ контролемъ (стр. 130 и 134), что % *роста* мѣняется въ зависимости отъ срока ссуды (стр. 130 и 131), что „золотой" банкъ 1866 г., прообразъ Substitionsgesellschaften, созданъ по образцу остзейскихъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ (стр. 133), что законъ 21 марта 1906 г. былъ изданъ министромъ *финансовъ* Витте (стр. 137), что Витте похожъ на датскаго министра Шиммельмана, Столыпинъ—на Бернсдорфа, Кривошеинъ—на Ревентлова, а всѣ они вмѣстѣ—на Штейна и Гарденберга (стр. 137) и т. д.

Далѣе, можетъ быть, не слѣдовало бы говорить объ „ungewöhnlich"

ясной статистикѣ земельнаго кредита въ Россіи, о „durchaus erfreuliches“ состояніи земельнаго кредита (стр. 145), о „segensreiche“ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій (стр. 154).

А. Н. Закъ.

La réforme agraire en Russie. Accession des Paysans Russes à la propriété privée. La banque Impériale Foncière des paysans. Изданіе русской торговой палаты въ Парижѣ.

За границей русское землеустройство постепенно все болѣе и болѣе заинтересовываетъ общественное мнѣніе. Мнѣ уже приходилось указывать на цѣлый рядъ нѣмецкихъ книгъ, посвященныхъ этому важному вопросу. Что касается Франціи, то въ ней имѣющаяся литература по русскому землеустройству очень однобока. Именно пока, насколько мнѣ извѣстно, кромѣ французскихъ переводовъ извѣстныхъ изданій русскаго землеустроительнаго вѣдомства: „Итоги землеустройства“ и „Обзоръ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій“, ничего серьезнаго не появлялось (не считая незамѣтныхъ статей въ *Revue Contemporaine* и статьи Pierre Chasles въ *Revue econ. intern.*). Рецензируемая брошюра опирается, главнымъ образомъ, на офиціальные источники и *всесторонняго* освѣщенія вопроса не даетъ. Кромѣ того, въ книжкѣ можно найти не мало легкомысленныхъ вещей. Реформаторы 1861 года были будто бы „imbus“ соціальными теоріями XVIII в. и ихъ идеаломъ было „установленіе для всякаго равныхъ правъ на равный кусокъ земли“ (стр. 7). Общинное устройство — excellente théorie (стр. 9). Г. Туганъ-Барановскій (какъ извѣстно, очень сдержанно относящійся къ землеустройству) опубликовалъ въ *Messager de la Banque* (?) статью съ благопріятной оцѣнкой аграрной реформы (стр. 27). Авторъ говоритъ объ уменьшеніи разницы въ производительности земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ, сравнивая десятилѣтія 1861—70 гг. и 1891—1900 гг., какового уменьшенія я не усматриваю: 29 и 33 въ первое десятилѣтіе и 39 и 47 во второе (стр. 27). Законъ о крестьянскомъ банкѣ не 1883 года (стр. 19), а 1882 г. Переводъ слова „отрубъ“—„lot individuel d'un seul tenant“ (стр. 17 и др.)—неудаченъ. Такимъ образомъ, приходится еще ждать выхода въ свѣтъ работы о русскомъ землеустройствѣ на французскомъ языкѣ, которая бы заполнила существующій въ данномъ отношеніи пробѣлъ.

А. Н. Закъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Александръ Башмаковъ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ геговъ.—*А. Д. Хейнъ.* Іудаизмъ и кровь.—*Jean Pélissier et Maxime Emile Arnaud.* La morale Internationale, ses origines, ses progrès.

Александръ Башмаковъ. **Черезъ Черногорію въ страну дикихъ геговъ. Спб., 1913 г. Стр. 131. Ц. 1 р. 50 к.**

Газеты не перестаютъ приносить намъ тѣ или иныя сообщенія, относящіяся къ Албаніи. Что за народъ тамъ борется, какія онъ представляетъ собою племена, почему онъ ненавидитъ сосѣднихъ сербовъ и черногорцевъ,—эти вопросы невольно появляются у каждаго читателя. Нѣкоторымъ отвѣтомъ на нихъ служитъ названная здѣсь книга, ил-

люстрированная многими рисунками, изображающими природу, жителей и бытъ Албаніи, и хорошей схематической картой Сѣверной Албаніи. Авторъ ея въ сентябрѣ 1908 года,—въ виду оживленно обсуждавшагося тогда въ печати проекта покойнаго графа Эренталя о постройкѣ желѣзной дороги, которая бы разъединила Сербію съ Черногоріей,—совершилъ путешествіе по Сѣверной Албаніи для выясненія возможности сооруженія иной желѣзной дороги, которая бы связала Сербію съ Адріатикой, и именно съ хорошей морской гаванью Антивари. Первоначально отдѣльныя главы книги печатались въ видѣ „Писемъ Вѣщаго Олега изъ славянскихъ земель“ въ газетѣ *Россія* (въ 1908 г.) и въ *Славянскихъ Извѣстіяхъ* (въ 1909 г.) и теперь перепечатаны безъ всякихъ перемѣнъ.

Есть любопытныя мѣста въ этой книгѣ. Авторъ приводитъ албанскія и сербскія былины, разсказываетъ о нѣкоторыхъ интересныхъ черточкахъ быта албанцевъ, турокъ, сербовъ, черногорцевъ. Но у автора, къ сожалѣнію, нѣтъ единой мѣры для оцѣнки явленій. Для славянъ и христіанъ у него мѣрка одна, а для всего не-славянскаго и не-христіанскаго—другая. Пристрастіе автора сказывается въ самомъ именованіи Албаніи „страной дикихъ геговъ“.

Ложное славянофильство автора, считающаго своимъ долгомъ забрасывать грязью все, что не славянство, сообщаетъ всей книгѣ привкусъ плохого политическаго памфлета. Чтобы научиться понимать албанскія событія по-настоящему, нужно, чтобы ихъ пояснилъ иной изслѣдователь, болѣе объективный.

И. Книжникъ.

А. Д. Хейнъ. **Іудаизмъ и кровь. Спб., 1913 г. Стр. 78. Ц. 60 к.**

Авторъ этой книжки—духовный раввинъ города Новозыбкова, пользующійся большой популярностью среди ортодоксальныхъ евреевъ. Взглядъ его на вопросъ о протестѣ противъ кровавого навѣта чрезвычайно оригиналенъ. Какъ извѣстно, пятнадцать лѣтъ назадъ съѣздъ раввиновъ всего міра въ Краковѣ составилъ такъ называемую „краковскую клятву“ о неупотребленіи евреями христіанской крови, а въ 1911 году, послѣ возбужденія дѣла Бейлиса, въ томъ же духѣ изданъ „протестъ“ кишиневскимъ раввиномъ Цирельсономъ за подписью множества раввиновъ и „торжественное заявленіе“ русскихъ раввиновъ, изданное с.-петербургскими еврейскими общественными дѣятелями. И вотъ авторъ указанной здѣсь книжки находитъ, что всѣ эти виды протеста производятъ такое же удручающее впечатлѣніе, „какъ если въ доказательство того, что дважды два не стеариновая свѣча или что Моисей и Соломонъ умственно выше недоросля, а морально—Ивана Грознаго,—приводятъ мнѣнія милліонеровъ и губернаторовъ“ (стр. 19). Вмѣсто клятвъ, протестовъ и торжественныхъ заявленій авторъ рекомендуетъ показать, какова сущность іудаизма, тезисы Библіи и Талмуда, сущность еврейскаго ритуала и его традицій. И авторъ дѣйствительно показываетъ, что сдѣлать это можно, при извѣстной эрудиціи, блестяще.

Особливую цѣнность представляютъ при этомъ цитаты автора изъ Талмуда съ точнымъ указаніемъ страницъ. По этимъ цитатамъ ясно видно, что Талмудъ не только не представляетъ пониженія нравственныхъ требованій Библіи, какъ это утверждаютъ антисемиты, а, напротивъ, повышаетъ эти требованія въ рангъ универсальныхъ и качественно

дѣлаетъ ихъ тоньше и благороднѣе. Какъ извѣстно, такого же мнѣнія о Талмудѣ держался и Вл. Соловьевъ.

Приведемъ, для примѣра, нѣкоторыя цитаты изъ Талмуда объ убійствѣ: „Убійца одной души равенъ убійцѣ всей вселенной". „Если насильникъ предлагаетъ тебѣ на выборъ смерть или совершеніе одного изъ слѣдующихъ трехъ грѣховъ—измѣна Богу, прелюбодѣяніе, человѣкоубійство,—то обязательно жертвовать собою и не совершать ни одного изъ означенныхъ трехъ грѣховъ". Послѣ этихъ цитатъ понятно, почему среди ортодоксальныхъ евреевъ, какъ это установлено сравнительной статистикой, убійства встрѣчаются очень рѣдко.

Общимъ отношеніемъ Талмуда къ убійству и насилію опредѣляется и отношеніе его къ войнѣ и орудіямъ убійства. „Мужчина не долженъ имѣть при себѣ (въ субботу) меча, лука, щита, длиннаго или круглаго, и копья... Раби Эліэзеръ говоритъ: все составляетъ украшеніе для человѣка. Мудрецы же говорятъ: *„оружіе составляетъ позоръ для человѣка"*.

Общепринятое мнѣніе о мстительности еврейскаго Бога встрѣчаетъ въ Талмудѣ основательное и авторитетное опроверженіе. По Талмуду, нѣтъ злыхъ людей, а есть лишь злыя дѣла. „Нельзя человѣку молиться о смерти злыхъ людей". Богъ не радъ пораженію даже такихъ нечестивцевъ, какъ Фараонъ, купавшійся ежедневно въ крови трехсотъ еврейскихъ младенцевъ.

Мимоходомъ авторъ устанавливаетъ цитатами отрицательное отношеніе Талмуда къ самоистязанію и аскетизму, къ кровнымъ и сословнымъ различіямъ и провозглашеніе пророками впервые въ исторіи идей всеобщаго мира и равноцѣнности всѣхъ людей.

Послѣ статьи Вл. Соловьева „Талмудъ и новѣйшая литература о немъ въ Австріи и Германіи" (въ 6-мъ томѣ собранія его сочиненій) приведенныя здѣсь мысли не новы, но несомнѣнно новы приведенныя г. Хейномъ цитаты, рѣдко встрѣчающіяся въ литературѣ о еврействѣ.

П. Книжникъ.

Jean Pelissier et Maxime Emile Arnaud. La Morale Internationale, ses origines, ses progrès. (Publication de l'Institut International de la Paix.) 1912.

Книга Пелисье и Арно „La Morale Internationale" („Международная нравственность") представляетъ хотя бѣглый, но интересный очеркъ развитія понятія о нравственности и правѣ. Уже въ самыя отдаленныя, варварскія эпохи человѣческой исторіи минутами ярко вспыхиваютъ на общемъ мрачномъ фонѣ тѣ самыя гуманныя идеи, которыя выступаютъ впередъ какъ въ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, такъ и въ освободительныхъ теченіяхъ XIX и XX вѣковъ. Эти раннія просвѣты въ человѣческой исторіи свидѣтельствуютъ, съ какой чрезвычайной медленностью истинная цивилизація пробивается впередъ, сталкиваясь на каждомъ шагу съ проявленіями грубаго насилія и произвола...

Пелисье и Арно отмѣчаютъ въ своемъ очеркѣ тѣ историческіе моменты, въ которые наиболѣе ярко выступали эти два противоположныхъ элемента: стремленіе къ захвату и насилію, съ одной стороны, и законности, духа единенія и братства, съ другой стороны. Первыя, отрицательныя, черты характеризуютъ основанный на рабствѣ древній міръ и средніе вѣка—эпоху торжества кулачнаго права.

Но уже и въ эти отдаленныя времена встрѣчаются свѣтлые умы, стоявшіе далеко впереди своихъ современниковъ. Таковы, между прочимъ, въ древніе вѣка Эпиктетъ, Цицеронъ, Сенека, Маркъ Аврелій, отстаивавшіе свободу индивидуальной личности; а въ средніе вѣка—св. Кипріанъ, Тертуліанъ, блаженный Августинъ, Томасъ Моръ, Эразмъ Ротердамскій и др. Подъ вліяніемъ христіанства минутами вспыхиваетъ мечта объ объединеніи человѣчества и водвореніи на землѣ царства мира. А въ нѣдрахъ самой церкви зрѣетъ въ средніе вѣка грандіозный проектъ основанія всемірной республики,—проектъ, заглохшій въ самомъ зачаткѣ вслѣдствіе борьбы между духовной и свѣтской властью.

Гораздо болѣе вліянія оказало въ средніе вѣка обратное теченіе, клонившееся къ утвержденію права сильнаго.

Отвлеченныя идеи XVIII вѣка находятъ свое выраженіе во французской революціи, признавшей передъ лицомъ всего міра лицемѣріе двойной морали, безнравственность завоевательной войны и теоріи государственнаго интереса.

Принципы эти и донынѣ не осуществились въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе они настолько вошли въ сознаніе передовыхъ слоевъ общества, что даже Наполеонъ I, попиравшій всѣ человѣческія права, въ теоріи считалъ нужнымъ защищать идею мира.

Переходя къ характеристикѣ XIX вѣка по отношенію къ развитію понятія о правѣ, авторы книги отмѣчаютъ продолжающуюся между двумя противоположными принципами борьбу. Прогрессъ наукъ сближаетъ націи и укрѣпляетъ среди нихъ сознаніе взаимной солидарности.—Послѣдняя глава разсматриваемой книги посвящена вопросу о развитіи идеи мира въ международныхъ и національныхъ обществахъ. Дѣятельность послѣднихъ начинается съ 1-го конгресса мира въ Лондонѣ, въ 1843 г. Въ 1889 г. въ Парижѣ созывается первый всемірный конгрессъ мира; а въ 1898 году въ Гаагѣ впервые собираются представители двадцати шести государствъ для установленія принциповъ международнаго третейскаго суда.

† Н. Мировичъ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

С. П. Покровскій. Государственный Совѣтъ Франціи какъ органъ административной юстиціи въ отмѣнѣ административныхъ рѣшеній.

С. П. Покровскій. **Государственный Совѣтъ во Франціи какъ органъ административной юстиціи въ отмѣнѣ административныхъ рѣшеній. Ярославль, 1913 г. Стр. XLVIII + 512 + XIII. Ц. 3 р. 50 к.**

Скудная русская литература по административному праву обогатилась новымъ трудомъ г. Покровскаго „Государственный Совѣтъ во Франціи какъ органъ административной юстиціи въ отмѣнѣ административныхъ рѣшеній". Прежде всего представляется крайне интересной и значительной тема, затрогиваемая авторомъ въ виду того громаднаго вліянія, которое оказало французское административное право и организація ея высшей административной юстиціи на остальныя государства Западной Европы. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ высказываетъ свои взгляды на роль административной юстиціи вообще и на тѣ цѣли, ко-

торыя онъ себѣ поставилъ, приступая къ своей работѣ. Съ нѣкоторыми изъ взглядовъ, высказываемыхъ авторомъ по этому поводу, нельзя согласиться вполнѣ. Такъ, на стр. XVII—XVIII онъ пишетъ: „Русская литература административнаго права небогата вообще въ сферѣ догматическаго изученія этого права". „На эту бѣдность уже съ давнихъ поръ указываютъ наши изслѣдователи". „Причина ея лежитъ въ трудностяхъ, въ невозможности создать науку административнаго права въ странѣ, гдѣ нѣтъ спеціальнаго высшаго органа административной юстиціи". „Тамъ, гдѣ нѣтъ организованной административной юстиціи, не можетъ развиваться наука административнаго права". Мнѣ кажется, что главная причина того, что русская литература административнаго права является такой бѣдной, заключается вовсе не въ томъ, что Россія не имѣетъ „высшаго спеціальнаго органа административной юстиціи", а въ томъ, что она еще слишкомъ недавно стала конституціоннымъ государствомъ, что и обусловило появленіе самой науки административнаго права въ странѣ взамѣнъ стараго полицейскаго.

Самое сочиненіе распадается на три части: первая заключаетъ въ себѣ „исторію и дѣйствующую организацію государственнаго совѣта во Франціи какъ органа административной юстиціи" и обнимаетъ эпоху, начиная съ великой французской революціи до нашего времени. Наибольшій интересъ для русскаго читателя представляетъ вторая часть книги, въ которой авторъ пытается дать юридическую конструкцію понятія административнаго акта. Въ своихъ воззрѣніяхъ онъ держится шаблоннаго дѣленія административныхъ актовъ, принятаго у французскихъ юристовъ на акты власти и исполненія, на акты двусторонніе и односторонніе. Третья часть посвящена характеристикѣ юрисдикціонныхъ полномочій государственнаго совѣта въ отношеніи отмѣны административныхъ рѣшеній при превышеніи власти. Къ числу крупныхъ недостатковъ книги надо отнести ея слабость въ литературномъ отношеніи, что сильно вредитъ точному пониманію даваемыхъ авторомъ опредѣленій и правильному ихъ уясненію. Нѣкоторыя же фразы остаются благодаря этому непонятными и оставляютъ читателя въ недоумѣніи. Въ общемъ, на-ряду со многими недостатками этой книги, къ числу ея положительныхъ достоинствъ надо отнести то, что 1) она даетъ читателю много матеріала и 2) что при бѣдности нашей литературы по административному праву и, въ частности, работъ по административному акту надо привѣтствовать появленіе всякой сносной книги по этому вопросу на книжномъ рынкѣ. Въ видѣ приложенія авторъ присоединилъ къ своей книгѣ статью проф. M. Hauriou (Les conditions extérieurs de developpement du recours pour excès de pouvoir en France), написанную по поводу выхода этого труда.

А. Зайцевъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

М. М. Рубинштейнъ. Очеркъ педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой.—*О. Рюле.* Основные вопросы воспитанія.—*Д-ръ Т. Д. Фаддеевъ.* Школьная педагогика. Кн. I.—*М. Монтессори.* Домъ ребенка.—*А. М. Смирновъ (Кутачевскій).* Руководство къ изученію художественныхъ произведеній. Учебникъ русскаго языка.

М. М. Рубинштейнъ. **Очеркъ педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой. Изд. К. И. Тихомірова. Педагогическая библіотека. М., 1913 г. Стр. 594 Ц. 3 р.**

„Наше время отмѣчено огромнымъ интересомъ къ педагогикѣ". Среди множества книгъ по педагогикѣ, появившихся за послѣднее время на нашемъ книжномъ рынкѣ, книгѣ Рубинштейна можно отвести одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Сознавая необходимость строить педагогику на философскомъ фундаментѣ и признавая въ то же время заслуги экспериментальнаго метода въ новѣйшей педагогикѣ, авторъ старается объединить въ цѣльной педагогической системѣ результаты мысли и наблюденій въ этихъ двухъ направленіяхъ. Книга состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части разсматриваются основные принципы, цѣли и идеалы воспитанія; во 2-й—важнѣйшія стороны душевной жизни ребенка, функціи памяти, вниманія, воображенія, вопросъ о дошкольномъ воспитаніи, объ умственномъ утомленіи и т. под.; въ 3-й—проблемы воспитанія чувствъ, воли, нравственнаго и религіознаго. Талантливо составленный очеркъ не только намѣчаетъ „общіе контуры основъ современной педагогики", но и даетъ ясные, продуманные отвѣты на цѣлый рядъ жгучихъ, злободневныхъ педагогическихъ вопросовъ. Особенную цѣнность книга пріобрѣтаетъ, благодаря счастливому сочетанію въ ней научной солидности съ непосредственнымъ интересомъ автора къ душѣ ребенка. Простота и изящество изложенія дѣлаютъ книгу доступной и интересной для широкаго круга читателей. Упрекнуть можно автора лишь въ томъ, что въ общемъ онъ удѣляетъ результатамъ экспериментальной психологіи меньше вниманія, чѣмъ они заслуживаютъ, и врядъ ли вполнѣ основательно рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о примѣненіи эксперимента въ школѣ, въ частности для изслѣдованія одаренности. Неразработанность методики и ошибки отдѣльныхъ изслѣдователей не могутъ служить доказательствомъ недостаточности метода, какъ таковаго, и его практической непригодности. Въ общемъ, книга заслуживаетъ большого вниманія и самаго широкаго распространенія не только среди педагоговъ, но и среди родителей.

П. Эфрусси.

О. Рюле. **Основные вопросы воспитанія. Переводъ Степанова. Изд. „Прибой". Спб. Стр. 107. Ц. 60 к.**

На 107 страницахъ маленькаго брошюрочнаго формата авторъ категорически разрѣшаетъ основные вопросы воспитанія. Уже одно это достаточно говоритъ о поверхностности книжки г. Рюле.

Ознакомленіе съ содержаніемъ ея вполнѣ подтверждаетъ первоначальное предположеніе. Авторъ принадлежитъ къ тому типу марксистовъ, которые всѣ вопросы рѣшаютъ по чрезвычайно упрощенной схемѣ и не считаютъ нужнымъ вдумываться въ сложныя явленія жизни. Послушать автора—среднія школы, какъ обслуживающія буржуа-

зію, прекрасны, а низшія, какъ предназначенныя для пролетаріата, никуда не годятся. Между тѣмъ, кто бывалъ въ школахъ Германіи, кто хоть немного знакомъ съ педагогической литературой, тотъ знаетъ, что если гдѣ и замѣтно движеніе воды, то скорѣе въ народныхъ школахъ.

Особенно авторъ обрушивается на дополнительныя школы, видя въ нихъ попытку буржуазіи и правящихъ классовъ выработать послушныхъ и опытныхъ для себя рабочихъ. Но почему же тогда тотъ же пролетаріатъ такъ цѣнитъ эти дополнительныя школы? Не потому ли, что онѣ помогаютъ ему жить?

Достается отъ автора извѣстному мюнхенскому педагогу Кершенштейнеру, въ дѣйствіяхъ котораго усмотрѣна та же тенденція. Но кто мало-мальски знакомъ съ тѣмъ, что сдѣлалъ Кершенштейнеръ въ Мюнхенѣ, насколько онъ возвысилъ народную школу во всѣхъ отношеніяхъ, тому дѣлается смѣшно при чтеніи жалкихъ выпадовъ автора. Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много. Впрочемъ, авторъ по своему правъ въ своемъ отношеніи къ мюнхенскимъ и вообще къ дополнительнымъ школамъ,—дѣйствительно, кто ознакомится въ этихъ школахъ, хоть немного, съ общественными науками, кто пріучится, хоть немного, разбираться въ окружающемъ, кто получитъ въ нихъ профессіональныя знанія, такъ повышающія цѣнность труда, тотъ никогда не пойдетъ за демагогами типа г. Рюле. Поэтому боязнь и озлобленіе г. Рюле вполнѣ понятны.

Цѣна книжки—60 коп. за 107 стр. въ $^1/_{32}$ листа при плохой бумагѣ—далеко не пролетарская.

А. Обуховъ.

Д-р Т. Д. Фаддеевъ. **Школьная педагогика. Кн. I. Психология съ 151 рисункомъ. XXX+544 стр. М., 1913 г. Типографія штаба московскаго военнаго округа. Ц. 3 р. 50 к.**

Уже при первомъ взглядѣ на книгу читателю становится яснымъ, что авторъ не склоненъ придавать значеніе установленнымъ традиціямъ. „Орфография в этой книге изменена в духе реформ, проэктированных в Академии Наук". Столь же оригинальнымъ является внутреннее содержаніе объемистой книги. Вмѣсто психологіи въ научномъ смыслѣ слова она содержитъ пространныя разсужденія автора на разныя темы, которыя снисходительный читатель можетъ отнести къ области психіатріи, физіологіи, соціологіи или метафизики. Какого бы вопроса авторъ ни коснулся—будь то „функціи нервной системы", „красота человѣка", „свобода воли" или „гипнотизмъ",—всюду съ одинаковой силой выступаетъ стремленіе сказать новое слово, оставляя въ сторонѣ данныя науки. Уже предисловіе, въ которомъ авторъ рекомендуетъ свой трудъ, какъ „теоретически проработанное руководство для занятий в экспериментальной школе", обнаруживаетъ полное незнакомство автора съ пріемами научнаго изслѣдованія. Д-ръ Фаддеевъ не смущается тѣмъ, что „выводы и указанія, которые находятся в этой работе не следует считать научно доказанными положеніями" (VIII), и дальше (стр. 4) говоритъ слѣд.: „Выведенные нами общие психологические принципы могут служить материалом, из котораго будут делаться различные выводы практическаго характера. Эти практические выводы будут проверяться опытом: с одной стороны они будут применяться к житейской практике, а с другой стороны лягут в основу работ по экспериментальной пси-

хологии; и вот тут-то будет видно справедливы они или нет. Если практические выводы окажутся соотвѣтствующими действительности... это будет служить очень веским доказательством, что и сами общие принципы, из которых сделаны эти выводы, справедливы". Ссылка автора на экспериментальный методъ вызываетъ тягостное недоумѣніе: вся книга сплошь состоитъ изъ произвольныхъ утвержденій и гипотезъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ экспериментальнымъ даннымъ. На каждой страницѣ можно найти утвержденія, по своей оригинальности не уступающія, напр., слѣдующимъ. „Для каждаго слова, для каждаго привычнаго сочетанія слов, для каждой постоянной идеи, одним словом для каждаго психическаго процесса, способнаго стереотипно повторяться при различных условиях—существует специальный нервный центр, при возбуждении котораго данный процесс и воспроизводится" (стр. 67). „Так как в толпе человек получает новое „Я", негодное к обычной жизни и приспособленное к жизни в толпе, то члены толпы теряют желание расходиться" (стр. 529). „Личность человека более или менее меняется всякий раз, когда меняется окружающая его обстановка" (стр. 532).

Многочисленные рисунки, которые авторъ набрасываетъ съ такою же легкостью, съ какой онъ выставляетъ свои смѣлыя положенія, не только не помогаютъ читателю разобраться въ хаосѣ мыслей, но еще болѣе его запутываютъ.

П. Эфрусси.

М. Монтессори. **Домъ ребенка. Изданіе т-ва „Задруга". М., 1913 г. Стр. 339+XXVI. Ц. 2 р. 50 к.**

Несомнѣнно, книжка очень интересна и поучительна и для теоретиковъ, и для практиковъ. Много г. Монтессори даетъ своего, новаго и еще больше стараго, но тщательно проработаннаго и продуманнаго. Поэтому и относишься съ такимъ уваженіемъ къ словамъ автора, хотя бы и не соглашался съ ними. Нельзя сказать, чтобы книга открывала новые горизонты, какъ объ этомъ писали нѣкоторые рецензенты. Всѣ методы г. Монтессори—это видоизмѣненіе, развитіе методовъ и идей Песталоцци, Фребеля, Дистервега, а изъ новыхъ педагоговъ—Ферстера.

Трудно согласиться съ чрезмѣрной дрессировкой дѣтей, проводимой г. Монтессори.

Правда, эта дрессировка чрезвычайно искусна и воспринимается дѣтьми съ удовольствіемъ, но всетаки это—дрессировка, необходимая лишь въ строго ограниченномъ объемѣ.

Изъ частностей, для примѣра, я бы возражалъ горячо противъ желанія обучать дѣтей чтенію ранѣе 6 лѣтъ. И безъ того у насъ Божій міръ заслоняется книжкой, а мы хотимъ еще дѣтей отвлечь отъ дѣйствительности къ словамъ и знакамъ, тогда какъ центръ тяжести дѣтскаго развитія лежитъ въ наблюденіи и испытаніи реальнаго міра.

Написана книга растянуто и съ нѣкоторой слащавостью.

Издательству „Задруга" надо сказать спасибо за эту книжку.

А. Обуховъ.

А. М. Смирновъ (Кутаческій). **Руководство къ изученію художественныхъ произведеній. Учебникъ русскаго языка. Курсъ IV—V кл. средне-учебн. зав. Книгоиздат. „Просвѣщеніе". Спб., 1913 г. Ц. 1 р.**

Г. Смирновъ со своими пріемами и планировками, съ замѣтною начитанностью по своему предмету, идетъ къ цѣли—одухотворить, освѣ-

жить и осмыслить для школьника обиходную формалистичную „теорію словесности". Предлагая „Руководство къ изученію художественныхъ произведеній", авторъ имѣетъ въ виду „приводить учениковъ къ представленію основныхъ элементовъ художественнаго творчества".

По сказкамъ, баснямъ Крылова, разсказу Чехова „Каштанка" г. Смирновъ выдвигаетъ „художественное творчество, какъ мѣткое обозначеніе". По литературнымъ же памятникамъ характеризуетъ на урокахъ художественное творчество, „какъ изображеніе объективной дѣйствительности, какъ выраженіе личныхъ переживаній".

Разсматривая народныя былины и „Пѣснь про купца Калашникова", выдѣляетъ „художественное творчество въ изображеніи яркой личности". Для опредѣленія фантастическаго останавливается по преимуществу на народныхъ сказкахъ.

Въ главѣ „Художественное творчество въ игрѣ" г. Смирновъ, пользуясь дѣтскими и народными пѣснями, народной драмой „Царь Максиміанъ" и „Скупымъ рыцаремъ", какъ бы выслѣживаетъ съ дѣтьми эволюцію драмы. „Введеніемъ" своимъ авторъ предлагаетъ „завершать курсъ". Здѣсь рѣчь идетъ о „живомъ словѣ", „художественномъ творчествѣ", „стилѣ".

Реформированію учебы книга г. Смирнова, несомнѣнно, пособляетъ. Но нельзя цѣликомъ присоединиться къ инымъ его формулировкамъ.

Напримѣръ, у г. Смирнова художественное творчество—„наиболѣе *интересное* изображеніе предмета". Опредѣленіе—„интересное" тутъ двусмысленно, недостаточно и, такъ сказать, низменно. Подборъ образцовъ у г. Смирнова также подчасъ вызываетъ недоумѣніе. Для лирики у г. Смирнова взято слабоватое въ поэтическомъ отношеніи—у Надсона, Добролюбова, Плещеева. Излишне включены грубѣйшія частушки. А самое изложеніе толкованій мѣстами нѣсколько отвлеченно для предполагаемыхъ школьниковъ.

А. Налимовъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Проф. К. Касснеръ и *В. П. Шипчинскій.* Погода и ея предсказаніе.—*П. В. Воронковъ.* Планктонъ прѣсныхъ водъ.

Проф. К. Касснеръ и В. П. Шипчинскій. **Погода и ея предсказаніе. „Библіотека Знанія". Съ 20 рисунками и отдѣльной таблицей. Изданіе П. П. Сойкина. Спб., 1913 г. Стр. 188. Ц. 1 р.**

Вопросъ о предсказаніи погоды давно уже занимаетъ умъ человѣка; къ сожалѣнію, этотъ отдѣлъ метеорологіи слишкомъ мало разработанъ въ наши дни и врядъ ли скоро получитъ строго-научную форму. Правда, изрѣдка появляются лица, которыя даютъ рядъ предсказаній на слѣдующій годъ, но предвидѣнія эти рѣдко оправдываются. Предсказанія эти основываются на какой-нибудь подмѣченной связи явленій въ природѣ или на народныхъ примѣтахъ; такъ, предсказанія инж. Демчинскаго основаны были на лунныхъ узлахъ, впослѣдствіи же на ходѣ кривой зимняго барометра. Эти послѣднія изысканія были подвергнуты строгой оцѣнкѣ извѣстнымъ метеорологомъ, проф. А. В. Клоссовскимъ, который указалъ на полную несостоятельность примѣненныхъ методовъ.

Лежащая передъ нами небольшая книжка, очень хорошо составлен-

ная и принадлежащая перу такихъ двухъ специалистовъ, какъ проф. Касснеръ (директоръ прусскаго метеорологическаго бюро) и В. И. Шипчинскій (физикъ Николаевской физической обсерваторіи), даетъ очень точное представленіе о современномъ состояніи вопроса о погодѣ съ точки зрѣнія метеорологіи. Многочисленныя добавленія, сдѣланныя г. Шипчинскимъ по отношенію къ Россіи (всѣ они отмѣчены звѣздочками), только дополняютъ и увеличиваютъ цѣнность книжки. Историческій очеркъ развитія дѣла предсказанія погоды выясняетъ намъ значеніе этого вопроса во всѣ времена человѣческаго существованія. Издана книжка съ внѣшней стороны недурно, только цѣна ея нѣсколько высока.

А. Лѣтникъ.

Н. В. Воронковъ. **Планктонъ прѣсныхъ водъ. (Подъ ред. прив.-доц. московскаго у-та В. С. Елпатьевскаго. Книг-ство „Bios".) Со 129 рис. въ текстѣ. М., 1913 г. Стр. VIII+317+1 нен. Ц. 2 р.**

Книга Н. В. Воронкова посвящена „планктону", т.-е. тому преимущественно микроскопическому населенію соленыхъ и прѣсныхъ водъ, которое почти цѣликомъ и всю жизнь проводитъ въ открытой водѣ, совершенно не нуждаясь въ почвѣ. Это населеніе играетъ очень важную роль въ экономикѣ природы, то какъ загрязнители водъ, то какъ дѣятели, способствующіе ея очищенію, то, наконецъ, какъ пищевой матеріалъ для рыбы, въ томъ числѣ и промысловой, и поэтому, конечно, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Единственная книга, которая на русскомъ языкѣ знакомила интересующихся съ этимъ своеобразнымъ міромъ, „Жизнь прѣсныхъ водъ" Ламперта, въ настоящее время устарѣла, и появленіе книги Воронкова по этому вопросу можно, конечно, только привѣтствовать. Написанная очень доступно, простымъ, хорошимъ языкомъ и со знаніемъ дѣла, она, несомнѣнно, сыграетъ свою роль въ дѣлѣ изученія обильныхъ и разнообразныхъ водоемовъ Россіи.

Книга Н. В. Воронкова—только введеніе, очень удачное и интересно составленное. Введеніе это охватываетъ рядъ вопросовъ, связанныхъ преимущественно съ жизнью планктона прѣсныхъ водъ, и даетъ рядъ общихъ понятій о составѣ, классификаціи, происхожденіи, распространеніи и питаніи планктона (I—VI) и объ особенностяхъ существованія въ водной средѣ (VII—XIII). Къ книгѣ приложенъ необходимый списокъ литературы по гидробіологіи и дана цѣлая глава о методахъ изслѣдованія; и то и другое дѣлаетъ книгу особенно цѣнной для начинающихъ и особенно полезной для тѣхъ, кто не можетъ пользоваться руководствомъ спеціалиста.

В. Муралевичъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Бѣглецы и др. разсказы. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества).—Дѣтская энциклопедія. Т. I и II.—*Н. Карабановъ.* Россія за 300 лѣтъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ. Хрестоматія для семьи и школы.

Бѣглецы и другіе разсказы. Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. Съ рисунками. М., 1913 г. Ц. 1 р.

Всегда исполненные благомыслія и гуманности, сборники „Библіотеки" подчасъ перегружаются переводами, оставляющими желать много лучшаго. Но на этотъ разъ всѣ разсказы—оригинальные и написаны

съ достаточною живостью и литературностью. Первая вещь въ книгѣ—„Бѣглецы“—эпизодъ изъ русско-японской войны. Манчжуры толпами, старъ и младъ, „въ паническомъ ужасѣ“, несутся съ родныхъ мѣстъ. Одинъ старикъ, въ безсиліи, отказывается двигаться впередъ; остается съ нимъ и двѣнадцатилѣтній мальчикъ Кхп-го. На нихъ натыкаются русскіе солдаты и оказываются благодѣтелями для китайцевъ.

Путевые наброски г. Живаго—„Тигерли“ (имя кошки) не лишены движенія и красокъ. Портитъ разсказъ только чрезмѣрное внушеніе животнолюбія. Г-жа Ильина повѣствуетъ про нищенствующаго Ларисона, который раздаетъ свои скудные запасы другимъ встрѣчнымъ голодающимъ („Въ голодуху“). Авторъ стремится въ своемъ изображеніи,—и не безъ успѣха,—къ уравновѣшиванію свѣта и тѣней.

Извѣстно, что дѣти любятъ скорѣе наблюдать природу, чѣмъ читать о ней по книжкѣ. Но и то правда, что всегда найдутся подростки, интересующіеся описаніями животныхъ. Г. С. Орловскій въ разсказѣ „Бѣда въ ласточкиномъ семействѣ“ старается привлечь вниманіе ребенка къ интимной жизни пернатыхъ. Особый мірокъ затрогиваетъ г. Вендровъ въ очеркѣ „Школьникъ“, гдѣ изображается еврейскій хедеръ. Не совсѣмъ понятно, зачѣмъ помѣщена въ сборникѣ пространная статья г-жи А. Чертковой: „На почтовыхъ изъ Дубовки въ Кіевъ“ (изъ воспоминаній дѣтства). Это, можетъ быть, подлинныя записки (относящіяся къ 1866 г.), кое-чѣмъ любопытныя для взрослыхъ. Но едва ли что въ нихъ займетъ дѣтей (кромѣ рисунковъ). Г-жа Нелидова даетъ въ книгѣ „Ковчегъ бабушки Анны“—разсказъ о любвеобильной хлопотуньѣ, вѣчно призрѣвающей „малыхъ сихъ“. Авторъ, видимо, фотографируетъ, но не безуспѣшно.

Колоритны „картинки деревенской жизни“—„Сенька“—г. Семенова. Послѣдняя вещь сборника—„Красная феска“ г-жи Ильиной. Старикъ въ красной фескѣ въ Крыму воспитываетъ дѣтей своими рѣчами о любви и мирѣ. Однако отъ изображеній автора цѣльныхъ впечатлѣній не выносишь.

А. Налимовъ.

Дѣтская энциклопедія. Т. I. стр. 248, т. II. стр. 252. Изданіе т-ва Сытина. Москва, 1913 г. Цѣна не указана.

Названное здѣсь изданіе представляетъ собою переработку англійской „Дѣтской энциклопедіи“, редакторомъ которой является Артуръ Ми, написавшій предисловіе и къ русскому изданію. Всѣ отдѣлы богато иллюстрированы рисунками и цвѣтными таблицами и напечатаны на прекрасной толстой бумагѣ. Въ обоихъ томахъ матеріалъ распредѣленъ по одинаковымъ отдѣламъ: 1) что окружаетъ насъ? 2) живая природа, 3) страны и народы, 4) о жизни, 5) вселенная, 6) чѣмъ и какъ себя занять. Въ дальнѣйшіе томы предположено ввести еще четыре отдѣла: 1) изъ исторіи земли, 2) о веществѣ, 3) великіе люди и 4) почему такъ бываетъ. Англійское изданіе вновь переработано и дополнено русскими учеными: профессорами Ю. Н. Вагнеромъ, Н. П. Козловскимъ и С. Н. Метальниковымъ и гг. С. А. Князьковымъ, Н. А. Морозовымъ и М. В. Новорусскимъ. Приняты въ расчетъ русскія условія природы и жизни, русская промышленность и производства, русскіе великіе люди и т. п.

Имена ученыхъ, стоящихъ во главѣ этого изданія, служатъ достаточнымъ ручательствомъ за его научность. Другой вопросъ, насколько

почтенные ученые сумѣли быть занимательными для дѣтей и насколько быстро и кратко они отвѣчаютъ на ихъ вопросы. Въ этомъ отношеніи „Дѣтская энциклопедія“ не представляется намъ изданіемъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Этому мѣшаетъ, во-первыхъ, самое распредѣленіе матеріала, а во-вторыхъ, недоступный для дѣтей языкъ. По замыслу издателя, „Дѣтская энциклопедія“ должна служить „введеніемъ къ средней школѣ, облегчить въ будущемъ ея прохожденіе“. Между тѣмъ этой цѣли удовлетворяютъ только немногія страницы, большая же часть разсмотрѣнныхъ нами двухъ томовъ говоритъ о такихъ вещахъ и въ такомъ тонѣ, которые доступны только ученикамъ средней школы. Матеріалъ распредѣленъ по отдѣламъ въ концентрическомъ порядкѣ, какъ это и принято; такъ же онъ распредѣляется напримѣръ, въ прекрасныхъ книжкахъ Поля Бэра подъ общимъ заглавіемъ „Міръ Божій“. Но между тѣмъ какъ у Поля Бэра ребенокъ дѣйствительно получаетъ краткій и скорый отвѣтъ на всѣ свои вопросы и такое же краткое свѣдѣніе по цѣлому ряду новыхъ для него вопросовъ,—въ „Дѣтской энциклопедіи“ статьи очень длинны и врядъ ли будутъ читаться дѣтьми безъ скуки. Правда, не всѣ отдѣлы въ этомъ отношеніи одинаковы. Такъ, отъ этого упрека вполнѣ свободенъ отдѣлъ „Чѣмъ и какъ себя занять“, но это лишь одинъ изъ шести уже разработанныхъ отдѣловъ.

Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ заключить, что мы не считаемъ „Дѣтскую энциклопедію“ полезной. Она мало доступна для чтенія самихъ дѣтей, но можетъ послужить прекраснымъ пособіемъ для тѣхъ матерей и воспитателей, которые пожелали бы расширить кругозоръ ребенка, но лишены подходящихъ свѣдѣній.

Цѣна изданія, къ сожалѣнію, не обозначена. Неизвѣстно также, можно ли покупать каждый томъ отдѣльно. Но, судя по богатству иллюстрацій и тщательности всего изданія, оно не должно быть дешевымъ. Для людей небогатыхъ пользуемся случаемъ рекомендовать подобное же энциклопедическое изданіе,—упомянутыя выше книжки Поля Бэра „Божій Міръ“, въ которыхъ тоже много иллюстрацій, но которыя продаются отдѣльно и стóятъ не болѣе 20—30 коп. каждая.

И. Книжникъ.

Н. Карабановъ. **Россія за 300 лѣтъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ. Хрестоматія для семьи и школы. М., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.**

Въ составленіи названной книги не сказывается ни большой обдуманности, ни планомѣрности. Какъ и другія юбилейныя изданія, хрестоматія г. Карабанова начинается народной пѣсней объ избраніи Михаила Θеодоровича и „Сусанинымъ“ Рылѣева. Далѣе идутъ отрывки изъ повѣстей нашихъ старательныхъ историческихъ беллетристовъ—Всев. Соловьева, Карновича, Полежаева, Мордовцева (объ охотѣ царя Алексѣя Михайловича, о бракѣ его, о царевнѣ Софіи, Евдокіи Θеодоровнѣ и Петрѣ I). Взяты также для I отдѣла (XVII вѣкъ) статьи Костомарова, картинки довольно колоритнаго нашего рисовальщика старины Аверкіева. Включены и отрывки изъ „Тараса Бульбы“, котораго доселѣ повторяютъ позднѣйшіе пѣвцы Сѣчи, „Стансы“ Пушкина, стихи о Петрѣ Алексѣя Толстого и т. д. Въ отдѣлѣ, посвященномъ XVII в., не мало почерпнуто о Петрѣ I и его сынѣ у нашего утонченно-просвѣщеннаго, литературно-искуснаго г. Мережковскаго, у Пушкина (изъ

„Капитанской дочки"), у Шардина, т.-е. покойнаго Сухонина. Имѣются здѣсь отрывки изъ повѣствованія объ Екатеринѣ II одного изъ наиболѣе даровитыхъ нашихъ историческихъ беллетристовъ, гр. Е. А. Саліаса, стильные разсказы изъ крѣпостнической эпохи Лѣскова и т. д.

Неопредѣленность и какое-то слабосиліе намѣреній составителя хрестоматіи обнаруживается, главнымъ образомъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ книги—о XIX вѣкѣ. Здѣсь есть, правда, отрывки изъ „Войны и мира", стихи Лермонтова, Тютчева, „Картинка" Майкова, „Жены декабристовъ" Некрасова, кое-что о Севастополѣ, кое-что изъ художественныхъ хроникъ Тургенева (о Базаровѣ, Неждановѣ) и т. д. Но неужели для возможно существеннаго и выпуклаго отпечатлѣнія Россіи XIX вѣка нужны были и страницы изъ произведеній такихъ второстепенныхъ писателей, какъ Михайловъ-Шеллеръ, Станюковичъ, Мачтетъ? Книга нарядно издана и обильно иллюстрирована.

А. Налимовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ, СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Д. К. Зеленинъ. Библіографическій указатель русской этнографической литературы о внѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи.

Д. К. Зеленинъ. **Библіографическій указатель русской этнографической литературы о внѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 гг. (Изъ Записокъ Имп. Русск. Географич. Общества по отд. этнографіи, т. XL, вып. I.) Спб., 1913 г. Стр. XXXIX+733.**

На обложкѣ книги скромно обозначено: „изданіе корректурное", а въ предисловіи составитель предупреждаетъ читателя, что „настоящій библіографическій указатель предназначается для пользованія состоящей при Имп. Р. Географическомъ Обществѣ комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи". Однако, трудъ исполненъ столь тщательно и столь богатъ содержаніемъ, что, конечно, его значеніе совершенно не исчерпывается нуждами одной спеціальной комиссіи. Съ момента выхода въ свѣтъ указатель г. Зеленина сталъ необходимымъ пособіемъ для обширнаго круга изслѣдователей Россіи—не только этнографовъ, но и филологовъ, фольклористовъ, историковъ, экономистовъ и т. д. Здѣсь читатель найдетъ обильные матеріалы по исторіи и современному состоянію жилищъ, одежды, хозяйственнаго быта народовъ Россіи. Историкъ литературы встрѣтитъ здѣсь цѣнную библіографію провинціальной періодической печати; историки искусства—обильныя данныя о музыкѣ и другихъ видахъ народнаго художественнаго творчества. Весь матеріалъ огромнаго тома распредѣленъ по стройному, весьма удобному плану. Справки до послѣдней степени облегчены указателями: губерній и областей, народностей и племенныхъ группъ, этнографическихъ картъ, сочиненій библіографическихъ, спеціальныхъ журналовъ, наконецъ, авторовъ; эти алфавиты занимаютъ свыше ста страницъ. Пожелаемъ хорошей книгѣ широкой извѣстности и успѣха.

Н. Пиксановъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 16-е декабря 1913 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** 8 одноактныхъ пьесъ и инсценированныхъ разсказовъ. Спб., 1913. Изд. тов. „Новый Сатириконъ". 97 стр.

— Чертова дюжина. 12 пьесъ для театра миніатюръ. Т. III. Спб., 1913. Изд. т-ва „Новый Сатириконъ". 127 стр. Ц. 2 р.

Амфитеатровъ, А. В. Склоненныя ивы. Собраніе сочиненій. Т. 21-й. Спб., 1913. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". VIII+340 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ауслендеръ, С. Послѣдній спутникъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. М., 1913. Изд. кн-ва К. Ф. Некрасова. 191+3 нен. стр. Ц. 1 р.

Бальмонтъ, К. Край Озириса. Египетскіе очерки. М., 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 324 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Беленсонъ, А. Забавные стишки. Спб., 1914. 43 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Богровъ, Ѳ. Мгновенія. М., 1914. 153+II стр. Ц. 1 р.

Боцяновскій, В. Ѳ. Великая пророчица. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1913. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 42 стр.

Бунинъ, Ив. Іоаннъ Рыдалецъ. Разсказы и стихи 1912—1913 года. М., 1913. Изд. книгоизд. писателей. 260 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣляевъ, Ю. Царевна-Лягушка. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1913. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 49 стр.

Витинъ, В. Земскій дѣятель Нератовъ. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1913. 62 стр. Ц. 60 к.

Вознесенскій, Ал. Путь Агасеера. Первая книга стиховъ съ пред. Л. Андреева. Спб., 1914. Изд. издат. „Шиповникъ". 109 стр. Ц. 1 р.

Волошинъ, М. Лики творчества. Кн. I. Спб., 1914. Изд. „Аполлона". 377 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Высоцкій, К. Апостолъ. Стихотвореніе. Сувалки, 1913. 99 стр. Ц. 1 р.

Гарбинъ, Н. Чужой. Стихи. М., 1914. 109 стр. Ц. 60 к.

Гартевельдъ, М. Ночные соблазны. Стихи. Спб., 1913. Изд. „Прометей". 63 стр. Ц. 50 к.

Голощаповъ, П. А. Стихотворенія. Луга, 1913. 63 стр. Ц. 50 к.

Г. Х. Д. Осенніе листья. Стихотворенія въ прозѣ. Спб., 1914. 154 + IV стр. Ц. 1 р. 75 к.

Дубиновскій, Б. Предутреннія мерцанія. Стихи (1911—1913 гг.). М., 1913. 64+2 нен. стр. Ц. 75 к.

Дуровъ, Ал. и Марковъ, Левъ (кн). Кабъукъ футуриста. Stihi. М., 1914. 15 стр. Ц. 35 к.

Евдокимовъ, И. Городскія смѣны. Стихи. Невекъ. Спб., 1913. 46 стр. Ц. 50 к.

Земля. Сборникъ тринадцатый. М. Арцыбашевъ—Ревность. Драма въ 6-ти дѣйст. С. Юшкевичъ—Леонъ Дрей. М., 1914. Изд. моск. книгоизд. 298 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Карповъ, Е. Зарево. Пьеса въ 4-хъ дѣйст. Спб., 1913. 112 стр. Ц. 50 к.

Князевъ, В. Двуногіе безъ перьевъ. Сатира и юморъ. Спб., 1913. Изд. М. Г. Корнфельда. 233 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Копылова, Л. Стихи. Тетрадь вторая. М., 1914. Изд. В. Португалова. 77 стр. Ц. 50 к.

Крашенинниковъ, Н. Дѣвственность. Записки страннаго человѣка. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1913. Изд. моск. книгоизд. VIII+405 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Басни. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 270 стр. Съ 22 рис. Ц. 40 к.

Крымовъ, Вл. Въ странѣ любви и землетрясеній, странные разсказы и проч. Спб., 1914. 288 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Летучіе альманахи. И. Рѣпинъ—Впечатлѣнія дѣтства. А. Купринъ—Бастія. И. Рукавишниковъ—Когда пали стѣны храма. Карменъ—Кукинъ папа. А. Вознесенскій—Мостикъ. А. Тамаринъ—Бонза. Стихотворенія С. Городецкаго и Д. Цензора. Вып. XI. Спб., 1913. Изд. „Рубиконъ". 143 стр. Ц. 60 к.

Летучіе альманахи. Н. Олигеръ—Лѣтній папа. А. Вережниковъ—Сивка. Ан. Каменскій—Убійца. Борисъ Лазаревскій—Конецъ. А. Свирскій—День Чагиныхъ. Вл. Кохановскій—Прохожій. Стихотворенія А. Богданова, А. Липецкаго, А. Вознесенскаго и Якова Година. Вып. XII. Спб., 1913. Изд. „Рубиконъ". 143 стр. Ц. 60 к.

Львовъ, Т. Въ часы досуга. Стихи. М., 1913. 118+1 ненум. стр. Ц. 60 к.

Малышевъ, А. А. (А. Стальскій). Васильки. Сборникъ стихотвореній. 1906—1912. Спб. Изд. журн. „Вѣстникъ Чиновника. XV+131 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Маслюкъ, С. Символы—призраки моей души. Стихотворенія. Кіевъ, 1913. Ц. 85 к.

Михайловъ, М. Л. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. I, II и III. Спб., 1913. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. XLIII+405+310+311 стр. Ц. по 1 р. 25 к.

Невѣжинъ, П. М. Погибшій кумиръ. Повѣсть и другіе повѣсти и разсказы. Спб., 1914. 245 стр. Ц. 1 р.

Оболенскій, Н. Тризны. Сонеты 1911—12 гг. Симферополь, 1913. 175 стр. Ц. 1 р.

Опискинъ, Ѳ. Сорныя травы. Спб., 1914. Изд. журн. „Новый Сатириконъ". 247 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

Поляковъ, С. Л. Огненное кольцо. Драма въ 5-ти дѣйств. Спб., 1913. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 28 стр.

Рафаловичъ, С. Стихотворенія. Сборникъ четвертый. Спб., 1914. Изд. „Шиповникъ". 229 стр. Ц. 1 р.

— Театръ. 5 пьесъ. Спб., 1914. Изд. „Шиповникъ". 211 стр. Ц. 1 р.

Ренниковъ, А. Тихая заводь. Ироническій романъ. Спб., 1914. 368 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Саліасъ, Е. А., гр. Собраніе сочиненій. Т. XI. Кудесникъ Яункундзе. 480 стр. Ц. 2 р. 50 к. Т. XX. Новая Сандрильона. М., 1914. Изд. А. А. Карцева. 465 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ первый книгоиздательства „Утро". Подъ ред. И. А. Бѣлоусова. И. Бунинъ. Стихи. К. Баранцевичъ. Невозвратное. В. Башкинъ. Стихи. И. Бѣлоусовъ. Стихи. В. Кюи. Весенняя гостья. Музыка. Н. Крашенинниковъ. Къ землѣ обѣтованной. С. Покровскій. Материнство у животн. А. Серафимовичъ. Мишка-Упырь. Скиталецъ. Современникъ Пушкина. П. Тулубъ. Стихи. П. Тимковскій. Среди топей. Н. Телешовъ. Все проходитъ. А. Ѳедоровъ. Стихи. М., 1914. Изд. „Утро", 2-е. 173+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Сквозниковъ, А. Т. Спрутъ. Повѣсть нашего времени. (Изъ міра мистическаго сектантства.) Спб., 1913. Изд. В. М. Скворцова. 106 стр. Ц. 1 р.

Скляровъ, Л. Призраки (эстетическіе стихи). Ростовъ н/Д., 1913. Изд. автора. 64 стр. Ц. 65 к.

Федоровъ, А. М. Его глаза. Романъ. М., 1913. Изд. московскаго книгоизд. 232 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Фидлеръ, Л. Лунная сказка. М., 1914. 48 стр.

Фонвизинъ, С. Записки свободной женщины. Спб., 1914. 259 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Храповицкій, В. А. Розы Діаны. Драматическая фантазія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Екатеринославъ, 1913. Изд. 1-е, автора. 58 стр. Ц. 30 к.

Цвѣтные сборники. Изумрудный. (Сборникъ второй.) А. И. Купринъ. Ницца пляшетъ. С. Юшкевичъ. Гувернантка. А. Измайловъ. Миражъ на болотѣ. Ив. Рукавишниковъ. Эврика. М. Криницкій. Сырь. С. Городецкій. Спеціалисты. Карменъ. Павшій въ бою. Спб., 1913. Изд. „Освобожденіе". 128 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Цензоръ, Д. Легенда Будней. Лирика. Спб., 1914. Изд. А. Аверченка. 216 стр. Ц. 1 р. 25 к.

П. Я. Русская муза. Художественно-историческая хрестоматія. Спб., 1913. Изд. 3-е. VIII+467 стр. Ц. 1 р. 75 к.

§ 1б. Броди, А. Герой дня. Романъ. Единственный авториз. пер. съ венгерскаго. Спб., 1913. Изд. Д. М. Гутзаца. 224 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. По Божьему пути. Романъ. Пер. Е. Торнеусъ. Собраніе сочиненій. Т. VII. М., 1914. Изд. к-ва „Современныя проблемы". 388 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Додэ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Фромонъ младшій и Ризлеръ старшій. Романъ. Пер. съ франц. В. Андреевой. М., 1914. Изд. кн-ства I. А. Маевскаго. 401 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Т. V. I. Тартаренъ изъ Тараскона. II. Провансальскія легенды. Пер. съ франц. I. А. Маевскаго.

М., 1914. Изд. кн-ства I. А. Маевскаго. 202 стр. Ц. 1 р.

Келлерманъ, Б. Ингеборгъ. Романъ. Пер. съ нѣм. Б. О. Бычковскаго. Собраніе соч. Т. III. Спб., 1914. Изд. „Прометей". 224 стр. Ц. 1 р.

— Туннель. Романъ. Пер. съ нѣмецк. А. Даманской и З. Журавской. Собран. соч. Т. IV. Спб., 1913. Изд. кн-ва „Прометей". 410 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лондонъ, Д. Собр. соч. Т. XVIII. До Адама. Перев. съ англ. М. А. Андреевой. М., 1914. Изд. I. А. Маевскаго. 202 стр. Ц. 1 р.

Меримe, П. Карменъ. Перев. съ франц. А. Б. Кислаковскаго. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. т-ва „Дѣятель". 76 стр. Ц. 20 к.

— Любовь и смерть Арсены Гильо и другіе разсказы. Пер. съ франц. А. Б. Кислаковскаго. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. т-ва „Дѣятель". 76 стр. Ц. 20 к.

Сенъ-Викторъ, П., де. Боги и люди. Пер. М. Волошина. М., 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 475+2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Романъ. Перев. А. Чеботаревской. Подъ редакц. В. Иванова. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1913. Изд. „Шиповникъ". 460 стр. Ц. 2 р. 50 к.

— Искушеніе св. Антонія. Пер. Бор. Зайцевъ. Собр. соч. Т. III. Спб., 1913. Изд. „Шиповникъ". 193 стр. Ц. 1 р.

Церетели, А., кн. Баши-Ачукъ. Разсказъ. Пер. съ грузинск. Гр. и Вл. Джерарди. Подъ ред. и со вступ. статьей объ авторѣ А. А. Хаханова. Унив. б-ка, № 859. М., 1913. Изд. т-ва „Польза". 111 стр. Ц. 10 к.

Шантъ, Л. Старые боги. Пер. съ армянскаго, съ пред. Кара Дарвиша. Тифлисъ, 1913. Изд. переводчика. 16 стр. Ц. 75 к.

Шекспиръ, В. Сочиненія въ 3 т. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. III. Б-ка всемірной литературы. Европейскіе классики. М., 1913. Изд. „Окто". 321 стр. Съ рис.

§ 2. **Будде, Е. Ѳ.** Учебникъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Этимологія. М., 1914. Изд. бр. Башмаковыхъ, 4-е. 183 стр.

Гротъ, Я. К. Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію второго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ. Спб., 1914. Изд. 21-ое. XII+120+XLIV стр. Ц. 60 к.

Зеленинъ, Д. К. Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ заднеиебныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи. Спб., 1913. Изд. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. XVI+544 стр. Съ картою.

Первовъ, П. Д. Очерки по методикѣ изслѣдованія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ. М., 1913. 583 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Рудневъ, А. Д. Хори-бурятскій говоръ. (Опытъ изслѣдованія, тексты и переводы.) Вып. II. Тексты. Спб., 1913. 128 стр.

§ 4. **Хованскій, Дм.** Великій Прометей. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія Т. Г. Шевченко. 1814—1914 гг.) Ростовъ-на-Д., 1914. 20 стр.

§ 5. **Астровъ, В.** Не нашли пути. Изъ исторія религіознаго кризиса. Станкевичъ—Бѣлинскій—Герценъ—Кирѣевскій—Достоевскій. Спб., 1914. IX+291 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. (1829—1839 гг.) Т. I. Спб., 1914. VIII+427 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Введенскій, А., свящ. Духовникъ Н. В. Гоголя. (Къ переоцѣнкѣ его характеристики.) Одесса, 1913. Изд. Г. Н. Навроцкаго, 2-е. 24 стр. Ц. 25 к.

Зелинскій, В. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. II. 1864—1873 гг. М., 1913. Изд. 3-е. XVI+207+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Крученыхъ, А. Чортъ и рѣчетворцы. Спб., 1913. 16 стр. Ц. 30 к.

Орловскій, С. Изъ жизни нашихъ писателей. Литературные очерки. Спб., 1913. Изд. „Просвѣщеніе". 283 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Древній періодъ. Ч. I. До Петра Великаго. Казань, 1913. 724 стр. Ц. 2 р.

Тимковскій, Н. Душа Л. Н. Толстого. М., 1913. Изд. к-ва писателей въ Москвѣ. 178+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Хронологическій списокъ сочиненій, изданій и переводовъ Степана Ивановича Пономарева, составленный имъ самимъ. Изданъ подъ ред. К. Я. Грота. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XC, № 5. Спб., 1913. 53 стр. Ц. 70 к.

Шершеневичъ, В. Футуризмъ безъ маски. Компилятивная интродукція. М., 1913. Изд. книгоизд. „Искусство". 105 стр. Ц. 50 к.

Языковъ, Н. М. Письма къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни. Подъ ред. и съ объяснительными примѣчаніями Р. В. Пѣтухова. Языковскій архивъ. Вып. I. Спб., 1913. Изд. отд. рус. яз. и словесн. Импер. Ак. Наукъ. VIII+502 стр. Съ портр. Ц. 2 р. 25 к.

§ 6. **Бѣлинскій, В. Г.** Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ прим. проф. С. А. Венгерова. Т. X. Спб., 1914. 522 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Писаревъ, Д. И. Полное собраніе сочиненій въ шести томахъ. Т. IV. Спб., 1913. Изд. Ф. Павленкова, 6-е. 600 стр. Ц. 1 р.

Португаловъ, М. В. Женщина въ русской художественной литературѣ. XIX вѣка. (1823—1876 гг.) Спб., 1914. Изд. „Энергія". 156 стр. Ц. 1 р.

Розановъ, Н. П. Крылья смерти. (Творчество М. П. Арцыбашева.) Владикавказъ, 1913. Изд. автора. 32 стр. Ц. 20 к.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Вивекананда, Суоми.** Карма-Іога. Спб., 1914. Изд. книгоиз. „Новый человѣкъ". 97 стр. Ц 60 к.

Успенскій, П. Д. Четвертое измѣреніе. Обзоръ главнѣйшихъ теорій и попытокъ изслѣдованія области неизмѣримаго. Спб., 1914. Изд. 2-е, перераб. и доп. 98 стр. Ц. 1 р.

Флоренскій, Пав., свящ. Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной ѳеодицеи въ двѣнадцати письмахъ. М., 1914. Изд. „Путь". 812 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Эйгесъ, В. Критика феноменализма (о міроотношеніяхъ). М., 1914. 95 стр. Ц. 85 к.

Эльзенгасъ, Ѳ., проф. Психологія и логика какъ введеніе въ философію. Авториз. пер. послѣд. нѣм. изд. А. Эльяшева. Русское изданіе, Sammlung Göschen. Рига, 1913. Изд. „Наука и Жизнь". 163 стр.

§ 2. **Лосскій, Н.** Интуитивная философія Бергсона. М., 1914. Изд. „Путь". 116 стр. Ц. 70 к.

Новыя идеи въ философіи. Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ 13. Современные метафизики. Спб., 1914. Изд. „Образованіе". 153 стр. Ц. 80 к.

Хвостовъ. В. Этика Метерлинка. М., 1913. 117 стр. Ц. 75 к.

§ 4. **Болдуинъ. Д. М.** Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. Изслѣдованія по соціальной психологіи. Перев. съ 4-го исправ. изданія. Книга I. Б-ка педагогической психологіи. М., 1913. Изд. Моск. кн-ва. XXIII+399 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Мюллеръ-Лізръ, Ф., д-ръ. Фазы любви. Перев. съ нѣм. В. Базарова. М., 1913. Изд. П. Г. Дауге. 243 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рыбаковъ, Ѳ. Е., проф. Циклофренія. (Круговой психозъ.) М., 1914. 182 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 5. **Аменицкій, Н. Н. и Сахаровъ, Ив. П.** Забавная ариѳметика. Съ приложеніемъ отдѣла „Свободнаго рисованія". Хрестоматія для развитія сообразительности и самодѣятельности дѣтей въ семьѣ и школѣ. Вып. I. М., 1914. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 35 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Гердъ, А. Я. Предметные уроки. Пособія для учителей при преподаваніи по книжкѣ „Міръ Божій". Того же автора. Спб., 1914. Изд. Литер. фонда, 5-е. Съ 56 рис. Ц. 80 к.

Елачичъ, Е. Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія. Спб., 1914. Изд. автора. 220+VII стр. Ц. 1 р. 25 к.

Іорданская, Е. И. Народные дѣтскіе сады. Б-ка народнаго учителя. Подъ ред. В. Е. Румянцева и О. Н. Смирнова. М., 1914. Изд. жур. „Народн. учитель". 47 стр. Ц. 20 к.

Карабиновичъ, І. М., свящ. О религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей. Рѣчь, произнесенная въ старообрядческомъ братствѣ Честнаго и Животворящаго Креста въ Москвѣ. М., 1913. Изд. 2-е, исправ., московск. старообрядч. книгопечатникъ. 29 стр. Ц. 10 к.

Лосевъ, С. А. Объ эстетическомъ воспитаніи въ начальныхъ школахъ. Могилевъ, 1913. 16 стр.

Матеріалы для бесѣдъ съ маленькими дѣтьми. Вып. II. Пособіе для дѣтскихъ садовъ. Животныя. Составлено сотрудниками общества „Дѣтскій Трудъ и Отдыхъ". Подъ ред. Л. К. Шлегеръ и С. Т. Шацкаго. Съ рис. М., 1914. Изд. к-ва „Грамотей". 72 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Мижуевъ, Г. П. Главные моменты въ развитіи западно-европейской школы. Педагогическая Академія въ очеркахъ и монографіяхъ. (Воспитаніе въ семьѣ и школѣ.) Подъ общей ред. проф. Алекс. Петр. Нечаева. М., 1913. Изд. к-ва „Польза". IV+216 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к.

Монро, П., проф. Исторія педагогики. Ч. I. Древность и средніе вѣка. Перев. съ англ. М. В. Райхъ, подъ ред. Н. Д. Виноградова. М., 1913. Изд. 2-е, т-во „Міръ". XII+329 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Озерцевъ, И. Досужія мысли о воспитаніи. Кіевъ, 1914. 47 стр. Ц. 30 к.

Поповъ, А. В. Методика русскаго языка. М., 1914. Изд. бр. Башмаковыхъ 3-е. 276 стр.

Рахмановъ, В. В. Простѣйшіе методы изслѣдованія здоровья учащихся. Б-ка „Народнаго учителя". Подъ ред. Н. Е. Румянцева и О. Н. Смирнова. М., 1914. Изд. „Народный учитель". 64+4 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Рукавишниковъ, Г. Воспитаніе нравствен-

наго инстинкта. Задушевное воспитаніе. Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ. Подъ ред. В. Русакова. Спб., 1913. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 14 стр. Ц. 15 к.

Смирновъ, Е. И. Школьные праздники. Елка, игры, живыя картины, литературныя вечера. Практическія указанія и литературный матеріалъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 276 стр. Ц. 75 к.

Соколовъ, Н. М. Историческій кабинетъ. Составлено при участіи С. Ф. Знаменскаго и А. А. Герке. Учебно-вспомогательныя учрежденія гимназіи и реальнаго училища К. И. Мая. Подъ ред. директора А. Л. Липовскаго. Спб., 1913. 76 стр. Ц. 50 к.

Харди, Л. Дневникъ дѣтскаго сада. Пер. съ англ. Подъ ред. и съ пред. Н. В. Чехова. М., 1913. Изд. т-ва „Задруга". 56 стр.+8 рис. Ц. 30 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Методика ариеметики для учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1914. Изд. И. Д. Сытина, 3-е пересмотр. XVI+524 стр. Ц. 2 р.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 2. **Вагнеръ, Р.** Нибелунги. Всемірная исторія на основаніи сказанія. Пер. съ нѣм. С. Шевропа. Пояснительныя статьи Э. Метнера и М. Ценкера. М., 1913. Изд. издат. „Мусагетъ". 78 стр. Ц. 50 к.

Винклеръ, Г., проф. Вавилонъ. Его исторія и культура. Перев. Г. Г. Генкеля. Б-ка знанія. Спб., 1913. Изд. П. П. Сойкина. 170 стр. Ц. 1 р.

Дубновъ, С. М. Новѣйшая исторія еврейскаго народа (1799 — 1881). (Всеобщая исторія еврейскаго народа. Т. V.) Спб., 1914. VIII+631 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Забугинъ, В. Юлій Помпоній Лэтъ. Критическое изслѣдованіе. Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Импер. спб. университетѣ, изд. подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. 18-й. Спб., 1914. XIV+250 стр. Съ рис.

Корелинъ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Т. I. Исторіографическій обзоръ. Со вступ. статьей проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1913. Изд. 2-е. XXXVI+270 стр. Съ портр. Ц. 2 р.

Левицкій, В. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность 1840 — 1913. Спб., 1913. 79 стр. Съ портр. Ц. 35 к.

Лихтенбергъ-ф., Р., проф. Доисторическая Греція. (Эгейская культура.) Со вступ. очеркомъ автора къ русск. изданію. Перев. Г. Г. Генкеля. Подъ ред., съ прим. и съ пред. Б. В. Фармаковскаго. Б-ка знанія. Спб., 1913. Изд. П. П. Сойкина. XXXVIII+179 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Марти, Ю. Ю. Описаніе Мелекъ-Семонскаго кургана и его памятниковъ въ связи съ исторіей Боспорскаго царства. Одесса, 1913. 88 стр. Съ рис.

Тарасовъ, Н. Г. и Моравскій, С. П. Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. М., 1913. Изд. 3-е. VIII+194 стр.+12 лист. рис. Ц. 1 р. 40 к.

§ 3. **Бугославскій, П. И.** Отечественная война въ освѣщеніи русской художественной литературы. Черниговъ, 1912. 46 стр. Ц. 50 к.

Желябужскій, Е. Генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій. Изяславль, 1914. Изд. 2-е. 93 стр. Ц. 40 к.

— Три вѣка назадъ. Избранникъ всей русской земли. Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ. 1613—1913. Изяславль, 1913. Изд. 6-е. 32 стр. Ц. 15 к.

Заусцинскій, П. Трехсотлѣтнее царствованіе Дома Романовыхъ. 1613—1913. Изд. П. Заусцинскаго. 43 стр. + 129 рис. съ карт.

Лихтерманъ, А. Я. Слово и дѣло Государево. (Къ изученію исторіи политическихъ преступленій въ Россіи.) Спб., 1914. 20 стр.

Мельниковъ, Ѳ. Е. Свидѣтельство Арсенія Суханова о крещеніи грековъ. М., 1913. 60 стр.

Покровскій, М. Н. Русская исторія съ древнихъ временъ. Изъ чтеній Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Вып. III. 160 стр. Съ рис. + 9 лист. рис. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Вып. VI. При участіе Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 161—306 стр. Съ рис.+48—9 лист. рис. М., 1913. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Вып. V. При участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 144 стр. Съ 12 рис. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Вып. II. При участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 232+72 стр. Съ рис.+16 лист. рис. и табл. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ".

Рожковъ, Н. А. Городъ и деревня въ

русской исторіи. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи.) Спб., 1913. Изд. 3-е, доп. 127 стр. Ц. 75 к.

Сангайло, К. Памятка объ Императорѣ Александрѣ II. М., 1913. 35 стр. Съ рис.

Сумцовъ, В. Н. Аракчеевцы на Уралѣ. Экскурсіонный очеркъ. Н.-Новгородъ, 1913. 317 стр. Съ рис.

Т-евъ, А. Т. Записки пограничнаго офицера. Ленкорань, 1913. Изд. автора. 216 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Тумановъ, Г. М. Характеристики и воспоминанія. Книга I. Тифлисъ, 1913. Изд. издат. Тифлисск. журнала, 2-е. 262+2 нен. стр. Съ портр. Ц. 50 к.

§ 4. **Заусайловъ, М. А.**, д-ръ. Праздникъ соколовъ въ Прагѣ. Гончаровъ, В. В. Экскурсія екатеринославскихъ соколовъ и соколокъ по Моравіи. Блажко-Моравская Швейцарія. Олифиренко, Николай. Записки о поѣздкѣ екатеринославскихъ соколовъ въ Прагу на всеславянскій слетъ и замѣтки объ экскурсіи, совершонной этими же соколами по Моравской Швейцаріи. Екатеринославъ, 1913. 227 стр. Съ рис.+1 листъ рис.

§ 6. **Вдовинъ. Т. М.** Выписки изъ Дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Пермь, 1913. Изд. автора. VI+130+III стр. Ц. 1 р. 20 к.

Вега. Апокрифическія сказанія о Христѣ. II. Книга Маріи Дѣвы. Спб., 1913. Изд. 2-е, просм. и доп. 145 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Древсъ, Артуръ, проф. О личности Христа. Перев. съ 2-го англ. изд. В. Утгофъ. Съ пред. Н. Морозова. М., 1913. Изд. к-ва „Современныя Проблемы". 8 нен.+313 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Пуллеръ, Ф. В. Непрерывность англійской церкви. Съ очеркомъ нынѣшняго состоянія этой церкви 4 лекціи, чит. въ домѣ оберъ-прокурора Св. Синода въ Спб. Перев. съ англ. проф. И. П. Соколова. Спб., 1913. Изд. общ. ревн. сближ. англик. церкви съ правосл. III+91 стр. Ц. 60 к.

Цвѣтковъ, П. Исламизмъ. Практическія обязанности исламизма. Т. III. Асхабадъ, 1913. VI+552 стр. Ц. 2 р. 50 к.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Ганттъ, Г. Л.** Современныя системы заработной платы и подборъ рабочихъ въ связи съ доходностью предпріятій. Перев. подъ ред. А. В. Панкина и Л. А. Левенстерна. Спб., 1913. Изд. Л. А. Левенстерна. IV+154 стр. Съ 5 черт.

Дроздовъ, I. Заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ въ Россіи въ связи съ аграрнымъ движеніемъ 1905—1906 гг. Спб., 1914. Изд. М. И. Семенова. 68 стр. Ц. 50 к.

Езерскій, Н. Ѳ. Общедоступные очерки политической экономіи. 2 выпуска. Спб., 1914. 48+65 стр. Ц. 60 к.

Курская, А. С. Производство часовъ въ Москвѣ и Московской губерніи. Матеріалы по исторіи кустарной промышленности въ Россіи. М., 1914. Изд. Моск. высшихъ женск. курсовъ. IV+172 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Туганъ-Барановскій, М. И. Періодическіе промышленные кризисы. Исторія англійскихъ кризисовъ. Общая теорія кризисовъ. Спб., 1913. Изд. О. Н. Поповой, 3-е перераб. XII+466 стр. Ц. 3 р.

§ 2. Внѣшняя торговля по Европейской границѣ за сентябрь и за всѣ 9 мѣсяцевъ 1913 г. Вып. 337(9). Спб., 1913. Изд. Департ. тамож. сборовъ. X стр. Съ IX табл.

Матеріалы по пересмотру торговыхъ договоровъ. № 9. Сводъ статистическихъ данныхъ о привозѣ въ Россію рудъ, металловъ и издѣлій изъ металловъ, кромѣ машинъ и аппаратовъ, инструментовъ и проч. (стт. 138—166 таможеннаго тарифа) за 1891—1911 г., въ связи съ измѣненіями таможеннаго тарифа за то же время. Особая комиссія по пересмотру торговыхъ договоровъ. Совѣтъ съѣзда представителей промышленности и торговли. Совѣтъ съѣздовъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства. Спб., 1913. XXI+127 стр.

Петрашкевичъ, С. Г. Задачи и планъ организаціи текущей статистики льна. Къ совѣщанію 15—16 ноября 1913 г. при льняномъ комитетѣ. Подъ ред. Н. П. Малаховскаго. Г. У. З. и З. Спб., 1913. II+74 стр.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1913 г. Вып. II. Подъ ред. А. К. Голубева. Комитетъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Спб., 1913. 16 стр. Ц. 1 р. 50 к.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; коопераціи. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 1. **Карнеги, А.** Евангеліе богатства. Соціальные этюды. Перев. съ англ. подъ ред. и съ предисл. Б. Л. Эльяшева. М., 1913. XVIII+169+1 стр. нен. Ц. 1 р.

Новыя идеи въ соціологіи. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборникъ № 2. Соціологія и психологія. Спб., 1914. Изд. изд. „Образованіе". 136 стр. Ц. 80 к.

§ 3. **Батурскій, Г. и Шварцъ, С.** Уставъ больничной кассы. Параллельный текстъ нормальнаго и рабочаго уставовъ съ объясненіями. Спб., 1913. Изд. из-ва „Наканунѣ". 42 стр. Ц. 25 к.

Кожебаткинъ, А. Больничныя кассы горныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ. Спб., 1913. Изд. „Прибой". 28 стр.

Соловьевъ, Б. Горнорабочіе и страхованіе. Спб., 1914. Изд. издат. „Прибой". 14 стр. Ц. 2 к.

Хейсинъ, М. Л. Врачебная помощь и больничныя кассы у насъ и за границей. (Какъ организовать врачебную помощь рабочимъ.) Спб., 1913. Изд. „Наканунѣ". 23 стр. Съ 10 рис. Ц. 8 к.

— Какой должна быть больничная касса? Спб., 1914. Изд. „Наканунѣ". 24 стр. Ц. 6 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 1. **Новгородцевъ, П.** Очерки по исторіи философіи права. Политическіе идеалы древняго и новаго міра. Вып. II. М., 1913. 96 стр.

Ренненкампфъ, Н. К., проф. Юридическая энциклопедія. Кіевъ, 1913. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 4-е. 291 стр. Ц. 2 р. 75 коп.

§ 4. **Вавинъ, Н. Г.** Зачетъ обязательствъ. М., 1914. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе", И. К. Голубева. 65 стр. Ц. 75 к.

Косоворотовъ, П. П. Учебникъ судебной медицины для студентовъ. Спб., 1914. Изд. 2-е, дополн. 394 стр.

Круглевскій, А. Н. Имущественныя преступленія. Изслѣдованіе основныхъ типовъ имущественныхъ преступленій. Спб., 1913. IX.+549 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Купреяновъ, Д. П. Гражданскій кодексъ и крестьянское наслѣдованіе. Варшава, 1913. 33 стр.

Таннебаумъ, И. Н. Объ аваріи. Ярославль, 1913. XI+32 стр.

§ 5. **Троицкій, А. Д.** Церковное отлученіе и его послѣдствія. Кіевъ, 1913. 27 стр. Ц. 35 к.

§ 6. **Волковъ, В. В.** Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданія 1885 г. и по прод. 1912 г. Съ извлеченіями изъ рѣшеній прав. сената, Свода Законовъ, свода военныхъ и морскихъ постановленій съ указазаніемъ подсудности, судопроизводственныхъ правилъ и приложеніями. Спб., 1914. Изд. Н. Зубкова. XII+1464 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Герценбергъ, В. Э. и Перетерскій, И. С. Обязательственное право. Книга V Гражданскаго Уложенія. Проектъ, внесенный 14 октября 1913 г. въ Государственную Думу. Съ прил. и предметнымъ указателемъ. Спб., 1914. Изд. кн. скл. „Право". VII+247 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Горевъ, В. П. Положеніе о нотаріальной части Св. Зак. 1892 г. по продолженіямъ 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и Собранію Узаконеній 1911, 1912, 1913 гг. (по 15 марта). Со всѣми позднѣйшими относящимися до нотаріальнаго положенія законами и узаконеніями; циркулярами мин. юст., м. в. д. и фин. Извлеченіями изъ законодат. мотивовъ; разъясненій извлеч. изъ рѣшеній прав. сената граж. и угол. деп. и общ. соб. 1-го и касс. деп. соед. присут. извлеч. изъ наказовъ, окр. судовъ, съ прил. формъ бумагъ, актовъ, рапортовъ и отчетныхъ вѣдомостей, съ новыми законами о землеустройствѣ, алфавитнаго указателя и пр. Спб., 1914. Изд. В. П. Анисимова. VI+584 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Добровольскій, А. А. и Цыпкинъ, П. С. Уставъ торговый (т. XI, ч. 2. Св. Зак., изд. 1903 г., по Свод. Прод. 1912 г.). Съ разъясненіями по рѣшеніямъ б. 4-го, судебнаго и гражданскаго кассаціоннаго де-

партаментовъ и второго общаго собранія правительствующаго сената и съ комментаріями, извлеченными изъ трудовъ юристовъ по торговому праву, а также со статьями проектовъ обязательной части (кн. V) гражданскаго уложенія въ редакціи особаго совѣщанія при министерствѣ юстиціи и уложенія о торговомъ мореплаваніи. Спб., 1914. Изд. 4-е, испр. и доп. Н. Н. Зыбкова. IX+914+362 стр. Ц. 6 р.

Дроздовъ, И. Г. Обязательный выкупъ крестьянами и поселянами своихъ надѣловъ у помѣщиковъ и владѣльцевъ и права и обязанности ихъ по закону 20 декабря 1912 года. Съ приложеніемъ законовъ 14 іюня 1910 года и 20 декабря 1912 года. Эривань, 1913. 167 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣло Бейлиса. Стенографическій отчетъ. Т. II. Судебное слѣдствіе. Допросъ свидѣтелей и заключенія экспертовъ. (Засѣданія 17—28.) Съ приложеніемъ алфавитнаго поименнаго указателя. Кіевъ, 1913. 440+1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Законы гражданскіе (Сводъ Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г. по прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.) Съ прил. „Положенія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ". Съ подр. предм. алфав. указателемъ. Спб., 1913. Изд. 2-е. CXII+417 стр. С табл. Ц. 1 р.

Краевскій, К. Ѳ. Полный уставъ о воинской повинности. Новѣйшій законъ 29 іюля 1912 года объ отбываніи воинской повинности съ указаніями тѣхъ мѣстъ устава 1878 года, въ кои онъ внесъ существенныя измѣненія и замѣны. М., 1913. 211+VI стр. Ц. 1 р.

Никитинъ, В. П. Уставъ о воинской повинности. Составленъ по послѣднимъ узаконеніямъ съ разъясн., извлеч. изъ рѣшеній прав. сената, приказовъ по военному вѣдомству и цирк. гл. штаба и мин. вн. дѣлъ, объявленныхъ по 1 авг. 1913 г. Спб., 1914. XLVI+351 стр.

Сборникъ рѣшеній гражд. касс. деп. прав. сената съ 1866 по 1914 г. въ сокращенной обработкѣ для практики, подъ ред. Е. В. Васьковскаго. Вып. V и VI. 1912 г. Одесса, 1913. Изд. книгоизд. „Юристъ-Практикъ". 98+170 стр. Ц. по 1 р. 40 к.

Сводъ законовъ Россійской имперіи. Т. XV. Уставъ о наказаніяхъ, налаг. мир. судьями. Съ прим., ссылками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. т-ва „Дѣятель". 66+II стр. Ц. 20 к.

Сводъ законовъ Россійской имперіи. Т. XV. Уголовное уложеніе. Съ прим., ссылками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. т-ва „Дѣятель". 61+II стр. Ц. 20 к.

Сводъ законовъ Россійской имперіи. Т. XVI. Ч. I. Положеніе о нотаріальной части. Съ прим., ссылками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. „Дѣятель". 87 стр. Ц. 20 к.

Сводъ законовъ Россійской имперіи. Т. XVI. Ч. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. Съ прим., ссылками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. „Дѣятель". 337+III стр. Ц. 40 к.

Сводъ законовъ Россійской имперіи. Т. XVI. Ч. I. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Съ прим., ссылками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ. Общедоступная б-ка. Изд. тов. „Дѣятель". 452+VI стр. Ц. 60 к.

Сводъ законовъ Россійской имперіи. Т. XVI. Ч. I. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Съ прим., ссылками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ. Общедоступная б-ка. Спб., 1913. Изд. „Дѣятель". 338+VIII стр. Ц. 60 к.

Шрейберъ, Н. Временныя правила о волостномъ судѣ 15 іюня 1912 г. и Положеніе 26 іюня 1913 г. о введеніи въ дѣйствіе закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Спб., 1913. 131 стр. Ц. 1 р.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Александръ, Г. М.** Послѣ суда Бейлиса. Одесса, 1913. 14 стр. Съ рис.

Ардашевъ, П. Н., проф. Третій международный историческій конгрессъ въ Лондонѣ. Спб., 1913. 59 стр. Ц. 50 к.

Бахрушинъ, С. В. Малолѣтніе нищіе и бродяги въ Москвѣ. Историческій очеркъ. М., 1913. 51 стр.

Березкинъ, Д. М. Современные кумиры. Очеркъ современной сыщицкой литературы. Рѣчь къ учащемуся юношеству. Спб., 1914. Изд. Л. Башмакова и К⁰. 24 стр. Ц. 10 к.

Бронзовъ, А. А., проф. Графъ Толстой у Кони. Спб., 1913. 24 стр.

Восторговъ, І. І., прот. Соціализмъ при

свѣтѣ христіанства. Ч. II. Полное собраніе сочиненій. Т. V. М., 1913. 562+1 нен. стр. Ц. 3 р. (за 2 части).

Гофштеттеръ, И. Убійство Ющинскаго и русская общественная совѣсть. Спб., 1913. 18 стр. Ц. 25 к.

Готуа, П. А. Правда о кавказскомъ политехникумѣ. Къ вопросу о выборѣ въ Тифлисѣ мѣста подъ политехникумъ. Тифлисъ, 1913. Изд. автора. 117+II стр.

Дмитріевъ, Н. Національная школа. Спб., 1913. 185+V стр. Ц. 1 р.

Дубяга, Н. Культурное значеніе христіанства. Харьковъ, 1913. 4 стр.

Ермоловъ, А. С. Черноморское побережье Кавказа и выставка „Русская Ривьера". Рѣчь при открытіи выставки 2 ноября 1913 г. Спб., 1913. Изд. 2-е. 24 стр. Ц. 5 к.

Іероглифъ. Міровой процессъ. (Краткая исторія дѣла Бейлиса.) Кіевъ, 1913. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Каптеревъ, Н. Ѳ., проф. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Сергіевъ-посадъ, 1914. Изд. кн. маг. М. С. Елова, 2-е. 567+IX стр. Ц. 4 р.

Крумбмиллеръ, Вл. В. Злободневный вопросъ. Хулиганство и борьба съ нимъ. По поводу законопроекта министерства юстиціи. Харьковъ, 1913. 27 стр.

Манасѣинъ, И. Н. Къ вопросу объ установленіи идеальной границы на западѣ Россіи. Докладъ. Спб., 1913. 23 стр. Съ чертеж.

Начало. Сборникъ статей. Владиміровъ, П. Встрѣчи и думы. Гурьевъ, П. Итоги русской символической поэзіи. Беловецкій, С. Мотивы пессимизма въ русской литературѣ. Гурьевъ, Н. Поэзія Некрасова. Наумовъ, В. Изъ области національныхъ проблемъ (Евреи). Непряхинъ, М. Отъ обществъ взаимопомощи—къ профессіональному союзу. В. П. Страхованіе рабочихъ. Саратовъ, 1914. Изд. издат. Горизонтова. 280 стр. Ц. 1 р.

Панкратовъ, А. С. Милліоны въ землѣ. Поѣздка на рѣку Ухту. М., 1914. Изд. В. Португалова. 127 стр. Ц. 50 к.

— У великихъ могилъ. М., 1914. Изд. В. Португалова. 142 стр. Ц. 50 к.

Правда о ленскихъ событіяхъ. М., 1913. Изд. П. Н. Баташева. 216 стр. Ц. 2 р.

Прозоровъ, д-ръ. Самоубійства въ Спб. въ 1911—1912 гг. Причины и мѣры противодѣйствія имъ. Спб., 1913. 52 стр.

Скворцовъ, В. М. Церковный свѣтъ и государственный разумъ. Опытъ церковно-политической хрестоматіи. Вып. II. Спб., 1913. 138 стр. Ц. 1 р.

Слезкинъ, проф. „Христіанство и цивилизація". Рефератъ. Спб., 1913. Изд. Спб. Христ. Студ. Кружка. 47 стр. Ц. 10 к.

Уранусъ. Убійство Ющинскаго и каббала. Спб., 1913. Изд. 2-е. 15 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Чикачевъ, Д. Н. Политическая программа П. А. Столыпина. Спб., 1914. 23 стр. Ц. 20 к.

В. В. Ш. Опытъ отвлеченія юношества отъ растлѣвающаго вліянія улицы. Докладъ, читанный въ обществѣ „Дѣтскій городокъ петербургской части". Спб., 1913. 19 стр.

§ 2. **Медынскій, Е. Н.** Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника. Общіе вопросы внѣшкольнаго образованія. Народныя чтенія. Б-ки. Школы для взрослыхъ. Музеи. Экскурсіи. Народные дома. Книжные склады. Спб., 1913. Изд. Е. Н. Медынскаго. IV+249 стр. Ц. 1 р. 60 к.

§ 3. **Козловъ, І.**, свящ. Свидѣтельства старообрядцевъ въ пользу православія. Спб., 1913. Изд. В. М. Скворцова. 22 стр. Ц. 10 к.

Пругавинъ, А. Братецъ Иванушка. Изъ современныхъ религіозныхъ исканій. Спб., 1913. Изд. „Вѣсти трезвенниковъ". 23 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Рыбаковъ, А. С., Швецовъ, К. Н. и Носовъ, П. Г. Старая вѣра. Старообрядческая хрестоматія. Подъ общей ред. А. С. Рыбакова. М., 1914. 400 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к.

Слюсаревъ, Д. М., прот. О церкви. (Спасеніе возможно только въ церкви Христовой.) Кіевъ, 1913. Изд. кіев. прав. религіозно-просвѣт. о-ва. 16 стр. Ц. 10 к.

Христіанинъ. О старообрядческихъ общинахъ. (Письма къ братьямъ.) Саратовъ, 1913. 48 стр. Ц. 30 к.

§ 4. **Неофитъ**, монахъ. Изувѣрное убійство. Разоблаченіе греческаго монаха, бывшаго іудейскаго раввина. Пер. В. А. Комарова. Спб., 1913. Изд. 3-е. 15 стр. Ц. 5 к.

— О тайнѣ крови у іудеевъ въ связи съ ученіемъ каббалы. Пред. и пер. П. М. Спб., 1914. 45 стр. Ц. 50 к.

Парламентскія рѣчи по еврейскому вопросу. Ч. I. Перев. подъ ред. и съ прил. С. В. Познера. Съ пред. проф. М. М. Ковалевскаго. Спб., 1914. Изд. „Разумъ". XIII+320 стр.

Справка къ докладу по еврейскому вопросу. Ч. IX. Наемъ евреями прислуги-христіанъ. Спб., 1913. 17 стр.

§ 6. **Гай Лайф, Стрегглер.** Правда о бракѣ. Новая женщина и счастье вдвоемъ. Кіевъ, 1914. Изд. издат. „Другъ семьи". 156+1 нен. стр. Ц. 1 р.

§ 7. Военная энциклопедія. Т. XXV и XXVI. Комбленцъ - Конфирмація. Крузъ, фонъ А. И. Подъ ред. проф. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 320+6 нен. стр. Съ рис.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Глэзъ, А. и Меценжэ, Ж.** О кубизмѣ. Перев. съ франц. Е. Низенъ. Ред. Матюшина. Спб., 1913. Изд. изд. „Журавль". 38 стр.

Рерихъ, Н. К. Собраніе сочиненій. Кн. I. Спб., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. VIII+335 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Лекціи объ искусствѣ. (Философія искусства.) 1-я часть. Природа и возникновеніе художественнаго произведенія. Перев. съ франц. Н. Соболевскаго. Унив. б-ка. М., 1913. Изд. к-ва „Польза", 2-е. 96 стр. Ц. 10 к.

§ 2. **Гриммъ, Г.** Микель Анджело Буонаротти. Вып. II. Перев. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. Орнаментація книги. Подъ ред. М. Добужинскаго. Спб., 1913. Издат. „Грядущій День". 65—116 стр. Съ рис.

Итальянская архитектура эпохи Возрожденія. Вып. I. М., 1913. Изд. группы учащихся учил. живописи, ваянія и зодчества. 20 лист. рис.

Мутеръ, Р. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней. Перев. В. Фриче. Т. I. Вып. I, II, III и IV. М., 1913. Изд. к-ва „Печатникъ". 287 стр. Съ рис.

Тэнъ, И. Лекціи объ искусствѣ. (Философія искусства.) 2-я часть. Живопись эпохи Возрожденія въ Италіи. Перев. съ франц. Н. Соболевскаго. Унив. б-ка. М., 1913. Изд. к-ва „Польза", 2-е. 102 стр. Ц. 10 к.

Флетчеръ, Банистеръ, проф. и **Флетчеръ, Банистеръ, Ф.** Исторія архитектуры, составленная по сравнительному методу. Съ 5-го англійскаго изданія перевелъ Р. Бекеръ. Вып. III (послѣдній). Архитектура возрожденія въ Зап. Европѣ и архитектурные стили Востока. Спб., 1914. Изд. Р. Бекера, 2-е, пересмотр. 461—716+XXVII стр. Съ 47 рис. и 67 таблиц. Ц. 3 р. 50 к.

Фуксъ, Э. Иллюстрированная исторія эротическаго искусства. М., 1914. Изд. к-ва „Современныя проблемы". 390+VIII стр. Съ рис. Ц. 10 р.

Шевченко, А. Нео-примитивизмъ. Его теорія, его возможности, его достиженія. М., 1913. 31 стр. Съ рис.

§ 3. **Грабарь, И.** Исторія русскаго искусства. Вып. 19-й. 105—208 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вып. 20-й. Спб., 1913. Изд. І. Кнебель. 209—312+217—224 стр. Съ рис.

Николаева, Н. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій. Подъ ред. С. Глаголя. Летучая энциклопедія. Искусство. Живопись. Россія. М., 1914. Изд. I. А. Маевскаго. 46 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Иванъ Николаевичъ Крамской. Подъ ред. С. Глаголя. Летучая энциклопедія. Искусство. Живопись. Россія. М., 1914. Изд. I. Маевскаго. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

§ 5. **Беккеръ, П.** Бетховенъ. Авториз. перев. съ нѣм. Г. А. Анчертъ, подъ ред. Д. С. Шоръ. М., 1913. Изд. Бетховенской студіи. 107 стр.+10 рис.

Сэфферн, О. Ф., проф. Отчего у насъ падаетъ искусство пѣнія. Вокальные наброски. Спб., 1914. 39 стр. Ц. 50 к.

Шеппельеръ, Д. Клодъ Дебюсси и его творчество. Пер. съ франц. Е. Шоръ и Г. Ангертъ. М., 1914. Изд. Н. и С. Кусевицкихъ. 60 стр. Съ портр. Ц. 65 к.

§ 6. **Алтаевъ, Ал.** Отъ цѣпей къ славѣ. Картины изъ жизни артиста М. С. Щепкина. Спб., 1913. Изд. „Просвѣщеніе". 140 стр. Съ портр. Ц. 65 к.

Волконскій, С., кн. Выразительное слово. Опытъ изслѣдованія и руководства въ области механики, психологіи, философіи и эстетики рѣчи въ жизни и на сценѣ. Спб., 1913. 215 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Суворинъ, А. С. Театральные очерки. 1866—1876. Спб., 1914. XV+475 стр. Съ рис.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика: механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Бикъ, А.** Курсъ низшей геодезіи. Ч. 1. Переработано и дополнено проф. П. А. Шероновымъ. М., 1913. Изд. 6-е. 348 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Вальдманъ, М. I. Ариѳметика. Цѣлыя числа, отвлеченныя и именованныя. Гродно, 1913. 42 стр. Ц. 25 к.

Граве, Д. А., проф. Основы аналитической геометріи. Ч. II. Геометрія въ пространствѣ. Кіевъ, 1913. Изд. студ. В. М. Цинцевича. 24 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Извольскій, Н. Геометрія въ пространствѣ. Стереометрія. М., 1913. Изд. В. Думнова, 2-е. VII+142 стр. Ц. 65 к.

Крыжановскій, Д. А. О максимальныхъ и минимальныхъ свойствахъ плоскихъ фигуръ. Элементарные этюды по физикѣ и математикѣ. Одесса, 1913. 99 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Новыя идеи въ математикѣ. Непебіодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. А. Д. Васильева. Сборникъ 5. Теорія ассамблей. 1. Спб., 1914. Изд. „Образованіе". 184 стр. Ц. 80 к.

Руссьянъ, Ц. К., проф. Доказательство обратной теоремы относительно extremum функціи, многихъ перемѣнныхъ независимыхъ. Перев. съ итальянск. Ю. Нейманъ. Харьковъ, 1913. Изд. С. Токарева и Ю. Нейманъ. 8 стр. Ц. 25 к.

Чаплыгинъ, С. А. Механика системы. Ч. 1. М., 1914. Изд. 3-е. 71 стр. Съ чертеж. Ц. 85 к.

§ 2. **Маундеръ, Е. В.** Наука о звѣздахъ. Перев. съ англ. А. П. Высоцкаго. М., 1913. Изд. книгоизд. „Печатникъ". 5 стр.

Мондеръ, Э. Наука о звѣздахъ. Пер. съ англ. С. Г. Зайковскаго. Унив. б-ка. М., 1913. Изд. к-ва „Польза". 103+5 нен. стр. Ц. 10 к.

Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. А. Р. Орбинскаго. Одесса, 1914. Изд. „Матезисъ". 232 + 12 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 3. **Готвальтъ, В. А.** Химія. Сѣра. Летучая энциклопедія. М., 1914. Изд. I. А. Маевскаго. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Химія. Хлоръ. Летучая энциклопедія. М., 1914. Изд. I. А. Маевскаго. 47 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к

Давыдовъ, Д. А., проф. Аналитическая химія. I. Качественный анализъ. Варшава, 1913. 298 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Лебедевъ, П. Н. Собраніе сочиненій. I. Научныя работы. II. Популярныя статьи и рѣчи. М., 1913. Изд. физич. о-ва имени П. Н. Лебедева. XXIII+415 стр. Съ портр., табл. и рис.

Леганъ, А., д-ръ. Физіологическая химія. Ч. II. Диссимиляція. Авторизов. перев. съ послѣдн. нѣм. изд. Б. А. Сассъ-Тисовскаго. (Русское изданіе „Sammlung Göschen".) Рига, 1913. Изд. „Наука и Жизнь". 152+4 нен. стр.

Розингъ, Б. Свѣтъ. Физика для всѣхъ. Спб., 1914. Изд. П. В. Луковникова. 176 стр. Съ 101 рис. Ц. 65 к.

Эйхенвальдъ, А. А. Акустика и оптика. Конспектъ лекцій. Вып. I. М., 1914. 112 стр. Съ рис.

§ 4. **Лункевичъ, В.** Земля. Спб., 1913. Изд. В. Яковенко. 7-е. 48 стр. Съ 27 рис. Ц. 14 к.

§ 5. **Брэмъ.** Жизнь животныхъ. Т. IV. Земноводныя и пресмыкающіяся. Въ переработкѣ Ф. Вернера. Авториз. пер. подъ ред. проф. Н. М. Книповича. Спб., 1914. Изд. „Дѣятель", 4-е перераб. XVII+718 стр. Съ рис. Ц. 7 р.

Кириченко, А. Н. Насѣкомыя полужесткокрылыя. (Insecta Hemiptera.) Т. VI. Фауна Россіи и сопредѣльныхъ странъ, преимущественно по коллекціямъ зоологическаго музея Импер. Акад. Наукъ. Подъ ред. П. В. Насонова. Спб., 1913. Изд. Имп. Академіи Наукъ. III+II+301 стр. Съ 90 рис. и 2 табл. Ц. 1 р. 50 к.

Ланкестеръ, Е. Вымершія животныя. Перев. съ англ. подъ ред. А. А. Борисяка. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Девріена. XVIII+261 стр. Съ 214 рис. Ц. 2 р.

Линко, А. К. Зоопланктонъ Сибирскаго Ледовитаго океана по сборамъ русской полярной экспедиціи. 1900—1903 гг. Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. XXIX. № 4. Спб., 1913. 54 стр. Съ 2 табл. Ц. 90 к.

Лункевичъ, В. Исторія происхожденія животныхъ и растеній. Научно-популярная б-ка для народа. (41 книжка.) № 31. Спб., 1913. Изд. В. Яковенко, 3-е. 68 стр. Съ 18 рис. Ц. 18 к.

Палладинъ, В. И., проф. Физіологія растеній. Спб., 1914. Изд. 7-е. X+356 стр. Съ 186 рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 6. **Фишеръ, М., проф.** Введеніе въ коллоидальную физіологію. Ч. II. Нефритъ. Перев. съ англ. П. П. Павлова и Г. В. Эпштейна. Подъ ред. Н. Н. Кольцова съ разрѣшенія автора и съ его дополненіями. Вступ. статья Л. А. Тарасевича. Спб., 1913. Изд. к-ва „Наука". XIII + 334 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 25 к.

§ 7. **Березинъ, Н.** Черезъ страну карликовъ. (Путешествіе Стэнли.) Спб., 1914. Изд. 2-е испр. и доп. 161 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Бушанъ, Г. Иллюстрированное народовѣдѣніе при участіи А. Бизанъ (сѣверная, центральная и западная Азія), В. Криксбергъ (Америка), Р. Лашъ (введеніе), проф. Ф. Лушанъ (Африка), проф. В. Фольцъ (южная и восточная Азія). Вып. I. Пер. съ нѣм. и ред. Н. Березина. Спб., 1913. Изд. книгоизд. „Прометей". VIII+200 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Гречушкинъ, С. И. и Сольдинъ, А. А. Очерки по географіи Россіи. М., 1913. Изд. т-ва В. В. Думновъ, 2-е. 322 стр. Ц. 1 р.

Кирилинъ, Г. Н., Коростелевъ, Н. А., Гриневецкій, Б. Б., Клюге, Г. А., Дрягинъ, Н. I., Лупповъ, П. Н., Родіоновъ, И. В., Григорьевъ, А. Н. и Сырневъ, И. Н. Уралъ и Пріуралье. Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Т. V. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Девріена. VIII+669 стр. Съ 173 рис. и 11 карт. Ц. 5 р.

Коченовскій, Д. И. Сочи. Историческій очеркъ. Общее описаніе города. Справочникъ. Окрестности Сочи. Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка „Русская Ривьера". Спб., 1913. 40 стр.

Лавровъ, М. В. Туркестанъ. Географія и исторія края. М., 1914. Изд. В. В. Думнова. 198 стр. Съ рис. и карт. Ц. 1 р. 25 к.

Лесгафтъ, Э. Льды Сѣвернаго Ледовитаго Океана и морской путь изъ Европы въ Сибирь. Спб., 1913. Изд. О. Н. Поповой. Съ карт. Ц. 3 р.

Макаровъ, Н. Народные обычаи. Русская свадьба. Воспоминаніе изъ далекаго прошлаго. Спб., 1913. 35 стр.

Мечъ, С. Россія. Учебникъ отечественной географіи. М., 1913. Изд. 29-е. 240 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Пекарскій, Э. К. и Цвѣтковъ, В. П. Очерки быта пріаянскихъ тунгусовъ. Сборникъ музея антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Спб., 1913. 172 стр. Съ 4 карт. и табл. Ц. 1 р. 35 к.

Реклю, Э. Озера. Шестой выпускъ сочиненія „Земля". Полн. перев. съ франц. А. В. Мезіеръ. М., 1913. Изд. книгоизд. К. П. Тихомирова. 76 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

— Рѣки. Пятый выпускъ сочиненія „Земля". Полн. перев. съ франц. А. В. Мезіеръ. М., 1914. Изд. К. П. Тихомирова, 2-е. 184 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Щербачевъ, С. Г. Воспоминанія о Палестинѣ бывшаго секретаря Императорск. православнаго палестинскаго общества въ Іерусалимѣ, крестоносца св. Гроба Господня. Кіевъ, 1913. 49 стр.

§ 9. Естествознаніе въ школѣ. Непеdoesріодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ 4-й. Преподаваніе зоологіи. Спб., 1914. Изд. „Образованіе". 126 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

X. Книги для дѣтей.

Авенаріусъ, В. П. Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи. „Ученическіе годы Гоголя". Спб., 1913. Изд. П. В. Луковникова, 8-е. VIII+232 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— На Парижъ! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 г. Спб., 1914. Изд. В. П. Луковникова. 276 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

— Три вѣнца. Историческая повѣсть изъ времени перваго самозванца. Первая повѣсть изъ исторической трилогіи „За Царевича". (Переработана для юношества изъ романа того же названія.) Спб., 1913. Изд. П. В. Луковникова, 3-е. 364 стр. Съ 12 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Аксаковъ, С. Т. Аленькій цвѣточекъ. Сказка. (Б-ка новой школы.) Подъ ред. Тулупова и Шестакова. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 48 стр. Ц. 5 к.

Аладдинъ и волшебная лампа. Путешествія Синдбада Мореплавателя. Перев. П. Введенскаго. Арабскія сказки. Спб., 1914. Изд. Н. С. Аскарханова, 6-е. 63 стр. Съ 21 рис. Ц. 15 к.

Алтаевъ, Ал. Гроза въ Москвѣ. Историческій романъ изъ эпохи Іоанна Грознаго для юношества. Спб., 1914. 235 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— Забытыя тѣни. Изъ воспоминаній дѣтства. Спб., 1913. Изд. „Просвѣщеніе". 168 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

— Любовь великая. Сборникъ разсказовъ и сказокъ. Спб., 1913. Изд. „Просвѣщеніе". 191 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Андерсенъ. Двѣ сказки. Елочка. Крошка. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

— Золотой кладъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Пер. Н. Перелыгина, подъ ред.

М. Васильева. Б-ка сказокъ. М., 1913. Изд. М. В. Клюкина, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Собраніе сказокъ. Книжка II. Пер. П. Вейнберга. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 259 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Андреевъ, П. Общими силами. Разсказъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Правдивыя сказки изъ міра животныхъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 128 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Сказка о летучей мыши, ночной проказницѣ. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Антоновъ, П. Родники. Разсказы и очерки. М., 1913. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 125 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Аѳанасьевъ, А. Н. Русскія народныя сказки. Т. I. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М., 1913. LXII+224+II стр. Съ рисунк.

Бабушкина книжка. Сборникъ стиховъ для дѣтей. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Бахметева, А. Н. Крѣпость. Разсказъ для дѣтей. Библіотечка Ступина. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина, 5-е. 42+6 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Освобожденіе Руси отъ татарскаго ига въ 1480 году. Библіотечка Ступина. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина, 7-е. 48 стр. Ц. 10 к.

Бертэ, Эли. Маленькія школьницы въ пяти частяхъ свѣта. Дафнэ, маленькая гречанка.—Эмма, маленькая гаваитянка.—Дарьинька, маленькая черногорка.—Лори, маленькая негритянка.—Изнами, маленькая японка.—Джуана, маленькая мексиканка.—Сита, маленькая индуска. Перев. съ франц. Н. Н. Мазуренко. Спб., 1913. Изд. В. И. Губинскаго, 2-е. 236 стр. Съ 65 рис. Ц. 1 р.

Бехштейнъ. Страшный полетъ. Сказка. Дѣтская б-ка. Одесса, 1913. 32 стр.

Богдановъ, М. Н., проф. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы. Съ біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. Н. Вагнера. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. XIX+364 стр. Съ рис. и портр. Ц. 1 р. 75 к.

Булгаковъ, П. За другихъ. Разсказъ. № 14. „Въ школѣ и дома". М., 1913. 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

— Два міра. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1913. Изд. кн-ва М. В. Клюкина. 72 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Васинъ, Н. Замѣчательный работникъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста-башмачника Томаса Эдуарда. Составлено по С. Смайльсу. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 80 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Вериго, М. „Въ лѣсу". Разсказъ. Переводъ съ польскаго В. Рачкевича. М., 1914. Изд. кн. скл. С. Курнинъ и К°. 129 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Вернъ, Ж. Завѣщаніе чудака. Необыкновенное путешествіе. Спб., 1914. Изд. т-ва А. С. Суворина. VI+490 стр. Съ 34 рис. и карт. Ц. 2 р.

Волкова, Е. Принцъ-лѣкарь. Историческій разсказъ изъ временъ царя Бориса Годунова. Школьная б-ка. М., 1914. Изд. 2-е. 90+4 нен. стр. Ц. 25 к.

Воронова, Е. А. Къ тихой пристани. Сборникъ повѣстей, размышленій и біографическихъ очерковъ. Въ трехъ частяхъ. I. Преграда. Зачѣмъ? О. Олимпій. Безталанная. На путь истины. Къ свѣту. II. Наша утѣха. Послѣ причащенія. Успѣнія. Тихая обитель. Цвѣтокъ на могилу Суворова. III. Святое дитя. Кончина отрока. Памяти юноши. Она сдѣлала свое дѣло. „Сила въ немощи". Спб., 1914. Изд. Уч. сов. при св. синодѣ. 285 стр. Ц. 75 к.

Вучетичъ, Н. Г. Злой человѣкъ. Разсказъ для дѣтей. Рис. А. П. Апспта. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина, 2-е. 35+5 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Гаршинъ, Е. Дѣти крестоносцы. Историческая повѣсть для юношества. Спб., 1913. Изд. А. Ф. Девріена, 6-е. 88 стр. Съ рис.

Горбунова, Е. Наблюдайте природу! (Какъ наблюдать природу, составлять гербарій, устроить акваріумъ и какъ записывать свои наблюденія.) Б-ка Н. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 293. М., 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. 64 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Гофманъ. Отъ судьбы не уйдешь. Сказка. Дѣтская б-ка. Одесса, 1913. 32 стр.

Гриммъ, бр. Золотая птица. Сказка. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр.

— Скатерть самобранная, золотой оселъ и дубинка изъ мѣшка. Сказка. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Двѣнадцать братьевъ лебедей, или королевна Золотая Звѣзда. Сказка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр.

Дерначевъ, И. Бабушкины сказки. Библіотечка Ступина. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина, 7-е. 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Дмоховскій, Пл. Вл. Рождество и елка. Сборникъ стихотвореній для чтенія на рождественскихъ литературныхъ вечерахъ въ семьѣ и школѣ. Шпола, 1913. 57+2 нен. стр. Ц. 50 к.

Дудоровъ, П. Приключенія школьника. Повѣсть. М., 1913. Изд. 2-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 96 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Дѣтская энциклопедія. Подъ ред. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, И. П. Козловскаго, Н. А. Морозова, С. Н. Метальникова, М. В. Новорусскаго. Т. IV. М.,

1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 252 стр. Съ рис.

Дѣтская энциклопедія. Т. V. Подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, проф. И. П. Козловскаго, Н. Морозова, проф. С. И. Метальникова, М. В. Новорусскаго. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 256 стр. Съ рис.+6 лист. рис.

Желиховская, В. П. Въ татарскомъ захолустьѣ. Повѣсть для юношества. Спб., 1913. Изд. А. Ф. Девріена, 5-е. 196 стр. Съ 19 рис.

Засодимскій, П. Волкъ. Сказка. М., 1914. Изд. т-ва И. Сытина, 3-е. 56 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Задушевные разсказы. Т. II. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 298 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— Лютикъ. Разсказъ. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 40 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Милочка. Повѣсть. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 55 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Ужасное несчастіе. Изъ воспоминаній рабочаго муравья. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Ильинскій, Н. Софоклъ въ обработкѣ для школы. Вступительныя статьи, сокращенный текстъ всѣхъ сохранившихся трагедій (въ переводахъ О. Вейсъ, проф. Зѣлинскаго, Мережковскаго, Шестакова, Водовозова и Н. Ильинскаго) прим. и прил. Тифлисъ, 1913. Изд. Кавказск. учебнаго округа. VIII+384 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Карассо, А. Мальчикъ-эмигрантъ. Разсказъ. М., 1913. 20 стр. Ц. 12 к.

Коваленскій, М. Въ первый разъ кругомъ свѣта. Для чтенія. М., 1914. Изд. книгоизд. „Школа“, 3-е. 47 стр.

Кольцовъ, А. Стихотворенія для дѣтей школьнаго возраста. Съ краткимъ біографическимъ очеркомъ, написаннымъ Н. Страховымъ. Редакція К. Говорова. Маленькая хрестоматія. Вып. XV. Спб., 1913. Изд. И. С. Аскарханова. 48 стр. Ц. 10 к.

Кормчій, Л. Ангипъ. На краю гибели. Два разсказа изъ жизни рыбаковъ. Спб., 1914. Изд. В. И. Губинскаго. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Кругловъ, А. В. На зарѣ жизни. Разсказъ для дѣтей. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Куклинъ, М. Ежики. Разсказъ для дѣтей. Библіотека Ступина. М., 1913. Изд. А. Д. Ступина, 3-е. 45+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Лабулэ, Э. Петруша. Финская сказка. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Петруша „Пальчикъ“. Сказка. Пер. съ франц. П. Введенскаго. Спб., 1913. Изд. И. С. Аскарханова. 6-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Лиданова, Л. Лѣто въ деревнѣ. Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. М., 1913. 220 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Линденъ, А. Дочь венгерскаго вождя. Историческая повѣсть для юношества. Перев. съ нѣм. Евг. Дидрикилъ. Подъ ред. А. М. Васютинскаго. М., 1914. Изд. „Задруга“. 242 стр. Съ рис.

Лонгфелло, Г. Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. Пер. и пред. Д. Л. Михаловскаго. Золотая б-ка. Спб., 1913. Изд. М. О. Вольфъ. XVII+V+177 стр. Съ 13 рис.

Лукашевичъ, К. Волкъ-братикъ и лисичка-сестричка. Малороссійскія сказки. Вып. II. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Волкъ—глупая голова. Малороссійскія сказки. Вып. VI. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Зернышки. Сборникъ разсказовъ и сказокъ для младшаго возраста. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 7-е. 104 стр.+15 рис.

— Золотой черевичекъ и другія малороссійскія сказки. Вып. III. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Иващечка. Малороссійскія сказки. Вып. V. М., 1914. Изд. И. Д. Сытина, 3-е. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Криворылая уточка. Малороссійскія сказки. Вып. I. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Нянька-Ванька. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Охъ. Малороссійскія сказки. Вып. IV. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Рыбка-Колюшка-рѣзвушка. Разсказъ. (Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго о-ва.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 24 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Льдовъ, К. Н. Веселая складчина. Книга карикатуръ и смѣха. Бушъ.—Каранъ д'Ашъ.—Гаварни.—Марсъ.—Ипи.—Гимомъ.—Форэнъ.—Гревенъ и др. Спб., 1913. II+47+296 нен.+32 нен. стр. Съ рис.

Любичъ-Кошуровъ, Г. А. Ночная жизнь. Разсказъ изъ жизни насѣкомыхъ. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М., 1914. Изд. кн. скл. С. Курнинъ и К°. 55 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— У себя на дачѣ. Разсказъ. Изъ жизни грачей. М., 1913. Изд. 2-е, кн. скл. С. Курнина и К°. стр. 18. Съ рис. Ц. 10 к.

Мальчикъ у Христа на елкѣ. Новая школьная б-ка кружка учащихъ. М., 1913. Изд. „Сотрудника школъ“. 47 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Манасеина, Н. У чужихъ. Разсказъ. Б-ка

„Тропинки“. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 62 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Митьковъ, Н. А. Арабскія сказки „Тысяча и одна ночь“. Новый пересказъ для русскихъ дѣтей. М., 1913. Изд. І. Кнебеля. 138 стр. Съ рис.

Наоми. Еврейскія сказки. Пер. съ англ. А. Энге. Спб., 1914. Изд. А. Н. Сельцера. 134 стр. Ц. 1 р.

Насвѣтова, Ю. Друзья. Разсказы. Рисунки П. Захарова. Обложка работы Г. Нарбута. Б-ка „Тропинка“. Подъ ред. П. Соловьевой и П. Манассеиной. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 142 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Затерянные въ океанѣ. Повѣсть. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія“, 2-е. 32 стр. Ц. 10 к.

Пименова, Э. Полярный Робинзонъ. Приключенія капитана Миккельсена во льдахъ Гренландіи. (Экспедиція 1909—1912 гг.) Б-ка „Юнаго Читателя“. Спб., 1914. 134 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Позняковъ, Н. И. Почитать бы. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб., 1913. Изд. А. Ф. Девріена, 5-е. VIII+279 стр.

Покровскій, Н. Веселый праздникъ. Разсказы иностранныхъ писателей. Для дѣтей школьнаго возраста. М., 1913. Изд. 3-е. 68+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Пружанскій, Н. Козленокъ. Рыжка. Пастухъ на сѣверѣ. Три разсказа. Спб., 1914. Изд. В. И. Губинскаго. 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Робертъ, Ч. Въ лѣсныхъ дебряхъ. Разсказы. Перев. съ англ. Волошинова. Спб., 1914. 224 стр. Съ рис.

— Маленькій ушанъ. Хекки землекопъ. Два разсказа. Пер. съ англ. М. Волошиновой. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества № 295. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 21+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Сервантесъ, М. Донъ Кихотъ Ламанчскій. Романъ въ двухъ частяхъ. Т. I и II. Полный пер. съ испанск. Съ рис. Г. Дорэ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 359+430 стр. Съ рис. Ц. за два тома 1 р. 50 к.

Сказки народовъ Дальняго Востока. Пер. и передаб. И. М. Чечина. Подъ ред. Н. К. Михайловскаго. Спб., 1914. Изд. „Просвѣщеніе“. VIII+298 стр. Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Сказки русскихъ писателей. Сказочная б-ка. Кіевъ, 1913. Изд. П. И. Бонадурера. 324+II стр. Съ рис.

Сладкоѣжка-Ваня. Стихи для дѣтей средняго возраста. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 12 нен. стр. Съ рис.

Сливицкій, А. М. Лиса Патрикѣевна. Разсказъ. М., 1914. 39 стр. Съ рисунк. Ц. 50 к.

Смирновъ, Ил. Подпасокъ. Разсказъ. М., 1913. Изд. кн. маг. М. В. Клюкина, 8-е. 32 стр. Съ 4 рис. Ц. 40 к.

Соловьевъ, П. Побѣдители сильныхъ. По Сэнъ-Виктору. Б-ка „Тропинка“. Подъ ред. П. Соловьевой и П. Манассеиной. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 44 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Танъ, В. Г. На озерѣ Лочѣ. Повѣсть изъ жизни первобытнаго человѣчества. М., 1914. Изд. С. Куркина. 80 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Ѳ. Въ Московскомъ кремлѣ. Изъ исторіи русской культуры. Вып. X. М., 1913. Изд. В. Думнова. 18 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Въ теремѣ. Изъ исторіи русской культуры. Вып. XIV. М., 1913. Изд. В. Думнова. 19 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Книжное поученіе. Изъ исторіи русской культуры. Вып. XIII. М., 1913. Изд. В. Думнова. 18 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Крестьянскій возъ. Изъ исторіи русской культуры. Вып. XII. М., 1913. Изд. В. Думнова. 14 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Твенъ, Маркъ. Принцъ и нищій. Истор. повѣсть для юношества. Перев. съ англ. А. Рѣпиной. Подъ ред. М. Васильева. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина, 4-е. 240 стр. Съ рис. Ц. 65 к.

Тиличеева, М. В. Букеръ Вашингтонъ. Исторія одного негра. (Обработанъ по его автобіографіи.) Школьная б-ка. М., 1914. 80 стр. Ц. 20 к.

Толстой, Л. Н. Разсказы изъ дѣтской жизни. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 32 стр. Ц. 5 к.

Томпсонъ-Сетонъ, Э. Исторія одного волка. Перев. В. А. Готвальда. Б-ка новой школы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 88 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Тулуповъ, Н. В. Родныя сказки. По Аѳанасьеву и другимъ сборникамъ. М. 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 186 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

— Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для маленькихъ дѣтей. Вып. I. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 11-е. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей. Вып. III и IV. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 10-е. 47+46 стр. Съ рис. Ц. по 15 к.

Тургеневъ, И. С., Чеховъ, А. П. и Майковъ, А. Н. Разсказы для дѣтей русскихъ писателей. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. Маленькая хрестоматія. Вып. IX. Спб., 1913. Изд. Н. С. Аскарханова, 5-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Туръ, Ев. (Гр. Е. В. Саліасъ). Мученики Колизея. Историческій разсказъ для дѣ-

тей средняго и старшаго возраста. Собраніе сочиненій. Спб., 1913. Изд. 8-е. Съ рис. Ц. 1 р.

Уйда. Корзина со сливами. Разсказъ. Перев. М. Ватсонъ. Народы въ разсказахъ своихъ писателей. Итальянцы. Спб., 1913. Изд. В. Яковенко. 20 стр. Ц. 8 к.

Чеховъ, А. П., Гаршинъ, В. М. Тургеневъ, И. С. и др. Разсказы для дѣтей русскихъ писателей. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. Маленькая хрестоматія. Вып. XI. Спб., 1913. Изд. И. С. Аскарханова, 5-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Чиркина, Л. В. Заклинатель змѣй. Повѣсть для юношества. Спб., 1913. Изд. А. Ф. Девріена. 90 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Шведеръ, Е. Большіе и малые. Разсказы. Б-ка „Тропинка". Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. М., 1914. Изд. И. Д. Сытина. 90 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Гимназистки въ гимназіи, дома, на каникулахъ и въ деревнѣ. Спб., 1913. Изд. В. И. Губинскаго. 241 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

— Хорошіе люди. Разсказъ для дѣтей. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 67+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Шмидтъ, О. И. Мурка. Разсказъ. М., 1913. Изд. 7-е, А. Д. Ступина. 48 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Юнигъ, Д. Цыганенокъ. Разсказъ. Пер. съ англ. Каррикъ. Спб., 1914. Изд. „Медвѣженокъ. 40 стр. Съ 4 рис. Ц. 25 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 2. **Бонинъ, Т.** Русско-киргизскій словарь. Вѣрный, 1913. Изд. Переселенч. управл. 43 стр.

Займовскій, С. Г. Полный англо-русскій словарь. Съ указаніемъ произношенія по упрощенной системѣ. М., 1913 Изд. т-ва „Міръ". X+631 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Макаровъ, Н. П., Энгельгардъ, А. Н. и Шееръ, В. В. Полный нѣмецко-русскій словарь. Исправленное и значительно дополненное изданіе съ новой общепринятой нѣмецкой орѳографіей. Спб., 1913. 1,015+VIII стр. Ц. 5 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 10 декабря 1913 г. по 10 января 1914 г.

Абрамовъ, Иванъ. Подъ роднымъ солнцемъ. Кн-во „Жизнь и знаніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Адресъ-календарь Бессарабской губ. 1914 г. Изд. бессарабск. стат. комитета. Ц. 1 р. 20 к.

Альманахъ „Грифъ". М. Ц. 3 р.

Американская агентура харьковскаго общ. сельскаго хозяйства. Бюллетени №№ 3, 4, 5. Харьковъ, 1913 г.

Амфитеатровъ, А. В. Склоненныя ивы. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Бедье. Романъ Тристана и Изольды. Кн-во Некрасова. М., 1913 г. Ц. 1 р.

Бельше, В. Материки и моря въ смѣнѣ временъ. Изд. „Природа". М., 1914 г. Ц. 60 к.

Березинъ, Н. Черезъ страну карликовъ. Спб., 1914 г. Ц. 40 к.

Бондаренко, В. Н. Очерки финансовой политики кабинета министровъ Анны Іоанновны. М., 1913 г. Ц. 3 р.

Брандесъ, Георгъ. Собраніе сочиненій. Т. XX. Польша. Впечатлѣнія. Романтическая литература Польши. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 75 к.

Бунаковъ, А. Методика обученія русскому языку въ сред. учеб. заведеніяхъ. Кн-во В. Карчагина. М., 1914 г. Ц. 75 к.

Васильевскій, М. Н. Игра въ шоги (японскія шахматы). Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г. Ц. 20 к.

— Игра въ шахматы. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. Ц. 15 к.

— Игра въ шашки. Общедоступное руководство. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г. Ц. 15 к.

Вельфлинъ, Г. Ренессансъ и Барокко. Изд. „Грядущій день". Спб.

Вильбрандтъ, Р., проф. Значеніе потребительныхъ обществъ. М., 1914 г. Ц. 20 к.

Внѣшкольное образованіе. Вып. I. Внѣшкольное образованіе въ Лукояновскомъ у. по обслѣдованію 1912 года. Вып. II. Внѣшкольное образованіе въ Макарьевскомъ у. по обслѣдованію 1912 г. Нижній-Новгородъ, 1913 г.

Волжскій, А. С. Въ обители преподобнаго Серафима. Кн-во „Путь". М., 1914 г. Ц. 35 к.

Волошинъ, Максимиліанъ. Лики творчества. Изд. „Аполлонъ". Спб., 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вологодскому губ. зем. собранію вологодской земской управы докладъ № 58—1 „О ходѣ оцѣночныхъ работъ въ 1913 г. и о предстоящихъ работахъ 1914 г.". Вологда, 1913 г.

Вундтъ, Вильгельмъ. Фантазія какъ основа искусства. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1914 г. Ц. 90 к.

Вѣревскій, Г. И. Математика и жизнь. Вып. I. Николаевъ, 1913 г. Ц. 35 к.

Гегель, Г. В. Феноменологія духа. Переводъ подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб., 1913 г. Ц. 2 р.

Гёте. Тайны. Перев. А. А. Сидорова. Кн-во „Лирика". М. Ц. 50 к.

Гинкенъ, Ант. О чтеніи и книгахъ. Вып. I. Спб., 1913 г. Ц. 70 к.

Гладкій, А. Взглядъ художника на жизнь. (По поводу самоубійствъ среди учащихся.) М., 1913 г. Ц. 40 к.

Гольдбергъ, Ис. Тунгусскіе разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 80 к.

Григорьева, О. Что было и чего не было. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1914 г.

Grass, Karl Konrad. Die russischen Sekten. Zweiter Band. Leipzig, 1914.

Гуревичъ, А. В. Философскія из-

слѣдованія и очерки. Кн-во „Трудъ". Ц. 2 р. 50 к.

Гурьевъ, Л. Отъ скуки. Кн. 4-ая.

Дарскій, Д. С. Чудесные вымыслы. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Диссельгорстъ, Р. Строеніе тѣла домашнихъ животныхъ. Перераб. и пер. А. В. Немилова. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дріанъ. Плѣнники моря. Изд. „Юнаго Читателя". Спб., 1913 г. Ц. 60 к.

Дубиновскій, Борисъ. Предутреннія мерцанья. М., 1913 г. Ц. 75 к.

Дурылинъ, С. Церковь невидимаго града. Кн-во „Путь". М., 1914 г. Ц. 50 к.

Дюшенъ, Л. Исторія древней церкви. Т. II. Кн-во „Путь". М., 1914 г. Ц. 2 р.

Ежегодникъ газеты „Рѣчь" на 1914 г. Спб.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Вып. 1913 г. Спб., 1913 г. Ц. 5 р.

Елачичъ, Евгеній. Инстинктъ. Спб., 1913 г.

Ельмановы, Е. и Н. У насъ свой садикъ. Кн-во „Жизнь и знаніе". Спб., 1913 г. Ц. 50 к.

Ельчаниновъ, Н. В. Сборникъ простѣйшихъ опытовъ по природовѣдѣнію. Кн-во „Задруга". М., 1914 г. Ц. 90 к.

Жемчужины русской поэзіи для дѣтей средняго и старшаго возраста. *Собрала Марія Лемке.* Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Живаго, И. Коротай Коротаевичъ. Наивна сказка. Кн-во „Задруга". М., 1913 г.

Жизнь деревни. 1-й сборникъ. Студенческій кружокъ общественной агрономіи при моск. сельскохоз. институтѣ. М., 1913 г. Ц. 1 р. 30 к.

Журналы тверского губернскаго земскаго собранія 48-й очередной сессіи 1912 г. Тверь, 1913 г.

Заринъ-Несвицкій, Ф. Е. Тайна поповскаго сына. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г.

Звоницкая, Агн. Опытъ теоретической соціологіи. Т. I. Кн-во Н. Н. Самоненко. Кіевъ. Ц. 2 р.

Звягинцевъ, Е. А. Инспекція народныхъ училищъ. „Задруга". М., 1914 г. Ц. 40 к.

Золя, Эмиль, Деньги. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Золотая книга сказокъ всѣхъ странъ и народовъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г.

Извѣстія кавказскаго отдѣла Имп. русск. географическаго общества. Т. XXII. Вып. 1. Тифлисъ, 1913 г.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. Морозова и О. М. Шимкевича. Изд. т-ва „Міръ". М.

Кечекьянъ, С. Ф. Этическое міросозерцаніе Спинозы. Кн-во „Путь". М., 1914 г. Ц. 1 р.

Комаровскій, Василій. Первая пристань. Стихи. Спб., 1913 г.

Корелинъ, Мих. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Т. I. Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Короткова, Е. Какъ вырѣзать изъ цвѣтной бумаги. Библіотека И. Горбунова-Посадова. М. Ц. 25 к.

Коробовъ, Я. и Семеновскій, Д. Сребролунный орнаментъ. Кн. I и II. Владиміръ-на-Клязьмѣ. Ц. по 15 к.

Краткій очеркъ состоянія нефтяной промышленности въ 1913 году. Статистическое бюро совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ. Баку, 1913 г.

Крымовъ, Вл. Въ странѣ любви и землетрясеній. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Курская, А. С. Производство часовъ въ Москвѣ и Моск. губ. Изд. семинарія по полит. экон. при моск. в. ж. к. М., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Левитовъ, П. В. Природа половой любви. Екатеринославъ, 1913 г. Ц. 25 к.

Лебедевъ, А. И. Школьное дѣло. Вып. II. Дѣти. Теорія и практика воспитанія. 2-е доп. изд. Нижній-Новгородъ, 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Лекціи, читанныя на курсахъ для агрономовъ 1912 г. М., 1913 г. Ц. 1 р.

Либровичъ, С. Ф. Исторія книги въ Россіи. Ч. I. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г. Ц. 1 р.

— Царица Агафія Семеновна. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г. Ц. 75 к.

Линденъ, А. Дочь венгерскаго вождя. Кн-во „Задруга". М., 1914 г.

Лонгфелло, Генри. Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г.

Лосскій, Н. Интуитивная философія Бергсона. Кн-во „Путь". М., 1914 г. Ц. 70 к.

Лурье, Е. С. Предпринимательскіе союзы по русскому праву. Изд. кн. маг. „Право". Спб., 1914 г.

Миклашевскій, Іос. Очеркъ дѣятельности кіевскаго отдѣленія Имп. рус. муз. общества 1863—1913 гг. Кіевъ, 1913 г.

Маркъ Аврелій наединѣ съ собой. Размышленія. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1914 г. Ц. 2 р.

Моск. гор. нар. университетъ имени А. Л Шанявскаго. Изд. о-ва взаимопомощи слушателей м. г. н. унив. имени А. Л. Шанявскаго. М., 1914 г. Ц. 75 к.

Miletitch, L., Prof., D-r. Atrocités grecques en Macédoine pendant la guerre greco-bulgare. Imprimerie de l'Etat. Sophia, 1913. Prix 2 francs.

Никольскій, А. В., д-ръ. Психіатрическія параллели. (Россія и Германія.) М., 1913 г.

Нижегородскій Ежегодникъ. 1914 г. Нижній-Новгородъ, 1913 г. Ц. 40 к.

Нѣмоевскій, А. Листопадъ и друг. разсказы. Кн-во „Жизнь и знаніе". Спб., 1914 г. Ц. 75 к.

Обзоръ мѣропріятій нижег. губ. земства по народному образованію въ 1912 и 1913 гг. Ч. II. Нижній-Новгородъ, 1913 г.

Огановскій, Н. П. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Кн-во „Задруга". М., 1913 г. Ц. 35 к.

Оксъ, В. Вольные дни великаго Новгорода. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1914 г.

О расширеніи каталога мин. нар. пр. для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній. — О краткосрочныхъ курсахъ для учащихъ земскихъ начальн. училищъ Нижегор. губ. лѣтомъ 1914 года. (Доклады нижег. губ. земск. управы XLIX очередному нижегор. губ. зем. собранію.)

Отчетъ херсонской общественной библіотеки и двухъ ея отдѣленій за 1912 годъ. Харьковъ, 1913 г.

Оцѣночное отдѣленіе пензенскаго губ. земства. Серія I. Геологія. Вып. IV. Чембарскій уѣздъ. М., 1913 г.

Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности харьковскаго комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива изъ горнозаводскаго района юга Россіи. Харьковъ, 1913 г.

Павловъ, Анатолій. Пучокъ камыша. Тифлисъ, 1913 г.

Пастернакъ, Борисъ. Близнецъ въ тучахъ. М. Ц. 50 к.

Педагогическое общ., состоящее при Имп. казанскомъ университетѣ. Труды и протоколы. Т. II. Вып. III. Казань, 1913 г. Ц. 1 р.

Пензенское губернское земство. Итоги оцѣночно-статистическаго изслѣдованія Пензенской губерніи. Вып. I. Ц. 75 к. Вып. IV. Ц. 1 р. Вып. V. Ц. 1 р. Пенза, 1913 г.

Переселенческое управленіе. Статистическій отдѣлъ. Вып. I. 1913 г. Омскъ.

Петруненко, Е. Созерцанія. Ц. 25 к.

Петрушевскій, Д. М., проф. Общество и государство у Гомера. Кн-во „Задруга". М., 1913 г. Ц. 20 к.

Пименова, Ѳ. Канада, страна великихъ озеръ. Изд. „Юнаго Читателя". Ц. 35 к.

— Полярный Робинзонъ. Изд. „Юнаго Читателя". Спб., 1914 г. Ц. 40 к.

Письма А. П. Чехова. Т. IV. Кн-во писателей въ Москвѣ. М., 1914 г. Ц. 2 р.

Подворная перепись крестьянскаго хозяйства. Вып. VI и VII. Изд. пензенскаго губ. земства. Пенза, 1913 г.

Подворная перепись Симбирской губерніи 1910—11 гг. Вып. IX. Изд. симб. губ. земства. Симбирскъ, 1913 г.

Покровскій, Н. Современные взгляды на оперу. Спб., 1914 г. Ц. 40 к.

Полферовъ, Я. Я. Сельскохозяйственныя рабочія руки. (Статистико-экономическій очеркъ.) Спб., 1913 г.

Практическія занятія нар. учителей при музеѣ нагляд. пособій нижег. губ. земства лѣтомъ 1913 г. Нижній-Новгородъ, 1913 г.

Проспер, Мериме. Избранные разсказы. Кн-во Некрасова. М., 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Радецкій, Вадимъ. Во что играть? 25 комнатныхъ игръ для всѣхъ возрастовъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г. Ц. 25 к.

Разборъ проекта общихъ основаній оцѣнки пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель Вятск. губ. Изд. малмыжск. уѣздн. земства. Малмыжъ, 1913 г.

Разинъ, А. Е. Настоящій Робинзонъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г.

Ремизовъ, Алексѣй. Докука и балагурье. Кн-во „Сиринъ", Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренниковъ, А. Тихая заводь. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Родниковъ, В. Очерки по вопросамъ народнаго чтенія и народной литературы. Кіевъ, 1914 г. Ц. 25 к.

Розановъ, И. Н. Русская лирика. Историко-литературные очерки. „Задруга". М., 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Романовская, А. и **Ремъ, Д.** Морскіе камешки. Стихотворенія. М., 1913 г.

Русскій денежный рынокъ. 1908—1912 гг. Особенная канцелярія по кредитной части министерства финансовъ.

Русаковъ, В. Замѣчательные русскіе мальчики. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Рыбаковъ, Ѳ. Е. Циклофренія. (Круговой психозъ.) М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рыстенко, А. В., проф. Замѣтки о сочиненіяхъ Алексѣя Ремизова. Одесса, 1913 г.

Сафоновъ, С. А. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Сванте, Арреніусъ. Представленіе о строеніи вселенной въ различныя времена. Изд. „Природа". М., 1914 г. Ц. 1 р.

Симаковъ, В. И. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярославль, 1913 г. Ц. 2 р.

„Сиринъ". Сборникъ второй. Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Silex, проф., д-ръ. Краткій учебникъ глазныхъ болѣзней. Перев. съ нѣм. подъ ред. д-ра мед. М. І. Авербаха. Кн-во „Космосъ". М., 1914 г. Ц. 2 р.

Снарскій, А., д-ръ. Курсъ гигіены. Ч. I. Тифлисъ, 1913 г. Ц. 55 к.

Сосновскій, Д. И. Охрана памятниковъ природы на Кавказѣ. Записки кавк. геогр. общ. Тифлисъ, 1913 г.

Софоклъ. Драмы. Т. I. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1914 г. Ц. 3 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Автобіографія. Двѣ части. Перев. подъ ред. проф. Л. Е. Владимірова. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Справочникъ по нижегородскому общ. управленію на 1914 г. Нижній-Новгородъ, 1913 г.

Струве, П. Теорія политической экономіи и исторія хозяйственнаго быта. Рѣчь на диспутѣ 10 ноября 1913 г. Спб., 1913 г.

— Крѣпостное хозяйство. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1913 г. Ц. 2 р.

Съѣздъ русскихъ фабрикантовъ земледѣльческихъ машинъ и орудій въ 1912—1913 гг. М., 1913 г.

Сѣрошевскій, В. Сыны неба. Изд. „Юнаго Читателя". Ц. 25 к.

Тарле, Е. В. Континентальная блокада. Кн-во „Задруга". М., 1913 г. Ц. 4 р.

Текстъ автора Степки-Растрепки. Говорящія животныя. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Толстой, Левъ. Собраніе сочиненій. Т. IV. Воскресеніе. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фарадей, М., проф. Исторія свѣчи. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г.

Фердинандсъ, К. Свайный поселокъ. Кн-во „Задруга". М., 1914 г.

Флоренскій, Павелъ, свящ. Столпъ и утвержденіе истины. Кн-во „Путь". М., 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фоэ, де. Мой первый Робинзонъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Фромантэнъ, Эженъ. Старые мастера. Бельгія—Голландія. Кн-во „Проблемы эстетики". М., 1914 г.

— Старинные мастера. Изд. „Грядущій день". Спб. Ц. 3 р.

Харди, Лиліенъ. Дневникъ дѣтскаго сада. Кн-во „Задруга". М., 1914 г.

Чарская, Л. А. На всю жизнь. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1913 г.

— Тринадцатая. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб.

Чериковеръ, И. М. Исторія общества для распространенія просвѣщенія между евреями. Т. I. Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шишковъ, Н. А. Начала общественной жизни. Изд. „Юнаго Читателя". Спб., 1913 г. Ц. 15 к.

Штаркъ, Вольдемаръ Густавъ. Безплодіе. М., 1914 г. Ц. 1 р. 20 к.

Эмпирикъ, Секстъ. Три книги Пирроновыхъ положеній. Труды с.-петербургскаго философскаго общества. Спб., 1913 г.

Эркманъ-Шатріанъ. Исторія новобранца 1813 г. Кн-во „Задруга". М., 1914 г. Ц. 25 к.

Яновскій, С. Я. и Кастелянскій. Справочная книга по вопросамъ эмиграціи. Спб., 1913 г. Ц. 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ И МАГАЗИНЪ

М. П. МЕЛЬНИКОВА.

С.-Петербургъ, Литейный просп., № 57. Телефонъ 82-77.
Фирма основана въ 1888 году.

Высылаю наложеннымъ платежомъ. При болѣе крупныхъ заказахъ требуется задатокъ 1/4 суммы. Періодически выходящіе каталоги высылаю безплатно. Составляю и пополняю всевозможныя библіотеки по сходнымъ цѣнамъ по возможности безъ задержки. Цѣны безъ пересылки.

Каталогъ № 76 французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и другихъ книгъ вышелъ и высылается безплатно.

Между прочимъ, предлагаю слѣдующія книги:

Помяловскій, Н. Г. Полное собраніе сочин. 2 т. Москва, 1914 г., ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Свѣдѣнцовъ, Н. Руководство къ изуч. сценич. искусства. 2 части съ прилож. искусства гримироваться. Спб., 1887 г., ц. 3 р. за 2 р.

Коганъ, П. С. Міросозерцаніе Бѣлинскаго. Москва, 1911 г., ц. 1 р. 35 к. за 1 р.

Шестовъ, Л. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб., 1898 г. 282 стр., ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Словарь литер. типовъ. Вып. I. Тургеневъ. 144 стр., ц. 1 р. за 75 к.

Прокоповичъ, С. Н. Мѣстн. люди о нуждахъ Рос. Спб., 1914 г. 275 стр., ц. 2 р. за 1 р.

Лютгенау, Ф. Естеств. и соц. религ. Спб., 1908 г. 280 стр., ц. 1 р. за 40 к.

Геродотъ. Истор. въ 9 книгахъ, т. I съ тремя картами. Москва, 1888 г., ц. 2 р. 75 к. за 2 р.

Сперанскій, А. А. Изъ литературы древн. Египта. Вып. I. Разсказъ о 2-хъ брат. Первоисточ. сказаній о Кощеѣ и друг. сюжетовъ народн. творчества. Спб., 1906 г. 270 стр., ц. 1 р. 80 к. за 1 р. 25 к.

Щеголевъ, П. Е. Историч. этюды. Радищевъ, Гоголь, Вл. Раевскій, Грибоѣдовъ, Муравьевъ-Апостолъ, кн. Ѳ. Шаховской. Спб., 1913 г. 450 стр., ц. 3 р. за 2 р.

Карѣевъ, Н. Идеалы общ. образ. Спб., 1909 г. 130 стр., ц. 40 к. за 30 к.

Юшкевичъ, П. Матеріализмъ и критич. реал. Спб., 1908 г. 190 стр., ц. 1 р. за 60 к.

Ефименко, А. Южная Русь. II т. Спб., 1905 г., ц. 4 р. за 2 р. 50 к.

Коновницынъ, А. И. 1812—1912 г. Подв. славн. предковъ въ годину отечеств. войны. Спб., 1912 г. Со многими иллюстр., ц. 2 р. за 1 р. 25 к.

Манженъ, А. Воздухъ и возд. міръ. 550 стр. со мног. рисунк. за 1 р.

Общедоступный чтецъ-декламаторъ. Со многими портр. Т. I, ц. 1 р. 25 к. за 75 к.

Полный чтецъ-декламаторъ. Т. II, со мног. портр., ц. 1 р. 25 к. за 1 р.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. Т. IV. Спб., 1903 г., ц. 2 р. за 1 р. 25 к.

Тоже. Т. V. Спб., 1914 г., ц. 2 р. 40 к. за 1 р. 40 к.

Володихинъ, И. Архитектурный стиль. Ч. I. Стили древн. міра. Съ рисунк. Спб., 1898 г. 190 стр., ц. 2 р., за 1 р. 50 к.

Бальмонтъ, К. Гимны, пѣсн. и замыслы древнихъ: Египт., Мекс., Майя, Перу, Халдея, Ассир., Индія, Иранъ, Китай, Океанія, Скандинавія, Эллада, Бретань. Спб. Въ изящн. коленкор. пер., за 1 р.

Джеромъ, К. Павелъ Кельверъ. Исторія одного семейства. Спб., 1903 г., 365 стр., ц. 1 р. 75 к., за 75 к.

Іонинъ, А. По Южной Америкѣ. Въ обработкѣ для юношества. Спб. Съ географической картой Америки и со многими иллюстр. 400 стр., ц. 3 р. 50 к., за 2 р.

Хозяйка дома. Подар. бережл. хоз. дома и заботлив. матери семейства. Съ рисунками, 350 стр., за 1 р.

Поповъ. И., проф. Породы домашн. животныхъ и птицъ. Съ 264 рисунками. Спб., 1910 г. 330 стр., за 1 р. 50 к.

Систематическій указатель статей по рудничн. дѣлу. Помѣщ. въ главнѣйшихъ горно-техническ. журналахъ на русск., нѣм. и франц. яз. и книгъ по горн. искусству. Подъ ред. горн. инж. Овсянникова. Спб., 1907 г., ц. 5 р., за 2 р.

Гузнъ, Р. Раціональное кормл. дом. животныхъ. Спб., 1911 г. 370 стр., за 1 р. 50 к.

Попугаи, попул. настольн. кн. для любит. этихъ птицъ. Одесса, 1898 г., ц. 40 к., за 25 к.

Райсъ, К., д-ръ. Естеств. мет. лѣч. простудн. болѣзн. Москва, 1899 г., ц. 60 к., за 30 к.

Смирновъ, П. Какъ дѣлаютъ мыло. Изд. четв. Спб., 1909 г., ц. 30 к., за 15 к.

Ляминъ, А. А. Теорія таинственнаго. Сновидѣнія, гипнотизмъ, спиритизмъ. Изд. второе, 1910 г. 220 стр., ц. 1 р., за 60 к.

Папюсъ. Философія оккультиста. Спб., 1908 г. 150 стр., ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

С. Г. Искупленіе. Романъ. Спб., 1911 г. 370 стр., ц. 1 р. 50 к., за 60 к.

Седиръ. П. Индійск. факиризмъ. Изд. второе. Спб., 1912 г., ц. 1 р., за 50 к.

Вексельманъ, В., д-ръ. Лѣченіе сифилиса діоксидіамидоарсенобензоломъ предполож. проф. Эрлиха, съ 15 рисунками въ текстѣ и 16 табл., въ чет. краск. Спб., 1911 г., ц. 4 р. 50 к. за 2 р.

Добросовѣстное и внимательное отношеніе къ интересамъ заказчиковъ.

Официальнымъ учрежденіямъ заказы исполняются безъ задатка.

Книгоиздательство и книжный магазинъ **„Общеполезное Чтеніе“,**

И. Г. МАЛМЫГО.

С.-Петербургъ, Суворовскій пр., 5, телеф. 107-31.

Предлагаетъ пол. соб. соч. рус. и иностран. писателей. Высылаетъ налож. платеж. по первому требованію. Пересылка по казенному тарифу за счетъ заказчика, упаковка за счетъ магазина.

Приложенія къ „Нивѣ“ и др.

Аксаковъ. 1 т.—50 к.
Баратынскій. 2 т.—50 к.
Байронъ. 3 т. Изд. Брокгауза и Ефрона, въ хорош. переплетѣ. Вмѣсто 24 р. за 16 р.
Боборыкинъ. 12 т.—2 р. 50 к.
Буссенаръ. 40 т.—5 р.
Бѣлинскій. 4 т.—3 р.
Всемірная Исторія. 34 т.—3 р.
Гамсунъ. 18 т.—2 р. 25 к.
Ганъ. 6 т.—1 р.
Гауптманъ.—1 р. 50 к.
Гнѣдичъ. 10 т.—1 р. 50 к.
Гоголь. 12 т.—2 р. 50 к.
Гоголь. Полн. соч. въ 1 т. иллюстр. хор. изд. за 1 р. 30 к. Въ колен. пер. 2 р. 25 к.
Головинъ. 1 т.—50 к.
Гончаровъ. 12 т.—6 р. 50 к.
Горбуновъ. 4 т.—80 к.
Григоровичъ. 12 т.—6 р.
Державинъ. 4 т.—1 р. 25 к.
Диккенсъ. 20 т.—3 р.
Достоевскій. 24 т.—15 р.
Достоевскій. 21 т. Изд. „Просвѣщеніе“, въ колен. пер.—25 р.
Дюма (отецъ). 40 т.—4 р. 60 р.
Жаколіо. 18 т.—3 р. 50 к.
Жуковскій. 12 т.—1 р. 20 к.
Жуковскій. Полн. собр. соч. въ 1 т. иллюстр. хорош. изд. за 1 р. 30 к., въ колен. пер. 2 р. 25 к.
Загоскинъ. 2 т.—2 р. 25 к.
Ибсенъ. 18 т.—2 р. 50 к.
Карамзинъ. (Исторія.) 12 т.—3 р.
Квитко-Основяненко. 1 т.—40 к.
Конанъ-Дойль. 20 т.—3 р. 50 к.
Крестовскій, Всев. 8 т.—8 р.
Лермонтовъ. Въ 1 т. съ иллюстр. хорош. изд. за 90 к., въ колен. пер.—1 р. 50 к.
Лѣсковъ. 36 т.—3 р. 50 к.
Марріэтъ. 24 т.—3 р. 50 к.
Мей. 8 т.—1 р.
Мельниковъ-Печерскій. 22 т.—4 р.
Мопассанъ. 15 т.—3 р.
Невѣжинъ. 12 т., въ коленк. перепл.—12 р.
Ожешко. 12 т., въ колен. переп.—10 р.
Островскій. 12 т., въ колен. пер.—18 р.
Писемскій. 33 т.—5 р.
Писемскій. 24 т., въ коленк. пер.—12 р.
Плоссъ, Г., д-ръ. Женщина, естествовѣдѣніе и народовѣдѣніе. 2 больш. тома (вѣсъ 5 ф.), 1080 стр., около 1000 рис. Полн. перев. докт.-мед. В. Н. Рамма. Раньше стоилъ 10—12 р., теперь съ перес. въ Европейскую Россію—3 р. безъ перепл. и 4 р. въ коленк. перепл.
Поль-де-Кокъ. 12 т. хор. изд. за 8 р., въ кол. пер. за 12 р.
Помяловскій. 5 т.—1 р.
Потѣхинъ. 12 т., въ кол. пер.—12 р.
Прусъ, Б. 5 т. бол. форм. за 6 р., въ кол. пер. за 9 р.
Пушкинъ. Пол. соч. въ 1 т. съ иллюстр. хорош. изд. за 1 р. 30 к., въ перепл. 2 р. 15 к.
Салтыковъ-Щедринъ. 40 т.—5 р
Самаровъ. 20 т.—2 р.
Сенкевичъ. Въ 7 т. за 6 р., въ кол. пер. за 9 р.
Слѣпцовъ. 1 т. за 2 р.
Спенсеръ. 7 т. за 10 р., въ кол. пер. за 13 р. 90 к.
Станюковичъ. 40 т.—4 р.
Соловьевъ, Всев. 10 т.—7 р.
Толстой, А. Н. 12 т.—3 р. 50 к.
Тургеневъ.—9 р.
Уайльдъ. 8 т.—1 р. 50 к.
Успенскій, Глѣбъ. 28 т.—3 р.
Фетъ. 6 т.—1 р. 25 к.
Чеховъ. 18 т. за 1903 г.—6 р.
Чеховъ. 12 т. за 1911 г.—3 р.
Шекспиръ. 4 т. хор. изд. за 5 р., въ кол. пер. за 8 р.
Шекспиръ. 5 т. Изд. Брокгауза и Ефрона. Въ хор. пер. Вмѣсто 40 р. за 22 р.
Шеллеръ-Михайловъ. 50 т.—3 р.
Шиллеръ. 4 т. Изд. Брокгауза и Ефрона, въ хорош. перепл. Вмѣсто 32 р. за 18 р.
Шубинъ. 22 т. за 2 р.
Ясинскій. Пол. соб. пов. и разск. 4 т. за 3 р.
Энциклопедическій словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. 86 т., въ пер. Вм. 258 р. за 125 р.
Малый энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. 4 т., въ пер.—11 р.
Тайны вѣценосцевъ. 40 т.—3 р.
Форель, Авг., проф. Половой вопросъ. 2 т., лучш. изд. Вм. 2 р. 50 к. за 85 к.
Вейнингеръ, Отто. Полъ и характеръ.—Вм. 2 р. за 75 к.
Отвѣтъ Вейнингеру. Исповѣдь женщины.—10 к.
Галлерея русскихъ писателей и художниковъ. Съ 216 портр. и біогр. Сост. Мартовъ.—75 к.
Сто русскихъ писателей. Альбомъ. Портреты. Біограф. данныя. Образцы произведеній. Сост. Никольскій. Въ роск. кол. пер. — Вм. 3 р. 50 к. за 1 р. 25 к.
Любовныя похожденія. М-ме Вербицкой. (Новая женщина).— Вм. 1 р. 25 к. за 50 к.
Окончаніе романа „Ключи счастья“ Вербицкой. Побѣжденные. — Вм. 1 р. 35 к. за 50 к.
Окончаніе „Ямы“, Куприна. — Вм. 1 р. за 50 к.
Евг. Сю. Вѣчный жидъ. Ром. пер. съ франц. 8 изд. исправ. въ 3 т. 1632 стр. за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 10 к.
Животовъ. (Розовое домино). Цыганъ Яшка. Ром. въ 3 част. съ портр. авт., 792 стр. за 75 к., съ перес. 1 р. 10 к.
Животовъ. (Розовое домино). Макарка душегубъ. Ром. изъ петерб. жизни. Изд. 6-е безъ пропусковъ, 612 стр. за 50 к., съ перес. 90 к.
Животовъ. (Розовое домино). Лѣшій баринъ. Ром. въ 2-хъ част., 407 стр. за 50 к., съ перес. 75 к.
Толстой, Л. Н. 6 т. за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 15 к.
Толстой, Л. Н. Крейцерова соната съ послѣсловіемъ (текстъ безъ сокращеній), на велен. бум. съ 8 иллюстр. на отд. листахъ. Вм. 75 к. за 40 к., съ перес. 60 к.
Женщина домашній врачъ. Анны Фишеръ-Дюккельманъ. Съ 448 рис. за 3 р. 50 к. безъ пер. и за 4 р. 25 к. въ коленк. съ золот. тисн. пер. съ перес.
Акимовъ. Сводъ гражданскихъ законовъ. Съ разъясненіемъ правительствующаго сената съ алфавитными, сравнительными и др. указателями и приложеніемъ Высочайше утвержденныхъ 3 іюня 1902 г. правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. Изд. 4-е. Ц. 2 р., за 1 р.
Уголовное уложеніе. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Ц. 50 к., за 30 к.
Коссе, Л. Исторія экономическихъ ученій. Ц. 1 р. 50 к., за 60 к.
Вилліамъ, Г. и Яценко, И. Новый, полный толковый словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, содержащій болѣе 30,000 словъ, большой т., 500 стр. Изд. 1913 г. Ц. 1 р.
Коллекція Флауэра. (Законы Духовнаго Преобладанія.) Хорош. изд. въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Ц. 15 р., за 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.

Каталогъ книгъ высылается безплатно.

Для большаго ознакомленія см. №№ 3, 5, 8, 10 и 12.

Высылаю книги по всѣмъ рекламамъ и объявленіямъ по ихъ цѣнамъ и дешевле.

2-й годъ изданія. | 2-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1914-й годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ.

Органъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.

Въ 1914 году журналъ „Кооперативная Жизнь“ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, книжками отъ 4 до 5-ти печатныхъ листовъ.

Желая болѣе своевременно и живо откликаться на всѣ злободневные вопросы кооперативной жизни, Редакція, сохраняя всѣ отдѣлы, обратитъ особое вниманіе на полноту отдѣла „Кооперативная жизнь въ Россіи“.

Что касается статей теоретическаго характера и болѣе значительныхъ по объему, то таковыя будутъ выходить **сборниками** въ видѣ приложеній къ „Кооперативной Жизни“. Такихъ отдѣльныхъ **приложеній** объемомъ отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ въ 1914 году подписчики получатъ **не менѣе четырехъ книжекъ.**

Редакціонный Комитетъ: М. П. Авсарнисовъ, Е. И. Анисимовъ, В. А. Кильчевскій, В. А. Краснокутскій, прив.-доц., А. Е. Кулыжный, В. А. Перелешинъ—Предсѣдатель Комитета, В. Ѳ. Тотоміанцъ, прив.-доц.—Секретарь Комитета. Завѣдующій отдѣломъ „Кооперативная жизнь въ Россіи“—А. А. Евдокимовъ.

Подписная плата за 24 №№ журнала и 4 книжки приложеній остается прежней *пять* рублей въ годъ, 3 рубля на ½ года.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, 15, кв. 5. Тел. 3-19-13.

Отдѣльный номеръ для ознакомленія высылается за двѣ семикопеечн. марки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на ежемѣсячный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ журналъ

Годъ изданія III. | Годъ изданія III.

ПРИРОДА.

Въ редактированіи отдѣловъ участвуютъ:

Маг. геогр. С. Г. Григорьевъ, проф. Н. К. Кольцовъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. К. Д. Покровскій, ассист. по каѳ. физ. геогр. С. А. Совѣтовъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, ст. минер. Акад. Паукъ А. Е. Ферсманъ, проф. Н. А. Шиловъ, пр.-доц. В. В. Шипчинскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Химія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія.—Микробіологія.—Медицина.—Гигіена.— Общая біологія. — Зоологія.—Ботаника.—Антропологія.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.

Въ журналѣ, между прочими, принимаютъ участіе:

Проф. С. В. Аверинцевъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. И. Бахметьевъ, проф. А. М. Безрѣдко (Парижъ), Б. М. Беркенгеймъ, проф. Н. Н. Боргманъ, прив.-доц. В. А. Бородовскій, П. А. Бѣльскій, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, акад. проф. П. И. Вальденъ, проф. Б. Ф. Вериго, акад. проф. В. И. Вернадскій, проф. Г. В. Вульфъ, М. П. Гольдсмитъ (Парижъ), проф. В. В. Завьяловъ, проф. В. Р. Заленскій, проф. А. А. Ивановъ, проф. А. В. Клоссовскій, прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ, І. Д. Лукашевичъ, д-ръ Е. И. Марциновскій, проф. А. К. Медвѣдевъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. П. Г. Меликовъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. И. И. Мечниковъ (Парижъ), А. Э. Мозеръ, Н. А. Морозовъ, проф. А. В. Нечаевъ, М. В. Новорусскій, В. Л. Омелянскій, проф. А. В. Павловъ, прив.-доц. І. Ф. Полакъ, А. А. Рихтеръ, Н. А. Рубакинъ, проф. А. В. Сапожниковъ, проф. С. М. Танатаръ, астрон. Пулк. обсерв. Г. А. Тиховъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. Л. А. Чугаевъ, прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ, проф. Е. А. Шульцъ, проф. А. Н. Щукаревъ, прив.-доц. А. И. Ющенко, проф. А. И. Яроцкій и многіе другіе.

Условія подписки: на годъ (съ дост. и перес.)—5 р., на ½ года—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 25 к., на 1 мѣс.—50 к., за границу на годъ—7 р.

Комплекты всѣхъ №№ за 1912 и 1913 гг. высылаются каждый по полученіи 5 р., въ роскошномъ переплетѣ—6 р. 50 к.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11.

4 р. въ годъ за 24 книги.	**БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.** Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.	ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913—14 г. (5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всестороннее отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О типѣ журнала „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Проспектъ журнала высылается безплатно.

Подписная цѣна: на годъ 4 р., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к. Подписной годъ начинается съ 1 сентября. Можно подписываться съ 1 числа кажд. мѣс.

Контора и редакція: Москва, Мерзляковск. пер., д. 6. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. Редакторъ: В. Крандіевскій.

III годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 годъ** III годъ изданія.

на ежемѣсячный журналъ

ЗАВѢТЫ.

Издаваемый при ближайшемъ участіи: Р. В. Иванова-Разумника, А. И. Иванчина-Писарева, С. Мстиславскаго, С. П. Постникова, В. М. Чернова.

Постоянные отдѣлы:

Дѣла и Дни.—В. Вѣчева (В. Чернова). Литература и общественность.—Иванова-Разумника. По градамъ и весямъ.—М. Пришвина. Свое и чужое (русская жизнь).—С. Мстиславскаго.

Въ январьскомъ № за 1914 г. будетъ напечатано: Леонидъ Андреевъ.—„Три ночи“. Иванъ Вольный.—Романъ „Юность“ (I ч. романа „Юность“, напечатанная въ 1913 г., подписчикамъ на 1914 г. будетъ разослана безплатно). М. П. Пришвинъ.—„Змѣиный хуторъ“. Ал. Толстой.—Разсказъ. А. И. Иванчинъ-Писаревъ.—„Воспоминанія о Гл. Успенскомъ“. Ивановъ-Разумникъ.—Литература въ 1913 г. С. Метальниковъ.—„Проблемы безсмертія въ современной біологіи“. Викторъ Черновъ.—„Н. К. Михайловскій“ и др.

Сотрудники: Н. Авксентьевъ, Ю. Балтрушайтисъ, С. Венгеровъ, Б. Вороновъ, Н. Гекеръ, Г. Зинкинъ, Е. Звягинцевъ, Закъ, В. Евгеньевъ, И. Игнатовъ, М. Исаевъ, А. Дорманъ, В. Лункевичъ, Г. Лагарделль, К. Качоровскій, Б. Камковъ, А. Керенскій, С. Мартыновъ, П. Морозовъ, П. Огановскій, А. Пругавинъ, П. Ракитниковъ, Э. Серебряковъ, Скиеъ, Н. Сорокинъ, Н. Сухановъ, Б. Черненковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 12 мѣс.—10 р.; на 6 мѣс.—5 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—85 к. За границу 13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к.

Принимается льготная коллективная подписка.

Подписчикамъ на 1914 г. романъ В. Ропшина **„То, чего не было“** (3 книги за 1912 г. и 3 книги за 1913 г.) высылается за 5 руб.

Въ 1912 году напечатано: И. Бунина („Веселый дворъ“), В. Винниченко („Исторія Акимова здавія“), Ивана Вольнаго („Повѣсть о днях моей жизни“), М. Горькаго („Рожденіе человѣка“), М. Пришвина („Иванъ-Осляничекъ“), А. Ремизова („Бисеръ малый“), В. Ропшина („То, чего не было“), С. Сергѣева-Ценскаго („Около моря“), И. Сургучева („Торговый домъ“), К. Тренева („Владыка“) и др.

Въ 1913 году напечатано: В. Ропшина („То, чего не было“), Л. Добронравова („Новая буря“), И. Вольнаго („Юность“), Ал. Толстого („Насильники“), И. Шмелева („Поденка“), А. И. Иванчина-Писарева (Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“), Е. Замятина („Уѣздное“), А. Ремизова („Свѣтъ неумирающій“), М. Коцюбинскаго („Именинный подарокъ“), М. Пришвина („Славны бубны“), В. Шишкова („Краля“) и др.

Комплектъ за 1912 г.—5 р. Комплектъ за 1913 г.—7 р. Всѣ №№ за 1912 и 1913 гг. разосланы подписч. и наход. въ продажѣ. Арестъ съ конфискованныхъ №№ снятъ.

Подписка принимается: Въ Спб.—въ конторѣ журнала, Рыночная, 10. Въ Москвѣ складъ журнала—книжн. магазинъ „Наука“, Бол. Никитская.

Издательница С. А. Иванчина-Писарева. Редакторъ И. И. Краевскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста“. Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 к.

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не привѣтствовать поэтому переводъ одной изъ самыхъ выдающихся его пьесъ, сдѣланный опытной и искусною рукою . . . .

„Вѣстникъ Европы“, кн. 5, 1912 г.

. . . .

Легендарный образъ Фауста глубоко интересовалъ многихъ, большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ поэтовъ. Знаменитъ „Фаустъ“ геніальнаго Гёте, немногимъ извѣстна замѣчательная драматическая поэма глубоко-оригинальнаго нѣмецкаго поэта Николая Ленау, мало распространенъ „Фаустъ“ Клингеманна. Произведеніе Марло до перевода К. Д. Бальмонта русскимъ читателямъ было совершенно неизвѣстно.

...„Фаустъ“ Марло попалъ въ хорошія руки: переводъ К. Д. Бальмонта превосходенъ. Издана книга изящно. Стоимость ея, конечно, не высока.

„Сибирская Жизнь“ № 86, отъ 17 апрѣля 1912 г.

Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ. „Жизнь, дѣянія и гибель Фауста“. Перев. съ нѣмецк. со вступит. статьей и примѣчаніями А. Лютера. Цѣна 1 р. 80 к.

. . . . После гетевскаго, клингеровскій „Фаустъ“ самое крупное и глубокое произведеніе изъ всѣхъ другихъ, написанныхъ на эту тему. Своего героя Клингоръ отождествляетъ съ майнцскимъ типографщикомъ Іоанномъ Фаустомъ, однимъ изъ первыхъ мастеровъ печатнаго дѣла. Это хотя и противорѣчитъ нѣмецкимъ народнымъ преданіямъ, но зато даетъ возможность Клингеру развить интересные мотивы. Въ противоположность гетевскому, Фаустъ Клингера терзается не столько метафизическими вопросами, сколько этическими и въ этомъ отношеніи всецѣло находится подъ вліяніемъ идей Руссо. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ надо привѣтствовать, какъ полезное пособіе для изученія эпохи Гёте.

„Рѣчь“, № 20, 21 января 1913 г.

. . . .

. . . .

Давно пора русскому интеллигенту ознакомиться съ „Фаустомъ“ Клингера и издательство К. Ф. Некрасова прекрасно сдѣлало, издавъ переводъ А. Лютера, добросовѣстный и литературный и снабженный интереснымъ біографическимъ очеркомъ и обстоятельными примѣчаніями.

„Рижская Мысль“, № 1682, 4 марта 1913 г.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно. Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 р. за пересылку не платятъ. Книги высылаются также и съ наложеннымъ платежомъ. Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія въ Россіи.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ“

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 3 лин., 48. Телеф. 187—67.

Спеціальность склада исполненіе заказовъ всякаго рода библіотекъ — общественныхъ, учебныхъ заведеній и проч., а также земскихъ книжныхъ складовъ. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Особая постановка дѣла даетъ возможность, складу исполнять всѣ заказы съ исключительной быстротой и особой тщательностью. Заказы исполняются какъ съ наложеннымъ платежомъ, такъ и съ расчетомъ по полученіи и провѣркѣ книгъ— по желанію заказчика. Рядъ лестныхъ отзывовъ отъ нашихъ заказчиковъ.

Изданія книгоиздательства „ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ“.

Эдвинъ Эдсеръ. Оптика. Съ добавленіями и подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Ц. 3 р. 60 к., въ пер. 3 р. 90 к. и 4 р. 60 к.

Хвольсонъ, О. Д. Засл. проф. Принципъ относительности. Общедоступное изложеніе. Ц. 50 к.

Экскеръ, Ф., проф. О законахъ въ естественныхъ и въ гуманитарныхъ наукахъ Ц. 40 к.

Эдсеръ Эдвинъ. Общая физика. Ред. проф. Боргмана. Ц. 3 р. 80 к., въ пер. 4 р. 10 к. и 4 р. 60 к.

Оствальдъ, В. Основы физической химіи. Ред. проф. Веймарна. Ц. 5 р., въ пер. 6 р.

Хвольсонъ, О. Д. Проф. Сохраненіе и разсѣяніе энергіи. Ц. 40 к.

Рубакинъ. Среди книгъ, т. I—2 р., т. II—3 р.

Ульяновъ. Какъ покупать книги. Ц. 10 к.

Оствальдъ, В. Важнѣйшія свойства коллоиднаго состоянія матеріи. Ц. 40 к.

Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и эѳиромъ. Ц. 20 к.

Новости науки. Спб., вып. I. Ц. 50 к.

Робертсонъ. Бѣлковыя вещества. Ред. проф. Зелинскаго. Ц. 2 р.

Веймарнъ. Проф. Основы десперсоидологической теоріи истинныхъ растворовъ. Ц. 40 к.

Примѣрные каталоги для народныхъ библіотекъ. Ц. 15 к.

Примѣрные каталоги для библіотекъ низшихъ учебн. заведеній. Ц. 10 к.

Сергѣевъ Единство въ основѣ космоса. Ц. 95 к

Владиславлевъ. Русскіе писатели. Ц. 1 р.

Систематическій указатель литературы за 1912 г. Ц. 90 к.

Систематическій каталогъ книгъ склада по всѣмъ отраслямъ знанія и по беллетристикѣ. Цѣна 20 коп.

Систематическій каталогъ книгъ по естествознанію и математикѣ (выходитъ изъ печати). Цѣна 20 коп.

12 кн. съ безпл. прилож. „Совр. Россія“. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.** **4 руб. въ годъ.**

(2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

На ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ.

Журналъ „Сѣверныя Записки“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности.

Удѣляя главное вниманіе интересамъ нашей страны и своеобразнымъ особенностямъ переживаемаго ею момента, редакція „Сѣв. Зап.“, кромѣ 12 книгъ журнала дастъ своимъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ безплатное приложеніе

Современная Россія.

„Современная Россія“ составитъ книгу изъ оригинальныхъ, спеціально написанныхъ для этого изданія статей, размѣромъ свыше 360 стр. (болѣе 20 печатн. листовъ). Въ отдѣльной продажѣ книга будетъ стоить 2 р. 25 к.

Въ эту книгу войдутъ слѣдующія очерки: I. Государственная и политическая жизнь современной Россіи. II. Экономическое положеніе, промышленность и торговля. III. Сельское хозяйство и аграрный вопросъ. IV. Рабочее движеніе и соціальное законодательство. V. Религіозная Россія. VI. Военная Россія. VII. Національный вопросъ. VIII. Соціализмъ въ Россіи. IX. Формы самодѣятельности. X. Просвѣщеніе. XI. Журналистика. XII. Литература, искусство, театръ. XIII. Наука. XIV. Техника. XV. Философія. XVI. Правовыя идеи. XVII. Культура. XVIII. Россія въ освѣщеніи Европы. XIX. Россія въ освѣщеніи современной литературы. XX. Указатель и библіографія.

Въ „Современной Россіи“ примутъ участіе: проф. М. М. Ковалевскій, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Бор. Черненковъ, С. Мстиславскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, I. Бикерманъ, П. И. Бирюковъ, Н. Быховскій, М. Брагинскій, И. Брусиловскій, В. Водовозовъ, В. Каратыгинъ, Ѳедоръ Степпунъ, Б. Яковенко, Гр. Ландау, Я. Сакеръ и др.

Въ 1914 г., начиная съ января мѣс., въ „Сѣверныхъ Запискахъ“ будетъ печататься романъ С. Сергѣева-Ценскаго „Преображеніе“.

Кромѣ того, будутъ помѣщены повѣсти и разсказы: **Ив. Бунина, Ив. Вольнаго, Бориса Зайцева, А. Кипена, Алекс. Ремизова, М. Пришвина, Бор. Садовского, А. Чапыгина, К. Тренева и др.**

Въ журналѣ участвуютъ:

Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, I. М. Бикерманъ, А. Бискъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив. Бунинъ, В. В. Водовозовъ, Ив. Вольный, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, Н. Л. Геккеръ, Н. Гумилевъ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, А. Дерманъ, Ю. Делевскій, В. П. Дзюбинскій, Бор. Зайцевъ, Л. С. Закъ, проф. Ф. Ѳ. Зѣлинскій, В. Жирмунскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, А. А. Кипенъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Ѳ. Керенскій, С. А. Клычковъ, Г. А. Ландау, проф. Н. Н. Лапшинъ, И. О. Лернеръ, Г. Н. Машковцевъ, С. Мстиславскій, Н. С. (Н. Н. Добровольскій), К. Д. Оберучевъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, С. Я. Парнокъ, М. Пришвинъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, Борисъ Садовской, Я. Л. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, Н. М. Соколовъ, В. Б. Станкевичъ, Ѳ. А. Степпунъ, И. Сургучевъ, К. Треневъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугендгольдъ, С. Франкъ, Л. Б. Хавкина, Н. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Б. Шимановскій, А. П. Чапыгинъ, В. Н. Чарнолускій, Б. Н. Черенковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Б. М. Эйхенбаумъ, Б. Яковенко и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. Съ пересылкой и приложеніемъ на годъ—4 р.; на 6 мѣс.—2 р. 50 к. Безъ приложенія на 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—6 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала С.-Петербургъ, Загородный пр., 21. Тел. 563-49, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Книжнымъ магазинамъ уплачивается 5% при передачѣ годовой платы. На иные сроки подписка отъ книжныхъ магазиновъ не принимается. Подробные проспекты высылаются безплатно.

Издательница **С. И. Чацкина.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 г. НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

(третій годъ изданія).

„Украинская Жизнь“ въ 1914 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Письма изъ россійской Украины и изъ Галиціи.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова.**—На текущія темы; **Дм. Донцова.**—Письма изъ Галиціи.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: „На Украинѣ и внѣ ея“ (Извѣстія, замѣтки, сообщенія и т. д.), „Библіографія“ и „Литературная лѣтопись“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 годъ

на еженедѣльный журналъ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ С.-Петербургѣ съ 1 іюля 1912 г.

Изданіе этого журнала вызывается сознаваемою широкими кругами церковнаго общества потребностью въ безпристрастномъ, правдивомъ, научно обоснованномъ и чуждомъ партійной односторонности освѣщенія вопросовъ современной церковной жизни. Мы живемъ, повидимому, наканунѣ болѣе или менѣе крупныхъ церковныхъ преобразованій. Дѣятельность новыхъ законодательныхъ учрежденій часто соприкасается съ церковной сферой. Духовенство начинаетъ принимать все болѣе дѣятельное участіе въ государственной жизни, поприще которой открыто для него избирательнымъ закономъ. Между тѣмъ, нѣтъ такого органа печати, который обслуживалъ бы всѣ многообразные, вызываемые указанными обстоятельствами, интересы какъ духовенства, такъ и всего православнаго русскаго церковнаго общества. Восполнить этотъ недостатокъ ставитъ себѣ задачей нашъ журналъ.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. К. М. Агеевъ, проф. П. Д. Андреевъ, А. Н. Брянчаниновъ, Н. А. Бердяевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. И. М. Гревсъ, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремовъ, проф. П. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, чл. Гос. Думы, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, проф. А. В. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, чл. Гос. Думы Н. Н. Львовъ, проф. И. Х. Озеровъ, А. А. Папковъ, В. П. Соколовъ, чл. Гос. Думы И. В. Титовъ, проф. П. В. Тихоміровъ, проф. В. Н. Экземплярскій, кн. Е. Н. Трубецкой и друг.

Съ 1914 г. при журналѣ **„Церковно-Общественный Вѣстникъ"** будетъ издаваться двухмѣсячный журналъ **„Христіанское Обозрѣніе"** книжками не менѣе 10 печ. листовъ каждая (въ годъ 6 кн.—60 печ. листовъ), посвященный вопросамъ религіи, науки и литературы. Въ журналѣ кромѣ отд. ст. будетъ вестись обозрѣніе всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ, хроника религіозной жизни у насъ и за границей, критика и библіографія.

Ближайшимъ сотрудникомъ **„Церковно-Общественнаго Вѣстника"** В. П. Соколовымъ при участіи свящ. К. М. Агеева будетъ издаваться съ 1914 г. **„Проповѣдническій Листокъ"**.

Подписная цѣна на **„Церковно-Общественный Вѣстникъ"** та же, т.-е. на годъ—4 р., на $1/2$ года—2 р., на 3 мѣсяца—1 р., на 1 мѣсяцъ—50 к. съ доставкой и пересылкой. Цѣна № въ продажѣ 10 к., съ пересылкой 14 к.

Подписная цѣна на журналъ **„Христіанское Обозрѣніе"**—4 р. въ годъ съ дост. и пересылкой, а подписная цѣна на **„Церковно-Общественный Вѣстникъ"** и **„Христіанское Обозрѣніе"** вмѣстѣ—6 р. въ годъ.

Подписная цѣна на **„Проповѣдническій Листокъ"**—2 р. въ годъ, а подписная цѣна на **„Церковно-Общественный Вѣстникъ"** и **„Проповѣдническій Листокъ"** вмѣстѣ—5 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

При одновременной подпискѣ на всѣ три журнала—7 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

На **„Христіанское Обозрѣніе"**, **„Проповѣдническій Листокъ"**, а равно на **„Церковно-Общественный Вѣстникъ"** съ тѣмъ или инымъ приложеніемъ принимается только годовая подписка.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—С.-Петербургъ, Васильевскій остр., 7 л., д. 72, кв. 23, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи.

Контора журналовъ открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 час. дня.

Иногороднихъ просятъ адресовать всю корреспонденцію по адресу: Спб., Вас. островъ, 7 л., д. 72, кв. 23. Пробный № журнала „Церковно-Общественнаго Вѣстника" высылается безплатно по сообщеніи адреса.

Редакторъ-издатель А. Н. Брянчаниновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II-й г. издан. — на **1914** годъ — II-й г. издан.

на иллюстрированные 2-хъ недѣльные

ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ.

Самый легкій и интересн. способъ изученія иностр. языковъ и постояннаго освѣженія въ памяти пріобрѣтенныхъ свѣдѣн. Иностран. текстъ снабжается многочислен. ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, дѣлающими его понятнымъ даже ЛИЦАМЪ СЪ САМОЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ.

Чтеніе этихъ журналовъ не требуетъ поэтому НИКАКОГО НАПРЯЖЕНІЯ, служитъ ПОЛЕЗНЫМЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕМЪ и даетъ возможн. шутя пріобрѣсти солидныя позн. по языкамъ.

Употребленіе словаря излишне.

Программа:

1) Широко поставленные беллетристич. и юмористич. отдѣлы, въ которыхъ печатаются произведенія лучшихъ иностранныхъ писателей. 2) Обзоры текущей и общественной жизни и выдающ. событій въ области науки, искусства, техники, изобрѣтеній, спорта, авіаціи и проч. 3) Иллюстраціи, фотограф., карикатуры. 4) Шарады, задачи, ребусы. 5) Практическіе разговоры. 6) Грамматическій отдѣлъ (въ видѣ отдѣльной книги).

„LE PETIT FIGARO"

(на французскомъ языкѣ)

„DIE LUSTIGE WELT"

(на нѣмецкомъ языкѣ).

12 Кромѣ 24 номеровъ журнала и грамматики, гг. подписчики каждаго журнала получатъ въ 1914 году 12 книгъ **ежемѣсячныхъ приложеній** избранныхъ произведеній французскихъ или нѣмецкихъ писателей съ полнымъ переводомъ и комментаріями. **12**

Условія подписки на каждый журналъ:

Безъ прилож.: на 1 годъ—**3** р., 1/2 г.—**1** р. **60** к., 1/4 г.—**90** к. Съ приложен.: на 1 годъ—**5** р., 1/2 г.—**2** р. **75** к., 1/4 г.—**1** р. **50** к. Отдѣльн. №№ по **20** к.

Комплекты №№ каждаго журнала за 1913 г. высыл. налож. платеж. 3 р. 20 к.

Изд-ское Т-во „БЛАГО", Спб., Николаевская, д. 44-у.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº. Москва.
1914.

